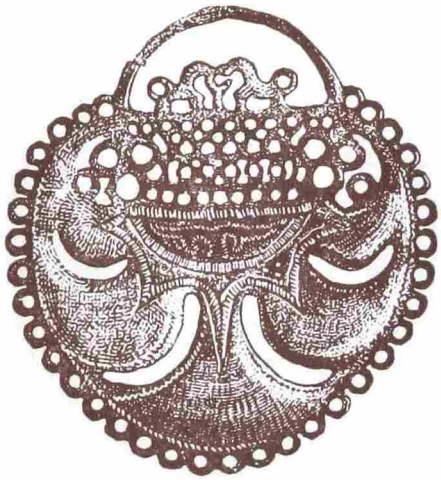
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1974

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1974

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

М. Ф. Косарев (Москва). К проблеме западносибирской культурной общности 3
С. Н. Кореневский (Москва). О металлических топорах майкопской культуры 14
К. Ф. Смирнов (Москва). Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э.— II в. н. э. (историко-археологический очерк) . . 33
Т. Н. Троицкая (Новосибирск). Вооружение населения Новосибирского Приобья в конце I тысячелетия до н. э. 45
В. И. Кадеев (Харьков). Об этнической принадлежности носителей имени Σκύθας в Херсонесе Таврическом 56
Р. И. Пругло (Ленинград). К вопросу о дате кургана Большая Близница . 64
Н. А. Онайко (Москва). Заметки о технике боспорской торевтики 78
Д. Л. Талис (Москва). Росы в Крыму 87
М. Х. Алешковский (Москва). Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV веков 100
Ю. А. Краснов (Москва). Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных 112
Т. В. Гусева (Москва). Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая 125

Публикации

Г. В. Григорьева (Ленинград). Позднепалеолитическая стоянка Рашков VIII 142
В. С. Титов, В. И. Маркевич (Москва, Кишинев). Новые данные о западных связях позднего Триполья 150
Л. Т. Пьянкова (Душанбе). Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка . . 165
Б. А. Раев (Ленинград). Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана . 181
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Забытая коллекция бронзовых антропоморфных изображений 190
В. А. Кузнецов, А. П. Рунич (Орджоникидзе, Пятигорск). Погребение аланского дружинника IX в. 196
Л. В. Алексеев (Москва). Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) 204
Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков (Усть-Каменогорск). Каменные изваяния Верхнего Прииртышья 220

Заметки

В. Я. Сергин (Москва). О размере первого палеолитического жилища в Юдинове 236
Л. И. Хлопина (Ленинград). Новый тип орудий эпохи бронзы (Южная Туркмения) 240
А. П. Журавлев (Петрозаводск). Древнейшая мастерская по металлообработке меди в Карелии 242
Э. В. Шавкунов (Владивосток). Каменный чекан из Южного Приморья . 246
А. И. Айбабин (Феодосия). Варварский рельеф из Феодосии 248
Н. И. Асташова (Москва). Энколпион из Гнездова 249

© Издательство «Наука» «Советская археология», 1974 г.

К. И. Комаров (Москва). Погребение дружинника во втором Пекуновском могильнике на Верхней Волге 251
Л. С. Гераськова (Ворошиловград). Половецкая статуя из с. Чернухино 256
С. А. Плетнева (Москва). Женская половецкая статуя с ребенком 258
В. В. Седов (Москва). Межевой камень XIV в. из Изборска 262
А. Я. Каковкин (Ленинград). Армянская надпись на чаше из Кравеника 265
Р. А. Даутова, Х. М. Мамаев (Грозный). Аланская катакомба XIV в. у сел. Ушкалой 266

Критика и библиография

В. М. Массон (Ленинград). С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968 270
А. К. Амброз (Москва). R. Hachmann. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970 274
Л. С. Клейн (Ленинград). R. Hachmann. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970 278
В. А. Могильников (Москва). Сборник «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970 284
В. Г. Пуцко (Ростов—Ярославский). Э. А. Лапковская. Прикладное искусство средних веков в Государственном Эрмитаже. М., 1971 293
В. В. Седов (Москва). Т. С. Кондукторова. Антропология древнего населения Украины. М., 1972 297
А. П. Уманский (Барнаул). А. И. Мартынов. Археология СССР. Программа для исторических факультетов педагогических институтов. М., 1970 . . 301

Хроника

В. И. Распопова, Э. С. Шарафутдинова (Ленинград). Дискуссия о характере обмена и торговли в древних обществах 305
Сокольский Николай Иванович 313

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, И. С. Каменецкий, М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов (зам. главного редактора), *В. С. Титов* (отв. секретарь)

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Адрес редакции:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Тел. 126-94-45

М. Ф. КОСАРЕВ

К ПРОБЛЕМЕ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

Среди сибирских археологов популярны термины «западносибирская общность», «урало-сибирская общность», «восточноуральская этнокультурная провинция» и др., при помощи которых исследователи стремятся подчеркнуть этнокультурную монолитность Урала и Западной Сибири в эпоху камня и бронзы [1]. Археологические исследования последних лет позволяют во многом уточнить эту традиционную точку зрения.

Существование на Урале и в Западной Сибири единой культурной или этнокультурной общности можно с известной долей вероятности предполагать лишь для ранних этапов неолита, но даже это весьма гипотетичное мнение мы не в состоянии подтвердить сейчас сколько-нибудь вескими археологическими свидетельствами. Дело в том, что ранненеолитические памятники Западной Сибири практически неизвестны. До сих пор они найдены почти исключительно в лесостепных и южнотаежных районах Зауралья [2], которые хотя примыкают территориально к Западно-Сибирской равнине, составляют незначительную ее часть — не более 10% от всей площади Западной Сибири. Тем не менее некоторые косвенные данные — например, длительное сохранение в орнаментации томско-нарымской посуды черт, характерных для ранненеолитической керамики Зауралья (рис. 1, *48—65*), присутствие автохтонных зауральских узоров в орнаментах раннежелезной и средневековой посуды таежного Приобья (волна, псевдоплетенка, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны и др.; рис. 2) — позволяют думать, что все эти ранненеолитические орнаментальные реликты на поздней западносибирской керамике могли быть обусловлены существованием в далеком прошлом единого для Зауралья и Западной Сибири культурного субстрата. Не исключено, однако, что длительное переживание зауральских ранненеолитических орнаментов на керамике разновременных культур Обь-Иртышья является не показателем древнего этнокультурного единства, а свидетельством разновременных миграций в пределах этой территории носителей определенного орнаментального комплекса.

Ранненеолитическая керамика Зауралья по отдельным особенностям орнамента обнаруживает сходство с кельтеминарской неолитической посудой Приаралья, на что неоднократно указывал В. Н. Чернецов [3]. Некоторые исследователи выделяют черты, свидетельствующие о генетической близости зауральской ранненеолитической посуды керамике типа Спер-

---

[1] Историографию вопроса см. *В. И. Мошинская.* Об основных направлениях и тенденциях в изучении бронзового века Урала. «Проблемы археологии Урала и Сибири». Сб. памяти В. Н. Чернецова. М., 1973.

[2] *В. Н. Чернецов.* К вопросу о сложении уральского неолита. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968.

[3] *В. Н. Чернецов.* Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953, стр. 31.

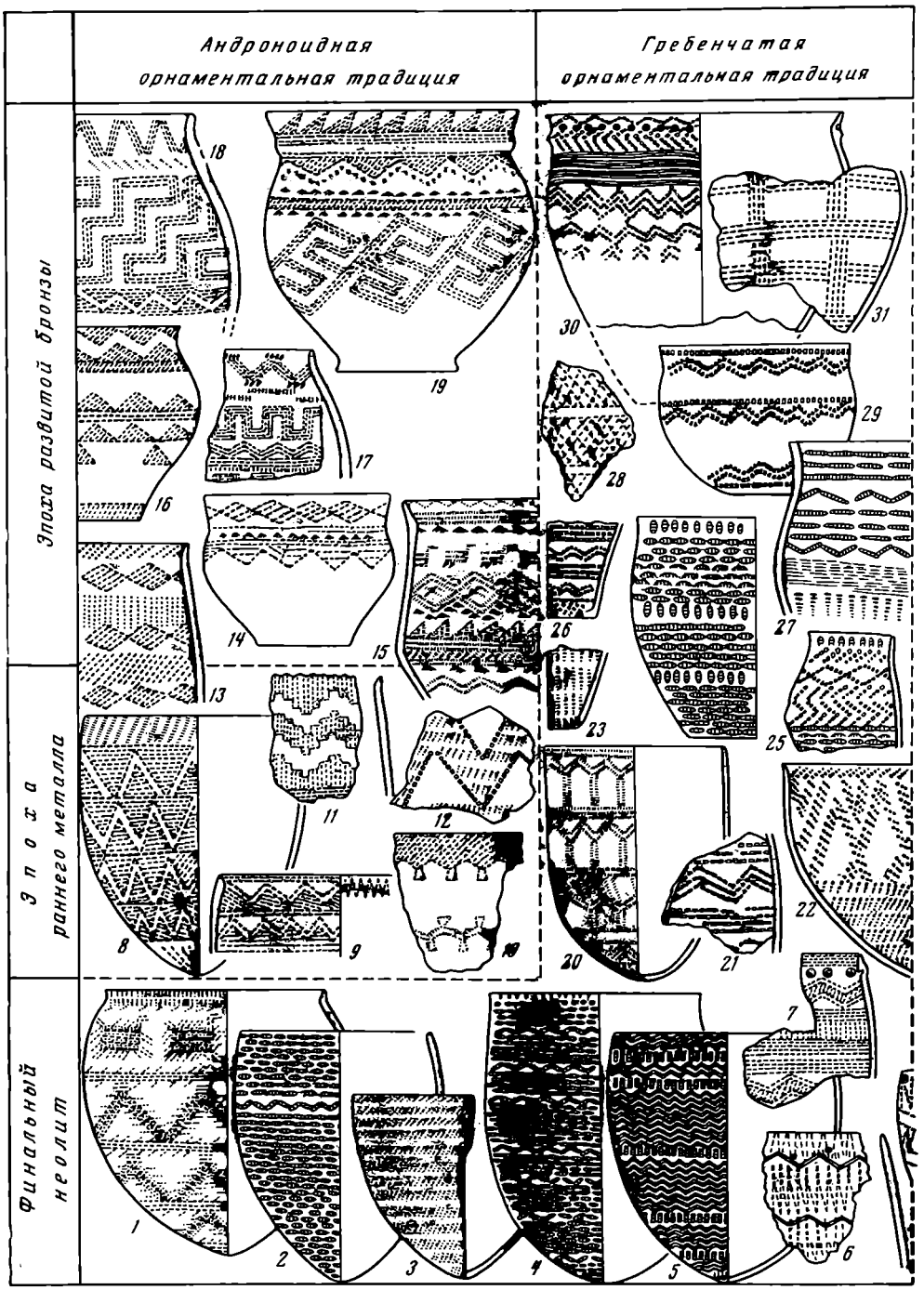
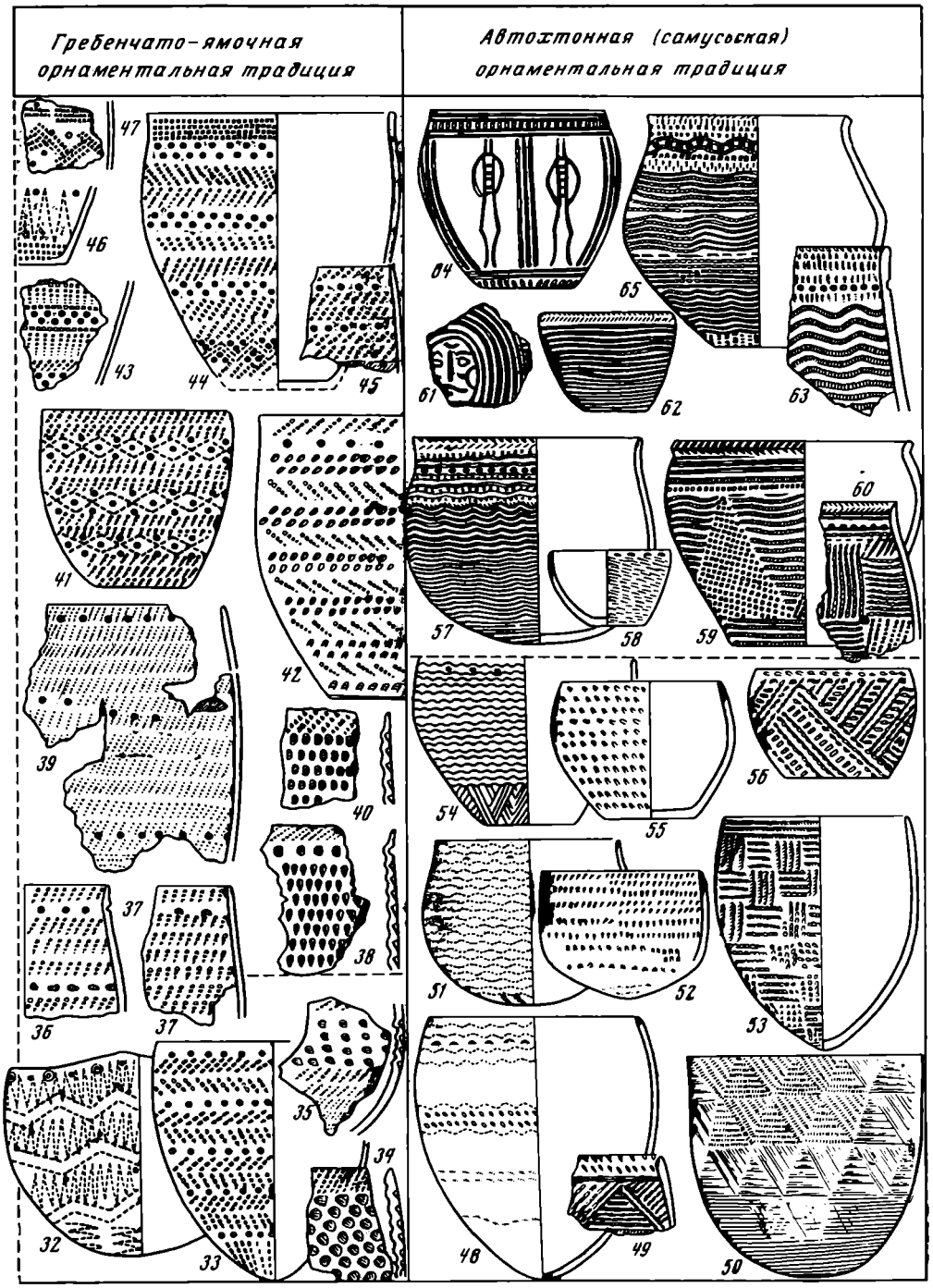


Рис. 1. Преемственность традиционных орнаментальных комплексов на керамике Зауралья и Западной Сибири в конце неолита и в бронзовом веке.

1 — Чебаркульская стоянка (Челябинская обл.); *2*, *3*, *11* — Абселямовская стоянка (Челябинская обл.); *4*, *21*, *23*, *36* — Андреевское озеро близ Тюмени (сборы разных исследователей в 1920—1930 гг.); *5* — стоянка Честыйяг в низовьях Оби (Тюменская обл.); *6*, *24*, *25*, *38*, *40*, *42* — стоянка Ипкуль — I в бассейне р. Иски (около 50 *км* севернее Тюмени); *7*, *32* — стоянка Сосновый остров в бассейне р. Иски; *8* — Аятская правобережная стоянка в бассейне р. Туры (Свердловская обл.); *9* — стоянка Касы-Куль (Челябинская обл.); *10* — местонахождение у Аятского озера (Свердловская обл.); *12* — Исетское озеро у Свердловска; *13*, *26* — Липчинская стоянка в бассейне р. Туры (Свердловская обл.); *14* — курганный могильник у с. Спасского (Челябинская обл.); *15* — селище Новая III близ Свердловска; *16* — Сухомлеево, Южный Урал; *17*, *18* — поселение Баланбаш близ Магнито-



горска; *19* — Федоровский могильник (Челябинская обл.); *20* — Шигирский торфяник в верховьях р. Нейвы (бассейн р. Туры, Свердловская обл.); *22, 30, 31*— Кокшаровское I поселение в верховьях р. Юрьи (бассейн р. Туры, Свердловская обл.); *27* — поселение Лая близ Нижнего Тагила; *28* — Горбуновская II стоянка в окрестностях Нижнего Тагила; *29* — могильник Черняки I в Челябинской обл.; *33* — Няксимволь (низовья Оби, Тюменская обл.); *34* — стоянка Байрык I в бассейне р. Иски; *35* — поселение Ипкуль VIII в бассейне р. Иски; *37* — Екатерининская стоянка в низовьях р. Тары (Омская обл.); *39* — поселение Одино на р. Ишиме (Тюменская обл.); *41, 44* — Большеларьякское поселение на р. Вах (Томская обл.); *43* — поселение Малгет в бассейне Васюгана (Томская обл.); *45—47, 57—65* — поселение Самусь IV в низовьях р. Томи (Томская обл.); *48* — Лавровская стоянка в верховьях р. Чижапки (Томская обл.); *49* — окрестности Томска; *50* — стоянка Киприно (Новосибирская обл.); *51—53* — Самусьский могильник в низовьях р. Томи (Томская обл.); *54—56* — могильник на Мусульманском кладбище на окраине Томска.

рингс [4] и днепро-донецкой [5]. Для позднего неолита, представленного сейчас значительным материалом, этнокультурная карта зауральско-западносибирской территории выглядит яснее. Накануне эпохи металла здесь достаточно четко фиксируются три большие культурные области:

1. Гребенчатая культурная область, локализовавшаяся в основном в Восточном Зауралье (рис. 1, *1—7*). Посуда этого ареала находит ряд аналогий в керамике предуральского гребенчатого неолита, что справедливо отмечал О. Н. Бадер [6].

2. Автохтонная (самусьская) культурная область, для керамики которой была характерна отступающая или накольчатая техника нанесения узоров (рис. 1, *48—50*); она занимала преимущественно юго-восточную часть обского бассейна (верхняя Обь, томско-чулымский район, Нарымское Приобье). На посуде этих районов Приобья продолжают бытовать орнаменты, характерные в свое время для зауральской ранненеолитической керамики — отступающая палочка, волнистые линии, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны и т. д. Интересно, что в Восточном Зауралье, откуда известна самая ранняя керамика с автохтонной (самусьской) орнаментальной традицией, этот набор узоров в позднем неолите полностью исчез, уступив место гребенчатой орнаментации (рис. 1, *1—7*).

3. Гребенчато-ямочная культурная область (рис. 1, *32—35*), уходившая основной частью своей территории в таежные районы Приобья. Южная периферия этой культурной области заходила далеко на юг, в ишимско-иртышскую лесостепь, вклиниваясь между гребенчатым и автохтонным (самусьским) ареалами. Керамика этой обширной территории, особенно из таежных стоянок, по своему орнаментальному комплексу, а также по особенностям композиции (однообразное чередование рядов гребенки с горизонтальными рядами ямок) находит аналогии в посуде позднеолитических культур ямочно-гребенчатого круга лесной зоны Восточной Европы [7].

Таким образом, в позднем неолите на зауральско-западносибирской территории существовали одновременно по крайней мере три культурные области (общности) — гребенчатая, гребенчато-ямочная и автохтонная (самусьская). Касаясь вопроса о генетическом соотношении этих культурных ареалов, можно предположить, что гребенчатый неолит Зауралья находится приблизительно в такой же степени родства с гребенчато-ямочным неолитом Обь-Иртышья, как предуральский (волго-камский) гребенчатый неолит с гребенчато-ямочным неолитом Восточной Европы; гребенчатый и гребенчато-ямочный неолит Зауралья и Западной Сибири соотносятся с ранненеолитической культурой Зауралья, давшей начало автохтонной (самусьской) орнаментальной традиции, приблизительно так же, как гребенчатый и ямочно-гребенчатый неолит Предуралья и Восточной Европы с ранненеолитическими культурами типа днепро-донецкой и Сперрингс.

В эпоху раннего металла для посуды южной части зауральской (гребенчатой) культурной области становится характерным своеобразный гребенчатый геометризм (рис. 1, *8—12*), во многом предвосхищающий геометрические узоры на андроновской (федоровской), баланбашской и черкаскульской керамике (рис. 1, *13—19*). Особенно богатый набор геометрических элементов в орнаментации дает энеолитическая посуда лесостепного и южнотаежного Зауралья, в частности Челябинская область

---

[4] *Н. Н. Гурина.* Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР. МИА, 166, 1970, стр. 149; *Ю. В. Титов.* О культуре Сперрингс. Сб. АИК. Л., 1972, стр. 40—42.

[5] *Л. Я. Крижевская.* Неолит Южного Урала. Л., 1969, стр. 119; *Н. Н. Гурина.* Ук. соч., стр. 149; *Ю. В. Титов.* Ук. соч., стр. 42.

[6] *О. Н. Бадер.* Уральский неолит. МИА, 166, 1970, стр. 163.

[7] *Г. М. Буров.* Древний Синдор. М., 1967 (см. керамику II и III групп); *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, рис. 25—31; *Ю. А. Савватеев.* Неолитические поселения в бассейне р. Выг. Сб. АИК. Л., 1972, рис. 8, 9.

Рис. 2. Элементы автохтонного (самусьского) орнаментального комплекса на керамике и бронзовом литье поздних культур Западной Сибири.

1 — городище Усть-Полуй в низовьях Оби (Тюменская обл.); *2* — поселение в Салехарде; *3—5* — Смолокуровское городище на р. Чулым (Томская обл.); *6* — Степановское культовое место близ Томска; *7* — городище Шеломок на р. Томи, выше Томска (Томская обл.); *8, 9* — Кижировское городище в низовьях Томи (Томская обл.); *10*— поселение близ пос. Кыштовка на р. Таре (Новосибирская обл.); *11* — р. Чая (Томская обл.); *12* — Парабельский клад (пос. Парабель, Томская обл.); *13* — городище Барсучье на р. Иске в 50 *км* севернее Тюмени (Тюменская обл.). *1—12* — железный век; *13* — начало II тысячелетия н. э.; *6, 11, 12* — бронза, остальное — глина.

и юго-восточная Башкирия [8]. В более северных, таежных районах Зауралья продолжают развиваться позднеолитические гребенчатые традиции, почти не осложненные геометрическими элементами. На первых этапах бронзового века здесь сохраняется почти весь набор традиционных черт орнамента, характерных для местного гребенчатого неолита (рис. 1, *20—31;* ср. рис. 1, *1—7*).

В начальные периоды эпохи металла автохтонный (самусьский) ареал расширяется далеко на запад — в лесостепные, а отчасти в степные районы Ишимско-Иртышского междуречья. В период своего наивысшего расцвета (около второй трети II тысячелетия до н. э.) культуры самусьского круга занимали обширнейшие лесостепные и южнотаежные пространства между Ишимом и Енисеем (Самусьское IV поселение в низовьях р. Томи, рис. 1, *57—65*; Ростовкинский могильник близ Омска [9], поселение Черноозерье VI в центральной части Омской обл. [10]; Логиновское городище на Ишиме [11], поселение Вишневка I в Северном Казахстане [12] и др.). Есть основания предполагать, что отдельные восточные группы, родственные самусьцам, проникли вплоть до низовий Тавды и Туры. В эпоху раннего металла в гребенчатую и гребенчато-ямочную керамику Андреевского озера (район Тюмени) и озер бассейна р. Иски (около 50 *км* севернее Тюмени) внедряются многие элементы автохтонного (самусьского) орнаментального комплекса — отступающая техника нанесения узоров, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны, волнистые линии, псевдоплетенка и т. д. (керамика липчинского типа) [13]. Совмещение на отдельных сосудах элементов двух орнаментальных традиций наблюдается здесь и на первых этапах бронзового века.

Посуда эпохи бронзы северных районов Западной Сибири продолжает украшаться в традиционной гребенчато-ямочной манере, утвердившейся там в конце неолитической эпохи (рис. 1, *38—47*; ср. рис. 1, *32—37*). Керамика с гребенчато-ямочным орнаментом обычна на поселениях бронзового века в тюменско-тобольском районе (поселения Ипкуль I, II, VIII в бассейне р. Иски; раскопки Западносибирской экспедиции, 1972 г.), на юге Ямала (сборы Л. П. Хлобыстина, 1960-е годы), в окрестностях Салехарда и Тазовского (раскопки Л. П. Лашука, 1960-е годы), в бассейне Ваха [14] и др.

Таким образом, для II тысячелетия до н. э. можно говорить о существовании в Зауралье и Западной Сибири четырех культурных областей — андроноидной (рис. 1, *14—19*), гребенчатой (рис. 1, *23—31*), гребенчато-ямочной (рис. 1, *39—47*) и автохтонной (самусьской, рис. 1, *57—65*), из которых последние три продолжают развивать традиционные орнаментальные комплексы, сложившиеся еще в неолитическую эпоху.

Следует отметить, что типологически гребенчатый орнаментальный комплекс занимает как бы промежуточное место между андроноидным и гребенчато-ямочным, особенно тесно смыкаясь с последним. Так, для гре-

---

[8] *Н. П. Кипарисова.* О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, 2, рис. 7, *4, 6—11, 13*; *Г. Н. Матюшин.* К проблеме энеолита Южного Урала. Сб.: «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, рис. 1; *М. Ф. Косарев.* Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы. СА, 1972, 2, рис. 2, *31, 44—46, 48—51.*

[9] *В. И. Матющенко, Г. В. Ложникова.* Раскопки могильника у дер. Ростовка близ Омска в 1966—1969 гг. Сб.: «Из истории Сибири», 2. Томск, 1969.

[10] *В. Ф. Генинг, Т. М. Гуснецова, О. М. Кондратьев* и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья. Сб.: «Проблемы хронологии...», рис. 1, *50, 51, 53, 54.*

[11] *В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов.* Логиновское городище. ВАУ, 8, Свердловск, 1969, табл. 52, *7—15.*

[12] *В. Ф. Зайберт.* Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим. КСИА АН СССР, 134, 1973, рис. 40, 41.

[13] *М. Ф. Косарев.* Отчет о работе Западносибирской археологической экспедиции за 1972 г. Архив ИА АН СССР, № 4812а, рис. 6.

[14] *В. А. Посредников.* Археологические работы на р. Вах. Сб.: «Из истории Сибири». 2.

бенчатой и гребенчато-ямочной керамики одинаково характерны крупнозубый штамп, однообразное заполнение поверхности сосудов рядами гребенчатых оттисков, горизонтальное членение орнаментального поля. С андроноидной керамикой ее сближает наличие в орнаментации некоторых геометрических мотивов (рис. 1, *7*, *22*, *25* и др.). Таким образом, гребенчатый орнаментальный комплекс эпохи бронзы не так специфичен и четок, как одновременные ему андроноидный, гребенчато-ямочный и автохтонный (самусьский) орнаментальные комплексы, которые совершенно несопоставимы (ср. рис. 1, *14—19*; 1, *39—45*; 1, *57—65*).

В III и II тысячелетиях до н. э. границы рассмотренных культурных ареалов неоднократно менялись. В эпоху раннего металла и в развитом бронзовом веке местом стыка этих культурных областей было чрезвычайно насыщенное проточными озерами предтаежное и южнотаежное Притоболье. Памятники этого времени на Андреевском озере и в бассейне р. Иски дают сложную стратиграфическую картину, свидетельствующую о взаимопроникновениях здесь разных в культурном отношении групп населения. Позднее ареной наиболее активных контактов носителей андроноидной, гребенчатой, гребенчато-ямочной и автохтонной (самусьской) орнаментальных традиций становится Томско-Нарымское Приобье.

Около XIII в. до н. э. самусьская и генетически близкие ей культуры в юго-восточной части обского бассейна прекратили свое существование. В пределы обитания самусьского и родственного ему населения вторглись носители культур восточноуральского происхождения. Это движение шло в основном двумя параллельными миграционными потоками: население с гребенчато-ямочной керамикой заняло преимущественно северные районы Томско-Нарымского Приобья, андроновские (федоровские) племена освоили главным образом лесостепную зону Иртыша, Оби и Енисея. Миграционная волна, видимо, захватила и носителей гребенчатой орнаментальной традиции. На памятниках Томской области вместе с гребенчато-ямочной и андроновской часто встречается гребенчатая посуда, вызывающая явные восточноуральские ассоциации (Десятовское поселение в низовьях Чулыма [15], Еловский II могильник на юге Томской обл. [16]). В лесостепном и южнотаежном Обь-Иртышье известны памятники этого времени, где посуда с гребенчатым орнаментальным комплексом составляет основную массу керамического материала (Томский могильник на Малом мысу) [17].

До сих пор не вполне ясны судьбы самусьского и родственного ему населения, которое обитало ранее в лесостепной и южнотаежной зонах междуречья Ишима и Енисея. Вероятней всего, бо́льшая часть самусьцев была вытеснена западными пришельцами в северные районы Приобья. Во всяком случае, в дальнейшем эпизодические возвращения элементов автохтонной (самусьской) орнаментальной традиции в южнотаежную и лесостепную зоны Западной Сибири были всегда связаны с давлением на юг северного населения (молчановская и гамаюно-каменогорская культуры переходного времени от бронзового века к железному; кулайская культура железного века; релкинская культура раннего средневековья). Элементы самусьского орнаментального комплекса живут на керамике таежных западносибирских культур вплоть до рубежа I и II тысячелетий н. э. (рис. 2).

Ближе к концу II тысячелетия до н. э., т. е. уже на сравнительно поздних этапах бронзового века, усиливаются проникновения на север, в пределы гребенчато-ямочного ареала, южных андроновских групп. Андроновская (федоровская) керамика известна сейчас в низовьях Томи, Чулыма и даже

[15] *М. Ф. Косарев.* Отчет о работах Нарымского отряда Западносибирской экспедиции за 1966 г., рис. 9, *2*. Архив ИА АН СССР, № 3326.

[16] *В. И. Матющенко.* Исследования Еловского могильника II. Сб.: «Из истории Сибири», 2, табл. 25, *4—6*; 26, *9*.

[17] *М. Н. Комарова.* Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, 24, 1952, рис. 16, *1, 5, 8, 9*.

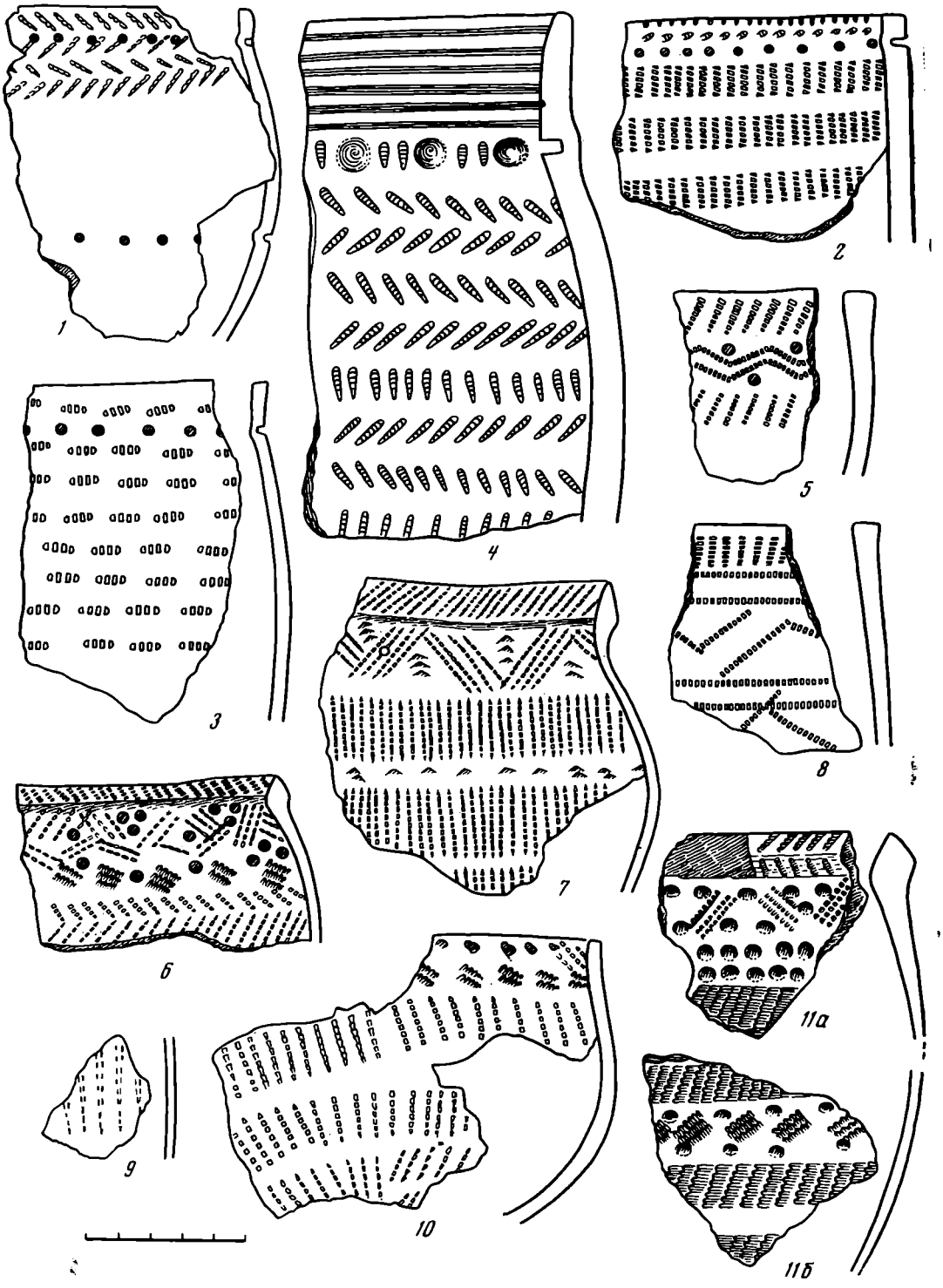


Рис. 3. Элементы гребенчатого и гребенчато-ямочного орнаментальных комплексов на керамике поздних культур Западной Сибири.

1,2 — поселение близ пос. Кыштовка на р. Таре (Новосибирская обл.); *3* — Шайтанское II поселение в верховьях р. Кети (Красноярский край); *4* — Надеждинское (Битые горки) городище на Иртыше (Омская обл.); *5, 7, 8* — городище Шеломок близ Томска; *6, 11* – Басандайское городище в окрестностях Томска; *9* – поселение у пос. Молчаново на Оби (Томская обл.); *10* – Томское Лагерное городище на окраине Томска. *1–5, 8* – железный век; *6, 7, 9–11* – первая половина II тысячелетия н. э.

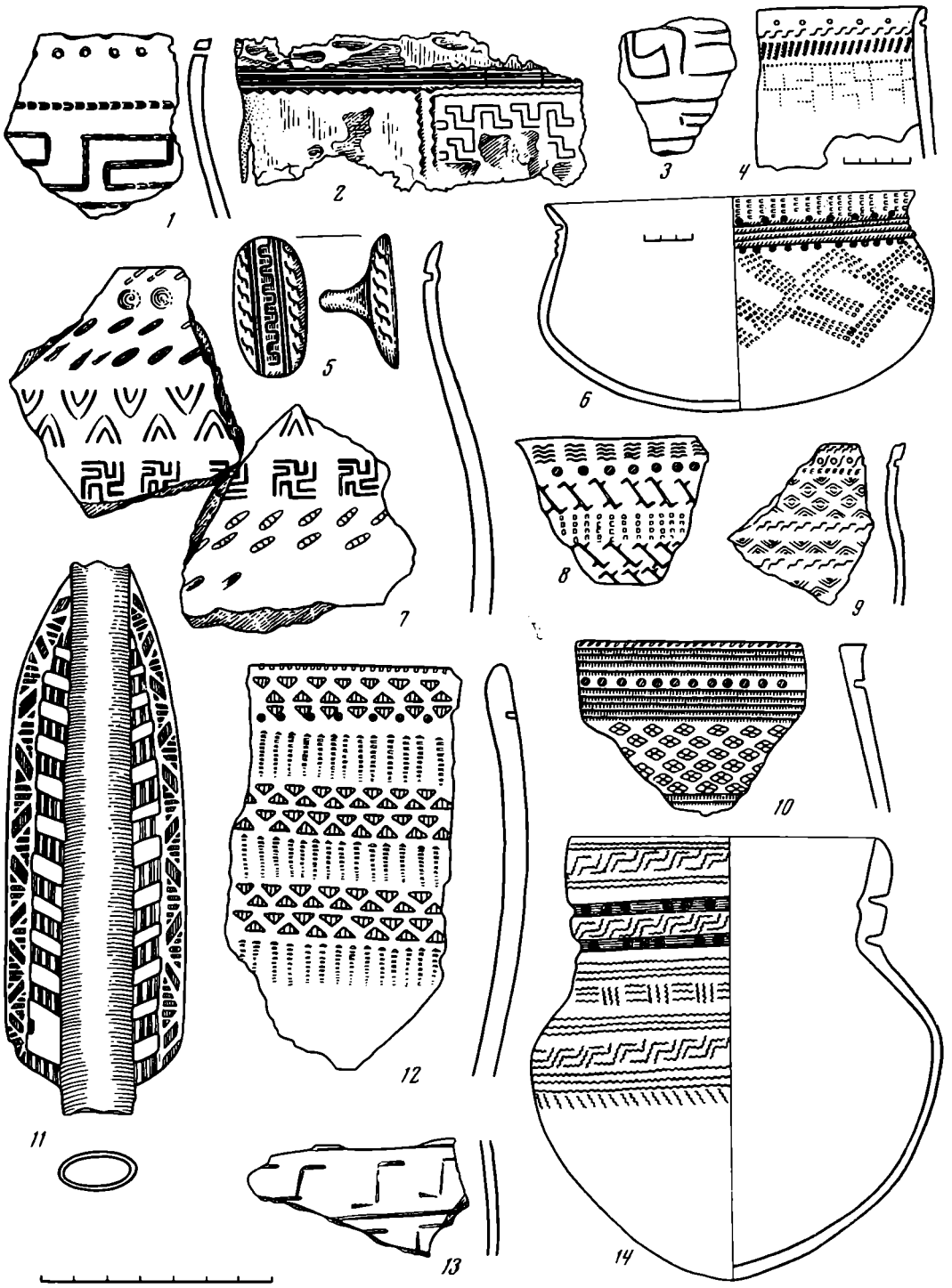


Рис. 4. Элементы андроновского орнаментального комплекса на керамике и бронзовых изделиях поздних культур Западной Сибири.

1, 3, 7, 9 — Смолокуровское городище р. Чулым (Томская обл.); *2* — Парабельский клад (пос. Парабель, Томская обл.); *4* — Кижировское городище в низовьях р. Оби (Томская обл.); *5* — городище Няксимволь в низовьях Оби (Тюменская обл.); *6* — курганный могильник Калачевка II (Омская обл.); *8* — Спарановское городище близ Омска; *10* — городище Могильный мыс на р. Тым (Томская обл.); *11* — дер. Мурзино (Каргасокский р-н, Томская обл.); *12* — Надеждинское (Битые горки) городище на Иртыше (Омская обл.); *13* — поселение в окрестностях пос. Молчаново на Оби (Томская обл.); *14* — Релкинский могильник в пос. Молчаново на Оби. *1—12* — железный век; *13—14* — средневековье; *2, 5, 11* — бронза, остальное — глина.

в бассейне р. Кети, т. е. почти до 59 параллели [18]. Следствием этих влияний явилось сложение в конце II тысячелетия до н. э. на южной периферии гребенчато-ямочной общности Западной Сибири нескольких гибридных культур, сочетающих гребенчато-ямочный и андроновский компоненты (сузгунская культура в низовьях Тобола [19], еловская культура в Среднем Обь-Иртыше [20]). Усиление андроновского влияния в это время прослеживается и в таежном Зауралье. Андроновская (федоровская) керамика встречается в окрестностях Нижнего Тагила [21].

Гребенчатое и гребенчато-ямочное население, жившее к северу от Нижнего Тагила и Нарыма, вряд ли было затронуто сколько-нибудь заметными андроновскими воздействиями. Так, в бассейне Ваха керамика и на поздних этапах бронзового века продолжает сохранять прежнюю гребенчато-ямочную орнаментацию. В дальнейшем элементы гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций прослеживаются на кулайской (железный век) и релкинской (вторая половина I тысячелетия н. э.) керамике, а в первой половине II тысячелетия н. э. гребенчато-ямочный и гребенчатый орнаментальные комплексы на посуде Томско-Нарымского Приобья вновь становятся преобладающими (рис. 3).

Геометрические элементы андроновского облика, вошедшие в состав сузгунской и еловской орнаментации, позднее прослеживаются в орнаментах молчановской, кулайской и усть-полуйской культур, а также на посуде таежного Приобья второй половины I тысячелетия н. э. (рис. 4). По наблюдениям этнографов, андроноидный орнаментальный комплекс занимает большое место в изобразительном искусстве современных угорских и самодийских народов [22]. Если в эпоху раннего металла и в развитом бронзовом веке андроноидная, гребенчатая, гребенчато-ямочная и автохтонная (самусьская) орнаментальные традиции в общем локализовались на разных территориях и были представлены в относительно «чистом» виде, то с конца бронзового века, когда по Западной Сибири прокатились несколько мощнейших миграционных волн, границы охарактеризованных выше культурных ареалов становятся нечеткими и расплывчатыми. Орнаменты молчановской культуры в Нарымском Приобье (переходное время от бронзового века к железному) сочетают гребенчатые, андроноидные и автохтонные (самусьские) элементы [23]. Примечательно, что в разных локальных вариантах молчановской культуры преобладают то гребенчатая, то андроноидная, то автохтонная (самусьская) орнаментальные традиции. Сочетание элементов нескольких декоративных систем мы видим в кулайской (Смолокуровское городище на Чулыме, рис. 2, *3—5*; 4, *1*, *3*, *7*, *9*) и релкинской [24] керамике, причем опять-таки в зависимости от локальных и хронологических особенностей названных культур удельный вес того или иного орнаментального комплекса может быть различным.

Усилившиеся в конце бронзового века и в эпоху железа взаимопроникновения и смешения разных групп западносибирского населения привели к тому, что специфические орнаментальные традиции, которые ранее были

---

[18] *В. А. Посредников.* О Самусе IV и его времени. Сб.: «Проблемы хронологии...», табл. III, *1—4*.

[19] *В. И. Мошинская.* Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. МИА, 58, 1957.

[20] *М. Ф. Косарев.* Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири, рис. *2, 22—27*.

[21] *В. М. Раушенбах.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Тр. ГИМ, 1956, рис. 11, *10*; 13, *17*.

[22] *В. Н. Чернецов.* Орнамент ленточного типа у обских угров. СЭ, 1948, 1; *С. В. Иванов.* Древний андроноидный комплекс в современном орнаменте народов Сибири. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

[23] *М. Ф. Косарев.* Ук. соч., рис. 2, *9—16, 25*.

[24] *Л. А. Чиндина.* О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тысячелетии н. э. Сб.: «Проблемы хронологии...», табл. II, *8—14*.

характерны для определенных этнокультурных ареалов, приобретают более космополитический характер и перестают быть надежным показателем этнической преемственности. Таким образом, имеющийся археологический материал не подтверждает бытующее в литературе мнение о существовании западносибирской культурной общности — во всяком случае, для финальных этапов неолита, эпохи раннего металла и бронзового века. Гораздо больше оснований говорить о существовании западносибирской культурной (точнее, историко-культурной) общности для переходного времени от бронзового века к железному и для эпохи железа, когда в таежном Приобье идет активное смешение разных групп населения и происходит нивелировка разнокультурных признаков.

К сожалению, различные районы этой гигантской территории изучены неравномерно, и ее этнокультурная карта может быть представлена лишь путем выявления традиционных орнаментальных комплексов и их приблизительной локализации. У нас пока еще мало данных для сопоставлений различий в орнаментальных традициях с особенностями погребального обряда и антропологического типа населения, так как могильники Урала и Западной Сибири изучены еще недостаточно. Тем не менее колоссальнейший керамический материал по неолиту и бронзовому веку, накопленный за последние годы, позволяет подойти к исследуемой проблеме более основательно, чем это могло быть сделано в недавнем прошлом. Этот новый материал чрезвычайно многолик, сложен и не умещается в рамки единой западносибирской «общности».

M. F. Kossarev

DU PROBLEME DE LA COMMUNAUTE CULTURELLE DE SIBERIE OCCIDENTALE

Résumé

Les archéologues sibériens se servent volontiers du terme «communauté sibérienne occidentale» car elle leur permet de faire valoir le monolithisme éthno – culturel de la Transouralie orientale et de la Sibérie occidentale à l'âge de pierre et de bronze. Les données archéologiques de ces dernières années ne vérifient pas complètement ce point de vue traditionnel.

Dans le néolithique récent le territoire en question voit se fixer au moins trois grandes communautés culturelles: de peigne, de peigne et de fossettes et autochtone (de Samousse).

D'après son aspect éthno — culturel la première se rapproche aux civilisations de peigne des piémonts de l'Oural, la deuxième se joint aux civilisations de peigne et de fossettes de la zone forestière de l'Europe d'Est, le développement de la troisième poursuit les traditions des civilisations autochtones du néolithique ancien.

On peut dire qu'à l'âge de bronze sur le territoire de Transouralie et de Sibérie occidentale existaient quatre régions culturelles: andronoïdale, de peigne, de peigne et de fossettes et autochtone (de Samousse) dont chacune était présentée par un ensemble ornemental particulier.

A la suite de la pénétration mutuelle de différents groupes de population de Transouralie et de Sibérie occidentale qui s'est renforcée à partir des périodes récentes de l'âge de bronze les traditions spécifiques ornementales, localisées jusque là dans les aires déterminés, se généralisent et deviennent plus cosmopolitiques.

Le mélange et le nivellement des caractères de cultures différentes a déterminé la formation sur le territoire en question d'une énorme communauté historico — culturelle (civilisation du type de Gamáioune-Kaménogorsk de la période de transition de l'âge de bronze à celui de fer, civilisation d'Oust – Polouï de l'âge de fer etc.) dont l'apparition dans une période si peu reculée ne peut pas être considérée comme la preuve de l'existence de telles communautés dans les époques précédentes.

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

О МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ТОПОРАХ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Становление раннебронзового века и появление металлического топора с отверстием для насада на рукоять на Северном Кавказе связано с племенами майкопской культуры, она является единственной культурой этого времени, где они найдены в комплексах. Поэтому уже давно формы топоров майкопских племен стали хронологическими эталонами, не только для сходных орудий из Восточной Европы, но и из Подунавья. Особенно часто они привлекались для решения вопросов, связанных с влиянием племен раннего бронзового века Северного Кавказа на развитие металлургии своих северных соседей [1] и майкопскими импортами, установлением контактов племен Северного Кавказа и Северного Причерноморья с культурами Подунавья [2]. Металлические топоры майкопской культуры описывались А. А. Иессеном [3] и Т. Б. Поповой [4].

Основная задача данной работы сводится главным образом к построению классификации топоров, сравнению их с близкими орудиями из Северного Причерноморья и Поволжья, чтобы определить, какими конкретно видами топоров пользовались на Северном Кавказе майкопские племена, и выявить их импорты, подражания им и лишь формально близкие орудия.

В археологической литературе орудия этого вида нередко назывались «проушными». Мы считаем возможным называть их втульчатыми. Под втулкой понимается деталь топора, служащая для насада его на рукоять. Термин «проух» является устаревшим и в современной технической литературе не употребляется вовсе. В старой русской литературе это понятие использовалось для обозначения деталей, служивших для подвешивания, продевания чего-либо (проух от слова «ухо», «ушко»). Следует заметить, что в археологической литературе термин «проух» употребляется применительно только к топорам, тогда как гораздо шире распространено понятие «втулка» (наконечника копья, стрелы, кельта, крюков разных видов и т. д.).

Для описания различных частей топора используется предложенная ранее терминология [5]. Кроме того, вводятся два новых понятия: верхняя линия туловища топора (проводимая мысленно линия, по спинке и верхнему краю втулки при рассмотрении топора в профиль) и нижняя линия

[1] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 58; *Б. Г. Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Приуралье МИА, 90, 1960, стр. 57–59; *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы, МИА, 132, 1966, стр. 68; *Ю. С. Гришин.* Металлические изделия Сибири и Дальнего Востока эпохи энеолита и бронзы. САИ, В3-12, 1971, стр. 23.

[2] *J. Deshayes.* Les origins de la metallurgie danubienne. AAH, XII. Budapest, 1960, p. 69—81.

[3] *А. А. Иессен.* К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 173.

[4] *Т. Б. Попова.* Дольмены станицы Новосвободной. Тр. ГИМ, XXXIV, 1963, стр. 28—29.

[5] *С. Н. Кореневский.* Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области. СА, 1973, 1, стр. 40.

(также мысленно проводимая линия по брюшку и нижнему краю втулки при рассмотрении топора в профиль). По своей структуре предлагаемая классификация является ступенчатой классификацией, принципы которой изложены Е. Н. Черных[6] (рис. 1).

Конечным типологическим разрядом в нашей классификации является группа. Группа объединяет серию вещей, совпадающих по признакам, которые выделены в классификационной схеме. Орудия, обладающие индивидуальными особенностями, в самостоятельные группы не выделяются, а рассматриваются особо или условно относятся к наиболее близкой группе. При сравнении топоров отдельных групп используется коэффициент K

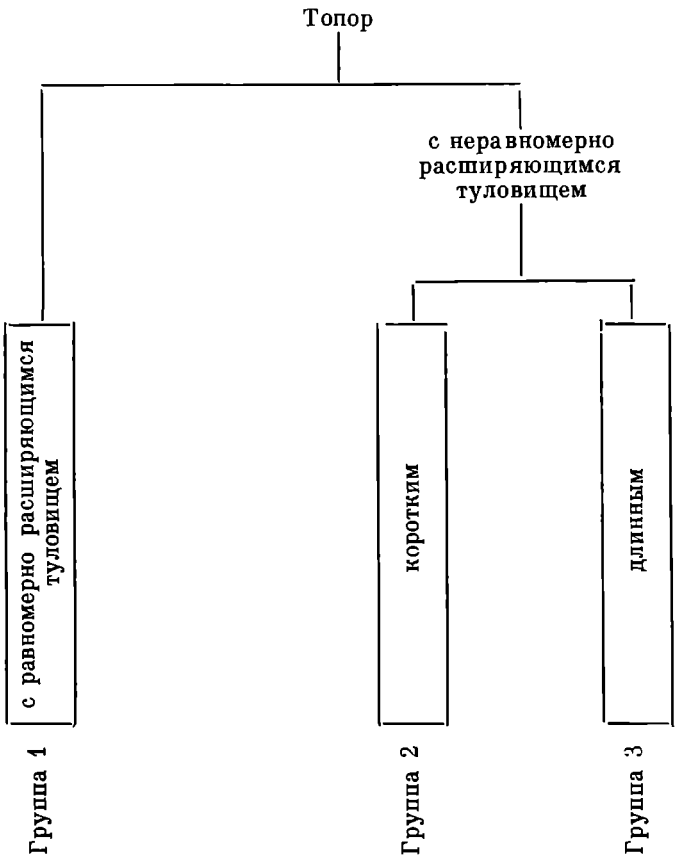


Рис. 1. Классификация топоров майкопской культуры

(коэффициент отношения диаметра отверстия к длине топора). Все классифицированные топоры и сравниваемые с ними орудия относятся к виду топоров с невыделенной снизу втулкой. Особого пояснения, на наш взгляд, требуют определения равномерно и неравномерно расширяющегося туловища топора. Топор с равномерно расширяющимся туловищем напоминает при рассмотрении его в профиль равностороннюю трапецию. Расширение туловища топора от обуха к лезвию в этом случае происходит равномерно, и профиль топора близок по своей фигуре к трапеции. К неравномерно расширяющимся топорам относятся все топоры с асимметричной лопастью независимо от характера верхней линии и топоры без асимметричной лопасти с выгибом верхней линии, у которых максимальное увеличение расширения верхней части топора связано с переходом верхнего края втулки в спинку или с изгибом спинки. Графическая схема определения характера верхней линии дана на рис. 2. В спорном случае определения этой детали

[6] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА, 172, 1970, стр. 50—53.

топора привлекаются другие признаки, позволяющие отнести орудие к той или иной группе топоров.

Группа 1. Топоры с равномерно расширяющимся туловищем. Нами учтено два топора группы 1 на Северном Кавказе: Майкопский курган [7], основное погребение (рис. 3, *1*); случайная находка из ст. Усть-Джегутинской [8] у г. Черкесска (рис. 3, *2*). Условно, вследствие сильного скоса лезвия, к этой группе мы относим топор, случайно найденный у г. Пятигорска [9] (рис. 3, *6*). Из Северного Причерноморья к топорам этого вида близок топор, случайно найденный в 1887 г. у Балаклавы [10] (юго-западный Крым)

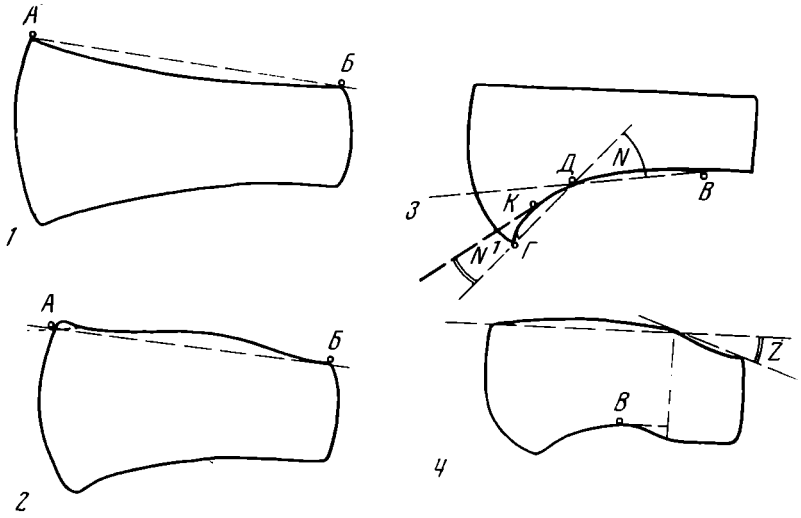


Рис. 2. Топор-схема: *1* — топор с равномерно расширяющимся туловищем; *2* — топор с неравномерно расширяющимся туловищем без лопасти; *3* — топор с неравномерно расширяющимся туловищем и с лопастью: *А* — верхний конец лезвия без учета его расковки; *Б* — верхний конец обуха; *АБ* — линия определения равномерности расширения верхней части топора. Угол изгиба брюшка топора у лезвия определяется следующим образом (*3*): в точку *Д*, вершину дуги *ВДГ*, проводятся прямые из точки *В*, нижнего края передней стенки втулки, и точки *Г*, нижнего конца лезвия. Пересечение этих прямых дает угол *N*. Далее из точки *Д* через точку *К*, вершину дуги *ДКГ*, проводится прямая, образующая с прямой *ГД* угол N^1. Сумма углов *N* и N^1 является искомым углом изгиба брюшка топора у лезвия. Если брюшко топора изогнуто перед втулкой, то точка *В* помещается в точку касания перпендикуляра, проведенного от линии насада (*4*) к брюшку. Угол Z — угол изгиба верхней линии у втулки.

(рис. 3, *5*). Таким образом, эти орудия цепочкой тянутся от Пятигорска до Майкопа и выходят в Крым (Балаклава) за пределы основного ареала майкопской культуры (рис. 4, карта 1). Методом спектрального анализа проанализированы все четыре топора. Топор, найденный у Пятигорска, изготовлен из мышьяковистой бронзы с высоким содержанием никеля и связан с I майкопской высоконикелевой группой по Е. Н. Черных [11]. Единственной находкой в комплексе является топор из основного погребения Майкопского кургана, раскопанного В. В. Веселовским в 1897 г. [12] Этот комплекс не раз описывался, и исследователи неоднократно отмечали его

---

[7] *А. А. Иессен.* К хронологии..., типологическая таблица, I, 7.

[8] *Е. Н. Черных.* Ук. соч., стр. 100, рис. 28, *81*.

[9] *С. Н. Кореневский.* Находка бронзового топора у г. Пятигорска. СА, 1972, 3, стр. 337, рис. 1.

[10] *А. А. Шепинский.* Культура энеолита и бронзы в Крыму. СА, 1966, 2, стр. 21, рис. 10, *1*.

[11] *Е. Н. Черных.* История древней металлургии..., стр. 36—40.

[12] ОАК за 1897 г., стр. 2—11.

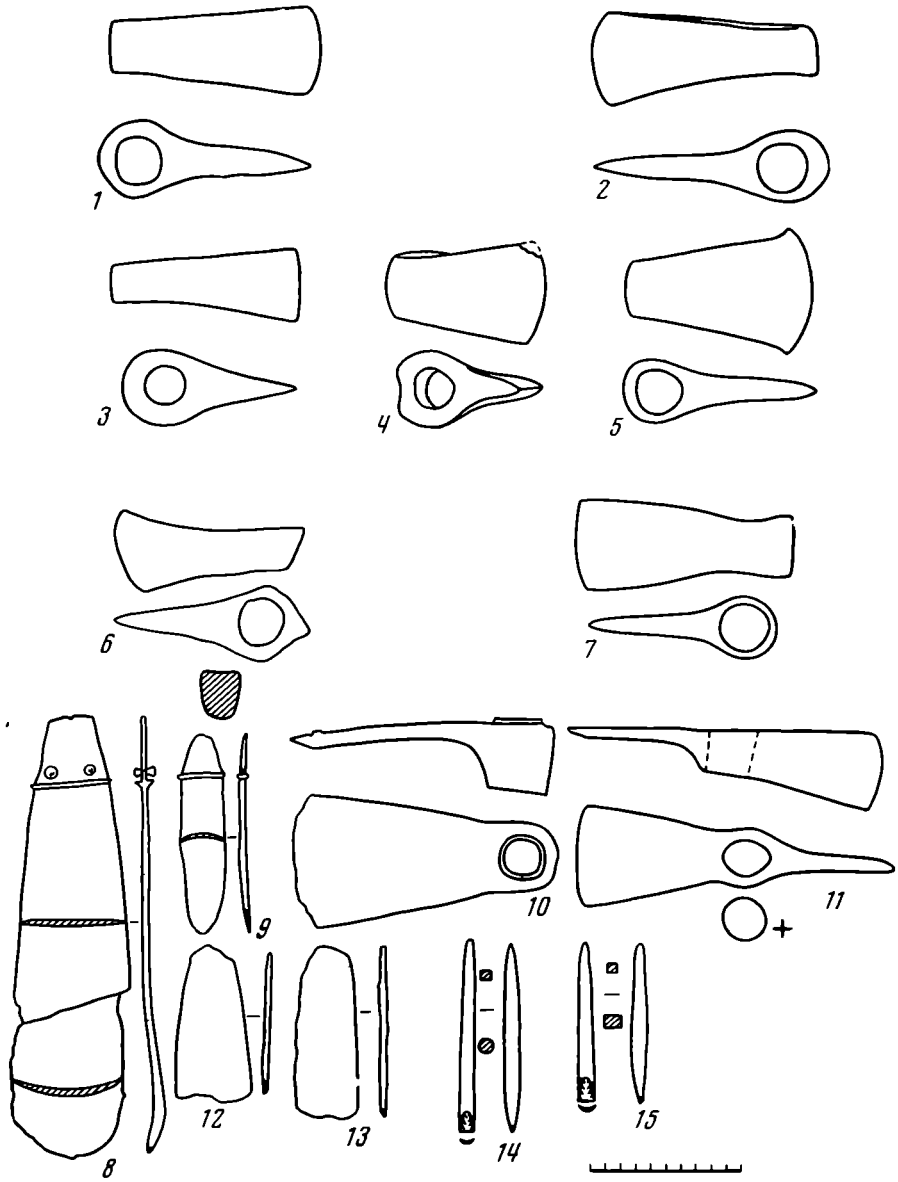


Рис. 3. Топоры майкопской группы 1 и их аналогии, предметы из основного погребения Майкопского кургана: *1* — Майкопский курган; *2* — ст. Усть-Джегутинская — топоры группы 1; *3* — Ирак; *4* — Сузы; *5* — Балаклава — топоры, близкие орудиям группы 1; *6* — г. Пятигорск — топор, условно относимый к группе 1; *7* — топор из ЗАГЭСа, отличающийся от топоров группы 1 очертаниями профиля; *8—15* — бронзовые предметы из основного погребения Майкопского кургана, + — вид отверстия снизу

уникальность[13] (рис. 3, *8—15*). В одной из последних своих работ А. А. Иессен датировал его временем 2500—2300 г. до н. э.[14] Мы считаем возможным распространить приведенную дату на остальные случайные находки этой группы, поскольку для более позднего, новосвободненского этапа характерны уже другие типы.

---

[13] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, 1935, стр. 83; *G. Childe.* The Axe from Maikop and Caucasian Metallurgy. AAA, 23. Liverpool, 1936, p. 113—119.

[14] *А. А. Иессен.* Майкопская культура и ее датировка. Тезисы докладов на заседаниях ИААН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, стр. 19—22 (ниже мы везде придерживаемся хронологии майкопской культуры, данной А. А. Иессеном в этой работе).

За пределами Северного Кавказа и Крыма эта группа не находит точных параллелей ни в топорах Греции и Киклад, с Аморгоса, Лесбоса, опубликованных К. Ренфрю [15]. Все они имеют ряд признаков, не свойственных топорам Майкопа: невыделенную в плане втулку, выступ на обухе, ребро на втулке, ромбическое отверстие; топоры группы 1 также неизвестны и в Подунавье. Наиболее близкий к топорам группы 1 топор из Закавказья из ЗАГЭСа [16] (рис. 3, *7*) отличается от них по устройству профиля,

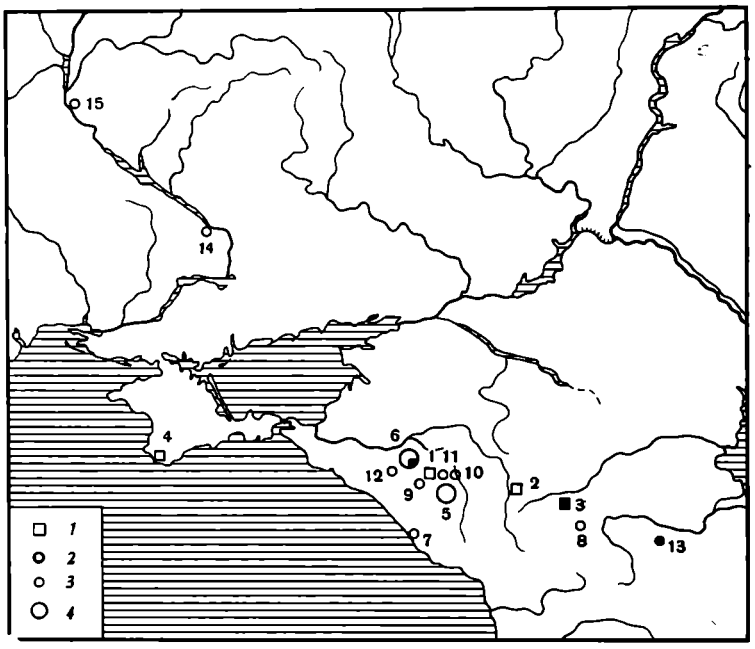


Рис. 4. Карта 1. Топоры групп 1 и 2 майкопской культуры на Северном Кавказе и их аналогии из Северного Причерноморья: *1* — Майкопский курган; *2* — ст. Усть-Джегутинская; *3* — г. Пятигорск; *4* — г. Балаклава; *5* — ст. Новосвободная; *6* — р. Кубань; *7* — р. Сочи, *8* — курган в г. Нальчике; *9* — ст. Апшеронская; *10* — ст. Костромская; *11* — ст. Махошевская; *12* — ст. Саратовская; *13* — с. Бамут; *14* — г. Верхнеднепровск; *15* — с. Стайка. Условные обозначения: *1* — топоры группы 1; *2* — топоры группы 2, *3* — одна находка, *4* — пять находок. Находки, условно отнесенные к группам, затушеваны

хотя и близок по широкой в плане втулке топора. Но в то же время наблюдается удивительная близость топоров первой майкопской группы со случайной находкой из Ирака (рис. 3, *3*) и с топором, случайно найденным в Сузах [17] (рис. 3, *4*). Оба они помещены на графиках, где изображены топоры группы 1 (рис. 5, *1*), и по коррелируемым параметрам ничем от древнейших топоров майкопской культуры не отличаются. Г. Чайлд сближал майкопский топор с топором из Ашшура [18]. Таким образом, можно предположить, что топоры группы 1 связаны общей производственной традицией с более южными образцами.

Группа 2. Топоры с коротким, неравномерно расширяющимся туловищем. Для топоров майкопской культуры, имеющих неравномерно расширяющееся туловище, в основном характерны две вариации. Первая связана

---

[15] *C. Renfrew.* Cycladic Metallurgy and the Aegean Early Bronze Age. AJA, 70, 1967, I, tab. 5, 31, 33; tab. 9, 40.

[16] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети I. Тбилиси, 1941, стр. 10, рис. 5; *Ц. Абесадзе.* Производство металла в Закавказье в III тысячелетии по н. э. (куро-араксинская культура). Тбилиси, 1969, табл. VI, *22* (на груз. яз.).

[17] *J. Deshayes.* Les outils du bronz de l'Indus au Danube (IV — II millénarie). Paris, 1960, № 1534, 1536.

[18] *G. Childe.* Op. cit., p. 114.

с размерами топоров и соответственно с их весом. Вторая — с очертаниями нижней линии туловища топора, которая или изгибается дугой (рис. 6,*9*), или представляет собой ломаную линию (рис. 6, 7). Мы предпочитаем делить майкопские топоры этого вида по длине их туловища и соответственно весу. Статистический разрыв между 2 и 3 группами топоров ясно виден на графике (рис. 5, *3*). Размеры и вес топора неизменно сказываются на его рабочих качествах. В то же время различия в очертаниях нижней линии

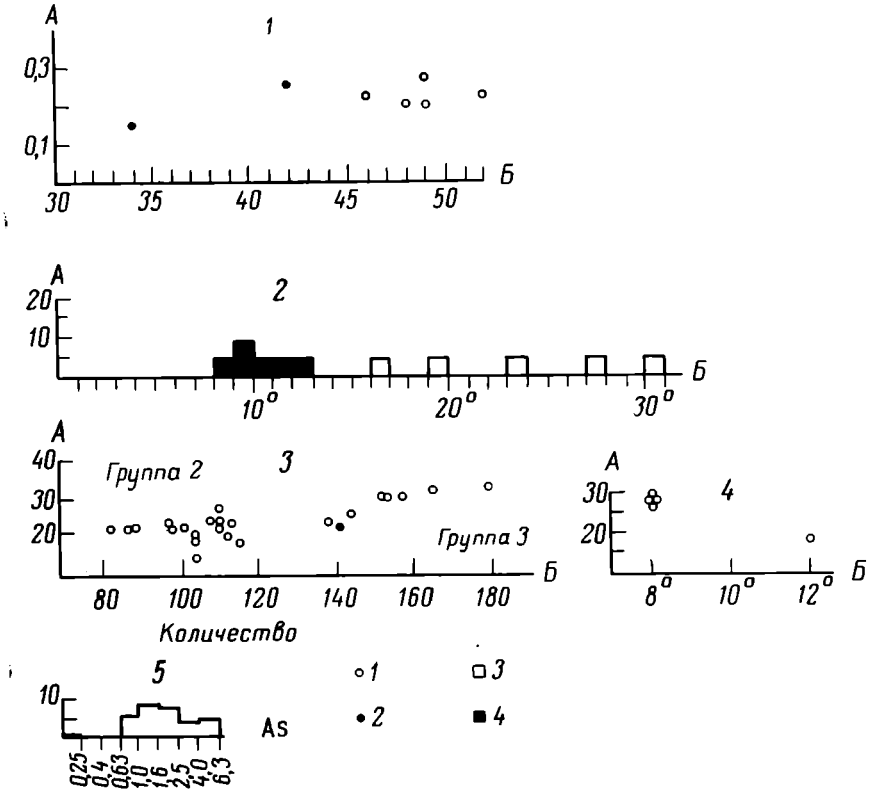


Рис. 5. Графики топоров майкопской культуры и топоров из Северного Причерноморья, Поволжья, Ирака и Ирана: *1* — корреляционный график топоров майкопской группы 1, Ирака, Суз, топора из гробницы в г. Нальчике. Условные обозначения: *А* — относительная ширина отверстия; $K=\frac{\text{диаметр отверстия}}{\text{длина топора}}$; *Б* — ширина плана втулки в *мм*; *1* — топоры группы 1, Ирак, Сузы; *2* — топор из гробницы в г. Нальчике: (коррелировались топоры, изображенные на рис. 3, *1—6* и рис. 8, *6*). *2* — график изгиба брюшка топоров майкопской группы 3, топоров из Северного Причерноморья, Поволжья и Калмыкии. Условные обозначения: *А* — количество, *Б* — угол изгиба брюшка; *4* — топоры, найденные на Северном Кавказе и топор из с. Пистынь; *3* — топоры, найденные в Северном Причерноморье, Поволжье, Калмыкии (на график помещены топоры, изображенные на рис. 8, *1—5*, и топор из Новороссийска, рис. 9, *5—7*, *10*, *11*; *3* — корреляционный график топоров групп 2 и 3 майкопской культуры. Условные обозначения: *А* — ширина отверстия в *мм*, *Б* — длина топора; *2* — большой топор из гробницы в г. Нальчике (коррелировались топоры, изображенные на рис. 6, *1—16* и рис. 8, *1—7*). *4* — корреляционный график топоров с лопастью. Условные обозначения: *А* — ширина отверстия в *мм*, *Б* — угол изгиба верхней линии (коррелировались топоры, изображенные на рис. 9, *5—7*, *10*, *11*). *5* — гистограмма содержания мышьяка в топорах майкопской культуры, найденных на Северном Кавказе, и в топоре из г. Верхнеднепровска. Условные обозначения: *3* — топоры Северного Кавказа, *4* — топор из г. Верхнеднепровска

могут быть следствием подработки орудия после отливки, тем более что топоры одной и той же группы, имеющие разные контуры нижних линий, по химическому составу, ареалу и времени существования не отличаются друг от друга.

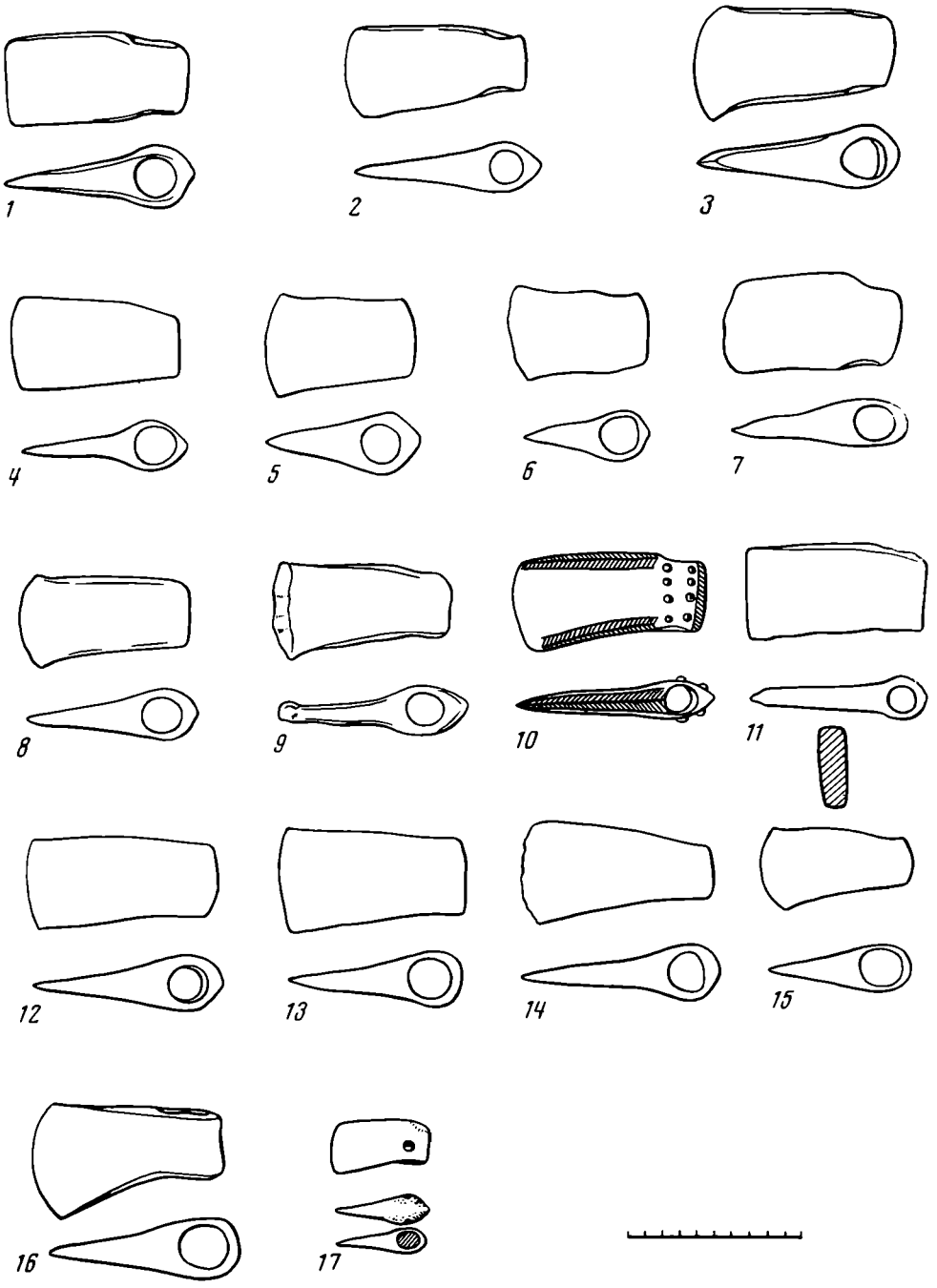


Рис. 6. Топоры майкопской группы 2: *1, 2, 9, 10* — ст. Новосвободная, кург. 1, кам. 1; *3, 5, 12, 16* — Кубанская область; *6* — г. Верхнеднепровск; *7* — р. Сочи; *8* — ст. Новосвободная, кург. 2, погр. 2; *11* — курган в г. Нальчике; *13* — место находки неизвестно; *14* — ст. Апшеронская; *15* — с. Стайка, *17* — с. Бамут, кург. 1, погр. 1; *16, 17* — условно относимые к группе находки

На Северном Кавказе нами учтено 15 топоров группы 2: пять топоров из курганов 1 и 2 ст. Новосвободной[19] (рис. 6, *1*, *2*, *8—10*); пять топоров из случайных находок на р. Кубань[20] (рис. 6, *3—5*, *12*, *16*), один из которых (рис. 6, *16*) мы относим к группе условно, так как у него сильно опущено

[19] ОАК за 1898 г. табл. III, *37—40*; табл. IV, *52*.

[20] *Е. Н. Черных*. Ук. соч., стр. 97, рис. 27, *19*, *20*; стр. 100, рис. 77; два топора хранятся в ГЭ, № 62—1, 62—2.

вниз брюшко; топор из ст. Апшеронской[21] (рис. 6, *14*); из гробницы в г. Нальчике (рис. 6, *11*)[22] с р. Сочи[23] (рис. 6, *7*); из кург. 3 ст. Костромской[24]; из кург. у станции Махошевской[25], из кургана у станицы Саратовской[26]. К топорам второй майкопской группы мы условно относим и вотивный топорик, найденный Р. М. Мунчаевым в 1967 г. в погребении 1 кург. 1 у с. Бамут[27] (рис. 6, *17*), поскольку по профилю он ничем не отличается от других топоров. Особенность его в том, что кроме малых размеров у него закрыта с одной стороны втулка и по бокам его пробиты два отверстия. На Северном Кавказе ареал топоров этой группы связан главным образом с Прикубаньем (рис. 4, карта 1).

Методом спектрального анализа изучен состав 14 топоров. Семь из них изготовлены из мышьяковисто-высоконикелевой бронзы и связаны с металлом I майкопской группы, по Е. Н. Черных, остальные относятся ко II группе металла майкопской культуры.

С территории Северного Причерноморья мы считаем возможным отнести к топорам группы 2 два топора из Поднепровья, происходящих из случайных находок у г. Верхнеднепровска (рис. 6, *6*) и у с. Стайка Киевского уезда (рис. 6, *15*). Сюда же может быть отнесен топор, хранящийся в Киевском историческом музее, и место его находки неизвестно (рис. 6, *13*)[28]. Нам известен состав металла только топора из г. Верхнеднепровска. По низкому содержанию мышьяка (0,2%) он отличается от топоров майкопской культуры, изготовленных из мышьяковистой бронзы (см. рис. 5, *5*). Пока не ясно, связано ли это с иным рудным источником или с переплавом металла, когда содержание мышьяка вследствие его возгонки может понижаться[29]. Переплав или смешивание металла различных месторождений в степной зоне, лишенной своей рудной базы, вполне вероятно. Поэтому мы условно относим этот топор к группе чистой меди и считаем его местным подражанием северокавказским образцам топоров второй майкопской группы.

Исходя из относительной хронологии майкопской культуры, предложенной А. А. Иессеном, топоры второй группы связаны с новосвободненским этапом, о чем свидетельствуют находки топоров в комплексах, отнесенных им к этому периоду[30]. Комплекс металлических вещей станицы Саратовской («топор, браслет с шишечками на концах») не рассматривался А. А. Иессеном как безусловно относящийся к новосвободненскому периоду[31], но в то же время, «браслет с шишечками на концах» не найден ни в одном погребении северокавказской культуры. По обряду захоронения (скорченность, охра, дольмен) это погребение тяготеет к майкопской культуре.

Топоры этой группы, найденные в Поднепровье, очевидно, относятся к концу III — началу II тысячелетия до н. э. Они являются или импортами с Северного Кавказа, или же детальными подражаниями майкопским об-

---

[21] *В. И. Марковин.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). МИА, 93, 1960, стр. 36, рис. 7, *10*.

[22] *И. М. Чеченов.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. СА, 1970, 2, стр. 110, рис. 2, *5*.

[23] Хранится в краеведческом музее г. Сочи.

[24] ОАК за 1897, стр. 16, рис. 59.

[25] *А. А. Иессен.* К вопросу..., стр. 84, рис. 4, *11*.

[26] *Н. А. Захаров.* Погребение мегалитического типа из предгорных районов Северного Кавказа, СА, 1937, III, стр. 227.

[27] *Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов.* О древнейшей металлургии Кавказа. СА, 1968, 4, стр. 23, рис. 6, *2*.

[28] Хранятся в КИМ, № 2448, 35645. Рисунки топора из с. Стайка и топора, место находки которого неизвестно, хранящихся в КИМе, любезно переданы мне В. С. Бочкаревым.

[29] *J. A. Charles.* Early Arsenical Bronzes — A metallurgical view. AJA, 71, 1971, 1, p. 21.

[30] *А. А. Иессен.* К хронологии..., стр. 163.

[31] Там же, стр. 164.

разцам группы 2. Судя по ареалу и дате, их вполне возможно связать с племенами ямной или раннекатакомбной культур.

Группа 3. Топоры с длинным, неравномерно расширяющимся туловищем. Нами учтено пять топоров этой группы в районе Прикубанья. (рис. 7, карта 2: два топора из кург. 6 станицы Андрюковской (рис. 8, *1*, *2*) [32]; три из случайных находок: из станицы Анастасьевской [33] (рис. 8, *3*), из аула Лакшукай [34] (рис. 8, *4*), из г. Новороссийска [35]. Методом спектрально-

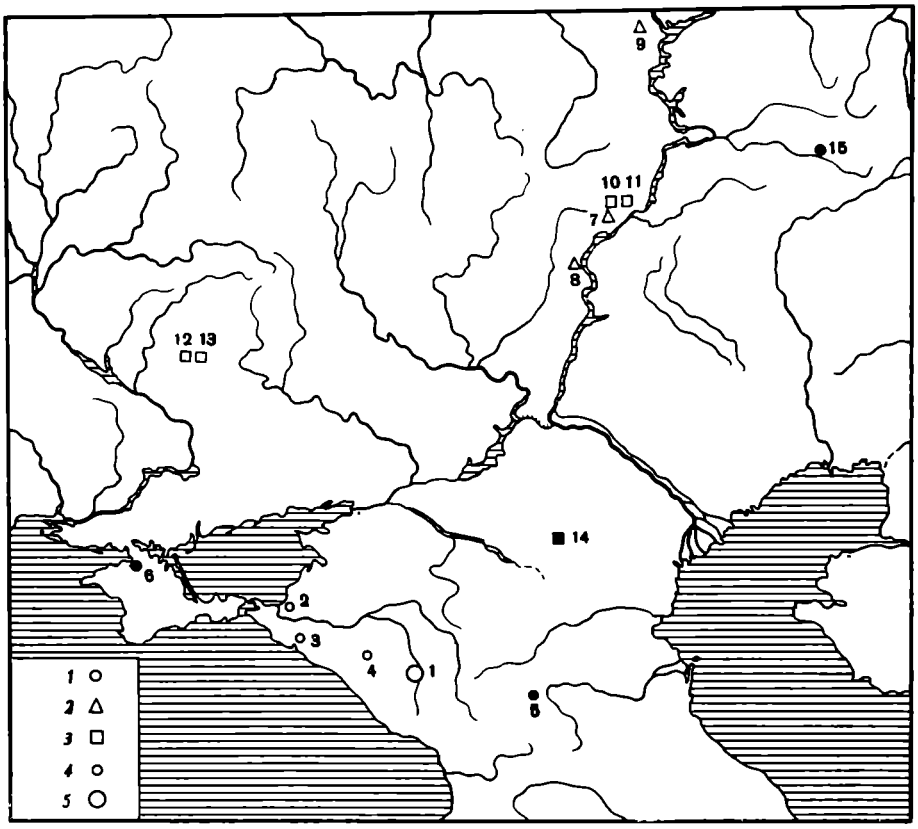


Рис. 7. Карта 2. Топоры майкопской группы 3, топоры ямного очага металлургии с сужающимся к лезвию клином, группа топоров с лопастью. *1* — ст. Андрюковская, кург. 6; *2* — ст. Анастасьевская; *3* — г. Новороссийск, *4* — аул Лакшукай; *5* — курган в г. Нальчике; *6* — с. Долинка; *7* — дер. Труевская Маза; *8* — г. Энгельс; *9* —дер Курмашево; *10* —дер. Загорная Селитьба; *11* — дер. Болтуновка; *12* — дер. Гнидово; *13* — хут. Гречанки; *14* — уроч. Бичкин-Булук; *15* — дер. Колтубанка. Условные обозначения: *1* — топоры майкопской группы 3; *2* — группа топоров с сужающимся к лезвию клином; *3* — группа топоров с лопастью; *4* — одна находка; *5* — две находки. Примечание: условно относимые к группам находки отмечены затушеванным знаком.

го анализа изучен химический состав всех перечисленных топоров. Судя по составу металла, они относятся ко II группе металла мышьяковистых бронз, по Е. Н. Черных. Условно к топорам 3 майкопской группы считаем возможным отнести три находки: с Северного Кавказа, из Крыма и Поволжья.

Первый топор найден И. М. Чеченовым в богатом майкопском погребении в Нальчике [36] (рис. 8, *6*). По своему профилю и размерам он не нахо-

[32] ОАК за 1896 г. стр. 54, рис. 266; *В. В. Данилевский.* Историко-технологическое исследование бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала. ИГАИМК, 110, 1935 г., стр. 224, рис. 128, *5*.

[33] Хранится в ГИМ, № 547466.

[34] *В. И. Марковин.* Ук. соч., стр. 36, рис. 7, *11*.

[35] Хранится в музее г. Новороссийска, № 997.

[36] *И. М. Чеченов.* Ук. соч., стр. 109—124; стр. 110, рис. 2, 4.

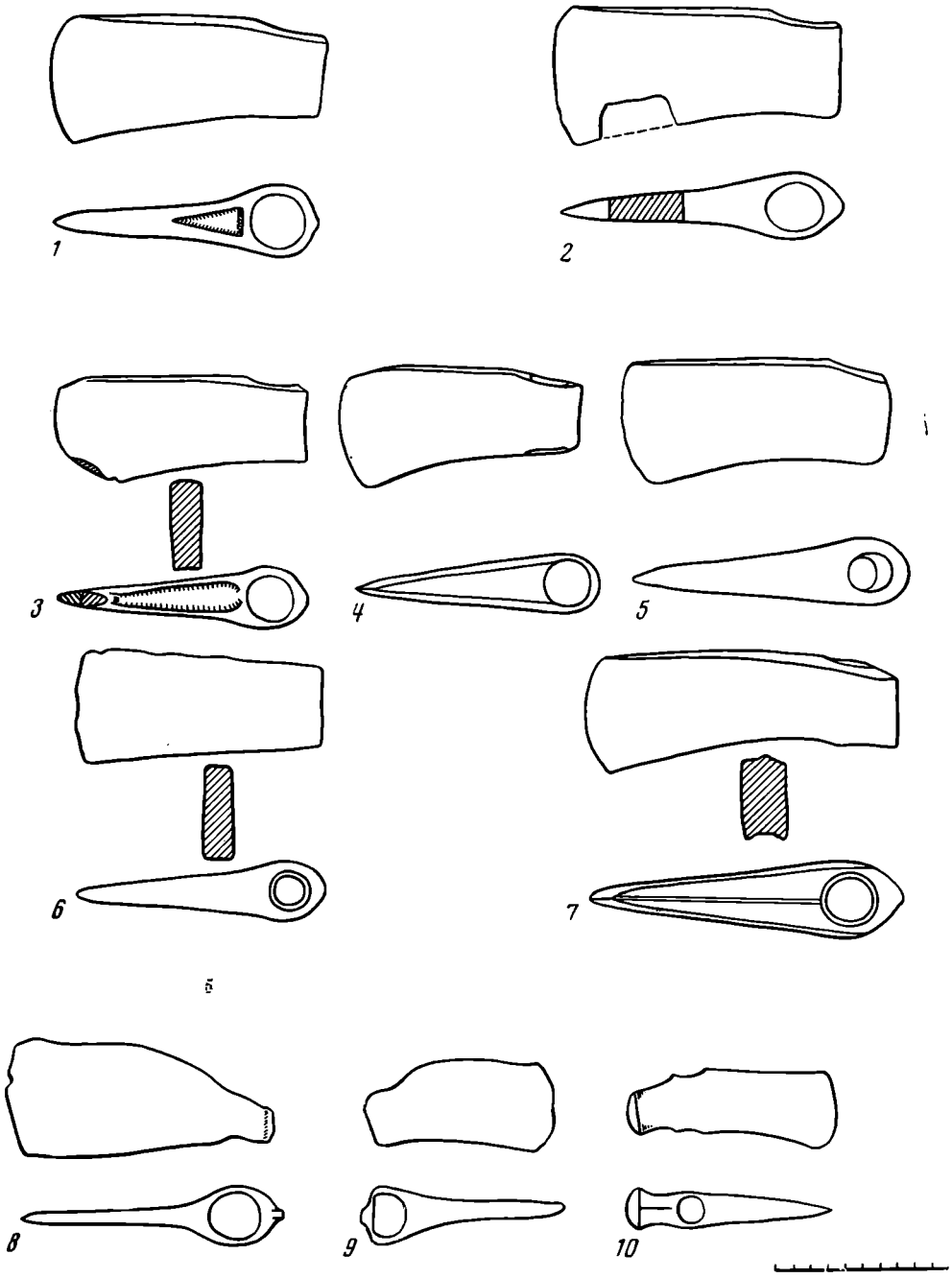


Рис. 8. Топоры майкопской группы 3 и другие орудия. *1, 2* — ст. Андрюковская, кург. 6; *3* — ст. Анастасьевская; *4* — аул Лакшукай; *5* — с. Пистынь; *6* — курган в г. Нальчике; *7* — с. Долинка; *8* — ст. Псебайская, кург. 1; *9* — с. Ялбузи; *10* — ст. Воздвиженская (*1—4* — топоры группы 3; *5* — близкий им топор из Карпат; *6, 7* — условно относимые к группе 3)

дит точных соответствий ни в одной группе топоров майкопской культуры. Туловище этого орудия при рассмотрении его в профиль близко к профилю топоров первой майкопской группы, но имеет небольшой изгиб спинки. Кроме того, рассматриваемый топор имеет значительно меньшее расширение клина к лезвию и более узкую в плане втулку, чем топоры группы 1 (см. рис. 5, график *1*). От топоров группы 2 его отличают размеры (рис. 5, график 3).

Различие между рассматриваемым топором и кубанскими находками группы 3 связано с характером верхней и нижней линий туловища, они

у этого орудия близки к прямым, у остальных топоров группы 3 они изогнуты. Разница между описываемой находкой и другими топорами группы 3, распространенными в Прикубанье, не ограничивается только их формой.

Спектральный анализ показал, что топор изготовлен из мышьяковистой высоконикелевой бронзы. Это позволяет отнести его к I группе майкопского металла по Е. Н. Черных.

Другой находкой, которую, по-видимому, можно связывать с группой 3, является топор, найденный А. А. Щепинским в 1965 г. у с. Долинка Красноперекопского района Крымской области (рис. 8, 7) в погребении кемиобинской культуры. Вместе с ним были найдены характерные предметы, определяющие комплекс майкопской культуры новосвободненского этапа: двурогая вилка с литой втулкой (ан. 7234), желобчатое долото (ан. 7237), тесло (ан. 7236), нож с ребром (ан. 7235)[37]. Топор, входящий в этот комплекс, отличается от прикубанских орудий группы 3 тем, что у него имеется выгиб перед втулкой. Такой признак не свойствен кавказским находкам рассматриваемой группы. Отличается и его металл. Он изготовлен из чистой меди, как и двурогая вилка (остальные вещи сделаны из мышьяковистой бронзы). Таким образом, эти два орудия не являются майкопскими импортами, поскольку предметы из чистой меди не характерны для майкопских племен. Очевидно, местное изготовление сказалось и на форме топора из погребения у с. Долинка.

Последним орудием, которое условно может быть связано с топорами майкопской группы 3, на наш взгляд, является топор полтавкинской культуры из Колтубанского погребения Бузулукского района Оренбургской области[38]. Близость этого орудия к топорам майкопской культуры давно отмечалась исследователями[39]. Но сходство между ним и кубанскими находками топоров группы три неполное. Судя по рисунку, опубликованному О. А. Кривцовой-Граковой[40], брюшко у колтубанского топора изогнуто перед втулкой. Эта деталь конструкции, как уже отмечалось, несвойственна майкопским топорам. Нам не известен металл колтубанского топора, поэтому мы условно рассматриваем его как подражание топорам 3 майкопской группы, распространенной в Прикубанье.

Список топоров рассматриваемой группы не заканчивается на этом. В Польской Народной республике в музее г. Перемышля хранится топор, найденный у с. Пистынь близ г. Косов в Карпатах (рис. 8, *5*)[41]. Форма и размеры этого топора чрезвычайно близки к топорам группы 3 майкопской культуры. На наш взгляд, несмотря на столь большое расстояние от основного ареала топоров группы 3, карпатская находка не может относиться к топорам с невыделенной втулкой группы Баньябюка, наиболее древней группы топоров с овальным обухом Подунавья[42]. Среди трансильванских находок нет топоров, которые отличались бы слабым изгибом брюшка к лезвию и сильным изгибом верхней линии, как топор из с. Пистынь. Но такое сочетание признаков для топоров с длинным неравномерно расширяющимся туловищем характерно для кубанских находок описываемой группы. Состав металла этого топора нам неизвестен.

---

[37] Комплекс хранится в краеведческом музее г. Симферополя. Археологія Української РСР, Київ, 1971, стр. 261.

[38] *В. В. Гольмстелн.* Археологические памятники Самарской губернии. ТСА РАНИОН, 4, 1928, стр. 126, рис. 34; *Н. К. Качалова.* Культурная принадлежность «калиновского литейщика» и колтубанского погребения. СГЭ, XXII, 1962, стр. 24—26.

[39] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 58.

[40] Там же, стр. 61, рис. 14, *1*.

[41] Сведения об этом топоре мне любезно сообщены И. К. Свешниковым. См.: *A. Zaki.* Toporki miedziane na polnocnych stokach Karpat. AAC. Cracoviae MCMLX, t. II, č. 1—2, š. 8, obr. 1, 3.

[42] *M. Roska.* A bányabüki rézlelet. FA, XI. Budapest, 1959, old. 26, ábrák 7; old 28, ábrák 8; old 30, ábrák 9.

Топоры группы 3, найденные в комплексах с майкопскими вещами (кург. 6 станицы Андрюковской, погребение в кург. у с. Долинка, гробница в г. Нальчике), и случайные находки из Прикубанья относятся к новосвободненскому этапу майкопской культуры. К этому же времени может относиться и топор группы 3, найденный у с. Пистынь. Колтубанская находка топора, по всей видимости, датируется временем существования полтавкинских памятников в Поволжье.[43]

Исследователи, поднимавшие в своих работах вопрос о связях майкопских племен с племенами раннего бронзового века Поволжья, уже давно отмечали близость орнаментации шишечками втулки топора, найденного у дер. Труевская Маза Вольского района Саратовской области (рис. 9, *1*), и топора из камеры 1 кург. 1 станицы Новосвободной[44] (рис. 6, *10*). По своим размерам это орудие наиболее близко топорам третьей майкопской группы. Близость усиливается и тем, что стенки втулки у поволжского топора, как и у кубанских находок, немного вогнуты внутрь. Но несмотря на сближающие признаки, топор из Труевской Мазы имеет черты, не характерные для орудий рассматриваемой категории майкопской культуры. В отличие от третьей и всех остальных групп топоров племен Северного Кавказа раннебронзового века, имеющих расширяющийся клин, клин этого топора сужается к лезвию.

Нами учтены еще две находки топоров, имеющих аналогичный признак, из Поволжья: у г. Энгельса[45] (рис. 9, *2*) и у дер. Курмашево Апастовского уезда Казанской губернии (рис. 9, 3[46]), а также топор, найденный у дер. Плотникова Каменского района на Алтае[47] (рис. 9, *4*). Таким образом, приведенный перечень позволяет, на наш взгляд, говорить, что мы сталкиваемся с целой группой топоров особого вида. Центр этой группы лежит в Поволжье (рис. 7, карта 2). Алтайская находка, очевидно, является экспортом из этого района.

Мы присоединяемся к точке зрения исследователей, считающих, что топоры этого вида возникли в Поволжье под воздействием металлургии майкопской культуры. Это положение позволяет датировать появление топоров концом III — началом II тысячелетия до н. э. и связать эти находки с ямными или полтавкинскими племенами, как это уже отмечалось в археологической литературе[48]. Из четырех топоров поволжской группы методом спектрального анализа изучен металл двух топоров. Они сделаны из чистой меди. Таким образом, ни форма топоров, ни металл, из которого они изготовлены, не позволяют говорить, что это майкопские импорты. Очевидно, они являются местными орудиями ямного очага металлургии, базировавшегося на медистых песчаниках Повольжья и Приуралья[49].

Кроме упомянутой выше группы топоров ямного очага металлургии в Поволжье и Северном Причерноморье распространена еще одна группа орудий с невыделенной втулкой. Особенностью топоров этой группы является сильный изгиб брюшка у лезвия, т. е. асимметричная лопасть. По размерам и невыделенной втулке топоры близки главным образом к топорам 3 майкопской группы, но наличие лопасти резко отличает их от кубанских орудий (см. рис. 5, график 2), и они, на наш взгляд, не могут рассматриваться как майкопские экспорты. Нами учтено пять топоров этой группы: случайные находки у хут. Гречанки[50] (рис. 9, *5*) и дер. Гнидино Полтав-

---

[43] *Н. К. Качалова.* Ук. соч., стр. 24—26.

[44] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 58.

[45] *Е. Н. Черных.* Ук. соч., стр. 134, рис. 37, 580.

[46] *A. M. Tallgren.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord und Ostrussland. Helsingfors. 1911, стр. 70, рис. 47 и *Б. Г. Тихонов.* Ук. соч., табл. IV, *3* (наш рис. 9, *3* дан на основании сопоставления изображений топора в этих работах).

[47] *Ю. С. Гришин.* Ук. соч., табл. 12, *3*.

[48] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 58; *Е. Н. Черных* Ук. соч., стр. 63.

[49] *Е. Н. Черных.* Ук. соч., стр. 68—69.

[50] Хранится в краеведческом музее г. Полтавы, ПКМ А-397.

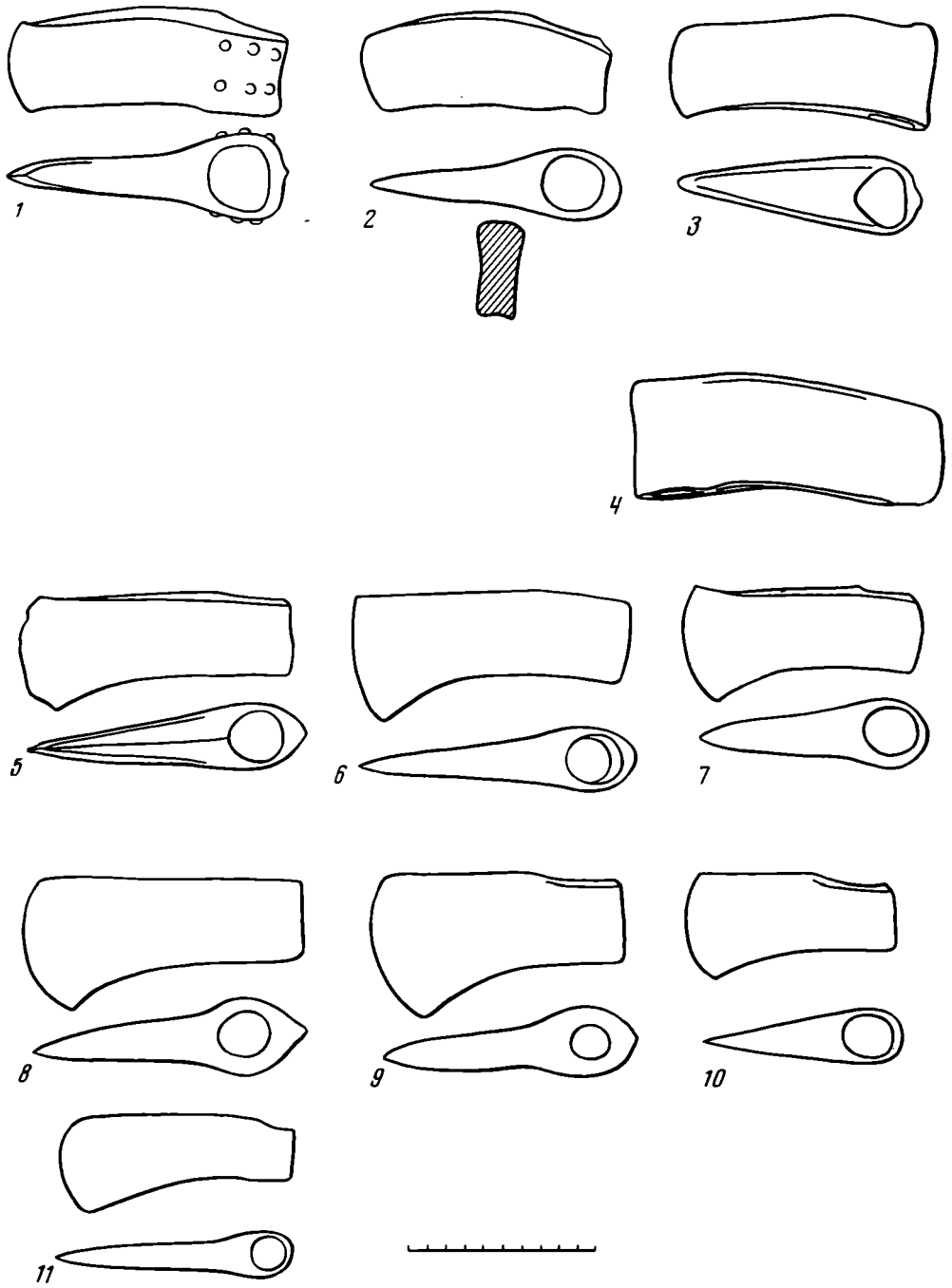


Рис. 9. Группы топоров Северного Причерноморья и Среднего Поволжья. Группа топоров с сужающимся к лезвию клином: *1* — дер. Труевская Маза; *2* — г. Энгельс; *3* — дер. Курмашево; *4* — дер. Плотникова. Группа топоров с неравномерно расширяющимся туловищем и лопастью; *5* — хут. Гречанки; *6* — дер. Загорная Селитьба; *7* — дер. Болтуновка; *8, 9* — топоры клада Баньябюк в Трансильвании; *10* — дер. Гнидино; *11* — уроч. Бичкин-Булук — условно относимый к группе

ской обл.[51] (рис. 9, *10*); из с. Загорная Селитьба (рис. 9, *6*) и дер. Болтуновка[52] (рис. 9, *7*) Хвалынского р-на Саратовской обл. Топор, найденный

[51] Рисунок топора любезно передан мне В. С. Бочкаревым. Топор хранится в КИМ, № 35046.

[52] *Е. К. Максимов.* Материалы из Хвалынского музея. СА, 1962, 3, стр. 285, рис. 3, *1, 2.*

И. В. Синицыным в кургане уроч. Бичкин-Булук[53], мы относим к этой группе условно (рис. 9, *11*), так как по размерам отверстия и сильному изгибу верхней линии он резко отличается от них (рис. 5, график 4).

Методом спектрального анализа изучен металл топора из хут. Гречанки и топора из кург. 6 урочища Бичкин-Булук. Первое орудие изготовлено из чистой меди, второе из мышьяковистой бронзы. Таким образом, разница в формах этих двух топоров находит соответствие и в различии их металла. Орудия этого вида из Полтавской и Саратовской областей, на наш взгляд, находят ближайшие параллели среди топоров из Подунавья, найденных в кладе у с. Баньябюк (современное название Вилчеле) (рис. 9, *8*, *9*), у г. Турда в Румынии[54] и ряде случайных находок из Трансильвании[55]. Топоры клада Баньябюк, как и топор из хутора Гречанки, изготовлены из чистой меди[56].

Топоры клада Баньябюк, как и их восточные аналогии, являются случайными находками. Некоторые исследователи считают орудия группы Баньябюка древнейшими топорами с овальным обухом в Подунавье[57]. Но время их существования проблематично. Орудия этого вида, известные из Полтавской и Саратовской областей, относятся, по всей вероятности, к досрубному времени, так как племенам срубной культуры правобережья Волги и Украины свойственны совершенно иные топоры, имеющие уже выделенную втулку[58]. В какое время топоры рассматриваемой группы появились на Украине и Поволжье, мы сказать не можем и вынуждены определять их верхнюю дату в широких пределах первой половины II тысячелетия до н. э. Очевидно, эти орудия связаны на Правобережной Украине с племенами ямной или катакомбной, а Поволжье — с племенами ямной или полтавкинской культур. Топор кург. 6 из урочища Бичкин-Булук, согласно Б. А. Латынину, датируется первой половиной II тысячелетия до н. э.[59] и относится к ямным или катакомбным племенам, населявшим территорию современной Калмыкии.

Кроме топоров трех выделенных групп в комплексах майкопской культуры найдены еще два топора, которые резко отличаются от орудий, описанных выше. Первый из них найден в кургане у станицы Воздвиженской (рис. 8, *10*)[60] и является уникальным для Восточной Европы топором-молотом, нигде не находящим аналогий. Он изготовлен из мышьяковистой бронзы. Второй топор найден в кург. 1 у станицы Псебайской[61] (рис. 8, *8*). Форма его несколько необычна для топоров остальных групп майкопской культуры. Спинка этого орудия сильно изогнута у втулки, клин значительно тоньше, чем у топоров третьей группы, которые близки топору станицы Псебайской по длине туловища. Спектральный анализ показал, что псебайский топор изготовлен из мышьяковистой бронзы. В то же время такие топоры с сильно изогнутой спинкой у втулки, но меньших размеров найдены в Закавказье у с. Ялбузи[62] (рис. 8,*9*) Сталинирского района и в мест-

---

[53] *Е. Н. Черных.* Ук. соч., стр. 129, рис. 36, *485*.

[54] *M. Roska.* Le depot de Haches en cuivre de Turda Aries. «Dacia», III—IV 1927/1932. Bucarest, 1933, p. 352—355; *Idem.* A banyabüki rézlelet...

[55] *M. Roska.* Erdély régészeti repertoriuma. I. öskoz. Kolozsvar, 1942, old. 61, ábrák 64.

[56] *S. Junghans, E. Sangmeister, M. Schröder.* Kupfer und Bronze in der fruhen Metallzeit Europas. Berlin, 1968. Bd. 2, Teil 2, S. 250—251, анализы 8952—8971.

[57] *F. Köszegi.* Keleti tipusu bronzkori balták a Magyar Nemzeti Muzeumban. FA, IX, 1957, old. 61; *A. Mozsolics.* Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1967, S. 14, 120, 121.

[58] *С. Н. Кореневский.* Ук. соч., стр. 50, рис. 9, топоры группы 4.

[59] *Б. А. Латынин.* К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, 70, 1957, стр. 8.

[60] ОАК за 1899 г., стр. 43—47.

[61] *В. В. Данилевский.* Ук. соч., стр. 224, рис. 128, *3*.

[62] *Б. А. Куфтин.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 85, табл. XX.

ности Кульбакебп [63]. Обе эти находки исследователи связывают с племенами куро-араксинской культуры [64].

Таким образом, можно предположить, что на своеобразие формы топора из кург. 1 ст. Псебайской повлияли контакты майкопской культуры с ее южными соседями. Но в то же время отличие псебайского топора по размерам от топоров из Ялбузи и Кульбакеби и, самое главное, малочисленность топоров этого вида как в Закавказье, так и на Северном Кавказе не позволяют нам решить, является ли рассматриваемыи топор импортным орудием или местным подражанием южным образцам. Согласно А. А. Иессену, майкопское погребение кург. 1 ст. Псебайской относится к новосвободненскому периоду майкопской культуры [65].

Топоры майкопской культуры наряду с двурогими вилками с литой втулкой, тесламп, желобчатыми долотами, кинжалами и прокованным желобком, загадочными «псалиями» и рядом других предметов составляют неповторимый и уникальный комплекс орудий майкопской металлообработки. На основании имеющегося материала нам кажется возможным говорить о трех основных группах топоров, свойственных племенам раннебронзового века Северного Кавказа.

Наиболее древними топорами из них являются топоры группы 1, представленной в комплексе майкопского кургана. Весьма примечателен тот факт, что именно эта, самая ранняя группа находит прямые параллели в более южных районах — Ираке, Западном Иране (Сузы, Элам). Южные образцы топоров этого вида все найдены случайно. Их количество невелико, и, на наш взгляд, еще нет ясного ответа, в каком месте Ближнего Востока сформировалась традиция производства этих орудий. Возникновение традиции производства топоров и связанных с ними в комплексах иных медно-бронзовых вещей не может быть связано с Северным Кавказом. До появления здесь племен майкопской культуры о знакомстве местного населения с навыками металлургии и металлообработки говорить не приходится.

Отличаются топоры группы 1 и от топоров, которые известны нам по литейным формам из Закавказья (Гарни, Шенгавит [66]), Кюль-Тепе [67]), резким расширением клина к лезвию. Серия находок топоров первой майкопской группы на Северном Кавказе и, возможно, в Крыму (Балаклава) не позволяет нам рассматривать все топоры этой группы как импорты. Возможно, часть из них имеет северо-кавказское происхождение. Но древние литейщики, очевидно, соблюдали традицию, связанную с более южными районами. Таким образом, уже для самого раннего этапа майкопской культуры мы, вероятно, можем предположить наличие у ее населения навыков и знания металлообработки.

Топоры новосвободненского периода представлены в основном двумя видами: легким топором, вес которого колеблется около полукилограмма (группа 2), и тяжелыми орудиями, вес которых достигает килограмма и более (группа 3).

Топоры группы 2 — самый многочисленный вид топоров этого периода. В отличие от более ранних образцов топоры групп 2 и 3 не имеют параллелей на Ближнем Востоке. Мы присоединяемся к выдвинутой ранее точке зрения, что эти орудия связаны с местным производством [68]. Но вопрос

---

[63] *В. П. Любин.* Археологическая разведка в окрестностях города Сталинира, КСИИМК, 60, 1955, стр. 15, рис. 1, *4*.

[64] *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Древние культуры Южного Кавказа (V — III тысячелетие до н. э.). Л., 1972, стр. 122.

[65] *А. А. Иессен.* К хронологии..., стр. 163.

[66] *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 28, рис. 3; стр. 26, рис. 1.

[67] *О. А. Абибулаев.* К вопросу о древней металлургии Азербайджана. МИА, 125, 1965, стр. 68, рис. 2, 3.

[68] *А. А. Иессен.* К вопросу..., стр. 87; *Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов.* Ук. соч., стр. 23.

о рудных источниках майкопской культуры еще не решен полностью. Особенно загадочной остается I майкопская группа высоконикелевых бронз.

Но кроме «массовых» видов топоров групп 1—3 в майкопских комплексах найдены орудия, отличающиеся по формам от наиболее распространенных орудий рассматриваемой категории. Связь топора-молота станицы Воздвиженской с металлообработкой майкопской культуры в настоящее время проблематична.

Форма топора из кург. 1 ст. Псебайской, очевидно, является результатом связей майкопских племен с племенами куро-араксинской культуры. Хотя в майкопских комплексах и не найдено до сих пор литейных форм топоров, по остаткам следов литья можно заключить, что ее литейщики в основном использовали двустворчатую, открытую с брюшка литейную форму. Металл заливался во всю открытую полость. На массивных топорах группы 3 хорошо видны вмятины в плоском брюшке топора, след усадки металла. У менее крупных топоров группы 2, где брюшко было поуже и, следовательно, поверхностное натяжение жидкой меди меньше, этот «дефект» на плоском брюшке топора сказывался меньше и его следы старались убрать проковкой. Такие же по конструкции литейные формы топоров найдены в Закавказье (Шенгавит, Гарни, Кюль-Тепе) на поселениях куро-араксинской культуры. Этот вид литья, по всей видимости, является древнейшим способом отливки втульчатых топоров.

Основное проникновение кавказского металла на север связано с новосвободненским этапом. Среди предметов обмена безусловно были и топоры. Под влиянием металлообработки майкопской культуры в Поволжье и Приуралье возникает ямный очаг металлургии. Своеобразие формы топора из кеми-обинского погребения у с. Долинка, майкопской группы 3 и изготовление его из чистой меди, как и двурогой вилки из этого комплекса, позволяет, на наш взгляд, поставить вопрос о возникновении в конце III тысячелетия до н. э. кеми-обинского очага металлообработки.

Местные литейщики Поволжья, Поднепровья, Крыма или строго соблюдали форму майкопского топора (топор из Верхнеднепровска), или модифицировали ее. Модификация сводилась в основном к небольшому выгибу брюшка перед втулкой и в Поволжье к сужению клина к лезвию. Топоры этих очагов металлообработки отливались, как и майкопские орудия, в двухстворчатых литейных формах с открытым для литья брюшком.

Таким образом, прогрессивное влияние майкопской культуры на своих северных соседей выразилось не только в том, что она познакомила их с медно-мышьяковистыми бронзовыми орудиями различных категорий, но и передала навык их производства, без чего собственная металлургия и металлообработка этих племен была бы невозможна. Но, очевидно, сводить все многообразие видов топоров с невыделенной втулкой из области Северного Причерноморья и Поволжья только к подражаниям майкопской культуры или ее экспортам было бы в ряде случаев неверно или преждевременно. Это не позволяет нам сделать анализ форм топоров с неравномерно расширяющимся туловищем и лопастью, которые имеют пока трудно объяснимую связь по форме с топорами группы Баньябюка из Трансильвании. Время существования топоров майкопской культуры на Северном Кавказе совпадает с временем существования ее памятников. Эти орудия исчезают со становлением северокавказской культуры. В комплексах племен бронзового века Северного Кавказа II тысячелетия до н. э. их нет. Технология отливки топора в открытую двустороннюю форму еще продолжает существовать. В этой манере, например, отлит топор из ст. Келермесской, кург. 5 погребения 1, который исследователи связывают уже с племенами северокавказской культуры[69]. Во II тысячелетии до н. э. на Северном Кавказе широко распространяются топоры с сильным изгибом клина и выделенной

[69] *А. А. Иессен.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951, стр. 103. ОАК, 1904, стр. 96, рис. 164, ГЭ, № 44—13.

Приложение

Результаты спектрального анализа металла топоров

Шифр лаборатории	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	Место находки
62 **	97,4	0,004	0,005	—	—	0,049	—	2,03	0,15	0,007	—	—	0,003	Майкопский курган
1126	Основа	—	0,047		0,01	0,035	0,013	1,9	?	0,025	—	—	—	ст. Усть-Джегутинская
12151 *	»	?	0,002	—	—	0,03	—	1,5	0,05	0,007	—	<0,01	<0,001	г. Балаклава
4612	»	0,002	0,008	—	0,002	0,04	0,015	2,0	0,003	0,2	—	<0,01	~0,001	г. Пятигорск
7372 *	»	0,0005	0,001	—	0,001	0,01	0,015	2,0	0,002	0,5	—	—	~0,03	Курган в г. Нальчике
947	»	—	0,005	—	0,002	0,01	—	0,65	—	0,007	—	—	—	ст. Новосвободная, кург. 1 кам. 1
949	»	—	0,003	—	0,001	0,013	—	2,0	0,001	0,55	—	—	—	То же
1070	»	—	0,023	—	0,0025	0,02	0,007	0,9	0,0007	0,11	—	—	0,001	р. Кубань
12171 *	»	—	0,015	0,014	0,0015	0,0007	—	3,0	0,03	0,18	—	<0,01	0,001—0,003	То же
12172 *	»	?	0,015	—	0,001	0,06	0,003	1,3	0,03	0,2	—	<0,01	0,003—0,01	»
4480	»	?	0,001	—	0,002	0,001	0,005	0,2	0,001	0,005	—	—	—	г. Верхнеднепровск
1231	»	0,0066	0,004	—	0,0047	0,01	0,006	0,85	0,0016	0,0014	—	—	0,002	р. Сочи
957	»	—	0,006	—	0,001	0,02	—	1,3	сл.	0,003	—	—	—	ст. Новосвободная, кург. 2, погр. 2
948	»	0,0005	0,01	—	—	0,004	0,005	4,73	0,01	0,001	—	—	—	ст. Новосвободная, кург. 1, кам. 1
946	»	—	сл.	—	сл.	0,003	—	2,0	—	0,001	—	—	—	То же
7373 *	»	?	?	—	0,001	0,008	0,05	6,0	0,2	>1	0,006	0,01	~0,003	Курган в г. Нальчик
1071	»	—	0,016	—	0,0013	0,035	0,008	2,5	0,0013	0,9	0,005	—	—	р. Кубань

Шифр лаборатории	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	Место находки
12166 *	Основа	—	0,007	—	0,001	0,025	0,002	1,5	0,006	0,003	—	—	>0,001	ст. Апшеронская
1059	»	—	0,001	—	0,005	0,005	—	0,72	0,005	0,01	0,001	—	—	р. Кубань
67 **	»	0,002	0,01	—	0,004	0,009	—	1,66	0,01	0,002	—	—	0,001	ст. Костромская к. 3
6339 *	»	—	0,012	—	—	0,015	0,007	5,0	0,005	1,1	0,01	—	<0,003	Бамут, кург. 1, погр. 1
12194 *	»	0,0008	0,002	0,03	0,001	0,025	—	0,8	0,003	0,002	—	?	—	ст. Андрюковская, кург. 6
12188 *	»	0,0008	0,002	—	?	0,006	0,0025	1,2	0,01	0,025	—	<0,01	—	То же
797	»	0,001	0,002	—	0,002	0,005	—	3,75	0,1	0,002	—	—	—	ст. Анастасьевская
1058	»	?	—	—	0,0005	0,002	—	2,20	0,02	0,025	—	—	—	аул Лакшукай
12864 *	»	—	—	—	0,001	0,006	—	1,0	0,004	0,0025	—	—	—	г. Новороссийск
4392 *	»	—	?	—	0,0015	0,25	—	—	—	0,004	—	—	—	хут. Гречанки
1747	»	—	—	—	—	0,001	—	1,5	0,08	0,01	0,003—0,005	0,01	—	Бичкин-Булук, кург. 6
12197 *	»	?	0,03	?	0,003	0,1	0,008	1,2	0,012	0,01	—	<0,01	<0,001	ст. Псебайская, кург. 1
944	»	0,002	Сл.	0,01	0,003	0,005	—	4,7	0,003—	—	—	—	—	ст. Воздвиженская
1683	»	—	?	—	—	0,004	—	—	?	0,03	—	—	—	дер. Труевская Маза
1790	»	—	—	—	—	0,014	—	—	—	0,001	—	—	—	г. Энгельс
7238 *	»	0,001	—		—	0,004	—	—	0,03	0,003	—	<0,01	—	с. Долинка

* Анализы выполнены в кабинете спектрального анализа лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР под руководством Е. Н. Черных. Публикуются впервые.

** Анализы произведены И. Р. Селимхановым. Приводятся, как и все остальные, по книге Е. Н. Черных «История древнейшей металлургии...», стр. 99, 101—103, 132, 136.

втулкой, которые связаны, по-видимому, с другой технологией: отливкой топора в литейную форму, имеющую литник в спинку топора [70]. Очевидно, такая же картина наблюдается в Северном Причерноморье и Поволжье. Примером этому могут служить литейные формы, найденные в полтавкинском погребении кург. 8 погребения 42 в Калиновском могильнике [71], и литейные формы, связанные с топорами абашевской и срубной культур (Пепкинский курган [72], случайная находка у г. Екатеринослава [73]. Старая технология уступает место новой, обусловившей создание качественно иных форм топоров.

S. N. Korénevski

SUR LES HACHES MÉTALLIQUES DE LA CIVILISATION MAIKOPIENNE

Résumé

Les haches de la civilisation maïkopienne se divisent en 3 groupes dont le premier est le plus ancien. Une hache de ce groupe fait partie de l'ensemble de la sépulture principale du tumulus de Maïkop. Le groupe est daté, d'après la chronologie de A. A. Iessen, de 2500—2300 av. n. è. L'affinité des formes entre les haches en question et celles provenant de Suse et d'Irak atteste leur appartenance à une seule tradition de production.

Le fait d'avoir trouvé toute une série de pareils objets au Caucase du Nord laisse supposer que les tribus de la plus ancienne période de la civilisation maïkopienne connurent les procédés du traitement de métal. Les haches des groupes 2 et 3 se rapportent à la période de Novosvobodnaïa de la civilisation maïkopienne (2300—2000 av. n. è. selon A. A. Iessen). Le rapport de hache — marteau provenant de la stanitsa Vozdvijenskaïa avec le traitement du métal de la civilisation maïkopienne est problématique. La forme de hache provenant du tumulus N 1 de la stanitsa Pseïbaïskaïa a, probablement, subi l'influence des traditions du traitement de métal des tribus appartenant à la civilisation de Koura — Araxe. La composition du métal des 24 haches parmi les 26 inventoriées au Caucase du Nord est étudiée. Toutes sont fabriquées en bronze arsénieux. Parmi elles les outils aux additions élevées de nickel (I groupe du metal maïkopien selon E. N. Tchernykh). Sur le cours de Volga on a réussi à mettre à jour un groupe de haches provenant d'un foyer métallurgique de la civilisation des fosses en pleine terre. Les moules, le métal de fabrication attestent leur production locale influencée par des traditions de la civilisation maïkopienne. Le groupe de haches au fer et au biseau s'élargissant irréguliérement se trouve de très proches analogies parmi les haches du trésor de Banïabuk en Transylvanie. Les haches de la civilisation maïkopienne étaient coulées en moules à deux parties ouvertes au ventre. De la même façon on coulait d'autres haches les plus anciennes du littoral nord de la mer Noire et du cours de Volga. La diffusion au II millénaire av. n. è. d'une autre technique de coulage des haches (en moule à deux parties par le trou de coulé dans le dos de hache) a été la cause du changement cardinal des formes de celles — ci au Caucase du Nord, sur le littoral nord de la mer Noire et le cours de Volga.

---

[70] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии..., стр. 102, рис. 10, *а, б.*

[71] *В. П. Шилов.* О древней металлургии в Нижнем Поволжье. МИА, 60, 1959, стр. 17, рис. 5, *1, 2, 4, 5; Н. К. Качалова,* Ук. соч., стр. 24—26.

[72] *А. Х. Халиков.* Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966, стр. 66, табл. VIII, *а, г.*

[73] *A. M. Tallgren.* La Pontide prescythique après l'introduction des metaux. ESA, II. Helsinki, 1926, p. 169, fig. 99, *5.*

К. Ф. СМИРНОВ

САРМАТЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И МЕЖДУРЕЧЬЯ ДОНА И ВОЛГИ В IV в. до н. э.— II в. н. э.

(историко-археологический очерк)

Культура ранних кочевников Нижнего Поволжья выглядит более монолитно, чем культура ранних кочевников Южного Приуралья в савроматское время (VII—IV вв. до н. э.) [1]. Без сомнения, в Поволжье она принадлежала этнически единой группе — собственно савроматам Геродота, которые в VI—IV вв. до н. э. состояли из нескольких племен, археологически пока не выделяемых. Название этих племен, скорее племенного союза родственных кочевников, вероятно, произошло от какого-то одного племени «Сайрима» Авесты, местоположение которого нам неизвестно — то ли на Волге, то ли ближе к районам Средней Азии. Начальная история савроматов была тесно связана со скифами, судя по легенде о происхождении савроматов по Геродоту (IV, 110—117) и по Диодору Сицилийскому, сообщившему о переселении из Мидии покоренных савроматов; причем эти переселенцы основались у р. Танаис (Библиотека, II, 43). Об этом же сообщает и Плиний (Естественная история, VI,19).

Основное ядро западных (Геродотовых) савроматов или их непосредственные предки некогда заселяли степи за Танаисом на расстоянии трех дней пути к северу от Меотиды (Геродот, IV, 116), но уже при Геродоте савроматы составляли большой союз племен. Они занимают Задонские и Поволжские степи на расстоянии 15 дней пути от Танаиса, т. е. по крайней мере не менее 550—600 *км* (Геродот, IV, 101). Судя по археологическим данным, однотипные погребения с одинаковым погребальным инвентарем расположены и на левом и на правом берегах Нижней Волги — это могилы савроматов Геродота.

Основываясь на археологических данных, мы не можем полностью отождествить савроматов и сарматов — носителей прохоровской и сусловской культур. Сарматские племенные объединения — более сложный организм, включивший в себя кроме савроматов группу пришлого населения: некоторые зауральские, казахстанские и, возможно, приаральские племена.

Прохоровская культура, сменившая савроматскую на обширной территории от Южного Приуралья до Дона, уже в своей начальной стадии значительно отличалась от савроматской. Хотя последняя и составила ее основной компонент, судя по преемственности погребального обряда и по преемственности многих видов погребального инвентаря, особенно плоскодонной лепной керамики.

Я уже высказывал гипотезу о том, что прохоровская культура в Поволжье сложилась в результате не только прямой эволюции местной савроматской культуры, но и расселения носителей ранней, собственно прохоровской культуры Южного Приуралья, возможно даже завоевания «про-

[1] *К. Ф. Смирнов.* Ранние кочевники Южного Урала. АЭБ, IV, Уфа, 1971, стр. 69 сл.

хоровцами» савроматов, которые, безусловно, вошли во вновь сформировавшиеся племенные союзы.

Не позже рубежа IV—III вв. до н. э. носители прохоровской культуры заняли всю степную территорию между Волгой и Доном, а некоторые их группы прорвались в Северное Причерноморье, на территорию Скифии[2]. Памятники прохоровской культуры появились в бассейне Иловли и на Хопре[3], но здесь их открыты пока единицы. Прохоровские погребения, тоже пока в незначительном количестве, ныне известны и в южной части Волго-Донского междуречья — от Волго-Донского канала до Койсуга (к югу от Ростова) близ дельты Дона[4]. Подавляющее большинство прохоровских погребений Волго-Донского междуречья за последние годы обнаружено на Есауловском Аксае, в астраханском Волжском правобережье[5] и на левом берегу Нижнего Дона в районе современного Цимлянского моря[6]. Приуральское в основном происхождение прохоровской культуры особенно хорошо заметно по погребениям левого берега Дона (особенно курганы у хут. Попова и Соленовского), в южной части Волгоградской и в Астраханской областях (курганы у с. Старица, хут. Жутово и др.)[7], по деталям погребального обряда и некоторым вещам сарматского производства.

В целом по погребальному обряду Поволжская группа прохоровской культуры почти не отличается от Приуральской, особенно в III—II вв. до н. э. Однако в ранней прохоровской культуре IV—III вв. до н. э. выделяются особые черты, отличающие Южноуральский район прохоровской культуры от Поволжского. Это очень хорошо заметно по формам и орнаментике лепной, главным образом круглодонной, керамики. В Поволжье, даже в Заволжских районах, территориально непосредственно примыкающих к Приуралью, совсем нет круглодонной яйцевидной и бомбовидной (грушевидной) посуды с довольно богатым орнаментом, которую мы встречаем в наиболее ранних могилах Орских, Илекских курганов и на территории Башкирии[8]. Это особенность приуральских сарматских племен, и ее не донесли сарматы в своем предполагаемом движении на Запад, в районы Заволжья и тем более междуречья Волги и Дона. Лепная круглодонная керамика в ряде могильников Южного Приуралья, судя хотя бы по Мечетсайскому могильнику на Илеке раскопок 1961 г.[9], занимала заметное место в керамическом производстве приуральских племен. В Мечетсайских курганах она составляет половину всей лепной керамики могильника. И наоборот, в Заволжье и особенно в более западных районах преобладают плоскодонные формы сосудов, многие из которых несут черты еще савроматской посуды. Среди новых форм, зане-

[2] *К. Ф. Смирнов.* О начале проникновения сарматов в Скифию. Проблемы скифской археологии. М., 1971.

[3] Новые раскопки А. С. Скрипкина и В. И. Мамонтова. *В. И. Мамонтов.* Раскопки Королевского могильника, АО — 1969, М., 1970, стр. 155—156; *его же.* Раскопки Ильевского могильника. АО — 1970, М., 1971, стр. 158.

[4] *В. Е. Максименко.* Сарматские погребения в дельте Дона.— СА, 1970, № 2, стр. 224 сл.; *его же.* Некоторые итоги исследования Койсугского курганного могильника. Археологические раскопки на Дону. Ростов, 1973, стр. 46, 47; *А. А. Горбенко, В. А. Кореняко.* Раскопки Койсугского курганного могильника в 1971 году. Там же, стр. 49—50.

[5] Особенно неопубликованные многолетние раскопки В. П. Шилова 1960—1966 гг. См. также *В. П. Шилов, И. П. Засецкая, Л. Я. Маловицкая.* Работы в Нижнем Поволжье. АО — 1965, М., 1966, стр. 86—88; *В. П. Шилов.* Работы Астраханской экспедиции. АО — 1966, М., 1967, стр. 87—89.

[6] *А. А. Иессен.* Раскопки курганов на Дону в 1951 году.— КСИИМК, 33, 1954, стр. 61—79; *А. Д. Столяр.* Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг. МИА, 62, 1950, стр. 348—375; *М. Г. Мошкова.* Работы Цимлянской археологической экспедиции в 1970 году. Археологические раскопки на Дону. Ростов, 1973, стр. 42.

[7] *В. П. Шилов, И. П. Засецкая, Л. Я. Маловицкая.* Ук. соч., стр. 87—89.

[8] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры. САИ Д1—10, табл. 5, *2, 4, 6, 9, 14—15, 19, 22*; табл. 6, *1*, табл. 9, *1—5*.

[9] *К. Ф. Смирнов.* Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции 1961 г. Архив ИА АН СССР, р — 1, № 2499.

сенных из Южного Приуралья, в Заволжье распространяются узкогорлые, почти с цилиндрическим горлом, круглодонные сосуды, имеющие шаровидное или яйцевидное тулово[10]. Многие из них имеют на боку небольшую петлевидную ручку.

В обеих этих крупных областях сохраняются большие различия и по культурной ориентации, связанной с торговыми и военно-политическими отношениями. Южноуральские сарматы тесно были связаны со Средней Азией, прежде всего, вероятно, с Хорезмом и через него с Персией и вообще со странами Ближнего Востока[11]. Импортная среднеазиатская посуда найдена в Орских курганах (Ново-Кумакский могильник), в Илекских курганах и в могильниках по р. Белой в Башкирии (Старые Киишки, Бишунгарово). Красноглиняная керамика среднеазиатского происхождения встречена в небольшом количестве в некоторых заволжских могилах и даже в междуречье Волги и Дона. Однако среди импортной посуды здесь чаще можно встретить посуду прикубанского и нижнедонского происхождения, особенно в могилах сусловской культуры, где начинают преобладать различные кувшины и миски. Эти формы сосудов прививаются в Поволжье, им подражают и в формах лепных сосудов. Они становятся характерной чертой материальной культуры всего сарматского мира Поволжья и Северного Причерноморья, хотя различные сарматские кувшины и миски явно не местного происхождения, а получили свое распространение благодаря тесным экономическим связям с различными районами Северного Кавказа, особенно меотского Прикубанья, Нижнего Дона (Танаиса), и греко-римскими колониями Северного Причерноморья. То же касается и зеркал. В прохоровское время большинство зеркал, особенно с валиками по краю, произошло, вероятно, от импортных зеркал, которые известны в Пазырыке[12] и на Илеке (Мечетсайский могильник)[13], и местных зеркал савроматской культуры, т. е. с плоским диском и плоской же ручкой. Существовавшие у сарматов сусловской культуры различные зеркальца-подвески по своему происхождению тоже, вероятно, сарматские (от круглых зеркал с умбоном в центре) или восточного происхождения[14], но преимущественно северокавказского производства[15].

Итак, локальные различия, выступавшие особенно заметно в савроматское время, связанные с некоторой неоднородностью носителей савроматской культуры обеих областей, еще сохраняются и в период существования прохоровской культуры. Они объясняются не только племенными различиями обеих территорий, но и их различными культурно-экономическими ориентациями. Трудно судить, продолжали ли еще сохраняться эти различия на рубеже нашей эры, в период господства сусловской культуры, так как мы не имеем сравнительных данных: огромному числу сусловских погребений Поволжья ныне соответствует немного погребений сусловской культуры в Южном Приуралье (более 60).

Мы не знаем сарматских поселений в глубине Поволжских степей. Да вероятно, прочных поселений у сарматов-кочевников этой территории никогда и не было, а лишь временные стоянки-кочевья, которые трудно обнаружить на огромных степных просторах. Отдельные черепки сар-

---

[10] Ср. сосуды. *М. Г. Мошкова.* Ук. соч., табл. 8, *1—12*, табл. 9, *8—17*, *18—24*; табл. 10, *19—35*.

[11] *Т. Н. Савельева, К. Ф. Смирнов.* Ближневосточные древности на Южном Урале. ВДИ, 1972, 3, стр. 106 сл.

[12] *С. И. Руденко.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М., 1953, стр. 142, 143; рис. 84, табл. XXIX, *3*.

[13] *К. Ф. Смирнов.* Бронзовое зеркало из Мечетсая. История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, стр. 116—121.

[14] *А. М. Хазанов.* Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 58 сл.

[15] *М. П. Абрамова.* Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры. История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, стр. 121 сл.

матской посуды (особенно савроматов) встречались П. С. Рыкову на дюнах Ахтубы, некоторые из них, возможно, происходят с мест развеянных стоянок. Большинство же из них скорее всего остатки разрушенных погребений, которые не раз находил П. С. Рыков на дюнах Ахтубы. В последние годы остатки таких могил обнаружены разведками А. Н. Мелентьева в Гурьевской области Западного Казахстана [16]. Сарматские материалы (главным образом керамика) обнаружены И. В. Синицыным и на дюнах у ст. Зензели в прикаспийской части Калмыкии. Происхождение их неясно — из развеянного культурного слоя или из разрушенных погребений. Впрочем, И. В. Синицын допускает, что отдельные черепки посуды сарматской культуры свидетельствуют «о кратковременных остановках небольших сарматских групп во время перекочевок» [17].

Сарматы кочевали по всем степным просторам, оставляя свои курганные группы повсюду, но главным образом на возвышенных коренных берегах Волги и по водоразделам. В настоящее время лучше всего изучены районы коренного левого берега Волги от Саратова до Волгограда, где почти все курганные группы картографированы [18]. Наиболее крупные курганные группы, включающие до 100 и более курганов, сосредоточены по Волжскому левобережью неравномерно, выделяются несколько районов (рис. 1). Таковы курганы бассейна рек Большой и Малой Караманов в Саратовском Заволжье (против Саратова) у сел Суслы и Бородаевка. Затем ниже по Волге крупным районом курганных погребений были низовья Еруслана с его Бережновскими могильниками, особенно Бережновским II и как бы продолжением его — у сел. Политотдельского (на краю высокой террасы правого берега Еруслана) [19]. Южнее по Волге относительно небольшие курганные группы сосредоточены около Калиновского могильника [20], который отличается от прочих курганных групп большим количеством погребений. Та же картина по верховьям Ахтубы, особенно у сел. Средняя Ахтуба, где насчитывается 70—80 курганов. К ним примыкают курганы 15-го поселка, ст. Заплавное и в районе с. Ленинска [21].

Такие центры существовали и в междуречье Дона и Волги. Следует особо отметить большой курганный могильник у с. Жутово на Есауловском Аксае или могильник у с. Старица Астраханской области [22], вокруг которого отмечено тоже значительное число курганных групп, содержавших сарматские погребения, причем среди них обнаружено и несколько выдающихся своим богатством. Все отмеченные центры сарматских некрополей содержат сарматские погребения различных этапов их развития. В одних могильниках преобладают могилы прохоровской и сусловской культур, как в большинстве курганных групп Заволжья, в других кроме захоронений прохоровской культуры встречаются могилы сусловской и позднесарматской культур. Последнее особенно заметно в междуречье Дона и Волги, в Волгоградской и Астраханской областях, в таких могильниках, как Жутовский и Старицкий. По-видимому, в течение нескольких веков ряд сарматских групп был связан с определенными местами кочевья и имел традиционный центр своих родо-племенных кладбищ.

[16] *А. Н. Мелентьев.* Разведки в Волжско-Уральском междуречье. АО — 1967, М., 1968.

[17] *И. В. Синицын.* Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия. Тр. СОМК, 3. Саратов, 1960, стр. 135.

[18] Древности Нижнего Поволжья. 1. МИА, 60, 1959, карта между стр. 8 и 9.

[19] *И. В. Синицын.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, 60, 1959, стр. 39 сл.; *его же.* Древнейшие памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). МИА, 78, 1960, стр. 10 сл.; *К. Ф. Смирнов.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, 60, 1959, стр. 206 сл.

[20] *В. П. Шилов.* Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 323 сл.

[21] Здесь исследования в 50-х годах производил В. П. Шилов (его материалы пока не опубликованы).

[22] Материалы из раскопок В. П. Шилова 1960—1965 гг., хранятся в Астраханском краеведческом музее и Гос. Эрмитаже.

В этих центрах сосредоточены наиболее богатые погребальные комплексы: во многих из них есть импортные вещи, особенно станковая посуда нижнедонского или прикубанского происхождения. Она обнаружена почти во всех могильниках междуречья Дона и Волги, особенно к югу от Волго-Донского канала. Прикубанская и нижнедонская сероглиняная посуда, а также античный керамический импорт в I—II вв. до н. э. достигает и далеких заволжских районов, особенно сосредоточиваясь в таких могильниках Караманского центра, как Сусловский [23] или Ново-Липовский и Крутояровский могильники [24].

Судя по количеству курганных погребений прохоровской и сусловской культур, в период с IV в. до н. э. по II в. н. э. заметно увеличилось кочевое население поволжских областей.

В период существования прохоровской и сусловской культур сарматские памятники почти не отличались друг от друга по погребальному обряду (одинаковые формы могил, повсеместное господство южной ориентировки с сезонными отклонениями и пр.). В это время значительно увеличилось кочевое население западных и юго-западных районов Азиатской Сарматии в результате прежде всего развития их производительных сил и концентрации кочевого населения ближе к старым культурным центрам в устье Дона (Танаиса), в Прикубанье и к городам Северного Причерноморья, богатства которых все более и более привлекают внимание племенных вождей сарматов. Ныне нам известно около 500 савроматских комплексов и отдельных находок, собственно же сарматских — в несколько раз больше. Так, в Южном Приуралье на 1970 г. мной учтено более 500 памятников (рис. 1). Это преимущественно курганные погребения прохоровской культуры и случайные находки. Кроме того, с расселением ранних сарматских племен М. Х. Садыкова [25] и автор настоящей статьи связывают и распространение так называемой гафурийской керамики и некоторых других сарматских вещей (плоское каменное блюдо-жертвенник, костяная ложечка) на городищах и открытых поселениях Гафурийского района Башкирии [26]. Гафурийская керамика, происхождение которой дискуссионно, аналогична, а иногда и тождественна по примесям и орнаментации с определенной группой керамики прохоровской культуры всего Южного Приуралья и таких бельских сарматских могильников, как Старые Киишки [27] и Бишунгарово [28], находящихся южнее Уфы. Гафурийская керамика известна и на других поселениях караабызской культуры бассейна р. Белой вплоть до района Уфы, но там ее очень мало [29]. Я считаю, что создателями этой керамики были пришельцы-сарматы, которые селились среди местных оседлых племен — носителей караабызской культуры.

В Поволжье мне известно не менее 1600 сарматских памятников (по данным на 1970 г.), из них более 1100 — в Заволжье и более 500 — в междуречье Дона и Волги (рис. 1). Лучше изученное Заволжье дало около 460 памятников прохоровской культуры и более 650 памятников

---

[23] *П. С. Рыков.* Сусловский курганный могильник. Уч. зап. СГУ, Саратов, 1925, IV, 3.

[24] *Е. К. Максимов.* Раскопки курганов в саратовском Поволжье. АО — 1969, М., 1970, стр. 147—148.

[25] *М. Х. Садыкова.* Сарматы на территории Башкирии. Автореф. канд. дис. М., 1965, стр. 13—18; *К. Ф. Смирнов.* Ранние кочевники Южного Урала, стр. 72.

[26] *Г. В. Юсупов.* Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, стр. 58—87; *Т. Н. Троицкая.* Раскопки Михайловского городища в Башкирии. Там же, стр. 88—98.

[27] *М. Х. Садыкова.* Сарматские памятники Башкирии. МИА, 115, 1962, стр. 242—273; *ее же.* Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки. АЭБ, I, Уфа, 1962. стр. 88—122.

[28] *А. Х. Пшеничнюк.* Исследование в центральных и южных районах Башкирии. АО — 1968. М., 1969, стр. 141—142.

[29] *А. Х. Пшеничнюк.* К вопросу о керамике кара-абызских поселений. АЭБ, II, Уфа, 1964, стр. 97—100.

сусловской культуры, а районы между Доном и Волгой — соответственно около 160 и 380. Конечно, эти данные весьма относительны, так как отдельные регионы Поволжья изучены весьма неравномерно и каждый новый археологический сезон прибавляет все новые и новые десятки сарматских памятников. Но и по этим данным становится совершенно ясно, что в южноуральских районах сарматское население к рубежу нашей эры значительно уменьшилось, а в Поволжье и междуречье Дона и Волги, наоборот, увеличилось в 1,5—2 раза. Это увеличение населения Поволжья произошло, вероятно, за счет прилива родственного населения из восточных областей, особенно из Южного Приуралья. Население стало явно более смешанным, чем савроматское, для которого характерны вполне стандартные формы могил в каждом из могильников. Пестрота погребальных типов (до восьми) в изучаемый период — признак большой перемешанности прежних родо-племенных групп. В это время различные сарматские группы хоронили своих покойников в узких (ширина их не превышала $^1/_3$ их длины), удлиненно-прямоугольных и изредка круглых могилах, в подбойных и с уступами («заплечиками») вдоль продольных сторон, в широких прямоугольных или квадратных могилах, очень часто с диагональным положением погребенного, изредка в катакомбах различных типов[30]. Происхождение каждой погребальной формы установить невозможно. В изучаемый период нельзя каждую определенную форму могилы связать с отдельными племенами, как это пытались сделать в свое время П. С. Рыков[31], приписывая диагональные погребения или погребения в подбоях конкретным сарматским племенам, а позже и я, связав диагональные погребения с роксоланами[32]. Кроме того, различное социальное положение отдельных представителей родовых групп кочевников, вероятно, часто определяло и разные формы захоронений, особенно формы могил, как это известно по этнографическим данным.

Различные сочетания и процентное соотношение определенных могильных форм, их устройства, отдельных черт погребального обряда позволяют отметить, правда обычно нечетко, своеобразие некоторых могильников или отдельных сарматских регионов, особенно хорошо изученных. Это помогает в какой-то степени решать трудную проблему выделения по археологическим данным определенных племен или их объединений.

Античные авторы не оставили нам более или менее полных сведений, какие конкретно сарматские племена занимали огромные степные просторы Задонья и Поволжья. Известно лишь из Страбона, что степи между Доном и Каспийским морем были заняты различными племенами, особенно аорсами (Страбон, XI, V, 8). Он же уточняет местопребывание аорсов: «Аорсы живут по Танаису» (там же). Из его сообщений мы узнаем о том, что аорсы владели огромной территорией, так как были еще «верхние» аорсы, т. е. более северо-восточные, которые «владели более обширной страной и господствовали, можно сказать, над большей частью Каспийского побережья» (XI, V, 8), т. е., судя по Страбону (I в. н. э.) и его эллинистическим информаторам (II—I вв. до н. э.), каковыми были в первую очередь Артемидор Эфесский[33] и Деметрий Каллатийский[34], аорсы представляли огромный сильный союз племен, включающий в свой состав многие племена. Этот союз представлял большую угрозу Боспору и вмешивался в его политические дела, как, например, при Фарнаке (Страбон, там же).

---

[30] *К. Ф. Смирнов.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. СА, 1971, 1, стр. 73 сл.
[31] *П. С. Рыков.* Ук. соч.
[32] *К. Ф. Смирнов.* О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, 1.
[33] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор, Пг., 1925, стр. 8.
[34] Там же, стр. 32—33.

Сарматские погребения прохоровской и сусловской культур между Нижним Доном, Каспийским морем и дельтой Волги определенно принадлежали различным племенам аорского союза. К ним же должны относиться многие памятники южного Заволжья, например в междуречье Дона и Волги курганы района Цимлянского моря у хут. Попов и Соленый [35]. На задонском Есауловском Аксае к аорсам принадлежали сарматские могилы последних трех веков до нашей эры и рубежа нашей эры, Жутовского могильника и многочисленные курганы того же времени Астраханского правобережья, исследованные Астраханской экспедицией под руководством В. П. Шилова. Среди последних первое место по количеству исследованных погребений прохоровской и сусловской культуры занимает курганная группа у с. Старица. Южная часть Заволжья, ближе всего расположенная к Каспийскому морю, также, вероятно, была занята племенами аорского союза: Калиновский и примыкающие к нему курганные группы по Волжскому левобережью (возможно, до Быковских курганов), курганные группы по Ахтубе во главе с Среднеахтубинским могильником. В приуральских степях жили, вероятно, верхние аорсы, с которыми я связываю прежде всего сарматские курганы по Илеку [36].

Каких-либо очень ярких отличительных особенностей в погребальном обряде этого района в целом не наблюдается. Следует лишь отметить, что именно в среде аорсов и верхних аорсов наряду с прочими погребальными формами особенно часто встречаются различные камерные могилы, главным образом подбойные. В некоторых хорошо исследованных курганных могильниках междуречья Дона и Волги в пределах Волгоградской и Астраханской областей, т. е. там, где явно жили исторические аорсы, подбойные могилы прохоровской и сусловской культур составляют от 26 до 32% всех могил этого времени. Катакомбы II и III типов [37], пока еще мало известные на территории Поволжья и Приуралья, встречаются главным образом на территории расселения сарматов аорского союза племен. Они относятся к последним векам до нашей эры, т. е. ко времени первых упоминаний аб аорсах междуречья Дона и Волги в письменных источниках. Преобладание камерных могил различной формы, некоторые соответствия в погребальном инвентаре (например, в курильницах и отдельных формах круглодонной посуды) связывают не только могильники Волго-Донского междуречья и Южного Заволжья, но и некоторые приуральские памятники, например, Калмыковские курганы на Урале [38] и Илекскую группу. Эти черты сходства все же четко не устанавливаются. Повсюду прежде всего бросается в глаза единство сарматской культуры.

Поскольку аорский союз племен, как я считаю, объединял группы кочевого населения разного происхождения, то и в антропологическом отношении они не составляли полного единства. И все же на западной территории расселения аорских племен много соответствий в антропологическом материале по существующим современным данным. В свое время Г. Ф. Дебец выделил среди сарматских памятников особую «астраханскую» группу по материалам Заволжья района Ахтубы [39], который, надо полагать, представлял территорию расселения аорсов. В районе Волго-Донского канала, по имевшимся небольшим антропологическим

---

[35] *А. А. Иессен.* Раскопки курганов на Дону в 1951 году. КСИИМК, 53, 1954, стр. 61—79; *А. Д. Столяр.* Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг. МИА, 61, 1958, стр. 348—416.

[36] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы, стр. 288; *его же.* Ранние кочевники Южного Урала, стр. 71.

[37] *К. Ф. Смирнов.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. СА, 1971, 1, стр. 75—80, рис. 1 и 2.

[38] *И. В. Синицын.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.), стр. 148—155.

[39] *Г. Ф. Дебец.* Палеоантропология СССР. Тр. ИЭ, IV, М.—Л., 1948, стр. 168.

данным, кочевали сарматы, близкие сарматам волжской дельты[40]. Значительное сходство с сарматами Нижнего Поволжья, описанными Г. Ф. Дебецом, прослеживается по черепам носителей прохоровской культуры Нижнего Дона, которым свойственна брахикрания[41].

Калиновская группа сарматских черепов, изученная В. В. Гинзбургом[42], в целом долихо-мезокранная, названная «степным» типом, отличается от «астраханской» мезокранной группы и аналогичной серии черепов с левобережья Нижнего Дона (хут. Попов). Однако в группе ранних сарматов, носителей прохоровской культуры (IV—II вв. до н. э.), как отмечает Л. Г. Вуич, видны довольно отчетливые черты сходства как по черепному указателю (средний брахикранный), так и по всем почти остальным признакам в кранеологических группах Калиновских и нижнедонских курганов[43]. В. В. Гинзбург же выделил в Калиновском могильнике определенное количество черепов типа Среднеазиатского междуречья, что «может говорить о связях сарматов Сталинградского Заволжья с сарматами астраханского Заволжья»[44].

Итак, и в антропологическом материале все же прослеживается довольно тесная связь сарматов левобережья Нижнего Дона, Астраханской области и Калиновской группы. Конечно, в течение нескольких столетий территория аорских кочевий не была стабильной и за это время население, входившее в аорское объединение, сильно менялось, что и могло определить различия, более или менее сильные, в физическом типе кочевников. Таким образом, неоднородность сарматских племен выявляется и по данным погребального обряда, и по данным антропологии.

Если территория расселения аорсов (западной группы) может быть, хотя бы приблизительно, определена не только по письменным данным, но и по некоторым археологическим и антропологическим данным, то для соседей аорсов-сираков это сделать сложнее: они тоже выходцы из общесарматской среды (Страбон, XI, V, 8). По моему представлению, одним из их компонентов были геродотовы савроматы[45], потесненные аорсами к югу в предкавказские степи, где они жили по соседству и, вероятно, даже частично смешались с некоторыми меотскими группами и северокавказскими аборигенами, образовав в Предкавказье сильный союз племен[46], противостоящий аорсам, кочевья которых заходили и в эти степи. По Страбону, сираки жили «по Ахардею, который вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду» (XI, V, 8). В старой литературе обычно Ахардей отождествляли с Манычем. Это мнения разделял и я. В последнее время этот вопрос дискутируется и высказывается мнение (И. С. Каменецкий), что Ахардей следует связывать с Кубанью[47], к чему имеются и некоторые исторические и археологические основания. Это прежде всего указание Страбона о занятии земледелием некоторых сиракских племен: «...одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием» (Страбон, XI, II, I). На Маныче, бассейн которого теперь довольно хорошо исследован в археологическом отношении, мы не имеем до сих пор следов пребывания земледельческого населения времен Страбона и его информаторов. Зато по Прикубанью давно хорошо известны поселе-

[40] Там же, стр. 171.

[41] *Л. Г. Вуич.* Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени. МИА, 62, 1958, стр. 424.

[42] *В. В. Гинзбург.* Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья. МИА, 60, 1959, стр. 524.

[43] *Л. Г. Вуич.* Ук. соч., стр. 424.

[44] *В. В. Гинзбург.* Ук. соч., стр. 575.

[45] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 299.

[46] *В. Б. Виноградов.* Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963; *его же.* Локализация Ахардея и сиракский союз племен. СА, 1966, 4.

[47] *И. С. Каменецкий.* Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э. Автореф. канд. дис. М., 1965, стр. 5, 10—12; *его же.* Ахардей и сираки. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (тезисы докладов), Баку, 1965, стр. 99.

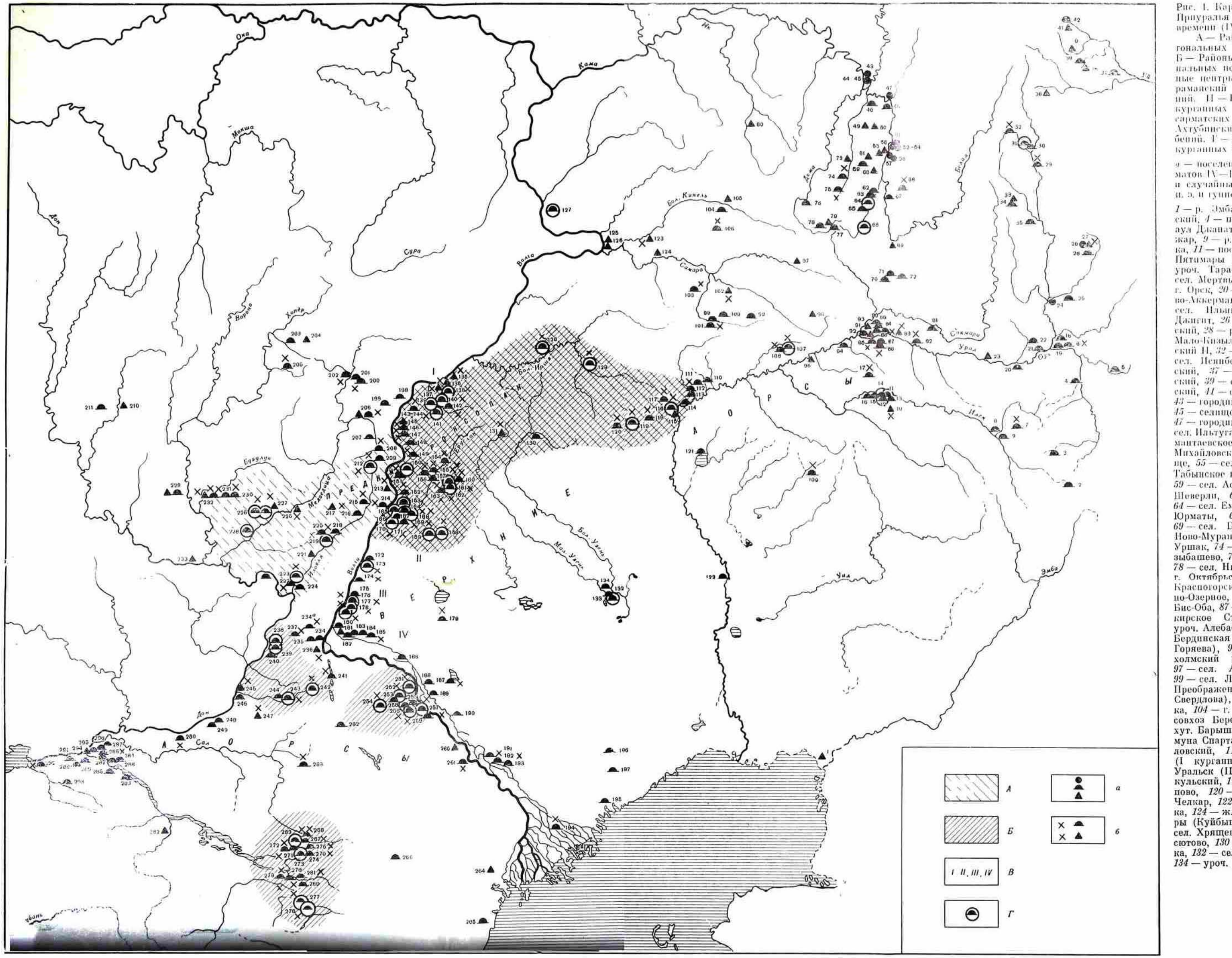


Рис. 1. Карта памятников сарматов Поволжья и Приуралья (IV в. до н. э. — IV в. н. э.) и гуннского времени (IV—V вв. н. э.) (на 1970 г.).

А — Район наибольшего распространения диагональных погребений I в. до н. э. — II в. н. э. Б — Районы наибольшего распространения диагональных погребений I — начала III в. В — Отдельные центры сарматских курганных групп: I — Карамановский центр сарматских курганных погребений. II — Нижне-Еруслановский центр сарматских курганных погребений. III — Калиновский центр сарматских курганных погребений. IV — Верхне-Ахтубинский центр сарматских курганных погребений. Г — Диагональные погребения в сарматских курганных могильниках.

а — поселения, курганы и случайные находки сарматов IV—II в. до н. э. и их культуры; *б* — курганы и случайные находки поздних сарматов II—IV вв. н. э. и гуннского времени (IV—V вв. н. э.).

1 — р. Эмба, *2* — пос. Кум-Сай, *3* — пос. Матвеевский, *4* — пос. Соколовский, *5* — сел. Буруктал, *6* — аул Джанатан, *7* — могильник Ульке 2, *8* — пос. Акжар, *9* — р. Жаксы-Каргала, *10* — сел. Ново-Успенка, *11* — пос. Увак, *12* — уроч. Мечет-сай, *13* — уроч. Пятимары I, *14* — могильник «Близнецы», *15* — уроч. Тара-Бутак, *16* — сел. Тамар-Уткуль, *17* — сел. Мертвые Соли, *18* — сел Новый Кумак, *19* — г. Орск, *20* — уроч. Урал-сай, *21* — ж.-д. Орск — Ново-Аккермановка, *22* — хут. Белошапочный, *23* — сел. Ильинское, *24* — пос. Тапалык, *25* — аул Бай-Джигит, *26* — мог. Аландский II, *27* — пос. Аландский, *28* — р. Кара-Бутак, *29* — пос. Агаповский, *30* — Мало-Кизыльский могильник I, *31* — Мало-Кизыльский II, *32* — сел. Муракаево, *33* — сел. Кусеево, *34* — сел. Исянбетово, *35* — г. Сибай, *36* — пос. Курагайский, *37* — пос. Таракановский, *38* — пос. Борисовский, *39* — сел. Кочкарь, *40* — пос. Нижне-Карасинский, *41* — сел. Травники, *42* — пос. Шахматовский, *43* — городище Кара-Абыз, *44* — селище Воронки, *45* — селище Дудкино I, *46* — сел. Старые Киишки, *47* — городище Аташ, *48* — сел. Бишунгарово, *49* — сел. Ильтуганово, *50* — станция Карламан, *51* — Курмантаевское городище, *52* — селище Курмантау, *53* — Михайловское городище, *54* — Касьяновское городище, *55* — сел. Дарьино, *56* — сел. Дмитриевка, *57* — Табынское городище, *58* — Воскресенское городище, *59* — сел. Асавбашево, *60* — сел. Талачево, *61* — сел. Шеверли, *62* — хут. Веселый, *63* — сел. Веденовка, *64* — сел. Еметбаево, *65* — сел. Елембетово, *66* — сел. Юрматы, *67* — хут. Кашкара, *68* — сел. Салихово, *69* — сел. Бугульчан, *70* — сел. Якупово, *71* — сел. Ново-Муранталово, *72* — сел. Алексеевка, *73* — р. Уршак, *74* — I Чумаровские курганы, *75* — сел. Уязыбашево, *76* — сел. Азнаево, *77* — сел. Прохоровка, *78* — сел. Нижние Кузлы, *79* — сел. Путятино, *80* — г. Октябрьск, *81* — сел. Воздвиженское, *82* — пос. Красногорский, *83* — пос. Гирьял, *84* — сел. Каменно-Озерное, *85* — пос. Благословенский, *86* — уроч. Бис-Оба, *87* — уроч. Маячная Гора, *88* — уроч. Башкирское Стойло, *89* — уроч. Горбатый мост, *90* — уроч. Алебастрова гора, *91* — г. Оренбург, *92* — уроч. Бердинская гора, *93* — пос. Александровка (прииск Горяева), *94* — сел. Павловская, *95* — пос. Красноxолмский и Карданловский, *96* — сел. Абрамовка, *97* — сел. Александровка, *98* — сел. Михайловка, *99* — сел. Любимовка (уроч. Лапасина), *100* — сел. Преображенка, *101* — сел. Любимовка (совхоз им. Свердлова), *102* — сел. Погромное, *103* — сел. Липовка, *104* — г. Бугуруслан, *105* — сел. Лабовка, *106* — совхоз Березняки, *107* — сел. Герасимовка, *108* — хут. Барышников, *109* — сел. Лебедёвка, *110* — Коммуна Спартак, *111* — сел. Рубежное, *112* — пос. Гниловский, *113* — пос. Новенький, *114* — г. Уральск (I курганная группа), *115* — г. Уральск, *116* — г. Уральск (II курганная группа), *117* — Кордон Деркульский, *118* — пос. Зеленый, *119* — ж.-д. ст. Шипово, *120* — ж.-д. ст. Семиглавый Мар, *121* — оз. Челкар, *122* — пос. Калмыково, *123* — сел. Федоровка, *124* — ж.-д. ст. Марычевка, *125* — район г. Самары (Куйбышев), *126* — Куйбышевский музей, *127* — сел. Хрящевка, *128* — сел. Успенка, *129* — сел. Максютово, *130* — сел. Осипов Гай, *131* — сел. Еремеевка, *132* — сел. Новая Казанка, *133* — уроч. Кара-Оба, *134* — уроч. Курпе-Бай, *135* — сел. Орловка, *136* — г. Маркс, *137* — сел. Эндерс, *138* — сел. Бородаевка (Боаро), *139* — сел. Новая [illegible], *140* — сел. Сусалы, *141* — сел. Крутояровка, *142* — сел. Советское (бывш. Мариенталь), *143* — колхоз Восход, *144* — г. Энгельс (бывш. Покровск), *145* — сел. Березовка (бывш. Делерн), *146* — бывш. сел. Бангерт, *147* — бывш. сел. Вальтер, *148* — сел. Скатовка, *149* — сел. Краснополье (бывш. Прейс), *150* — сел. Ровное, *151* — сел. Черебаево, *152* — сел. Иловатка, *153* — сел. Колышкино, *154* — сел. Усатово, *155* — бывш. сел. Виземиллер (Луговое), *156* — бывш. сел. Фриденберг (Мирное), *157* — ж.-д. ст. Полтавка, *158* — бывш. сел. Альт-Ваймар (Старая Иванцовка), *159* — бывш. хут. Шульц (совхоз «Красный Октябрь»), *160* — ж.-д. ст. Гмелинская, *161* — сел. Харьковка, *162* — бывш. сел. Блюменфельд (Цветочный), *163* — бывш. сел. Блюменфельд-Кано, *164* — сел. Потемкино, *165* — сел. Молчановка, *166* — сел. Новая Молчановка, *167* — I Бережновский могильник, *168* — сел. Бережновка, южная группа, *169* — II Бережновский могильник, *170* — сел. Политотдельское, I гр., *171* — то же, II группа («Ямки»), *172* — сел. Быково, I гр., *173* — то же II группа, *174* — хут. Степана Разина, *175* — пос. Нижне-Водяное, *176* — сел. Ново-Никольское, *177* — сел. Калиновка, *178* — сел. Верхнее Погромное, *179* — ж.-д. ст. Сайхин, *180* — г. Волжский, *181* — хут. Киляковка, *182* — сел. Средняя Ахтуба, *183* — 15-й поселок, *184* — ж.-д. ст. Заплавное, *185* — сел. Ленинск, *186* — сел. Дмитриевка, *187* — ж.-д. ст. Нижний Баскунчак, *188* — сел. Батаевка, *189* — сел. Болхуны, *190* — сел. Михайловка, *191* — сел. Баста, *192* — сел. Селитренное, *193* — ж.-д. ст. Сероглазово, *194* — уроч. Бугор Билинта, *195* — пос. Ганюшкино и оз. Атакуль, *196* — уроч. Истай-Бабай, *197* — уроч. Сазды, *198* — г. Саратов, *199* — сел. Песчанка, *200* — сел. Ершовка, *201* — сел. Верхний Колышлей, *202* — г. Аткарск, *203* — сел. Тантулино, *204* — сел. Елань, *205* — сел. Машевка, *206* — сел. Большая Дмитриевка, *207* — колония Норка, *208* — бывш. сел. Денгоф, *209* — ж.-д. ст. Карамыш, *210* — сел. Новый Курлак, *211* — сел. Левашевка, *212* — сел. Каменка, *213* — сел. Щербаковка, *214* — сел. Нижняя Добринка, *215* — сел. Новая Норка, *216* — ж.-д. ст. Лебяжья, *217* — слобода Котово, *218* — сел. Саламатино, *219* — сел. Гусевка, *220* — хут. Киреев, *221* — сел. Александровка, *222* — хут. Авилов, *223* — хут. Ютаевка, *224* — ж.-д. ст. Иловлинская, *225* — ж.д. ст. Березовская, *226* — сел. Сидоры, *227* — уроч. Королевы Могилы, *228* — ж.-д. ст. Арчединская, *229* — ст. Нехаевская, *230* — г. Ново-Аннинск, *231* — сел. Березовка, *232* — хут. Королев, *233* — ст. Еланская, *234* — Волгоградский химкомбинат, *234а* — пос. Котлубань, *235* — Заканальный могильник (Волгоград), *236* — г. Красноармейск (Сарепта), *237* — слобода Карповка, *238* — сел. Илёвка, *239* — сел. Колпачки, *240* — хут. Ляпичев, *241* — сел. Цаца, *242* — сел. Абганерово, *243* — хут. Жутово, *244* — пос. Октябрьский, *245* — сел. Новый Аксай, *246* — хут. [illegible], *247* — хут. Верхне-Яблочный, *248* — хут. Попов, *249* — хут. Соленовский, *250* — хут. Ясырев, *251* — сел. Старица, *252* — хут. Кузин, *253* — хут. Хохлацкий, *254* — хут. Балкин, *255* — сел. Соленое Займище, группа II, *256* — уроч. Ордынский Бугор, *257* — уроч. Сазонкин Бугор, *258* — Капитанский хут., *259* — сел. Никольское, *260* — сел. Михайловка, *261* — г. Енотаевск, *262* — пос. Дедломинский, *263* — сел. Кегюльта, *264* — пос. Зензели, *265* — пос. Белое Озеро, *266* — автобусная станция № 8, *267* — Элистинский курганный могильник, *268* — *269* — Элиста, I группа, «Три брата», *270* — Элиста, II группа, *271* — уроч. Бичкин-Булук, *272* — пос. Цаган-Эльсин, *273* — пос. Лола, I группа, *274* — пос. Лола, II группа, *275* — уроч. Архара, *276* — Восточный Маныч, I группа, *277* — Восточный Маныч, II группа, *278* — Восточный Маныч, I группа 1966 г., *279* — Восточный Маныч, II группа 1966 г., *280* — Восточный Маныч, III группа, *281* — Восточный Маныч, курганы правого берега, *282* — сел. Ново-Егорлыкское, *283* — колхоз «Красный Октябрь», *284* — хут. Веселый, курган «Шахаев», *285* — хут. Веселый, *286* — хут. Спорный, *287* — лиман Шаховский, *288* — Веселовский зерносовхоз, *289* — хут. Тузлуков, *290* — хут. Усьман, *291* — хут. Алитуб, *292* — пос. Койсуг, *293* — станция Кагальницкая, *294* — хут. Федулов, *295* — хут. Верхне-Янченков, *296* — хут. Кудиново, *297* — хут. Ажинов

ния, городища и курганные погребения этого времени. В Прикубанье на рубеже нашей эры меотские и сарматские признаки погребального обряда сильно смешиваются. Меото-сарматскому миру в целом была свойственна широтная ориентировка: одни группы хоронили своих покойников головой на восток, другие — на запад. Западную ориентировку можно рассматривать отчасти как наследие савроматов. Погребения же ранних меотов ориентированы главным образом на юг и юго-восток. Западная ориентировка частично прослеживается и в бассейне Маныча, особенно его нижнего течения, и имеется в Койсугском курганном могильнике — в могилах последних веков до нашей эры [48]. Возможно, что сиракские кочевья достигали и бассейна Маныча, но основным районом пребывания этого союза племен, по современным археологическим данным, вряд ли был Маныч. Сарматское население района Койсуга с его прикубанскими чертами не только в обряде, но и отчасти в погребальном инвентаре могло быть сиракским. Бассейн Маныча в целом может быть признан лишь северной окраиной сиракского союза, где непосредственно сталкивались интересы двух больших сарматских объединений — сираков и аорсов.

Сарматские группы в более северных районах Заволжья, чем Калиновская группа, т. е. бассейна Еруслана и Саратовской области (рис. 1), в период прохоровской культуры по погребальному обряду мало чем отличались от своих южных собратьев. Они имели свои погребальные центры и в нижнем течении Еруслана, и на Караманах. Они отличались от аорсов и по происхождению. Зафиксированы их некоторые антропологические отличия от сарматов южных районов Поволжья. Еще Г. Ф. Дебец, отмечая эти различия, видел в сарматской среде Заволжья на территории современной Саратовской и северной части Волгоградской областей особую «саратовскую» группу [49].

Судя по антропологическим данным, изученным Б. В. Фирштейн [50], в период прохоровской и сусловской культур больших антропологических изменений в населении этого края не происходило. Здесь длительное время жила одна и та же группа кочевников.

Своеобразием северной заволжской группы сарматов является распространение в ней в широких масштабах в I в. до н. э.— I в. н. э. диагональных погребений [51], а в антропологическом отношении очень разнообразных [52], как, впрочем, это наблюдается у всех сарматов независимо от их погребальных форм. Моя попытка отождествить диагональные погребения только с роксоланами [53], поддержанная некоторыми исследователями, оказалась неудачной. В результате дальнейших больших археологических исследований диагональные погребения были обнаружены в большом или малом количестве во всех областях расселения сарматов (рис. 1). В скифо-савроматское время, т. е. уже в VI—V вв. до н. э., диагональное положение погребенных спорадически было зафиксировано в Заволжье (Сусловский могильник, кург. 5) и в некоторых курганах Южного Приуралья [54] (Тара-Бутак, кург. 2, погр. 3; I Пятимары, кург. 6, погр. 1, Мечетсай, кург. 10, погр. 2; III Аландская группа, кург. $^3/_4$,

---

[48] *В. Е. Максименко.* Сарматские погребения в дельте Дона. СА, 1970, 2, стр. 224 сл.; *его же.* Некоторые итоги исследования Койсугского курганного могильника, стр. 47.

[49] *Г. Ф. Дебец.* Ук. соч., стр. 168.

[50] *Е. В. Фирштейн.* Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970, стр. 146.

[51] *Е. К. Максимов.* Сарматские диагональные погребения Восточной Европы. Археологический сборник СГУ. Саратов, 1966, стр. 98—115.

[52] *Б. В. Фирштейн.* Ук. соч., стр. 147.

[53] *К. Ф. Смирнов.* О погребениях роксолан.

[54] *Е. К. Максимов.* Сарматские диагональные погребения Восточной Европы, стр. 106; *К. Ф. Смирнов.* Савроматы, стр. 211, рис. 18, *1*, *3*; стр. 316, рис. 23, *1*; стр. 323, рис. 30, 1; *М. Г. Мошкова.* Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья. Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, стр. 57, рис. 3, *V*.

погр. 2) и в низовьях Амударьи (Тагискен, южная группа, курганы 28 и 54) [55]. Отдельные примеры почти диагонального положения покойников известны для скифского времени по всей территории Евразии, как на Алтае, так и в Причерноморской Скифии. Здесь допустим элемент случайности. Однако вряд ли это было так у ранних кочевников Заволжья, Южного Урала и в Тагискене. В савроматском мире почти все ранние диагональные погребения представляют захоронения жриц, т. е. лиц, занимавших особое место в обществе. Это скорее признак погребальной обрядности, может быть отражающей какие-то религиозные представления или магические действия. В эпоху прохоровской культуры этот обряд приобретает большее значение в среде отдельных родовых групп сарматов Приуралья. Он нами отмечен в трех могильниках Илека: в «Близнецах» (кург. 2, погр. 1 и, вероятно, кург. 4, погр. 1) [56], в Уракском могильнике (кург. 12, погр. 3) и в Мечетсае (вероятно, курганы 1 и 8, погр. 3). На Урале кроме илекской группы известен случай диагонального положения погребенного в кургане прохоровской культуры у Бердинской горы под Оренбургом [57].

Я уже давно пересмотрел свою прежнюю точку зрения на диагональные погребения [58]. Эта черта погребального обряда в среде сарматов не является специфическим этническим признаком. Точку зрения о связи сарматских диагональных погребений с религиозными представлениями высказывал в последние годы своей жизни Б. Н. Граков. Мнение о религиозной основе диагонального обряда захоронений высказала недавно в печати М. Г. Мошкова [59].

В подавляющем большинстве диагональные погребения сусловской культуры повсюду отличаются разнообразным составом инвентаря (в том числе и золотые вещи), тщательностью могильного «оборудования», наличием импортных предметов, особенно привозной керамики, оружия и предметов конского снаряжения в мужских могилах, что позволяет мне попрежнему связывать эти погребения с особой социальной группой, занимавшей привилегированное положение в роде и племени, например, с господствующей военной аристократией [60]. Сарматы, для которых характерны диагональные погребения, были, вероятно, особо активными в военном отношении и поэтому широко распространились по всему сарматскому миру. По современным археологическим данным, к рубежу нашей эры значительная часть их сконцентрировалась в бассейне Караманов (Саратовское Заволжье) и на Нижнем Еруслане (Бережновка II). Сарматы северных районов Волгоградского и Саратовского Заволжья составляли иную группу племен, чем аорсы. Сарматам северной поволжской группы, вероятно, принадлежала важная роль в заселении Северного Причерноморья, но не только тем, которые оставили нам диагональные погребения. Об этом говорят ближайшие соответствия по антропологическим данным саратовской и приднепровской группы сарматов в I в. (особенно Запорожской обл.) [61]. И там и тут известны среди сарматских курганных погребений

---

[55] *С. П. Толстов.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 186; *его же.* Результаты историко-археологических исследований в 1961 г. на древних руслах Сырдарьи. СА, 1962, 4, стр. 139—140; *его же.* Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. ВДИ, 1963, 2, стр. 37.

[56] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры. табл. 2, рис. 7.

[57] Раскопки И. Макаренко на Бердинской горе 1903 г. Тр. УАК, XVI, Оренбург, 1906, стр. 89, рис. 7.

[58] *К. Ф. Смирнов.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское, стр. 319.

[59] *М. Г. Мошкова.* Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья, стр. 71.

[60] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 319.

[61] *Т. С. Кондукторова.* Материалы по палеоантропологии Украины. Антропологический сборник, I. М., 1956, стр. 171—173; *ее же.* Антропология древнего населения Украины. М., 1972.

диагональные могилы. Мы не знаем, как назывались сарматы саратовского Заволжья, включая низовья Еруслана. Я по-прежнему придерживаюсь мнения, что они были тесно связаны с роксоланами. Сам роксоланский союз, включавший ряд сарматских племен, существовал (а может быть, и сложился), судя по письменным источникам, определенно только в степях Приднепровья и Приазовья. Саратовское Заволжье может быть признано непосредственной родиной тех сарматских групп, которые вошли в состав союза северопричерноморских сарматов под руководством роксолан, возможно выходцев из Заволжья.

В I—II вв. на первое место выходят носители диагональных погребений. Ареал диагональных погребений значительно расширяется. Они заметно распространяются и в междуречье Дона и Волги. Здесь они появляются и в бассейне Иловли, и значительно южнее. Обряд диагонального положения, возникший как определенный социальный и религиозный признак, встречающийся у савроматов и некоторых прохоровских групп, становится общесарматской чертой, характерной для различных сарматских племен и их союзов — аорсов, роксоланов и аланов [62]. Носители диагональных погребений, не говоря уже о том, что они распространяются по степным областям Северного Причерноморья, проникают и далеко на юг — до северо-восточных степных районов Северного Кавказа (район Ачикулак) [63]. Диагональные погребения в это время становятся существенным и безусловным признаком присутствия сарматов. Диагональные погребения как массовые могилы во II — начале III в. широко распространяются на территории бывшего аорского союза между Нижним Доном и Волжской дельтой, где теперь стали господствовать аналаны. Их много в таких крупных могильниках, как Жутовский на Аксае и в ряде курганных групп Астраханского правобережья, где они составляют от 30 (хутора Кузин, Балкин) до 50 (Соленое Займище, Никольское) процентов могил — I — начала III в.

Обряд диагональных погребений у сарматов с юго-западной и юго-восточной ориентировкой с середины III в. сменяется повсюду северной ориентировкой в узких подбойных и простых ямах. Небольшое число диагональных могил встречается еще в позднесарматское время. Их пережиток — широкие могилы с костяком, лежащим в середине могилы головой на север, параллельно стенкам могилы. Для этого времени уже не приходится говорить о прежних могучих союзах сарматских племен аорсов, спраков или роксоланов. Их, вероятно, уже не существовало.

Преобладание узких простых и подбойных могил в сарматских степях на позднесарматском этапе свидетельствует о большой унификации погребального обряда в среде новых господ, подчинивших себе сарматские племена в течение II—III вв. Это были аланы в широком понимании, не выделяющиеся в первых веках особыми чертами обряда или формами своих погребальных сооружений из общей массы сарматов. Сарматская культура позднего этапа была создана различными племенами, но под длительным господством алан она приняла унифицированные формы, осложненные новыми восточными элементами, в том числе, вероятно, и тюркского происхождения, если тюркоязычные племена были в составе гуннского союза.

Позднесарматская культура создалась на общесарматской культурно-этнической основе степных ираноязычных племен, выступавших теперь под общим названием алан, яркую характеристику которых дал Аммиан Марцеллин: «Разделенные таким образом по обеим частям света, аланы

---

[62] *К. Ф. Смирнов.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области, стр. 319.

[63] *Е. И. Крупнов.* Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, 2, стр. 160—170; *В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 76—77.

(нет надобности перечислять теперь их разные племена), живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами» (Аммиан Марцеллин. «История», XXXI, 2, 17).

K. F. Smirnov

SARMATES DU BAS COURS DE VOLGA ET DU TERRITOIRE ENTRE LA VOLGA ET LE DON EN IV s. av. n. è.— II s. de n. è.

Résumé

L'article est consacré au problème de la propagation des tribus sarmates dans les steppes du cours de Volga et du territoire entre celle-ci et le Don jusqu'au bassin du cours d'eau de Manytch au sud. Sur la carte annéxée à l'article (fig. 1) sont indiqués tous les sites sarmates (suivant les étapes du développement de la civilisation sarmate) à partir de la rive gauche du Don jusqu'aux régions des piémonts de l'Oural méridional. La grande diversité présentée par les types des rites funéraires témoigne du brassage des groupes familiaux et tribaux dans les derniers siècles av. n. è. Aucun de ces types ne détermine une tribu particulière. Les sépultures en diagonale caractéristiques pour les Sarmates de la limite de notre ère ont trait non seulement aux Roxolans mais apparaissent comme un indice général, persistant jusqu'au III s. de n. è., de la civilisation sarmate. A la suite de la progression des Sarmates de la Transvolgie vers le sud, les sépultures en diagonale des 1—III siècles deviennent caractéristiques pour le territoire entre le Don et la Volga habité par les Aorses. L'auteur défini quelques-uns des centres tribaux sarmates dans la Transvolgie et fait la tentative de déterminer deux régions principales habitées par deux groupes sarmates différents: les régions septentrionales du cours de Volga et de la Transvolgie (à partir du bassin de Iérouslan et plus au nord) par les descendants directs des Roxolans tandis que les bas cours du Don et de la Volga (rive droite de l'Akhtouba jusqu'au bassin fluvial de l'Oural) par les Aorses et les Aorses supérieurs de Strabon. La portion occidentale du bassin de Manytch est considérée comme la région des contacts entre les Aorses et les Siraques nomadant dans les steppes précaucasiennes.

Т. Н. ТРОИЦКАЯ

ВООРУЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ В КОНЦЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н. э.

В конце I тысячелетия до н. э. в жизни населения Новосибирского Приобья происходят изменения. Исчезают памятники большереченского типа, представленные могильниками V—IV вв. у сел Н. Шарап и Ордынск[1]. Появляются погребения, в которых наряду со старыми традициями имеются новые черты: северная ориентация погребенных, сосуды, орнаментированные рядами «уточек», новое вооружение и т. д.

Памятники конца I тысячелетия до н. э. представлены 47 могилами в курганном могильнике Каменный Мыс на р. Уень (левобережная протока Оби) и 18 могилами в мог. Ордынское I, где наряду с ними были раскопаны погребения V—IV вв., типичные для большереченской культуры, причем в отдельных случаях погребения с инвентарем II—I вв. до н. э. были впущены в насыпи курганов V—IV вв. Этот факт указывает на смену культурных традиций и исключает их взаимное существование на данной территории.

Хотя раскопки могильников Каменный Мыс и Ордынское I еще не завершены, однако уже представляется возможным выявить отдельные черты новой культуры, в частности оружие, представленное железными наконечниками копьев и кинжалами, бронзовыми и железными кельтами, крупными, костяными и бронзовыми наконечниками стрел.

Железные кинжалы (2 экз). Найдены в могилах кург. 3 Каменного Мыса, справа от скелета, на уровне таза, имели деревянные ножны. 1. Кинжал из мог. 15 — железный с бронзовым перекрестием (рис. 1, *1*). Деревянные ножны завернуты в бересту. Местами на остатках дерева прослеживаются отпечатки ткани простого плетения. Навершие разрушилось. Длина клинка 15,6 *см*. Перекрестие выполнено из двух защепок (одна утеряна), закрепленных на клинке и выступающих за его пределами. Аналогии нам неизвестны. 2. Кинжал из мог. 25, длина 29,6 *см*. Клинок ромбовидный в сечении, перекрестие узкое брусковидное, навершие грибовидное (рис. 1, *2*). Аналогии нам неизвестны. Однако его можно датировать, сравнивая с кинжалом сарматского типа. Прямые брусковидные перекрестия появляются в IV—III вв. до н. э. и делаются типичными в III—II вв. до н. э.[2]

Железные наконечники копьев (2 экз). Найдены в могилах кург. 3 Каменного Мыса. Лежали справа от скелета, на уровне стопы или плеча. 1. Наконечник из мог. 19 (рис. 1, *4*), длина 28,5 *см*, втулка незамкнутая, длина пера 12,5 *см*. 2. Наконечник из мог. 5 (рис. 1, *3*), острие отломано, перо широкое, подтреугольной формы; по своим размерам (не бо-

[1] *М. П. Завитухина.* Ордынские курганы V — IV вв. до н. э. АСб, 10, 1968, стр. 28—34; *Т. Н. Троицкая.* Курган большереченской культуры. СА, 1970, 3, стр. 213—217.

[2] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры. САИ, Д. 1—10, М., 1963, табл. 18, 19.

лее 16 *см*) относится к дротикам. В могиле найдены стеклянные позолоченные бусы, которые получают распространение лишь с III в. до н. э.[3], и бронзовый кельт.

Бронзовые кельты. Найдено девять кельтов: семь в Каменном Мысу, два — в Ордынском I. Относятся к западносибирскому типу, выявленному В. Н. Чернецовым на материалах случайных находок[4]. Найденные нами в определенных комплексах кельты вносят некоторые уточнения в его классификацию. В могилах кельты находились слева и справа

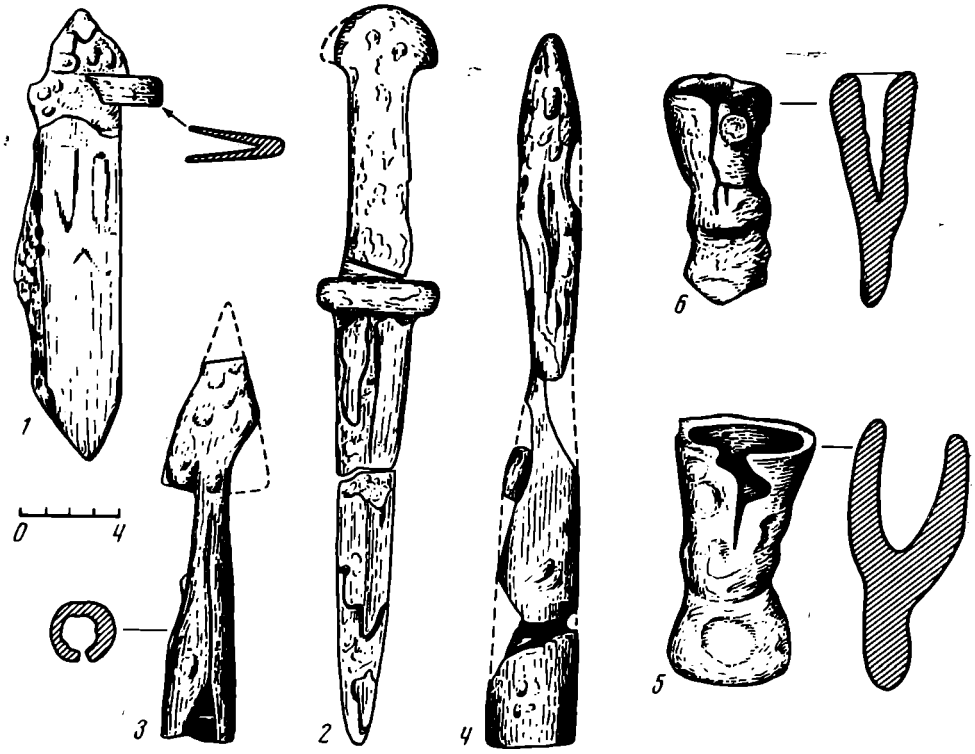


Рис. 1. Железное оружие из мог. Каменный Мыс

1—5 — кург. 3. *1* — мог. 15; *2* — мог. 25; *3* — мог. 5; *4* — мог. 19; *5* — мог. 27; *6* — кург. 4, мог. 1

от погребенного, но всегда ниже таза или на его уровне. Они имели типичную для западносибирского типа внутреннюю поперечную перегородку и шестигранное сечение. Орнамент расположен на средней грани и выполнен рельефными линиями. На ней же всегда имеется одно-два отверстия — след от закрепления при отливке внутри втулки сердечника. Найденные нами кельты делятся на две группы.

Первая группа представлена семью кельтами из мог. Каменный Мыс (рис. 2, *1—7*) и, по классификации В. Н. Чернецова, относится к третьей группе западносибирских кельтов. Для них характерно деление орнамента горизонтальной полосой на две части. Нижняя представлена расходящимися «усами», а в центре верхней части проходит вертикальная полоса, по обеим сторонам которой расположены «петельки». Средние размеры кельтов: общая длина от 7,2 до 8,4 *см*, ширина по втулке 5—5,5 и 2—2,5 *см*, длина лезвия от 1,8 до 2,5 *см*. Все эти кельты представляют собой линейный брак — верхняя часть их недолита. Опишем коротко их орнаментацию.
1. Разграничительная полоса состоит из трех линий, от нее вниз идут

[3] *В. Б. Деопик.* Классификация бус Северного Кавказа. СА, 1959, 3, стр. 55.
[4] *В. Н. Чернецов.* Опыт типологии западносибирских кельтов. КСИИМК, XVI, М.— Л., 1947, стр. 65—78.

двойные усики (рис. 2, *1*). 2. Расходящиеся усики выполнены тремя линиями, соединенными между собой поперечными бороздками (рис. 2, *2*). 3. Разграничительная полоса состоит из трех горизонтальных линий, которые с одной стороны переходят на две боковые грани, слегка поднимаясь к основанию кельта (рис. 2, *3*). Нижняя зона орнамента представлена двумя парами усов, верхняя, разделенная пополам тройной вертикальной полосой,— двумя изогнутыми петельками с глазками. Сохранился остаток

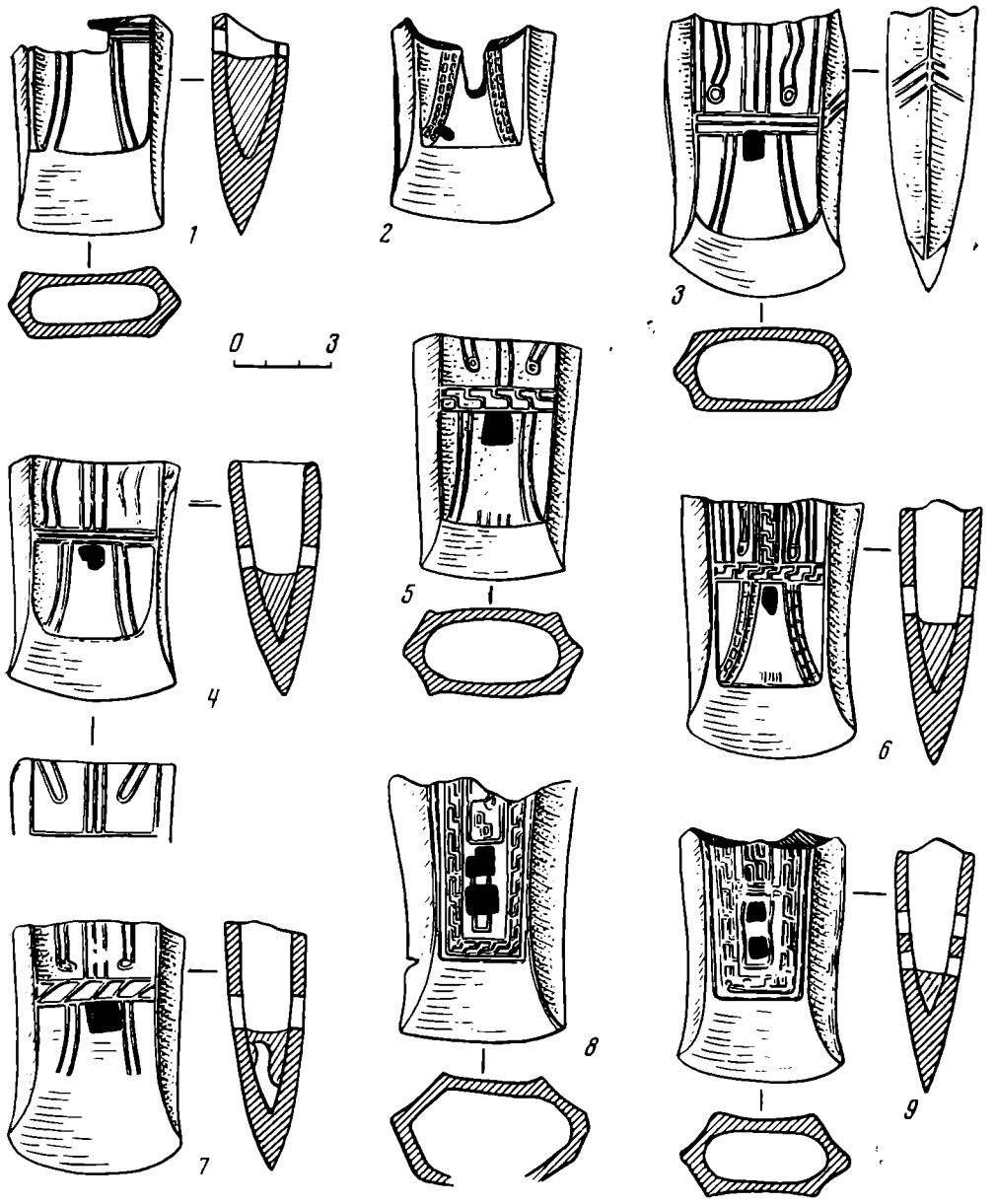


Рис. 2. Бронзовые кельты

1—5 — Каменный Мыс, кург. 3; *6, 7* — там же, кург. 4; *8, 9* — Ордынское I; *1* — мог. 25; *2* — мог. 8; *3* — мог. 15; *4* — мог. 5; *5* — мог. 24; *6* — мог. 9; *7* — мог. 11; *8* — находка в осыпи под курганами; *9* — кург. 7, мог. 5

рукоятки диаметром 2,4 *см*. 4. Горизонтальная полоса такая же (рис. 2, *4*), верхняя зона орнамента, разделенная тремя вертикальными линиями, на одной грани выполнена косо расположенными петельками, на другой — двумя парами изогнутых линий, идущих от края кельта до горизонталь-

ной черты. Нижняя часть орнамента — усы из двух линий. 5. Разделительная полоса состоит из двух горизонтальных линий и меандров (уточек) между ними (рис. 2, *5*). Верхняя зона — две петельки с глазками и вертикальная полоса из двух линий между ними. Орнамент нижней зоны — четыре пары усов, причем средние слабо отлиты. 6. Разделительная полоса такая же, как на предыдущем кельте (рис. 2, *6*). Нижняя часть орнамента — вертикальная полоса и пара усов из трех линий, соединенных между собой поперечными бороздками. У первой отлитой оказалась лишь ее нижняя часть. Верхняя зона — пара петелек с глазками на концах. Каждая петелька окаймлена с двух сторон вертикальными полосами из двух линий, между которыми расположен вертикальный ряд меандров (уточек). 7. На одной грани орнамент полустертый, на другой прослеживается отчетливо. Разделительная полоса — две горизонтальные линии и ряд наклонных линий между ними. Выше ее — пара петелек с глазками и вертикальная полоса из трех линий между ними (рис. 2, *7*).

Вместе с кельтами найден следующий датирующий материал. В могиле 25 (рис. 2, *1*) с кельтом обнаружен железный кинжал с прямым перекрестием (рис. 1, *2*). В могиле 5 — стеклянные позолоченные бусы, которые, как указывалось выше, появляются не ранее III в. д. э. С кельтами, представленными на рис. 2, *1, 3, 5,* встречены бронзовые наконечники стрел кулайского типа, о которых речь пойдет ниже и которые известны в комплексах IV—III вв.[5]

Близок кельту на рис. 2, *5* кельт из Потчевашского могильника, найденный, по утверждению В. И. Мошинской, вместе с сосудом, характерным для последней трети I тысячелетия до н. э.[6] Все это уточняет датировку В. Н. Чернецова, который предположительно относил третью группу к VII—IV вв. до н. э.[7] Как показывает материал Каменного Мыса, кельты с зонально расположенным на средней грани орнаментом из петелек и длинных усов могут быть отнесены к III в. до н. э. Возможность их более раннего появления не исключена.

Кельты второй группы найдены в Ордынском могильнике и представлены двумя экземплярами (рис. 2, *8*, *9*). По типологии В. Н. Чернецова, они относятся к четвертой группе западносибирских кельтов[8] и отличаются чуть более вытянутыми пропорциями. Средняя грань узкая, угол между боковыми гранями несколько приподнят, перегородка во втулке укороченная. На обоих кельтах орнаментированная часть с трех сторон окаймлена рамкой — двумя линиями, между которыми выполнен меандровый орнамент типа уточек. Внутри рамки находятся расположенные друг над другом два прямоугольника, в нижнем заключены два отверстия, в верхнем — два заходящих друг на друга меандра. Длина кельтов 7,6 и 8,3 *см,* ширина втулки и лезвия 5,1 *см,* длина лезвия 2,7 *см.* Один кельт имеет следы длительного употребления, лезвие затуплено (рис. 2, *9*). Второй кельт (рис. 2, *8*) найден в осыпи размытого кургана.

Датирующий материал представлен сдвоенными стеклянными позолоченными бусами, которые появляются позже одиночных и широко распространяются с I в до н. э. — I в. н. э.[9] В. Н. Чернецов датирует четвертую группу кельтов временем с IV в. до н. э. по I в. н. э. Наши кельты не выходят за пределы этих рамок и датируются временем не ранее II в. до н. э.

Железные кельты (2 экз.). Найдены в Каменном Мысу. Сопровождались таким же инвентарем, как и бронзовые кельты (бронзовыми крупными наконечниками стрел, такими же сосудами и т. д.). Нужно от-

---

[5] *А. В. Збруева.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, табл. XLII, *5*.

[6] *В. И. Мошинская.* Городище и курганы Потчеваш. МИА, 35, 1953, стр. 196—197, рис. 2.

[7] *В. Н. Чернецов.* Ук. соч., стр. 75.

[8] *В. Н. Чернецов.* Ук. соч., стр. 72, рис. 25.

[9] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 172.

метить, что бронзовые и железные кельты ни разу не встречены вместе. Можно полагать, что они имели одинаковые функции боевого оружия. Характерной особенностью данных кельтов является резко расширяющаяся втулка и короткое лезвие.

Кельт из кург. 3 (рис. 1, *5*) лежал у правого колена скелета, длина его 10,6 *см*, разрез втулки приближается к шестиграннику. Кельт из кург. 4 (рис. 1, *6*) найден у левой кисти погребенного, но, судя по его положению (лезвием вниз), рукоять шла в правую сторону, поперек погребенного. Длина кельта 9,5 *см*.

Резко расширяющаяся втулка и короткое лезвие делают эти топорики недостаточно удобными в качестве боевого оружия и рубящего орудия. Не случайно в более позднее время форма железных топориков изменяется [10]. Их форма, видимо, является переходной от бронзовых кельтов (сплошная втулка, подшестигранная в сечении). Найденные железные кельты, датирующиеся, как и бронзовые, временем около III в. до н. э. — самые ранние из известных нам в Приобье.

Бронзовые наконечники стрел. Найдены в курганах Каменного Мыса. Стрелы крупные трехлопастные, относятся к кулайскому типу. Всего их найдено 14 экз. в восьми могилах. Они лежали вместе с костяными наконечниками стрел. Определенного места в могилах не занимали (найдены справа и слева от погребенного, возле кистей, стопы и т. д.). Обычно в могилу клали лишь один или два таких наконечника, и только в погр. 5 кург. 3 их было найдено пять, но они лежали не вместе, а в трех разных группах с костяными наконечниками стрел.

Все наконечники втульчатые, трехлопастные, крупные, края лопастей заточены, углы заострены. Втулки скрытые. Стрелы по форме делятся на четыре группы, отличаясь друг от друга длиной жальца. Длина наконечников колеблется от 5 до 9,4 *см*. В могилах все типы встречаются вместе.

Первая группа представлена пятью наконечниками (рис. 3, *1—4*). Длина их колеблется от 8,4 до 9,7 *см*, ширина у основания — от 1,5 до 2,0 *см*. К вершине наконечник резко сужается. Грани лопастей опускаются ниже втулки на 2,6 *см*. На одном наконечнике имеется отверстие — дефект литья.

К второй группе относятся четыре наконечника из кург. 3 (рис. 3, *5—8*). Длина их 8—10,4 *см*, ширина основания 1,6—1,8 *см*, длина жалец 1,5—2,1 *см*. Сужение наконечника от основания к вершине плавное.

Третья группа представлена четырьмя наконечниками (рис. 3, *9—10*), длина их 6,6—8,2 *см*, ширина основания 1,6—2 *см*. Лопасти лишь слегка выступают за края втулки. По своему внешнему виду они напоминают некоторые скифские и савроматские наконечники стрел [11], только больше их по размеру. К четвертой группе относится один наконечник (рис. 3, *12*). Длина его 5 *см*, ширина 1,5 *см*, втулка и жальца находятся на одном уровне, но на расстоянии 1,8 *см* от основания втулки жальца отходят от нее и идут параллельно ей.

Наконечники кулайского типа известны в памятниках усть-полуйской культуры [12] — на горе Кулайка [13], у пос. Степановка [14], Новосибирском могильнике [15] и т. д., т. е. в основном в северных лесных районах. На западе они доходят до территории распространения ананьинской культуры (Ко-

---

[10] *М. П. Грязнов.* История древних племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956, табл. LII, 17.

[11] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, рис. 25, *Г*; 29, *Г*; 35, *Б* и др.

[12] *В. Н. Чернецов.* Бронза усть-полуйского времени. МИА, 35, 1953, стр. 125—127, табл. II.

[13] *И. М. Мягков.* Древности Нарымского края. Тр. Томского краевого музея, 2. Томск, 1929, стр. 63, табл. III, *9, 10*.

[14] *Л. М. Плетнева.* Памятники кулайского типа в Томском Приобье. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, стр. 165.

[15] ОАК за 1896 г., стр. 138, рис. 483, *б*.

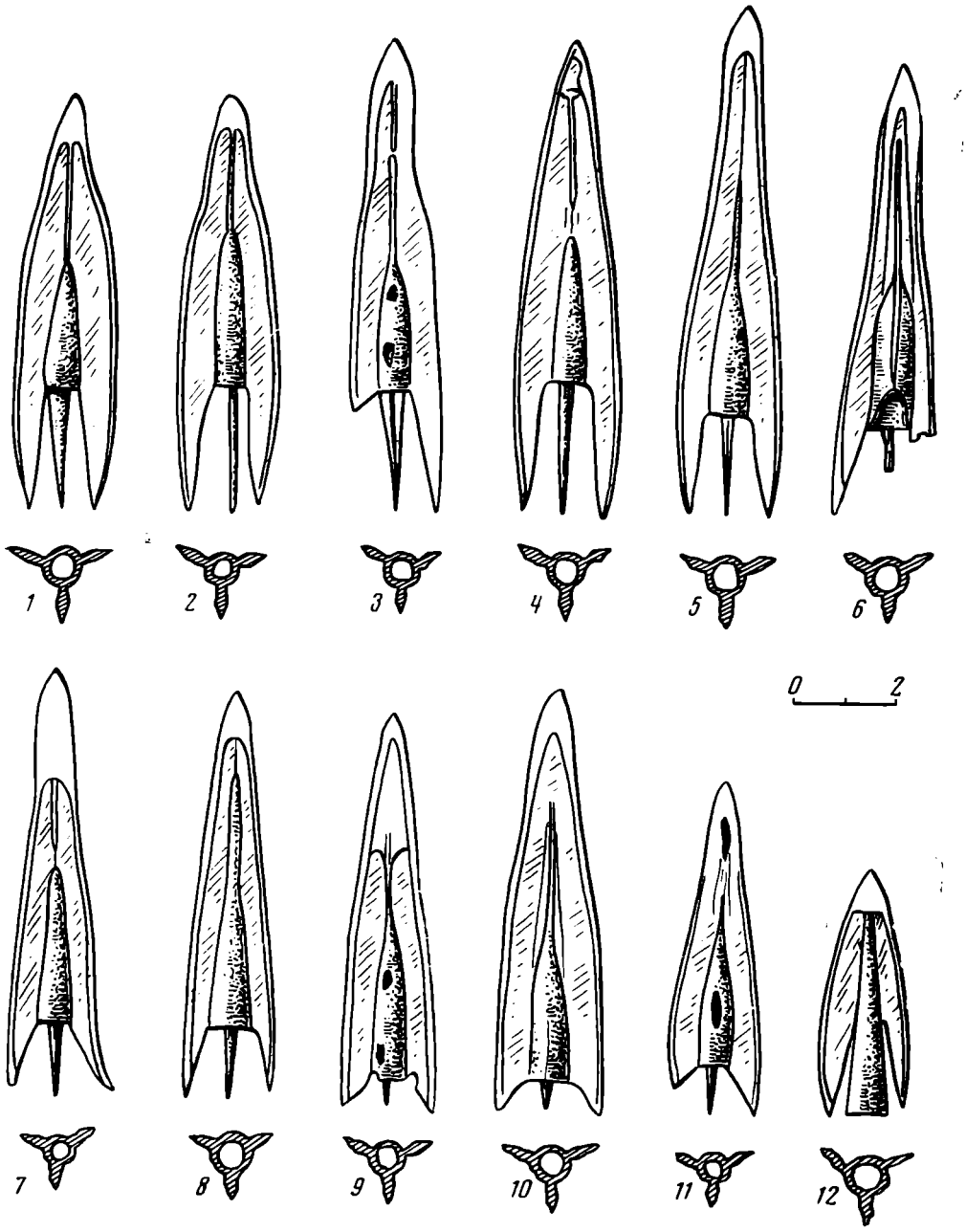


Рис. 3. Бронзовые наконечники стрел из Каменного Мыса

1, 2, 5—12 — кург. 3; *4* — кург. 10; *1, 2, 5, 10* — мог. 5; *4* — мог. 2; *6* — мог. 27; *7* — мог. 19; *8* — мог. 23; *9* — мог. 24; *11, 12* — мог. 15

нецгорское селище) [16]. Наконечники из Каменного Мыса отличаются от усть-полуйских, среди которых преобладают наконечники с открытой втулкой и встречается орнаментация втулки рельефными линиями. Они стоят ближе к наконечникам из Кулайки, Степановки, Новосибирского могильника, относимым В. Н. Чернецовым к кулайскому типу.

Костяные наконечники стрел (рис. 4). В могильнике Ордынское I, где большинство исследованных нами курганов было разграблено и содержало разновременные могилы, наконечники найдены в основном в насыпях и не могут быть определенно связаны с тем или иным погребе-

[16] *А. В. Збруева.* Ук. соч., табл. XLII, *5*.

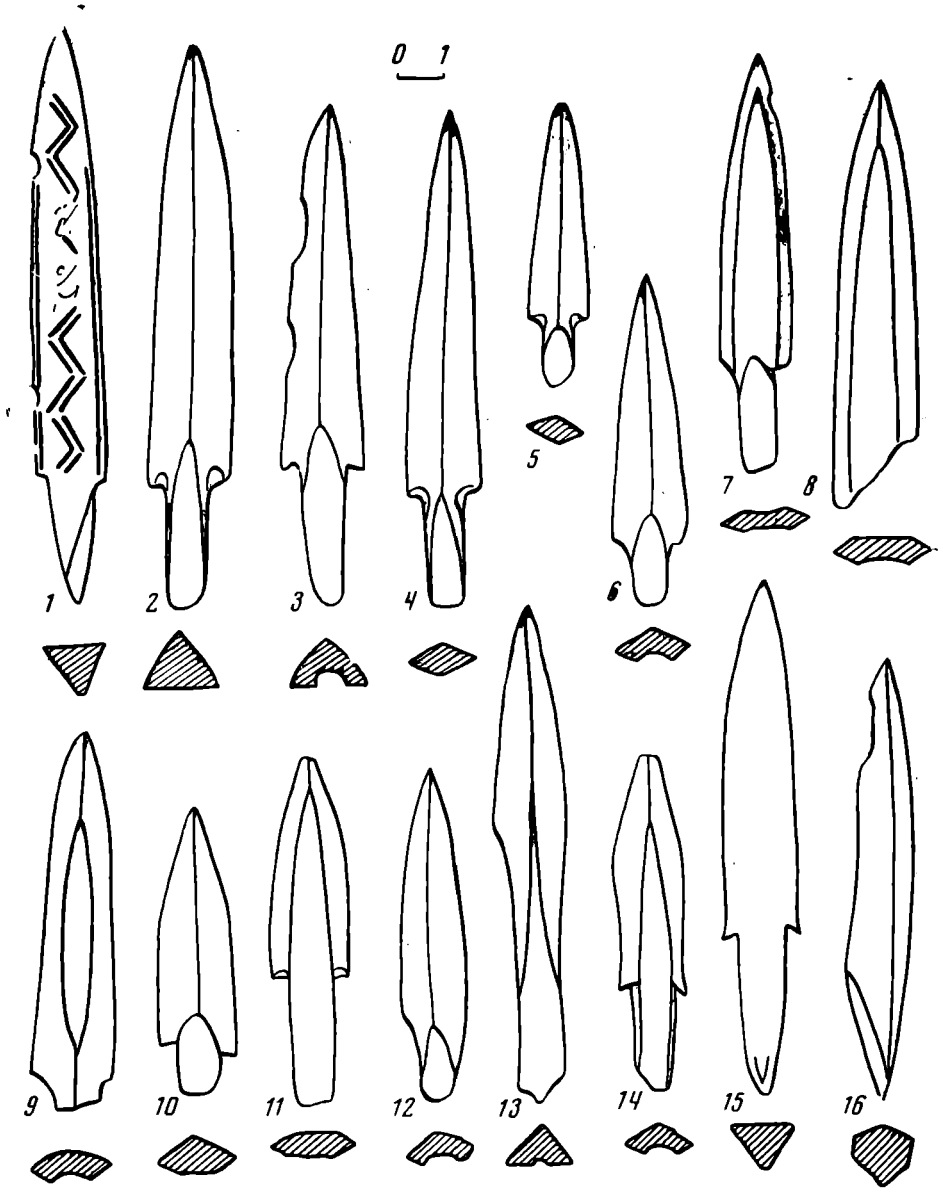


Рис. 4. Костяные наконечники стрел кург. 3 Каменного Мыса

1, 8, 12 — мог. 25; *2* — мог. 27; *3, 7, 15, 16* — мог. 13; *4* — мог. 4; *5* — мог. *11*; *6, 11* — мог. 23; *9* — мог. 12; *10* — мог. 15; *13* — насыпь; *14* — мог. 5

нием. Поэтому мы остановимся на наконечниках из Каменного Мыса. В 22 погребениях и насыпях трех курганов было найдено 144 наконечника. Места их расположения в могилах различны. Большая часть их найдена у левой или правой стопы скелета, реже — в изголовье или у руки, в одном случае — на уровне таза. Число стрел в одной могиле колебалось от одной до 20, иногда они лежали одной, двумя или тремя группами, не более 10 в каждой.

Все наконечники черешковые, крупные. Форма их не связана с размером. Длина наконечников колеблется от 6 до 14 *см*. Чаще всего встречаются длиной от 8 до 10 *см*. Наконечники из одной могилы близки друг к другу по своим размерам. Так, в кург. 3 в могиле 13 с первым скелетом лежали наконечники длиной от 5,9 до 6,4 *см*, а в могиле 27 — от 12,3 до 14,5 *см*. Но в могилах, где было найдено много стрел, встречались наконечники разных размеров. Наконечники стрел могли быть боевым и охот-

ничьим оружием, но поскольку значительная часть из них выполнена с большой тщательностью, их можно скорее всего отнести к оружию. Найден лишь один орнаментированный наконечник (рис. 4, *1*).

Встречены следующие типы наконечников. 1. Трехгранные (рис. 4, *1—3*). Часть их выполнена из трубчатой кости. Переход к острию плавный. Грани имеют форму вытянутого треугольника. Нижние концы граней расположены по отношению к черешку перпендикулярно или под слегка острым углом. К ним относится около 40% всех наконечников. 2. Четырехгранные (рис. 4, *4—6*). Грани имеют форму вытянутого треугольника. Переход к острию плавный (24% всех наконечников). 3. Шестигранные (рис. 4, *8, 9*). Угол боковых граней заострен, переход к острию плавный (29%). 4. Четырех- и шестигранные, с резким сужением граней к острию (рис. 4 ,*10, 11*) (6%). 5. Встречающиеся единично (рис. 4, *12—16*) наконечники с овальными гранями, постепенно переходящими в черешок (2%), с жальцами, перехваченными у основания (2%), многогранные (2%).

Весь комплекс костяных наконечников резко отличается от их набора в V—IV вв., когда костяные и бронзовые наконечники стрел были более мелкими. Это свидетельствует об изменении самого лука: он стал крупнее и мощнее.

Гарпунные наконечники стрел. Лежали вместе с обычными и, вероятно, ими стреляли из одного лука. Найдены в кург. 3 Каменного Мыса Разделены нами на четыре группы. 1. Крупные костяные. Найдено девять наконечников в четырех могилах. Длина их доходит до 10,3 *см*. Черешок длинный, круглый в сечении, оканчивается упором. Границы граней переходят в шипы (рис. 5, *1, 2*). 2. Бронзовые двухлопастные (2 экз., рис. 5, *3, 4*). Длина одного 8,9 *см*, черешок трапециевидный в сечении. Одна сторона наконечника плоская. Шипы длинные. Длина другого 5 *см*, обе стороны одинаковые, шипы небольшие, черешок и упор круглые в сечении. 3. Мелкие костяные наконечники (17 экз., рис. 5, *5—13*). Найдены в мог. 27 вместе с описанными бронзовыми гарпунными наконечниками. Здесь же отдельной кучкой лежали наконечники стрел: костяные обычные, один крупный гарпунный и один бронзовый кулайский. Мелкие наконечники имеют круглые в разрезе черешки длиной до 4,5 *см*. Длина пера 2—2,5 *см*. Форма их различна: с тупым концом, гарпунного типа с упором, с шипом под пером. Преобладают четырехгранные наконечники; три наконечника двухлопастные и повторяют форму бронзовых, одно перо трехгранное. Грани подтреугольные, иногда с чуть оттянутыми вниз углами, у одного наконечника грани овальные с плавным переходом к черешку. Наконечники предназначены для охоты на мелких пушных зверей и птицу. Когтистый наконечник (рис. 5, *14*). Найден в могиле 1 кург. 4 вместе с обычными костяными наконечниками стрел. Вероятно, ими стреляли из одного и того же лука. Наконечник подквадратный в сечении, пятиконечный с заостренным поперечным стержнем, один из «когтей» сточен, длина его 12,3 *см*. Черешок состоит из двух длинных пластинок.

Разграбленность мог. Ордынское I и малое число в нем могил данного периода не позволяют судить, имелось ли в нем такое же охотничье снаряжение.

Все приведенные нами охотничьи стрелы новые для Новосибирского Приобья по сравнению с V—IV вв. и связаны с северными лесными районами. Точные аналогии двухлопастным бронзовым наконечникам нам неизвестны, костяной же наконечник подобной формы найден на Усть-Полуйском городище[17]. Мелкие костяные и когтистый наконечник могут быть сопоставлены с отдельными охотничьими стрелами из усть-полуй-

[17] *В. И. Мошинская.* Материальная культура Усть-Полуя. МИА, 35, 1953, стр. 83, табл. V, *6, 8.*

ских материалов[18]. В синхронных же верхнеобских могильниках подобный материал неизвестен.

Весь материал помогает выяснить порядок расположения вооружения в могиле. Справа, на поясе воина, висел кинжал. Справа же лежало копье, длина древка которого равнялась расстоянию от стопы до плеч,

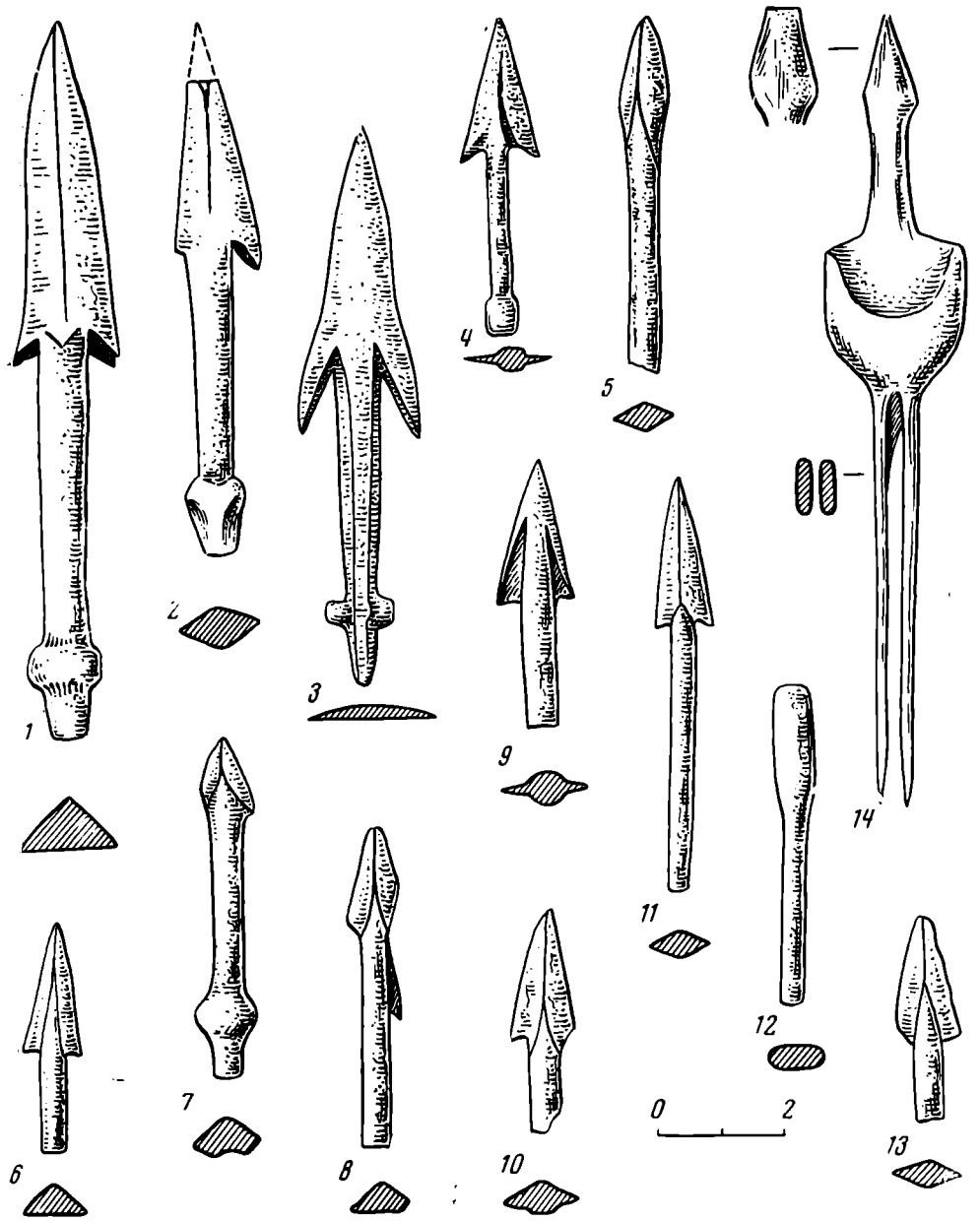


Рис. 5. Гарпунные наконечники стрел из Каменного Мыса

3, 4 — бронза, остальное кость; *1* — кург. 3, мог. 25; *2—13* — мог. 27; *14* — кург. 4, мог. 1

копье клали наконечником к плечу или стопам. Рукоять кельта засовывили под пояс ближе к правой руке. Поэтому сам кельт обычно лежит на уровне таза, чаще справа от него. Определенного места для стрел не было, если их было много, то их клали кучками в разных местах.

[18] *В. И. Мошинская.* Археологические памятники севера Западной Сибири. САИ, Д. 3—8, табл. I, *2*.

В целом все вооружение является новым для Новосибирского Приобья и тяготеет к лесным районам. Находка в 1896 г. в Новосибирском могильнике наконечников стрел кулайского типа, наличие в мог. Ордынское I бронзовых кельтов западносибирского типа, новый орнамент на керамике в виде штампованной уточки, смена ориентации погребенных указывают, что изменение культуры происходило по всей территории Новосибирского Приобья, южная естественно-географическая граница которого проходит близ г. Камень на Оби и совпадает с границей распространения подобных памятников. Раскопанный А. И. Уманским мог. «Раздумье» у г. Камень относится к березовскому этапу большереченской культуры, бытующей в Верхнем Приобье в конце I тысячелетия до н. э.[19] Для памятников бийского времени Новосибирского Приобья характерно преобладание связей с южными районами: Верхним Приобьем, Алтаем; кочевниками Средней Азии; с III в. до н. э. аналогии в вооружении, охотничьем снаряжении и в керамике ведут в основном к лесным племенам, на север и северо-запад.

Это заставляет нас предположительно связывать появление новых черт в культуре населения Новосибирского Приобья с влиянием ближайшей Приобской лесной культуры — кулайской, локализуемой в Принарымье[20], а отдельными авторами — в Нарымско-Томском Приобье[21]. Памятники этой культуры выделены лишь по жертвенным местам с предметами бронзового литья, погребения до сих пор неизвестны, вопрос о поселениях спорен. Л. М. Плетнева предположительно связывает с кулайской культурой керамику раннего слоя Кижеровского городища в Притомье, орнаментированную рядами уточек, ямок и бугорков[22], что типично и для керамики Каменного Мыса[23]. В керамике Смолокуровского городища, которую М. Ф. Косарев тоже относит к кулайской, часта орнаментация штампом в виде уточек, волн, гребенки и т. д.[24]

Можно полагать, что около III в. до н. э. произошло продвижение носителей этой культуры вверх по Оби из районов Принарымья. На территории Новосибирского Приобья под их влиянием складывается своеобразная культура, возможно, южный, локальный вариант кулайской. Дальнейшее исследование мог. Каменный Мыс и расположенных рядом с ним двух синхронных поселений позволит более определенно говорить о культурной принадлежности этих памятников и об их участии в сложении верхнеобской культуры.

T. N. Troïtskaïa

ARMEMENT DES HABITANTS DU COURS D'OB DANS LA RÉGION DE NOVOSSIBIRSK A LA FIN DU I MILLÉNAIRE AV. N. È

Résumé

A la fin du I millénaire av. n. è. la civilisation de Bolchéretchié est supplantée, dans le cours d'Ob dans la région de l'actuel Novossibirsk, par les sites de type nouveau. Il s'agit des tumuli de la nécropole Kamennyi Myss (III—II siècles av. n. è.) et des sé-

[19] *А. П. Уманский.* Безмолвные стражи алтайских степей. «Алтай», 1966, 2. стр. 109—114; *М. П. Грязнов.* Ук. соч., стр. 92—98; *М. П. Завитухина.* Могильник времени ранних кочевников. АС, 3, 1961, стр. 89.

[20] *В. Н. Чернецов.* Усть-Полуйское время в Приобье, стр. 233; *В. А. Могильников.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, стр. 187.

[21] *Л. М. Плетнева.* Ук. соч., стр. 164—171.

[22] Там же, стр. 171.

[23] *Т. Н. Троицкая.* Новосибирское Приобье в начале I тыс. н. э. «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969, стр. 74—75.

[24] *М. Ф. Косарев.* К вопросу о кулайской культуре. КСИА АН СССР, 119, стр. 50, 51, рис. 24, 21.

pultures isolées de la nécropole Ordynskoié — I (II s. av. n. è.— I s. de n. è.). Les armes, bien abondantes, y sont présentées par les celts en bronze de type sibirien occidental, les celts en fer, les poignards et les lames en fer, les pointes de flèches en bronze (à trois barbelures, de type de Koulaï, et à deux barbelures, en forme de harpon), les pointes de flèches en os (grandes, à trois, quatre et six biseaux, en forme de harpon, griffues et petites pointes de chasse). Leur disposition dans les tombes permet de distinguer un certain ordre. Les armes, aussi bien que la poterie, permettent de déceler les traits des civilisations septentrionales forestières, ce qui est probablement du à la pénétration de la civilisation de Koulaï sur le territoire du bassin obien (dans la région actuelle de Novossibirsk) et à la formation de sa variété locale méridionale.

В. И. КАДЕЕВ

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ ИМЕНИ ΣΚΥΘΑΣ В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

Правильное разрешение вопроса этнической принадлежности носителей имени Σκύθας (Скиф) имеет важное и вместе с тем принципиальное значение для истории Херсонеса Таврического, поскольку некоторые исследователи считают это имя важнейшим доказательством присутствия скифов в составе населения города [1]. Отправляясь от этого вывода как вполне доказанного, нередко идут дальше и указывают на то, что скифы в Херсонесе были землевладельцами, занимали магистратуры, исполняли обязанности проксенов по отношению к гражданам других греческих полисов и т. д., а следовательно, они были полноправными гражданами и принадлежали к господствующей верхушке херсонесского общества. На наш взгляд, такие выводы создают превратные представления о взаимоотношениях между греками и туземным населением и основным источником для этого служит наличие в ономастиконе города имени Скиф.

В последнее время в советской литературе появилось мнение о том, что имя Скиф не может служить указанием на негреческое происхождение его носителей [2]. Аналогичной точки зрения придерживается болгарский эпиграфист Г. Михайлов, который считает, что при присвоении имени Скиф этническое происхождение человека, им владевшего, имело ничтожное значение [3]. Но в исследованиях, посвященных Херсонесу, мнение о скифском происхождении носителей этого имени не только сохраняется [4], но и находит себе новых сторонников [5].

Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют против того, чтобы видеть в имени Σκύθας указание на негреческий этникон, что и заставляет нас подробно рассмотреть вопрос о носителях этого имени в Херсонесе Таврическом. Имя Σκύθης, ας принадлежало к числу собственных имен, которые воспроизводили племенные названия

---

[1] *Б. Н. Граков.* Термин Σκύθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья, КСИИМК, XVI, 1947, стр. 81, сл.; *Н. В. Пятышева.* Скифы и Херсонес. ИАДК, Киев, 1957, стр. 251; *ее же.* К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I — VI веках н. э. В сб. «Античное общество». М., 1967., стр. 183; *В. Н. Даниленко.* Просопография Херсонеса IV — II вв. до н. э. Античная древность и средние века, 4. Свердловск, 1966, стр. 167. Первым предположение о принадлежности имени Σκύθας лицам скифского происхождения высказал В. В. Латышев в работе, посвященной горгиппийскому агонистическому каталогу. См. *В. В. Латышев.* ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1909, стр. 258. Однако позднее, судя по комментарию к одной херсонесской надписи, где упоминается это имя (IOSPE, I², № 493), он изменил свою точку зрения, указывая, что имя Скиф охотно носили греки — жители причерноморских городов.

[2] См. Корпус боспорских надписей. М.— Л., 1965, стр. 676; *А. А. Белецкий, Э. В. Яковенко.* Новые эпиграфические находки в скифских курганах Керченского полуострова. ВДИ, 1969, 3 стр. 158 сл.

[3] *G. Mihailov.* IGBR, I², Serdicae, 1970, стр. 38.

[4] *Н. В. Пятышева.* К вопросу об этническом составе населения Херсонеса..... стр. 183.

[5] *В. Н. Даниленко.* Ук. соч., стр. 167.

(ἐθνικά), и широко использовались в греческой среде. В числе этих имен кроме имени Σκύθης встречаются такие, как Αἰγυπτός, Ἀρμένιος, Ασσύριος, Πέρσης, Κιμμέριος и многие другие. Но это не значит, что все носители этих имен были египтянами, армянами, ассирийцами, персами и киммерийцами. Некоторые из них действительно могли принадлежать рабам или вольноотпущенникам[6] соответствующего этнического происхождения, вероятно, получившим свои имена как клички от работорговцев или хозяев, но большинство, несомненно, принадлежало грекам. Например, хорошо известно, что еще в VIII в. до н. э. имя Перс носил брат Гесиода[7], т. е. имя, принадлежавшее мифическому родоначальнику персов, от которого якобы последние и получили свое название[8]. Другое такое имя Κιμμέριος носили жители Эфеса[9] и Родоса[10], по-видимому, греческого происхождения, так как иначе, следуя логике сторонников мнения, что собственное имя показатель этноса, нужно признать, что в Эфесе и на Родосе в V—III вв. до н. э. жили киммерийцы.

Возвращаясь к имени Σκύθης, следует отметить, что оно было широко распространено среди жителей греческих городов не только на побережье Понта, но и в Восточном Средиземноморье, и известно даже в Сицилии, начиная с VI в. до н. э. и до первых веков нашей эры. При этом его носители не только имеют греческие патронимиконы, но и занимают видное общественное положение, выступая в качестве должностных лиц, агонотетов и проксенов, являясь землевладельцами.

В VI в. до н. э. имя Скиф носил правитель Занклы (о-в Сицилия), который, как и его сын Кадм, слыл честнейшим среди греков[11]. В V в. до н. э. носители имени Скиф известны в дорийских городах Спарте[12], Галикарнассе[13] и Гераклее Понтийской[14], а также на о-ве Фазосе[15]. В III в. до н. э. имя Скиф встречалось на Делосе[16], Эвбее[17], в Элейте[18] (Этолия), Горгиппии и колониях Гераклеи Понтийской — Каллатисе[19] и Херсонесе. Вероятно, в это же время появляется имя Скиф в Эпидавре[20]. В начале I в. до н. э. это имя носили в Магнезии на Меандре[21], а в I—II вв. н. э. в Бизоне[22]. Носители имени Скиф известны были в Калхе-

---

[6] *F. Bechtel.* Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917 (S. V. Ἀρμένιος, Ασσύριος)

[7] Hes., Oper. et dierum, 10, 27, 213, 274 и др.

[8] *Herod.*, VII, 61.

[9] *F. Bechtel.* Die historischen Personennamen... (S. V. Κιμμέριος)

[10] Supplementum epigraphicum graecum, XII No. 360.

[11] *Herod.*, VI, 23—24; VII, 163—164. Брата Скифа Занклейского звали Пифогеном (Πυθόγενης).

[12] Среди сподвижников спартанского царя Агесилая был некий Скиф, которого Агесилай в 395 г. до н. э. назначил начальником гоплитов (Xen., Hell., III, 4, 20. а потом послом. См. Plut., Ages., 16.

[13] Здесь упоминается Ἀντιπᾶς Σκύθεω. См. Ditt., Syll ³, I, No. 46.

[14] Подробно об имени Скиф в Гераклее см. сноску 37.

[15] На Фазосе имя Скиф носил отец архонта. См. *J. Pouilloux.* Recherches sur l'Histoire et les cultes de Thasos. De la fondation de la cité à 196 avant J.- C. Paris. 1954, p. 313.

[16] *D. Detschev.* Die thrakischen Sparchreste. Wien, 1957, S. 463.

[17] На Эвбее известно несколько лиц с этим именем или патронимиконом: Σκύθης Εὐφρονίου, Σκύθης Λυρανίου, Σκύθης Παραμόνου, Ἀριστομένης Σκύθου, Εὐφρόνιος Σκύθου, Τιμόδημος Σκύθεω. См. I G, XII, 9, № 183, 245в, 246.

[18] *L. Zgusta.* Die Personennamen griechischen Städte der hordlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 337, § 770.

[19] Подробно об имени Скиф в этих городах см. сноску 47.

[20] Здесь имя Σκύθας встречено в сопровождении патронимикона Σωσία См. IG, IV, № 1234.

[21] В Магнезии это имя известно в качестве патронимикона — Ἐπικράτης Σκύθου См. *O. Kern.* Die Inschriften von Magnesia am Meander. Berlin, 1900, S. 100, № 110.

[22] Здесь имя Скиф носили жрецы фиаса Таврон (Ταύρων): Θεογένης Σκύθου, Πρόκλος Σκύθου, Σκύθης Θεογένου, Θεά[γης] Σκύθου). См. IGBR, I², № 6. Все сопровождающие имена греческие и присваивались от деда к внуку, т. е. по греческому обычаю.

доне[23], на о-ве Самосе[24], в Илионе (Трое), Колофоне, Милете, Эфесе[25]. Это имя носил мифический сын Геракла[26]. При этом и версию о пребывании Геракла в Скифии, и имена сыновей Геракла, по словам Геродота, так передавали припонтийские греки[27].

Следовательно, имя Скиф (Σκύθης, Σκύθας) было довольно распространенным среди греков как в метрополии, так и в колониях, причем не только на Понте, но и в Средиземноморье (рис. 1). Это имя носили греческие граждане начиная с VI в. до н. э. на протяжении по меньшей мере восьми веков, что может свидетельствовать о его популярности. На это указывает и появление производных форм от имени Σκύθης — Σκύθιος, Σκύθων, Σκυθινός и др. При таком положении объяснять появление имени Скиф у греков только присутствием в их среде скифов или тесными связями с последними, вероятно, можно только в исключительных случаях, как, например, в Афинах, где скифы-рабы использовались в качестве полицейских[28]. Однако именно в Афинах это имя распространения не получило[29], да и трудно представить, чтобы племенное название лиц, выполнявших с точки зрения греческих граждан унизительные полицейские функции, получило бы популярность и использовалось в их среде при наделении именами сыновей. В большинстве случаев, на наш взгляд, наличие этого имени, а возможно, и этнического названия Σκύθαι[30] в греческой среде объясняется возникновением их именно в этой среде, поскольку, по свидетельству Геродота, сами скифы себя так не называли, а получили это название от греков[31]. Иногда это имя образовывалось от прозвища, что можно видеть на примере спартанца Деркиллида[32], а в до-

[23] *L. Zgusta.* Op. Cit., S. 337, § 770.

[24] На Самосе в агонистическом каталоге среди победителей в кулачном бое упоминается Σκύθης Σκύθου. См. *E. Preuner.* Griechische Siegerlisten, Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, XXVIII, 1903, S. 353.

[25] *L. Robert.* Notes d'epigraphie hellenistique, BCH, L, 1926, 520—521. В Трое имя Скиф принадлежало агонотету, что свидетельствует и о богатстве этого лица, и о принадлежности к числу граждан, поскольку это была выборная гражданская должность.

[26] *Herod.*, IV, 10.

[27] Там же, 8—10.

[28] *Б. Н. Граков.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, 3, стр. 232.

[29] *J. Sundwall.* Nachträge zur Prosopographia Attica. Helsingfors, 1910, S. 152.

[30] В среде лингвистов до сих пор нет единой точки зрения ни по поводу происхождения термина Σκύθαι, ни по поводу его значения. Большинство придерживается мнения, выдвинутого еще в XIX в., что это греческая форма от иранского škuδa. В последнее время наиболее подробно эту гипотезу аргументировал О. Шемерени. См. *O. Szemerenyi.* Iranyca, Zeitschrift der deutsche Morgenländischen Gesellschaft, 101, 1951, S. 210 сл. Однако даже не все сторонники иранского происхождения скифов ее поддерживают. Например, В. И. Абаев считает, что имя «скифы» из иранского языка объяснено быть не может. См. *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 243; *А. А. Белецкий* полагает, что существовало греческое имя «скифы», которое могло повлиять на негреческое племенное название. См. *А. О. Білецький.* Проблема мови скіфів. Мовознавство, XI, Київ, 1953, стр. 83.

[31] «σύμπασι εἶναι οὔνομα Σκολότους τοῦ βασιλέως ἐπωνυμίην. Σκύθας δὲ Ἕλληνες οὐνόμασαν», — говорил Геродот. См. *Herod.* IV, 6. Это свидетельство вызвало сомнения в его справедливости. Одни исследователи сомневались в связи с тем, что стремились доказать иранское происхождение термина «скифы» (*Вс. Миллер.* Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, 1886, октябрь, стр. 281), а другие (*В. П. Петров.* Скіфи, Моваietнос. Київ, 1968, стр. 81), указывая на присутствие терминов ašgūzaai iškūzaai, которыми передавали название «скифы» соответственно в анналах и оракуле ассирийского царя Асархаддона (680—669). См. *И. М. Дьяконов.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, 3, стр. 261 сл. Однако иранское происхождение термина «Скиф» далеко не бесспорно, а наличие терминов «ашгуза» и «ишкуза» в ассирийских источниках указывает только на то, что и другие народы, а не только греки так называли скифов, но отнюдь не указывает, что это самоназвание. И Геродот прав в том смысле, что именно греки называли скифов Σκύθαι. А то, что это греческая форма, независимо от этимологии термина, не оспаривают даже сторонники иранского происхождения термина. См. *O. Szemerenyi.* Iranyca.., S. 213 сл.

[32] Деркиллид за хитрость и зверство был прозван σκύθος. См. Eust. comm. ad Homeri-SC, 2, 1896, стр. 316.

рийских городах, особенно в Гераклее и ее колониях, где весьма почитался Геракл, могло получить распространение имя его сына Скифа.

Греческое происхождение имени Скиф находит подтверждение и в этимологии. По мнению А. А. Белецкого, «греческое собственное имя Σκύθης могло быть связано с корнями таких греческих слов, как σκυδμαίνειν, σκύζεσθαι «сердиться»[33], или σκύθρος — «мрачный», «печальный» и др.[34] Таким образом, имя Σκύθης, которое до сих пор рассматривалось важнейшим доказательством негреческой принадлежности

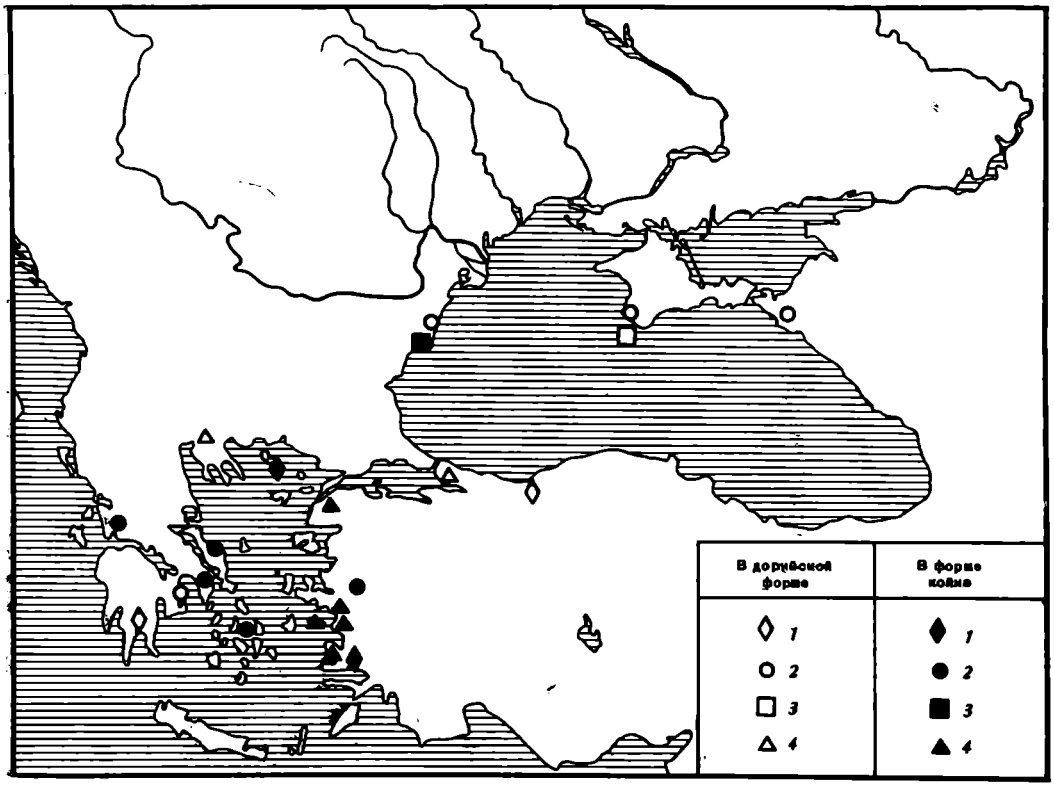


Рис. 1. Распространение имени Скиф

1—в V в. до н. э.; *2* — в III—I вв. до н. э.; *3* — в I—II вв. н. э.; *4* — дата не установлена

его носителей, имеет этимологические корни в греческом языке, что наряду с приведенными выше историческими свидетельствами может указывать в пользу принадлежности его грекам.

Указывая на наличие скифов в составе населения Херсонеса, обычно ссылаются на херсонесских граждан, которые имели имя или патронимикон Σκύθας: Скифа сына Сополия — херсонесского астинома, Гимна сына Скифа — дельфийского проксена, Гимна сына Скифа — астинома, Гимна сына Скифа — землевладельца, еще одного землевладельца с патрониконом Скиф и, наконец, Скифа сына Теагена[35]. Перечисленные лица считаются представителями скифской семьи, проживавшей в Херсонесе в

---

[33] Происхождение названия Σκύθαι от глагола σκύζεσθαι объясняли еще древние, например Стефан Византийский. См. *Steph. Byz.*, Ethn., s. v. Σκύθαι = SC, 1, 1893, стр. 265.

[34] Подробнее см. *А. А. Белецкий, Э. В. Яковенко.* Ук. соч., стр. 158.

[35] *Б. Н. Граков.* Термин Σκύθαι ..., стр. 81, 88. Что касается Теофила, сына Скифа, которого также иногда упоминают среди этих лиц, то его патронимикон сохранился частично (IOSPE, I², № 581), и у нас нет полной уверенности в том, что это единственно правильное восстановление имени, поскольку возможны и другие варианты.

III—II вв. до н. э., а Скиф сын Теагена, упоминаемый во II в. н. э., рассматривается прямым потомком этого семейства [36].

Однако обращает на себя внимание тот факт, что имя Скиф известно не только в Херсонесе, но и в его метрополии — Гераклее Понтийской, где его носили фабриканты и эпонимные магистраты [37]. Б. Н. Граков, который первым обратил на это внимание, пытался доказать, что имя Скиф в Гераклее Понтийской «могло появиться только тогда, когда оно было в ходу в ее северной колонии... именно в тех же IV—III вв. до н. э.» [38]. Но это утверждение противоречит имеющимся у нас данным, поскольку в Херсонесе имя Скиф появляется не ранее второй половины III в. до н. э. [39] и единственная точная дата —195—194 г. до н. э. указана в дельфийском списке проксенов, где упомянут херсонесит Гимн сын Скифа [40]. В Гераклее же, по свидетельству самого Б. Н. Гракова, имя Скиф известно среди фабрикантов и магистратов уже в IV в. до н. э. [41]. Уточнение хронологии гераклейских клейм, начатое самим Б. Н. Граковым, а в последнее время и другими исследователями позволяет считать, что это имя было известно в Гераклее еще в первой четверти IV в. до н. э., а может и в конце V в. до н. э. [42], т. е. как минимум на 100 лет раньше, чем в Херсонесе. Следовательно, в Гераклее Понтийской имя Скиф носили магистраты и фабриканты, несомненно, принадлежавшие к числу граждан города, еще в то время, когда в Западном Крыму не было скифских поселений [43], а значит оно не только в Гераклею, но и в Херсонес не могло проникнуть в результате «близкого и живого соприкосновения со скифами», как полагал Б. Н. Граков [44]. Не следует также забывать и характер отношений Херсонеса со скифами, которые всегда были враждебными, что прекрасно показали А. И. Тюменев [45] и сам Б. Н. Граков [46].

Итак, факты свидетельствуют, что имя Скиф не из Херсонеса проникло в Гераклею, а наоборот, из метрополии в Херсонес. Такой вывод хорошо согласуется с присутствием носителей имени Скиф в другой колонии Гераклеи — Каллатисе. Там, в надписи III в. до н. э. упоминается фиасит Аристион, сын Скифа, внесший на постройку храма 15 эргатов [47]. Известно это имя и среди жителей еще одной мегарской колонии — Калхе-

---

[36] *Н. В. Пятышева.* К вопросу об этническом составе..., стр. 183.

[37] *Б. Н. Граков.* Термин Σκύθαι... стр. 81 сл.; *его же.* Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. ГИМ, 1, 1926, стр. 185, 190; *его же.* Каменское городище. МИА, 36, 1954, стр. 88; *А. А. Белецкий, Э. В. Яковенко.* Ук. соч., стр. 157 сл.; *Б. А. Василенко.* Заметки о гераклейских клеймах. СА, 1970, 3, стр. 222; *В. И. Пругло.* Энглифические клейма Гераклеи Понтийской из Мирмекия. КСИА, 130, 1972, стр. 19.

[38] *Б. Н. Граков.* Термин Σκύθαι..., стр. 82.

[39] *Р. Б. Ахмеров.* Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, 4, стр. 111; *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 149; IOSPE, I², № 403.

[40] *Б. Н. Граков.* Материалы по истории Скифии..., стр. 249, № 14.

[41] *Б. Н. Граков.* Каменское городище..., стр. 88.

[42] *Б. А. Василенко.* Ук. соч., стр. 220 сл.

[43] По свидетельству Б. Н. Гракова, скифы-кочевники появляются в Степном Крыму с конца VII в. до н. э., а скифские поселения «только в конце IV в. до н. э. по долинам предгорных рек и на западном морском побережье». См. *Б. Н. Граков.* Скифы, М., 1971, стр. 72—73. Однако раскопки последних лет на западном побережье Крыма (в том районе, где могли происходить контакты херсонеситов со скифами) показывают, что скифские поселения появляются там не ранее середины II в. до н. э. и пока зафиксировано только одно поселение III в. до н. э. См. *И. В. Яценко.* Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967 гг.). КСИА АН СССР, 124, 1970, стр. 36; *О. Д. Дашевская.* Исследования в Северо-Западном Крыму. АО — 1968, М., 1969, стр. 299.

[44] *Б. Н. Граков.* Термин Σκύθαι..., стр. 80.

[45] *А. И. Тюменев.* Херсонесские этюды, IV. Херсонес и местное население: скифы. ВДИ, 1950, 2, стр. 48 сл.

[46] *Б. Н. Граков.* Термин Σκύθαι..., стр. 80—81.

[47] *Т. В. Блаватская.* Западнопонтийские города в VII—I веках до н. э. М., 1952, стр. 254, № 23.

дона[48]. Во всех названных городах имя Скиф употреблялось в дорической форме (Σκύθας, α), причем в Херсонесе имя в такой форме употреблялось до II в. н. э. включительно[49]. Все это может свидетельствовать о том, что в Херсонесе и Каллатисе имя Скиф появляется вместе с переселенцами из Гераклеи Понтийской[50]. В пользу греческой принадлежности носителей имени Скиф в указанных городах свидетельствует и тот факт, что это имя всегда сопровождается греческим патронимиконом[51], а в тех случаях, когда оно было именем отца, греческое имя носил сын[52].

Наконец, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в античных городах Северного Причерноморья, в частности в городах европейского Боспора и в Ольвии, по соседству с которыми жили скифские племена, имя Скиф не встречается. Но это имя известно среди жителей г. Горгиппии, который находился в юго-восточной части Таманского полуострова[53]. Соседями этого города были синды, тореты и другие местные племена, однако скифов поблизости не было[54]. Если бы носителями имени Скиф в северопричерноморских городах были лица скифского происхождения, то более естественным было бы их присутствие в Ольвии, которая поддерживала со скифами наиболее тесные экономические связи и некоторое время была от них в зависимости, а по соседству с ней проживали каллиниды или эллиноскифы.

Очень странным поэтому кажется, что в Херсонесе, который находился со скифами во враждебных отношениях, не только принимали скифов, но и предоставляли им права гражданства, позволяли владеть землей, избирали магистратами и т. п. Такие права могли быть только у полноправных граждан Херсонеса, т. е. у лиц, оба родителя которых принадлежали к гражданской общине, образованной при основании города. Судя по одному херсонесскому декрету, такие граждане назывались πολῖται ἄπο γένους[55]. Они были потомками гераклеотов, основавших Херсонес[56]. Как свидетельствует декрет в честь Агасикла[57], именно эти граждане в III в. до н. э., после размежевки виноградников, получили соответствующие участки как члены гражданской общины, представлявшей собой замкнутый коллектив, доступ в который был затруднен. Следовательно, в Херсонесе полноправными гражданами становились по происхождению. Что касается иноземцев, то они могли в отдельных случаях

---

[48] *L. Zgusta.* Die Personennamen griechischen Städte..., S. 337, § 770.

[49] Например, Σκύθας Θεαγένου. См. IOSPE, I², № 493.

[50] По сути дела к аналогичному выводу о малоазийском происхождении имени Скиф в Гераклее Понтийской пришел А. А. Белецкий, но его вывод базируется на этимологическом анализе с привлечением некоторых исторических данных. См. *А. А. Белецкий, Э. В. Яковенко.* Ук. соч., стр. 158—159.

[51] Например, херсониты, носившие имя Скиф, имели греческие патронимиконы — Σώπολις, Θεαγένης.

[52] В Херсонесе это — Ὕμνος а в Каллатисе — Ἀριστίων. Последнее имя принадлежит к числу аристократических греческих имен, на что в свое время обратила внимание Т. В. Блаватская. См. *Т. В. Блаватская.* Греки и скифы в Западном Причерноморье. ВДИ, 1948, 1, стр. 210.

[53] Здесь известны: Πασίων Σκύθα, Ἀριστοκλῆς Σκύθα, Σκύθας Ἀριστοδήμου, Σκύθας Θεοδώρου, Ἀριστόδημος Σκύθα и др. Все имена Скиф в дорической форме и сопровождаются греческими патронимиконами. См. КБН, № 1137.

[54] Очень заманчивым представляется связать появление имени Скиф в Горгиппии с переселенцами из Каллатиса, прибывшими на Боспор во времена Эвмела (310—304 гг. до н. э.). Тысяче каллатийцев, покинувших свой город после войны с Лисимахом, Эвмел дал землю для основания города (Diod., XX, 25), но точного места их поселения мы не знаем. В. В. Латышев, указывая на наличие в Горгиппии дорийских имен, делал вывод о присутствии в городе дорийцев. См. *В. В. Латышев.* ПОНТІКА, 1909, стр. 258. Возможно, что этими дорийцами были выходцы из Каллатиса, но этот вопрос требует дальнейшей разработки.

[55] IOSPE, I², № 364.

[56] Об этом свидетельствуют не только дорийские имена херсонеситов, дорийский диалект в официальных и частных документах, сохранявшийся вплоть до II в. н. э., но и свидетельства древних авторов об основании Херсонеса гераклеотами.

[57] IOSPE, I², № 418.

за особые заслуги перед херсонесским государством получить гражданство, но только по особому постановлению «совета и народа». Обычно такое гражданство (πολίτας ποιητός) получали вместе с проксенией и правом беспошлинного въезда и выезда граждане греческих городов, с которыми Херсонес поддерживал тесные экономические или политические отношения.

Первые декреты о предоставлении гражданства иноземцам относятся к III в. до н. э.[58] Предоставлялось гражданство и позднее, во II — I вв. до н. э.[59], но широкое распространение эта практика получила только в первых веках нашей эры[60]. Однако о предоставлении гражданства представителям туземного населения нам до сих пор ничего не известно. Как правило, лица, получившие гражданство, в Херсонесе не проживали, и поэтому гражданство носило почетный характер. А постоянно проживавшие в городе иноземцы, как и во многих других греческих городах[61], не имели гражданских прав, а оставались на положении ξένοι (чужеземцев), хотя, вероятно, несли определенные обязанности по отношению к полису и делали пожертвования на городские нужды[62]. Это были в основном выходцы из городов южного берега Понта — Гераклеи[63] и Амастрии[64]. В надгробных эпитафиях этих лиц обязательно указывалось место их происхождения. На таких же правах в Херсонесе проживали отдельные представители туземного населения, но сведения об этом относятся уже к первым векам нашей эры. К этому времени относится одно надгробие с надписью «γυνὴ ταυρική»[65]. Несмотря на дорогой памятник с рельефным изображением мужской и женской фигур, судя по эпитафии, указывающей на этникон (ταυρική), погребенная тавричанка не принадлежала к числу граждан.

Но даже если в греческих городах в силу различных политических и экономических причин иноземцы получали гражданские права и поселялись там на постоянное жительство, их права и положение отличались от коренных, прирожденных граждан. Эти новые граждане обычно не пользовались правом собственности на землю, не обладали равными судебными правами, а также правом на вступление в брак с прирожденными гражданами, не могли занимать магистратур[66]. Особо следует подчеркнуть и то, что, иногда допуская в свою среду новых граждан, греческие гражданские общины всячески стремились оградить себя от «нежелательных» элементов, которыми обычно считали бедняков, вольноотпущенников и варваров[67]. Скифы относились именно к этим нежелательным элементам, и поэтому нельзя согласиться с тем, что им предоставлялись гражданские права, земельная собственность и руководящие должности в таком греческом городе, как Херсонес, который значительно дольше других городов Северного Причерноморья сохранял в чистоте греческие обычаи[68], дорический диалект и где до первых веков нашей эры помнили о мифическом родоначальнике дорян Доре[69].

---

[58] IOSPE, I², № 340, 341, 345.
[59] IOSPE, I², № 349, 351, 691.
[60] IOSPE, I², № 356—359, 364, 365; *Э. И. Соломоник.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, 5, 6, 7; *Е. Г. Суров.* Новая херсонесская надпись. ВДИ, 1960, 3, стр. 156.
[61] См. *A. H. M. Jones.* Greek city from Alexander to Justinian. Oxford, 1940, p. 160 сл.
[62] Например, известен случай, когда иноземец делал пожертвования на постройку храма. См. IOSPE, I², № 445.
[63] IOSPE, I², № 445, 544, 545.
[64] IOSPE, I², № 542, 543.
[65] IOSPE, I², № 528.
[66] *И. С. Свенцицкая.* К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии. ВДИ, 1966, 2, стр. 45 сл.
[67] Там же, стр. 48.
[68] *Plin.*, NH, IV, 85.
[69] IOSPE, I², № 436.

Нам представляется, что приведенные выше факты достаточно убедительно свидетельствуют против отнесения носителей имени Скиф к скифам, якобы проживавшим в Херсонесе Таврическом. На наш взгляд, это имя принесли в Херсонес из Гераклеи Понтийской выходцы греческого происхождения. При таком толковании этого имени становится ясной принадлежность его носителей к числу землевладельцев и членов гражданской общины, а также та заметная роль, которую они играли в политической жизни Херсонеса Таврического.

V. I. Kadéev

SUR L'APPARTENANCE ETHNIQUE DES PORTEURS DU NOM DE ΣΚΥΘΑΣ À CHERSONESE TAURIQUE

Résumé

L'appartenance éthnique des porteurs du nom de Scythe dans la Chersonèse Taurique est un problème dont la résolution correcte est d'une grande importance pour l'histoire de la ville à l'époque hellénique. On croyait longtemps les porteurs de ce nom appartenir au peuple éponyme et de ce fait on concluait que les Scythes, à Chersonèse, étaient citoyens, propriétaires agricoles et magistrats urbains. L'analyse des renseignements concernant les porteurs du nom de Scythe démontre que ce nom avait un large cours parmi les Grecs. Depuis le VI s. av. n. è. et plusieurs siècles durant des magistrats supérieurs et d'autres fonctionnaires, citoyens de nombreuses villes méditéranéennes, portaient ce nom, ce qui témoigne de sa populartié chez les Grecs. Le nom de Scythe apparait à Chersonèse Taurique avec les originaires d'Héraclée du Pont où il était connu depuis le Vs. av. n. è. et ses porteurs étaient citoyens de la ville d'origine grecque.

В. И. ПРУГЛО

К ВОПРОСУ О ДАТЕ КУРГАНА БОЛЬШАЯ БЛИЗНИЦА

Хотя со времени раскопок Большой Близницы уже прошло не одно десятилетие, до сих пор не сложилось единого мнения о дате этого замечательного памятника. Как известно, самые примечательные результаты раскопок Большой Близницы, начатых в 1864 г. и с перерывами осуществлявшихся по 1885 г. включительно [1], связаны с работами 1864, 1865, 1868 и 1883 гг.

В 1864 г., вскоре после начала раскопок кургана, в западной его поле (см. план [2] на рис. 1), «в насыпи, почти у самой подошвы кургана», была выявлена «жженая богатая гробница, имевшая десятиаршинный в плане точок», так в журнале раскопок названо погребение *а* с золотым статером Александра Македонского. Раскопки этой же части кургана «привели к открытию у подошвы кургана на глубине 5 арш. от поверхности насыпи, ниже жженой гробницы... *а*, ... костра... *с*, ...который был обложен сырцовым кирпичом». Возле «костра» с южной стороны находился жертвенник *d* (д. 14, 1864 г., лл. 4, 35, 36) [3]. Склеп № 1 — его обнаружили «в расстоянии четырех сажень от точки жженой гробницы и прямо против нее на восток» — оказался основанным «не в материке, а на самой его поверхности», и ниже основания этого склепа имелся слой насыпи толщиной не менее 1 *м* [4]. Склеп № 2, раскопанный «в расстоянии не более 2 саж.» к югу от склепа № 1, был заложен «в материке на глубине не более 9 вершк. от поверхности его», а «костер» *е*, «заключавший в себе, подобно костру... *с*, ...уголь, золу, перегоревшие кости животных и черепки от расписных глиняных сосудов», был сооружен на слое «чистой глины в $^3/_4$ арш.» толщиной, лежавшем «на мелких отесках мягкого камня, насыпанных на материке» (там же, лл. 36, 37, 38, 39).

В 1865 г. юго-восточнее склепа № 2 был раскопан склеп № 3, заложенный «в насыпи кургана, на высоте около двух аршин от его основа-

---

[1] Дела о раскопках Большой Близницы хранятся в архиве ЛОИА АН СССР. Опубликованные в ОАК за 1864, 1865, 1868, 1869, 1882—1888 гг. извлечения из этих дел прошли редакторскую правку, исказившую сведения о глубине залегания над поверхностью материка погребальных сооружений Большой Близницы. Эти же извлечения сведены в работе: *М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 10 сл.

[2] За основу плана, воспроизведенного на рис. 1, взят план раскопок Большой Близницы за 1865 г., на котором мы в соответствии с планом 1883 г. указали местоположение гробниц № 4 и 1883 г. (см. АДЖ, табл. IV, *1*; XI, *1*).

[3] Здесь и далее даны ссылки на дела архива ЛОИА АН СССР, ф. 1.

[4] Склеп № 1 раскопан И. Е. Забелиным в июне 1864 г. Осенью того же года на раскопе *А*, где был открыт склеп, А. Е. Люценко провел дополнительные работы, описав их в журнале раскопок так: «...раскоп *А*, оказавшийся недоведенным до материка, углублен до поверхности его снятием лежавшего на нем слоя насыпи на пространстве 40 кв. саж. (за исключением места, занимаемого склепом № 1), толщиною в $\frac{1^3/_4 \times 2^1/_2}{2}$ арш.» (см. д. 14, 1864 г., л. 36).

ния» (д. 9, 1865 г., л. 3), «несколько правее склепа № 2», также в насыпи кургана, «на высоте 1½ арш. от поверхности материка» обнаружились «следы жженой глины, которые привели к открытию костра... *f* и жертвенника *g*» (там же, л. 22).

К 1868 г. относятся раскопки каменной гробницы № 4 и к юго-западу от нее — «костра» № 4 (на планах кургана не обозначен), причем гробница была сооружена в насыпи кургана «на высоте около 2-х саж. от поверхности материка», а «костер» — на материке (д. 41, 1868 г., лл. 24, 25).

В 1883 г. раскопана вторая аналогичного устройства каменная гробница, «глубиною до полусажени», впущенная в материк. В том же году в юго-восточной части кургана «на уровне материка» была вскрыта детская гробница «самого малого размера, перекрытая доскою, с двумя простой глины горшочками» (д. 3, 1883 г., лл. 21, 23. На сохранившихся планах кургана местоположение детской гробницы не обозначено).

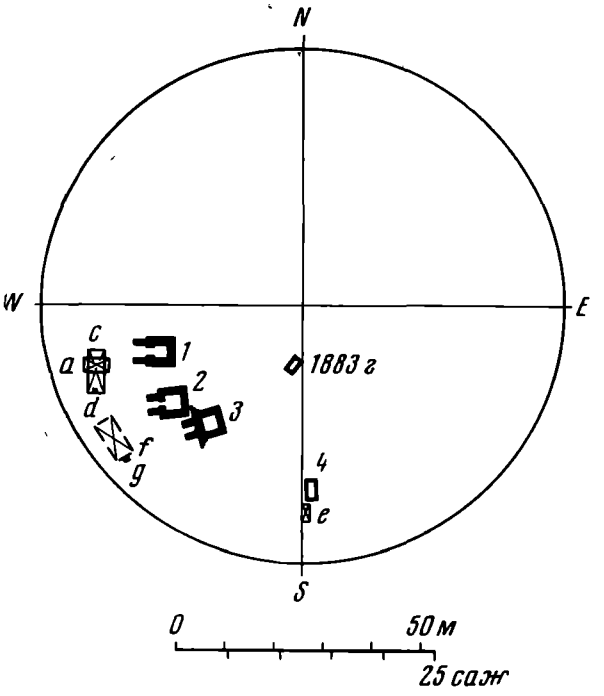


Рис. 1. План кургана Большая Близница

Л. Стефани — первооткрыватель отдельных групп находок из Большой Близницы, рассматривавший ее в качестве семейного некрополя, датировал второй половиной IV в. до н. э. вещи из склепа № 1 и склеп № 3, а для гробницы № 4 указал более широкую дату — IV в. до н. э.[5] Э. Миннз[6], считая все погребения Большой Близницы хронологически близкими между собой, рассматривал погребение *a*, в котором был найден золотой статер Александра Македонского как самое раннее, а гробницу № 4 как самое позднее захоронение в кургане, на что, согласно его представлениям, указывали найденные в гробнице вещи восточного происхождения. М. И. Ростовцев полагал, что все захоронения Большой Близницы относятся к концу IV — началу III в. до н. э.[7] Но в отличие от двух предыдущих исследователей, обосновывавших свои датировки ссылками на отдельные вещи из погребений кургана, М. И. Ростовцев предпринял попытку установить сперва относительную хронологию погребений Большой Близницы, а затем, выбрав из инвентаря каждого погребения керамическую вазу, представлявшуюся ему наиболее показательной для его датировки, он вывел на основании дат сосудов абсолютную хронологию погребений.

Однако выводы М. И. Ростовцева об относительной хронологии не могут быть приняты, ибо они основаны, как мы уже упоминали, на искаженных данных из ОАК. Более того, как легко было заметить, знакомясь с изложенными выше данными из рукописных журналов археологических разысканий, уровень залегания над горизонтом материка погребальных сооружений Большой Близницы, не дает указаний на их относительную

[5] ОАК за 1865 г. (1868), стр. 13; за 1866 г. (1868), стр. 6; за 1869 г. (1871), стр. 6.
[6] *E. H. Minns*. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 423—429.
[7] АДЖ, стр. 20.

хронологию. Исключение составляет лишь тризна *с*, которую перекрывало погребение *а* со статером Александра Македонского [8]. В данной связи становится очевидной бесспорная правильность заключения М. И. Ростовцева, высказанного им в другой работе: «Основное погребение этого кургана или не было найдено, или не было должным образом наблюдено. Расследованные погребения все являются последовательными пристройками к основному кургану, независимо от того, воздвигнуто было то или другое сооружение на материке или в насыпи» [9]. Абсолютная хронология погребений Большой Близницы, построенная М. И. Ростовцевым на датах отдельных керамических сосудов из этих погребений, нуждается теперь в пересмотре, поскольку шагнувшее за последние десятилетия далеко вперед изучение античной расписной и чернолаковой керамики внесло существенные коррективы в представления, современные М. И. Ростовцеву, о датах ее отдельных групп.

К. Шефольд [10], считавший самым поздним в кургане женское погребение *а*, отнес тризну *с*, частично перекрывавшуюся указанным погребением, к 60-м годам IV в. до н. э., сославшись на дату найденных на тризне обломков краснофигурного блюда. Эту дату он перенес на две обнаруженные на тризне терракоты, полагая, что вещи попадали в погребения новыми и что, следовательно, они одновременны. К этому же времени К. Шефольд отнес, в противовес М. И. Ростовцеву, и гробницу № 4, утверждая, что на эту дату указывают найденные в гробнице золотые украшения и терракоты, по стилю сходные с терракотами тризны *с*. Датировку 50-ми годами IV в. до н. э. склепа № 3 К. Шефольд мотивировал ссылкой на стиль рисунка, выгравированного на обкладках слоновой кости от саркофага, подчеркнув при этом, что в склепе № 3 найдены такие же тисненые золотые пластины в виде крылатого женского существа, что и в гробнице № 4. Дату склепа № 1 (40-е годы IV в. до н. э.) он подкрепил ссылкой на золотые пластины с изображением того же крылатого существа, считая их, однако, более поздними. Попутно заметим, что вывод о принадлежности склепа № 1 40-м годам IV в. до н. э. явился для К. Шефольда основанием отнести к этому же времени найденную в склепе краснофигурную пелику.

А. А. Передольская [11] также считает самым поздним в Большой Близнице погребение *а*. Склеп № 1, по ее заключению, может быть датирован временем «около середины IV в. до н. э. на основании позднекраснофигурной пелики с изображением борьбы Геракла с кентавром Евритием», а «датировку гробницы № 4 определяет позднекраснофигурная пелика с изображением Аримаспа, преследующего верхом на грифоне женщину», в ней найденная, которую «по стилю тонко исполненного рисунка... можно датировать началом второй четверти IV в. до н. э.».

В. Цюхнер [12], со своей стороны, настаивает, что ряд предметов из гробницы № 4, как то: пекторали, включенные в ожерелье амулеты в виде голов негров, бронзовое зеркало с изображением двух борющихся эротов, миниатюрная гидрия — указывают на принадлежность этой гробницы примерно 300 г. до н. э. Склеп № 3 он датирует 340—330 гг., а склеп № 1 — 340 г. до н. э.

---

[8] О дате статера см. *А. Н. Зограф*. Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок. Тр. Отдела истории искусства и культуры античного мира Гос. Эрмитажа, 1, 1945, стр. 89.

[9] *М. И. Ростовцев*. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 371, 372.

[10] *K. Schefold*. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin — Leipzig, 1934, S. 62, 68 сл.

[11] *А. А. Передольская*. Терракоты из кургана Большая Близница и Гомеровский гимн Деметре. Тр. ГЭ, 7, 1962, стр. 46 сл.

[12] *W. Züchner*. Griechische Klappspigel. JdI, 14. Erg. Hft, 1942, S. 30 сл.

Упомянем и другие датировки Большой Близницы — середина и вторая половина IV в. до н. э. [13]; вторая половина IV в. до н. э. [14]; конец IV в. до н. э. [15]; период раннего эллинизма [16].

Итак, относительно времени кургана Большая Близница существуют самые различные суждения. Не проясняют этот вопрос и специальные публикации отдельных групп вещевых находок из захоронений кургана [17], поскольку вещи не подвергнуты исследованию для определения их дат [18]. Едва ли нужно доказывать, что точная датировка всех захоронений кургана — давно назревшая задача [19].

В настоящей статье мы рассмотрим ряд находок из гробницы № 4, дающих, на наш взгляд, довольно определенный ответ относительно того, к какому времени она относится. М. И. Ростовцев, отнесший гробницу № 4 к первым десятилетиям III в. до н. э., и А. А. Передольская, определившая ее принадлежность началу второй четверти IV в. до н. э., основывались в своих датировках на одном и том же сосуде из гробницы — на краснофигурной пелике, вернее, на приложенном к отчету о раскопках кургана карандашном рисунке Ф. И. Гросса [20], который мы публикуем здесь по копии (рис. 2).

Конечно, неизвестно, насколько точно Ф. И. Гросс воспроизвел сосуд. Во всяком случае стилистических особенностей росписи его рисунок не передает, поскольку составитель описи находок из гробницы № 4, видевший эту пелику, отметил, что изображение на ней представлено «в довольно грубых очерках» [21]. Однако можно думать, что основные пропорции сосуда переданы Ф. И. Гроссом верно. Пелика была высотой около 30 *см*. Ее лицевую сторону украшала сцена преследования женщины восседающим на белом грифоне всадником; обратную — две обращенные

[13] *М. И. Артамонов.* Сокровища скифских царей. Прага — Ленинград, 1966, стр. 74.

[14] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 292.

[15] *Н. И. Сокольский.* Близница Большая. БСЭ, 3-е изд., т. 3, стр. 421.

[16] *М. И. Максимова.* Львиные псевдоскарабеи. Тр. ГЭ, 7, 1962, стр. 124, примеч. 5.

[17] Публикации, вышедшие до 1914 г., см.: АДЖ, стр. 10 сл. Ряд ювелирных изделий из Большой Близницы воспроизведен в работе М. И. Артамонова «Сокровища скифских царей», здесь же дано описание находок из захоронений кургана. Рассмотрению терракотовых статуэток с точки зрения их содержания посвящена упомянутая нами статья А. А. Передольской. В подстрочных примечаниях этой работы даны ссылки на другие статьи А. А. Передольской об этих же терракотах. О ювелирных изделиях из Большой Близницы упоминает *R. A. Higgins.* Greek and Roman jewellery. London, 1961, p. 212 (не приведя аргументации, Р. Хиггинс отнес склепы № 1, 2 и гробницу № 4 к третьей четверти IV в. до н. э.). О перстнях из захоронений Большой Близницы см. *J. Boardmann.* Greek gems and finger rings. London, 1970, p. 405. Автор считает, что все захоронения кургана были совершены примерно в одно время, несколько ранее конца IV в. до н. э.

[18] В качестве исключения следует назвать труд В. Цюхнера (см. сн. 12), в котором датировка двух бронзовых зеркал — из склепа № 1 и гробницы № 4 — построена на изучении стиля изображений, представленных на этих зеркалах, и работу М. И. Максимовой (см. сн. 16), о которой подробнее речь пойдет в дальнейшем.

[19] Определение точной даты погребений кургана поставит на твердую почву решение важных историко-культурных проблем, связанных с Большой Близницей. Эта дата послужит в качестве одной из опорных точек при хронологической классификации тех вещей из погребений, датировка которых пока недостаточно ясна. Сказанное относится прежде всего к терракотовым статуэткам так называемых комических актеров, поскольку принадлежащая К. Шефольду датировка гробницы № 4 60-ми годами IV в. до н. э. не только долгое время переносилась на терракотовые статуэтки из гробницы, среди которых имеются прекрасные образцы изображений упомянутого рода, но и была использована при разработке хронологии всех известных в настоящее время терракот этого типа. См. *T. B. L. Webster.* Monuments illustrating old and middle comedy. University of London. Institute of classical studies. Bull. suppl. 9, 1960, p. 23 сл., AT *9, 15, 19, 20, 22, 24, 26*. Однако комплекс находок из гробницы № 4 включает вещи явно более поздние, чем датировка К. Шефольда (дававшая, к слову сказать, самую раннюю дату для названных терракот, не подтвердившуюся до сих пор ни одним археологическим комплексом), и поэтому она не может служить основанием для отнесения упомянутых терракот к 60-м годам IV в. до н. э.

[20] Дело Археологической комиссии № 41, 1868 г., л. 73. Пелика после раскопок была оставлена в Керченском музее и затерялась.

[21] Там же, № 1622.

Рис. 2. Общий вид краснофигурной пелики из гробницы № 4 (справа) и композиция, украшавшая ее лицевую сторону, (слева) — копия рисунка Ф. И. Гросса

друг к другу мужские фигуры в гиматиях. По росписи пелика принадлежит к категории сосудов так называемого керченского стиля, составляющего последний этап в развитии аттической краснофигурной вазописи. Этот этап, как теперь признано большинством исследователей, приходился примерно на 370—320 гг. или на 360—320 гг. до н. э.[22] В пределах указанного диапазона и следует искать дату интересующей нас пелики.

Бесспорно, она не принадлежит к числу ранних. Удлиненность пропорций, раздутое в нижней части грушевидное тулово, сравнительно небольшого диаметра подставка, плавный переход от тулова к горлу, широкий раструб венчика, диаметр которого примерно соответствует диаметру тулова вазы в наиболее широкой части, и, наконец, длинные ручки — все эти элементы свойственны именно поздним пеликам керченского стиля.

По форме пелика из гробницы № 4 заметно отличается от сосудов этого типа, датируемых первой четвертью IV в. до н. э.[23] Среди найденных в Олинфе пелик также нет близких по форме нашему сосуду[24], что весьма показательно для его датировки. Как установлено М. М. Кобылиной

---

[22] *G. Richter.* Red-figured Athenian vases in the Metropolitan Museum of art. New Hawen, 1936, p. 213, 214. В литературе можно столкнуться с датировкой ваз керченского стиля концом V в. до н. э. (например, Olynthus, p. V, tab. 93, № 146), но эти даты не сопровождаются никакой аргументацией. Показательно, что в исследовании Д. Бизли сейчас упомянутая олинфская пелика включена в группу *G*, относящуюся к середине и третьей четверти IV в. до н. э., см. *J. D. Beazley.* Attic red-figure vase-painters. Oxford, 1963, p. 1406, 1464, № 53. Нам представляются весьма убедительными доводы, которыми Ж. Рихтер обосновывает свою датировку периода керченского стиля 370—320 гг. до н. э. См. также *P. E. Arias.* A history of Greek vase painting. London, 1962, p. 381, 382. Этот исследователь относит начало керченского стиля к 360 г. до н. э. Из русских ученых вопросами периодизации аттических краснофигурных ваз занимались *С. С. Лукьянов, Ю. П. Гриневич* (Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись. МАР, вып. 35, 1915). *М. М. Кобылина.* Поздние боспорские пелики. МИА, 19, 1951, стр. 136 сл.; 161 сл. Ср. *J. D. Beazley,* Op. cit., p. 1406.

[23] Например, см. *Ph. Zaphiropoulou.* Vases peints du musée de Salonique. BCH, XCIV, 1970, II, p. 416 сл., fig. 59.

[24] Ср. Olynthus, p. V, tab. 83, № 138; 90, № 144 (пелики примерно 370 г. до н. э.); 93, № 146 (о дате этой пелики см. *J. D. Beazley,* Op. cit., p. 1464, № 53. См. также сн. 22).

ной [25], в происходящих с Боспора пеликах конца V — первой половины IV в. до н. э. прослеживаются те же две формы, что и в пеликах олинфских. Поскольку самые поздние пелики из Олинфа датируются около середины IV в. до н. э., то отсутствие среди них ваз, с которыми можно было бы сопоставить пелику из гробницы № 4, свидетельствует о более поздней ее дате. Действительно, форма занимающей нас пелики сближает ее с пеликами позднейшего краснофигурного стиля [26].

Наряду с некоторыми элементами формы пелики сюжет ее росписи и его композиционное решение дают точные указания на время ее изготовления. В оформлении пелики использованы схемы, разработанные мастерами краснофигурной вазовой живописи конца V в. до н. э. [27], но при сопоставлении ее с упомянутыми памятниками становится особенно заметным ремесленный характер росписи нашего сосуда, свидетельствующий о его принадлежности IV в. до н. э. Весьма показательно, что Д. Бизли все известные ему пелики с аналогичным сюжетом росписи включил в группу *G*, которую датирует серединой и третьей четвертью IV в. до н. э. Основная часть этих пелик найдена на территории Северного Причерноморья [28], причем условия находок некоторых из них известны. Пелика с таким же изображением происходит из плитовой гробницы, раскопанной Д. В. Карейшей в 1834 г. в кургане близ Карантинного шоссе [29]. Правда, относительно даты этого погребения мнения исследователей разошлись [30]. Зато для двух других пелик с подобной росписью, обнаруженных в разное время в могилах пантикапейского некрополя, имеется хороший хронологический показатель в виде совместно с ними найденных медных пантикапейских монет 330—315 г. до н. э. [31]

Итак, весь сравнительный материал подводит нас к тому, чтобы датировать пелику из гробницы № 4 не ранее третьей четверти IV в. до н. э. Не будем, однако, спешить с утверждением, что эта дата и определяет время гробницы № 4, а рассмотрим еще три миниатюрных сосуда, входя-

---

[25] *М. М. Кобылина.* Ук. соч., стр. 138.

[26] Там же, стр. 145, рис. 6, *1*; стр. 153, рис. 10, *5*. См. также *K. Schefold,* Op. cit., S. 57, № 545, Abb. 7; S. 53, № 492, Taf. 23, *4*.

[27] Например, см. *H. Götze.* Die Deutung der Apollonmetope aus Selinunt. Röm. Mitt., 54, 1939, № 1—2, S. 73, Abb. 4; Olynthus, p. V, tab. 127, № 284; ср. CVA, France, fasc. 6, pl. 240 (чаша первой половины IV в. до н. э.).

[28] Из семи пелик, учтенных Д. Бизли (*J. D. Beazley,* Op. cit., p. 1465, № 75—81), пять происходят из Северного Причерноморья. Еще о двух пеликах с подобной росписью говорится в ДБК (2, стр. 46 сл.); третья упомянута К. Шефольдом (*K. Schefold,* Op. cit., S. 45, № 404); еще об одной пелике с аналогичной росписью см. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 69.

[29] ДБК, атлас, табл. 58, 3, 4 и пояснительный текст в т. 2, стр. 46; об обстоятельствах находки см. ДБК, т. 1, стр. LXIV.

[30] Разногласия исследователей вызваны тем, что монеты из этого погребения потеряны, и краткое их описание в рапорте Д. В. Карейши недостаточно для определения того, о каких монетах идет речь. С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич (ук. соч., стр. 107 и сн. 3), основываясь на описании Л. Стефани (ДБК, 1, стр. LXIV), предположили, что речь может идти о золотой монете Филиппа Македонского и о медной монете Митридата Евпатора, не исключив, однако, возможность ошибки в первоначальном определении монет. Поэтому они отказались от привлечения этих ненадежных сведений для датировки пелики, найденной в гробнице совместно с монетами, и продатировали ее 325—293 гг. до н. э. по стилистическим признакам. К. Шефольд датировал этот комплекс серединой IV в. до н. э. по упомянутой в рапорте золотой монете (*K. Schefold,* Op. cit., S. 63; ср. *М. М. Кобылина.* Ук. соч., стр. 137), а М. И. Ростовцев отнес его к концу III или началу II в. до н. э. (Scythien und der Bosporus, Berlin, 1931, S. 189). По предположению М. И. Максимовой (ук. соч., стр. 130 и примеч. 5), золотая монета была монетой Филиппа III Арридея, царствовавшего с 324 по 317 г. до н. э.

[31] *В. В. Шкорпил.* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. ИАК, 1905, вып. 17, стр. 8, погр. 25. Тип монеты, найденной совместно с пеликой, ср. *Д. Б. Шелов.* Монетное дело Боспора VI — II вв. до н. э. М., 1956, табл. V, *55*. О второй пелике см. *В. В. Шкорпил.* Отчет о раскопках в Керчи в 1908 г. ИАК, 1911, вып. 40, стр. 69, мог. 6. Тип медной монеты из этого погребения ср. *Д. Б. Шелов.* Ук. соч., табл. V, *56*.

Рис. 3. Керамические сосуды из гробницы № 4

щие в данный погребальный комплекс [32],— гидрию (рис. 3, *1* и 4, *2*) [33], скифос (рис. 3, *2* и 4, *1*) [34] и чашу (рис. 3, *3* и 4, *3*) [35]. Они изготовлены из одинаковой глины — плотной оранжеватого оттенка. На поверхности сосудиков в отдельных местах сохранились крайне незначительные остатки белого покрытия со следами черной краски.

Керамическая масса, из которой изготовлены занимающие нас сосудики, не позволяет однозначно ответить на вопрос о месте их изготовления. Не проливает свет на этот вопрос и их форма, поскольку они принадлежат к тому периоду, когда в античном керамическом производстве уже произошла известная нивелировка, и гончарные мастерские различных центров при изготовлении многих видов массовой керамики следовали общим шаблонам. Возможно, некоторые указания могла бы дать имевшаяся на них орнаментация, но она практически не сохранилась [36].

Вместе с тем форма сосудиков — хороший критерий для их датировки. То широко известное обстоятельство, что развитие формы некоторых типов сосудов шло параллельно и в красноглиняной, и в чернолаковой керамике, что такие сосуды, как, например, чернолаковые гидрии IV в. до н. э. по форме не отличаются от одновременных им краснофигурных гидрий, что, наконец, керамические сосуды нередко повторяют форму сосудов из металла, позволяет нам привлечь при датировании сосудиков обширный сравнительный материал.

Сопоставив интересующую нас гидрию с миниатюрными аттическими гидриями середины первой четверти IV в. до н. э. [37] (графическое воспро-

---

[32] Комплекс находок из Большой Близницы хранится в Отделе античного мира Гос. Эрмитажа. Пользуясь случаем, благодарю заведующую отделом К. С. Горбунову и старшего научного сотрудника отдела Н. Л. Грач за предоставленную мне возможность ознакомиться с вещами из Большой Близницы и опубликовать три сосудика из гробницы № 4 этого кургана.

[33] Инв. № ББ 150. ОАК за 1869 г., стр. 10, № 62.

[34] Инв. № ББ 149. ОАК за 1869 г., стр. 11, № 63.

[35] Инв. № ББ 153. ОАК за 1869 г., № 64. Кроме уже упомянутых в составе инвентаря из гробницы № 4 имеются следующие миниатюрные керамические сосудики: три чаши, аналогичные чаше ББ 153 (одна из них полностью ей идентична, две другие меньшего размера), плоская тарелочка и две чашечки с гладкими расходящимися кверху стенками. См. ОАК за 1869 г., № 65, 66, 67.

[36] Прием украшать керамические сосуды орнаментальной росписью черного или красного цветов, наносившейся поверх белого покрытия был известен в IV в. до н. э. в ряде центров античного мира, например в Халкидике, см. *Ph. Zaphiropoulou.* Vases peints du Musée de Salonique. BCH, XCIV, 1970, II, p. 410, 411, № 19, fig. 55; ср. там же, стр. 1067, 1070, рис. 398.

[37] *B. Schlörb-Vierneisel.* Eridanos — Nekropole. Ath. Mitt., 81, 1966, S. 63, Taf. 45, *4—1*; ср. там же, рис. 15.

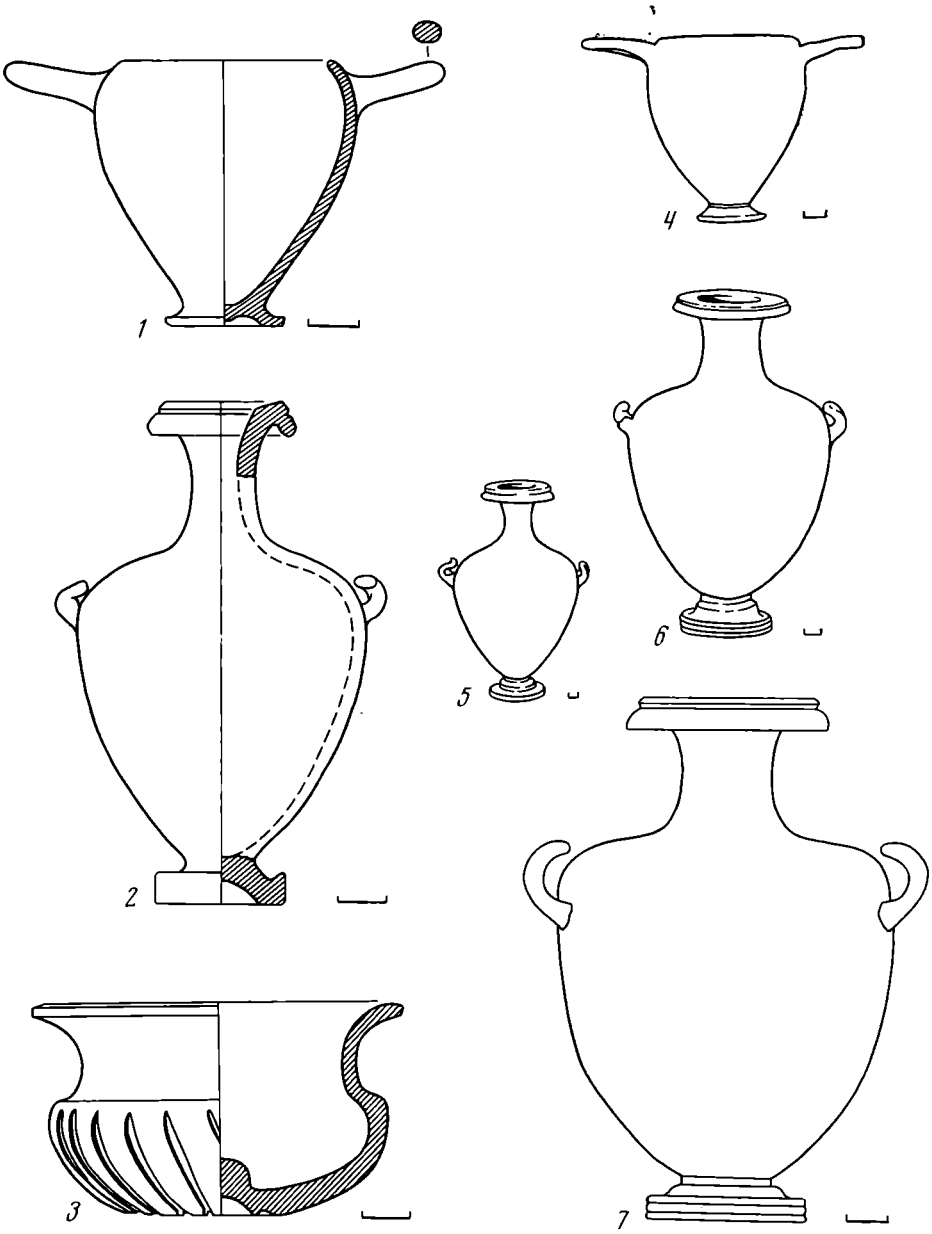


Рис. 4. Керамические сосуды

1, 4 — овоидные скифосы (*1* — из гробницы № 4, *4* — из некрополя в окрестностях Коринфа); *2, 5—7* — гидрии (*2* — из гробницы № 4, *5* — из некрополя Аполлонии в Киренаике, *6* — из коллекции Британского музея, *7* — из некрополя Афин); *3* — чаша с омфалом из гробницы № 4

изведение одного такого сосуда дано на рис. 4, 7), мы сразу же придем к выводу о принадлежности гидрии из погребения № 4 гораздо более позднему времени. Кроме свойственной ей вытянутости пропорций [38] она обладает и другими признаками, указывающими на ее относительно позднюю дату. К ним относятся яйцевидная форма тулова; узкая шейка, переходящая в довольно тяжелый профилированный венчик с отогнутым книзу краем; дисковидной формы подставка, диаметр которой несколько меньше диаметра венчика.

[38] См., например, *R. M. Cook.* Greek painted pottery. London, 1960, p. 225, 226, где отмечено, что керамические сосуды IV в. до н. э. отличаются более вытянутыми пропорциями от сосудов тех же типов предшествовавшего периода; ср. Olynthus, p. XIII, p. 203.

Среди сосудов из Олинфа [39] мы также не найдем ей аналогий. Зато несомненную близость по форме она обнаруживает с краснофигурной гидрией из Британского музея, датируемой концом IV в. до н. э. [40] (рис. 4, *6*). Также очевидно ее родство с чернолаковой гидрией (рис. 4, *5*), найденной в Аполлонии (Киренаика) в погребении с монетой конца IV в. до н. э. [41]; сходна она и с украшенной краснофигурной пальметкой гидрией из некрополя Шатби [42], у которой горизонтальные ручки так же плотно прижаты к тулову, как и у интересующей нас гидрии.

Руководствуясь приведенными аналогиями, следует заключить, что гидрия из гробницы № 4 должна датироваться концом IV в. до н. э. Более позднему времени она не может принадлежать, в чем нетрудно убедиться, сопоставив ее с вазами того же типа, но относящимися уже к началу III в. до н. э. [43]

Следующий сосуд, который мы рассмотрим, принадлежит к скифосам коринфского типа (рис. 3, *2* и 4, *1*). Сосуды этой формы, ведущей свое происхождение из Коринфа, пользовались с VI по IV вв. до н. э. одинаково большой популярностью как у коринфских, так и у афинских гончаров. Последний этап в эволюции скифосов коринфского типа составляют скифосы овоидной формы [44]. Согласно материалу, добытому при раскопках Северного некрополя Коринфа, скифосы овоидной формы появляются около середины IV в. до н. э. [45] Дополнительные сведения дало изучение находок из погребальных комплексов, раскопанных в Афинах [46], и материалов, полученных при раскопках афинской агоры [47], которое показало, что скифосы названного типа появились несколько ранее середины IV в. и доживают до конца IV в. до н. э. Для наиболее поздних овоидных скифосов характерны загибающийся внутрь верхний край сосуда и сближенные основания ручек. Последние при взгляде на них сверху имеют треугольную форму.

По этим признакам наш скифос сближается со скифосами из афинского комплекса конца IV в. до н. э. [48] и из Фессалоники (погребение, датируемое по найденной в нем монете в пределах 320—305 гг. до н. э.) [49]. Еще ближе он к аттическому скифосу, обнаруженному в одной из могил античного некрополя в окрестностях Коринфа [50] (рис. 4, *4*). Таким обра-

---

[39] Cp. Olynthus, p. V, pict. 162, № 661, 662; p. XIII, pict. 142, № 246, 247; 144, № 248, 249.

[40] CVA, Great Britain, British Museum, Fasc. 6, pict. 99, *11*.

[41] *D. White.* Excavations at Apollonia, Cyrenaica. Preliminary report. AJA, 70, 1966, 3, p. 264, pict. 68, *18*.

[42] *E. Breccia.* La necropoli di Sciatby. Le Caire, 1912, 1, p. 55, № 120, 2, pl. L, *86*.

[43] *G. Kopcke.* Golddekorierte attische Schwarzfirniskeramik des vierten Jahrhunderts v. Chr. Ath. Mitt., 79, 1964, S. 69 сл., где по датированным гидриям прослеживается изменение их формы на протяжении IV — III вв. до н. э.

[44] *C. W. Blegen, H. Palmer, R. S. Young.* The North cemetery. Corinth, XIII, 1964, p. 128, 155.

[45] Там же, стр. 122, 155.

[46] *R. S. Young.* Sepulturae intra urbem. Hesperia, 20, 1951, 2, tab. 50, *b*. 5, *c*. 2; 51, *a. 3, 4*; 52, *b. 2*; 53, *b. 1*.

[47] *B. A. Sparkes, L. Talcott.* Black and plain pottery of 6-th, 5-th and 4-th centuries B. C. The Athenian Agora, XII, 1970, tab. 15, № 322—328.

[48] Там же, стр. 258, № 328, табл. 15.

[49] *N. Kotzias.* Ὁ παρὰ τὸ ἀεροδρόμιον τῆς Θεσσαλονίκης (Σέδες) Γ'. τάφος. Ἐφημ. 1937, (1956), 76, 3, стр. 890, рис. 5 и стр. 891, рис. 26.

[50] *C. W. J. Eliot, M. Eliot.* The Lechaion cemetery near Corinth. Hesperia, 37, 1968, 4, p. 365, 366 (погр. B 9), tab. 109, *70*. Авторы, опубликовавшие материал из этого некрополя, продатировали погребение по скифосу, без достаточных оснований отнесенному ими к середине и третьей четверти IV в. до н. э. Такая дата плохо согласуется с формой скифоса. Противоречит ей и наличие в составе инвентаря этого погребения кроме датируемого в пределах второй половины IV — первой четверти III в. до н. э. светильника ойнохои — разновидности, бытовавшей до начала III в. до н. э. Ойнохоя эта, согласно заключению упомянутых авторов, принадлежит в ряду родственных ей сосудов к числу позднейших. Поэтому гораздо более вероятна датировка указанного погребения концом IV в. до н. э.

зом, перечисленные комплексы позволяют датировать скифосы, близкие скифосу из Большой Близницы, концом IV в. до н. э.

Обратимся теперь к последнему из отобранных нами сосудиков (рис. 3, *3*; 4, *3*). На дне рассматриваемой чаши имеется полусферической формы углубление, очерченное врезанной окружностью. Тулово чаши украшено желобками, радиально расходящимися от врезанной окружности. Выполнены они вручную после формовки сосуда. Поверхность бортика гладкая. Внутри чаши посредине имеется полукруглый выступ — омфал. Рассматриваемый сосуд воспроизводит одну из разновидностей чаш, форма которых, как установил Д. Стронг, ведет свое происхождение из ахеменидской Персии. Согласно его заключению, греческие торевты начали изготавливать сосуды такой формы не ранее IV в. до н. э. Чаши, бортик которых лишен орнаментации, а тулово разделано радиально сходящимися к дну желобками, каннелюрами или же стилизованными листьями, Д. Стронг относит к периоду раннего эллинизма [51].

Этот вывод несколько уточнили издатели материалов с афинской агоры, утверждающие, что в Греции начало производства орнаментированных подобным образом металлических чаш восходит по крайней мере к середине IV в. до н. э. и что в керамике эта форма сохраняется до первой четверти III в. до н. э. [52] Попутно отметим, что вывод тех же авторов, согласно которому форма упомянутых чаш эволюционировала в сторону постепенного возрастания высоты сосуда по отношению к его ширине, пока не может быть обоснован убедительно [53].

Отсутствие прямых аналогий несколько затрудняет датировку чаш с омфалом из Большой Близницы, но в грубости их исполнения, проявившейся не только в общей формовке сосуда, но и в замене каннелюр желобками, небрежно исполненными от руки, можно усматривать указание на их сравнительно позднюю дату. Вместе с тем возможно, на наш взгляд, уточнить время изготовления этих сосудов.

Как уже упоминалось [54], кроме рассмотренных гидрии, скифоса и четырех чаш с омфалом в гробнице № 4 было найдено три миниатюрных керамических сосуда. Идентичность структуры и цвета керамической массы всех этих сосудов, одинаковый характер их выделки — совершенно определенное свидетельство их одновременного изготовления в пределах одной мастерской. Перед нами, несомненно, набор вотивных сосудов, использованных как погребальное приношение. Из этих сосудов наиболее точной датировке поддаются гидрия и скифос, относящиеся, как мы установили, к концу IV в. до н. э. Представляется правомочным распространить эту дату и на остальные миниатюрные керамические сосуды из гробницы, в том числе и на чаше с омфалом.

Чтобы иметь возможно более разнообразный материал для решения вопроса о дате гробницы № 4, рассмотрим теперь терракотовую фигурку

---

[51] *D. Strong.* Greek and Roman gold and silver plate. London, 1961, p. 99 сл.

[52] *B. A. Sparkes, L. Talcott.* Op. cit., p. 121 сл., tab. 28, № 691, 692; pict. 7; Olynthus, p. XIII, p. 294, № 251 *A*, 526; tab. 190, 215; *G. Kopcke.* Op. cit., S. 54, № 323; *R. S. Young.* Op. cit., p. 124, № 8, *2*, tab. 52 *b*.

[53] Керамических чаш такого типа найдено немного. Из них самая ранняя, по археологическим данным,— чаша середины IV в. до н. э. из Олинфа (см. сн. 52). Две чаши найдены в некрополе Шатби (*E. Breccia.* Op. cit., p. 70, № 189, 191, pl. XVI, *118, 124*). Несколько чаш происходят из раскопок в Афинах (см. сн. 52), причем одну из них издатели отнесли к 375—350 гг., остальные к 350—325 гг. до н. э. Однако комплекс, в котором найдена первая из перечисленных чаш, содержал чрезвычайно мало датирующего материала, и поэтому указанную дату нельзя признать надежно обоснованной. Вместе с тем непонятно, почему остальные чаши продатированы в пределах третьей четверти IV в. до н. э., в то время, как в их число включены экземпляры, найденные в комплексах рубежа IV—III вв. до н. э. (см. *R. S. Young.* Op. cit., p. 124, № 8, 2; ср. *B. A. Sparkes, L. Talcott.* Op. cit., p. 121, № 692, комплекс J 12 : 3). Таким образом, правильнее, по-видимому, отодвинуть конечную дату бытования сосудов рассматриваемой группы к рубежу IV — III вв. до н. э.

[54] См. сноску 35.

девушки в венке и калафе (рис. 5) [55]. Она представлена впрямь на невысоком овальной формы постаменте, расширяющемся книзу и украшенном по верху валиком и желобком. Одежда девушки — хитон и гиматий. Кисть и предплечье левой руки статуэтки утрачены. Рассматриваемая терракота привлекает внимание своим явным сходством с Корой, в одном и том же статуарном облике предстающей на рельефе с псефизмой елевсинцев в честь начальника стражи Смикрия [56], на аттических вотивных рельефах из Елевсина [57], Пирея [58], Синеуссы [59] и др. Тем же скульптурным образом навеян еще ряд изображений, в их числе — муза с флейтой в руках на рельефе от так называемого постамента муз из Мантинеи [60] и ряд круглых скульптур [61]. По заключению историков античного искусства, прототипом этих изображений послужила культовая статуя Коры, изваянная Праксителем в последний период его творчества [62], иконографическую схему которой скульпторы названных рельефов и статуй скопировали для своих композиций, изменив атрибуты и отойдя от оригинала лишь в таких второстепенных деталях, как, например, положение рук или длина гиматия.

Поэтому выдвинутое А. А. Передольской истолкование интересующей нас статуэтки в качестве изображения Коры не лишено оснований, хотя то обстоятельство, что мастера аттических надгробий перенесли эту фи-

---

[55] Инв. № ББ 182. ОАК за 1869 г., табл. III, 7. См. также *А. А. Передольская* Ук. соч., стр. 57 сл., рис. 6. По мнению А. А. Передольской, все терракоты из гробницы № 4 (в том числе и статуэтка, рассматриваемая здесь) — аттические. Однако нельзя считать окончательно решенным вопрос о месте изготовления этих терракот. Безусловно, все они принадлежат к кругу художественных образов, сложившемуся за пределами Боспора; бо́льшая их часть, несомненно, связана с Аттикой и для ряда статуэток этого комплекса имеются реплики среди аттических терракот. Если отдельные терракоты этого комплекса и были изготовлены на Боспоре, то либо в привозных формах, либо боспорский коропласт скопировал привозные статуэтки. В обоих случаях едва ли имел место значительный хронологический разрыв между привозными статуэтками и аналогичными им боспорскими. Поэтому при датировке статуэток из гробницы № 4 вполне правомочно сопоставление их с аналогичными или близкими им терракотами других античных центров. Вместе с тем полагаем необходимым отметить, что мы не разделяем заключения А. А. Передольской, будто комплекс терракот из гробницы № 4 представляет собой специально изготовленный одним мастером набор терракот, по содержанию тесно между собой связанных, которые «должны были напоминать их владелице основные эпизоды из жизни великих богинь Деметры и Коры». В своей интерпретации смыслового содержания комплекса терракот А. А. Передольская основывается на хранящихся в Эрмитаже 27 статуэтках, в которых она видит персонажей гомеровского гимна Деметре. Между тем в гробнице было найдено 32 статуэтки. «Из числа этих фигур пять значительно поврежденных дублетов... оставлено в (Керченском.— *В. П.*) музее» (см. Дело Археологической комиссии № 41, 1868 г., л. 30, № 1623), где они впоследствии затерялись. Также нельзя согласиться с выводом А. А. Передольской об одновременности этого комплекса терракот и об их принадлежности второй четверти IV в. до н. э., поскольку самый поверхностный их просмотр убеждает в обратном. Так, терракотовая фигурка, аналогичная статуэткам из гробницы № 4, изображающим девушек с дарами в руках (см. *А. А. Передольская.* Ук. соч., стр. 67, рис. 19), в Коринфе найдена в погребении конца V в. до н. э. (см. *C. W. Blegen. H. Palmer, R. S. Young.* Op. cit., p. 271, мог. № 420, tab. 70, *420, 2*). Статуэтка инв. № ББ 182, которую мы специально рассматриваем в статье, датируется примерно 330—320 гг. до н. э. Что касается фигурок так называемых комических актеров из гробницы № 4, то в настоящее время эта группа изображений нуждается в новом исследовании (см. сн. 19).

[56] *O. Kern.* Das Kultbild der Göttinen von Eleusis. Ath. Mitt., XVII, 1892, S. 131, Abb. 7; *F. W. Mitchel.* Derkylos of Hagnous and the date of I. G. II², 1187. Hesperia, 33, 1964, tab. 65, *b*.

[57] *L. Laurenzi.* Monumenti di scultura del Museo archeologico di Rodi — III et del'Antiquarium di Coo (sculture di Coo). Cl. Rh., V_2, 1932—1940, p. 184, grab. 55. Второй рельеф из Елевсина см. *Ch. Picard.* Manuel d'archéologie grecque. La sculpture. Paris, 1954, IV, 2, p. 375, fig. 164.

[58] *Ch. Picard,* Op. cit., 381, fig. 167.

[59] Там же, стр. 377, рис. 165.

[60] *M. Klein.* Praxiteles. 1898, S. 357, Abb. 71.

[61] *Ch. Picard.* Op. cit., p. 375 сл.

[62] *Ch. Picard.* Op. cit., p. 377, 380. Ср. *M. Bieber.* The sculpture of the Hellenistic age. N. Y., 1961, p. 62.

гуру на надгробные стелы[63], свидетельствует о превращении указанного статуарного образа, во всяком случае в последней четверти IV в. до н. э., в своего рода ходячую схему, используемую применительно к различным обстоятельствам. Упомянутые скульптурные памятники, казалось, позволяют говорить о нескольких последних десятилетиях IV в. до н. э.[64] как о наиболее вероятной дате рассматриваемой терракоты. Но статуя Коры первой половины II в. до н. э., найденная на Косе[65], облик которой инспирирован тем же статуарным типом, значительно расширяет границы возможной датировки нашей терракотовой статуэтки.

Как известно, технические особенности трактовки формы изделий коропластики обычно препятствуют определению их времени путем подбора аналогий среди произведений скульптуры. Сказанное в полной мере относится и к разбираемой статуэтке. Что касается производимого ею общего впечатления, то оно, несомненно, свидетельствует в пользу ранней (в пределах указанных хронологических рамок) ее датировки.

Рис. 5. Терракотовая статуэтка из гробницы № 4

Сопоставление рассматриваемой статуэтки с родственными ей терракотами не только подтверждает этот вывод, но и позволяет его уточнить. В качестве ближайшей аналогии следует привлечь хранящуюся в Британском музее фигурку из Коринфа[66] Правда, для нее характерно иное положение левой руки, но вся статуарная схема свидетельствует о ее происхождении от уже нам хорошо знакомого облика Коры, связываемого со статуей работы Праксителя, и типологическая связь с нею нашей статуэтки едва ли может оспариваться. Вместе с тем художественные приемы исполнения терракоты из Британского музея — пластическая трактовка фигуры, манера передачи складок одежды — дают бесспорное указание на ее принадлежность III в. до н. э. когда в коропластике утвердился свойственный эллинистической эпохе художественный стиль, получивший свое полное выражение в так называемых терракотах танагрского стиля. Начальный этап сложения этого стиля исследователи датируют 330—320 гг. до н. э.[67]

---

[63] См., например, *R. Lullies.* Griechische Plastik. München, 1960, S. 80, № 227 (надгробие из Рамнуса, относящееся к периоду между 330—320 гг. до н. э.).

[64] Декрет в честь Смикрия относится к концу IV в. до н. э. (*F. W. Mitchel,* Op. cit., 342); рельефы от постамента муз из Мантинеи, по заключению исследователей, были изваяны в пределах двух последних десятилетий IV в. до н. э. (*Ch. Picard.* Op. cit., p. 361; *M. Bieber.* Op. cit., p. 62). См. также сн. 63.

[65] *L. Laurenzi.* Op. cit., S. 181, puc. 53; *Ch. Picard.* Op. cit., p. 382, примеч. 2.

[66] *R. A. Higgins.* Greek terracottas. London, 1967, p. 104, tab. 47, *C.* Этому же иконографическому типу принадлежат статуэтки, найденные на Книде при раскопках святилища Деметры, см. *B. Ashmole.* Demeter of Cnidus. JHS, 71, 1951, p. 25 сл., tab. IX, *9.*

[67] *D. B. Thompson.* The origin of Tanagra. AJA, 70, 1966, 1, p. 54.

При сопоставлении статуэтки из гробницы № 4 с терракотовой фигуркой, хранящейся в Британском музее, становятся особенно заметными как некоторая застылость и фронтальность ее позы, так и известная плоскостность в трактовке одеяния, говорящие в пользу ее более раннего в сравнении с коринфской статуэткой происхождения. Пожалуй, занимающая нас статуэтка принадлежит периоду сложения черт нового художественного стиля, и наиболее вероятная ее дата конец третьей — начало четвертой четверти IV в. до н. э.

Следует коротко остановиться еще на одном предмете из гробницы № 4 — на резном камне в виде лежащего льва. М. И. Максимова отнесла его к категории львиных псевдоскарабеев [68]. С принятыми датировками отдельных образцов этих памятников, из которых следует, что в Греции эта форма печати существовала, начиная с VI в. до н. э., в течение трех-четырех веков, М. И. Максимова не согласна. Она полагает, что эти даты, основанные на стилистическом анализе, опровергаются показаниями археологических комплексов. Сославшись на пять боспорских комплексов с львиными псевдоскарабеями, якобы дающих основание приурочить последние к узкому отрезку времени — к периоду раннего эллинизма [69], М. И. Максимова полагает, что памятники этой группы обязаны своим появлением личному вкусу царя Лисимаха и поэтому данная форма печати, будучи чрезвычайно популярной во владениях этого царя, после его смерти навсегда вышла из моды.

В числе упомянутых боспорских комплексов помимо специально интересовавшей нас гробницы № 4 М. И. Максимова называет: 1) склеп № 1 кургана Большая Близница; 2) случайно найденную в 1870 г. плитовую гробницу у подножья второго кургана на Васюринской горе; 3) плитовую гробницу, раскопанную в Керчи Д. В. Карейшей в 1834 г.; 4) раскопанную А. Б. Ашиком в 1835 г. плитовую гробницу в кургане вблизи Карантинного шоссе. Не касаясь последней из перечисленных гробниц, комплекс которой не опубликован, и о его дате судить поэтому не возможно, просмотрим бегло, что известно о других комплексах.

Для точной датировки гробницы 1834 г. нет данных [70]. Гробницу кургана на Васюринской горе, которую М. И. Ростовцев датировал первыми десятилетиями III в. до н. э., М. И. Максимова отнесла к более позднему времени на том основании, что некоторые из найденных там золотых вещей явно перекликаются с вещами Артюховского кургана [71] (Артюховский курган М. И. Максимова датирует серединой или третьей четвертью II в. до н. э. [72]). Точная дата захоронения в склепе № 1 Большой Близницы пока не установлена, но едва ли оно относится ко времени позднее конца IV в. до н. э.

Таким образом, из этих комплексов самые ранние — склеп № 1 и гробница № 4 Большой Близницы. Само собой разумеется, что, определяя дату гробницы № 4, мы не можем привлечь предложенную М. И. Максимовой датировку резного камня в виде лежащего льва, найденного в этой гробнице, поскольку дату камня М. И. Максимова вывела из даты комплекса гробницы № 4, который, как отмечалось выше, она отнесла (наряду с комплексом из склепа № 1) к периоду раннего эллинизма [73].

Правда, помимо археологических комплексов М. И. Максимова указала на ряд интересных совпадений между монетами Лисимаха и изображениями, вырезанными на нижней части некоторых львиных псевдоскарабеев, полагая, что они скопированы с монет. Однако псевдоскарабей из склепа № 1 в эту группу не входит. Что же касается камня из

---

[68] См. сноску 16.
[69] *М. И. Максимова.* Ук. соч., стр. 123, 127.
[70] См. сноску 30.
[71] *М. И. Максимова.* Ук. соч., стр. 130, примеч. 5.
[72] *М. И. Максимова.* О дате Артюховского кургана. СА, 1960, 3, стр. 46 сл.
[73] См. сноску 16.

гробницы № 4, то не следует упускать из виду, что он существенно отличается от львиных псевдоскарабеев отсутствием на нижней части резного изображения, и поэтому его включение в число львиных псевдоскарабеев весьма условно.

Итак, среди предметов из гробницы № 4 кургана Большая Близница, поддающихся относительно точной датировке, самая поздняя — группа миниатюрных сосудиков, принадлежность которой концу IV в. до н. э. устанавливается по гидрии и скифосу, входящим в нее. Вотивный характер этого набора делает маловероятным его долгое бытование. Скорее всего эти сосудики были специально приобретены для заупокойного культа. В таком случае они позволяют заключить, что захоронение в гробнице № 4 было совершено в конце IV в. или на рубеже IV—III вв. до н. э.

V. I. Prouglo

SUR LE PROBLEME DE LA DATATION DU TUMULUS DE BOLCHAIA BLIZNITSA

Résumé

L'article contient l'analyse du problème de la datation du Bolchaïa Bliznitsa (presqu'île de Taman), un des plus connus tumuli de la période hellénique. Lors des fouilles de 1864—1885, dans le tumulus étaient découverts trois caveaux en pierre aux recouvrements à gradins, deux sépulcres en forme de fosses rectangulaires aux parois revétues de pierre équarrie, une sépulture féminine à l'incinération pratiquée directement dans le tertre du tumulus, une sépulture enfantine et vestiges de quatre festins funéraires (fig. 1). La datation de Bolchaïa Bliznitsa prète aux divergences. Les chercheurs tels que L. Stéfani, E. Minns, M. I. Rostovtsev estimaient toutes les sépultures et festins funéraires à peu près concomitants. L. Stéfani les rapportaient à la deuxième moitié du IV s. av. n. è., E. Minnz — approximativement à deux dernières décennies du même siècle, tandis que M. I. Rostovtsev — à la fin du IV — le début du III s. av. n. è. Les opinions divergent le plus sur la datation du sépulcre N 4 (fouilles de 1868) lequel a fourni, parmi d'autres objets, une collection particulièrement intéressante de figurines grotesques en terre cuite (des 32 figurines retrouvées il ne reste aujourd'hui que 27). Le sépulcre N 4 était daté du début du déxième quart du IV s. av. n. è. (A. A. Pérédolskaïa), des années 60 du IV s. av. n. é. (K. Schefold), des années 300 av. n. è. (W. Züchner), des premières décennies du III s. av. n. è. (M. I. Rostovtsev, M. I. Maximova). A la suite de la publication de M. I. Rostovtsev (Peinture décorative antique au sud de la Russie) dans la littérature archéologique l'opinion s'est affirmée que la sépulture féminine à l'incinération qui renfermait le statère en or d'Alexandre de Macédoine est la plus récente de toutes abritées par la Bolchaïa Bliznitsa. D'autre part, la datation du sépulcre N 4 des années 60 du IV s. av. n. è., proposée par K. Schefold, était étendue par un nombre d'auteurs sur les terres cuites y retrouvées. En analysant les matériaux d'archives concernant les fouilles de Bolchaïa Bliznitsa l'auteur est venu à la conclusion que la chronologie relative des sépultures de Bolchaïa Bliznitsa est impossible à retablir (les tentatives en étaient faites par M. I. Rostovtsev) parce qu'elles sont toutes introduites, ce qui était mentionné par M. I. Rostovtsev lui — même dans son ouvrage ultérieur (Scythic et Bosphore. Léningrad, 1925, pages 371, 372). Toutes sépultures de tumulus doivent donc être datées séparément au moyen de l'analyse du mobilier. L'examen détaillé d'un nombre de trouvailles provenant du sépulcre N 4 du tumulus de Bolchaïa Bliznitsa (une péliqué à figures rouges, trois récipients minuscules en argile, une statuette figurant une jeune fille debout vétue de chiton et d'himation) a amené l'auteur à la conclusion que l'inhumation y a eu lieu à la fin du IV s. ou à la limite des IV — III siècles av. n. è.

Н. А. ОНАЙКО

ЗАМЕТКИ О ТЕХНИКЕ БОСПОРСКОЙ ТОРЕВТИКИ

Боспорские торевты, как и все торевты в античном мире, искусно владели различными приемами в технике изготовления высокохудожественных украшений из драгоценных металлов. Но особенно широко они применяли штамп, с помощью которого получали из листового золота большое число оттисков с рельефными однотипными изображениями. Оттиски имели определенную форму, отвечающую их функциональному назначению. Наиболее крупные и значительные по тематике изображений и художественному достоинству пластины — обивки горитов и ножен мечей — соответствовали форме этих воинских доспехов. Прямые и полукруглые ленты изготавливались для украшения головных уборов. Многочисленную группу подобных изделий составляли более мелкие золотые оттиски-бляшки с различными изображениями. Бляшки имеют круглую монетообразную, а также овальную и четырехугольную форму. Известны фигурные бляшки.

Бляшки всех форм использовались главным образом для украшения одежды, в том числе головных уборов, кожаной обуви и погребальных пологов. Хорошо известны штампованные серьги и щитки перстней. Все эти украшения получили особенно широкое распространение в IV в. до н. э., удовлетворяя огромный на них спрос меото-скифской знати.

Штампованные изделия серийного производства кажутся, с одной стороны, шаблонными, с другой — поражают разнообразием моделировки украсивших их изображений, которая нередко является результатом дополнительной обработки оттисков. Б. В. Фармаковский, изучая ильинецкую и чертомлыцкую обивки горитов, полагал, что нанесенная на них после тиснения гравировка от руки преследовала одну цель — сделать рельеф живописнее, эффектнее [1]. Однако дальнейшее наблюдение и изучение золотых рельефов массовых украшений, особенно рельефов многочисленных мелких бляшек, показывают, что боспорские мастера широко применяли последующую обработку однотипных оттисков не столько для живописности изображений, сколько для внесения разнообразия в их оформление, а также при вынужденных подправках нечетко проявившихся в оттисках отдельных деталей изображений. С помощью черточек, точек, крестиков, кружочков и других мелких орнаментальных мотивов разнообразилась моделировка одежды, атрибутов и других деталей изображений. При нечетко проявившемся рельефе штампа в оттиске таким же путем подправлялись главным образом изображения лиц, волос, рук, ног, атрибутов.

Но это далеко не все, что предпринимали мастера-штамповщики в производстве этой продукции. Как выясняется, они широко практиковали

[1] *Б. В. Фармаковский.* Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. Сб. археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому. СПб., 1911, стр. 45.

не только дополнительную обработку оттисков, но и последующую подправку, обновление рельефов самих штампов после того, как они изнашивались и теряли четкость изображений. Это прослеживается путем тщательного сравнения однотипных оттисков и выявления в них таких изменений, которые могли появиться лишь в результате изменения пластической формы тех или иных деталей изображений в рельефах самого штампа. На это обстоятельство до сих пор не обращали внимания, а оно, как и наблюдение о дополнительной обработке готовых оттисков, имеет большое принципиальное значение, и не только для выяснения особенностей техники производства золотых штампованных изделий, но и, что особенно важно, для изучения эволюции изображений и оценки художественного их достоинства, которая может привести к ошибочным выводам.

Обратимся к уже упомянутым обивкам горитов. В настоящее время подобных обивок, изготовленных по одной форме, известно уже не две, как при Б. В. Фармаковском, а четыре. К ильинецкой и чертомлыцкой пластинам прибавились мелитопольская из раскопок А. И. Тереножкина [2] и елизаветовская из раскопок В. П. Шилова [3]. На них переданы, по-видимому, сцены из жизни Ахилла среди дочерей Ликомеда на о-ве Скиросе, а также изображения животных и орнаментальных мотивов. Для того чтобы проследить последующие восстановления изображений в рельефах износившейся бронзовой формы, по которой оттискивались обивки этого типа, возьмем для примера изображения крайних справа женских фигур, так называемых дочери царя Ликомеда Деидамии и матери Ахилла Фетиды. Принимая во внимание степень мастерства исполнителя или разных исполнителей этих оттисков, а также степень сохранности этих рельефов, по ним, и в частности по упомянутым в них мотивам, легко проследить, как изменялась пластическая моделировка изображений в результате последующих попыток их восстановления в рельефе штампа и в оттиске.

Мелитопольская обивка, хотя, по-видимому, и не представляет собой самый первый экземпляр из тех, что были оттиснуты по ее форме, но, бесспорно, изготовлена по еще нетронутому, не подправлявшемуся рельефу этой формы и не подвергалась дополнительной обработке. И несмотря на то, что форма к этому времени была уже изрядно изношена, переданные с нее на мелитопольскую обивку изображения отличаются ясностью линий и мягкой светотенью, напоминающей мраморные оригиналы эпохи поздней классики (рис. 1, *1*, *5*). Пока только эта пластина дает нам представление о совершенстве пластического выражения оригинала этого произведения.

Изображения же взятых нами для примера Деидамии и Фетиды на остальных трех обивках уже существенно отличаются от аналогичных им изображений на мелитопольской пластине. Так, на ильинецкой обивке, хотя в общем еще и сохраняющей характерные для мелитопольского рельефа особенности первоначальной формы, у Деидамии и Фетиды, как и у других персонажей, несколько срезаны овалы лиц, более резко выделена драпировка (рис. 1, *2*, *6*). Возможно, это результат небольшой подчистки изображений в форме. А последующее применение чекана изменило моделировку причесок, бород и лиц у некоторых персонажей. В результате дополнительной обработки пластины пестрят различными орнаментальными украшениями (мебель, атрибуты). Отмечается большое разнообразие и пестрота в моделировке фигур животных.

В рельефе чертомлыцкой обивки чекан нашел еще более широкое применение для оживления сцен и других сюжетов (рис. 1, *3*, *7*). Что касается

[2] *А. И. Тереножкин.* Скифский курган в г. Мелитополе. КСИА АН УССР, 5, Киев, 1955, стр. 23; *Е. Ф. Покровская.* Мелитопольский скифский курган. ВДИ, 1955, 2, стр. 191.

[3] *В. П. Шилов.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, 1, стр. 150.

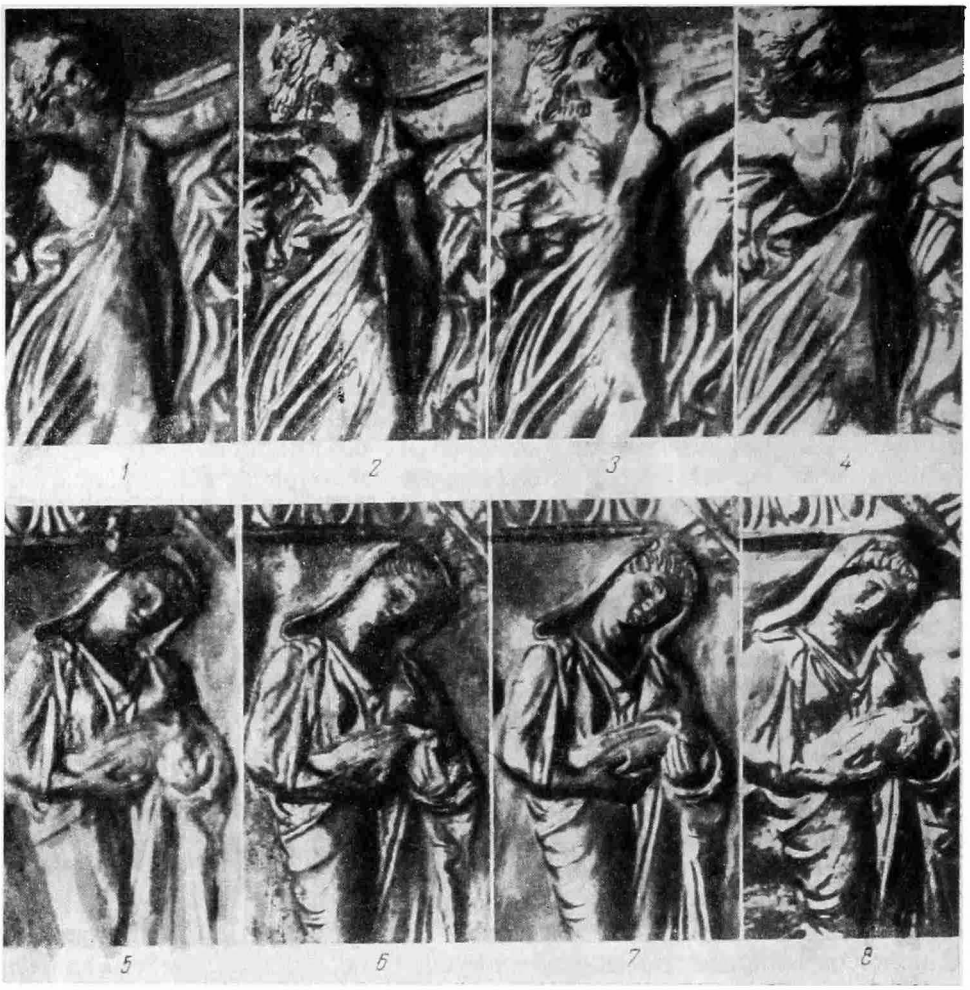


Рис. 1. Изображения Деидамии и Фетиды на обивках (увеличены). Деидамия: *1* — мелитопольской; *2* — ильинецкой; *3* — чертомлыцкой; *4* — елизаветовской. Фетиды: *5* — мелитопольской; *6* — ильинецкой; *7* — чертомлыцкой; *8* — елизаветовской

изображений, полученных в результате оттиска с формы, то эта обивка до мелочей повторяет рельеф ильинецкой и по очередности, безусловно, была оттиснута после нее, а не после елизаветовской, как об этом привыкли думать. Чертомлыцкая обивка отличается от ильинецкой лишь менее четким изображением рельефа; это результат уже, по-видимому, изрядно износившейся формы, что и вызвало большую поверхностную обработку оттиска. И хотя существенных изменений в рельефе самой формы еще не произошло, дополнительная обработка оттиска значительно снизила высокохудожественное его достоинство. Основное внимание художник сосредоточил на доработке изображения лица, вплоть до старательного выделения зрачков, а также причесок и других деталей. Усердное восстановление лиц отдельных персонажей совершенно исказило первоначальный их облик. Большие изменения, в частности, претерпело изображение Фетиды; ее лицо потеряло правильные черты и стало плоским, прическа получила орнаментальную трактовку волос. По сравнению с ильинецкой эта обивка выдает руку посредственного художника, попытавшегося внести оживление в ее рельеф.

Те же мотивы на елизаветовской обивке уже свидетельствуют о существенных подправках рельефа самой формы (рис. 1, *4*, *8*). Это было осуществлено незаурядным художником, в совершенстве владеющим средствами создания пластической характеристики образов. В этом смыс-

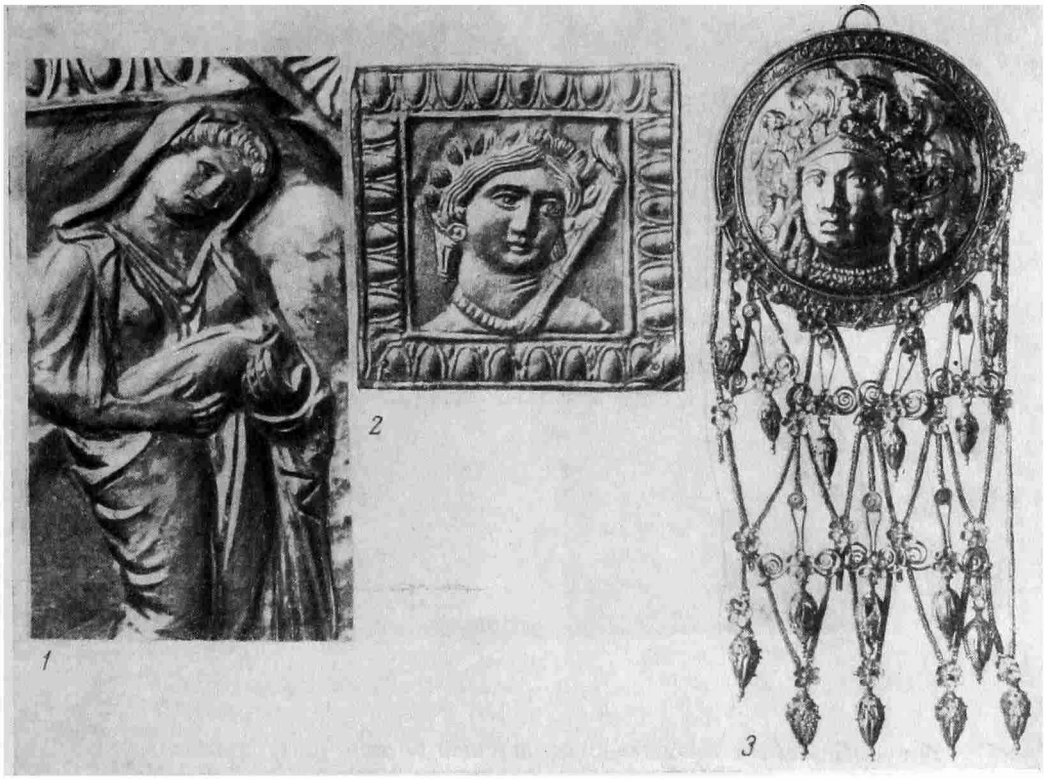


Рис. 2. *1* — изображение Фетиды на Елизаветовской обивке (увеличено); *2* — изображение Коры на бляшках Большой Близницы; *3* — изображение Афины на серьгах из Куль-Обы (*2* и *3* — натуральная величина)

ле он вряд ли уступал самому создателю великолепных рельефов, по которому оттиснуты обивки этого типа и отличался от последнего лишь тем, что соответственно своему весьма недурному вкусу внес изменения в художественный облик персонажей, в том числе в облик Деидамии и Фетиды. И если мелитопольские женские изображения напоминают нам по классической идеализации образов и композиции сюжета скульптуры Леохара [4], то те же образы на елизаветовской обивке, особенно образ Фетиды, очень близки по манере исполнения к изображениям Афины на куль-обских серьгах, Коры в бляшках Большой Близницы (рис. 2, *1—3*), Медузы в бляшках Чертомлыка и Куль-Обы [5].

Совершенно очевидно, что создатель первоначальных образов в рельефе, по которому оттискивались обивки мелитопольского типа, воспитывался в традициях аттической школы. Творчество же художника, оставившего свой почерк в изображениях елизаветовской обивки того же типа, отличается яркими индивидуальными чертами и скорее всего связано с одним из художественных направлений, характерных для боспорской торевтики. Особенно наглядно это прослеживается в изображении лиц. В отличие от характерного для искусства метрополии IV в. до н. э. удлиненного овала лица, персонажи елизаветовской обивки наделены округлым овалом лица. Подобная иконография лица хорошо засвидетельствована в боспорской живописи [6] и архитектурной терракоте [7].

[4] *В. Д. Блаватский.* Греческая скульптура. М.— Л., 1939, рис. 132.

[5] *М. И. Артамонов.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага — Ленинград, 1966, стр. 59, рис. 115; стр. 76, рис. 146, табл. 214, 215, 219 и др.

[6] *М. И. Ростовцев.* АДЖ, СПб., 1913, Атлас, табл. VII; *2*; VIII.

[7] Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. САИ; Г 1—20, М., 1966, табл. 38, *8*.

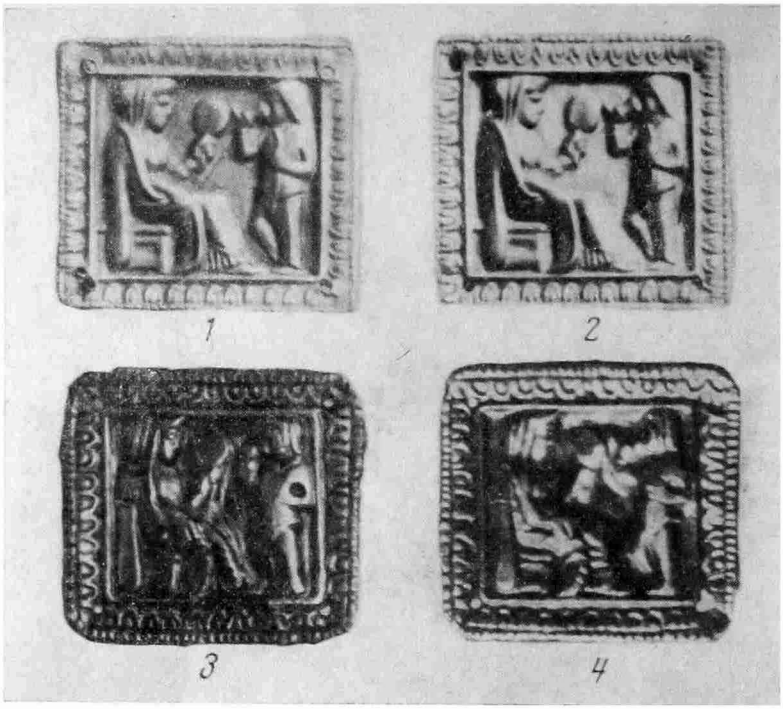


Рис. 3. Бляшки с изображением сидящей богини (натуральная величина): *1* — курган Куль-Оба; *2* — курган Чертомлык; *3, 4* — Мелитопольский курган

Среди близких аналогий к женским изображениям на елизаветовской обивке представлены куль-обские серьги, которые иногда относят к производству аттических мастерских. Этот вопрос требует специального изучения, но уже сейчас видно, что правы скорее сторонники боспорского происхождения этих серег. Оно подтверждается, в частности, анализом рельефов рассматриваемого типа обивок горитов, форма для оттиска которых создавалась и уже во всяком случае подправлялась в условиях Северного Причерноморья, т. е. там, где осуществлялось производство этих пластин. Среди художников, принявших в этом активное участие, был и художник, обновивший форму, по которой оттиснуты обивки елизаветовского горита. С ним, безусловно, связан еще, по-видимому, далеко неполный ряд перечисленных нами памятников, оставивших весьма заметный след в творчестве боспорских торевтов и в истории греческого искусства Северного Причерноморья вообще.

Изменения в рельефе бронзовой формы, прослеженные по изображениям Деидамии и Фетиды на четырех известных в настоящее время обивках, естественно, характерны и для всех остальных, в том числе растительных и животных, мотивов. Чертомлыцкая обивка среди них, как нам уже приходилось отмечать [8], наименее высокого качества в этом отношении и более перегружена последующими доработками рельефа в оттиске, которые порой приводили художника не столько к восстановлению пластической формы изображений, сколько к их условной трактовке и даже к излишнему орнаментализму.

Замеченные по ильинецкой, елизаветовской и чертомлыцкой обивкам подчистки и подправки бронзового штампа свидетельствуют о том, что они производились, естественно, не для того, чтобы по нему после мелитопольской отштамповать только эти обивки. Каждое обновление

[8] *Н. А. Онайко.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV — II вв. до н. э. САИ Д1 — 27, М., 1970, стр. 28.

Рис. 4. Бляшки с изображением двух борющихся: *1*— Чмырева могила; *2* — курган Верхний Рогачик; *3, 4*— Елизаветовский курган (натуральная величина)

формы, безусловно, сопровождалось производством такого числа обивок, какое выдерживал этот металл, а выдержать он мог немало. И если учесть, что до мелитопольской обивки штамп уже был в употреблении, то в общей сложности таких золотых рельефов могло быть довольно много. Это обстоятельство не дает нам оснований считать их совершенно уникальными. Уникальным по содержанию и композиции был рельеф самого штампа, который со временем претерпевал значительные изменения, но эти изменения, отраженные в последующих оттисках, вместе с тем познакомили нас с почерком других художников. Один из них, творческая индивидуальность которого проявилась в рельефах елизаветовских обивок,— яркое и самобытное явление в истории боспорской торевтики.

Те же процессы дополнительной обработки готовых оттисков, а также подчистки, обновления самих штампов еще шире практиковались в производстве многочисленных мелких бляшек. Так, например, среди широко известных бляшек с изображением сидящей богини с зеркалом и стоящего перед ней варвара с ритоном бляшки из Куль-Обы и Чертомлыка оттиснуты по одной высокохудожественной форме (рис. 3, *1*, *2*). Чертомлыцкие бляшки, изготовленные после куль-обских, хотя уже несколько и потеряли четкость изображений, но на них еще нет никаких следов подчисток штампа. Близкие к ним бляшки из новых раскопок на Украине [9] и из Мелитопольского кургана (рис. 3, *3*, *4*), возможно, изготовленное по другому аналогичному штампу более грубой работы, чем штамп куль-обских и чертомлыцких бляшек, дают иную картину. Они пестрят не только поверхностной обработкой оттисков, но и многочисленными подправками штампа, которые, судя по некоторым вариантам мелитопольских бляшек, сильно исказили первоначальную форму. Особенно это отразилось на костюмах богини и варвара, а также на трактовке ов, которые обрамляют их изображение. Попытки мастера восстановить форму правой кисти руки богини привели к тому, что она стала выглядеть в виде двух вилкообразных отростков.

[9] Раскопки В. И. Бидзили курганной гр. «Носаки» в 1971 г. (материалы хранятся в КИА).

Очень интересны также четырехугольные бляшки с изображением двух борющихся мужчин. В настоящий момент известно два варианта подобных бляшек: один — из Чмыревой могилы и Верхнего Рогачика (рис. 4, *1*, *2*), другой — из Елизаветовского кургана (рис. 4, *3*, *4*). Первых экземпляров обоих вариантов мы пока не знаем, а то, что до нас дошло, свидетельствует об активных грубых подправках в штампах и оттисках. Это изображение мужских фигур в сложной позе борющихся передано средствами изобразительного искусства греков. Особенно наглядно это прослеживается по елизаветовским оттискам.

Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить. Процесс последующей обработки оттисков и обновлений рельефов их штампов после того, как они изнашивались, нетрудно проследить на бляшках с изображением Геракла, удушающего немейского льва[10], так называемого коленопреклоненного юноши[11], менад типа деевских[12], стоящего варвара с горитом на левом боку[13], на бляшках с изображением различных животных. Все они свидетельствуют о том, что штампами дорожили и в процессе работы неоднократно пытались восстановить переданные в их рельефах изображения.

Штампов, по которым оттискивались различные украшения, известно очень мало[14]. Наиболее крупный из них — тиритакский бронзовый штамп с погрудным изображением Афродиты и эротов в схеме, хорошо известной по золотым его оттискам — круглым бляшкам. Этот штамп ценен не только как одно из очень немногих дошедших до нас орудий боспорских торевтов, но и как яркий пример сохранившихся на нем следов срезов-подправок рельефа после длительного его употребления. В этом отношении штампы боспорских торевтов можно сравнить с монетными штемпелями, в которых, как известно, широко применялись последующие подрезки и подчистки[15].

Химический анализ тиритакского штампа показывает, что количественное соотношение его основных компонентов (меди 87,65%, олова 2,73%, свинца 9,45%) было вполне достаточным для обеспечения прочности и в то же вермя мягкости, необходимой для последующих подправок штампа, несмотря на его проковку. Интересно отметить, что в отличие от этого штампа скифский штамп, найденный на Каменском городище, сделан из оловянистой бронзы, содержащей только около 22% меди с небольшой примесью свинца (0,63%), что совершенно исключало возможность его подправок. Применявшиеся лесостепными племенами свинцово-оловянистые или оловянистые бронзы, содержащие лишь свыше 10% олова, также были непригодны для подобных подправок в готовых изделиях. Такой сплав не поддавался ковке и штамповке, но с успехом

---

[10] *Н. А. Онайко.* Ук. соч., стр. 105, тип 491.

[11] *Н. А. Онайко.* Ук. соч., стр. 105, тип 493*д*. Такие бляшки найдены в районе Каховки. См. *А. Лесков.* Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972, табл. 34.

[12] *Н. А. Онайко.* Ук. соч., стр. 103, тип 447*в*. Аналогичные бляшки найдены в Гайкмановой могиле. См. *В. І Бідзіля.* Дослідження Гайманової Могили. Археологія, Київ, 1971, 1, стр. 44.

[13] ДБК, Альбом, табл. XXXII, 7.

[14] *В. Ф. Гайдукевич.* Находка античного бронзового штампа в Тиритаке. СА, VI, 1940, стр. 298; *его же.* Боспорское царство. М., 1948, стр. 119; *Т. Н. Книпович.* Танаис. М.— Л., 1949, стр. 63, рис. 21*а*; *И. Д. Марченко.* Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. МИА, 56, М., 1957, стр. 163, рис. 2, 7, 8; *В. Никулин.* К вопросу о наличии на Боспоре центра по штамповке изделий из золота и серебра. МАСП, 1, Одесса, 1957, стр. 85; *В. И. Кузьменко.* Античные глиняные штампы из коллекции Одесского государственного археологического музея. МАСП, вып. 4, Одесса, 1962, стр. 240.

[15] *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 26; *И. Г. Спасский.* Анализ технических данных в нумизматике. КСИИМК, вып. XXXIX, стр. 69; *его же.* Русская монетная система. Л., 1970, стр. 50.

применялся в литье, что и определило основной технологический прием в изготовлении бронзовых изделий лесостепными племенами [16].

Л. П. Харко, изучавший тиритакский штамп, пришел к следующим выводам: «Штамп, при помощи которого были выбиты золотые бляшки, в силу своей исключительной близости к размерам, очертанию, профилю, к основному массиву рельефа рабочей части тиритакского штампа свидетельствует о том, что оба эти инструмента были изготовлены из одинаковых литых «болванок», подвергшихся затем дальнейшей доработке различного характера. Перед отливкой тиритакского штампа в земляной или иной форме были либо дополнительно выдавлены два небольших полушария над плечами богини (головы эротов), либо после отливки реконструируемого штампа эти полушария на самом штампе были срезаны резцом. Такие доделки и переделки могли быть вызваны необходимостью дать разные иконографические варианты» [17].

Мы разделяем это заключение Л. П. Харко, в котором необходимо подчеркнуть один очень важный момент для изучения техники боспорской торевтики: рельефы штампов нередко подвергались подчисткам не только после, но и до их износа для разнообразия изображений. Так поступали с совершенно одинаковыми штампами; в рельефах одних из них прибавляли, в рельефах других, наоборот, убирали отдельные мотивы изображений. Только так можно объяснить наличие в боспорской торевтике оттисков, отличающихся лишь отдельными деталями, в данном случае головками эротов. В других случаях совершенно одинаковые в основе растительные мотивы, например на некоторых лентах головных уборов, разнообразились фигурками различных животных, птиц, насекомых и т. д.

Малочисленность находок штампов, по-видимому, объясняется тем, что они, как и монетные штемпеля, уничтожались еще в древности, поскольку Боспор крепко держал в своих руках монополию не только на выпуск монет, но и на тесно связанное с монетным делом [18] производство золотых художественных изделий [19].

Сравнение однотипных оттисков показывает, что рельефы штампов в первоначальном своем виде отличались хорошим, а нередко и совершенным исполнением. Их создатели в совершенстве владели изображением человека и животных. На это указывают не только первые, но и последующие экземпляры оттисков, так как различного рода дополнительные подправки представляют собой лишь вторичное, отличное по художественному стилю наслоение на первоначальную форму изображений.

Нетрудно, таким образом, заметить, что штампы для подобного рода украшений изготавливались по моделям одних, и к тому же немногочисленных, высококвалифицированных художников, а последующие их подправки, как и доработки в оттисках, часто производились мастерами других художественных направлений и с различным уровнем подготовки, а нередко и простыми подмастерьями, выполнявшими чисто техническую работу штамповщиков. Это искажало первоначальный стиль изображений и оставляло на них след совершенно иных художественных вкусов, нередко менее утонченных, что особенно характерно для мелких украшений.

---

[16] *Б. А. Шрамко.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии. ПСА, М., 1971, стр. 98.

[17] *Л. П. Харко.* К вопросу о производстве золотых бляшек в Черноморье. МИА, 96, 1966, стр. 224.

[18] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. СПб., 1925, стр. 443.

[19] *В. Д. Блаватский.* О боспорском ремесле IV — I вв. до н. э. СА, XXIX — XXX, 1959, стр. 52; *W. Blawatsky.* Le processus du developpement historique et le role des états antiques situés au nord de la Mer Noire. XI Congrés International des Sciences Historiques. Rapports II. Göteborg — Stokholm. Upsala, 1960, p. 105; *его же.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э.— III в. н. э.). СА, 1964, 4, стр. 69.

Поэтому очень важно распознавать внесенные в штамп и в его оттиски последующие подправки, чтобы избежать повода видеть в худших из таких оттисков деградацию художественных мотивов во времени или считать их варварскими подражаниями. Это искаженные в процессе серийного производства произведения боспорской торевтики. В основе же рассматриваемого круга украшений лежат высокохудожественные рельефы греческого искусства, претерпевшие порой очень существенные изменения от последующих их доработок с целью разнообразия однотипных изображений, а также восстановления их в оттисках и в сработанных штампах.

Крайне примитивная трактовка некоторых подправленных изображений (например, руки в виде вилкообразных отростков у богини с зеркалом) может указывать на то, что в боспорских металлообрабатывающих мастерских работали и выходцы из варварской среды. Вопрос об их участии в боспорских эргастериях давно поднимается в нашей литературе [20]. В настоящий момент можно утверждать, что в иконографии женского божества в виде величаво сидящей в торжественной позе с ритуальным сосудом в руке (треугольная пластина из Карагодеуашха, чертомлыцкие бляшки, пластина из Мерджан) большую роль сыграли синдо-меотские племена [21].

Посильное участие подмастерьев из варварской среды в производстве подобных украшений наложило весьма заметный отпечаток на художественное оформление изделий боспорской торевтики. В этом смысле, имея в виду главным образом дополнительную обработку оттисков, а возможно, и различного рода неумелые вмешательства таких подмастерьев в рельеф самого штампа, можно говорить и о наличии «варварской струи» в боспорской торевтике. Дальнейшее ее изучение позволит конкретизировать участие варварских племен в художественной жизни городов, что особенно с большой силой проявится позднее и изменит весь облик искусства Северного Причерноморья.

N. A. Onaïko

NOTES SUR LA TECHNIQUE DE LA TOREUTIQUE BOSPHORIENNE

Résumé

Ayant pris pour exemple quelques parures (fig. 1—5) en or estampées (fig. 1—5) l'auteur établit que le processus de leur fabrication impliquait non seulement le finissage ultérieur des impressions mais également des nettoyages et des rafraîchissements de toute sorte des matrices elles — mêmes ayant perdu leur forme première lors du processus de la production en série. Cette constatation a une importance première non seulement pour l'analyse de la technique de fabrication mais aussi pour la mise à jour des particularités artistiques de ces ouvrages qui peuvent servir de base pour les conclusions, dont la valeur est grande pour l'histoire de la toreutique bosphorienne, sur l'évolution des motifs ornementaux différents, les courants divers dans la vie artistique de Bosphore etc.

En ce qui concerne les appliques de gorythes du type de Mélitopol connus aujourd'hui, l'auteur estime que l'applique de Tchertomlyk (1, 3) est précédée en date par celle d'Iliintsy (fig. 1, 2) et non par l'élisavétovienne (fig. 1, 4) comme il est admis de croire. Les modifications les plus accusées dans le travail du relief des appliques en question sont observées sur la plaque d'Elisavétovo. Elle nous fais connaître l'écriture d'un artiste tout à fait ordinaire qui a laissé dans l'histoire de la toreutique bosphorienne une trace aussi marquante que l'auteur du premier relief servant à la fabrication des appliques du type considéré.

[20] *В. Д. Блаватский.* О боспорском ремесле, стр. 42.

[21] *Н. А. Онайко.* Об антропоморфных изображениях в меото-скифской торевтике. Доклад, прочитанный в январе 1970 г. на Ленинградской конференции, посвященной 70-летию со дня смерти Б. В. Фармаковского, и в октябре 1971 г. в Киевском институте археологии АН УССР.

Д. Л. ТАЛИС

РОСЫ В КРЫМУ

Изучение истории раннесредневековой Таврики имеет первостепенное значение для исследования исторических процессов на территории всего Северного Причерноморья. Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, в этом районе сталкивались интересы крупнейших государств того времени: Византийской империи, Хазарского каганата, а затем и Киевской Руси. Каждое из этих государств обладало письменностью, поэтому как ни мало письменных свидетельств о Таврике эпохи раннего средневековья, этих данных все-таки больше, нежели о любом другом районе Восточной Европы. Сообщаемые сведения принадлежали разноязычным авторам — грекам, арабам, хазарам, что создает в ряде случаев возможность проверки фактов, особенно когда речь идет об одних и тех же событиях.

Второй фактор обусловлен тем, что показания письменных источников могут быть сопоставлены, хотя и не всегда, с археологическими данными о многих событиях и фактах истории Крыма. Накопленный к нынешнему времени археологический материал позволяет дать в ряде случаев однозначные ответы там, где предлагавшиеся ранее решения, базировавшиеся только на письменных источниках, были гадательными, спорными или неопределенно многозначными. В настоящей статье мы пытаемся, сопоставляя показания письменных источников и археологических материалов, решить один из интересных вопросов, сформулированных еще историографией XIX в.,— о росах в Крыму,— являющегося частью более общей проблемы о так называемой Азово-Черноморской Руси. Эта проблема в течение длительного времени порождала острую полемику. Отсылая интересующихся историографией этой проблемы к сравнительно недавно вышедшей работе [1], отметим, что в 50-х годах вновь оживленную дискуссию вызвал вопрос, являющийся иным аспектом этой же проблемы — о времени появления славян и Руси в Крыму [2]. Появившийся в течение последних двух десятилетий археологический материал не прибавил новых данных в пользу тезиса о проникновении славян в Крым еще в период раннего средневековья. В Крыму были выявлены единичные находки вещей черняховского типа. Однако вопрос о связи черняховской культуры со славянской, как известно, спорный [3].

[1] Сжатую характеристику существующих точек зрения см.: *А. В. Гадло.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII — X вв. Вестн. ЛГУ, 1968, 14, вып. 3, стр. 55—59.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Славяне в Крыму и на Тамани. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма 24.V.1952 г. Симферополь, 1952; *Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий.* К вопросу о славянах в Крыму. ВИ, 1954, 4; *А. П. Смирнов.* К вопросу о славянах в Крыму. ВДИ 1953, 3; *его же.* К вопросу об истоках Приазовской Руси. СА, 1958, 2.

[3] См. материалы сборников: «Славяне накануне образования Киевской Руси». МИА, 108, 1963; «Проблемы Черняховской культуры». КСИА АН СССР, 121, 1970, а также: *И. Вернер.* К происхождению и распространению антов и склавенов. СА, 1972, 4; *В. В. Седов.* Формирование славянского населения Среднего Поднепровья. СА, 1972, 4. (В последних двух статьях см. указания на новейшую историографию.)

Тем более интересен вопрос о происхождении в Крыму топонимов с корнем «рос». Географические термины на западном побережье Крыма, содержащие этот корень, встречаются на каталонских и итальянских портоланах начиная с XIII в. и сохраняются на различных географических картах вплоть до XVI в.[4] Этим терминам посвящена небольшая литература[5]. Речь идет о том, что на упомянутых картах в южной части Тарханкутского полуострова находился Rossofar (варианты: Rosofar, Roxofar), а местность еще южнее носила название Rossoca. С этими же названиями следует, очевидно, связать топоним, находившийся хотя и не в Западном Крыму, но в непосредственной близости,— Rossa, ныне Тендерская коса, Ахиллов дром античных авторов. На востоке Крыма или в Приазовье хрисовулл Мануила I Комнина от 1169 г. и печать Феофано Музалон указывают топоним «Росия»[6]. С этим термином нужно, вероятно, сопоставить топонимы тех же портоланов с корнем «рос» в Приазовье — Rosso или fiume Rosso вблизи устья Дона и Casale dei Rossi к югу от Азова. В 27 милях от Матрахов Идриси помещает пункт Русия, который можно отождествить с Росией — Боспором[7].

Для соотнесения интересующих нас крымских топонимов с реальными носителями этого имени важны начальные даты возможного появления этих топонимов и этнонимов на территории Таврики. Существенные сведения для решения вопроса содержатся в житии Георгия Амастридского, написанного до 842 г.[8] Для нас особенно важно то место жития, где сообщается о нашествии варваров, народа рос, который «начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достиг, наконец, и до отечества святого». Описывая далее жестокости и беззакония, совершенные варва-

---

[4] *N. A. Nordenskiöld.* Periplus Stockholm, 1897, pls: V, VI, IX, XVI, XVIII, XIX, XXII, XXXI, XL, XLIII, p. 25, 33, 59.

[5] *А. А. Шахматов.* Варанголимен и Россофар. Сборник в честь В. И. Срезневского. Л., 1924, стр. 160—178. Там же исчерпывающая историография вопроса.

[6] *F. Miklosich, J. Müller.* Acta et diplomata graeca medii aevi, vol. III. Vindobonae, 1865, p. 25.37; *Е. Ч. Скржинская.* Греческая надпись из Тмутаракани. ВВ, XVIII, 1961, стр. 83 сл.; *В. Л. Янин.* Печати Феофано Музалон. В сб. «Нумизматика и сфрагистика», 2, Киев, 1965, стр. 76—90. Точная локализация географического термина «Россия» затруднительна. В хрисовулле Мануила генуэзские купцы получили право торговли во всех областях «нашего царства, за исключением Росии и Матрахи». Отсюда следует, что, во-первых, Росия не тождественна Тмутаракани, и, во-вторых, Росия, как и Тмутаракань, была городом-портом. Поскольку термином «Тмутаракань» обозначался не только город, но и вся примыкающая область (см. *А. Л. Монгайт.* О границах Тмутараканского княжества в XI в. В сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 55), следует полагать, что Росия была расположена не на Таманском полуострове. Есть серьезные аргументы в пользу утверждения, что Росия находилась на Боспоре. *Б. А. Рыбаков.* Русские земли на карте Идриси 1154 г. КСИИМК, 43, 1952, стр. 3—44; *A. V. Soloviev.* Domination byzantine ou russe au Nord de la Mer Noire à l'époque des Comnènes? «Akten des XI Internationalen Byzantinisten Congresses». München, 1960, S. 572—573. Об отождествлении Росии и Боспора может свидетельствовать тот факт, что на соборе 1066 г. присутствовали архиепископы Готии и Боспора, на соборе же 1067 г.— архиепископы Русия и Готии. Отсюда, вероятно, следует, что архиепископ Русия и есть архиепископ Боспора (*А. П. Каждан.* Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. в сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 94).

[7] Géographie d'Edrisi, trad. par A. Jaubert, t. II, Paris, 1840, p. 400 sq.; *Б. А. Рыбаков.* Ук. соч., стр. 17. Хотя точная локализация пункта Русия карты Идриси не бесспорна, но указываемое Идриси расстояние — 27 миль позволяет отнести и этот топоним к рассматриваемому району — берег Керченского пролива или, более широко, Приазовье. Н. Бэнеску (*N. Bănescu.* La domination byzantine à Matracha (Tmutorokan), en Zichie, en Khazarie et en «Russie» à l'époque des Comnènes. «Bulletin de la section historique de l'Akademie Roumaine», XXII, 2. Bucarest, 1941, p. 55—77). помещает пункт Русию в устье Дона. Там, действительно, находился географический пункт Rosso портоланов (см. *N. A. Nordenskiöld.* Op. cit. pls: VI, IX, XVI, XVIII), но, как явствует из сказанного, это другой топоним, не совпадающий с Росией.

[8] *В. Г. Васильевский.* Житие Георгия Амастридского. Труды, III. СПб., 1915. По поводу дальнейшей полемики о дате этого памятника см. *Е. Э. Липшиц.* О походе Руси на Византию ранее 842 г. ИЗ, 26, 1948, здесь приводятся новые аргументы в пользу датировки В. Г. Васильевского.

рами в Амастриде, автор указывает, что все это «древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее свою силу». По мнению В. Г. Васильевского, в словоупотреблении автора жития, отмечающего, что древняя таврическая ксеноктония остается юной, т. е. сохраняет силу и значение у народа рос, выступает представление о непрерывном существовании этого обычая и о родстве или связи между таврами и росами [9]. Свидетельство жития Георгия Амастридского, будучи наиболее ранним и прямым указанием на связь этнонима «рос» с территорией Крыма, не единственное. Арабские авторы Аль Балхи, Истахри и Ибн-Хаукаль либо их общий источник приписывают этот обычай древних жителей Таврического полуострова одному из племени русов [10]. Эти сведения, очевидно, отражали бытовавшие на арабском Востоке представления об обитании русов в Таврике [11]. Арабские авторы, правда, нигде не называют Таврику прямо местом обитания русов. Однако возможность привлечения этих свидетельств и достоверность опирающихся на них выводов существенно подкрепляются еще одной группой фактов. По крайней мере вплоть до второй половины XII в. византийские авторы, описывая области, примыкающие к Черному морю, связывали обычай ксеноктонии с таврами и ни с кем более. Эти описания, имея источником греческую мифологию и древних авторов, очевидно, не отражали этнографической ситуации в Крыму конца I — начала II тысячелетия н. э., однако территория, к которой относится упоминание ксеноктонии, очерчивается вполне определенно и сомнений не вызывает — именно та территория, на которой совершалась ксеноктония в мифе об Ифигении. Об этом ясно говорится в письме Михаила Хониата, писателя и религиозного деятеля второй половины XII в., к одному из своих друзей: «Страшит меня лежащая на той стороне пролива Тавроскифия, да не перейдет из нее на тебя злой обычай убивать чужеземцев» [12]. Этот обычай упоминает несколько раньше учитель Хониата, Евстафий Катафлорон, митрополит Солунский [13].

Дальнейшее подтверждение правомерности отнесения первоначального обитания росов к Таврике находим в фактах, связанных с употреблением в источниках термина «тавроскифы». При всей сложности объяснения этого термина, в особенности его возникновения [14], несомненна связь средневековых носителей этого имени с территорией Крыма. В первые века нашей эры Птолемей помещал тавроскифов на Ахилловом Беге [15] и там же помещал тавров Дионисий Периегет [16]. Однако позднее у византийских авторов земля тавроскифов ассоциируется только с Таврикой [17].

Многочисленные данные, собранные В. Г. Васильевским, позволили ему утверждать, что этникон «тавроскифы» применялся в первых шести веках нашей эры только к обитателям Таврики либо районов, к ней примыкав-

---

[9] *В. Г. Васильевский.* Ук. соч., стр. CXLIX.

[10] *А. Я. Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 193, 220—221, 276; *Т. Левицкий.* Важнейшие арабские источники о славянских странах и народах, относящиеся к раннему средневековью. В сб. «Сообщения польских ориенталистов», вып. II. М., 1961, стр. 54.

[11] *А. И. Соболевский.* «Третье» русское племя. ДАН, 1929, 4, стр. 38; *А. Н. Насонов.* Тмуторокань в истории Восточной Европы. ИЗ, 6, 1940, стр. 81.

[12] *А. П. Каждан.* Ук. соч., стр. 99.

[13] SC, I, вып. 1. СПб., 1893, стр. 195—196.

[14] *Е. І. Соломоник.* Про значення терміна «тавроскіфи». АП, XI, Київ, 1962, стор. 153—157.

[15] *Ptolemaios.* Geographika, III, 5, 11 (SC, I, p. 232).

[16] *Dionysios.* Periegesis, vers. 306 (SC, I, p. 181).

[17] Исключая сообщение автора составленной по Страбону географии, относящейся ко второй половине X в. У него Тавроскифия лежит между устьями рек Борисфена и Каркинита, т. е. это земля, находящаяся в непосредственной близости от Таврики, но с ней не совпадающая. Смысл всего этого сообщения очень неясен (Chrestom. Strab. VII. SC, I, p. 166).

ших [18]. С другой стороны, в более позднее время, со второй половины X в., тавроскифами византийские авторы называли приднепровских славян. Таким образом, оба этникона, обозначавшие во второй половине I тысячелетия н. э. приднепровских славян,— росы и тавроскифы — связаны с Крымом. Эта связь отчетливо осознавалась современниками. Лев Диакон, рассказывая о военных действиях Святослава в Болгарии, воинов Святослава называет чаще всего тавроскифами или таврами, объясняя, что таково их подлинное имя и что только по-простонародному они именуются росами [19]. Несомненна связь с Крымом в наименовании Генесием одного из подразделений императорской гвардии, относящемся к 854 г. «скифы из Таврики» [20], или подобным же оборотом у Кедрина и Зонары: «грубый и дикий скифский народ Рос», который они помещали «у северного Тавра» [21].

В литературе высказывалось мнение, что такое словоупотребление у названных выше писателей является не более чем книжным оборотом [22]. Это утверждение верно лишь в той мере, в какой оно соответствует тому факту, что во второй половине X в. воины Святослава обитали не в Крыму, а в Приднепровье. Но в целом вся эта терминология отражает несомненную связь между этникоиом и территорией. В связи с этим напомню достаточно хорошо известный факт, что готы в византийской литературе стали называться скифами не тогда, когда они обитали на Готланде, в Прибалтике или Волыни, а лишь с III в. н. э. [23], т. е. когда они осели на землях, на которых действительно или по представлению византийских авторов обитали скифы. Другой факт: аланы Северного Кавказа в известных нам византийских источниках нигде не именуются таврами. Однако в Безымянном Перипле V в. н. э. говорится, что Феодосия имеет другое название — Ардабда на аланском или таврском языке [24]. Иными словами, автор Перипла отождествляет алан и тавров. Происходит это потому, что аланы продвинулись на территорию, на которой, по мнению византийских писателей, обитали тавры. Таким образом, даже заведомо ошибочные этнические отождествления — готы не скифы, а аланы не тавры,— явившиеся результатом неправильных географических представлений византийских авторов и хронологической аберрации, а также склонности многих из них к изощренной книжности, тем не менее отражают реальную связь между этнической и географической номенклатурой. Связь между этникоиом тавроскифы и территорией тавроскифов исторически тем достовернее, чем со второй половины I тысячелетия н. э. все сколько-нибудь ясные свидетельства современников под Тавроскифией разумеют Крым целиком или частично. В житии Иоанна Готского говорится, что земля тавроскифов подчинена власти готов [25]. В житии херсонесских мучеников, написанном ранее X в., рассказывается, что один из них был поставлен епископом в Корсуне, в епархии тавроскифов [26]. Топоним «Тавроскифия» в применении к Крыму прочно удерживается вплоть до XII в. Выше уже приводилось письмо Михаила Хониата, где сказано: «Страшит меня лежащая на той

---

[18] *В. Г. Васильевский.* Ук. соч., стр. CLXVIII, CCXCVIII. Возможно, что другим эквивалентом этого термина являлись «скифотавры», известные у Плиния, Арриана и Анонимного Перипла V в. Последний помещает гавань скифотавров в 200 стадиях от Феодосии, т. е. близь Судака (*В. Г. Васильевский.* Ук. соч., стр. CCXCVIII).

[19] *Leonis Diaconis.* Historiae libri decem. Bonnae, 1828, p. 63.

[20] *Genesius.* Bonnae, 1834, p. 89.

[21] *Georgius Cedrenus.* Joannis Scylitzae. Bonnae, 1839, II, p. 173; *Zonaras.* Lipsiae, 1868—1875, IV, p. 15.

[22] *П. О. Карышковский.* Лев Диакон о Тмутараканской Руси. ВВ, XVII, 1960, стр. 39—51.

[23] «Скифы, называемые готами». См. *Dexippos.* Chronica. SC, I, вып. III, СПб., 1900, стр. 651.

[24] Anonymi Per. § 52. SC, p. 283.

[25] *В. Г. Васильевский.* Труды, II, стр. 121, 133.

[26] *В. В. Латышев.* Жития св. епископов Херсонских. ЗАН, 8 серия, VIII, 3, 1906, стр. 58.

стороне пролива Тавроскифия»[27]. Отсюда, кстати, следует, что во второй половине XII в. Тавроскифией называли весь Крым, так как «на той стороне пролива» — имелась в виду противоположная по отношению к Тмутаракани сторона Керченского пролива.

Итак, письменные источники свидетельствуют о том, что росы, обитатели Приднепровья, именовались тавроскифами, хотя в то же время топоним Тавроскифия вполне четко локализовался в другом месте. Это совпадение имен при одновременном различении территорий указывает на несомненную связь в представлениях современников топонима и этнонима. Подводя итоги всему сказанному, можем утверждать, что не позднее X в. тавроскифы, обитавшие в Таврике, идентифицируются с росами, оставившими след в крымской топонимике. Оба этих этникона, росы и тавроскифы, не позднее второй половины X в. пересекаются в имени одного народа, приднепровских славян.

Terminus post quem non появления географической номенклатуры с корнем «рос» на географических картах устанавливается из следующих соображений. Во всех случаях, когда географическая терминология каталонских и итальянских портоланов, касающаяся Крыма, может быть сопоставлена с бытовавшими ранее названиями тех же объектов, выясняется глубокая древность этой терминологии и отсутствие произвольных новообразований. Особенно доказательны не прямые совпадения терминов, которых очень много[28], а кажущиеся расхождения итальянских и греческих названий типа Сюмболон (современная Балаклава) — Чембало, Феодосия — Кафа. Тождественность Сюмболона и Чембало совершенно очевидна — это слова, различающиеся лишь огласовкой, но с одинаковым набором согласных. В слове «Чембало» итальянских карт звучит античный Сюмболон. Еще более существенно сопоставление Кафы с Феодосией. В сочинении Константина Багрянородного, написанном в середине X в., Феодосия названа Кафой[29]. Особенно интересно, что это наименование встречено в так называемом рассказе о Гикии, который включен Константином в его повествование, но, судя по целому ряду признаков, относится к первым векам нашей эры[30]. Между тем, не будь этого единственного упоминания о существовании термина «Кафа» в I тысячелетии н. э. у Константина Багрянородного, следовало бы полагать, что этот топоним позднего происхождения, не ранее времени появления генуэзцев в Причерноморье. Рассмотренная параллель Кафа — Феодосия показывает, что географическая терминология каталонских и итальянских портоланов отражает не только, так сказать, официальную, но и издревле бытовавшую наряду с официальной демотическую терминологию, скрытую от нас отсутствием источников и уходящую своими корнями, бесспорно, в I тысячелетие н. э., а может быть, и его начало.

Итак, в соответствии с греческими и арабскими письменными источниками и данными топонимики можно утверждать, что не позднее во всяком случае первой половины X в. в Западной и Восточной Таврике, а также в Северном и Восточном Приазовье обитал многочисленный и известный своим соседям народ, который византийские авторы называли росы, тавроскифы, скифы или тавры, а арабские писатели — русы[31]. Этому утверждению, опирающемуся на показания письменных источников, противоречит археологический материал. Вещественные памятники, прежде всего керамика раннеславянского или русского происхождения на Нижнем Дону

---

[27] *А. П. Каждан.* Ук. соч., стр. 99.

[28] *А. Л. Бертье-Делагард.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. ИТУАК, 57, 1920, стр. 3—135.

[29] *Const. Porph.* De adm. imp. Ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 266.

[30] *R. Garnett.* The story of Gycia. The Engl. Hist. Review, XII, 1897, p. 100—105.

[31] По мнению В. Г. Васильевского, уже в первой половине IX в. имя русов было не только хорошо известно, но и достаточно распространено на северном побережье Черного моря (*В. Г. Васильевский.* Труды, III, стр. CX).

или Тамани ранее XI в. отсутствует, но и позднее она не становится там господствующей [32]. На северном побережье Азовского моря и по берегам впадающих в него рек славянских памятников не обнаружено вовсе [33], как нет их и в Крыму, исключая единичные находки, датирующиеся временем не ранее XII—XIII вв., и вещи, относящиеся к русской колонии в Херсонесе, также не ранее XII—XIII вв. [34] Таким образом, сопоставление письменных и археологических данных приводит к внутренне противоречивому, во всяком случае на существующей стадии изучения, тезису: в I тысячелетии н. э. росы жили в Крыму, но в это время славянской Руси в Крыму не было.

Наличие противоречий в письменных и археологических данных требует прежде всего определения хронологических критериев, которыми мы будем руководствоваться при оценке сходства или различия описываемых материалов и сопоставляемых фактов. В степной и предгорной части Крыма сельские поселения, как правило, возникают в VII и погибают на рубеже IX—X вв. и лишь отдельные поселения существовали дольше, в течение X в. К XI в. оседлое население сосредоточилось в основном в Боспоре — Корчеве и Тмутаракани [35]. Таким образом, нижняя хронологическая грань привлекаемого для сравнения материала славянских памятников — это третья четверть I тысячелетия н. э., а верхняя — рубеж IX — X вв. Славянские памятники третьей четверти I тысячелетия были изучены археологическими работами по преимуществу последних 15—20 лет, а потому они не получили отражения ни в материалах дискуссии 1952 г., ни в упоминавшихся выше статьях 40—50-х годов, так или иначе затрагивавших вопросы появления славян в Крыму. Отсутствие же синхронных аналогий во многом обусловило недостоверность выводов как сторонников, так и противников тезиса о раннем проникновении славян в Крым. В работах археологов-славистов, опубликованных в недавнее время, определены характерные черты погребального обряда, планировки поселений, устройства жилищ, дана классификация керамики и указаны типологические особенности некоторых категорий вещей, присущих раннеславянским памятникам. Все это создает достаточно надежные критерии для оценки сходства или различия сопоставляемых с раннеславянскими синхронных памятников Крыма [36].

Существующее противоречие в показаниях археологических и письменных источников о росах в логическом плане может быть снято двояким способом. Первый — поселения со славянской керамикой I тысячелетия н. э. в Крыму были, но они нам неизвестны. Второй — топонимы с корнем «рос» оставлены росами, для которых характерен не славянский, а иной массовый керамический материал. Оба эти предположения логически равновероятны, поэтому проверим их с точки зрения соответствия известным историческим фактам. На территории центральной и восточной части

---

[32] *И. И. Ляпушкин.* Славяно-русские поселения IX—XIII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, 6, 1941, стр. 191—246; *С. А. Плетнева.* Средневековая керамика Таманского городища. В сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963.

[33] *Д. Т. Березовець.* Слов'яни й племена салтівської культури. «Археологія», XIX, 1965, стор. 61, 62.

[34] *А. Л. Якобсон.* К истории русско-корсунских связей. ВВ, XIV, 1958, стр. 116—128; *Г. Ф. Корзухина.* О памятниках «корсунского дела» на Руси. ВВ, XIV, 1958, стр. 129—137.

[35] *А. В. Гадло.* Ук. соч., стр. 60.

[36] См. *И. И. Ляпушкин.* Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958; *Д. Т. Березовец.* Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, 108, 1963, стр. 145—208; *его же.* Слов'яни й племена салтівської культури. Археологія, XIX, 1965, стр. 47—67; *И. П. Русанова.* Поселение у с. Корчака на р. Тетереве. МИА, 108, стр. 39—50; *ее же.* О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. В сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 143—150; *В. В. Седов.* Формирование славянского населения Среднего Поднепровья. СА, 1972, 4, стр. 116—129; *И. Вернер.* К происхождению и распространению антов и склавенов. СА, 1972, 4, стр. 102—115.

Степного Крыма, т. е. к востоку от Симферополя и вплоть до Керченского пролива, известно уже около 60 поселений конца VII — начала X в.[37] Изученность этих памятников различна: часть подвергалась широким раскопкам или разведкам путем закладки разведочных раскопов и шурфов[38], другие известны по подъемному материалу[39]. Ни на одном из этих поселений, насколько можно судить по данным исследователей, осуществлявших раскопки и разведки, а также исходя из результатов наших собственных разведок и сборов на памятниках, не найдено никаких материалов, которым можно было бы указать бесспорные аналогии в славянской керамике третьей и начала последней четверти I тысячелетия н. э. Речь, следовательно, идет о различных вариантах керамики пражского, корчакского, райковецкого, пеньковского, волынцевского, пастырского типов, характерных для поселений, расположенных в бассейне Днепра с его притоками[40], и керамике так называемого южнославянского типа, известной на поселениях между Бугом и Дунаем, а также расположенных и южнее, в Румынии и Болгарии[41]. На отсутствии общих черт в керамическом комплексе степных поселений Крыма и славянской керамики X в. и позднее, т. е. собственно древнерусской, нет нужды останавливаться в силу их разновременности. На поселениях с керамикой пеньковского, пастырского и волынцевского типов имеется и керамика салтово-маяцкого и салтоидного облика, аналогии которой рассматриваемой посуде будут отмечены дальше.

Расположенные в степи крымские поселения отличает от раннеславянских не только керамика, но и характер планировки, конструкция жилищ, устройство хозяйственных поселений. Это со всей ясностью показали раскопки в центральной и южной частях Керченского полуострова В. Ф. Гайдукевича, Д. Б. Шелова, А. В. Гадло; в северной части Керченского полуострова — на Казантипском полуострове автора этих строк; в Юго-Восточном Крыму — В. П. Бабенчикова, М. А. Фронджуло, А. Л. Якобсона[42]. Отсылая за детальными описаниями к работам названных авторов,

---

[37] *А. В. Гадло.* Ук. соч., стр. 60.

[38] Боспор, Сугдея, Мирмекий, Тиритака, Героевка, Илурат, Алексеевка, Феодосия, Планерское (раскопки этих памятников осуществляли Н. С. Барсамов, В. Ф. Гайдукевич, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон, А. В. Гадло, И. Б. Зеест, Т. И. Макарова, М. А. Фронджуло, В. П. Бабенчиков. Ссылки на литературу и характеристику результатов раскопок по данным названных выше авторов см. *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, 85, 1958, стр. 458—501; *его же.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. МИА, 168, 1970, стр. 26—29); Слюсарево (*Э. В. Яковенко.* Разведка у с. Слюсарево Крымской области. Археологические исследования на Украине в 1967 г., вып. II. Киев, 1968, стр. 12—13); Азовское (разведочные раскопки автора. Материал не опубликован, хранится в ГИМ); Тау-Кипчак (*И. А. Баранов.* Салтово-Маяцкое поселение Тау-Кипчак в Крыму. АО — 1969, М., 1970, стр. 283—284).

[39] Разведки проводили В. В. Веселов, И. Т. Кругликова, П. Н. Шульц, А. Л. Якобсон, М. А. Фронджуло, А. В. Гадло, Д. Л. Талис. Данные о разведках части памятников см. *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 458—501; *его же.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики, стр. 21—26. Нашими разведками 1960 г. собран материал I тысячелетия н. э. на следующих поселениях Восточного Крыма: Кирово, Марфовка, Тамарино, Пресноводное, Зеленый Яр, Новоселовка, Песочное, Азовское, Мысовое, Ленино (б. Семь колодезей), Королево. Материал не опубликован, хранится в ГИМ. В центральной части Крыма проводил разведки А. А. Щепинский (см. *А. А. Щепинский.* Археологическое обследование Курцово — Сабловской долины. ИАДК, Киев, 1957, стр. 307—322). Материалы из наших зачисток хозяйственных ям поселения в Холодной балке и сборы на территории этого поселения хранятся в ГИМ.

[40] См. статьи в сб. «Славяне накануне образования Киевской Руси». МИА, 108, 1963; *В. П. Петров.* Памятники корчакского типа, стр. 16—38; *И. П. Русанова.* Поселение у с. Корчака на р. Тетереве, стр. 39—50; *Д. Т. Березовец.* Поселения уличей на р. Тясмине, стр. 145—208; *В. К. Гончаров.* Лука — Райковецкая, стр. 283—315; см. также *И. П. Русанова.* О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. В сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 151—157.

[41] См. *Д. Т. Березовець.* Слов'яни й племена салтівської культури. «Археологія», XIX, Київ, 1965, стор. 65; *его же.* Поселения уличей на р. Тясмине, стр. 190—192.

[42] Литературу см. *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 26—29. Материалы наших раскопок еще не опубликованы (хранятся в ГИМ).

отметим некоторые особенности степных селищ Крыма. Жилища и хозяйственные постройки с обязательным зольником расположены на большой площади отдельными небольшими группами. Селища тяготеют к низинам, поймам степных рек, пологому морскому берегу и только изредка занимают возвышенные плато или холмы древних городищ. Местоположение этих селищ и принцип размещения отдельных хозяйственно-бытовых комплексов напоминают обычный у кочевых народов аильно-куренной способ размещения на становище родоплеменной группы [43]. Наши работы на севере Керченского полуострова показали, что в VIII—IX вв. здесь существовали поселения с жилищами легкого, очевидно юртообразного, облика. Наличие такого типа жилищ подтверждено находками на поселении обломков котла с внутренними ушками. Обитатели степных селищ Крыма раннесредневекового времени первоначально сооружали полуземлянки, близкие по конструктивным особенностям полуземлянкам салтово-маяцких поселений Подонья, а позднее перешли к использованию камня. Вначале им обкладывали земляные стенки котлована полуземлянок, а затем стали возводить постройки целиком из камня, сложенного зачастую в технике «в елочку». Печь, стоявшая чаще всего в северо-западном углу, имела вид ящика, сложенного из камня или вылепленного из самана и перекрытого толстой плитой обожженного самана, которая поддерживалась опорным столбом в центре топки. Конструкция печи заимствована у оседлого населения, обитавшего здесь с древнейших времен. Наряду с печами в жилищах использовались и небольшие открытые очажки в виде тарелкообразных углублений в полу [44].

Таким образом, отсутствие на поселениях Центрального и Восточного Крыма материалов, которые можно было бы связать с ранними славянами, равно как и различия в планировке поселений, конструкции жилищ, устройстве очагов [45], не позволяет считать славянским ни одно из 60 известных на этой территории поселений. Отсюда следует, что вероятность упустить поселение именно со славянским материалом очень мала. В западной части Крымского полуострова археологические исследования велись с меньшим размахом, нежели в Восточной, и средневековых памятников известно меньше [46]. Все же характерно, что на поселениях и в этом районе Таврики отсутствует славянская керамика. Особенно показательны результаты многолетних раскопок на скифском городище «Чайка», около Евпатории, где выявлены и строительные остатки поселения раннесредневекового времени с довольно обильным керамическим материалом. Стены помещений были сложены в обычной для крымских поселений этого времени технике «в елочку», а керамика не имеет каких-либо существенных отличий от найденной в Центральном и Восточном Крыму [47].

Нам остается сопоставить с известными фактами второе предположение: для росов в Крыму характерна не славянская, а какая-то другая керамика и не славянский, а какой-то другой тип поселений. Такой вывод, вытекающий из письменных источников, полностью соответствует и архео-

---

[43] *А. В. Гадло.* Ук. соч., стр. 63. О подобной планировке на салтово-маяцких поселениях Подонья см. *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 13, 14.

[44] *А. В. Гадло.* Ук. соч., стр. 63.

[45] Ср., например, с крымскими керамику, жилища, печи и планировку славянских поселений Правобережья (*Д. Т. Березовец.* Поселения уличей на р. Тясмине, стр. 145—208) и Левобережья (*И. И. Ляпушкин.* Городище Новотроицкое, стр. 193—210).

[46] *М. А. Наливкина.* Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена. В сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 271; *И. В. Яценко.* Раскопки скифских строительных остатков на городище Чайка в Евпатории. АО — 1967, М., 1968, стр. 212; *А. Н. Щеглов.* Раннесредневековые поселения на Гарханкутском полуострове Крыма. СА, 1970, 1, стр. 254—261.

[47] Приношу свою благодарность начальнику экспедиции И. В. Яценко, ознакомившей меня с материалами раскопок «Чайки» и разрешившей воспользоваться ими при публикации настоящей статьи.

логическим материалам. Керамику из всех известных степных и приморских поселений Крыма второй половины I тысячелетия н. э., рассматриваемую в качестве этнического индикатора, можно разделить на две большие группы. К первой группе отнесем керамику, лишенную каких-либо этнизирующих признаков. Сюда войдет посуда, в формах и технологии изготовления которой продолжаются античные традиции причерноморских городов. Эта группа включает прежде всего всю тарную керамику — пифосы и амфоры [48], и столовую посуду с покрытиями вначале типа обмазок, так называемая поздняя краснолаковая [49], а затем ранние группы поливной посуды [50]. К первой же группе относится столовая посуда без покрытий, выполненная на ножном гончарном кругу, обычно хорошо отмученного теста, тщательного обжига, тонкостенная. Это миски, чашки, кружки, кувшины. В последней категории вещей особый интерес представляют высокогорлые кувшины с плоскими ручками [51]. Для сосудов первой группы характерно широкое распространение их на большой территории, включающей весь юг Восточной Европы, а если говорить о поздней краснолаковой и поливной посуде, то все Причерноморье и Восточное Средиземноморье [52]. Естественно, что керамика этой группы не может служить этническим признаком.

Вторую группу составляет керамика, имеющая особенности, указывающие на ее этническую принадлежность или хотя бы ареал, связанный с каким-либо этническим кругом. К этой группе принадлежат горшки, по преимуществу шаровидных очертаний, и кувшины более или менее вытянутой, яйцевидной формы, зачастую типа ойнохой. Венчики горшков обычно прямые, слегка отогнутые, встречаются витые, утолщенные налепным валиком. Венчики украшались защипами, насечками, нарезами. Сосуды украшали чаще всего врезным волнисто-линейным узором по плечикам либо поясками сплошного рифления. Реже встречается орнамент из пролощенных полос или лощения, покрывавшего сплошь поверхность сосуда [53].

Близкие связи этой керамики с синхронной керамикой из Приазовья, Подонья, в меньшей мере Северного Кавказа — установленный факт, многократно обоснованный в ряде работ, и лишний раз приводить доказатель-

---

[48] *А. Л. Якобсон.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 325—344; *его же.* Средневековые пифосы Северного Причерноморья. СА, 1966, 2, стр. 189—202; *С. А. Плетнева.* Средневековая керамика Таманского городища. В сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 46—62.

[49] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 33—36; *С. А. Беляев.* Краснолаковая керамика Херсона IV — VI вв. В сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 31—39.

[50] *Д. Л. Талис.* К характеристике византийской поливной керамики IX—X вв. из Херсонеса. Тр. ГИМ, № 37, 1960, стр. 125—140; *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 332—358; *Т. И. Макарова.* Поливная посуда. М., 1967, стр. 7—41.

[51] *А. Л. Якобсон.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья, стр. 337—338; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 36—38, рис. 21—23; стр. 57, рис. 35; *М. А. Фронджуло.* Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское. АИСК, стр. 124—125, рис. 26.

[52] Широко распространенные высокогорлые кувшины с плоскими ручками включены в первую группу, хотя в их форме и технике влияние античного производства не прослеживается.

[53] *В. Ф. Гайдукевич.* Илурат. МИА, 85, 1958, стр. 134—136; *его же.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 125—131; *его же.* Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, 25, стр. 177—183; *И. Б. Зеест, А. Л. Якобсон.* Раскопки в Керчи в 1963 г. КСИА АН СССР, 104, 1965, стр. 62—69; *Т. И. Макарова.* Средневековый Корчев, там же, стр. 70—76; *Д. Б. Шелов.* Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. КСИИМК, 68, 1957, стр. 101, рис. 39; *А. В. Гадло.* Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива. КСИА АН СССР, 113, 1968, стр. 80, рис. 19; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 9—46, рис. 4, 11, 12; *М. А. Фронджуло.* Ук. соч., стр. 124, рис. 26; *А. А. Щепинский.* Ук. соч., стр. 307—322, рис. 1, *11*; *А. Н. Щеглов.* Ук. соч., стр. 256, рис. 2.

ства нет нужды [54]. В равной мере несомненным фактом является тесная близость между жилищами населения Подонья и Приазовья, с одной стороны, и первоначальными жилищами населения, осваивавшего с VII в. н. э. территорию Степного и Приморского Крыма — с другой [55]. Следовательно, не только керамический материал, но и формы и конструктивные особенности жилищ, устройство очагов, в особенности наличие открытых очагов, указывают на этническую общность населения Степного и Предгорного Крыма второй половины I тысячелетия н. э. с обитателями Подонья и Приазовья. Этот вывод существенно подкрепляется тесной близостью, а во многих случаях и полным единством типа погребальных сооружений и обряда захоронения в грунтовых могильниках степей Крыма и Приазовья, а также некоторых могильников Северного Кавказа [56]. Некоторые особенности погребального обряда и инвентаря (прежде всего наиболее распространенный тип грунтовой могилы) — ямное погребение, западная ориентация погребенных, положенных на спину, наличие следов гробовищ, в ряде случаев смещение костей в кучу, бедность инвентаря, состоящего почти исключительно из горшка с пищей [57],— ограничивают общность населения Степного Крыма не со всей салтовской культурой, а лишь с ее так называемым зливкинским вариантом. На этот факт указывает и керамика поселений и могильников, имеющая наибольшую близость именно со степным, зливкинским, а не с лесостепным, салтовским вариантом салтовской культуры. Грунтовые могильники Приазовья и Таврики объединяет также антропологический тип погребенных, почти исключительно брахикранный [58]. Впрочем, в Крым проникали и группы носителей культуры типа Салтовского, Дмитровского и аналогичных городищ. На это указывает материал из недавних раскопок в Центральном Крыму поселения в урочище Тау-Кипчак [59], где расположение жилищ, их тип, отсутствие высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и наличие грушевидных кувшинов с орнаментом, выполненным лощением,— все ведет в область лесостепного варианта салтовской культуры. Керамический материал такого же типа, что и в поселении Тау-Кипчак, был обнаружен нами при обследовании поселения в урочище Холодная Балка, расположенного также в Центральном Крыму.

Итак, приведенные аргументы, указывая на этническую общность населения Степного и Предгорного Крыма второй половины I тысячелетия н. э. с алано-болгарским миром Подонья и Приазовья не дают возможности какой-либо иной этнической атрибуции степных поселений раннесредневековой Таврики. Этот вывод, однако, не снимает полностью возможности допущения проникновения в раннесредневековое оседлое население Крыма немногочисленных и этнически разнородных групп, в том числе и славянских, которые не оставили никаких археологических следов.

В ходе дискуссии конца 40—50-х годов о времени появления славян в Крыму поднимался вопрос о возможности видоизменения материальной культуры славян в Крыму, попавших в иное этническое окружение и под его воздействием. На этот вопрос приходится ответить отрицательно, ибо, как было показано, население Таврики по основным этнографическим компонентам и антропологическому облику было связано с обита-

---

[54] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 66—68; *А. В. Гадло.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII — X вв., стр. 64; *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 187.

[55] *А. В. Гадло.* Ук. соч., стр. 63.

[56] *А. Л. Якобсон.* Ук. соч., стр. 186—187.

[57] *А. Л. Якобсон.* Там же; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 91—95.

[58] *Ю. Д. Беневоленская.* Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма. МИА, 168, 1970, стр. 206, 207; *А. Л. Якобсон.* Ук. соч., стр. 186, 187.

[59] *И. А. Баранов.* Салтово-маяцкое поселение Тау-Кипчак в Крыму. АО — 1970, М., 1971, стр. 283, 284.

телями степей Подонья и Приазовья. К этому можно добавить, что видоизменение материальной культуры не происходит внезапно, его внешним выражением являются переходные формы, которые в данном случае нигде не прослеживаются. Кроме того, во взаимоотношениях с носителями разноэтничной салтово-маяцкой культуры славяне как представители одноэтничной культуры обладали по-видимому, весьма сильной противоассимиляционной стойкостью. Так, в Саркеле славяне и носители салтовской культуры, живя в одном городе, этнографически не смешивались, сохраняя свою культуру [60]. В равной мере это явление наблюдается и в группе славянских поселений, расположенных неподалеку от Харькова. Здесь славянское население, очевидно северяне, было оторвано от основного этнического массива и жило в окружении народов салтовской культуры. В этих условиях славяне сохранили основные этнические признаки и свою, роменскую, культуру [61]. В тех же случаях, когда смешение славянских и салтовских элементов все-таки происходило, оно отражено в материальной культуре смешанных форм. Это явление было давно отмечено Б. А. Рыбаковым, который, характеризуя керамику из с. Свистуново в Надпорожье, отметил, что в ней наблюдается своеобразное смешение славянских и салтовских черт [62]. На некоторых поселениях Южной Молдавии, в области так называемой южнославянской культуры, также прослеживаются переходные типы посуды, в которых как бы синтезировались салтовские и славянские формы [63].

Итак, резюмируя сказанное, приходим к выводу, что топонимы с корнем «рос» как в восточной, так и в западной частях Крыма расположены на территории, где со второй половины I тысячелетия н. э. массовых археологический материал удостоверяет существование населения, этнически близкого населению Подонья и Приазовья и связанного вместе с тем по ряду признаков с населением предшествовавшего, т. е. античного, периода. Никакого другого этнически определенного материала раннесредневековые поселения степной и предгорной Таврики не содержат. Этим самым определяется решение вопроса об этнической принадлежности топонимов с корнем «рос». Неизбежность такого решения существенно обусловлена еще одним аргументом. В одном из поселений VIII—X вв., расположенном в Западном Крыму, на Тарханкутском полуострове, у с. Окуневка, раскопано массивное каменное сооружение, которое, по аргументированному мнению исследователя, было маяком [64]. Место, где находилось поселение у с. Окуневка, на портоланах называется Rossofar, т. е. росский маяк [65]. Этот факт может указывать на развитое мореходство обитателей поселения, т. е. росов. А это обстоятельство в свою очередь следует сопоставить с известиями византийских авторов о росах, обитавших у Северного Тавра и совершавших нападения на Константинополь на многочисленных кораблях еще в IX в. [66] Поскольку росы обитали там и приходили оттуда, где раньше жи-

[60] *М. И. Артамонов.* Саркел-Белая Вежа. МИА, 62, 1958, стр. 61—63; *Д. Т. Березовець.* Слов'яни й племена салтівської культури, стор. 61.

[61] *Д. Т. Березовець.* Ук. соч., стр. 61; *С. А. Плетнева.* Рецензия на работу Б. А. Шрамко. «Древности Северского Донца». СА, 1964, 3, стр. 344.

[62] *Б. А. Рыбаков.* Уличи. КСИИМК, 35, 1950, прим. 3 на стр. 11.

[63] *Д. Т. Березовець.* Ук. соч., стр. 63.

[64] *А. Н. Щеглов.* Ук. соч., стр. 259.

[65] А. А. Шахматов склонялся к пониманию корня «рос» в топониме Rossofar из итальянского rossa — красный (*А. А. Шахматов.* Варанголимен и Россофар, стр. 131). Этим он, однако, противоречит своему объяснению значения «рос» в топонимах Приазовья и Подонья, где за ними признается реальный этнический смысл. Такому пониманию противоречит еще один термин портоланов на Тарханкутском полуострове — «Варанголимен», т. е. варяжская пристань или озеро. Наличие здесь этого термина требует специального исследования, но во всяком случае тесная географическая близость наименований с корнем «рос» и «варяг» не дает возможности объяснять «рос» из итальянского прилагательного.

[66] *Г. Острогорский.* Славянская версия хроники Симеона Логофета. «Seminarium Kondakovianum», V. Прага, 1932, стр. 17—36; *М. В. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 59—62.

ли тавры и тавроскифы, на крымских росов и были перенесены эти наименования.

Таким образом, крымские топонимы с корнем «рос» и археологический материал из раннесредневековых поселений Таврики подтверждает положение Д. Т. Березовца о полной или частичной идентификации носителей салтовской культуры с русами арабских географов [67]. Рассмотренный археологический материал разъясняет вместе с тем еще и другой важный факт. Поселения на западном побережье Крыма, на Тарханкутском полуострове, как и почти все поселения Приморского и Степного Крыма, погибают в начале X в. [68], что, по-видимому, связано с периодом первой печенежской активности. Отсюда следует, что к крымским росам относятся лишь те упоминания византийских писателей о росах — опытных мореходах, которые датируются не позднее начала X в.

В рамках предлагаемого решения находит объяснение ряд важных для понимания средневековой истории Северного Причерноморья текстов Льва Диакона, вызывавших острую полемику, начиная еще с XIX в. Лев Диакон, трижды упоминая о Киммерийском Боспоре, во всех случаях связывает его с Русью. В первом отрывке Лев рассказывает о послах, которые были направлены Цимисхием к Святославу, чтобы побудить его покинуть Болгарию и удалиться в свои области и к Киммерийскому Боспору [69]. Получив отказ Святослава, Цимисхий, говорит Лев Диакон в другом отрывке, вторично направил послов к Святославу, которые должны были напомнить русскому князю о поражении его отца Игоря, приплывшего к Константинополю со множеством хорошо снаряженных кораблей, а к Киммерийскому Боспору добравшемуся едва лишь с десятком ладей. И наконец, в третьем тексте сказано, что перед отправлением в поход против Руси Цимисхий направил в низовья Дуная византийский флот, чтобы «скифы» не могли уплыть на родину и к Киммерийскому Боспору [70].

Эти отрывки из Льва Диакона образуют основной из краеугольных камней концепции о Приазовской Руси, а потому им посвящена значительная литература, собственно все работы, в которых так или иначе идет речь о Приазовской Руси. В оценке упомянутых текстов взгляды исследователей резко расходятся: от приписывания Льву Диакону утверждения, что Боспор Киммерийский — родина росов, до полного отрицания каких-либо реальных этнографических соответствий между сообщениями Льва и территорией Таврики [71]. В настоящее время можно считать доказанным, что мнение, приписывающее Льву Диакону отождествление Боспора Киммерийского с родиной росов, обусловлено неточностями перевода [72]. Но вместе с тем существует и другая крайность. Утверждается, что Лев Диакон пришел к своим выводам чисто книжным путем, отождествив народ рос с тавроскифами, обитавшими, по мнению кабинетных географов его времени, в районе Ахиллова Бега. А его Лев, не обладавший четкими географическими представлениями о северных берегах Черного моря, помещал недалеко от Боспора Киммерийского [73]. С таким объяснением согласиться трудно. Из цитируемых текстов Льва Диакона совершенно очевидно наличие связи в представлении этого писателя между областями Святослава, т. е. родиной Руси, и Киммерийским Боспором, хотя эти области Львом и не отождествляются. Рассматриваемое объяснение не учитывает имеющихся сведений о том, что Боспор в XII и XI вв. назывался, очевидно, Росией или Русией, и оставляет без внимания наличие на северном побережье Азовско-

[67] *Д. Т. Березовець.* Про ім'я носіїв салтівської культури. «Археологія», XXIV, 1970, стор. 56—74.

[68] *А. Н. Щеглов.* Ук. соч., стр. 259.

[69] *Leon. Diac.* Hist., p. 103.

[70] *Leon. Diac.* Hist. p. 129.

[71] Указания на литературу см. *П. О. Карышковский.* Лев Диакон о Тмутараканской Руси. ВВ, XVII, 1960, стр. 39—44.

[72] Там же, стр. 42—43.

[73] Там же, стр. 51.

го моря упоминавшихся топонимов с корнем «рос». Но ведь эти топонимы не измыслили ни Лев Диакон, ни кабинетные географы. Стремление как-то осмыслить одноименность воевавших в Болгарии росов и Боспора — Росии, а возможно, и других крымских и приазовских топонимов с корнем «рос» и обусловило стойкое словосочетание Льва Диакона, упорно связывавшего Боспор Киммерийский с родиной росов. Впрочем, для этого у Льва могла быть и другая причина. Доказано, что этот автор был знаком с Окружным посланием Фотия[74] и, таким образом, осведомлен о нападении росов на Византию ранее X в. Поскольку, как мы пытались показать, эти росы были крымскими росами, то это и привело Льва Диакона к мысли о том, что росы Святослава, воевавшие с Византией в Болгарии, как-то связаны с росами, нападавшими на Византию из Крыма.

Вопрос о том, почему славяне Приднепровья то ли одновременно с крымскими росами в IX в., то ли позднее, с X в., также стали называться росами или Русью, выходит далеко за пределы стоявших передо мною задач. Как бы этот вопрос ни решался, а предлагаемые решения многочисленны и зачастую противоположны[75], можно думать, что Днепровскую Русь византийские писатели называли тавроскифами и таврами именно потому, что на нее было перенесено название народа, действительно обитавшего в Крыму в VIII—IX вв., т. е. росов.

D. L. Talice

LES ROSS EN CRIMÉE

Résumé

L'article entreprend à élucider la question de la provenance des toponymes criméens contenant la racine «POC» (ross) connus d'après les portulans italiens et catalans des XIII — XV siècles. Les renseignements fournis par les sources écrites démontrent que ces toponymes sont en rapport avec le peuple qui effectivement habitait en Crimée dans la première moitié du X s. au plus tard; les auteurs byzantins le nommaient Ross, Taures — Scythes, Scythes ou Taures, les écrivains arabes les appelaient Rouss. Il est lieu de rappeler que les Slaves habitant le bassin du Dniepr, eux aussi, portaient le nom de Ross ou Taures — Scythes, c'est — à — dire appartenaient à une éthnie qui était en rapport directe avec la Crimée. L'identification des Slaves dnéproviens avec les Ross dont les traces demeurent dans la toponymie de la Crimée et du littoral de la mer d'Azov est pourtant contestée par les données archéologiques.

En confrontant les sources écrites avec les vestiges matériels et les données toponymiques on vient à la conclusion que les toponymes à la racine «POC», aussi bien à l'ouest qu'à l'est de la Crimée, sont situés sur le territoire où le matériel archéologique de masse atteste depuis la deuxième moitié du premier millénaire la présence de la population éthniquement proche à celle du bassin du Don et de la mer d'Azov et rattachée en même temps par un nombre d'indices à la population de la période antérieure, c'est — à — dire de l'Antiquité classique. Les agglomérations du moyen âge initial dans les steppes et piémonts tauriques ne contiennent aucuns autres matériaux éthniquement déterminés. C'est ce qui détermine la solution du problème d'appartenance éthnique des toponymes à la racine «POC».

---

[74] *П. О. Карышковский.* Ук. соч., стр. 51.

[75] См., например, *Б. А. Рыбаков.* Предпосылки образования древнерусского государства. Очерки истории СССР III — IX вв. М., 1958, стр. 747; *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, стр. 293; *Д. Т. Березовец.* Ук. соч., стр. 73.

М. Х. АЛЕШКОВСКИЙ

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ НОВГОРОДА IX — XV ВЕКОВ

«Правда Ярослава» в своей статье 1 делит все население Новгорода на две неравные в правовом отношении части: первую — городскую общину мужей новгородцев, независимых от князя и пользующихся преимущественным правом кровной мести в решении споров между собой и с княжескими людьми, и вторую — людей, не входящих в эту общину и платящих виру князю, не имеющих права на кровную месть и не входящих в это время в указанную общину. Иными словами, все население города делится на бояр и не бояр. Эта двучленность находит свое наиболее законченное выражение в параллельном сосуществовании двух различных административных систем — кончанской (боярской) и сотенной (не боярской). Задача этой статьи — рассмотреть территориальный аспект этого сосуществования с последующими выводами относительно перспектив дальнейшего археологического изучения Новгорода.

В. Л. Янин убедительно показал, что ряд соседних усадеб, исследованных археологически, принадлежал родственникам[1], что позволяет вспомнить о понятии патронимии, введенном в науку М. О. Косвеном и проиллюстрированном на новгородском позднем материале М. В. Витовым и Л. В. Даниловой[2]. Бытовым соответствием этому научному термину в древности было слово «племя», часто упоминающееся в актах XIV—XV вв. Но наряду с ним в Новгороде бытовал еще один термин — «огнище», уводящий нас в эпоху подсечного земледелия, когда так назывался участок леса, срубленный, спаленный, распаханный и засеянный кругом родственников во главе со своим «огнищанином». В новгородских летописях «огнищане» упоминаются несколько раз еще в XII—XIII вв. равнозначно термину «бояре». Огнищане упоминаются не только как новгородцы, но и как главная военная сила местного общества, благодаря чему и названы на первом месте в перечислении войска перед купцами и гридью[3]. Термин «огнище» бытовал на новгородском севере вплоть до XIX в.[4], как и само подсечное земледелие. Еще в XV в. в новгородских актах упоминается связанный с ним термин «жар», определяющий границы земельных владений огнища, куда доходил жар от него. Из того же, что огнищанами назывались не все усадьбовладельцы, следует, что последними были не только бояре. Если же вспомнить, что ряд таких огнищ или усадеб, связанных родственными отношениями, располагался на одной улице, то станет понятна природа происхождения такого патронимического празднества, как

[1] *В. Л. Янин.* Заметки о новгородских берестяных грамотах. СА, 1965, 4.

[2] *М. О. Косвен.* Семейная община и патронимия. М., 1963; *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955; *М. В. Витов.* Историко-географические очерки Заонежья XVI — XVII вв. М., 1962.

[3] НПЛ, гг. 1164, 1195, 1234. Ср. «Правда Русская», т. 2. М.— Л., 1947, стр. 138—146.

[4] *И. Д. Беляев.* История Новгорода. М.,1869, стр. 53.

уличанская братчина. Патронимические порядки прослеживаются и в словах Поучения Луки середины XI в.: «Чтите старца ваша и родителя своя», где под старцем подразумевается глава патронимии, а под родителями — главы малых семей, членов этой патронимии. Такая уличанская патронимия горой выступала на защиту своего члена. Вспомним боярина Данилу Ивановича, Божина внука с Кузьмодемьяновской улицы, которого поддерживали все кузьмодемьянцы во время восстания 1418 г. Раскопанные боярские усадьбы на этой улице служат хорошей иллюстрацией к характеристике классового облика этих кузьмодемьянцев.

Улица — скопление усадеб, и поэтому было бы важно выяснить, появились ли эти усадьбы одновременно с улицами или раньше их. Материалы Новгородской экспедиции как будто позволяют ответить на этот вопрос. П. И. Засурцев выяснил, что в Неревском раскопе сначала был заселен его северный участок, а позже — южный, более близкий к центру города. Приглядимся к этим участкам. Ясно, что появление северного участка никак не связано с формированием центра города и не зависит от него. Далее, поскольку мостовые обоих участков, разделенные пустырем, лежат не на одной оси, то они возникали не как части одной улицы, а как замощение не связанных между собой поселений, впоследствии соединившихся друг с другом, почему и улица приобрела криволинейную форму. Следовательно, улица зависит от усадебной застройки и позже нее, что свидетельствует о типично деревенском характере возникавших поселений, имевших многорядную форму, характерную и для поздних заонежских деревень. И действительно, пустырь между обоими поселками длительное время был занят хозяйственными ямами, препятствовавшими появлению здесь улицы, поскольку территория пустыря принадлежала каким-то находящимся поблизости усадьбам. Из-за этого при появлении замощения пустыря мостовая соединила оба поселка не по прямой линии, как бывает, когда пустырь никем и ничем не занят, а по кривой. Невольно вспоминаются названия некоторых новгородских улиц, связанные с их криволинейностью (Рогатица, Рогавка, Виткова), видимо, свидетельствующие об аналогичном происхождении и остальных улиц, появившихся уже после определенного периода существования усадеб без них, что типично и для планировки западно-европейского города.

Вторичность улиц по отношению к первоначальным усадьбам демонстрируется и историей Холопьей улицы, лежащей не на материке и прошедшей также по территории, занятой многочисленными материковыми ямами. Далее, под нижним настилом мостовой в Неревском раскопе в одном случае найден частокол, т. е. остаток усадьбы, а в другом случае — остаток сгоревшей постройки. Во многих случаях прослежены улицы, лежащие не на материке, а на культурном слое толщиной от 20 до 80 *см*, иногда более. Это относится и к древнейшим участкам этих улиц, ибо позднейшие участки, более удаленные от реки, обычно лежат на материке, что и понятно, поскольку они образовывались в то время, когда господствовала уже уличная застройка и продолжения старых улиц прокладывались на местах, где усадебной застройки еще не было, а соответственно не было и культурного слоя [5]. О деревенском характере застройки возникавшего города, о том, что его первые поселенцы пришли не из другого города, а из сельской округи, свидетельствуют и характерные деревенские плетни древнейших слоев, сменение затем городскими частоколами, и отсутствие ограждений у некоторых первоначальных усадеб; первые бревенчатые мостовые, сменение затем настилами из типично городских плах. Город возникал как деревня и лишь со временем осознавал свое отличие от нее не только функциональное, но и культурное. Поэтому-то поначалу в нем не было улиц, появив-

[5] См. отчеты НАЭ за 1951, 1954 (т. 1, стр. 57), 1956 (т. 1, стр. 87) гг.; *С. Н. Орлов* К топографии Новгорода X — XV вв. В сб. «Новгород», М., 1964. О строительных остатках под мостовыми писал и П. И. Засурцев в своем «Новгороде, открытом археологами». М., 1967.

шихся позднее сначала на окраинах поселков, а затем и внутри них, соединившихся в одну линию, а затем и в одну систему. Короткие вначале улицы стали удлиняться как вдоль реки, так и в сторону от нее.

Первоначальная безуличная планировка объясняет патронимическую природу возникавшего города и его улиц. В самом деле, исследователи как-то не обращали внимания на названия многих новгородских улиц, восходящие к древнейшей поре их возникновения и донесшие до нас имена их основателей или их предков — первых поселенцов. Это — исключительно перпендикулярные Волхову улицы, которые, как уже говорилось прошли через более древние усадьбы и поэтому получили названия от имени их владельцев, глав соответствующих патронимий. Это — Лукина, Редятина, Добрыня, Волосова, Ярышева, Людогоща, Янева, Даньславля, Борькова, Славкова и Иворова улицы. О традиции наименования улицы по имени ее владельца говорит название Пискуплей улицы, принадлежавшей епископу, название Лукиной улицы по имени Лукина двора, упомянутого под 1113 г. На Лукиной улице была и церковь Луки, что заставляет обратить внимание на названия других улиц, также совпадающие с именами их церквей и, возможно, также образованные от имен их основателей — ведь нам хорошо известна практика наименования церквей по имени патрона ктитора или его предка. Так, Михаил Степанович строит в 1174 г. церковь Михаила, Антоний — в 1211 г. церковь Антония, Твердислав и Федор Михалковичи — в 1219 г. церковь Михаила, Семен Борисович — в 1224 г. церковь Симеона, чернец Василий — в 1262 г. церковь Василия, Юрий Иванович — в 1350 г. церковь Иоанна Златоуста, Варлаам — в 1410 г. церковь Варлаама во имя игумена Варлаама, Михаил Юрьевич — в 1419 г. церковь Михаила на Колмове, Евфимий — в 1444 г. церковь Евфимия. Эти примеры позволяют связывать имена улиц с распространенным в древности обычаем наименования уличанских церквей по именам их ктиторов или предков. Но это не значит, что мы должны абсолютизировать это предположение и говорить, что все улицы такого рода связаны с основателями патронимий. Имеем в виду Волосову, Яковлеву, Ильину, Никитину, Федорову, Ивановскую, Михайловскую, Павлову улицы. Правильное, как мне кажется, в целом, это предположение следует проверять в каждом конкретном случае. Например, название Ильиной улицы нет возможности связать с одноименной церковью, так как такой церкви на этой улице неизвестно. Но вот, например, название Павлова монастыря, видимо связано с именем какого-то Павла, иначе он был бы Петропавловским. Волосова улица, наоборот, древнее Власьевской церкви, названной не по ее имени, так как она стоит в конце, а не в начале улицы — имя Волоса было широко распространено среди новгородцев. В то же время есть прямые свидетельства о строительстве патронимиями Носовичей и Володаревичей в 1207 г. церкви. Известны случаи строительства двумя братьями одной церкви.

Имена улиц интересны и в другом отношении — среди них имеются как южноднепровские, связываемые нами со словенами, так и балтийско-славянские (типа Редята, Людогост, Янева), и это вновь говорит о двух контингентах славян, образовавших население Новгорода. Наличие Иворовой улицы не позволяет связывать ее с варягами, поскольку она расположена в позднем Плотницком конце, а имя Ивора было широко распространено среди местного населения еще в XII—XIII вв. Наоборот, Варяжская улица, расположенная в самом центре Славенского конца, может быть связана с варяжским контингентом, но при этом характерно, что она, как и другие две улицы с подобными наименованиями — Прусская и Чудинцева, названа не по имени лица, а по названию целого народа, что, быть может, свидетельствует о позднем происхождении улиц с такими названиями и чисто славянском населении первоначальных поселков, делившихся на патронимии, среди которых в более позднее время появились и представители других этносов.

Мысль о двучленности новгородского населения возникла у нас в процессе изучения «Правды Русской», и одновременно возникло предположение о неоднородности владельцев усадеб и вообще самого веча. Проиллюстрируем это предположение материалами о второй части новгородского населения. Читателю уже ясно, что поскольку эта часть населения может быть связываема с непатронимическими названиями улиц, то она вторична по отношению к боярским владельцам усадеб. Характерно при этом, что те улицы, которые связаны с ремесленными специализациями, появляются на окраинах города и в том конце, который образовался позднее первых трех. Таковы Щитная и Молотковская улицы в Плотницком конце, скорее небольшие поселения, затем превратившиеся в улицы.

С другой стороны, среди нейтральных названий, возможно, есть патронимические, например Хревкова улица, возможно, названа так в честь какого-то Хревка. В тоже время целый Людин конец назван по имени подвластных князю людей — «людинов» наших источников, причем характерно, что и впоследствии его название сменилось социально-однотипным названием Гончарского конца. Видимо, не случайно Людин конец все время фигурирует рядом с боярской Прусской улицей, не сливаясь с ней. Очевидно, проведение раскопок в Людине конце прояснит его застройку и покажет ее социальный характер, но все сказанное не говорит о том, что в этом конце не было бояр, они здесь известны, речь же идет о первых моментах сложения конца. Внегородское положение жителей Загородского конца также видно из его названия, имеющего не только буквальный смысл (расположен за городом), но и фигуральный (население не входит в число горожан-вечников). Именно поэтому Загородье так долго не оформляется в конец, существуя почти два века на не совсем ясных правах: не входя ни в один из граничащих с ним концов и в то же время само не становясь концом. В связи с характеристикой такого феномена, как Загородье (но не Загородский конец!), особое значение приобретает знаменитый Устав о мостах, датируемый нами 1255 г., когда в городе княжил недолгое время Ярослав Ярославич, а должность тысяцкого держал Климята (не Климент!) духовной Климента и хозяин Климятиных сеней, упоминаемых в Уставе. Сени здесь, расположенные по контексту Устава на Ярославовом дворище, не жилой дом, а официальное место отправления служебных обязанностей тысяцкого; в летописи известны аналогичные сени владыки в Детинце и князя в Пскове. В этом Уставе есть вставка о сотнях, датируемая временем до 1264 г., когда Кондрат стал уже тысяцким — во вставке он назван соцким. Эта вставка перечисляет сначала городские сотни, уже независимые от князя, во главе с соцкими, названными по именам, и одну княжескую сотню без указания на ее сотского, из чего можно заключить, что она его и не имела. Учитывая, что во время составления вставки в городе было уже четыре конца, а население на территории Загородского конца тоже существовало, хотя и не было объединено в конец, приходим к неизбежному сопоставлению восьми городских сотен с четырьмя концами (по две сотни на конец). Девятая же сотня во главе с городским сотским и десятая княжеская сотня с населением и территорией будущего Загородского конца подвластны соответственно не вечу, а князю, и поэтому еще включают и одну княжескую сотню. Все восемь кончанских сотен имеют соответствие себе в восьми сельских сотнях, княжеской сотне также соответствует княжеская сельская сотня и лишь девятая загородская сотня не имеет своей сельской сотни, поскольку она хоть и имеет своего, а не княжеского сотского, но еще не кончанская.

Таким образом, вставка о сотнях рисует завершение того переходного времени, когда большинство сотен уже вышли из-под зависимости от князя и стали кончанскими, но еще остаются сотни, в разной степени сохранившие эту зависимость. Именно этот переходный характер в истории сотенной системы и позволяет впервые ставить вопрос о ее эволюции, а шире — вообще об эволюции состава веча, вопреки бытующим в настоящее

время точкам зрения о его одинаковом составе на протяжении истории всего Новгорода, независимо от того, был ли он чисто боярским или включал и остальное население.

Присмотримся поэтому к составу второй части новгородского населения, перечисленному в статье 1 «Правды Ярослава». Среди многих категорий этой части не названы только бояре, поскольку они подразумеваются под мужами, имеющими право кровной мести. Не названы и огнищане. Это еще раз показывает, что они не связаны с князем, иначе были бы названы в числе зависящих от него людей. Перечислены гридь — княжеские дружинники и местные судебные чиновники — ябетник и мечник, названные отдельно от гриди, поскольку они не входят в ее число; изгои — люди, не входящие в городские патронимии и вышедшие из сельских и поэтому находящиеся в юрисдикции князя, как и в Смоленске, если вспомнить Устав Ростислава, а затем перешедшие в юрисдикцию епископа, если вспомнить Устав о мостах 1255 г., и купцы, на характеристике которых мы остановимся ниже, и словене — население сельской округи Новгорода (кривичи и меря не названы, поскольку они в это время уже не входят в новгородскую федерацию и имеют своих собственных князей), и русины — выходцы или гости из Русской земли Поднепровья. Все эти люди подвластны князю, и поэтому задачей борьбы боярства с князем со временем делается борьба за умы и руки этого населения. Оно организовано в сотни. В этом отношении городские сотни неотличимы от сельского населения словен, также находящихся в юрисдикции князя, и не удивительно, что горожане в 1136 г. обвиняют князя, что он «не блюдет смердов», т. е. облагает их непомерными налогами. Одним из важнейших результатов восстания 1136 г. явилась консолидация в процессе антикняжеской борьбы боярства и купцов, которых в это время впервые ключили в состав веча. Быть членом веча и иметь право участия в войске значило тогда одно и то же. В 1136 г. купцам отдают награбленное в усадьбах сторонников Всеволода серебро, чтобы они вооружались, «крутились на войну». Заметим, что это первое известие о консолидации местного общества связано с военной опасностью, угрожавшей всему Новгороду,— Всеволод собирал огромное войско для нападения на город.

Но неужели купцы были столь бедны, что им не на что было вооружиться? Ответ будет несколько неожидан и связан с расшифровкой самого термина «купцы», казалось бы не нуждающегося в такой расшифровке. Дело в том, что в период, когда ремесленники работали не на рынок, а на заказ (по Б. А. Колчину, до начала XII в.), они были одновременно и торговцами собственной продукции. Даже в XVI в., как об этом свидетельствуют лавочные книги 1583 г., ремесленники сами торговали своей продукцией в лавках на Торгу. По подсчетам А. П. Пронштейна, на 5821 ремесленника такого рода приходилось всего 342 торговца, ведущих торговлю чужой продукцией[6]. Следовательно, еще в XVI в. ремесло окончательно не отделилось от торговли, хотя и работало преимущественно на рынок. Что же говорить тогда о XII—XIII в.?

В полном соответствии с этим фактом, имеющим кардинальное значение для понимания многих сторон новгородской истории, находится употребление термина «купцы» в новгородских источниках и прежде всего в летописях. В самом деле, термина «ремесленник», известного «Правде Ярославичей», новгородские источники не знают, хотя эта «Правда» была хорошо известна в Новгороде. Перечисление категорий княжеского населения Новгорода в статье 1 «Правды Ярослава» также не знает ремесленников. С другой стороны, перечисляя состав новгородского войска, летописи наряду с огнищанами и гридью называют не ремесленников, а только купцов, хотя, перечисляя убитых на полях сражений в XII—XIII вв., летописи,

[6] Лавочные книги Новгорода Великого 1583 года. М., 1930; *А. П. Пронштейн.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957, стр. 126.

наоборот, называют опонников, котельников, серебряников, щитников и т. д., но не купцов, из чего со всей очевидностью следует, что купцами называли и собственно торговцев чужой продукцией и самих ремесленников, ведших широкую торговлю собственной продукцией. Эта расшифровка нашла полное подтверждение в европейском материале, к которому я обратился в поисках аналогий [7]. В то же время следует отметить, что в наших источниках этот термин употребляется в широком смысле — в раннее время, в XII—XIII вв. (и торговцы и ремесленники) и в узком, более позднем смысле — в XIV—XV вв. (только торговцы) [8].

Если учесть, что еще в начале XI в. купцы, будучи подвластны князю, не могли входить в боярскую городскую общину и ее вече (почему они в статье 1 «Правды» и отделены от бояр-мужей), то из этого следует, что не они, а бояре — члены вечевой общины основали город и были первыми его поселенцами (чему соответствует патронимическая природа многих его древнейших улиц) и поэтому имеют преимущественные права по сравнению с позднее появившимися в городе и подвластными князю купцами. Последнее находится в полном соответствии с нашим представлением о вечевом происхождении Новгорода и других древнерусских городов, основанном на иных материалах [9]. С другой стороны, это корректирует представление о том, что ремесленники и купцы жили только на боярских усадьбах — в городе было много усадеб, не принадлежавших боярам.

Следующий этап истории сотенной административной системы опять, как и в 1136 г., связан с военной опасностью для Новгорода и необходимостью в связи с этим консолидации его населения для организации отпора князю-врагу. Ценой за эту консолидацию явилась организация Плотницкого конца. Под 1169 г. в Лаврентьевской летописи сохранилась погодная запись суздальского летописца о чуде плача трех богородичных икон в трех новгородских церквях в связи с несправедливостью новгородцев за три года до этого плача. Отсчитаем три года назад от 1169 г. в соответствии с предложенным мной правилом древнерусского счета [10] и получим 1167 г., под которым уже по новгородской летописи сказано об убийстве трех (!) сторонников суздальского князя, в летописи которого и записан рассказ о чуде, имеющий откровенно просуздальский характер и поэтому и позднее не попавший в новгородскую летопись. Судя по нему, в 1167 г. в Новгороде было еще три конца в соответствии с тремя богородичными иконами, тогда как уже в начале 1169 г. в нем было уже четыре конца, включая новый Плотницкий конец (упомянуто 400 кметей, ходивших за данью за Волок). Следовательно, Плотницкий конец образован в ожидании нашествия суздальцев после событий 1167 г., которые привели к необходимости привлечения на сторону бояр купеческого населения будущего Плотницкого конца.

В связи с переходом большой части княжеского сотенного населения в вечевую общину города меняется и природа сотенной организации, становящейся постепенно из княжеской городской выборной. Оставляя пока в стороне многие стороны этой эволюции, заслуживающей специального рассмотрения и до сего времени ускользавшей от внимания самых тщательных исследователей, укажем лишь на сходство эволюции институтов посадников и тысяцких с сотскими. В самом деле, древний оригинал списка А новгородских посадников открывался не именами княжеских посадников, известных нам по летописи, а именами выборных городских посадников [11]. Точно таковы же и списки новгородских тысяцких, открывающиеся именем выборного Милонега и не знающих княжеских тысяцких более раннего

[7] *А. Пиренн.* Средневековые города Бельгии. М., 1937; *В. В. Стоклицкая-Терешкович.* Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960, стр. 213; *Я. А. Левицкий.* Города и городское ремесло в Англии в X — XII вв. М.— Л., 1960, стр. 222; *А. П. Каждан.* Деревня и город в Византии IX — X вв. М., 1960.

[8] НПЛ, гг. 1136, 1164, 1195, 1207, 1215, 1234 и гг. 1317, 1315, 1364, 1391; 1403 сл.

[9] *М. Х. Алешковский.* Повесть временных лет. М., 1971, стр. 122—129.

[10] *М. Х. Алешковский.* Повесть временных лет, стр. 12.

[11] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 55 сл.

времени. Следовательно, где-то в конце XII в., не позднее 1185 г. (первое упоминание Милонега, еще не названного тысяцким), в Новгороде устанавливается выборный институт тысяцких. Это объясняет, почему в третьей четверти XIII в. князю принадлежит уже только одна из десяти новгородских сотен — с образованием Загородского конца и она выходит из-под юрисдикции князя. С этим, видимо, связано и то, что «купцов» начинают именовать «мужами» в отличие от «людей» ранних источников или «человеков» синхронных источников [12]. Это заставляет несколько по-новому взглянуть на роль купцов в политической жизни города XIII—XIV вв. Мы только что говорили об участии сотен в антикняжеской борьбе, но бывало и так, что они выступали против узурпации боярами княжеских прав, усматривая в этом опасную сторону своего включения в вечевую общину города. Таково восстание 1207 г., пока не рассматривавшееся с этой точки зрения. Во главе него стоят купцы, и мы уже знаем, кого летопись имеет в виду под этим термином. Каковы же их требования? Посадники Дмитр и его братья повелели «на новгородцах серебро имати», что означало узурпацию княжеских прав, против чего и восстают купцы, т. е. сотни, не желающие, чтобы переход в общину сопровождался переходом власти над ними от князя к боярам. В связи с этим впоследствии усиливается институт тысяцкого, что подчеркивает организационное укрепление сотенной организации, несмотря, а, вернее, благодаря ее слиянию с кончанской в рамках одного и того же веча... Далее, посадник повелел «по волости куры брати», что может быть расшифровано и как куны (В. Л. Янин), и как куры, если вспомнить кур грамоты 1289 г. Мстислава Романовича, взимавшего по 20 кур с берестьянских сотен для кормления во время соколиной охоты. Независимо от интерпретации «кур», речь идет об узурпации посадником прав, ранее принадлежавших князю, — вмешательство городских сотен в сельскую политику напоминает аналогичное их поведение в 1136 г., когда они тоже вмешивались в нее.

Далее, посадник повелел «по купцам виру дикую» брать — прямое свидетельство того, что во главе восставших стоят купцы. Дикая вира — налог с общины, а не с отдельного человека, следовательно, купцы организованы и живут какими-то общинами — это или сотни, или улицы, что еще раз свидетельствует о них не только как о торговцах, но и как о ремесленниках. Во всяком случае в Западной Европе известны улицы, на которых жили купцы одной специальности — в Винчестере (Англия) в X в. была улица щитников [13], напоминающая о Щитной улице Новгорода. Впрочем, быть может, в данном случае речь идет об отрицании права посадника брать дикую виру — права, принадлежащего князю. То же можно сказать и относительно обвинения посадника в том, что он заставляет «повозы возити». Речь опять идет об ущемлении купцов, поскольку их права относительно повозов специально оговариваются в более поздних договорах с князьями, которым разрешается требовать с купцов повозы только в ратное время. О том, что во главе восставших стоят достаточно богатые купцы, говорит и то обстоятельство, что они оставляют в неприкосновенности долговые доски — ведь на них записаны не самые богатые новгородцы. В связи с этим небезынтересно заметить, что если в начале XIII в. право взимания долгов признается за князем, то около 1255 г. (до 1257 г.) это право принадлежит уже тысяцкому. Так, по духовной Климента тысяцкий Климята взимает долги с людей, входящих, видимо, в то «купецкое сто», к которому принадлежит завещатель.

Мы только теперь можем во всей полноте оценить доказанный В. Л. Яниным факт инспирирования князем Всеволодом восстания 1207 г.[14]: князь борется за свои права против бояр, натравливая на их посадника со-

[12] НIVЛ, гг. 1231, 1234, 1268, 1348.

[13] *А. Я. Левицкий.* Города..., стр. 149; *В. В. Стоклицкая-Терешкович.* Основные проблемы..., стр. 69.

[14] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники, стр. 116—120.

тенное население. Но восстание, как и всегда, приводит к победе не сотни, а лишь одну из боярских группировок, связанную с ними.

Во главе событий 1229—1230 гг. стоят те же сотни, поскольку в 1229 г. смерды, бежавшие в чужие земли, освобождаются князем от дани на 5 (по другим летописям — на 10) лет, а в 1230 г. награбленное добро боярских усадеб было распределено «по стом». Усиление роли князя в 40-х годах XIII в., выявленное В. Л. Яниным [15], нельзя не связывать с усилением политической роли сотен и с их успехами в борьбе с боярством, начиная с восстания 1207 г. В восстаниях второй половины XIII—XIV вв. участвуют «чернь» и «меньшие люди», противопоставляемые летописцами боярам. В них трудно увидеть только беднейших плебеев, поскольку для летописца все, кто не бояре — «чернь», хотя среди нее имеются и богатейшие «купцы». Это противопоставление «белых», свободных от княжеского тягла, «черным», находящимся в этом тягле [16]. Поэтому вряд ли правомерно включать в состав веча уже в XIII в. низшие бесправные слои новгородского общества, как неправомерно исключать из его состава богатейших купцов — ремесленников и торговцев. «Чернь», созывающая веча в XIII в., — не кто иные, как все те же купцы, противопоставляемые летописцем боярам. С выходом их на политическую арену связано, между прочим, появление во второй половине XIII в. особого типа печатей «Всего Новгорода», свидетельствующих о значительном ограничении юрисдикции боярского посадника и увеличении роли тысяцкого как представителя понимаемой описанным образом «черни». Видимо, с этими процессами связано резкое увеличение числа княжеских печатей после событий 1136 г. и уменьшение посадничьих, необъяснимое без учета численности и роли купцов в политической жизни города. С другой стороны, ограничение юрисдикции посадников прослеживается по выявленной В. Л. Яниным эволюции института посадников в XIV—XV в. Основное направление этой эволюции — дробление власти посадников во времени (с чем связано появление годичного срока посадничества) и в пространстве (с чем связано появление сначала малочисленного, а затем и многочисленного кончанского представительства в посадничестве). Эта эволюция, думается, вызвана беспокойством сотенного населения, не желающего подчиниться одному всесильному посаднику и поэтому требующего, чтобы посадников было много, а срок их правления был ограничен. В то же время растет роль тысяцкого, уже с XIII в. приравниваемого в своих правах к посаднику как в городе, о чем свидетельствует титулатура договоров, так и в деревне, о чем свидетельствует упоминание налога «поральского посадничьего и тысяцкого». В связи с усилением роли тысяцкого появляется и его печать.

Если для летописца все не бояре в XIII в. — чернь, то в XIV—XV вв. купцы и житьи люди уже отделены не только от бояр, но и от черных людей, если не противопоставлены им. Это и определяет главное направление дальнейшей политической борьбы — она идет уже не только между боярами и князем, но и между боярами, и житьими, и купцами за черных людей. Бояре соблазняют их богатой добычей в ушкуйнических походах, житьи добиваются их включения в состав веча, о чем свидетельствует появление в титулатуре договоров и посольств «черных людей», усиление роли «Всего Новгорода». Так заканчивается длительная и противоречивая эволюция социального состава веча, московский летописец конца XV в. уже прямо говорит о «худых мужиках-вечниках», исполнявших волю одной из боярских группировок. Новгород кончил тем, с чего начиналась его бурная история: если в ее начале были разрозненные поселения, боровшиеся в рамках эфемерной разноэтничной федерации, почему эта борьба порой приобретала этнические формы, то в конце ее город расколот на пять концов, противостоящих на вече друг другу и пытающихся в постоянной борьбе за власть

[15] Там же, стр. 133 сл.

[16] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1, СПб., 1893, т. 1, стб. 218—219, слово «белый».

поставить себя друг над другом, а на самом деле подготавливая переход власти в крепкие руки московского князя. К этому добавляются и социальные трещины, разветвления которых прошли и между боярами, и не боярами, между черными и житьими людьми и т. д.

Вернемся теперь к археологическому, территориальному аспекту нашей темы. Из всего сказанного вытекает, что археологи должны находить при раскопках не только боярские, но и купеческие усадьбы. В настоящее время мы хотели бы обратить внимание исследователей на целый ряд сведений письменных источников, подтверждающих этот тезис.

Очень интересны в этом плане события 1259 г., разделившие все население города на вятших и меньших. Бояре помогали татарским численникам собирать дань с каждого двора, независимо от его благосостояния — это было чрезвычайно выгодно боярам, платившим со своих усадеб столько же, сколько платили и купцы разного благосостояния со своих усадеб. «И чернь не хотяше дати числа... вятшие велят ся няти меньшим по числу... творяху бо себе бояры легко, а меньшим зло». О том, что речь шла о дани именно с каждого двора, а не с числа людей, свидетельствует указание летописи, что «почаша оканнии ездити по улицам, пишюще домы крестьянские». «Дом» равнозначен летописному «двору», о чем свидетельствует словоупотребление летописного рассказа о восстании 1418 г., в котором упоминается о том, что восставшие «пограбиша дом его и иных дворов много» на боярской Кузьмодемьянской улице, частично раскопанной археологически. Кстати, в рассказе 1418 г. упомянут дом рыбника, т. е. его двор, усадьба, что также прямо говорит о существовании в Новгороде не только боярских, но и сотенных усадеб. Интересно сообщение летописца под 1211 г. о том, что сгорело «дворов 4000 и 300». Первая цифра кратна числу новгородских концов этого времени, вторая адекватна числу «золотых поясов» начала XIV в. Последнюю цифру нельзя понимать буквально и потому, что она неизменна в XIV в., когда число концов равно пяти, а в XIII в. — четырём, и потому, что в «Польской Правде» число 300 означает «все», «всю совокупность». Точно так же и первая цифра не означает, что в Новгороде было именно 4000 сотенных дворов в четырех концах. Она означает лишь, что сгорели все дворы каждой из новгородских тысяч (о том, что сотни одного конца воспринимались как одна тысяча, свидетельствует институт кончанских тысяцких, существовавший по В. Л. Янину, в Новгороде XIV в.). Поэтому-то число сгоревших дворов кратно не числу сотен, а числу концов, в него не включены дворы Загородья, еще не являющегося административным целым, концом.

Купеческие дворы упоминаются не только в летописи, но и в грамотах. Таков двор серебряника Андрея грамоты № 117 середины XV в. на Рогатицкой улице, причем говорится и о дворе, и об огороде, что рисует довольно обширную усадьбу, схожую по площади с раскопанными неревскими усадьбами[17]. Думается, продолжение анализа материалов раскопок позволит выявить ряд купеческих усадеб. К этому приведут и раскопки в Людином, Загородском и Плотницком концах, где они еще не велись.

Территориально сосуществование кончанской и сотенной системы нашло свое яркое выражение в одном общеизвестном факте, не привлекавшем с этой точки зрения внимание специалистов. Поскольку население сотен в раннее время не обладало правами на городскую территорию, хоть и жило на ней, то оно было вынуждено строить церкви на Торгу. Именно здесь его глава — князь строит в 1113 г. Никольскую церковь, которую ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве придворного храма, поскольку он уже существует на Городище с 1103 г. (а деревянный с еще более раннего времени). Никольский храм чисто сотенный. Здесь же на Торгу в 1127 г. князь строит и передает во владение купцам храм Иоанна Пред-

[17] ГВНиП, стр. 176.

течи, таковы же храмы Успения, Георгия, Пятницы. Летопись знает в 1305 г. 12 сгоревших храмов на Торгу, видимо, одинаково принадлежавших купцам. Взаимосвязь купцов и князя прослеживается, таким образом, и в совместном храмовом строительстве на Торгу. Там же, где население улицы целиком купеческое, возникает и сотенное храмовое строительство, причем интересно, что порой оно связано с не патронимическими именами храмов. Такова Троицкая церковь, выстроенная жителями Щитной улицы в 1165 г.

Итак, концы возникли раньше сотен, первые сначала были чисто боярскими организациями, что связано с патронимической природой новгородского боярства, вторые сначала входили в юрисдикцию князя, а затем, освободившись от нее, постепенно вошли в состав веча. Из первичности кончанской и вторичности сотенной системы вытекает, что город был основан боярами, а купцы появились в нем позднее, следовательно, и вече в Новгороде древнее князя. В связи с этим нельзя не вернуться к вопросу о социальных основах формирования территории Новгорода и остальных доваряжских городов. Для них всех характерна полицентричность планировки, что связано с появлением населения до возникновения центральных крепостей. Наоборот, моноцентричность свойственна более поздним княжеским городам. В некняжеских она зависит от реки, в княжеских от крепости, в первых она не радиальна, во вторых — радиальна. Мы уже писали о том, что крепость в Новгороде (детинец) как бы наложена на раннюю уличную планировку, стены крепости как бы отрезают приречные окончания улиц Софийской стороны, почему планировка Детинца оказалась зависимой от планировки концов вне его, а не наоборот. Это видно и из того, что в Новгороде вплоть до конца XIV — начала XV в. отсутствует общегородская система оборонительных сооружений. Этим мы вовсе не хотим сказать, что в городе вообще не было укреплений, кроме Детинца, до конца XIV в. Наоборот, датировка сохранившихся до нашего времени укреплений концом XIV в., подтвержденная нашими раскопками 1972 г., открывает путь поисков более ранних городских укреплений. Нам уже приходилось писать о кончанских градах IX в., сооруженных горожанами после изгнания варягов, теперь же появились некоторые новые наблюдения, подтверждающие правильность интерпретации летописного рассказа о событиях IX в. Видимо, остатки этих укреплений показаны на знаменитом плане Пальмквиста XVII в. на Софийской стороне — иначе не объяснить указанных на нем оборонительных линий как раз вокруг первоначальных Людина и Неревского концов, причем эти линии очерчивают меньшую территорию, чем она известна нам по данным XIV—XV в.

Подтверждением той же мысли служит одно непонятное место сообщения Софийской Первой летописи под 1067 г.: «Заратися Всеслав... Полотский и зая Новгород до Неревского конца и пожже все и поима у святой Софии...» [18]. Это сообщение вызывает ряд вопросов, на которые нетрудно ответить. Всеслав потому смог взять Детинец и не взял Неревского конца, что в первом никто не жил, а второй был огражден. К тому же Всеслав шел к Новгороду с юга от Руссы, как ходили впоследствии и Андрей Боголюбский в 1167 г., и Иван III в XV в., поэтому он смог подойти к Детинцу по незаселенной еще территории Загородья, оставив в стороне огражденные Людин и Неревский концы. Это подтверждается летописью Авраамки, отличающейся большой точностью в передаче некоторых деталей своего древнего источника: «В лето 6574. Пришел Всеслав взяше Новгород и пожьже до (о)крома Неревского, и святую Софию пограби, и покуль пожже, потуль город доспеша, и отъиде Всеслав» [19]. Под Новгородом летопись подразумевает именно детинец, о чем мы уже писали, а у Неревского конца был кром, превратившийся благодаря удвоению буквы «о» в непо-

[18] СПЛ, стр. 134.
[19] ПСРЛ, т. XVI, стр. 42.

нятное на первый взгляд «до окрома», что бывает в тексте, не разделенном на слова. Следовательно, общегородских укреплений до начала XV в. и не могло быть, поскольку существовали кончанские, которые теперь и остается найти в культурном слое Новгорода.

Вернемся к первым русским городам. Киев тоже начинался с нескольких поселений братьев, членов одной патронимии. Даже если это легенда, то создавалась она в то время, когда существовало отчетливое представление о социальном устройстве городских поселений. Кстати, говоря о городе и его возникновении, мы все время имеем в виду не наше теперешнее представление о центре ремесла и торговли, а древнее представление о поселении, обнесенном стеной, огороженном и являющемся административным центром, населенном вечниками-мужами, осевшими здесь, на месте прежних временных вечевых сходок, представителей населения сельской округи. Городами в нашем смысле древнерусские грады становились только со временем, с появлением в них зависимых и независимых от вечников купцов, с формированием двойственного состава их населения, началом борьбы этих частей и т. д.

Полицентричен и древний Смоленск — и первоначальный в Гнездове, где разные кладбищенские группы окружены несколькими поселениями, и поздний, перенесенный на новое место, разделенный на три части Ярославичами, что было бы невозможно, если бы концы не существовали уже задолго до акции 1060 г. Но Смоленск интересен для нас не только этим; он позволяет совершенно по-новому отнестись к ранней истории возникновения посадничества нового типа в Новгороде, поскольку и в Смоленске существовали точно такие же кончанская и сотенная системы, как и в Новгороде. Об этом свидетельствует Устав Ростислава 1136 г., до сих пор не обращавший в этом аспекте на себя внимания исследователей смоленской и новгородской истории. В нем упоминается отдельно о суде князя, видимо, над сотенным населением и о суде посадника, очевидно, над кончанским населением в статье о епископских судах. Следовательно, еще во времена Устава в Смоленске не существовало смесного суда князя и посадника, а каждый из них судил соответствующую категорию населения, каждая из которых и перечислена в статье 1 «Правды Ярослава». Из этого вытекает, что возникновение посадничества нового типа во второй половине XI в. было связано с дальнейшим процессом юридического оформления населения Новгорода и первые посадники нового типа обладали властью только над боярской частью населения, но никак не над всем городом. Впрочем, это уже другая самостоятельная тема исследования, проведенного нами и ставшего возможным только после предложенного нами прочтения статьи 1 «Правды Ярослава». Точно так же требует особого исследования полицентричность таких городов, как Владимир, Чернигов, Москва.

M. Kh. Alechkovski

BASES SOCIALES DE LA CONSTITUTION TERRITORIALE DE NOVGOROD DES IX — XV SIECLES

Résumé

Partant de son interprétation de l'article I de la Pravda de Iaroslav (la plus ancienne partie de la Pravda Russe — monument de la pensée politique et littéraire) qui divise la population de Novgorod (et de n'importe quelle ville russe du début de XI s.) en deux parties: les boyars (gentilhommerie), participant au «vétché» (organe électif) et le reste des citadins, ne participant au «vétché», l'auteur suit l'histoire de la constitution du territoire de Novgorod se divisant en deux systèmes administratifs: l'un présenté par les boyars (système «Kontchanskaïa»), l'autre (système de «sotnia» (centaine) par les marchands par exellence (à Novgorod la notion de marchand ne s'appliquait pas qu'aux

négociants seuls mais aussi bien aux artisants qui vendaient les produits de leur travail). En tête de système boyarien, à partir de la deuxième moitié du XI s., se trouve le possadnik; le système de «sotnia» a en sa tête d'abord le prince et, à partir de la fin du XII s., le tyssiatski (chef d'un mille). Les «sotnias», qui d'abord ne faisaient pas partie du «vétché» commencent à y participer à partir du XII s. L'histoire de Novgorod est l'histoire de la constitution et de l'institution des deux systèmes administratifs qui, sans rien perdre de l'indépendances de chacun d'eux, ont aboutis à la fusion sous l'égide de «vétché» et ce qui plus est: cette fusion a contribué à la création de nouvelles institutions au sein de chacun des systèmes. L'article utilise (pour la première fois) en tant que sources les nominations de rues de Novgorod et autres matériaux non employés jusqu'ici. Ces conclusions sont valables, paraît-il, pour toutes les villes autogouvernées (gouvernées par «vétché») du nord et du centre de la Russie.

Ю. А. КРАСНОВ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Вопросы этногенеза чувашского народа находились в поле зрения исследователей с конца XVIII в. Чувашей относили то к числу финно-угорских народов, то считали их потомками хазар или буртасов [1]. Еще В. Н. Татищев предполагал, что предки чувашей — волжские болгары [2], но только Х. Файзханов положил начало научному подходу к болгарской теории происхождения чувашей [3], которая разрабатывалась на языковом материале рядом исследователей. Особенно много внес в нее Н. И. Ашмарин, опиравшийся также на некоторые этнографические данные [4]. С этого времени тезис о значительной роли волжских болгар и их культуры в этногенезе чувашей занял в исторической науке прочное место.

Итоги работ советских ученых по чувашскому этногенезу были подведены на двух научных конференциях [5] и отражены в специальных исследованиях [6]. Процесс формирования чувашского народа был достаточно сложным, происходил на нынешней территории его обитания, заключался в синтезе местного финно-угорского и пришлого тюркского населения. Однако по вопросам о начале этого процесса, о его существенных деталях, роли в нем тех или иных тюркских и финно-угорских групп существуют серьезные расхождения.

Часть исследователей считает, что формирование чувашского этноса шло на базе местного финно-угорского населения, смешивавшегося в различное время с пришлыми тюрками и подвергшегося их языковому и культурному влиянию в период существования государства волжских болгар, особенно интенсивному в XIII—XIV вв. и позднее [7]. П. Н. Третьяков высказал мнение, что формирование северной и южной групп чувашей, вирьял и анатри, происходило различными путями. Анатри — потомки болгарского населения, появившегося здесь в домонгольский период, вирьялы — фино-угорского происхождения. Они приобрели тюркский язык и некоторые черты тюркской культуры только в XIV—XVI вв. когда в Волжской Болгарии и Казанском ханстве шло интенсивное сме-

---

[1] *И. Г. Георги.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799; *А. А. Фукс.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840; *В. А. Сбоев.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856.

[2] *В. Н. Татищев.* История Российская с древнейших времен. СПб., 1768, стр. 317.

[3] *Х. Файзханов.* Три надгробных булгарских надписи. Изв. Археологического общества, т. IV. СПб., 1863.

[4] *Н. И. Ашмарин.* Болгары и чуваши. Казань, 1902.

[5] СЭ, 1950, 3; Сб. «О происхождении чувашского народа». Чебоксары, 1957.

[6] *Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, И. Р. Романов, А. Р. Симонова.* Чуваши, т. 1. Чебоксары, 1956; *В. Ф. Каховский.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965.

[7] См., например, *Н. И. Воробьев.* Этногенез чувашского народа по данным этнографии. СЭ, 1950, 3; *Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, И. Р. Романов, А. Р. Симонова.* Ук. соч.; *Б. А. Серебренников.* Происхождение чуваш по данным языка Сб. «О происхождении чувашского народа».

шение их с анатри [8]. А. П. Смирнов считает чувашей потомками болгар, заселивших всю территорию современной Чувашии еще в домонгольское время и ассимилировавших местное финно-угорское население, которое оставило заметный след в культуре чувашей [9]. Другие исследователи утверждают, что тюркоязычные предки чувашей, болгары и сувары (сувазы) начали формироваться в народности еще до прихода в Среднее Поволжье. Территорию Чувашии они заселили в IX—XII вв., ассимилировав местное население, причем сувары (сувазы) переселяются сюда и позднее, после татаро-монгольского нашествия. Они явились основным компонентом в сложении чувашского народа и передали ему свое имя. Роль финно-угорского элемента считается второстепенной [10]. Еще с 20-х годов существует теория, связывающая чувашей с иными, неболгарскими тюркоязычными племенами, осевшими в Среднем Поволжье в весьма раннее время [11]. В последние годы сделана попытка подвести под эту теорию археологическую базу [12].

Наличие столь существенных расхождений по вопросу происхождения одного из крупных народов нашей страны заставляет вновь обратиться к этой проблеме. Первые упоминания о чувашах в письменных источниках, относящиеся к началу XVI в., позволяют считать их в это время уже сложившейся этнической группой и локализовать в междуречье Суры и Свияги [13]. Более ранние источники не называют чувашей собственным именем среди народов Поволжья. Возможно, они фигурируют здесь под собирательными названиями «черемиса», «мордва» и др. [14] Это может указывать на значительную близость чувашей в культурном отношении к своим финно-угорским соседям. Сравнительно позднее появление этнонима «чуваши» на страницах письменных источников наводит на мысль, что эта этническая группа и сложилась относительно поздно.

К попытке привлечь для истории чувашей данные Ибн-Фадлана о племени или народе «сувар» («сван», «саван», «суваз» и др.) [15] следует отнестись с крайней осторожностью. Связь этого названия в любой из известных форм с этнонимом «чуваш» («чăваш») лингвистически не доказана и является лишь предположением, а наши сведения о суварах настолько лаконичны, что не позволяют судить об их этнической принадлежности и отношении к позднейшим чувашам.

Этнографы указывают в культуре чувашей тесное переплетение черт, присущих местным финно-угорским народам Поволжья, и элементов, связанных с кочевым миром степей, среди которых могут быть выделены

---

[8] *П. Н. Третьяков.* Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1958; *его же.* Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных. СЭ, 1950, 3.

[9] *А. П. Смирнов.* Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа. Сб. «О происхождении чувашского народа»; *его же.* Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961.

[10] См. статьи *Н. А. Андреева, П. В. Денисова, В. Д. Дмитриева, И. Д. Кузнецова* в сб. «О происхождении чувашского народа»; *В. Ф. Каховский.* Ук. соч.; *его же.* Волжская Булгария и происхождение чувашской народности. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969; История Чувашской АССР, т. 1. Чебоксары, 1966.

[11] *М. Г. Худяков.* К вопросу о происхождении чуваш. «Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана», № 4, Баку, 1927; *В. В. Бартольд.* Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков. Л., 1926.

[12] *А. Х. Халиков.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. Сб. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971; *его же.* К вопросу о начале тюркизации населения Поволжья и Приуралья. СЭ, 1972, 4.

[13] ПСРЛ, XXIV, стр. 218; *С. Герберштейн.* Записки о московских делах. СПб., 1903, стр. 95.

[14] *М. Н. Тихомиров.* Присоединение Чувашии к Русскому государству. СЭ, 1950, 3, стр. 94; *В. Д. Дмитриев.* О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XV — XVII вв. Уч. зап. Чув. НИИ, XXVII, Чебоксары, 1964.

[15] *А. П. Ковалевский.* Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Уч. зап. Чув. НИИ, IX, Чебоксары, 1954.

болгарские традиции. Подчеркивается, что финно-угорских элементов больше в быту северной группы чувашей, тюркских — у южных чувашей [16]. Определить время появления тюркских элементов методами собственно этнографии, за редкими исключениями, невозможно, так что из одного и того же материала подчас делаются диаметрально противоположные этногенетические выводы [17].

Топонимика Чувашии практически не изучена. Однако можно отметить, что на всей ее территории кроме тюркских и русских названий имеются общефинно-угорские, собственно марийские, реже мордовские, свидетельствующие о финно-угорской принадлежности населения, жившего здесь до появления или сложения тюркоязычных чувашей. Имеются отдельные названия, связанные с этнонимом «буртас» [18].

В языковом отношении чуваши относятся к тюркоязычным народам [19]. Чувашский язык вместе со средневековым болгарским языком включается в западнохуннскую ветвь тюркских языков, чему не противоречат некоторые его особенности [20]. Родство (но не тождество) чувашского языка с болгарским признается всеми лингвистами. Отмечается определенное влияние на его лексику и грамматический строй финно-угорских языков, прежде всего марийского. Это позволяет предполагать наслоение языка тюркских пришельцев на близкий к марийскому языковый субстрат [21]. Факт тюркской принадлежности чувашского языка некоторыми исследователями рассматривается как важнейшее доказательство решающей роли тюркского населения в формировании чувашей. Однако языковая принадлежность и происхождение народа — явления далеко не идентичные, и при решении вопроса о роли того или иного компонента в формировании нового этноса показания лингвистики не могут служить единственным критерием [22]. Отметим также, что лингвистические явления крайне трудно поддаются даже приблизительной датировке.

Антропологические данные свидетельствуют о решающей роли финно-угорского компонента в формировании физического типа чувашей [23]. В последней сводке антропологических данных о происхождении тюркоязычных народов Восточной Европы В. П. Алексеев отмечает, что антропологический тип чувашей «сложился при интенсивном участии той комбинации признаков, которая характерна для финно-язычных народов Поволжья и получила название субуральской». «Весьма вероятно,— пишет он,— что основная масса предков чувашей говорила на одном из древних восточнофинских языков». Роль тюркского компонента в формировании физического типа чувашей считается меньшей, причем признаки, характерные для волжских болгар, прослеживаются слабо, отчетливее выделяется примесь компонента центральноазиатского про-

---

[16] *Н. И. Воробьев, А. Н. Львова* и др. Ук. соч.; *Н. Гаген-Торн.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960; *П. В. Денисов.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969.

[17] Ср., например, *Н. И. Воробьев.* Ук. соч., стр. 77 и *П. В. Денисов.* Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского народа. Сб. «О происхождении чувашского народа», стр. 94—95.

[18] *Б. А. Серебренников.* Ук. соч., стр. 32—38.

[19] *В. Г. Егоров.* Современный чувашский литературный язык, т. 1. Чебоксары, 1954; *Б. А. Серебренников.* Ук. соч.; *Н. А. Андреев.* Данные языка к вопросу о происхождении чуваш. Сб. «О происхождении чувашского народа».

[20] *Н. А. Баскаков.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1962.

[21] *Б. А. Серебренников.* Ук. соч., стр. 38—40.

[22] *В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей.* Переселения народов и формирование новых этнических общностей. СЭ, 1968, 2, стр. 36, 45.

[23] *П. И. Зенкевич.* Антропологические исследования в Чувашской АССР. Краткие сообщения Института и Музея антропологии при МГУ за 1938—1939 гг. М., 1941; *Т. А. Трофимова.* Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей. СЭ, 1950, 3.

исхождения, возможно кипчакского [24]. Это значительно отличает чувашей от казанских татар, физический тип которых сложился на основе комбинации признаков, характерных для волжских болгар, с примесью местного доболгарского населения и кипчаков Золотой Орды [25]. Северные и южные чуваши при общем сходстве отличаются несколько большей монголоидностью у первых и примесью понтийских элементов у вторых [26], что может быть поставлено в связь с некоторыми отличиями в их происхождении.

Антропологические данные следует рассматривать как весьма важный источник для суждения об удельном весе исходных компонентов, принявших участие в формировании того или иного этноса. Установлено, что по генетически наследуемым полимерным признакам, к числу которых относятся и все морфологические признаки, находящиеся в центре внимания антропологов, положение смешанной группы по сравнению с исходными пропорционально доле исходных элементов [27]. Однако изложенные выводы делаются на основании главным образом современного физического типа чувашей. Палеоантропологический материал все еще крайне невелик. Это не позволяет точно выделить и датировать этапы смешения тех компонентов, которые легли в основу чувашского народа. Приходится ограничиваться общими соображениями о том, что «окончательное сложение антропологического типа восточноевропейских тюркских народов — процесс поздний, и падает он на первые века нашего тысячелетия» [28].

Таким образом, ни письменные источники, ни данные этнографии, лингвистики и антропологии не могут дать детальной картины процесса формирования чувашского этноса. В этих условиях особое значение приобретает археология, располагающая датированным материалом, который при достаточно полном исследовании территории может быть расположен в хронологическом порядке и дать последовательную картину истории сложения и развития народа.

К сожалению, состояние изученности археологических памятников Чувашии в настоящее время таково, что последовательно и детально проследить процесс формирования чувашского народа пока затруднительно, и всякие выводы могут носить лишь предварительный характер.

О населении междуречья Суры и Свияги в I тысячелетии н. э. мы знаем довольно мало. Городища Чувашии входят в круг городецких памятников, но характеризуются рядом особенностей в выборе места расположения, системе укреплений и, что особенно важно, значительным числом вещей пьяноборского облика при наличии керамики, типичной для Правобережья и резко отличающейся от пьяноборской [29]. Наиболее поздние из них дали датирующие материалы, не выходящие за пределы середины I тысячелетия н. э. Существование их во второй половине I тысячелетия и даже позднее [30] пока не доказано. Памятники юга Чувашии практически не изучены. Лишь по характеру доболгарских элементов в материальной культуре болгарских поселений этого района

---

[24] *В. П. Алексеев.* Очерк происхождения тюркоязычных народов Восточной Европы в свете данных краниологии. Сб. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья», стр. 248—250.

[25] Там же, стр. 246.

[26] *Т. И. Алексеева.* Антропологический тип населения Чувашии. КСИЭ, вып. XXIII, 1955; *М. С. Акимова.* Палеоантропологический материал с территории Чувашской АССР. Там же.

[27] *В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей.* Ук. соч., стр. 42.

[28] *В. П. Алексеев.* Ук. соч., стр. 255.

[29] *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья, стр. 115, сл.; *А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова.* Городецкая культура. САИ, Д 1—14, М., 1965, стр. 21—25.

[30] *П. Н. Третьяков.* Памятники древнейшей истории..., стр. 46 сл., 65 сл.; *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья, стр. 122—123.

можно предположить, что они были близки позднегородецким или мордовским [31].

Могильники, дающие более четкую информацию для этнокультурной характеристики населения, изучены слабо. Мы располагаем только несколькими маловыразительными комплексами из разрушенного Криушинского могильника на северо-востоке Чувашии [32], одним комплексом из предполагаемого Яндашевского могильника в нижнем течении Цивиля [33], одним погребением Таутовского [34] и значительным материалом Иваньковского могильника в западной части Чувашии [35]. Яндашевский и Криушинский могильники дали материал, равным образом встречающийся как в позднепьяноборских, так и в мордовских памятниках, и датируются в пределах первой половины I тысячелетия н. э. Таутовское погребение III—IV вв. и Иваньковский могильник, существовавший до VII—VIII вв., относятся к кругу древнемордовских памятников и не имеют пьяноборских черт. В последнем наблюдается известное своеобразие в погребальном обряде. Возможно, мы имеем здесь дело с какой-то локальной группой мордвы. Особняком стоят Писеральские курганы III—IV вв., расположенные уже вне пределов Чувашии [36], материал которых близок пьяноборскому, но погребальный обряд не находит аналогий в синхронных памятниках и, может быть, восходит к абашевскому [37].

На имеющемся материале мы можем лишь констатировать, что позднегородецкий или древнемордовские элементы в культуре Чувашского Поволжья первой половины и середины I тысячелетия были сильнее на западе и юге, а прикамские пьяноборские — на севере и востоке. Восточнее, в междуречьи Свияги и Волги, известны пьяноборские могильники [38] и поселения со смешанным материалом, где позднегородецкие элементы наслаивались на пьяноборские [39]. Вероятно, в Чувашском Поволжье, как и на марийском Левобережье, в рассматриваемое время происходил процесс смешения позднегородецких и позднепьяноборских элементов, начавшийся в более раннее время. Результат его недостаточно ясен, поскольку пока нет изученных памятников второй половины I тысячелетия.

Приведенные данные заставляют скептически отнестить к гипотезе о сложении чувашского народа в доболгарское время в результате синтеза азелинской и именьковской культур [40]. Во-первых, тюркская принадлежность памятников, выделяемых в именьковскую культуру [41], и их отличия от памятников позднегородецкого круга, связанных с финно-угорским этносом, не могут быть доказаны [42]. Во-вторых ни памятников именьков-

---

[31] *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья, стр. 163.

[32] *П. Н. Третьяков.* Памятники древнейшей истории..., стр. 55—56; *Н. В. Трубникова.* Отчет о работе 2-го отряда Чувашской экспедиции 1956 г. Уч. зап. Чув. НИИ, XVI, Чебоксары, 1958, стр. 72—73.

[33] *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья, стр. 104.

[34] *Н. В. Трубникова.* Ук. соч., стр. 239—242.

[35] *П. Н. Третьяков.* Памятники древнейшей истории..., стр. 72 сл.; *Н. В. Трубникова.* О работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 г. Уч. зап. Чув. НИИ, вып. XIX, Чебоксары, 1960, стр. 50—59. См. также: ОА — 1969, М., 1970, стр. 133; АО — 1970, М., 1971, стр. 137; АО — 1971, М., 1972, стр. 175, 181—182; АО — 1972, М., 1973, стр. 161.

[36] *А. Х. Халиков.* Очерки истории марийского края в эпоху железа. Тр. Мар. АЭ, т. II, Йошкар-Ола, 1962, стр. 135 сл.

[37] *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья, стр. 117—121.

[38] *Н. В. Калинин.* Памятник пьяноборской культуры у с. Мордовские Каратаи. Изв. ОАИЭКУ, т. XXXIV; вып. 1—2; 1928, стр. 113—116; *Е. А. Халикова, Е. П. Казаков.* Тетюшский могильник. АО — 1969, М., 1970, стр. 158—159.

[39] *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья, стр. 110—111.

[40] *А. Х. Халиков.* Истоки формирования..., стр. 19—20.

[41] *П. Н. Старостин.* Памятники именьковской культуры. САИ, вып. Д 1—32, М., 1967.

[42] *Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов.* Рец.: П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры. СА, 1969, 2.

ского типа, ни азелинских на территории Чувашии нет [43]. Нет никаких оснований связывать прикамский компонент в культуре Чувашского Поволжья, четко прослеживаемый еще в I тысячелетии до н. э., с азелинским влиянием. Сходство же керамики этой территории с именьковской объясняется их общей городецкой подосновой. Если придерживаться этой гипотезы, формирование чувашского народа должно было начаться где-то вне территории современной Чувашии. Но тогда следует предполагать передвижение сюда в какое-то время смешанного именьковско-азелинского населения. Ни то, ни другое в археологическом материале не прослеживается. Важное место в системе доказательств рассматриваемой гипотезы занимают параллели между полусферическими женскими шапочками из Азелинского и Суворовского могильников и азелинскими нагрудниками, с одной стороны, и чувашскими девичьими шапочками «тухья» и нагрудными украшениями «сурпан-сакки» и «шулькеме», известными по данным этнографии — с другой. Предполагается, что эти детали одежды и к азелинцам, и к чувашам попали из одного источника — от тюркоязычных именьковских племен. Все это очень неубедительно. Оставляя в стороне достаточно сложный вопрос о степени сходства этих предметов и правомерности самого такого сопоставления, отметим, что ни в именьковских, ни в каких-либо бесспорно тюркских памятниках подобные детали одежды неизвестны.

Высказанное в свое время П. Н. Третьяковым предположение о тюркизации ряда племен Волго-Камья, в том числе и юга Чувашии, еще в середине I тысячелетия не было подтверждено археологическим материалом и основывалось лишь на некоторых общеисторических соображениях [44]. Не отрицая в принципе такой возможности, отметим, однако, что археологические данные пока не могут подтвердить тезис о доболгарской тюркизации финно-угорского населения рассматриваемого района. Не дают достаточных оснований для этого и сведения других дисциплин. Этот процесс может быть прослежен только со времени появления в Среднем Поволжье болгарских племен.

Один из известных раннеболгарских памятников, Большетарханский могильник,[45] расположен близ границ современной Чувашии. Отдельные раннеболгарские вещи, может быть вместе с людьми, могли проникать далеко на север, о чем свидетельствует случайная находка из дер. Дятлино в Козловском районе Чувашской АССР [46]. Однако бесспорно ранние болгарские поселения, относящиеся к домонгольскому времени, изучены только на крайнем юго-востоке и востоке Чувашии, в бассейнах левых притоков Свияги, а также в устье р. Аниш, впадающей в Волгу [47]. Здесь они довольно многочисленны, смыкаются с массивом болгарских поселений Правобережья Волги, лежащих уже вне пределов Чувашской АССР. Здесь, как и в других районах Болгарского государства, в археологическом материале прослеживается определенное влияние местного компонента при решительном преобладании болгарских традиций, что может свидетельствовать о почти полной ассимиляции или вытеснении финно-угорского населения пришельцами. Эта территория, несомненно, составляла органическую часть Болгарского государства и по уровню развития производительных сил и общественных отношений существенно не отличалась от его центра.

---

[43] *П. Н. Старостин.* Ук. соч., карта; В. Ф. Генинг. Азелинская культура III — V вв. ВАУ, вып. 5, Ижевск, 1963, карта, рис. 3.

[44] *П. Н. Третьяков.* Вопрос о происхождении чувашского народа..., стр. 49.

[45] *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков.* Ранние болгары на Волге. М., 1964.

[46] *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья, стр. 136.

[47] *П. Н. Третьяков.* Памятники древней истории..., стр. 58—62; *Г. А. Федоров-Давыдов.* Болгарский феодальный замок X — XII вв. Уч. зап. Чув. НИИ, вып. XVI, Чебоксары, 1958; *его же.* Раскопки городища у с. Большая Тояба в 1957 г. Уч. зап. Чув. НИИ, вып. XIX, Чебоксары, 1960; *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья, стр. 138, 140—167.

Было бы очень заманчиво рассматривать болгарское население домонгольской эпохи в этой части Чувашии как непосредственных предков южной группы чувашей — анатри [48]. Этому, однако, препятствует почти полная неизученность археологических памятников золотоордынского и более позднего времени. Исследовалось лишь одно Большетоябинское городище, являвшееся резиденцией баскака и прекратившее существование в конце XIII — начале XIV в. Основной слой его относится к домонгольскому времени. Вообще на Правобережье Волги число памятников золотоордынского времени по сравнению с домонгольским значительно сокращается [49]. Таким образом, важнейшие связующие звенья, которые могли бы показать преемственность домонгольской болгарской культуры с культурой чувашей-анатри, отсутствуют [50]. Более того, существует достаточно обоснованное мнение, что южные районы Чувашии в поздний золотоордынский период и в эпоху Казанского ханства находились в запустении, и население снова появляется здесь только после создания ряда засечных черт в середине и второй половине XVI в.[51] Следует вспомнить в этой связи точку зрения Н. И. Воробьева, считавшего, что формирование чувашского народа происходило в основном в северной, приволжской части Чувашии [52].

Относительно времени проникновения болгар на основную территорию Чувашии — в ее центральные, северные и западные районы, что можно поставить в связь с началом формирования по крайней мере северной группы чувашей, имеются различные точки зрения. П. Н. Третьяков считал эту территорию финно-угорской и указывал на отсутствие здесь ранних болгарских памятников, за исключением Криушинского поселения [53]. Позднее А. П. Смирнов пришел к выводу, что болгары уже к X в. заняли не только юго-восточную, но и северную, лесную часть Чувашии, где «вошли в соприкосновение с местными финно-угорскими племенами и мирно жили в течение многих веков» [54]. Этот же тезис нашал отражение в «Истории Чувашской АССР» с той разницей, что болгарское население называется здесь болгаро-суваэами и высказывается мнение об ассимиляции местного населения пришельцами [55]. В. Ф. Каховский высказал мнение, что в результате этого процесса в IX—XI вв. в северной части Чувашии «началось формирование группы верховых чуваш (вирьял)» [56]. Эти выводы обосновываются материалами ряда селищ и пунктов находок болгарской керамики, из которых более или менее изучены и могут привлекаться для решения данного вопроса Большеянгильдинское поселение близ Чебоксар [57], Янмурзинское в бассейне р. Цивиль и Таутовское в за-

[48] *П. Н. Третьяков.* Вопрос о происхождении чувашского народа..., стр. 50.

[49] *Р. Г. Фахрутдинов.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР. Сб. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья», карта, рис. 3.

[50] Следует заметить, что никакими данными для того, чтобы считать население правобережной Волжской Болгарии не просто болгарами, а суваэами или болгаро-суваэами (см. История Чувашской АССР, т. I, стр. 42), ни археология, ни другие источники не располагают. Точно так же не может быть подтверждено источниками мнение В. Ф. Каховского, что основным компонентом при сложении чувашей-анатри были сувары или суваэы, переселившиеся в Правобережье после татаро-монгольского нашествия и «компактной массой» осевшие в южных районах Чувашии (см. *В. Ф. Каховский.* Волжская Булгария и формирование чувашской народности, стр. 82—83).

[51] *В. Д. Дмитриев.* К вопросу о заселении юго-восточной и южной части Чувашии. Уч. зап. Чув. НИИ, вып. XIV, Чебоксары, 1956.

[52] *Н. И. Воробьев, А. Н. Львова* и др. Ук. соч., стр. 34—36.

[53] *П. Н. Третьяков.* Вопрос о происхождении Чувашского народа..., стр. 48, 50.

[54] *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья, стр. 136—140.

[55] История Чувашской АССР, 1, стр. 42.

[56] *В. Ф. Каховский.* Волжская Булгария и формирование чувашской народности, стр. 82.

[57] *А. П. Смирнов, В. Ф. Каховский.* Булгарское селище бл. д. Большое Янгильдино в Чувашской АССР. Уч. зап. Чув. НИИ, вып. XXV, Чебоксары, 1964; *В. Ф. Каховский.* Булгарское солище бл. д. Большое Янгильдино. СА, 1966, 2.

падной части Чувашии [58]. Керамика этих памятников изучалась по музейным коллекциям Т. А. Хлебниковой и Р. Г. Фахрутдиновым [59].

Керамический комплекс этих памятников, который нет оснований расчленять на разновременные группы, характеризуется сочетанием гончарной и лепной керамики, причем последняя составляет до 30%. Лепная керамика — толстостенная, черного, серого или желтоватого цвета, с примесями крупнозернистого песка, дресвы, шамота, изредка толченой раковины, обычно без орнамента. Она аналогична местной позднегородецкой и связывается исследователями с финно-угорским населением. Большая часть гончарной керамики плохого или среднего обжига, того же цвета, с теми же примесями в тесте. Преобладающая форма — горшки различной профилировки, чаще всего без орнамента. Встречены орнаменты в виде однорядной волны, одной-двух горизонтальных линий, косых насечек, гребенчатых отпечатков и ямок, иногда в сочетаниях друг с другом. Эта керамика во многом сходна с лепной. Однако некоторые формы венчиков и орнамента весьма близки болгарским. По-видимому, в такой керамике следует видеть смешение керамических традиций, свойственных как местному, так и пришлому болгарскому населению. Имеются горшки, которые по формам могут быть сопоставлены с русской керамикой. Высказанное в литературе мнение о возможности сопоставлять такую керамику с саркельской посудой не обосновывалось и вряд ли правомерно. Наконец, небольшую часть гончарной керамики составляет желтая, красная, а в Таутове и Янмурзине — и коричневая керамика хорошего обжига, с примесями мелкозернистого песка, в большинстве случаев лощеная, с многозонным линейным, волнистым и арочным орнаментом, иногда в сочетании с оттисками гребенки или с ямками. Эта керамика по всем признакам аналогична болгарской. На Большеянгильдинском поселении ее около 5%, на Янмурзинском и Таутовском, по подсчетам Т. А. Хлебниковой, соответственно 13,5 и 3,5%.

Очевидно, перед нами — керамический комплекс, характеризующий определеный, вероятно, начальный этап смешения финно-угорского и болгарского населения, который можно связывать с началом формирования чувашского этноса. Этот комплекс правильнее называть не болгарским, так как болгарские элементы здесь не преобладают, а древнечувашским.

Важен вопрос о датировке этих памятников. Большеянгильдинское поселение датировано авторами раскопок IX—XII вв. Однако из датирующих вещей здесь найдены цилиндрические замки и их фрагменты [60], близкие замкам типов В и Г по новгородской типологии. Первые датируются от середины XII до начала XV в., вторые — серединой XIII—XV вв.[61] Совершенно аналогичные замки в Чебоксарах найдены в слоях конца XIII—XV вв.[62] Среди болгарской керамики здесь нет ранних форм, характерных для домонгольского времени и обычных на памятниках юго-востока и крайнего востока Чувашии. Орнаментация ее относительно бедна и стандартна, что считается поздним признаком. Этому не противоречит находка шиферного пряслица, так как последние бытовали вплоть до конца XIII в.[63] Против ранней даты говорят находки специфических ши-

---

[58] *Н. В. Трубникова.* Отчет о работах 2-го отряда Чувашской экспедиции 1956 г. стр. 246—252.

[59] *Т. А. Хлебникова.* Археологические памятники XIII — XIV вв. в Горно-Марийском районе Марийской АССР. Сб. «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1967, стр. 90—92; *Р. Г. Фахрутдинов.* Ук. соч., стр. 181—184, 187, 188.

[60] *А. П. Смирнов, В. Ф. Каховский.* Ук. соч., рис. 7, *4*.

[61] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 80—82, рис. 70.

[62] *Ю. А. Краснов, В. Ф. Каховский.* Раскопки 1969—1970 гг. в Чебоксарах. Сб. «История и культура Чувашской АССР», 2, Чебоксары, 1973, рис. 31, *2*, стр. 247—248.

[63] *В. А. Мальм.* Шиферные пряслица и их использование. Сб. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971, стр. 205.

роких ножей, совсем не похожих на ножи IX—XII вв. и встречающихся даже в позднесредневековых чувашских могильниках. Найденные здесь железный и костяной наконечники стрел могут датироваться в очень широких пределах. Других датирующих вещей не найдено. Соотношение лепной и гончарной посуды, а также относительное количество желтой керамики в комплексе [64] в данном случае вряд ли может указывать на дату, так как речь идет не о чисто болгарском поселении. На Янмурзинском поселении датирующих вещей не найдено. В Таутове обнаружены обломки чугунных котлов, что позволяет говорить о XIII—XIV вв. [65]

Ранняя дата памятников при публикации не была обоснована. По мнению Т. А. Хлебниковой, болгарская керамика здесь относится ко времени не ранее конца домонгольского — начала золотоордынского периодов [66].

Следует отметить также селище Челкасы в Вурнарском районе, в бассейне р. Цивиль, материал которого опубликован в предварительном порядке [67]. Лепная керамика здесь составляет 72,5%, есть гончарная, по составу теста близкая к лепной, среди болгарской преобладает красная высокого горнового обжига, указывающая на золотоордынскую эпоху. Найдены замки, датируемые XIII — XIV вв. Все это заставляет отнести памятник к рассмотренной группе поселений.

Остальные пункты находок болгарской керамики, которые относят иногда к домонгольскому времени, дали ограниченный и маловыразительный недатируемый материал. Характерно, что болгарская керамика и здесь найдена вместе с лепной и гончарной иных форм, которую можно считать связанной с местными традициями керамического производства.

Таким образом, начало проникновения болгарского населения в финно-угорскую среду основных районов Чувашии, отразившееся в материальной культуре, мы можем пока уверенно относить ко времени около XIII в. Более ранняя дата очень спорна. Раскопки последних лет в Чебоксарах, где открыты последовательные напластования от конца XIII — XIV до XVII в.,[68] дали существенный материал к чувашскому этногенезу. Керамический комплекс нижнего слоя, датированного концом XIII — XIV в., достаточно четко отличается от синхронных комплексов левобережной Волжской Болгарии. Желтой, красной и серой гончарной керамики, изготовленной из хорошо промешанного теста с примесями мелкозернистого песка, в основном прекрасного горнового обжига и лощеной, по всем признакам идентичной болгарской керамике золотоордынского времени, здесь немного — от 2 до 11% в различных пластах и на различных участках города. Встречена желтая керамика (2—3%) с небольшими примесями крупнозернистого песка или шамота, близкая болгарской, но никогда не имеющая лощения. Своеобразна группа черной керамики с примесями мелкого песка, среднего или хорошего обжига, чаще всего лощеной (9—14%). Основу керамического комплекса составляет бурая и грубая серая керамика плохого или среднего обжига, с примесями крупнозернистого песка, дресвы, шамота, в единичных случаях — толченой раковины; бедно орнаментированная, представленная в основном обломками горшков, мисок, редко небольших кувшинчиков. Наиболее близкий аналог ее по всем признакам — основная масса гончарной керамики Большеянгильдинского селища. Единичными фрагментами представлена белая керамика, аналогичная русской. Необходимо отметить значительное влияние

[64] *А. П. Смирнов, В. Ф. Каховский.* Ук. соч., стр. 251—252.

[65] *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья, стр. 139.

[66] *Т. А. Хлебникова.* Ук. соч., стр. 192.

[67] *А. П. Смирнов, В. Ф. Каховский.* Селище болгарского времени в Чувашии. АО — 1968 г., М., 1969, стр. 167, 168.

[68] *Ю. А. Краснов, В. Ф. Каховский.* Ук. соч.; *Ю. А. Краснов.* О времени возникновения и ранней истории города Чебоксары. КСИА АН СССР, 136. 1973; см. также: АО — 1969, М., 1970, стр. 131—132; АО — 1970. М., 1971. стр. 136—137; АО — 1971, М., 1972, стр. 174—175; АО — 1972, М., 1973, стр. 161.

традиций болгарского керамического производства на все известные в Чебоксарах керамические типы. Оно выражается в тождестве ряда типов венчиков, в однотипности орнаментации, приемов лощения на черной керамике, в сходстве или тождестве некоторых форм сосудов. Особенно показательны орнаменты: глубокий и широкий линейный или каннелированный орнамент, орнамент в виде многорядной крутой волны, обычно широкой, заключенной между широкими линейными полосами, иногда напоминающий плетенку, излюбленный чувашский орнаментальный мотив, орнамент в виде арок между линейными полосами. Все эти виды орнаментации достаточно характерны для болгарской керамики [69]. Лепная керамика представлена долями процента, что резко отличает чебоксарский комплекс от большеянгильдинского. В этом следует видеть скорее не хронологическое отличие, а различие состава керамики в городе и сельском поселении.

Таким образом, и в раннем слое Чебоксар представлен не чисто болгарский керамический комплекс, а комплекс достаточно своеобразный, в котором местные черты органически сочетаются с болгарскими и который мы вправе назвать древнечувашскими. Дальнейшее его развитие можно проследить по слоям Чебоксар XV — первой половины XVI в. Керамика из этих слоев отличается от керамики эпохи Казанского ханства в Левобережье [70]. Основу комплекса по-прежнему составляет бурая и грубая серая керамика. Красная лощеная керамика исчезает уже в начале XV в. Желтая, точнее, желто-красная керамика с лощением встречается в количестве всего 1—4%, зато грубой желтой посуды здесь 11—20%. Сравнительно много (около 15%) черной лощеной керамики. С начала XV в. появляется грубая красная керамика, аналогичная русской, число которой резко возрастает с середины XVI в. В отдельных формах бурой керамики прослеживается сходство с русской посудой, что хорошо согласуется с другими данными о появлении русского населения в Чебоксарах уже с XV в. [71] Наблюдения над другими элементами материальной культуры — техникой домостроительства, планировкой усадеб, украшениями, деталями одежды, обувью, различными бытовыми предметами — позволяют проследить как болгарские элементы, так и определенные отличия от этих последних, которые можно причислить к признакам формирующейся чувашской народности и проследить в дальнейшем в чувашской этнографии. С XV в. отчетливо прослеживается русское влияние [72].

К сожалению, на территории Чувашии неизвестны погребальные памятники наиболее интересного для нас периода с конца I тысячелетия до н. э. до XIII—XIV вв., за исключением мусульманского кладбища Сют-Сирми близ Большетоябинского городища [73] и погребения в местности Палаху у дер. Янмурзино, также совершенного по мусульманскому обряду [74]. В северных районах известны кладбища XVI—XVII вв., исследованные главным образом Средневолжской экспедицией ГАИМК под руководством П. П. Ефименко в 1926—1927 гг. [75] Один из таких памятни-

---

[69] *А. П. Смирнов.* Волжские булгары. М., 1951, стр. 130—135; *Т. А. Хлебникова.* Гончарное производство волжских болгар в X — начале XIII в. МИА, 111, 1962, рис. 5, табл. 18; *Р. Г. Фахрутдинов.* Новые археологические памятники Волжской Болгарии в Закамской Татарии. СА, 1969, 1, рис. 3—5.

[70] *Н. Ф. Калинин.* Раскопки в Казанском кремле в 1953 г. Изв. КФАН, сер. гуманитарных наук, 1, Казань, 1955.

[71] *И. С. Вайнер, В. Ф. Каховский, Ю. А. Краснов.* Береста с надписью из Чебоксар. СА, 1971, 3.

[72] *Ю. А. Краснов.* Ук. соч.

[73] *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья, стр. 161—163.

[74] *Н. В. Трубникова.* О работах 2-го отряда Чувашской экспедиции 1956 г., стр. 246—248.

[75] *П. Н. Третьяков.* Вопрос о происхождении чувашского народа..., стр. 47—48 (материал хранится в Чувашском республиканском краеведческом музее, отчеты — в Архиве ЛОИА АН СССР). См. также: *Н. В. Трубникова.* О работах 2-го отряда Чу-

ков — Новоядринский могильник в низовьях р. Суры, ранние погребения которого относятся к XIV—XV вв.,— в 1969, 1971—1972 гг. достаточно полно исследован одним из отрядов Чебоксарской экспедиции ИА АН СССР [76].

Эти памятники, с одной стороны, дают материал, близкий этнографическому, а с другой — позволяют проследить истоки ряда элементов культуры средневековых чувашей северной группы.

Обращает на себя внимание большое сходство с синхронными могильниками соседних фино-угорских народов — мордвы и мари. Погребения совершались в таких же неглубоких могильных ямах, изредка в колодах или гробовинах. В засыпи могил обычен уголь, встречаются зубы лошади. Костяки ориентированы на запад [77], реже на север с различными отклонениями. Единичные случаи женских полускорченных и вторичных захоронений находят аналогии в финно-угорских древностях, как и обычай класть с погребенным одну или несколько монет. Обряд погребения в целом близок к зафиксированному этнографами у чувашей, марийцев и мордвы [78]. Общими для этих памятников являются крупные ножи, причем их расположение в мужских и женских могилах аналогично наблюдаемому у марийцев. Нагрудные украшения из куска кожи с застежкой-сюльгамой и нашитыми на кожу или подвешенными к сюльмаге монетами — прототипы современных чувашских украшений «сурпан-сакки» и «шулькеме» — очень близки к нагрудным украшениям мордвы-эрзи и марийцев. Близки к марийским накосникам «ӳпине» украшения пояса из шерстяных жгутов с кистями, вставленных в медные трубочки (чув. «хюре»). В некоторых погребениях такие же украшения выполняли роль накосников. Твердые головные уборы с основой из бересты, украшенные монетами, близки марийским головным уборам «шурка» и удмуртскому «айшону». В деталях аналогичны мордовским и особенно марийским орнаменты на браслетах и сюльгамах.

В то же время специфически чувашскими являются украшенные монетами кожаные шапочки «хушшу», налобные повязки трапециевидной формы, расшитые золотыми и серебряными нитями, иногда украшенные монетами («масмак»), а также перевязи. Об употреблении головного покрывала («сурпана») свидетельствует наличие масмака определенной формы и булавок «пус-йеппи», которыми последний прикалывался к сурпану. Эти детали женского костюма не встречаются в синхронных марийских и мордовских могильниках. По этнографическим данным, это скорее всего тюркские элементы, восходящие к болгарскому времени [79]. По-видимому, именно от чувашей они проникли, видоизменив форму, к горным и отдельным группам луговых марийцев. Обычай нашивать монеты на головные уборы, нашейные и нагрудные украшения, судя по данным этих могильников, раньше появился у чувашей, от которых распространился к их финноязычным соседям. К болгарским прототипам восходят крупные серьги в виде знака вопроса, некоторые виды подвесок. В целом можно считать, что специфический наряд чувашек, являющийся одним из важ-

---

вашской экспедиции 1956 г., стр. 258—259; *ее же.* Отчет о работах 2-го отряда Чувашской экспедиции за 1957 г., стр. 59—61; *В. Ф. Каховский.* Новые археологические памятники. Уч. зап. Чув. НИИ, XXV, Чебоксары, 1964, стр. 269—270.

[76] В общей сложности здесь изучено свыше 220 погребений. См. *Ю. А. Краснов, В. М. Зубарева.* Средневековый чувашский могильник у д. Новое Ядрино. КСИА, АН СССР, 129, 1971; АО — 1971, М., 1972, стр. 175—176; АО — 1972, М., 1973, стр. 178—179.

[77] Смена северной ориентировки на западную, судя по раскопкам марийских могильников, произведенным в последние годы Чебоксарской экспедицией, произошла в конце XII — XIII вв.

[78] Религиозные верования народов СССР, т. II. М.— Л., 1931, *П. В. Денисов.* Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959, стр. 48—55.

[79] *Н. И. Воробьев.* Ук. соч., стр. 73; *Н. Гаген-Торн.* Ук. соч., стр. 99—101, 199—205, 220—227. См. также *В. Н. Белицер.* Народная одежда удмуртов (материалы к этногенезу). Тр. ИЭ, нов. сер., т. X, М., 1951.

ных отличительных признаков чувашского этноса и характеризующийся сочетанием финно-угорских и тюркских черт, во всех основных чертах сложился в XVI в.

Отмеченные выше болгарские элементы, отчетливо прослеживающиеся в основных районах Чувашии по крайней мере с XIII в., не могут считаться результатом только культурного влияния со стороны Волжской Болгарии. Они органически сочетаются с местными элементами, не носят характера чисто внешних заимствований, прослеживаются во всех элементах культуры как в городе, так и в очень небольших сельских поселениях. Это заставляет предполагать переселение на финно-угорские земли определенного числа болгарского населения и смешение его с аборигенами, результатом чего и явилось формирование нового этноса [80]. Анализ все еще ограниченного археологического материала XIII—XVI вв. из центральных, северных и западных районов Чувашии не позволяет говорить ни о полной ассимиляции пришельцами-болгарами местного финно-угорского населения, близкого марийцам и мордве, ни о растворении пришельцев среди местных племен. Здесь, очевидно, имел место органический синтез этнического субстрата (финно-угорское население) и суперстрата (тюркоязычные болгары), в результате которого сложился новый этнос — чуваши со своей достаточно своеобразной культурой. Судя по археологическим и историческим данным, формирование чувашского этноса завершилось в основном к XVI в.

Сохранение в складывающейся чувашской культуре большого числа местных черт, связывающих ее с культурой соседних финно-угорских народов, а также антропологические данные позволяют предполагать, что численность тюркского компонента в процессе формирования чувашского этноса не была велика. Таким образом, процесс формирования чувашского народа следует относить к весьма распространенному типу взаимоотношений двух этносов, при котором создается новый этнос с языком суперстрата, но с преобладанием физического типа и наличием (если не преобладанием) многих элементов культуры субстрата [81].

Вопрос о причинах, обусловливающих победу языка суперстрата при таком типе этнических взаимодействий, разработан далеко не достаточно [82]. В данном конкретном случае мы можем говорить о нескольких обстоятельствах, которые в конечном итоге могли привести к тому, что формирующийся чувашский народ принял тюркский язык в его болгарском оформлении. Нужно отметить, во-первых, фактор политического господства. Как известно, территория Чувашии если и не входила целиком в состав Болгарского государства, то во всяком случае ее население находилось в политической зависимости от болгар. Далее, особо благоприятствует смене языков отсутствие письменности у одного из них и наличие ее у другого. Бесписьменные народы наиболее подвержены языковой интеграции и ассимиляции [83]. При этом степень распространения грамотности у народа, обладающего письменностью, не играет существенной роли. В нашем примере именно финно-угорские диалекты, на которых говорило аборигенное население Чувашии, были бесписьменными. Уже давно отмечено, что язык народа, имеющего более высокую культуру, обычно выходит победителем из разного рода этнических взаимодей-

---

[80] В этом плане представляется неправомерным мнение, согласно которому «территория Чувашии ни в домонгольское, ни в золотоордынское время не была занята булгарским населением, кроме ее юго-восточной части», а роль болгар в истории чувашского народа сводится лишь к тому, что «культура Болгарского государства оставила глубокий след на культуре всей массы окрестного населения» (*Р. Г. Фахрутдинов.* О степени заселенности булгарами..., стр. 201).

[81] *Б. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей.* Ук. соч., стр. 36—42.

[82] Там же, стр. 42—45.

[83] См., например, *Ю. Д. Дешериев.* Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958.

ствий независимо от численности этого народа [84]. В данном случае волжские болгары, несомненно, обладали более высокой культурой и находились на более высокой ступени общественного развития. Языковой ассимиляции коренного населения, смешивающегося с пришельцами, могло способствовать усвоение ими от болгар ряда ремесленных навыков, более высокой техники и, вероятно, технологии сельскохозяйственного производства, что подтверждается археологическими и этнографическими данными и т. п. Наконец, не следует сбрасывать со счетов и предположение о незавершенности этнических процессов на рассматриваемой территории до прихода болгар, об известной смешанности жившего здесь населения.

Многочисленные лакуны в наших знаниях заставляют рассматривать все изложенное выше лишь в качестве рабочей гипотезы, намечающей только основные моменты истории формирования чувашского этноса и нуждающейся в дальнейшем обосновании и уточнении. Решающую роль здесь должны сыграть археологические данные. В то же время уже имеющийся материал заставляет критически отнестись к некоторым существующим в науке точках зрения на формирование чувашского народа.

Iou. A. Krasnov

PROBLEME DE LA PROVENANCE DU PEUPLE TCHOUVACHE ET DONNEES ARCHEOLOGIQUES

Résumé

Il est établi actuellement que la constitution du peuple tchouvache a eu lieu sur le territoire actuel de son habitation et consistait en brassage de la population autochtone finnoougrienne avec celle turcque venue du dehors. Mais quand a débuté ce processus, quels étaient ses éléments substantiels, le rôle relatif des composants finno — ougriens et turcs — autant de questions qui prètent aux sérieuses divergences. Compte tenu de l'état actuel des sources, on ne peut dresser qu'une hypothèse de travail traçant les moments déterminants de la constitution de l'éthnie tchouvache. Le processus de la turcquisation de la population autochtone finno — ougrienne apparentée aux Mordvas et aux Mariis ne peut être décélé qu'à partir l'apparition des Bolgars turcophones sur le cours moyen de Volga. Actuellement il n'y a pas de raisons suffisantes pour considérer la population bolgare de la période prémongole à l'extrême sud-est de la Tchouvachie comme les ancêtres directs du groupe méridional tchouvache — celui d'Anatri. Le processus du brassage de la population autochtone avec les Bolgars venus du dehors sur le territoire principal de la Tchouvachie et qui peut étre en liaison avec la constitution du peuple tchouvache et de sa culture originale n'est décélé nettement qu'à partir du XIII s. Il n'est pas lieu de parler ni de l'assimilation complète des tribus indigènes par les étrangers bolgars, ni de la dissolution de ceux-ci dans le milieu autochtone. Le processus de la constitution du peuple tchouvache doit être rapporté à un type des relations entre les deux éthnies tel qui abouti à la création d'une nouvelle éthnie à la langue de superstratum (la population bolgare allochtone) mais à la prépondérance du type physique et la persistance de nombreux éléments de la culture de substratum (population indigène finno — ougrienne). La constitution du peuple tchouvache s'est achevée en général vers le XVI s.

---

[84] *О. Шрадер.* Сравнительное языковедение и первобытная история. СПб., 1886, стр. 167.

Т. В. ГУСЕВА

РЕМЕСЛЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ В ВОСТОЧНОМ ПРИГОРОДЕ НОВОГО САРАЯ

Изучение ремесленного производства — одна из важнейших сторон исследования средневекового города. Решение этого вопроса при изучении золотоордынских городов связано с определенными трудностями, так как письменные источники, подробно перечисляющие все политические события, умалчивают о внутреннем устройстве городов. Заметки путешественников также очень скудны и не дают представления о городской жизни. Это заставляет положить в основу изучения ремесел археологический материал, довольно всесторонне освещающий вопросы технологии и отчасти организацию ремесленного производства.

Накопление и обработка археологического материала позволяют расширить наши знания о видах ремесла, выявить центры, влиявшие на формирование золотоордынской материальной культуры. Исследование целых производственных комплексов дает возможность не только определить размах и уровень производства, более детально ознакомиться с технологией изготовления ремесленных изделий и с готовой продукцией, но и поставить вопрос о формах организации ремесла, о положении ремесленников и их взаимоотношениях с другими группами населения.

В этом отношении большой интерес представляет исследование квартала в восточном пригороде Нового Сарая (Царевское городище), которое было закончено в 1971 г.[1] (рис. 1).

В результате проделанной работы мы получили возможность сделать некоторые выводы, связанные с существованием трех усадеб, на территории которых были обнаружены косторезные, ювелирные и гончарная мастерские. Стратиграфические данные и монетный материал позволили отнести самые ранние постройки ко времени не ранее 40-х годов XIV в. Судя по следам пожаров и разрушений, квартал был подвергнут разгрому тимуровскими войсками в 1395 г., после чего жизнь в квартале прекратилась.

При изучении планировки усадеб была выявлена последовательность и определенная закономерность их застройки. В I и II усадьбах были выделены дома, принадлежавшие хозяевам (рис. 1, *1*, *2*, *7*, *8*). Это квадратные в плане дома размером 6,5 × 6,5 *м*. По внутреннему устройству они не отличаются от золотоордынских домов подобного типа. Характерные детали — суфа, край которой выложен сырцовыми кирпичами в один ряд, и примыкающий к ней кан — система подпольного отопления, соединяющаяся с печью. Однако ряд признаков позволяет выделить эти дома из числа рядовых. Стены домов стоят на сырцовых цоколях. В усадьбе II цоколи сложены в 1,5—2 ряда сырцовыми кирпичами (рис. 2, *1*, *2*). Цоколь

[1] Раскопки велись с 1963 по 1968 г. отрядом Казанского гос. ун-та, Поволжской археологической экспедиции под руководством И. С. Вайнера. В 1971 г. исследование было закончено отрядом МГУ. Находки хранятся в кабинете археологии Казанского университета.

одного из домов усадьбы I сделан из сырцового кирпича, положенного наклонно. В усадьбе II в доме 1 (рис. 2, *1*) прослежены остатки пола, сложенного из жженого кирпича на известковом растворе. Дома либо сдвоены, либо симметричны [2] и удалены от других усадебных построек.

Помимо домов владельцев усадеб были выделены жилые комплексы, отличающиеся большой плотностью застройки (рис. 1, *3*, *5*). Они возведены по определенному плану, в расположении дымоходов канов просле-

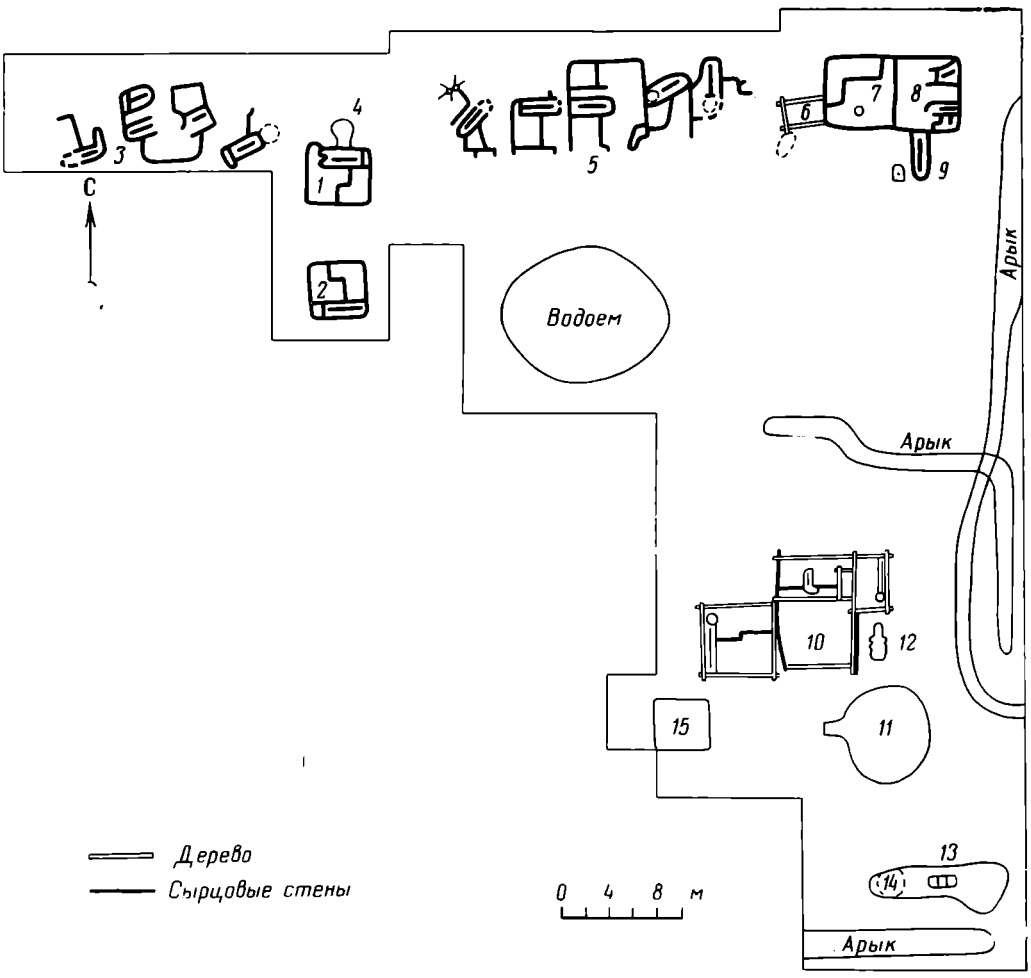


Рис. 1. Схема квартала в восточном пригороде Нового Сарая: *1, 2* — дома владельцев усадьбы I; *3* — жилой комплекс I усадьбы; *4* — яма с отходами косторезного производства; *5* — жилой комплекс II усадьбы; *6* — первая ювелирная мастерская (пристройка к дому № 7); *7, 8* — дома владельцев усадьбы II; *9* — вторая косторезная мастерская (пристройка к дому № 8); *10* — керамическая мастерская в усадьбе III; *11* — землянка ювелира (вторая ювелирная мастерская); *12* — северный горн; *13* — южный горн; *14* — яма с отходами ювелирной мастерской; *15* — жилой дом усадьбы III

жена четкая система, что свидетельствует об одновременности сооружения всех жилищ комплекса. Каждый комплекс состоял из нескольких домов, выстроенных вдоль улицы, вплотную друг к другу. Внутренняя их планировка обычна для золотоордынских домов. Стены домов либо частично стоят на сырцовых цоколях, либо не имеют их вообще. Деревянные стены, как правило, не сохраняются, и поэтому восстановить дома можно

[2] Сдвоенность домов либо их симметричность, как правило, наблюдаются именно в усадьбах аристократического характера. *Г. А. Федоров-Давыдов, И. С. Вайнер, А. Г. Мухамадиев.* Археологические исследования Царевского городища в 1959—1966 гг. Сб. «Поволжье в средние века». М., 1970, стр. 81, 141.

лишь по внутренним конструкциям, сложенным из сырцового кирпича. Судя по плотности застройки, ограниченному использованию кирпича при сооружении наземных конструкций эти жилые комплексы принадлежали зависимому от владельцев усадеб населению, часть которого, вероятно, работала в мастерских.

Косторезное ремесло. На вскрытой площади были зафиксированы две косторезные мастерские на территории I и II усадеб. Бросается в глаза

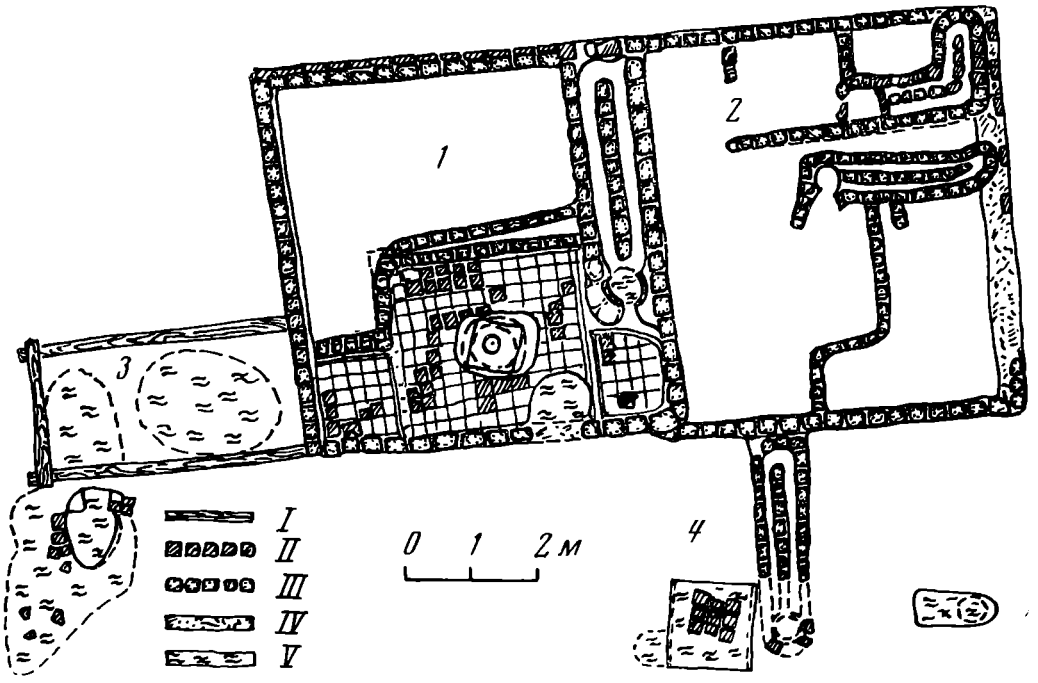


Рис. 2. План мастерских усадьбы II: *1, 2* — дома владельцев усадьбы; *3* — ювелирная мастерская; *4* — косторезная мастерская

незначительный объем производства: брака и заготовок очень мало. Вероятно, мастера работали не на рынок, а обслуживали усадьбы [3]. Не исключено, что косторезы были кустарями, занимавшимися своим ремеслом от случая к случаю, изготавливая предметы домашнего обихода по приказу хозяев. Понятие мастерской поэтому очень условно.

Специальных помещений-мастерских нет. В первой усадьбе наличие косторезного производства зафиксировано по скоплению брака и ремесленных отходов в яме, превращенной в свалку (рис. 1, *4*). Во второй усадьбе мастерская костореза (пристройка к хозяйскому дому, имеющему сырцовый цоколь) являлась и его жильем. На жилой характер помещения указывают кан с печью и тошна (рис. 2, *4*). Для обеих мастерских характерна узкая специализация: мастер I усадьбы изготовлял рукояти ножей, во второй мастерской делали точеные навершия и накладки.

В качестве сырья использовались оленьи рога и трубчатые кости крупных животных. На найденных кусках рога и кости четко прослеживаются следы пилки и резания ножом. Отдельные вещи вытачивались на токарном станке. В мастерских найдены сломанные проколки, выточенные на станке (рис. 3, *4*). Характерно, что все костяные изделия тщательно полировались. Полированные изделия орнаментировались. Господствующим является циркульный орнамент. Наносился он на костяные

[3] Следует оговориться, что в данном случае под ремесленной мастерской мы подразумеваем скопление остатков производства.

поделки, по-видимому, при помощи резца в форме циркуля[4]. Встречен фрагмент рукояти, где циркульный орнамент сочетается с линейным. В мастерской II усадьбы обнаружен фрагмент костяной пластинки, украшенной вдоль края полоской из треугольников (рис. 3, 7).

Большую группу костяных вещей представляют рукояти ножей (рис. 3, *1—3*). Они изготовлены из целых полых костей. Рукояти прямые,

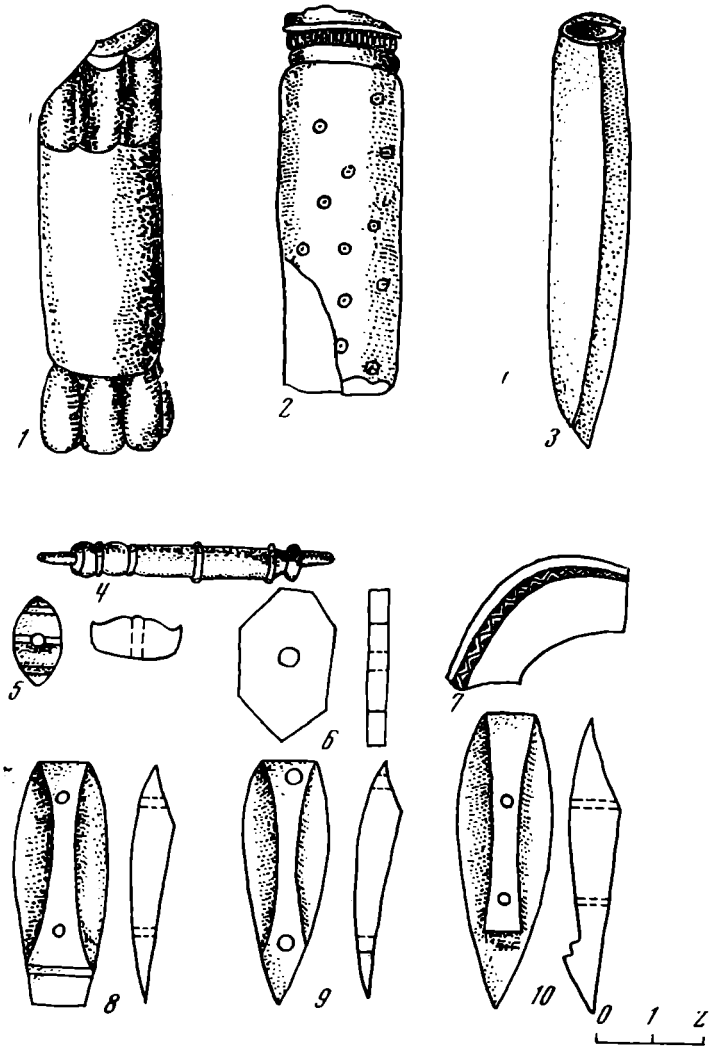


Рис. 3. Изделия и заготовки из кости: *1—3* — костяные рукояти ножей; *4* — костяная проколка, выточенная на токарном станке; *5—6* — костяные шайбы для изготовления наборных рукоятей; *7* — костяная пластинка с прочерченным орнаментом; *8—10* — костяные пластины и накладки

круглые в сечении (рис. 3, *2*). Так как почти все они представляют брак либо заготовки, об оформлении концов рукоятей судить трудно. Только на некоторых удалось проследить выступ для навершия, другие же просто заканчивались двусторонним срезом, углы которого смягчались тщательной полировкой. Особо следует выделить рукоять ножа, украшенную рельефными, тщательно отполированными фестонами (рис. 3, *1*). Помимо цельных рукоятей встречено большое число костяных шайб разной величины для изготовления наборных рукоятей (рис. 3, *5*, *6*). Найдены готовые шайбы, отполированные и просверленные, и заготовки с грубо об-

[4] *А. П. Смирнов.* Волжские болгары. М., 1951, стр. 127.

резанными краями и метками для сверления отверстий. Шайбы крепились на стержне, чередуясь с бронзовыми пластинками такой же формы, какие найдены наряду с костяными. Кроме того, встречено большое число пластин и накладок неизвестного назначения (рис. 3, *7—10*).

К сожалению, инструменты не обнаружены ни в первой, ни во второй мастерской. О технических приемах мы можем судить лишь по косвенным данным — по следам обработки на костяных изделиях.

Небольшой ассортимент продукции, предельно простые формы и орнамент не позволяют точно определить корни косторезного ремесла. Изготовление предметов домашнего обихода из кости было широко распространено в XIV в. во многих городах, входивших в состав Золотой Орды: в Маджарах [5], Биляре [6], Болгарах [7]. Подобные вещи могли изготавливаться и в кочевой среде.

Что касается социального положения мастеров-косторезов, то, на наш взгляд, мы имеем дело с зависимыми ремесленниками, о положении которых Плано Карпини писал: «Они (т. е. монголы) забирают всех лучших ремесленников и представляют их ко всем своим лучшим делам. Каждому они на день дают на вес, но очень немного хлеба, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю, и они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах» [8]. Мало вероятно, чтобы обширные усадьбы с несколькими домами, отдельным водоемом (усадьба II) могли принадлежать ремесленникам, изготавливающим нехитрые вещи домашнего обихода. Отсутствие специальных производственных помещений и незначительный объем продукции не могут свидетельствовать в пользу больших мастерских. Скорее всего в усадьбах работали резчики-кустари, которых мы не можем признать владельцами усадьбы. Находясь в полной зависимости от хозяев, они обслуживали усадьбы, изготовляя вещи, необходимые в хозяйстве.

Ювелирное дело. Ювелирные мастерские, обнаруженные во II и III усадьбах, позволяют судить не только о готовой продукции, но и об инструментах, о технологии производства.

Мастерская II усадьбы располагалась в прямоугольной деревянной пристройке к хозяйскому дому, имеющему сырцовый цоколь и кирпичный пол (рис. 2,*3*). Размеры пристройки 3,8 × 1,7 *м*. Мастер III усадьбы работал в землянке, которая одновременно служила и жильем (рис. 4). Землянка представляла овальную в плане яму (6,4 × 7 *м*). В западной части были вырыты ступени. Вдоль северо-восточной и западной стен прослежены стены из сырцового кирпича. В полу землянки обнаружен тандыр и яма-очаг.

В целях пожарной безопасности плавильные печи были построены вне сооружений. В первой мастерской печь была открыта к югу от пристройки, стены и под печи были выложены обломками жженого кирпича, лицевой поверхностью вверх. Под овальный в плане, размеры его 130 × × 80 *см*. Печь сильно разрушена, поэтому перекрытие ее проследить не удалось. На основании толстого слоя золы с обломками тиглей и каплями золота в южной части пристройки и наличия в южной стене ее прохода шириной 60 *см* можно предположить, что печь топилась из помещения.

Во второй мастерской, которая располагалась в III усадьбе, о наличии такой печи мы можем только предполагать. Судя по концентрации обломков тиглей, отходов ювелирного производства, находкам инструментов, плавка золота производилась в яме, вырытой недалеко от землянки. В качестве сырья мастера использовали металлические вещи, уже быв-

[5] *Т. М. Минаева.* Золотоордынский город Маджар. Материалы по изучению Ставропольского края, Ставрополь, 1953, вып. 5, стр. 140.

[6] *А. П. Смирнов.* Ук. соч., стр. 129.

[7] Там же. Фонды Казанского краеведческого музея.

[8] Путешествия Рубрука и Плано Карпини в восточные страны. М., 1957, стр. 58.

шие в употреблении. Так, из стенки бронзового сосуда явно вырезались заготовки для медальонов. Для вторичного использования были, видимо, приготовлены часть сломанного браслета, кусок бронзовой оковки сосуда.

Достаточно определенны и свидетельства обработки золота. Большое число фрагментов тиглей с каплями золота, обрезков золотой фольги, проволочек, стружек, опилок и несколько готовых изделий говорят о том, что мы имеем дело с мастерами-златокузнецами. Однако заготовок из золота не найдено, а несколько готовых золотых накладок не отображают полно объем златокузнечных работ. Надо думать, что дорогое сырье тщательно контролировалось. Найден бронзовый разновес (рис. 5, *6*) и фрагмент коромысла весов.

Наряду с золотом использовались серебро, свинец, бронза, следы которых обнаружены на стенках тиглей. Для украшения ювелирных изделий применялись драгоценные и полудрагоценные камни, жемчуг. Найдены перстневые вставки и бусы из янтаря, сердолика, опала, бирюзы, топаза, бария, сапфира, горного хрусталя. В дешевых изделиях использовалось стекло, имитирующее изумруды, горный хрусталь.

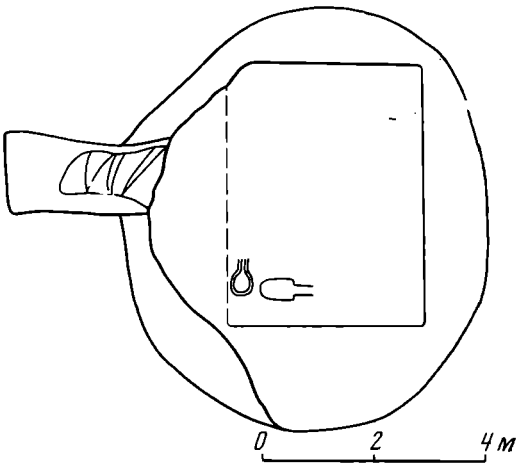


Рис. 4. План землянки ювелира в III усадьбе

Для плавки металлов использовались тигли различных форм и размеров. Как правило, стенки их сильно ошлакованы, что свидетельствует об их неоднократном использовании. Тигли обычно яйцевидной формы, высотой от 2 до 6 *см,* диаметром от 1,5 до 3,5 *см.* Толщина стенок колеблется от 0,4 до 0,7 *см,* достигая в донной части 1,7 *см.* Стенки прямые, иногда со слабопрофилированным венчиком. Некоторые тигли имели слив в виде сплюснутого с двух сторон края стенки. Имеющиеся данные позволяют выделить слеующие типы тиглей: I. Остродонные тигли. Для них характерно сильное утолщение дна по сравнению со стенками. Встречены во фрагментах. II. Тигли яйцевидной формы с выпуклым дном. Особый интерес представляют два целых тигля. Один из них (высота 5 *см,* диаметр 3,5 *см*) имеет выпуклое дно с отверстием диаметром 0,4 *см* (рис. 5, *2*). Другой (высота 5,7 *см,* диаметр 3,4 *см*) слегка сплющен по бокам, так что в сечении дает неправильной формы овал (рис. 5, *3*). В обоих тиглях обнаружены вкрапления золота. III. Плоскодонные тигли (рис. 5, *1*). Встречен только один фрагмент. Диаметр дна 1,6 *см.* Толщина стенок 0,3 *см.* Что касается инструментов, то, видимо, большая их часть изготавливалась из железа. К сожалению, железные вещи до нас дошли в плохой сохранности и восстановить их форму подчас невозможно. Обращают на себя внимание несколько кованых конусов с округлой обушковой частью. Они покрыты мельчайшими капельками золота. Как предполагает И. С. Вайнер, это паяльники, которыми пользовались ювелиры[9]. Обязательной принадлежностью ювелиров были ножницы для резания металла. Мы можем утверждать, что мастера часто пользовались ими в своей работе: большая часть заготовок медальонов вырезана из листов бронзы. Из бронзовых инструментов интересны пунсон для пробивки циркульного орнамента и молоток-наковаленка. Бронзовый пунсон

[9] *И. С. Вайнер.* О некоторых видах ремесла Нового Сарая. Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Казань, 1968, 1, стр. 235.

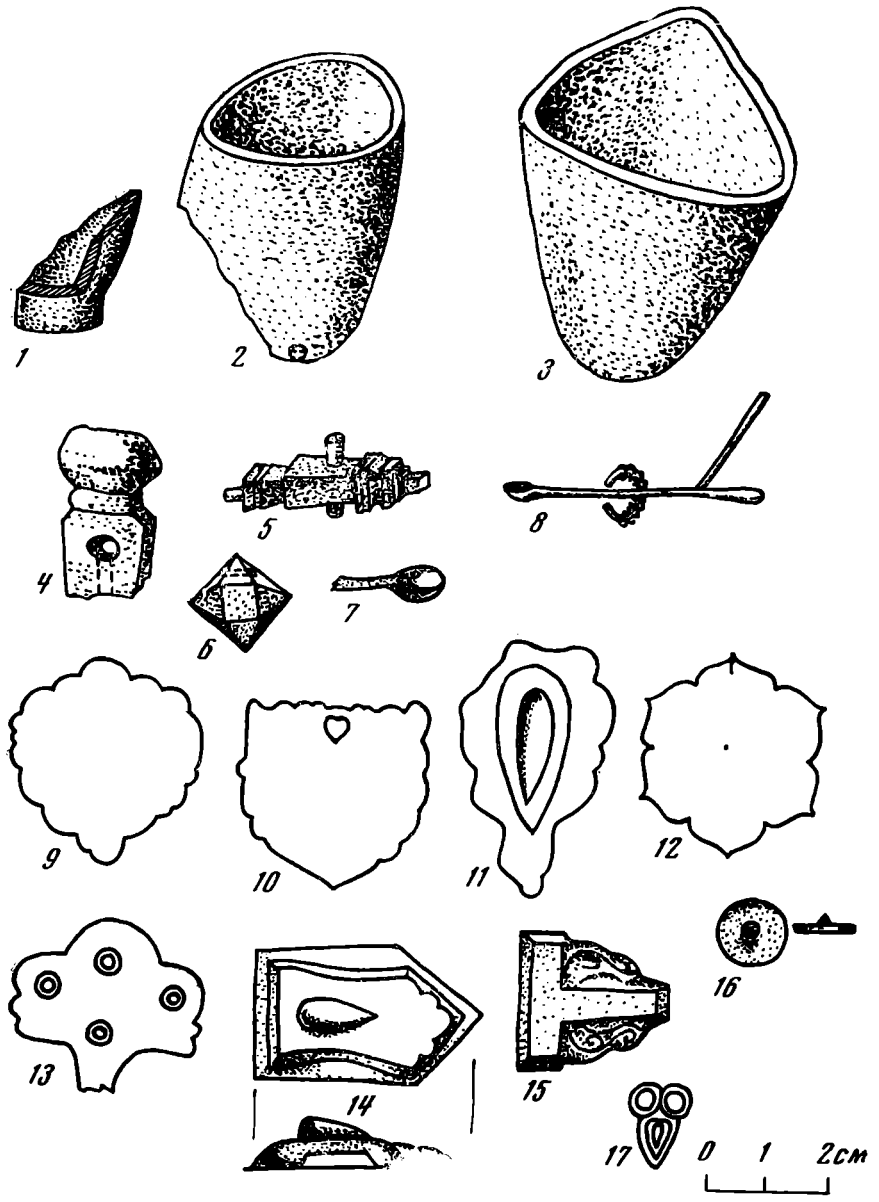


Рис. 5. Инструмент и продукция ювелиров: *1—3* — тигли; *4* — бронзовый молоток-наковаленка; *5* — бронзовый пунсон; *6* — бронзовый разновес; *7—8* — бронзовый инструмент для работы с жидким металлом; *9, 10, 12* — заготовки бронзовых медальонов; *11* — серебряный медальон; *13, 16, 17* — бронзовые накладки; *14* — золотой поясной наконечник; *15* — накладка из золотой фольги

представлял собой молоточек длиной 3,2 *см*, насаженный на железную ручку. Ручка сохранилась плохо (рис. 5, *5*). С одного конца пунсон завершался цилиндрическим выступом, рабочая поверхность которого была орнаментирована в виде кружка с точкой посередине. Другой конец был оформлен в виде четырехугольной призмы (длина 1 *см*) с очень маленькой рабочей поверхностью. Следы работы этим пунсоном в виде круглых набоек были обнаружены на бронзовых пластинках и на золотой фольге. Молоток-наковаленка имел два отверстия, при пересечении образующих букву «Т» (рис. 5, *4*), так что он мог быть насажен на ручку вертикально и горизонтально. Видимо, первоначально он использовался как молоток, а когда пришел в негодность (у молотка отбита ударная часть), мастер нашел ему применение, превратив в наковаленку. Для вертикальной насадки

и было просверлено второе отверстие. Обушковая часть расплющена, что свидетельствует о длительности пользования. Найден инструмент для работы с жидким металлом (рис. 5, *8*). Он представлял собой два неподвижно закрепленных бронзовых стерженька, один из которых заканчивался крохотной ложечкой. На стержень было надето бронзовое кольцо, обмотанное железной проволокой. Рядом была найдена бронзовая круглая ложечка диаметром 1 *см* (рис. 5, *7*). Таким образом, найденный инструмент свидетельствует о разнообразии приемов обработки металла и прочных навыках мастеров.

Говорить об ассортименте готовой продукции труднее, поскольку в нашем распоряжении имеются лишь полуфабрикаты и незначительная часть бракованных изделий. Судя по заготовкам, мастера делали накладки из бронзы (рис. 5, *13*, *17*), свинца, железа в виде восьмилепестковых розеток, круглых, плоских пластинок различных размеров (диаметром от 1 до 1,5 *см*) с выпуклой розеткой в центре (рис. 5, *16*); перстни, простые щитковые и с вставками из стекла и драгоценных камней. Из серебра и бронзы изготовлялись медальоны различных форм: миндалевидной и полуовальной с фигурно оформленными краями (рис. 5, *9, 10*), плоские и рельефные (рис. 5, *11*), в виде шестилепестковых розеток (рис. 6, *12*). Особо следует отметить две золотые накладки, сделанные из фольги. Одна из них сильно деформирована, другая хорошо сохранилась и носит следы работы пунсоном (рис. 5, *15*). Кроме того, был найден массивный наконечник пояса весом 8,640 *г* (рис. 5, *14*). Он отлит из золота и припаян к золотой пластине. Форм для литья не обнаружено ни в первой, ни во второй мастерской. По-видимому, мастера были знакомы с отливкой в формах, но предпочитали чеканку, о чем свидетельствуют набор инструментов и полуфабрикаты.

Отсутствие определенных стандартов при изготовлении вещей, использование драгоценных камней, золота и серебра говорит о том, что мастера работали на заказ, а не на рынок.

При изучении последовательности застройки кварталов было высказано предположение о преемственности I и II ювелирных мастерских. Стратиграфически четко прослеживается, что II усадьба в период, связанный с деятельностью III усадьбы, если не была полностью заброшена, то по крайней мере пришла в упадок. На ее территорию попадали выкиды из гончарной мастерской III усадьбы, а заброшенный водоем был основным местом свалки из этой мастерской. Возникает вопрос: не связано ли запустение II усадьбы с перемещением ювелирной мастерской на территорию III усадьбы? Характерно, что весь ювелирный инструмент был найден во второй мастерской (III усадьба). Можно предположить, что хозяин III усадьбы переселил к себе мастера или его преемников из первой мастерской, т. е. из II усадьбы. Может вызвать сомнение переход ювелира из наземного сооружения в землянку. Как указывалось выше, во II усадьбе у мастера было специальное помещение для работы в виде наземной пристройки к дому предполагаемого хозяина. Ювелир III усадьбы жил в землянке, стены которой были выложены кирпичом. Но временное ухудшение положения ремесленника могло компенсироваться ослаблением зависимости. Хозяин мог предоставить ему возможность зарабатывать, выполняя заказы зажиточных горожан. Находки отходов ювелирного производства в наземном доме, примыкающем к керамическому горну, делают возможным предположение о переселении в него ювелира после засыпки землянки. Говоря о положении ремесленников, Плано Карпини в числе «хороших ремесленников» выделяет золотых дел мастеров, которые могли «что-нибудь зарабатывать» в отличие от других категорий зависимых ремесленников, которые «мало что едят, мало пьют, очень скверно одеваются» [10]. Судя по характеру производства, обе мастерские, так же как и

[10] Путешествие Рубрука и Плано Карпини..., стр. 59.

косторезные, были усадебными, и работавшие в них ремесленники зависели от хозяев усадеб.

Обнаруженные мастерские не являются единственными. К золотоордынскому времени относится ювелирная мастерская в Старом Орхее, открытая в 1971 г. [11], и остатки помещения золотых дел мастера, раскопанные в 1968 г. в Чебоксарах [12]. Однако отсутствие подробных публикаций делает пока невозможным сравнительный анализ нашего материала. Говорить о каком-либо художественно-культурном влиянии в ювелирном деле также не представляется возможным. Формы орудий труда предель-

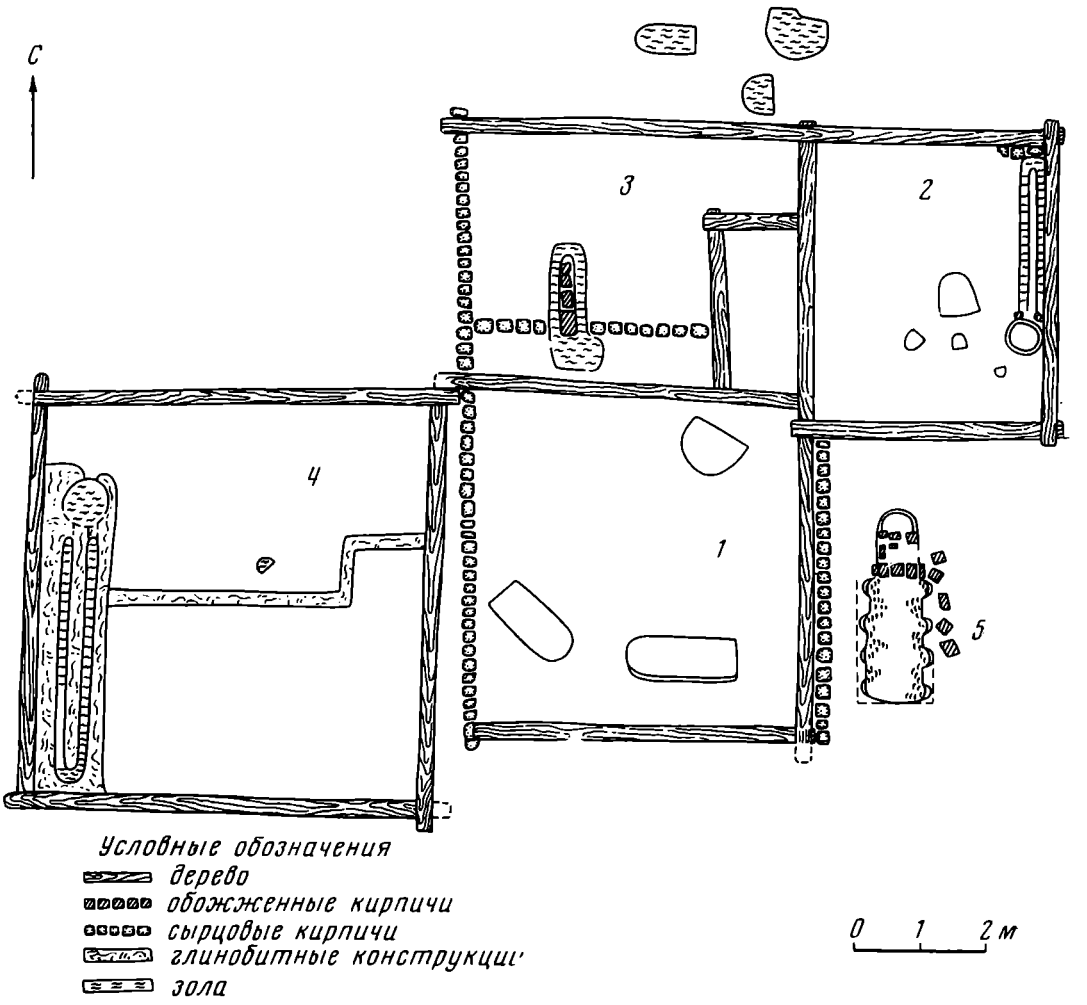


Рис. 6. План керамической мастерской усадьбы III: *1, 2* — ремесленные помещения; *3, 4* — жилые помещения; *5* — северный горн

но просты и отвечают в первую очередь техническим требованиям ремесла; имеющиеся в нашем распоряжении вещи не выходят за рамки обыкновенных ремесленных изделий, да и материала двух приусадебных мастерских в целом недостаточно для каких-либо выводов более общего характера.

Керамическое производство. На территории III усадьбы была обнаружена мастерская, где изготавливалась поливная красноглиняная и штампованная керамика. При изучении стратиграфии выяснилось, что по времени эта мастерская была самой поздней в исследуемом комплексе. Она функционировала в период запустения II усадьбы. Землянка в III усадь-

[11] АО — 1971. М., 1972, стр. 454.
[12] АО — 1969. М., 1970, стр. 132.

бе к этому времени была заброшена и превращена гончарами в свалку. В производственный комплекс входили два керамических горна и четырехкомнатный дом, в котором жилой была лишь часть помещений (рис. 6, *3*, *4*). Две большие комнаты, в которых нет суф (в одной из них отсутствует отопительная система), видимо, были рабочими (рис. 6, *1*, *2*). В полах этих комнат вырыты ямы различных размеров; одно из помещений имело отдельный выход к горну. Скорее всего здесь производилась формовка и сушка изделий перед обжигом.

Для обжига использовались два горна. Наличие двух обжигательных печей в одной мастерской, вероятно, связано с различным режимом обжига поливной и неполивной посуды. Кроме того, вторая печь позволяет вести обжиг без перерыва, необходимого для регулярного ремонта и для разгрузки печи после обжига. Северный горн представлял собой камеру прямоугольной формы (длина 210 *см*, ширина 115 *см*, рис. 7, *1*). Горн имел плоский под, прокаленный на толщину 5 *см*, и оплакованные, сильно прокаленные стенки. Северная стенка была выложена в один ряд кирпичей. В ней было сделано устье топочной камеры шириной 24 *см*, высотой 28 *см*. Устье было перекрыто двумя наклонно и одним плоско положенными кирпичами. Над перекрытием сохранилось три слоя жженых кирпичей. Перед устьем обнаружена яма (80×65 *см*) с полукруглым северным краем, вертикальными стенками и плоским дном. Стены обложены жженными кирпичами, стоящими на ребре. Топочная камера сохранила основания трех арок свода, на которых лежал под обжигательной камеры. Фрагменты пода в виде оплакованной глинистой подушки сохранились по краям топки. Они имеют округлые следы от продушин.

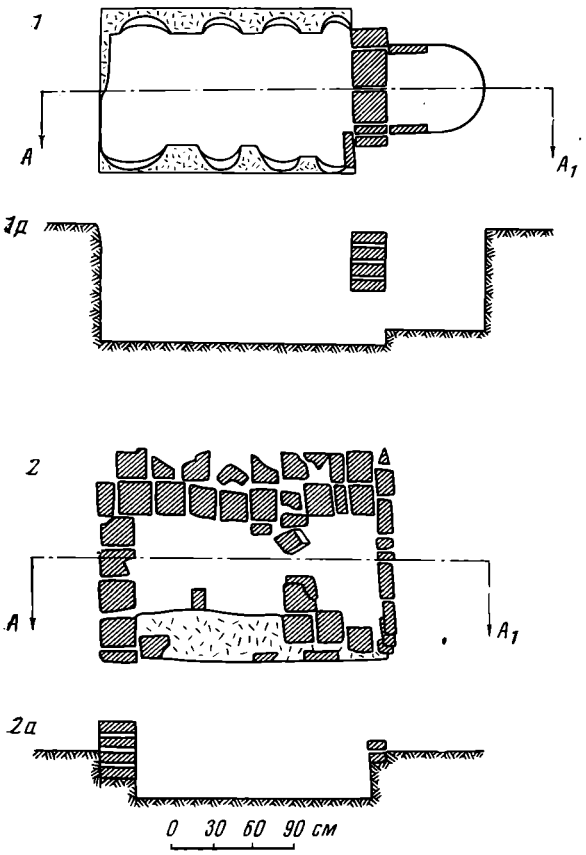


Рис. 7. План и разрезы керамических горнов: *1*, *1а* — северный горн; *2*, *2а* — южный горн

Южный горн был опущен в яму, прямоугольную в плане. Горн представлял собой прямоугольное сооружение размером 120 × 220 *см* (рис. 7, *2*). Стены были выложены из целых жженых кирпичей в один ряд, восточная стена имела в ширину полкирпича. Под горна представлял собой сильно обожженную глинистую поверхность. Внутренняя поверхность стен топки очень сильно оплакована. Устье почти не сохранилось, но можно предположить, что оно было в восточной части, более тонкой. Топка горна была перекрыта арками из жженых целых кирпичей, на которых лежал под обжигательной камеры. Одна такая арка сохранилась у южной стенки горна. Кирпичи лежали вперевязку с южной стеной и опирались на вертикально поставленную половину жженого кирпича. Вероятно, арка была построена по принципу ложного свода и имела

подпорки. В западной части горна завал жженых кирпичей, видимо, от второй арки.

Наземные конструкции горнов не сохранились, однако благодаря реконструкции горнов подобного типа [13] удалось восстановить внешний облик северного горна (рис. 8). Южный горн, сохранившийся хуже, так же как и северный горн, относится к типу прямоугольных двухъярусных керамических печей. Топочная камера, прямоугольная в плане представляет собой котлован, стенки которого изнутри либо обмазаны глиной (северный горн), либо выложены кирпичом (южный горн). Заглубление нижней топочной камеры в землю позволяло уменьшить потери тепла в

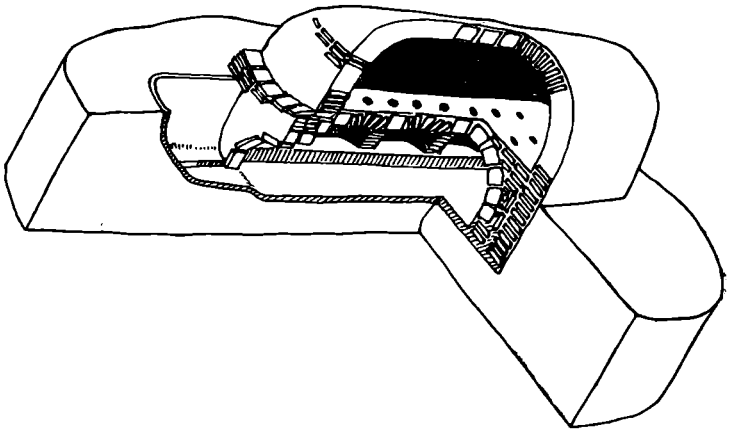


Рис. 8. Реконструкция северного горна

процессе обжига. Топки имели сводчатое перекрытие, которое одновременно являлось подом обжигательной камеры. Под покоился на двух или трех арках, сложенных из кирпича. Северный горн имел топочный канал, соединявшийся с топочной камерой. Печи таких конструкций рассчитаны на обжиг керамики в прямом пламени до температуры 1000°. Такой температуры достаточно для обжига поливной и неполивной керамики. Следовательно, создавая определенный температурный режим, можно было использовать одни и те же горны и для обжига глиняных полуфабрикатов, и для обжига готовой глазурованной посуды. Следует оговориться, что регулирование интенсивности огня и температуры в подобных печах ограничено; оно достигается лишь увеличением количества сжигаемого топлива. Поэтому мастер должен был обладать богатым опытом и прочными навыками. Сравнительно небольшие размеры горнов и наличие жаропроводных каналов способствовали быстрому и равномерному прогреванию обжигательной камеры. Подобный конструктивный принцип устройства обжигательных горнов был известен и применялся уже в глубокой древности в Передней Азии. В средние века наряду с круглыми двухъярусные прямоугольные горны использовались керамистами Мерва [14], Болгар [15], Крыма [16], Мингечаура [17]. Очень похожи на описываемые горны печи для обжига кирпича (они сохраняют основные принципы устройства, но превосходят по размерам) в Мадарах [18] (Болгария X в.), Старом

[13] *Л. П. Полевой.* Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969, стр. 88, рис. XIX.

[14] *С. Б. Лунина.* Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва. Тр. ЮТАКЭ, VIII, Ашхабад, 1959, стр. 352.

[15] *К. А. Смирнов.* Керамический горн на болгарском поселении Ага-Базар. МИА, 111, 1962, стр. 90.

[16] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес. МИА, 17, 1950, стр. 156.

[17] *Г. И. Ионе.* Керамическое производство древнего и средневекового Азербайджана. Л., 1958, стр. 14.

[18] *А. Л. Якобсон.* Ук. соч., стр. 161, рис. 104.

Орхее[19], Сарайчике[20], в Воронежской области[21]. Однако следует иметь в виду, что в устройстве большинства керамических горнов прослеживаются местные традиции, сложившиеся еще в античности. Поэтому средневековые горны указанного типа в деталях отличаются друг от друга. Так, средневековые херсонесские горны возводились на дневной поверхности на фундаменте из каменной забутовки. Строились они полностью из сырца, иногда вокруг кирпичного корпуса печи сооружался каменный. Печи Мингечаура имели, как правило, топочные отверстия сбоку, в широкой стенке. Видимо, и сам принцип прямоугольных двухъярусных печей окончательно сложился еще в античности, а в средние века уже широко использовался в античных районах. Поэтому определить генетические связи царевских горнов очень трудно. Более всего близки им по времени и конструкции костештские горны первой категории, датируемые XIV в.[22], и горны средневекового Мерва, датируемые XII — началом XIII в.[23] Интересно отметить, что в Мерве, так же как и в исследованной мастерской, вокруг горнов встречаются вместе с печным припасом фрагменты калыпов и штампованной керамики[24]. Видимо, штампованная керамика обжигалась в тех же печах, что и поливная.

Изучаемая мастерская изготовляла посуду определенных форм: поливные красноглиняные блюда и пиалообразные чаши на кольцевом поддоне (рис. 9, 7). К сожалению, сильная фрагментарность не позволяет восстановить формы штампованной керамики. Наиболее часто встречаются фрагменты сосудов со сферическим туловом, склеенным из двух половинок. Такая узкая специализация мастерской позволяет говорить о процессе выделения в гончарстве отдельных отраслей. Стандартизация форм посуды и значительный объем производства (судя по отходам керамических процессов) свидетельствуют о том, что ремесленники работали на рынок. Все изделия изготовлены на гончарном кругу. Как правило, сформованное изделие подсушивается либо в тени, либо в помещении, после чего на него наносится ангоб. Ангоб наносился в жидком виде, о чем свидетельствуют подтеки на внешней поверхности изделия. Внутренняя поверхность покрывалась полностью, снаружи — лишь полоса вокруг венчика. Применение ангоба имело двойной смысл: с одной стороны, глазурь на ангоб ложилась более прочно, с другой — расширялись возможности орнаментации. Мастера наносили орнамент способом гравировки (в этом случае узор прочерчивался глубоко по ангобу вплоть до черепка) либо выскабливали фон вплоть до черепка, оставляя узор, покрытый ангобом. Часто оба приема сочетались. Был известен прием росписи ангобом. Орнаментированные полуфабрикаты подвергались первичному обжигу. Видимо, первый обжиг был самой сложной операцией: добиться нужного температурного режима не всегда удавалось. Основная масса брака связана с обжигом полуфабрикатов. Второй обжиг (уже с поливой) не требовал такой высокой температуры, как первый. Брака после него не встречено почти совсем.

Судя по имеющемуся материалу, чаши не деформировались, а лопались или покрывались трещинами. Этим объясняется большое количество керамического боя, представляющего собой хорошо обожженные фрагменты покрытых светлым ангобом и орнаментированных чаш и блюд.

После первого обжига посуда покрывалась изнутри жидкой глазурью. Мастера применяли прозрачные свинцовые глазури с добавлением кра-

[19] *Л. П. Полевой.* Ук. соч., стр. 90.

[20] *Г. И. Пацевич.* Гончарная печь на городище Сарайчик. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1956, I, стр. 223.

[21] *В. П. Левашова.* Золотоордынские памятники в Воронежской области. Тр. ГИМ, 37, М., 1960, стр. 176.

[22] *Л. П. Полевой.* Ук. соч., стр. 85.

[23] *С. Б. Лунина.* Техническое устройство..., стр. 352.

[24] *К. Адыков.* К характеристике гончарного производства в Мерве в конце XII — начале XIII в. Изв. АН ТуркмССР, 1955, 6, стр. 30.

сителей. Прочерченный либо выскобленный до красного черепка орнамент просвечивал сквозь прозрачную поливу и четко вырисовывался на светлом ангобированном фоне. К сожалению, количество фрагментов поливных изделий незначительно. Встречаются фрагменты, покрытые зеленой, желтой, коричневой поливой. Установка в печи для второго обжига покрытой глазурью посуды требовала большого умения: мастеру нужно было максимально использовать объем обжигательной камеры, по при

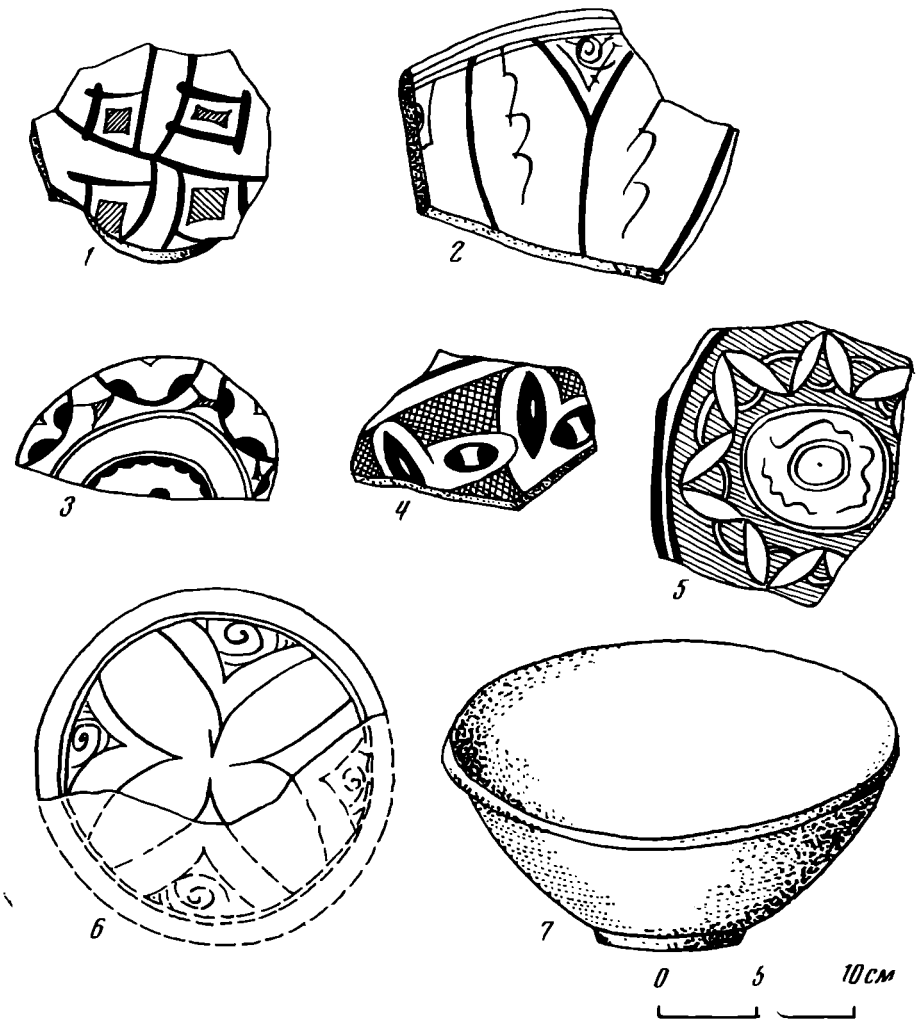


Рис. 9. Фрагменты заготовок под поливу: *1, 2, 5, 6* — гравировка по ангобу; *3, 4* — орнамент, выполненный в технике резерва; *7* — чаша— один из видов керамической продукции мастерской

этом по возможности уменьшить площади соприкосновения глазурованных поверхностей. Для обжига чаш и тарелок обычно использовались сепаи-треножники, которые служили прокладками между посудой при загрузке в печь Такие сепаи были найдены в большом количестве. Изготовлялись они из глины, имели разнообразные размеры (от 5 до 11 *см*). Независимо от размеров сепаи имеют стандартную форму: три одинаковые плоские ножки, отходящие от центра по радиусу, находятся на одинаковом расстоянии друг от друга. Внизу ножки сужаются и загибаются. Чаши устанавливались стопками вверх дном. Самая нижняя чаша ставилась не на под, а на глиняный раструб, поверх которого лежал сепай. Благодаря раструбу бортики чаш не соприкасались с подом. На загнутые ножки сепая чаша ставилась вверх дном, на нее снова сепай

загнутыми концами вверх, чаша и т. д. Характерно, что печной припас очень однообразен. В основном это сепаи. Раструбов встречено очень мало. Видимо, они использовались только как подставки под нижние чаши стопок. Штыри, применяемые в круглых печах для обжига кувшинов, горшков с ручками, чигиров, а также для крепления керамических дисков (это делалось в целях увеличения площади обжигательной камеры), не встречены совсем. Отсутствуют керамические сари. Весь этот богатый ассортимент печного припаса был обнаружен при раскопках керамической мастерской на Селитренном городище, где он использовался при обжиге кашинной керамики. Расстановка ее в печи была очень сложной, требовала разнообразных приспособлений. Обжиг красноглиняной поливной посуды был более прост. Чтобы расставить чаши в печи керамистам было достаточно сепай-прокладок и нескольких раструбов. После вторичного обжига готовые изделия поступали на рынок.

Как уже отмечалось, мастера использовали разнообразные приемы орнаментации: гравировку (рис. 9, *1, 2, 5, 6*), роспись ангобом, выскабливание фона до красного черепка (рис. 9, *3, 4*). Орнаментальные мотивы, применяемые мастерами, весьма разнообразны. По-разному сочетая одни и те же детали орнамента, мастера добивались различных композиций. Две одинаково оформленные чаши встречаются редко. В орнаментации посуды много общего с крымской [25], закавказской [26], пруто-днестровской (городской) [27] керамикой. Стилизованные вьющиеся побеги (рис. 10, *1*), беглый рисунок из беспорядочных завитков, калачевидный орнамент (рис. 10, *6*) розетки (рис. 10, *3*), стилизованные изображения цветов (рис. 10, *2, 4, 5*), прием сетчатой штриховки радиусного деления орнаментального фона сближают керамику царевской мастерской с керамикой перечисленных районов. Однако имеется существенное различие: в описанной мастерской посуда в большинстве случаев монохромная, в то время как в Крыму и Закавказье гравированный орнамент широко сочетается с подглазурной росписью. Особо следует отметить чаши с изображением животных. На одной из них изображен шагающий лев (рис. 10, 7) [28]. Поражает четкая композиция рисунка, подчиненная круглому полю, и манера исполнения: линия непрерывная, уверенная. Наиболее близкими по стилю являются изображения львов на блюдах из Ани [29] и Дманиси [30]. На фрагментах двух других чаш изображены птицы. Здесь также отмечается продуманность композиции, очень лаконичный и в то же время выразительный рисунок (рис. 10, *8, 9*).

Обилие керамического материала позволило детально изучить продукцию мастерской и по манере нанесения орнамента проследить почерк по крайней мере трех мастеров, при этом один из них выделяется небрежностью, кривыми, наспех нанесенными линиями, грубо выскобленным фоном. Видимо, это работа не мастера, а ученика либо подмастерья, только еще осваивающего технику орнаментации.

Помимо поливных чаш и блюд в мастерской производилась штампованная (красноглиняная и сероглиняная) керамика. Для изготовления штампованных сосудов применялись специальные глиняные формы-штампы (калыпы). Ремесленники изучаемой мастерской сами изготовляли калыпы. Резьба и нанесение орнамента на внутренней поверхности матрицы сходны по технике исполнения с гравировкой ангобированных чаш. Следовательно, эти работы могли быть выполнены одним и тем же

[25] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, стр. 183, табл. XIV, XX, XXIII.

[26] *В. Н. Левиатов.* Керамика Старой Ганджи. Баку, 1940; *Т. А. Измайлова.* Керамика из раскопок в Анберде. ТОВЭ, IV, 1947.

[27] *Л. П. Полевой.* Ук. соч., табл. XXXIII, XXXIV, XXXV.

[28] Реконструкция блюда дана в кн. *G. A. Fedorow-Dawydow.* Die Goldene Horde. Leipzig, 1972, Abb. 97.

[29] *Б. А. Шелковников.* Керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957, рис. 4.

[30] *З. Г. Майсурадзе.* Грузинская художественная керамика XI — XII вв. Тбилиси, 1954, табл. 7.

мастером. Об изготовлении калыпов на месте свидетельствуют разбитые и бракованные матрицы со следами поливы и прилипших сепаев, находка обожженной, но неорнаментированной заготовки под калып. Она представляет собой глубокую чашу сферической формы с плоским срезанным дном, без венчика. В мастерской обнаружены фрагменты чашевидных и плоских калыпов. Имеющийся материал позволяет выделить следующие

Рис. 10. Орнаменты на керамических изделиях мастерской: *1—8* — заготовки под поливу (выполнены в технике разерва и гравировки); *9* — фрагмент блюда с желтой поливой

способы орнаментации калыпов: 1) нанесение орнамента путем оттиска в калыпе-монолите; 2) нанесение орнамента острым стеком по серой глине; 3) использование штампика-пунсона с однотипным рисунком для многократного повторения узора. Несмотря на большое число фрагментов штампованной керамики, найденных на территории мастерской, оттисков с обнаруженных матриц не встречено. Видимо, эти матрицы были бракованными и в производстве не использовались.

Для украшения посуды мастера использовали самые разнообразные орнаменты, начиная от простых геометрических и кончая сложными

растительно-эпиграфическими композициями. Что касается форм изделий, то, как указывалось выше, несмотря на многочисленность, материал слишком фрагментарен, чтобы можно было их восстановить.

К сожалению, археологический материал не позволяет точно установить число мастеров-керамистов и их социальное положение. Лишь косвенные данные и этнографические наблюдения помогают сделать некоторые выводы. Во-первых, несомненно, что в мастерской работало несколько человек. Один мастер не мог изготовлять в большом количестве высококачественную поливную и штампованную керамику. Даже при изготовлении только поливной посуды мастер работает с помощью одного или нескольких учеников (часто из числа родственников), называемых в Средней Азии «устозода» [31]. Ученики месят глину, разжигают печь, делают поливу. Покрытие изделий ангобом, поливой, орнаментация и загрузка в печь производятся мастером [32]. Вероятно, и в исследуемой мастерской XIV в. труд квалифицированного мастера сочетался с работой учеников-подмастерьев. И, как уже отмечалось выше, даже по манере нанесения орнамента можно выделить нескольких ремесленников.

Степень зависимости керамистов можно только предполагать. Сравнительно большая площадь, занятая под производственный комплекс, просторные жилые комнаты, принадлежащие ремесленникам (расположены рядом с производственными помещениями), свидетельствуют о том, что керамисты находились в более выгодном положении, чем ювелир и косторез. Сам товарный характер производства предполагает в определенной мере личную свободу ремесленников. Возможно, выкупившись и получив свободу, ремесленник экономически оставался зависимым от владельца усадьбы, пользуясь его участком. При этом он платил ему дань с производства, как это делали, согласно сообщению Плано Карпини, свободные городские ремесленники [33].

Итак, нами было исследовано пять ремесленных мастерских. В результате были выделены разнообразные технические приемы ювелиров и косторезов. Изучение керамических отходов гончарной мастерской позволило определить технологию изготовления красноглиняных поливных чаш. Заготовки, полуфабрикаты, отдельные находки готовых изделий говорят о высоком мастерстве и большом художественном вкусе. Особенно четко это прослеживается на примере гончарной мастерской. Удачное сочетание формы и орнаментации посуды, красиво исполненный рисунок — все это свидетельство кропотливого труда керамиста.

Нами было высказано предположение о разной степени зависимости ремесленников в изучаемых мастерских. Если это предположение верно, то наблюдается интересная картина: прослеживается постепенное ослабление зависимости ремесленников от владельцев усадеб и переход от обслуживания усадеб к самостоятельному производству на рынок.

Косторез первой усадьбы делал предметы домашнего обихода в очень небольшом числе. В усадьбе даже не обнаружено производственного помещения. Объем производства ремесленников II усадьбы значительно больше. Очевидно, здесь можно говорить о работе на заказ. Ремесленники имеют свои, хотя и небольшие, помещения, примыкающие к дому владельца усадьбы. С появлением ювелирной мастерской в III усадьбе связан новый этап в ослаблении зависимости ремесленников. Ювелир III усадьбы имеет отдельную просторную землянку с сырцовыми стенами. Он продолжает работать на заказ, но контроль со стороны хозяина, возможно, ослабевает. И наконец, керамическая мастерская, с ярко выраженным товарным характером производства и трудом, вероятно, лично

[31] *Е. М. Пещерова.* Цех гончаров у народов Средней Азии в конце XIX — начале XX вв. КСИЭ, 26, 1957, стр. 38.

[32] *Е. Е. Екимова.* Гончарное производство в Хивинском районе. Тр. ХАЭЭ, IV, стр. 369, 374.

[33] Путешествие в восточные страны..., стр. 58—59.

свободных ремесленников завершает картину. Отсутствие точных данных не позволяет нам вынести предложенную схему за рамки рабочей гипотезы. Однако бесспорно, что на примере исследованных мастерских мы наблюдаем постепенное изменение отношений между зависимыми ремесленниками и владельцами усадеб. Рассмотрение социального вопроса во всей его сложности — задача будущего. Поскольку письменные источники отсутствуют, то решение ее возможно лишь на основе длительных и широких археологических работ не только на Царевском, но и на других золотоордынских городищах.

T. V. Gousséva

ATELIERS ARTISANAUX DANS LA BANLIEUE ORIENTALE DE NOUVEAU SARAI

Résumé

L'article a pour l'objet d'étude l'ensemble d'ateliers artisanaux de la deuxième moitié du XIV s. fouillé dans la banlieue orientale de Nouveau Saraï. Les vestiges de l'activité productive (fig, 1) ont été décélés sur le territoire de trois propriétés: celle de ciselure sur os (I et II propriétés), celle de joaillerie (II et III propriétés) et céramique (III propriété). Le matériel archéologique permet de mettre en évidence les procédés techniques des ciseleurs sur os et des joailliers (fig. 3) tandis que l'absence des locaux de production appropriés et le volume réduit de la production témoigne que celle-ci était de petite envergure. L'atelier céramique fabriquant la poterie en pâte rouge glasurée et celle à décor estampé, est le plus récent de cet ensemble (fig. 8). Les formes standardisées, la productivité considérable attestent de la production de masse destinée au marché. Les constructions differentes des fourneaux et leurs liens gnétiques sont égaement étudiés. Le matériel archéologique a permis l'examen détaillé de la technologie de fabrication de la poterie et des procédés de son ornementation (fig. 9, 10).

L'article se termine par l'analyse comparative de la situation sociale des artisans: ciseleurs sur os, joailliers, potiers, et par l'énoncé de l'hypothèse des formes différentes de dépendances des artisants dans Nouveau Saraï, capitale de la Horde d'Or.

Публикации

Г. В. ГРИГОРЬЕВА

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА РАШКОВ VIII

На левобережье Днестра в последние годы исследуются памятники, обладающие рядом признаков ориньякской культуры[1]. Предполагают, что наряду с ориньякской культурой существовали культуры, развитие которых шло ориньякским путем. Одинаково устойчивое сочетание некоторых типов орудий на памятниках в одних случаях объясняют генетическим родством (Ф. Борд), в других — закономерностями конвергентного характера (Г. Григорьев).

К памятникам, имеющим ряд признаков ориньякской культуры, относится и позднепалеолитическая стоянка Рашков VIII[2], открытая в 1958 г. Н. А. Кетрару и Л. Л. Полевым и исследовавшаяся в 1971 и 1972 гг. Памятник расположен в северной части с. Рашков, Каменского района МолдССР, в овраге Кармалюка, на левом склоне р. Багарнянки, примерно в 800 *м* от впадения ее в р. Валядынку (левый приток р. Днестра), на площадке, возвышающейся над урезом воды Багарнянки в среднем на 30 *м* и над урезом воды Днестра — 60 *м*. На Рашкове VIII заложено семь шурфов и обнаружено два горизонта с находками.

Стратиграфия шурфа 1[3] (рис. 1): 1 — почва — 0,30—0,35 *м*; 2 — смешанный слой с известковистыми вкраплениями — 0,45—0,50 *м*; 3 — суглинок, серый — 0,35—0,50 *м*; 4 — зольная прослойка с находками кремней и костей — 0,15—0,20 *м*; 5 — прослойка щебенки, неплотная — 0,05—0,10 *м*; 6 — суглинок, серовато-коричневатый, близкий по составу к лежащему выше суглинку, с горизонтом находок — 0,60—0,70 *м*; 7 — слой щебенки, мощный с крупными осколками известняка — от 2 *м* и глубже.

Два горизонта с находками наиболее четко прослеживаются в шурфах 1 и 3, однако и в них наблюдались некоторые отличия в стратиграфии, в последнем отсутствовала зольная прослойка, а суглинок над прослойкой щебенки и под ней был единый по составу и цвету. Культурные горизонты, зафиксированные в шурфах, разделены прослойкой щебенки и стерильным суглинком. Мощность культурных горизонтов 0,15—0,20 *м*. Находки в шурфах распределялись довольно равномерно, не встречено никаких скоплений.

Фаунистические остатки, по определению А. И. Давида, принадлежат северному оленю (абсолютное большинство), лошади, бизону, мамонту, благородному оленю, носорогу, слепышу.

На Рашкове VIII собрана большая коллекция, насчитывающая около 9 тыс. кремней, из них около 900 кремней из шурфов. Все находки с поверхности и шурфов можно рассматривать как единый комплекс. Среди

[1] *Г. П. Григорьев.* Ориньякская культура и ориньякоидные культуры Европы. КСИА АН СССР, 131, 192, стр. 20—24.

[2] *Г. В. Григорьева, Н. А. Кетрару.* Работы Молдавской палеолитической экспедиции. АО — 1971. М., 1972, стр. 449; *они же.* Исследования палеолитических стоянок Рашков VII и VIII. Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1973, стр. 15—26.

[3] Шурф 1 был осмотрен И. К. Ивановой.

каменного инвентаря стоянки более 300 нуклеусов, около 2 тыс. пластинок и микропластинок, более 5 тыс. отщепов и осколков, 763 орудия. Среди нуклеусов преобладает призматическая форма, одноплощадочные односторонние, двухплощадочные со встречными площадками, с площадками, расположенными под прямым углом относительно друг друга (в одной и разных плоскостях), с противолежащими площадками; невыразительные нуклеусы с бессистемным скалыванием, единичны клиновидные и дисковидные ядрища. Среди пластинок встречены экземпляры правильной призматической формы, варьирующие в размерах: крупные — до 10—11 *см*, средние — 6—4,5 *см*, мелкие — 3—1,5 *см* длиной.

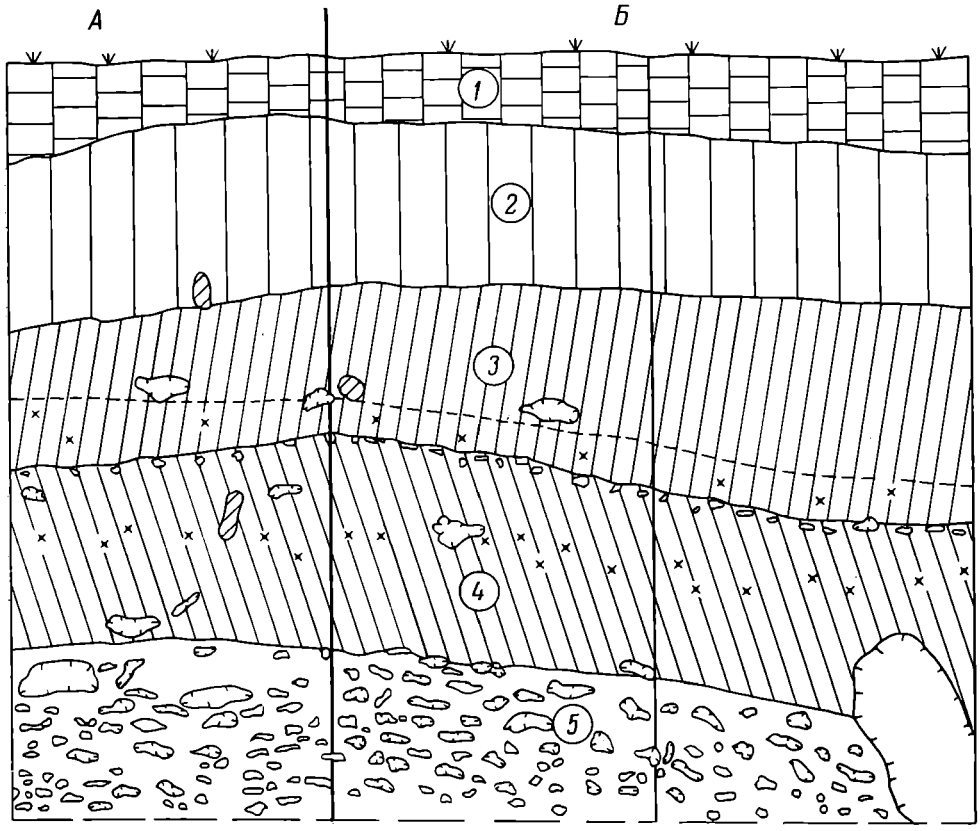


Рис. 1. Стратиграфия шурфа 1

А — северо-западная стенка; *Б* — северо-восточная стенка; *1* — почва; *2* — слой смешанный; *3* — суглинок коричневато-бежеватый; *4* — суглинок коричневатый; *5* — слой щебенки

Орудия (рис. 2—4) составляют 8,7% всего собранного на стоянке кремня, процент очень высокий для позднепалеолитических памятников. Основной группой орудий являются резцы (282), из них 188 изготовлены из отщепов, 91 из пластинок и 3 из краевых сколов. Среди резцов преобладает боковой тип (78), затем срединный и угловой (по 38), на углу пластинки (31), многочисленны двойные и тройные (59). Следующую группу орудий составляют скребки (113), в большинстве нуклевидные и с «носиком» (41), затем переходный тип нуклеусы-скребки (9), много концевых из пластинок (28) и отщепов (11), единичны округлые, укороченные и двойные скребки. Они изготовлены из отщепов (55), из пластинок (29), из нуклеусов и сколов с нуклеусов (26), из краевых сколов (3). Рабочие края орудий оформлены притупливающей и приостряющей ретушью. Редки скребки, ретушированные по боковым краям, чаще ретушью подправлены только отдельные участки по краям. Среди комбинированных ору-

дий (11) преобладают скребки-резцы, скребков-острий только два. Проколки, острия и проколки-сверла немногочисленны. Острия (6) разнотипны. Проколки-сверла рашковского типа с массивным рабочим концом единичны. Выразительна серия микропластинок (28), среди них преобладают экземпляры с одним и обоими ретушированными краями, единичны

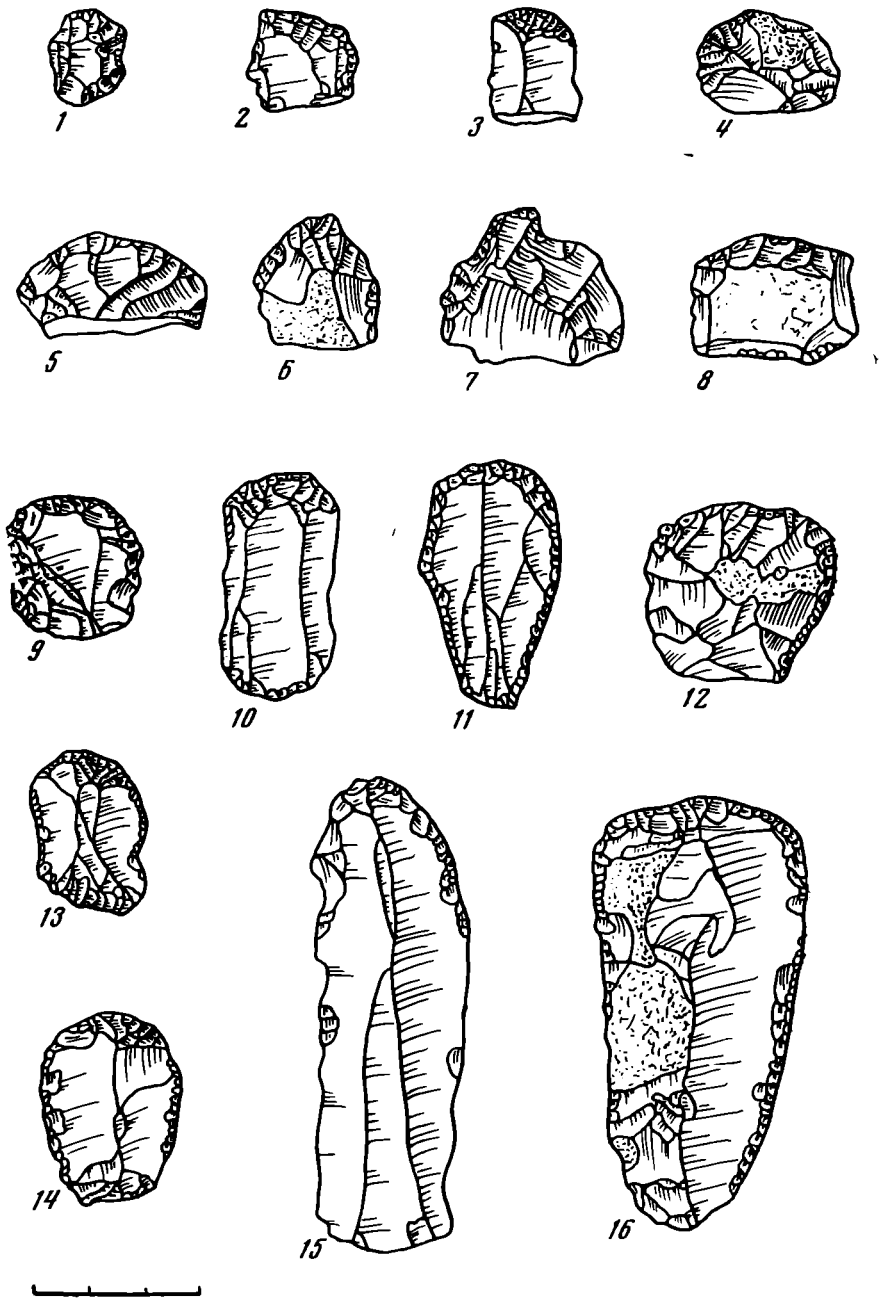


Рис. 2. Орудия Рашкова VIII *1—16* — скребки

микропластинки, оформленные противолежащей ретушью и ретушированные на концах и со стороны брюшка. У микропроколок и микроострий (7) рабочий конец обработан мелкой притупливающей ретушью. Разнообразны ретушированные пластинки (189), среди них менее выразительны экземпляры, ретушированные на концах. Довольно интересны пластинки с выемкой на конце, причем выемка сделана не посередине, а немного сбоку, так что угол между концом и боковым краем вытянут и напоми-

нает проколку. Из других орудий следует отметить песты-терочники из галек (5) со следами сработанности на концах; найдено несколько обломков плиток; ни на пестах, ни на плитках не были обнаружены следы краски, возможно, их использовали для растирания сухих корней, диких злаков и др. Только единичными экземплярами представлены скребла и от-

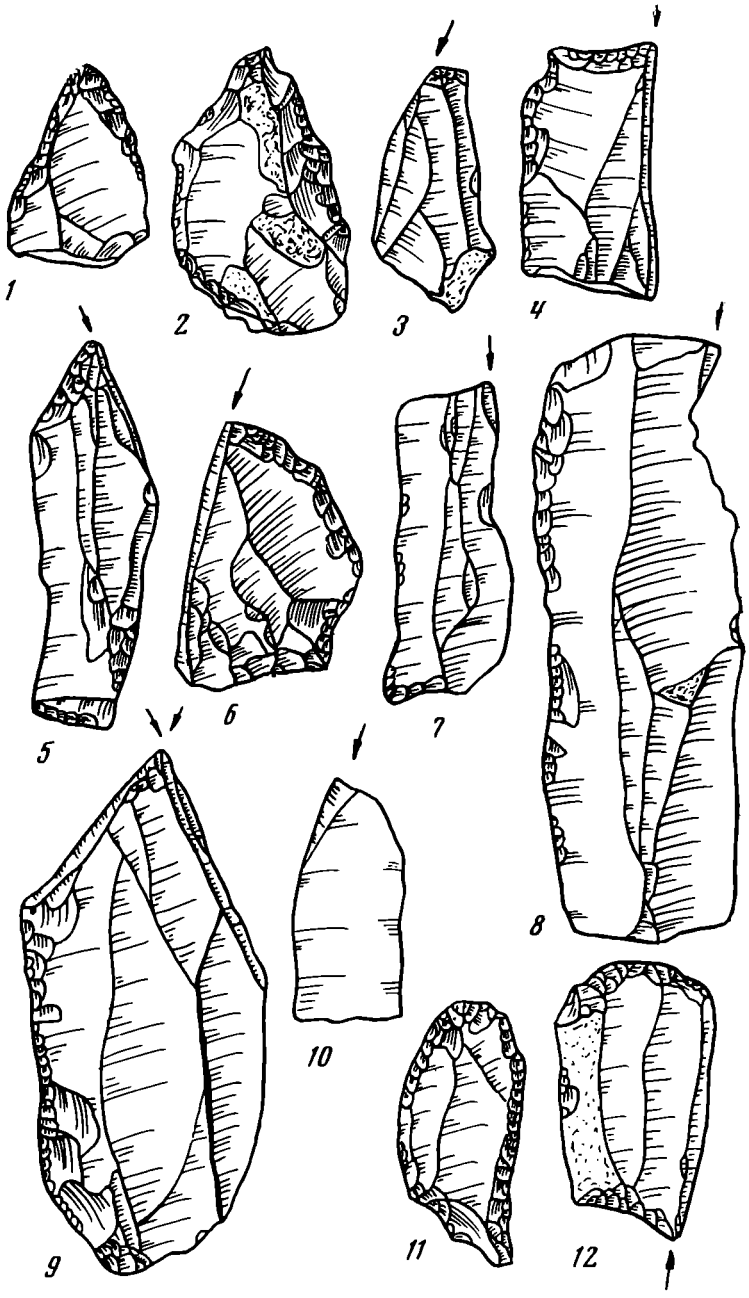


Рис. 3. *1, 2* — орудия с «носиком»; *3—6* — резцы боковые; *7—8* — резцы на углу пластинки; *9* — резец срединный; *10* — резец боковой; *11, 12* — комбинированные орудия

бойники. Заслуживают внимания скребковидные формы, напоминающие ладьевидные скребки, рабочий конец у них у́же, чем у скребков, и оформлен продолговатыми фасетками. Отдельные орудия стоянки обработаны техникой подтески, среди них отщеп с крупными фасетками подтески, нанесенными по краям со стороны брюшка, и пластинчатый отщеп с заносистой подтеской на обоих концах с брюшка. Многочисленны ретуши-

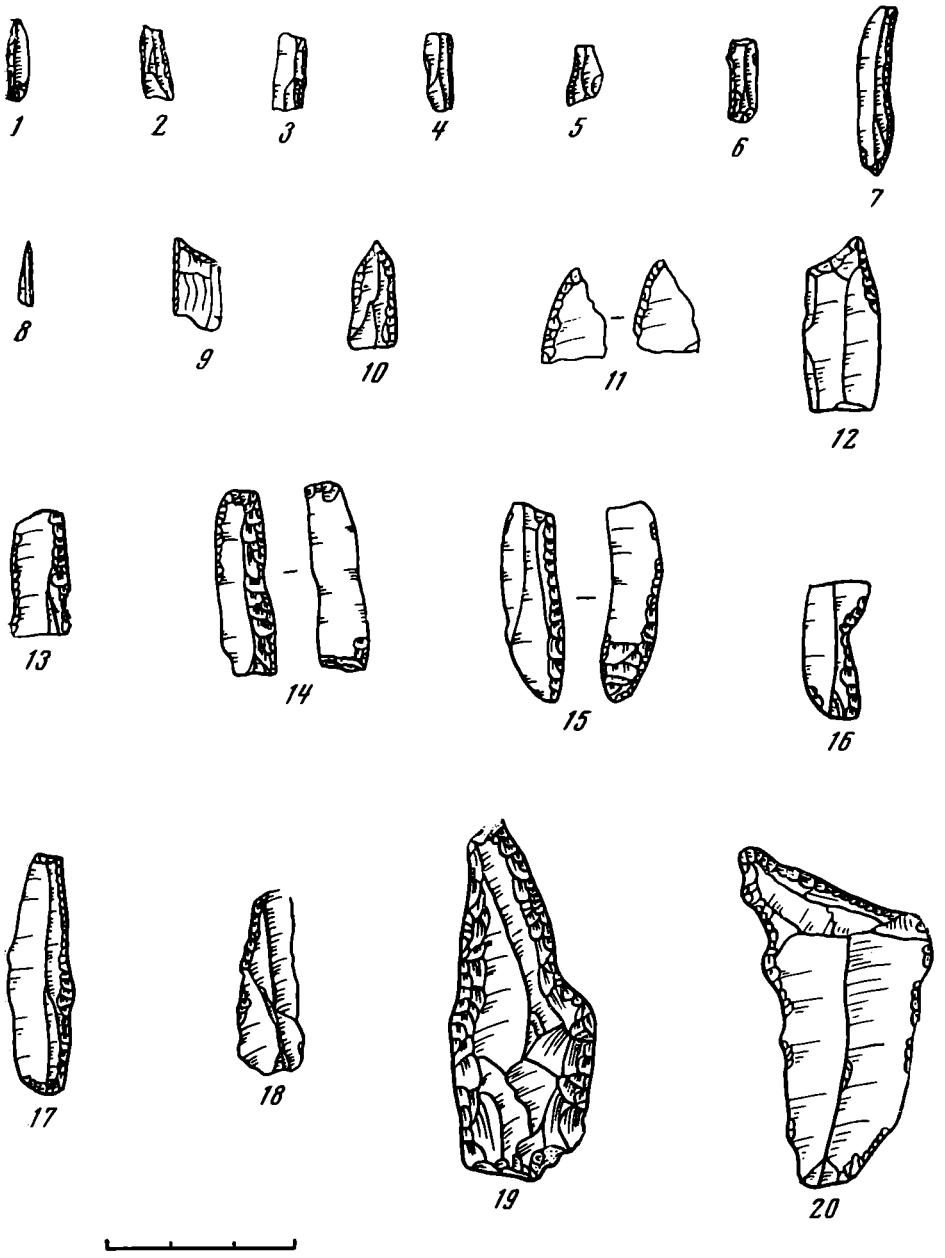


Рис. 4. Орудия Рашкова VIII

1—7 — микропластинки с притупленным краем; *8* — микроострие; *9—12* — проколки; *13—18* — пластинки ретушированные; *19—20* — проколки-острия

рованные отщепы (106) и выемчатые орудия (32), у последних ретушью, как правило, оформлены только выемки. Такова краткая характеристика каменного инвентаря Рашкова VIII. Среди костей найдены осколки со следами срезов. Находки из второго горизонта шурфов, судя по технике обработки, типам орудий не отличаются от материала, собранного на поверхности, что не вызывает сомнений в принадлежности их к одной культуре.

Рашков VIII входит в группу рашковских стоянок (Рашков VII и IX), имеющих в кремневом инвентаре ориньякские черты. Это относится прежде всего к таким орудиям, как скребки, нуклевидные и с «носиком», про-

колки-сверла, хорошо известные из немецких ориньякских памятников Зиргенштейн и Фогельсхерд[4], и тем немногим пластинкам с круговой ориньякской ретушью, которые найдены в Рашкове VIII. Однако в инвентаре рашковских стоянок можно наблюдать определенные различия в технике оформления и в соотношении групп и типов орудий. Так, в Рашкове VII[5] скребки преобладают над резцами, в Рашкове VIII, наоборот, резцов в два раза больше, чем скребков, и сами резцы более выразительны, чем в Рашкове VII. В обоих памятниках превалируют резцы бокового типа, а косоретушные составляют большинство. В Рашкове VIII представлены все типы скребков Рашкова VII, необходимо только заметить, что в Рашкове VIII значительно больше их изготовлено из пластинок. Более разнообразны и выразительнее проколки и острия из Рашкова VII, чем из Рашкова VIII, только проколки-сверла, столь характерные для Рашкова VII, единичны в Рашкове VIII. Определенные отличия наблюдаются и в технике оформления микролитов: ретушевка концов с брюшка на микролитах Рашкова VIII отсутствует на орудиях из Рашкова VII, этот прием обработки встречен в «граветтских» памятниках Румынии[6]. В Рашкове VIII использовали в равной мере как притупливающую, так и приостряющую ретушь, в Рашкове VII явно преобладает мелкая притупливающая ретушь. Вместе с тем признаки сходства в инвентаре стоянок значительно преобладают над чертами различий. Это сходство можно наблюдать даже в формах единичных орудий, скреблах, отбоїниках, пластинках с ретушью — подтеской, пестах-терочниках и плитках. Различия, отмеченные выше, могут объясняться либо разновременностью стоянок, либо их локальным характером, пока трудно отдать предпочтение тому или другому, несомненна, однако, их принадлежность к одной культуре.

В Молдавии кроме рашковских стоянок открыты другие памятники с ориньякскими чертами в инвентаре: это Бобулешты 6[7] на р. Реут и Климауцы на р. Днестре. В Бобулештах 6 среди орудий преобладают скребки и скребковидные формы, среди них выразительна серия скребков с «носиком», они имеют более архаичный облик, чем рашковские, вместе с ними найден и обломок кремневого наконечника. Климауцы расположены в 4—4,5 *км* юго-западнее Рашкова VII, на правом берегу Днестра. Как и в Бобулештах 6, скребки и скребковидные формы здесь являются ведущими среди орудий, скребки с «носиком» и массивные скребковидные формы с почти заостренным рабочим краем, напоминают аналогичные орудия из Рашкова VIII. В Климауцах найдено семь кремневых наконечников. Отмеченные признаки, несомненно, сближают Бобулешты 6 и Климауцы. Оба памятника, судя по технике оформления и типам орудий, относятся к ранней поре позднего палеолита, если не к самому его началу. Открытие на левобережье Днестра и в междуречье Днестра и Прута пласта позднепалеолитических памятников с ориньякоидными признаками очень важно; из пяти стоянок и местонахождений, относящихся к этой группе, четыре расположены компактно, на расстоянии 7—8 *км*.

---

[4] *H. Müller-Beck.* Die Wurzel-Industrie des Vogelherd — Aurinacien Fundberichte aus Schwaben NF; B 17, 1958.

[5] *А. И. Давид, Н. А. Кетрару.* Предварительные данные об исследовании стоянки Рашков VII. Охрана природы Молдавии, вып. 4, Кишинев, 1966, стр. 163—170; *Н. А. Кетрару.* Исследования палеолитической стоянки Рашков VII. Проблемы географии Молдавии, вып. 2, Кишинев, 1967; *Г. В. Григорьева, Н. А. Кетрару.* Работы Молдавской палеолитической экспедиции. АО — 1971. М., 1972, стр. 448—449; *Г. В. Григорьева, Н. А. Кетрару.* Исследования палеолитических стоянок Рашков VII и VIII. Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1973, стр. 15—26.

[6] *C. S. Nicolescu-Plopşor, Al. Paunescu, F. Mogoşanu.* Le paléolithique de Ceatlău. Dacia, n. s. X, 1955, p. 5—116.

[7] *Н. А. Кетрару.* Палеолитические и мезолитические местонахождения в бассейне р. Реут. Антропоген Молдавии. Кишинев, 1969, стр. 60, 62.

За пределами Молдавии известны еще две стоянки, в инвентаре которых четко прослеживаются ориньякские черты, это Радомышль[8] и Мураловка[9]. Для орудий Радомышля характерны массивные пластинки с круговой ориньякской ретушью, нуклевидные скребки и проколки-сверла, напоминающие аналогичные орудия из рашковских стоянок. В Мураловке, которую Н. Д. Праслов относит к стоянкам ориньякского типа, ориньякоидные черты менее выразительны, чем на всех остальных памятниках. Нуклевидные скребки Мураловки оформлены более плоской ретушью, скребки с «носиком» являются скорее скребками с «плечиками», так как ширина их рабочих концов равна почти ширине средних частей заготовок, хотя принцип выделения рабочей части соблюден.

Переходя к вопросу о культурной принадлежности рашковских стоянок, мы должны констатировать отсутствие на них ряда типов орудий, характерных для ориньякской культуры и присутствующих на ориньякских и ориньякоидных памятниках Западной и Центральной Европы: резцы-бюске, пластинки с выемками, наконечники с расщепленным основанием (пока нет доказательств считать таковыми костяные наконечники Рашкова VII). Вместе с тем наличие ориньякоидных типов орудий: скребков нуклевидных и с «носиком», проколок-сверл, единичных пластинок с ориньякской ретушью — позволяют относить рашковские стоянки к памятникам ориньякоидного типа.

Вопрос о возрасте рашковской группы стоянок сложен. Среди орудий имеется ряд архаичных форм, особенно в Рашкове VII, сразу же следует заметить, что для памятников междуречья Днестра и Прута характерна смешанность более ранних и поздних форм. Это можно наблюдать и в материалах стоянок Йоржницкой группы[10]. Наличие древних форм, возможно,— специфическая черта позднего палеолита данного района. Несколько настораживает в вопросе о возрасте и пестрый состав фауны. Почти весь основной состав фауны Рашкова VII и VIII — холодолюбивый, однако присутствие в Рашкове VII и VIII носорога — показатель довольно древний. Соотношение ведущих групп орудий внутри стоянок вызывает также определенные сомнения, преобладание скребков над резцами в Рашкове VII (в пределах центральноевропейских ориньякоидных памятников является хронологическим показателем), в Рашкове VIII наблюдается обратная картина, резцов в два раза больше, чем скребков. Для Рашкова VII получена абсолютная дата по C^{14} 12220±500 от наших дней (ЛЕ 1061) по углям и углистой прослойке в красноземе, расположенной на 1—1,5 *м* ниже культурного слоя (по мнению П. М. Долуханова, следы лесного пожара). Исходя из этой датировки, Рашков VII относится к памятникам конца позднего палеолита, что пока не совсем согласуется с изложенными выше данными. По предварительному мнению И. К. Ивановой, Рашков VIII по условиям залегания близок к Рашкову VII, следовательно, между стоянками не должно быть, видимо, большого хронологического разрыва. Окончательно на этот вопрос могут дать ответ только дальнейшие исследования памятника.

---

[8] *И. Г. Шовкопляс.* Палеолитична стоянка Радомишль. Археологія, 16, 1964, Київ, стр. 83—102; *его же.* Радомышльская стоянка — памятник начальной поры позднего палеолита. Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. К VII конгрессу INQUA, 1965, стр. 104—116.

[9] *Н. Д. Праслов, Н. К. Филиппов.* Первая находка палеолитического искусства в южнорусских степях. КСИА АН СССР, 111, 1967, стр. 24—30; *Н. Д. Праслов.* Некоторые специфические формы каменных орудий Мураловской палеолитической стоянки. КСИА АН СССР, 131, 1972, стр. 70—71.

[10] *Г. В. Григорьева.* Новые позднепалеолитические памятники Сорокского района. Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1972, стр. 3—28; *ее же.* Новые позднепалеолитические памятники на Среднем Днестре. МИА, 185, 1972, стр. 169—176.

G. V. Grigoriéva

SITE DU PALÉOLITHIQUE FINAL DE RACHKOV VIII

Résumé

Le site de Rachkov VIII, du paléolithique final, est situé au nord du village de Rachkov (district de Kamenka dans la R.S.S. de Moldavie, lieu dit de Karmaluka, rive gauche du cours d'eau de Bagarnianka). Les fouilles échantillonnées ont mis à jours deux horizons de trouvailles: le premier gît sous une couche de blocaille, à la profondeur de 0,9 à 1 m, le second — sous une couche de blocaille et de terre argileuse stérile, à la profondeur de 1,20 m à 1,30 m de la surface du jour (fig. 1).

La collection comporte environ 9 mille de silex dont 8,7% d'outils qui peuvent être répartis par les groupes essentiels suivants: burins avec retouche sur le pan latéral, grattoirs nucléiformes et ceux à museau, une série expressive de lamelles, toutes sortes de lames à bords retouchés, outils combinés peu nombreux, perçoirs et pointes isolés, pilons — broyeurs, plaques, percuteurs, perforeuses; les outils grattéiformes à museau sont surtout à noter (fig. 2, *4*). Le campement de Rachkov VIII fait partie de l'ensemble de sites rachkoviens (Rachkov VII, IX) se distingant par des caractères aurignaciens. Le matériel de deux campements, (l'un de Bobulesty, l'autre de Klimaoutsy) reconnus recemment en Moldavie est également caractérisé par la présence des indices aurignaciens. Ces deux sites, situés respectivement sur les rives du Réout et du Dniestre, sont chronologiquement antérieurs a l'nsemble rachkovien. Nombre d'outils caractéristiques pour les civilisations aurignaciennes de l'Europe Centrale et Occidentale, tels que burins busqués, lames à retouche aurignacienne et celles à encoche, est absent des sites rachkoviens. A cet ensemble est particulier le voisinage des formes anciennes et récentes dans le mobilier. 12220±500—la date absolue du site de Rachkov VIII-est obtenue à partir des charbons provenant du niveau gisant au dessous de la couche d'habitation.

В. С. ТИТОВ, В. И. МАРКЕВИЧ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЗАПАДНЫХ СВЯЗЯХ ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЬЯ

Изучение связей той или иной культуры, связей не генетического, а обменного, торгового характера с соседними культурами дает археологу возможность уточнить прежде всего относительную хронологию, а иногда внести в нее существенные поправки.

Связи трипольской культуры или всего кукутенско-трипольского комплекса с культурами Карпатского бассейна времени энеолита до недавнего времени не могли считаться установленными с достаточной степенью точности из-за отсутствия соответствующих материалов и вследствие недостаточной изученности контактной зоны между ними, которая должна была проходить в Трансильвании. Недавно В. Думитреску, а затем один из авторов настоящей заметки сделали попытку подвести итоги изучению этих связей. В. Думитреску предложил следующие синхронизмы между культурой Кукутень и культурами медного века Большой Венгерской равнины (Алфёлда) [1].

Кукутень B — конец культуры Бодрогкерестур
Кукутень A—B — Бодрогкерестур I и Тисаполгар-Башатанья II фаза
Кукутень A_3—A_4 — Тисаполгар-Башатанья I фаза
Кукутень A_1—A_2 — Тисаполгар-Чёсхалом — Оборин I
— Культуры Тисы

В. С. Титов высказался более осторожно, что «на основании ряда металлических изделий, и прежде всего ряда медных топоров-тесел, Кукутень A—B и Кукутень B и Триполье B_I—B_{II} и C_I синхронизируются с поздней частью культуры Тисаполгар и культурой Бодрогкерестур, но еще невозможно определить, когда эти связи начались» [2]. Он синхронизировал Протокукутень (или позднюю часть Триполья A) с культурой Тисы на основе находок в Мугень в юго-восточной Трансильвании, иначе говоря, был склонен несколько углубить даты Кукутень — Триполья по отношению к культурам Алфёлда. Новые материалы показали правильность этой тенденции.

Мы имеем в виду некоторые материалы, полученные при раскопках на поселениях Костешты IV в 1973 г. и Брынзены-Цыганка в 1971 г. Поселение Костешты IV было открыто в 1958 г. Н. А. Кетрару в числе других позднетрипольских поселений [3]. Раскопки на поселении начаты в

[1] *V. Dumitrescu.* Betrachtungen zur chronologischen Ansetzung der Cucuteni-Kultur im Verhältnis zu den Nachbarkulturen. ŠZ AUSAV, 17, Nitra, 1969, S. 97.

[2] *V. S. Titov.* Tripolye Culture in the Chronological System of Neolithic and Cooper Age Cultures of South-Eastern and Central Europe. VIII Congrès international des sciences préhistoriques (Beograd, 1971). Les rapports et les communications de la délégation des archéologique de l'URSS, Moscou, 1971, p. 8.

[3] *Н. А. Кетрару.* Археологические разведки в долине реки Чугур. МИАЭ МолдССР, Кишинев, 1964, стр. 268—270.

1973 г. Молдавской неолитической экспедицией Института истории АН МолдССР под руководством В. И. Маркевича и Молдавской археологической экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Е. К. Черныш.

Поселение Костешты IV расположено на высокой скале (стынке) на левом берегу р. Чугур недалеко от ее впадения в р. Прут. Высота над уровнем реки от 38 до 45 *м*. Скала имеет очень крутые склоны и в настоящее время труднодоступна. Поселение на ней могло возникнуть лишь в условиях большой опасности и необходимости обороны.

Раскопки проводятся на площади около 2000 $м^2$. При этом следует учесть, что размеры самого поселения, ограниченные пригодной для жизни площадкой на вершине скалы, невелики. Поселение характеризуется довольно мощным культурным слоем, в особенности в нижней части площадки, наклоненной в сторону р. Чугур, где он достигает мощности 1,2 *м*.

В. И. Маркевичем установлено, что со стороны реки было создано несколько террас, укрепленных камнями, на которых и были возведены трипольские дома. С юго-западной стороны поселения Е. К. Черныш были исследованы три пары рвов и валов. Длина одного из валов достигала 80 *м*, ширина — 6 *м*; глубина одного из рвов от вершины вала достигала 3,9 *м*. Валы, возможно, были укреплены камнями, которые найдены теперь на дне рвов[4]. Всего на поселении было открыто в исследованной части 12 площадок.

Культурный слой поселения очень насыщен находками. Это в первую очередь керамика, на которой мы остановимся подробнее ниже (найдено около 15 тыс. фрагментов), многочисленные орудия из кремня, камня, рога и кости (около 2 тыс.), прежде всего топоры и мотыги. Есть два медных орудия типа проколок и шильев. Антропоморфная пластика представлена двумя мужскими и 67 женскими статуэтками. Фауна включает более чем 5 тыс. костей млекопитающих и кости крупных экземпляров рыб — сома, карпа.

Подавляющее большинство материалов из раскопок поселения Костешты IV представляет собой фрагменты керамики, иногда очень крупные. Керамика может быть разделена на две основные группы: расписную посуду и посуду, орнаментированную углубленным или пластическим узором.

Расписная керамика решительно преобладает (рис. 1). Она красноватого, желтоватого, иногда кремового цвета в зависимости от характера обжига, его температуры; изготовлена из тонкоструктурной, хорошо отмученной глины. Вылеплена (как и вторая категория) на специальных кружках из лыковой веревочки или на ткани, положенных на подставку. Их отпечатки многочисленны, они встречены и на керамике других памятников этого времени Днестровско-Прутского района[5]. Обжиг в основном сплошной. Лишь иногда у более толстостенных сосудов в середине излома видна неширокая серая полоса. Поверхность хорошо заглажена снаружи (а у открытых форм сосудов и изнутри), даже подвергнута частичному лощению и слабо блестит. По такому фону производится роспись матовой, преимущественно коричневой, шоколадной или черной краской, иногда в сочетании с красной или малиновой.

Основным элементом росписи является лента, составленная из нескольских полос. В одних случаях полоски, составляющие ленту, имеют одинаковую ширину, в других окаймляющие ленту полоски более широки, чем заполняющие. Ширина окаймляющих может в семь раз превышать

---

[4] *В. И. Маркевич, Е. К. Черныш.* Исследования в Пруто-Днестровском междуречье. АО — 1973, М., 1974, стр. 423.

[5] *Н. А. Кетрару.* Позднетрипольское поселение у с. Кубань. МИАЭ МолдССР, Кишинев, 1964, рис. 3, *2—3*; *Т. Г. Мовша.* Позднетрипольское поселение в с. Жванец. КСИА АН СССР, 123, 1970, рис. 26, *8*; *В. И. Маркевич.* Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970—1971 гг. АИМ 1970—71, Кишинев, 1973, стр. 75.

ширину заполняющих ленту полос. Другие элементы орнамента включают сплошные треугольники, которые спускаются от края внутрь чаши (рис. 1, *1 б*, *2 б*, *3 б*). Еще один вид ленты состоит из красной полосы с окаймлением из шоколадно-коричневых полосок той же ширины. Часто ленты на поверхности сосудов образуют овалы, соединенные тангенсообразно отрезками лент (рис. 1, *4 а*). На свободных полях овалов часты ряды ромбов с крючками, W-образных знаков, реже животные или женщины с битреугольной фигурой, часто в танцующей позе.

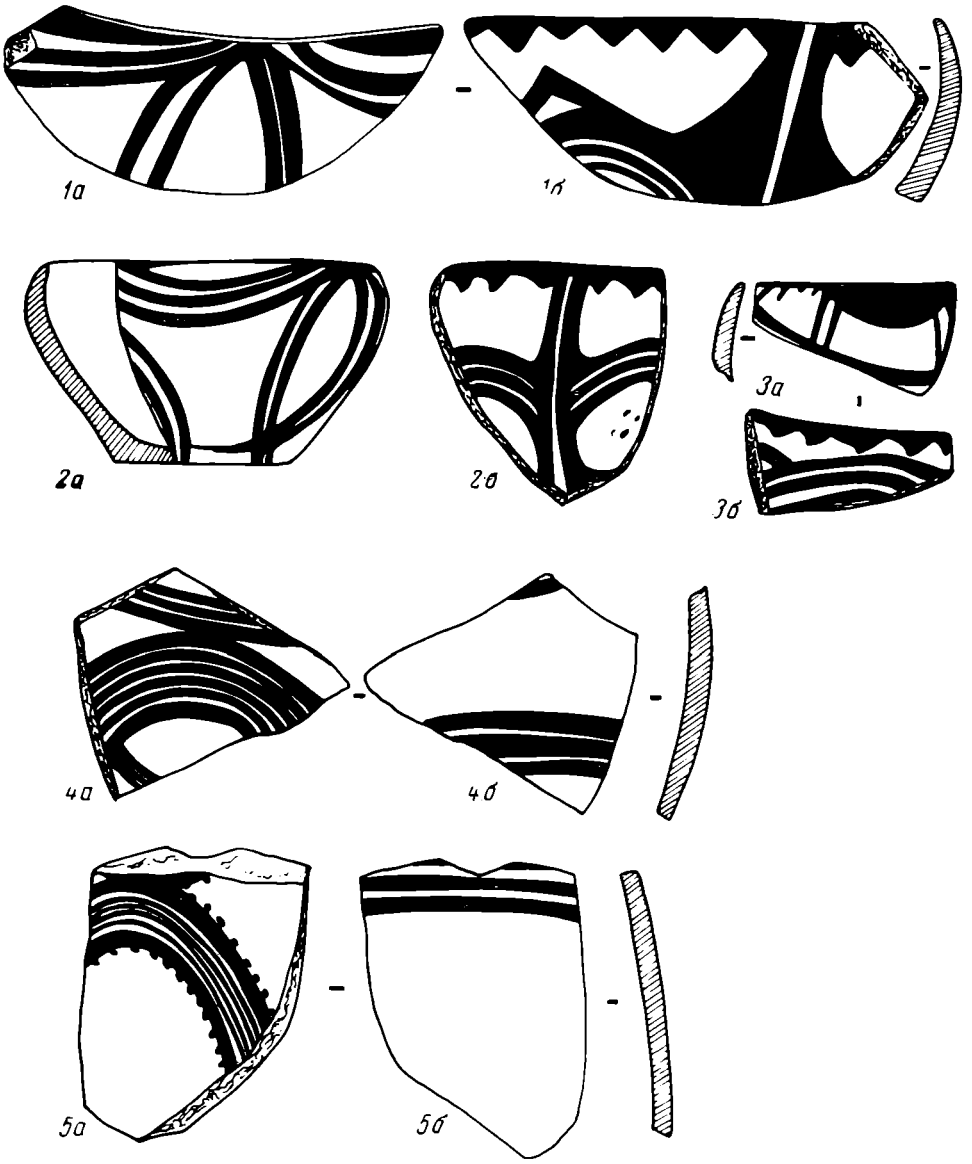


Рис. 1. Пос. Костешты IV. Керамика первой группы

Характерно обрамление самого типичного элемента орнамента — ленты — сплошными равнобедренными треугольниками малых размеров («волчьими зубами»). Имеется окаймление «языками пламени» и контурными треугольниками, выполненными, как правило, зигзагообразной линией, соприкасающейся с лентой, а также окаймление мелкими точками по краю ленты (рис. 1, *5 а*).

У чаш узоры включают гирлянды, подвешенные к краю, а также вертикальные и горизонтальные ленты. Внутри чаш ленты образуют овалы,

а от края вниз спускаются сплошные треугольники. Узоры атектоничны, т. е. не связаны с формой сосуда.

Среди расписной керамики самой распространенной формой сосуда является чаша в форме перевернутого усеченного конуса с загнутым, закругляющимся внутрь краем и плоским дном. Часты сосуды со сферическим или овальным туловом, невысокой цилиндрической шейкой и отогнутым венчиком, а также сосуды с реповидным туловом, высокой усеченно-конической шейкой и отогнутым наружу венчиком.

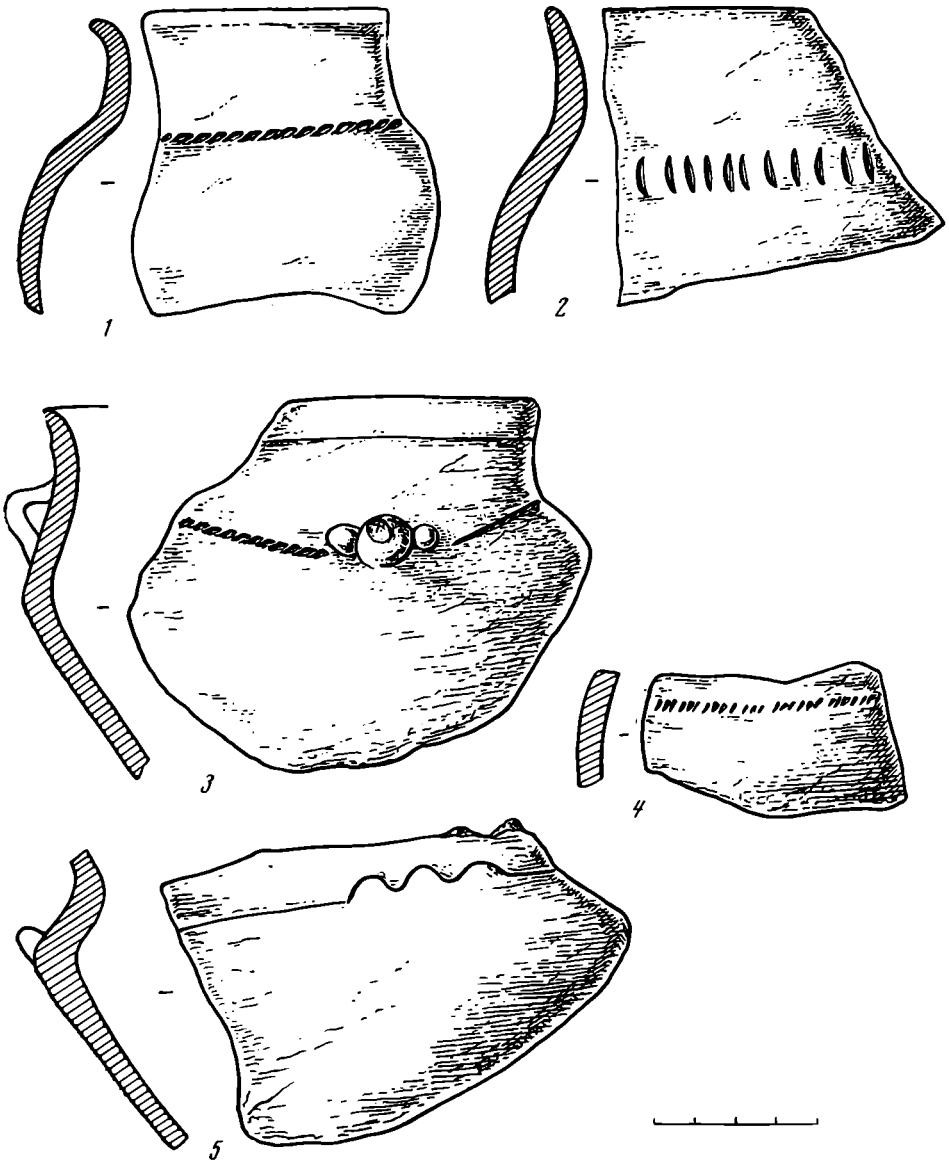


Рис. 2. Пос. Костешты IV. Керамика второй группы

По глине и обработке поверхности, обжигу и другим техническим признакам к той же группе относится и нерасписная керамика, например сосуды в виде перевернутого усеченного конуса.

Вторая основная группа керамики с поселения Костешты IV изготовлена из глины с примесью толченой ракушки (рис. 2). Поверхность серая с черными пятнами. Обжиг более слабый, но сплошной, примесь частично выгоревшая. Поверхность неровная, плохо заглаженная, следы лощения отсутствуют. На внутренней и внешней поверхности видны многочислен-

ные ямки от выгоревшей примеси, полосчатого заглаживания не наблюдается.

Элементы орнамента включают оттиски веревочки (рис. 2, *1*, *3*), пластические бугорки, иногда напоминающие головки животных (рис. 2, *3*), ряды вертикальных оттисков края раковины, реже треугольники, заштрихованные параллельно одной из сторон, выполненные оттисками шнура. Орнамент, как правило, тектоничен. Он сосредотачивается на переходе от шейки к плечикам и на плечиках сосудов.

Основные формы сосудов этой группы — небольшие горшки с округлым сферическим или слегка приплюснутым туловом, с низкой шейкой, плавно вырастающей из плечиков, и с отогнутым краем.

Поселение Брынзены-Цыганка расположено на плоской вершине скалистого останца на левом берегу р. Раковец в 30 *км* севернее поселения Костешты IV. Открыто в 1967 г. Н. А. Кетрару. Раскопано почти полностью в 1970—1972 гг. В. И. Маркевичем [6]. Исследованы остатки 25 наземных жилищ. Найдено несколько сот орудий из камня, кремня, кости, рога, медное тесло и пробойник, более 15 тыс. фрагментов керамики, более 70 целых и полностью реставрированных сосудов. По инвентарю — орудиям и керамике — поселение Брынзены-Цыганка не отличается от поселения Костешты IV, поэтому на его описании авторы не останавливаются.

Поселения Костешты IV и Брынзены-Цыганка, как и ряд других — Кубань [7], Варатик I [8], Коржеуцы I, Брынзены VI [9], расположенные по левым притокам р. Прута на труднодоступных участках рельефа в северной части Молдавии, как недавно показала Т. Г. Мовша [10], относятся к одному и тому же отрезку времени — началу периода $\gamma/_{II}$ Триполья или выделенному ею так называемому переходному периоду от $\gamma/_{I}$ к $\gamma/_{II}$ (переходный период $\gamma/_{I_2}$—$\gamma/_{II_1}$), который в отношении кукутенской периодизации помещается непосредственно за Кукутенами В.

Среди многочисленной керамики, найденной на поселениях Костешты IV, имеются несколько фрагментов, резко отличающиеся от обычной позднетрипольской посуды. Их немного, вероятно, сотые доли процента от общего количества фрагментов керамики.

Прежде всего обращает на себя внимание своей характерностью один крупный фрагмент сосуда. У него темно-коричневая с темно-серыми пятнами наружная поверхность, заглаженная, а затем лощеная до блеска. Видны следы лощила — узкие полоски, которые идут вертикально на ушке и на плечиках и горизонтально на перегибах профиля. В изломе черепок почти черный, за исключением тонкой наружной полоски коричневого цвета. Характерна слоистость глины в изломе. Примесь мельчайших частичек слюды видна на поверхности фрагмента. Внутренняя поверхность черепка темно-серая, почти черная, гладкая. Черепок происходит от довольно крупного сосуда (рис. 3, *1*; 4, *1*), форма которого характеризуется относительно резким переломом в профиле на высоте наибольшего диаметра. Почти на уровне этого перелома прикреплено ушко своеобразной формы, со слегка заостренным и приподнятым вверх кончиком и крупным горизонтальным отверстием, напоминающее птичий ключ.

По технике изготовления, тесту, характеру обжига, примеси, обработке поверхности, и конечно, по своеобразной форме ушка этот фрагмент резко отличается от обычной позднетрипольской керамики и напоминает скорее керамику медного века восточной части Карпатского бассейна

---

[6] *В. И. Маркевич.* Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970—1971 гг., стр. 66—78.

[7] *Н. А. Кетрару.* Позднетрипольское поселение у с. Кубань..., стр. 81—90.

[8] *Н. А. Кетрару.* Археологические разведки..., стр. 268—270.

[9] *В. И. Маркевич.* Памятники неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР, 2. Кишинев, 1973, стр. 50, 60.

[10] *Т. Г. Мовша.* О северной группе позднетрипольских памятников. СА, 1971, 1, стр. 32—34; *ее же.* Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілля. Археологія, 5, 1971, стр. 16.

красновато-коричневыми пятнами на поверхности, примесью слюды в тесте, слабо поблескивающей на поверхности, следами лощения на хорошо залощенной в целом поверхности, черным слоистым изломом [11]. Но эти признаки еще недостаточно специфичны, и поиски аналогий для этого фрагмента были бы трудным делом, если бы не характерная форма ушка, напоминающего птичий клюв. Этот тип ушка получил название клювовидного (vtácie zobáky, beak — formed lug). Он является характерной

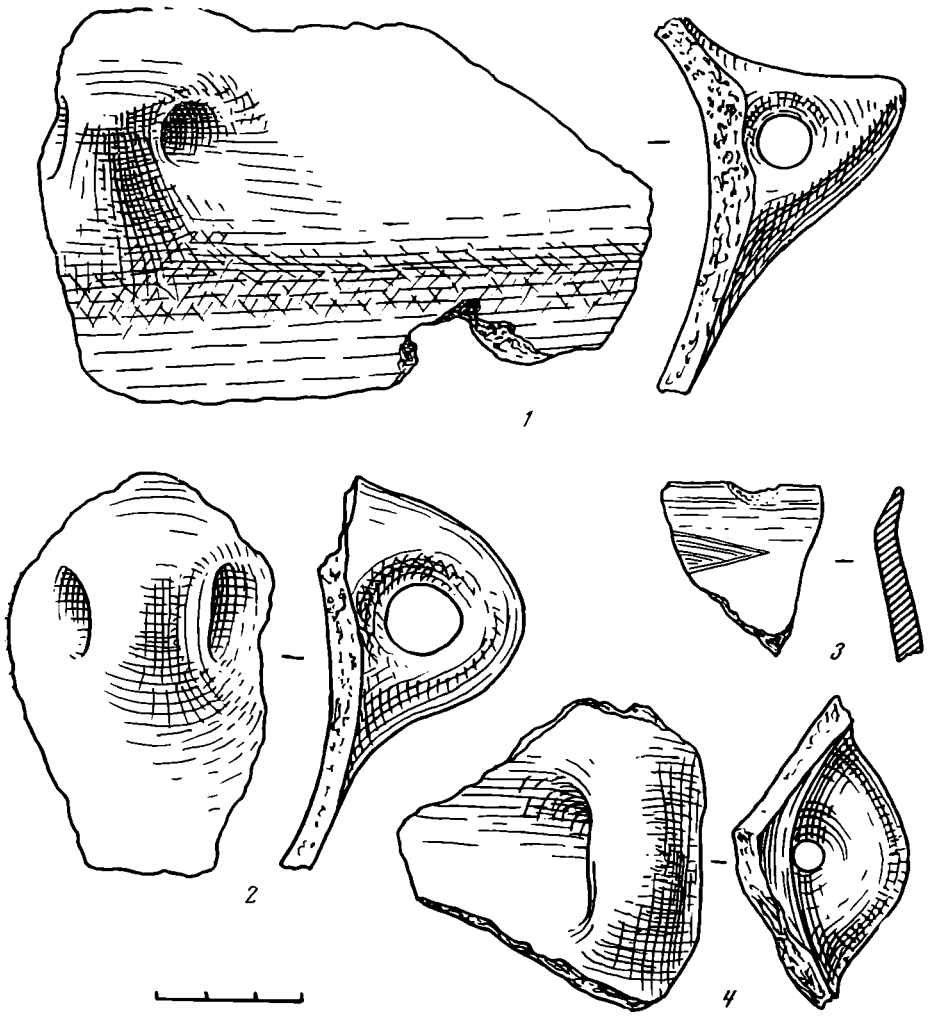


Рис. 3. Пос. Костешты IV. Керамические «импорты»

чертой, присущей керамике культуры Тисаполгар, распространенной в раннем медном веке в восточной части Карпатского бассейна. Аналогий для этой формы ушка можно привести множество как очень близких по деталям формы, так и более отдаленных. Например, на территории Закарпатской области УССР на правом берегу р. Тиса в окрестностях Берегово в 1930 г. Я. Бёмом было раскопано два поселения культуры Тисаполгар на горе Дедово, в местности Хомполог (A и B). Среди найденных

[11] Таковы, например, по своему внешнему виду сосуды из Эрд-Эрдсигет, которые одному из авторов удалось подробно изучить в Венгерском национальном музее в Будапеште (MNM 60.40.2.3), что особенно важно, поскольку в работах венгерских авторов технике изготовления энеолитической керамики, особенностям обжига, обработке поверхности и другим деталям уделяется мало внимания.

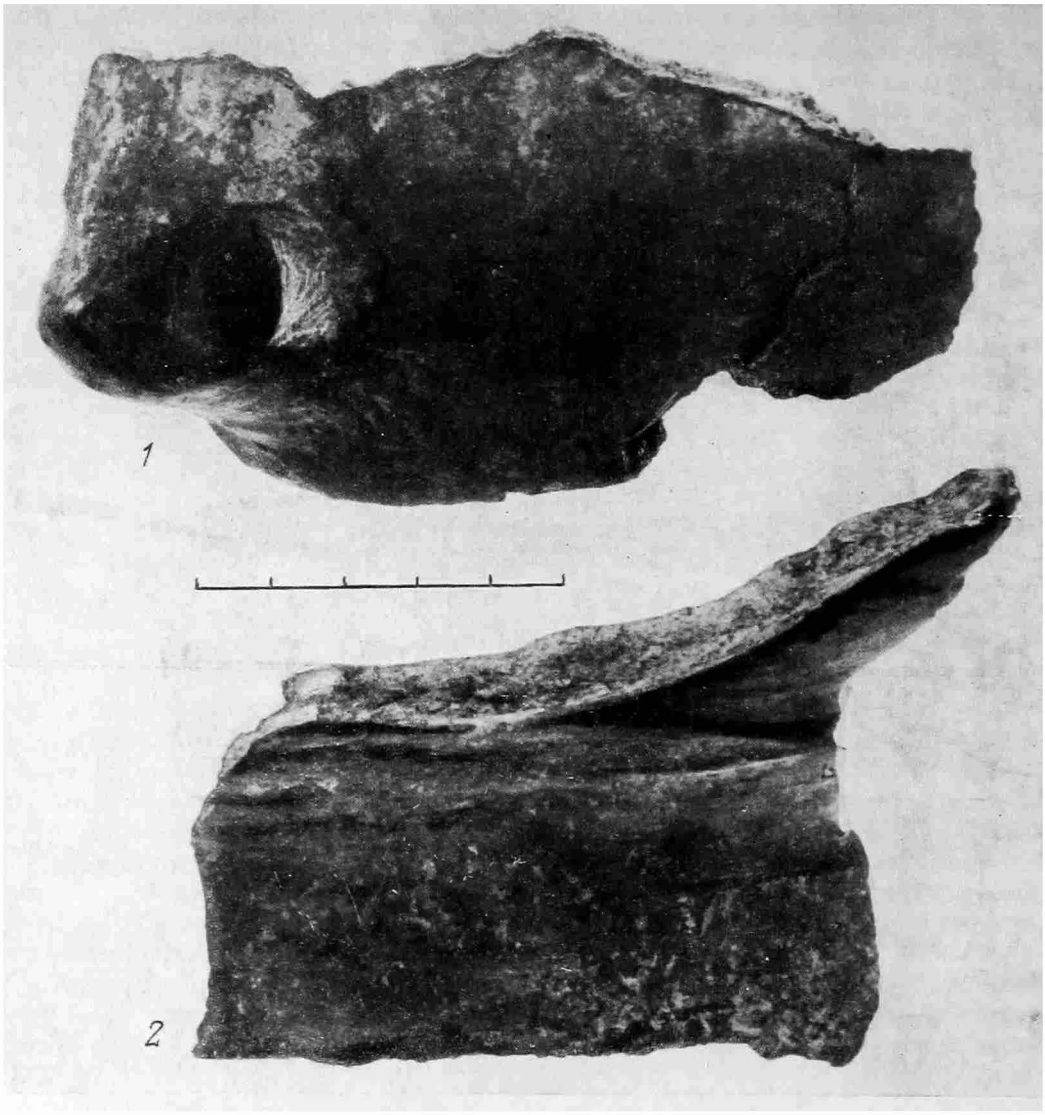


Рис. 4. Пос. Костешты IV. Керамические «импорты»

там фрагментов имеются несколько с аналогичными ушками (рис. 5, *2—5*) [12].

Другая аналогия — фрагмент чаши с отогнутым наружу краем и подобным ушком был открыт при раскопках Я. Плотени у с. Великие Лазы Ужгородского района УССР в 1902 г. У этого фрагмента коричневая заглаженная поверхность, черный излом, в тесте — примесь песка [13]. (рис. 5, *1*). Многочисленные аналогии именно этому варианту клювовидного ушка с крупным округлым или овальным горизонтальным отверстием без труда можно найти в публикациях памятников культуры Тисаполгар Словакии [14] и Венгрии [15]. Насколько нам известно, подробная типоло-

[12] Дедово 30. № А ЗМ 6065, А — 217/7 в Закарпатском краеведческом музее Коричневатый черепок с примесью крупного шамота. Растрескавшаяся поверхность, возможно, следствие пребывания в огне.

[13] З. М. 6063, А — 215/26 в Закарпатском краеведческом музее. Рисунком этого фрагмента авторы обязаны М. Ф. Потушняку, которому очень признательны.

[14] *S. Šiška.* Tiszapolgárska kultura na Slovensku. SlA, XVI — 1, 1968, obr. 19, *7*; 9, *1, 3, 4*; Tab. VIII, *11*; XI, *6, 16.*

[15] *I. Bognár-Kutzián.* The Early Copper Age Tiszapolgár Culture in the Carpatian Basin. Budapest, 1972, Pl. III, *7*; VII, *6*; XV, *5*; XXII, *3*; XLII, *7*.

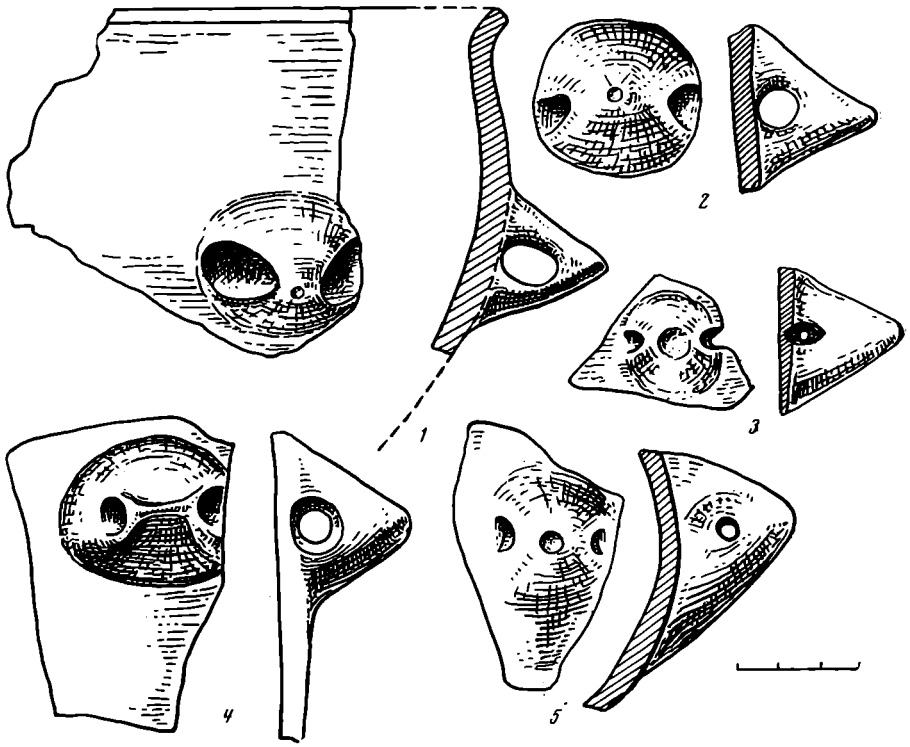


Рис. 5. Клювовидные ушки с поселений тисаполгарской культуры в Закарпатье. *1* — пос. Великие Лазы Ужгородского р-на Закарпатской обл. УССР. (Закарпатский краеведческий музей — ЗКМ З. М. 6065. А — 215/26); *2—3* пос. Дедово Береговского р-на Закарпатской обл. УССР (Хомполог В/ЗКМ З. М. 6065. А — 217/16); *4* — пос. Дедово (Хомполог А/ЗКМ — З. М. 6065); *5* — пос. Дедово-Товар (ЗКМ — З. М. 6065)

гия клювовидных ушек тисаполгарской культуры никем не разработана. Не расчленены они ни в хронологическом, ни в локальном отношении, хотя очень разнообразны как по деталям формы, так и по размерам и формам отверстий. Кажется только, что на так называемой прототисаполгарской фазе подобные ушки имеют незначительные размеры[16] в отличие от более крупных (2,5—3,5 *см* длины), характерных для тисаполгарской культуры в собственном смысле.

Еще два фрагмента, оба с ушками (рис. 3, *2*, *4*; 6, *2*, *3*), отличаются от первого более светлым тоном поверхности и менее интенсивным лощением (у одного из них лощение на внутренней поверхности — см. рис. 3, *4*; 6, *3*). Обжиг двуслойный. Примесь шамота может быть отмечена у обоих черепков. У одного из них очень мелкие ямки от выгоревшей примеси немногочисленны на наружной поверхности (рис. 3, *2*; 6, *2*). Оба ушка были прикреплены к наружной поверхности сосуда и плохо соединены со стенкой. От сильного нажима лишь прогнулась стенка сосуда. На меньшем фрагменте ушко могло размещаться и вертикально. Малая величина черепка не позволяет определить положение ушка точнее.

Этим ушкам более простой формы также можно найти аналогии в тисаполгарской культуре, особенно для того, который отличается известной асимметрией формы (рис. 3, *2*). Ушки подобной формы встречены на сосуде культуры Тисаполгар из Недьеша, например[17]. Обратим внимание, что ушко этого типа располагается на тулове ниже уровня наибольшего диаметра сосуда и потому обращено вниз. Так обстоит дело с аналогич-

[16] *S. Šiška.* Tiszapolgárska kultura na Slovensku..., obr. 5, *3*.
[17] *I. Bognár-Kutzián.* The Early Copper Age Tiszapolgár Culture..., Pl. I, *6*.

ным ушком и на сосуде из могильника Тиваба[18]. Несколько более симметрично ушко, помещенное примерно на середине тулова сосуда из могилы 23 некрополя Тисаполгар-Башатанья[19] и из могил 39 и 45[20]. Более отделенная аналогия с симметричной формой ушка известна из Тисаполгар — Фолиаш-Силмег[21].

При раскопках позднетрипольского поселения Костешты IV найден еще один крупный фрагмент чуждой для позднетрипольской культуры

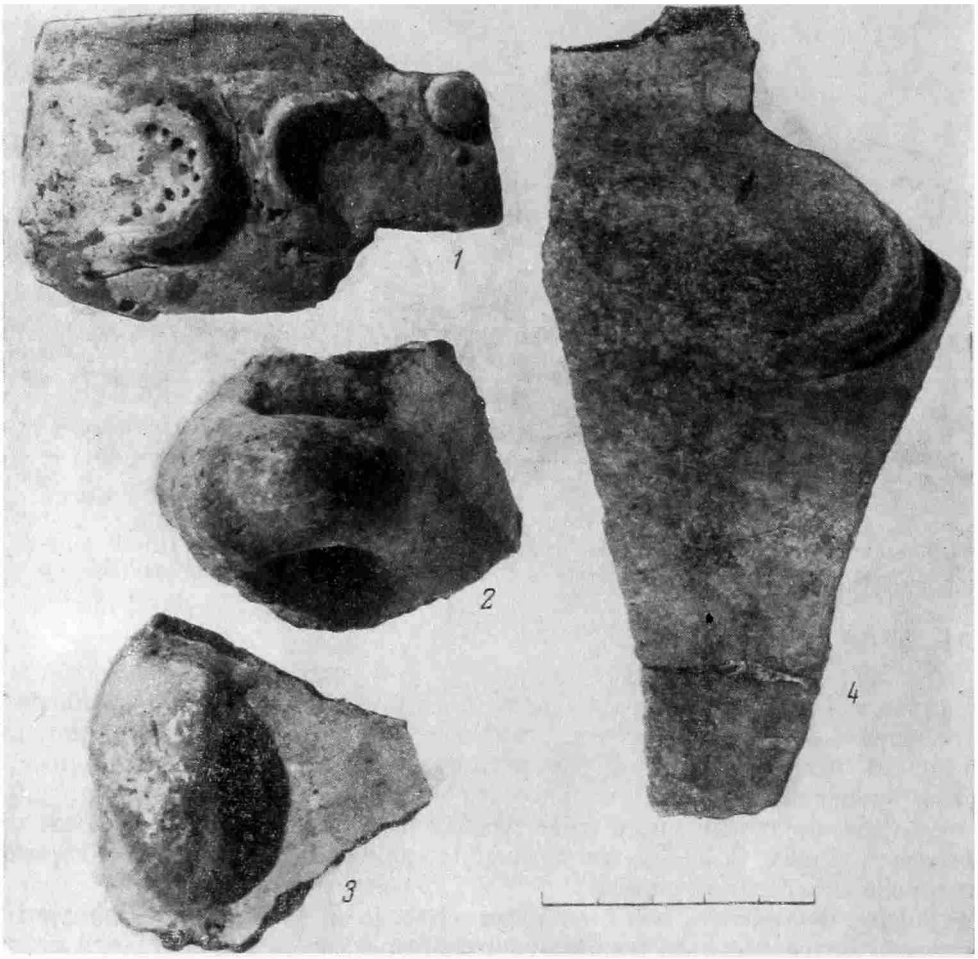


Рис. 6. *1* — пос. Брынзены-Цыганка; *2—4* — пос. Костешты IV

керамики (рис. 6, *4*). Речь идет о фрагменте высокой чаши S-образного профиля с той же характерной красновато-серой поверхностью пятнами и затеками, что свойственно предыдущим двум чужеродным в трипольской среде черепкам. Фрагмент довольно тонкостенный (5—6 *мм*), очень плотного теста, в котором заметна примесь слюды. Обжиг двуслойный. Наружная и внутренняя поверхности хорошо заглажены и слегка поблескивают. Край отогнут, шейка мягко переходит в плечики. На плечах рельефный валик в форме полумесяца, помещенный вертикально. Рель-

[18] *K. Andel.* Pohrebisko z doby medenej v Tibave na východnom Slovensku. SlA, VI, 1958, 1, Tab. V, *7*. Вероятно, тот же самый сосуд у *S. Šiška.* Pohrebisko tiszapolgárskej kultúry v Tibave. SlA, XII, 1964, 2, Obr. 27, *13*.

[19] *I. Bognár-Kutzián.* The Copper Age Cemetery of Tiszapolgár — Basatanya. Budapest, 1963, Pl. XXX, *7*.

[20] Ibid., Pl. XLIX, *7*; LV, *5*.

[21] *I. Bognár-Kutzián.* The Early Copper Age Tiszapolgár Culture..., Pl. LII, *5*.

ефные валики встречены в орнаментации тисаполгарской посуды, как, например, на фрагменте полого поддона из Ападь-Надьсигет, где мы видим три вертикальных пластических ребра [22], и на поддоне из Тисанадьфалу [23]. Однако почти полное отсутствие точных аналогий пластическим налепам на плечиках сосудов тисаполгарской культуры заставляет нас более осторожно относиться к вопросу о происхождении этого фрагмента и вспомнить, что пластические налепы встречаются и на плечиках воронковидных кубков [24].

Интересно, что на поселении Брынзены-Цыганка в раскопе 1971 г. найден фрагмент с аналогичной орнаментацией — двумя рельефными налепными полумесяцами, помещенными на плечах сосуда меньших размеров (рис. 6, *1*). Сам фрагмент из Брынзен также резко отличается от типичной позднетрипольской керамики, в среде которой он найден, примесью шамота к тесту, трехслойным обжигом с четкой разницей между черным слоем внутри и желтовато-коричневым снаружи. Поверхность сосуда довольно сильно изношена. Может быть, сосуд побывал в пожаре, который привел к растрескиванию поверхности. Сосудик S-овидного профиля с отогнутым краем, утолщением стенок на плечах, которые отделены от края канавкой. Налепные полумесяцы были орнаментированы рядом горизонтальных проколов. Кроме пластических полумесяцев на плечах, видимо, имелся ряд плоских налепных шайбочек, от которых сохранилась только одна.

Орнаментация из налепных пластических шайбочек под краем или на плечах сосудов очень типична для культуры Тисаполгар как на территории Словакии, так и Венгрии, например на керамике поселения Тибава [25], в Ападь-Надьсигете [26], на сосуде из могилы 17 Бодрогжадань-Акостосер шайбочки образуют даже очень своеобразный узор [27]. А на одном черепке из Тисавалк (группа Хуняди-Халом, согласно И. Богнар-Кутциан) орнамент из пластических шайбочек сочетается с расположенным горизонтально пластическим полумесяцем [28].

Среди чужеродных керамических фрагментов с позднетрипольского поселения Костешты IV привлекает внимание еще один своим превосходным лощением как внутренней, так и наружной поверхности, которое производилось, видимо, по предварительно ангобированной поверхности (рис. 4, *2*). Во всяком случае тонкий верхний слегка отслаивающийся слой глины может быть отмечен на наружной поверхности. Черепок плотный, обжиг от одно- до трехслойного. Лощение полосчатое — темно- и светло-коричневое. Глина комковатая. Интересна форма сосуда: черепок, несомненно, происходит от так называемого Fußboden. Этот не слишком удачный термин означает нижнюю часть сосуда, развившуюся из полого поддона или полой ножки путем опускания вниз перемычки между собственно сосудом и поддоном и образования настоящего дна. Образование Fußboden значительно увеличивает емкость сосуда, не меняя общих его очертаний.

Этот фрагмент явно не позднетрипольский, но мы отнюдь не уверены, что он тисаполгарский. Во всяком случае в культуре Тисаполгар мы не нашли аналогичной формы. Правда, это может объясняться тем, что в большинстве венгерских работ, посвященных этой культуре, отсутствуют профили сосудов. Поэтому нельзя понять, являются ли все изображенные

---

[22] *I. Bognár-Kutzián.* The Early Copper Age Tiszapólgar Culture..., Pl. II, *13.*
[23] Ibid., Pl. XII, *5.*
[24] *A. Houšt'ová.* Die Trichterbecherkultur in Mähren, FAP, vol. 3, Pragae, Taf. XVIII, *1*; XXI, *4, 6, 7*; XXII, *4, 6*; XXIV, *8.*
[25] *S. Šiška.* Tiszapolgárska kultura na Slovensku..., Tab. VI, *13, 15—21.*
[26] *I. Bognár-Kutzián.* The Early Copper Age Tiszapolgár Culture..., Pl. II, *1—11.*
[27] Ibid., Fig. 33, *la, b.*
[28] *I. Bognár-Kutzián.* Probleme der Mittleren Kupferzeit im Karpatenbecken. SZ AÚSAV, 17, Nitra, 1969, Abb. 9, 10.

в фотографиях или рисунках сосудов поддоны и ножки настоящими полыми поддонами — ножками или же часть из них уже Fußboden.

Таким образом, при раскопках позднетрипольского поселения Костешты IV и, возможно, Брынзены-Цыганка было найдено несколько фрагментов керамики, которые по ряду признаков не могут рассматриваться как позднетрипольские, но являются чуждыми в трипольской среде, причем аналогии для большей части из них могут быть найдены на западе, в керамике культур медного века восточной части Карпатского бассейна, и прежде всего — в тисаполгарской культуре. В связи с этим встает вопрос, насколько прочно эти черепки могут быть увязаны с позднетрипольским поселением, на котором они найдены. Может быть, следует предположить проникновение на Прут западных, тисаполгарских племен, которые оставили свой памятник, поселение или могильник? Против такого предположения говорит характер находок — несколько отдельных черепков, даже не целых сосудов, которые могли бы свидетельствовать в пользу существования здесь могильника, равно как и значительная удаленность левобережья среднего течения р. Прут от района распространения тисаполгарской культуры.

О том, что рассмотренные выше черепки действительно связаны со слоем позднетрипольского поселения, в котором они найдены, говорит еще одна находка: ушко, вылепленное из теста с примесью толченой раковины, с небрежно заглаженной поверхностью светло-коричневого цвета без следов лощения (рис. 7), но по форме приближающееся к асимметричной форме ушка (рис. 3, *2*), рассмотренной нами выше. Поскольку данная форма совсем не характерна для позднетрипольской посуды с примесью раковины в тесте (наша вторая группа керамики с поселения Костешты IV — см. стр. 6—7), то это ушко может рассматриваться как подражание чуждой для местного населения форме в характерной местной керамике. Следовательно, мы вправе предположить, что тисаполгарская и другая западная посуда появилась на позднетрипольских памятниках Прутского левобережья в результате межплеменного обмена.

В заключение обзора новых находок западных импортов с позднетрипольских поселений на левобережье р. Прут обратим внимание на два плоских медных топора, найденных на поселениях Брынзены — Цыганка [29] и Совхоз им. Мичурина II (последнее расположено в Сорокском районе Молдавской ССР) [30] (рис. 8). Как известно, плоские медные топоры появляются вместе с проушным в трипольской культуре уже в конце этапа А в материалах Карбунского клада [31] и сохраняются до конца трипольской культуры [32]. Однако эти два топора отличаются от обычных трипольских плоских топоров формой обушка и сечением. Форму обушка, который особенно тщательно выполнен у второго топора, едва ли можно объяснить только деформацией в результате долгого использования, как это делает М. Новотна для аналогичных форм [33]. Конечно, лишь металлографический анализ позволит окончательно выяснить происхождение этой своеобразной формы обуха. Мы же хотим обратить внимание на определенное сходство, которое имеется у этих топоров с топором типа Сакалхат, выделенном П. Патаи в конце 50-х годов [34]. Речь идет о плоском

---

[29] *В. И. Маркевич.* Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970—1971 гг., стр. 70 и 73, рис. 7, *7*.

[30] *Его же.* Памятники неолита и энеолита..., стр. 89.

[31] *Г. П. Сергеев.* Раннетрипольский клад у с. Карбуна. СА, 1963, 1, стр. 137, рис. 2, *1*.

[32] Наиболее полная сводка в кн.: *Н. В. Рындина.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. 1971, стр. 140—141, рис. 31 и др.

[33] *M. Novotná.* Die Äxte und Beile in der Slowakei. PBF, IX, 3, München, 1970, S. 14.

[34] *P. Patay.* Rézkori aranyleletek-Kupferzeitliche Goldfunde. AÉ, 1958, 1, S. 46; *Idem.* Kupferzeitliches Gräberfeld in Polgar am Bacsókert genannten Hügel. AAH, IX, 1959, S. 149.

медном топоре, который характеризуется почти прямоугольным поперечным сечением. Тулово расширяется с мягким изгибом к лезвию. Лезвие плавно изогнуто. Тулово топора асимметрично — одна сторона выпуклая, другая — плоская или же слегка вогнутая. Находки таких топоров в Мёзёшаше и в могиле 2 Полгар-Бачокерт показали связь этого типа топоров

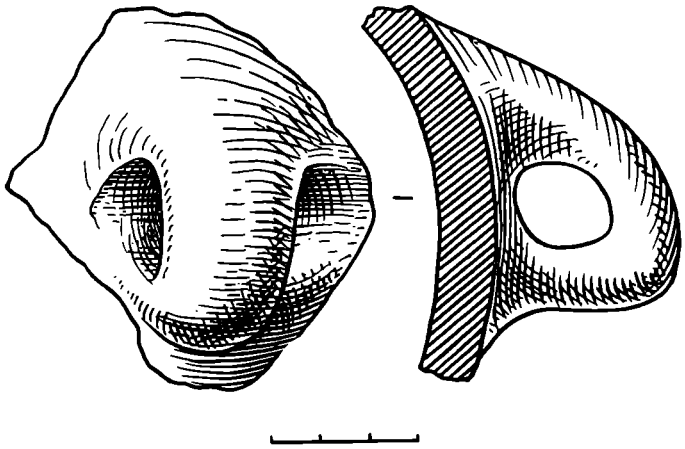


Рис. 7. Пос. Костешты IV. Керамический фрагмент второй группы

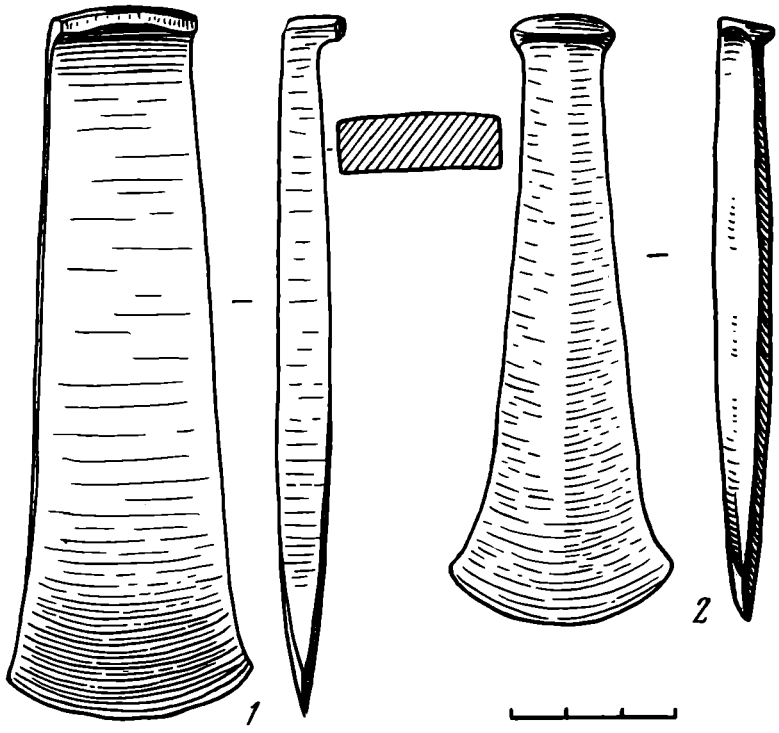


Рис. 8. Медные плоские топоры с позднетрипольских поселений Северной Молдавии: *1* — Брынзены-Цыганка; *2* — совхоз им. Мичурина II

с бодрогкерестурской культурой, а название типа Сакалхат является довольно неудачным, поскольку вызывает ассоциации с группой Сакалхат-Лебё, отнюдь не связанной с бодрогкерестурской культурой, а относящейся к позднему неолиту (время Винчи В). Случайные находки топоров этого типа не выходили за пределы территории распространения бодрог-

керестурских памятников. Из вновь найденных на территории Молдавии топоров особенно близок к типу Сакалхат второй, с поселения Совхоз им. Мичурина II (рис. 8, *2*). У него особенно четко выражено расширение тулова к лезвию, выпуклое лезвие и асимметрия тулова. Он почти не отличается от топора из могилы Полгар-Бачокерт [35]. Его обух почти полностью аналогичен типичному топору Сакалхат из этого могильника [36]. Брынзенский экземпляр менее развит типологически и потому, возможно, более ранний.

При этом мы не можем не возразить Ю. Дрихаузу, который отнес значительную часть трипольских плоских топоров к типу Сакалхат [37]: и топор из Кукутень А, и топор из Городницы, как и ряд других топоров с других территорий (из Иордансмюля [38], из клада Штоллхоф) [39]. У Дрихауза тип Сакалхат утрачивает те специфические черты, которые и создают определенный тип плоского топора, связанного с бодрогкерестурской территорией и временем. Видимо, Ю. Дрихауз принимал во внимание лишь общую форму топора, а отнюдь не профили и не слабую асимметрию, которую обычно невозможно видеть на фотографии топоров в публикациях, на которые ссылается Ю. Дрихауз. Отсюда тип Сакалхат теряет у него свое первоначальное значение как тип, связанный со средней частью медного века Карпатского бассейна.

Наконец, мы спрашиваем себя, как велико хронологическое значение костештской находки. То, что она не соответствует рамкам традиционной относительной хронологии, уже ясно из рассмотрения приведенной на стр. 150 синхронизации В. Думитреску. В какой степени костештская находка может повлиять на синхронизацию культур кукутенско-трипольского круга и алфёлдского медного века? Означает ли эта находка, что тисаполгарская культура еще существовала в Алфелде, когда на Пруте и на Верхнем Днестре уже начался этап $\gamma/_{II}$ трипольской культуры? Ответить на этот вопрос нелегко. Слишком плохо известны памятники медного века в Трансильвании. Еще имеет хождение точка зрения М. Русу о существовании «фации Орадя» в западной Трансильвании, в которой выступают как частично одновременные и взаимосвязанные все три культуры восточновенгерского медного века, тисаполгарская, бодрогкерестурская и баденская. Может быть, и в других частях Трансильвании Тисаполгар выступает поздно и в смешанном с Бодрогкерстуром виде и таким путем попадает на Прут? Но против такого предположения говорит один момент, на который как-то не обращали внимание до сих пор, а именно появление некоторых свойственных бодрогкерестурской культуре форм в позднем Триполье на этапе, уже более позднем, чем начало этапа $\gamma/_{II}$, когда нами отмечено тисаполгарское влияние. Мы имеем в виду типичнейший сосуд культуры Бодрогкерестур — «молочную крынку», т. е. сосуд с шаровидным туловом, с довольно высокой слегка суживающейся кверху шейкой и с двумя небольшими ушками наверху [40]. В трипольском контексте эта форма появляется в кургане 41 у Паркан [41], относящемся к усатовскому времени. Теперь крупный фрагмент аналогичного сосуда найден и в Северной Молдавии и, следовательно, относится не к усатовскому локальному варианту, а к усатовскому хронологическому этапу [42].

[35] *P. Patay.* Kupferzeitliches Gräberfeld in Polgar..., Taf. I, *18.*

[36] Ibid., S. 145, Abb. 4.

[37] *J. Driehaus.* Die Altheimer Gruppe und das Jungneolithikum in Mitteleuropa. Mainz, 1960, S. 166—168.

[38] *H. Seger.* Schlesien. RLV, XI, Berlin, 1927, l, Taf. 80, *i.*

[39] *W. Angeli.* Der Depotfund von Stollhof. Annalen des Naturhistorisches Museums in Wien, 70, 1967, S. 491—496, Taf. 2.

[40] *P. Patay.* A bodrogkereszturi kultura temetöi. Régészeti Füzetek, Ser. II 10. szám, 1961, táb. I, *4, 11*; III, *22, 23*; IV, *1, 2*; VIII, *3*; IX, *1*; XI, *2* etc.

[41] *Т. С. Пассек.* Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, стр. 203, рис. 98, *4.*

[42] Здесь, как и выше, мы пользуемся периодизацией позднего Триполья, предложенной Т. Г. Мовшей. См. прим. 10 к настоящей статье.

Он происходит из зачисток палеолитического поселения Костешты II, которое раскапывалось в 1973 г. (рис. 9). По технике изготовления, тесту — это типичный позднетрипольский сосуд сплошного обжига, цвета терракоты с матовой шоколадно-черной росписью. Орнаментальный пояс — от плечей до нижней части тулова — ограничен лентами. Сверху лента из двух прямых полос, окаймленных двумя волнистыми, снизу лента из прямых полос. От верхней ленты спускаются вниз треугольники, образованные из трех полос неравной ширины. В образовавшиеся таким образом треугольники, стоящие на нижней ленте, вписаны еще треугольники с вершиной на нижней ленте и сторонами, пересекающими середину сторон свисающих треугольников. Каждый из треугольников пересечен еще двумя-тремя горизонтальными волнистыми линиями. Весь рисунок выполнен довольно небрежно. Тулово сосуда яйцевидное с наибольшим диаметром выше середины высоты, плавно переходящее в низкую шейку, сильно расширяющуюся к краю, к которому прикреплено ушко (ему первоначально соответствовало другое на противоположной стороне). Нижнее прикрепление ушка находится на середине высоты шейки. Ширина ушка 1,5, высота 2,5 *см*.

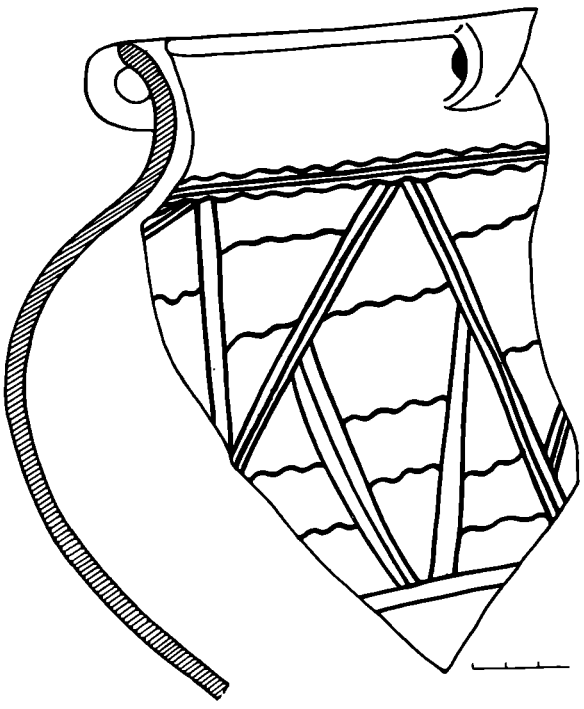


Рис. 9. Костешты, *1* — фрагмент сосуда

Появление в позднем Триполье «молочных крынок» и некоторых других бодрогкерестурских форм на стадии развития более поздней, чем появление тисаполгарских импортов,— достопримечательное явление, которое доказывает лишний раз, что влияние различных ступеней медного века Карпатского бассейна доходило до кукутенско-трипольского круга последовательно, а не параллельно и одновременно, и соответственно этому можно считать, что переход от раннего к среднему медному веку в Карпатском бассейне, видимо, падает на самое начало позднетрипольского времени.

V. S. Titov, B. I. Markévitch

NOUVELLES DONNEES SUR LES RAPPORTS OCCIDENTAUX DE TRIPOLIE FINAL

Résumé

Le problème de la synchronisation des civilisations faisant partie du complexe de Tripolié — Cucuteni avec leurs voisins occidentaux est l'objet de la discussion permanente [1, 2]. Les fouilles de 1973 sur le site de Kostesti IV[4] (village de Tripolié final: rive gauche du Prout dans la Moldavie du Nord) ont livré de nouvelles donnés pour sa résolution. D'après l'ensemble des matériaux et tout d'abord l'ensemble de la poterie, le site de Kostesti IV peut être attribué à la période transitoire de l'étape γ/I à l'étape γ/II.

Selon la périodisation de Cucuteni il doit se placer immédiatement après la période B[10]. Deux groupes céramiques sont caractéristiques pour ce village: vaisselle peinte au noir et au rouge sur la surface couleur terre cuite (fig. 1) et poterie à décor enfoncé et plastique dont la pâte est additionnée de coquillages pilés (fig. 2). Sur le site de Kostesti, à part la vaisselle typiquement tripolienne, on a découvert quelques fragments de poterie qui, d'après la technique de fabrication, la pâte, l'addition à l'argile, le travail de la surface et la forme des oeillets, se distingue nettement de la poterie de Tripolié récent (fig. 3—4) et se rapproche de celle du chalcolithique du bassin de Karpathes [11]. Certains de ces fragments, surtout celui à oeillet becquiforme, accusent un lien incontestable avec la civilisation de Tiszapolgár sur la portion orientale du bassin de Karpathes. On trouve les analogies à l'oeillet becquiforme provenant du village de Kostesti IV aussi bien sur les sites de la civilisation de Tiszapolgár dans la Transkarpathie soviétique, sur les sites de Vélikié Lasy, de Dédovo — Hompolog A et B et de Tovar (fig. 5) que sur les villages et les nécropoles de la civilisation de Tiszapolgár sur le territoire de la Tchécoslovakie et de la Hongrie [14—15]. D'autres tessons étrangers trouvés sur le site de Kostesti IV ont les rapports plus lointains avec le chalcolithique du bassin de Karpathes [16—23]. Les auteurs font remarquer une certaine ressemblance de deux haches plates en cuivre recemment trouvées sur les sites de Tripolié final au nord de la Moldavie: villages de Brinzeny — Tsiganka [6, 29] et celui près du sovkhoz Mitchourine II[40] (fig. 8) avec les haches du type de Szakalhat, reconnues par P. Patay[34], et qu'il a mis en relation avec la civilisation de Bodrogkeresztur. L'influence de la poterie de la civilisation de Bodrogkeresztur n'apparait pourtant que sur un échelon plus développé de l'évolution qui est, lui, en rapport avec la période d'Oussatovo, ce qui est attesté par l'imitation des «cruches à lait» dans la poteie peinte de type Oussatovo (tumulus près du village de Parcani [45], village de Kostesti II (fig. 9). A l'avis des auteurs, de nouveaux matériaux témoignent que la période de transition de la civilisation de Tiszapolgár à celle de Bodrogkeresztur, c'est-à-dire du chalcolithique initial au moyen, dans le bassin de Karpathes tombe sur la période γ/II de Tripolié.

Л. Т. ПЬЯНКОВА

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ ТИГРОВАЯ БАЛКА

В 1961—1967 гг. Южно-Таджикистанским археологическим отрядом Таджикской археологической экспедиции Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР под руководством Б. А. Литвинского произведены раскопки ряда могильников эпохи бронзы, расположенных в Южном Таджикистане, по берегам притоков Пянджа-Вахша и Кызыл-Су [1]. Могильники были отнесены к вахшской культуре [2].

Могильник Тигровая Балка расположен на правобережье Вахша, на верхней его террасе, вблизи кишлака Якка-Писта Шаартузского района (рис. 1). Погребальные сооружения хорошо заметны на поверхности. Это курганные насыпи круглой или овальной формы, в нескольких случаях — подпрямоугольной или подквадратной, разной величины (от 2,3 до 14 *м* диаметром), в большинстве случаев окруженные каменными кольцами. Частично камни покрывают и поверхность самой насыпи, иногда образуя выкладки различной формы, чаще всего неправильной. Высота насыпей тоже различна: от 0,5 до 1,1 *м*. Насыпь состоит из лёсса, галечника и камней разной величины. Несколько курганов окружены еще внешними каменными кольцами, расположенными за пределами насыпи.

Могильник Тигровая Балка насчитывает 130 курганов. Они располагаются тремя группами-цепочками, разделенными между собой саями. Общая ориентировка этих цепочек курганов с запада на восток — юго-восток, соответственно рельефу местности и направлению перерезающих территорию могильника саев.

Раскопано 116 курганов, все они, за исключением двух, являются могилами подбойно-катакомбного типа [3]. Входная яма — дромос заполнена лёссом и камнями разной величины, чаще всего очень крупными. Иногда камни встречаются и в заполнении камеры, но только в верхней ее части.

Погребальные сооружения могильника Тигровая Балка отличаются друг от друга формой дромосов (рис. 2). Большая часть сооружений (около 70% всех раскопанных могил) имеет дромосы овально-прямоугольной формы. Могилы с такими дромосами делятся на два типа: I — с погребальной камерой-катакомбой (рис. 2, *1*), II — с погребальной камерой-подбоем (рис. 2, *2*). Первые занимают преобладающее положение в могильнике (31 погребальное сооружение). Каких бы то ни было строгих правил в расположении длинных осей дромосов относительно стран света в могилах с катакомбами не наблюдается, хотя можно отметить незна-

[1] Могильники Вахш I, Маконн-Мор, Ой-Куль, Тигровая Балка, Джар-Куль. В работе отряда принимали участие сотрудники сектора археологии Института истории им. А. Дониша Э. А. Юркевич, Х. Мухитдинов, Т. П. Кияткина, Ю. Якубов, Л. Пьянкова, В. Соловьев, Н. Турлыгин, Н. Винниченко и др.

[2] Название «вахшская культура» предложено Б. А. Литвинским (см. *Б. А. Литвинский.* Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов). Сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 158).

[3] Подбоем мы называем погребальную камеру-нишу, вырытую в длинной стене дромоса; катакомбой — камеру, вырытую в его короткой стороне.

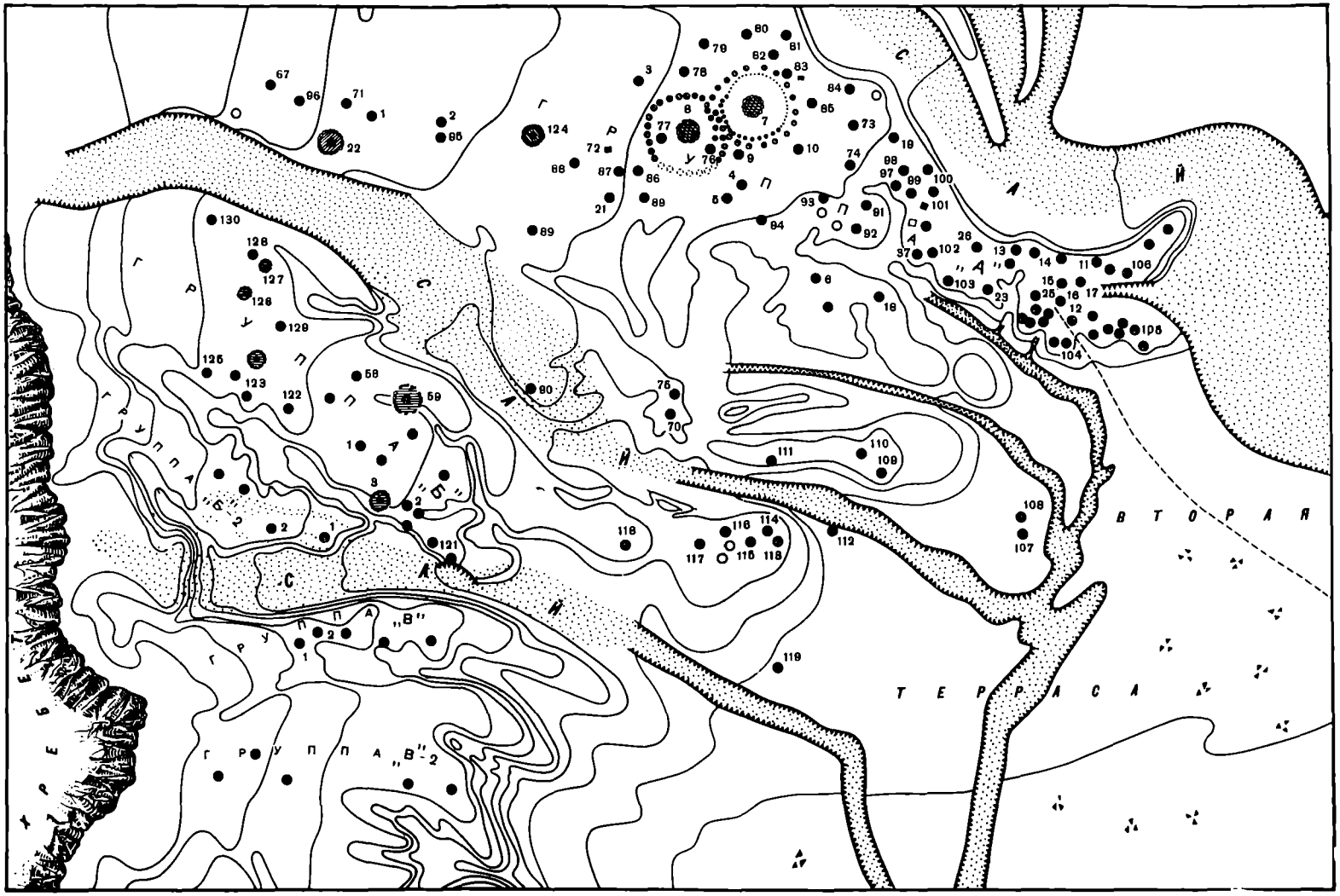


Рис. 1. План могильника Тигровая Балка

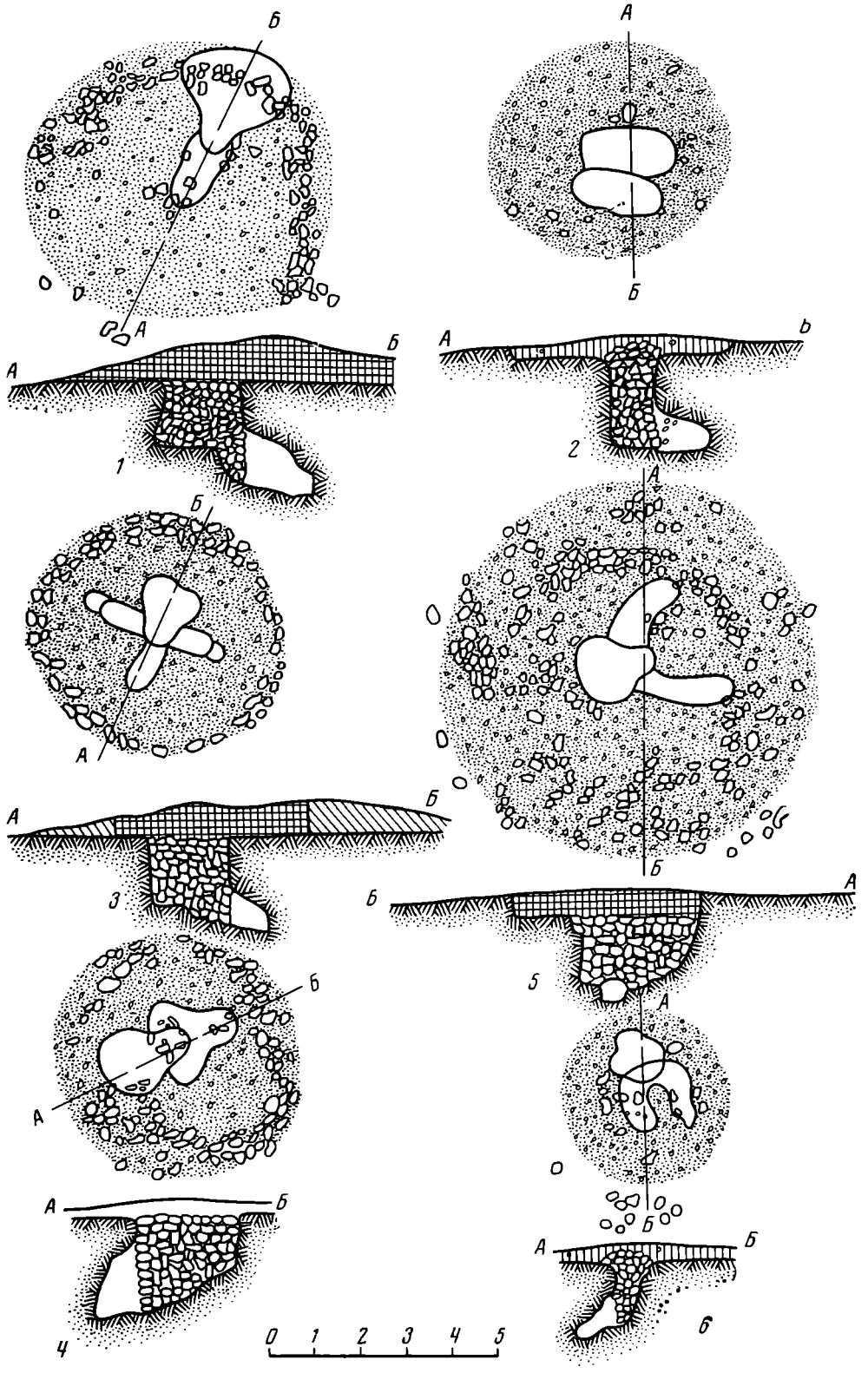


Рис. 2. Могильник Тигровая Балка. Типы погребальных сооружений

чительное преобладание направления север — юг и близких к нему направлений. Большинство погребальных камер расположено в северной стенке дромоса. На рис. 3, *1* прямыми линиями показано направление длинных осей дромосов; цифры в кружках обозначают количество дромосов, ориентированных по этой линии, а точки — количество катакомб и их расположение относительно длинной оси дромоса.

Следует заметить, что обычно направление длинной оси катакомбы (дно последней имеет в плане овальную или сегментовидную форму) перпендикулярно длинной оси дромоса. Иногда они располагаются под небольшим углом друг к другу, поэтому на приведенной схеме во многих случаях количество дромосов и катакомб на одной линии не совпадает.

В погребальных сооружениях с камерой-подбоем (25 могил) наблюдается аналогичная картина расположения длинных осей дромосов относительно стран света. На рис. 3, *2* линиями показаны направления длинных осей дромосов; точками на этом рисунке обозначено количество дромосов, ориентированных в указанном направлении; стрелки указывают расположение подбоя относительно длинной оси дромоса. Длинные оси подбоя (дно его также овальное или сегментовидное в плане, по своему внутреннему устройству подбои и катакомбы абсолютно идентичны) и дромоса обычно параллельны, лишь в единичных случаях они расположены под углом друг к другу. Как видно из приведенной схемы, в расположении длинных осей дромосов погребальных сооружений II типа опять можно отметить некоторое преобладание направления север — юг и близких к нему направлений, а в расположении подбоя относительно длинной оси дромоса преобладают восточные ориентировки.

Очень своеобразна форма дромосов, имеющих вид четкой буквы Т (8 сооружений, рис. 2, *3*). Почти всегда «перекрестие» буквы Т по длине превышает «основание». Только в одном случае разница между ними невелика и равна всего 10 *см*. Погребальная камера обычно расположена в середине «перекрестия» Т — более длинной стороны дромоса, поэтому ее следует считать подбоем. В погребальных сооружениях рассматриваемого типа не наблюдается абсолютно никаких закономерностей ни в расположении осей дромоса, ни в расположении подбоев относительно стран света.

На рис. 3, *3* показана ориентировка Т-образных дромосов, расположение подбоев отмечено черточками. В равной степени с прочими ориентировками мы видим здесь расположение подбоя и в южной стене дромоса.

Близки по форме к Т-образным дромосы грушевидной формы (7 сооружений, рис. 2, *4*). Эти дромосы напоминают собой также букву Т, только имеющую округленные углы. В некоторых случаях эта скругленность выражена менее значительно (такие дромосы очень близки к Т-образным), в других — более сильно, тогда дромос приобретает форму, близкую к подтреугольной. В противоположность Т-образным дромосам в дромосах грушевидной формы длинной осью является не «перекрестие» буквы Т, а ее «основание». Поэтому погребальную камеру, расположенную здесь так же, как в сооружениях с Т-образными дромосами, следует считать катакомбой. Определенной закономерности в расположении длинных осей дромосов относительно стран света в данном случае не наблюдается. Среди катакомб преобладают северные ориентировки относительно длинной оси дромоса, есть две южные и одна западная. На рис. 3, *4* линиями показано направление длинных осей дромосов; цифрами обозначено количество дромосов, имеющих данное направление оси; точками — расположение катакомб относительно длинных осей дромосов.

Следующий тип погребальных сооружений в могильнике Тигровая Балка представлен могилами с дромосом, имеющим форму дуги или, возможно, полумесяца (рис. 2, *5*). Погребальная камера — подбой. Ника-

кого единообразия ни в ориентировках дромосов, ни в ориентировках подбоев не отмечено.

На рис. 3, *5* дугами показано расположение дромосов относительно стран света, стрелками — ориентировка подбоев относительно дромосов (6 погребальных сооружений).

Индивидуален для могильника дромос в виде буквы П (курган 77—рис. 2, *6*). Скорее всего данная форма дромоса непосредственно связана с описанной выше. Буква П, изображающая дромос, ориентирована по

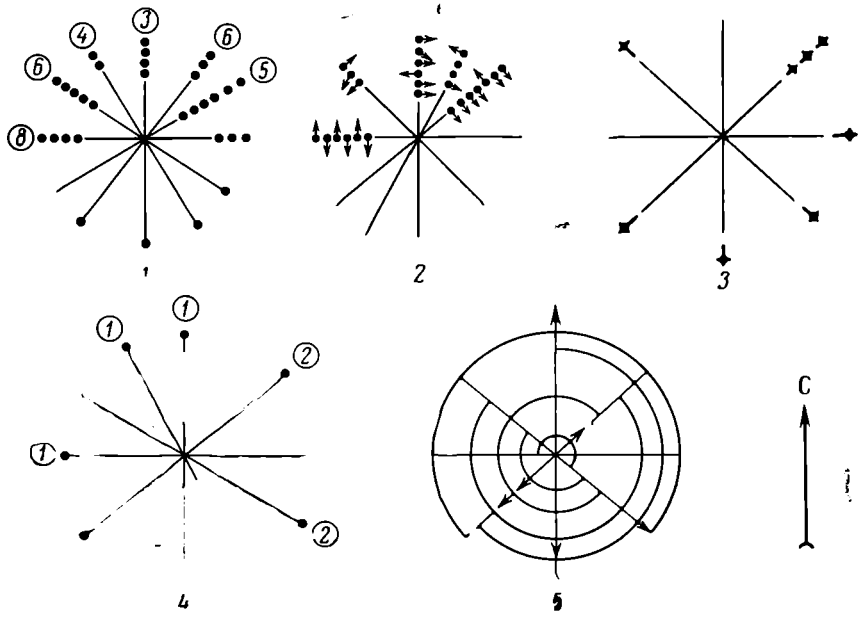


Рис. 3. Могильник Тигровая Балка. Ориентировка погребальных сооружений

линии север — юг, с некоторым отклонением к направлению северо-запад — юго-восток. Длина верхней стороны дромоса П всего на 10 *см* превышает длину его боковых сторон. Погребальная камера расположена посредине верхней стороны буквы П, т. е. на севере. Ее следует считать подбоем: во-первых, потому, что стенка дромоса, в которой вырыта погребальная камера, по длине хотя и незначительно, но превышает боковые стенки; во-вторых, общая конфигурация дромоса сближает его с дромосами дугообразной формы, где погребальная камера всегда в виде подбоя. Наконец, в могильнике раскопаны два захоронения в грунтовых ямах, без погребальной камеры-ниши. Одно захоронение принадлежит ребенку в возрасте около одного года, а другое — подростку 14—15 лет[4].

Вход в дромосы обычно оформлен в виде одной или нескольких ступенек, располагающихся на узких сторонах дромоса. В случае катакомбного устройства погребальной камеры (дромосы овально-прямоугольной и грушевидной формы) ступеньки (одна или две) располагаются всегда у стенки дромоса, противоположной погребальной камере. В тех случаях, когда при дромосе овально-прямоугольной формы погребальная камера является подбоем, спуск в дромос редко односторонний. Как правило, ступеньки здесь располагаются на обеих узких сторонах дромоса. Часто они соединены между собой третьей, обычно очень узкой ступенькой, располагающейся у стенки дромоса, противоположной подбою. Ширина ступенек колеблется от 0,4 до 1,2 *м*, высота в среднем 0,5 *м*. В немногих случаях высота ступенек достигает 0,9—1 *м*. Некоторые дромосы не имеют ступенчатого спуска. При этом глубина дромоса обычно неболь-

[4] Определение костяков из могильника Тигровая Балка произведено антропологом Т. П. Кияткиной.

шая (0,5—1 *м*). Пол погребальной камеры чаще всего ниже пола дромоса (на 0,2—0,6 *м*), так что дно дромоса также является своеобразной ступенькой при спуске в камеру.

Среди Т-образных дромосов 4 из 8 имеют ступенчатый вход. У двух из них по три ступеньки (на узкой стороне «основания» и на обоих концах «перекрестия» буквы Т). В третьем случае вход в дромос оформлен в виде двух ступенек на концах «перекрестия» и в последнем — в виде одной ступеньки в «основании» буквы Т. Ширина ступенек от 0,6 до 1,2; высота — от 0,5 до 1,6 *м*. За исключением одного случая, на полу дромосов Т-образной формы при спуске к подбою имеется яма овальной или подпрямоугольной формы, расположенная в месте соединения «основания» и «перекрестия» буквы Т. Диаметр таких ямок 0,9—1,3, глубина 0,9—1,2 *м*. Подобные углубления перед погребальной камерой имеются также и в некоторых могилах с дромосами других типов.

Вход в дугообразные дромосы располагается на узких сторонах последних. В трех случаях он ступенчатый, у остальных трех дромосов дно наклонено к камере и возле нее переходит в яму, ведущую к погребению.

Размеры дромосов: I. Дромосы овально-прямоугольной формы с погребальной камерой-катакомбой: длина 1,1—2,7; ширина 0,5—1,5 [5]; глубина 0,5—2,9 *м* (обычно 1,5—2 *м*). II. Дромосы овально-прямоугольной формы с погребальной камерой подбоем: длина 1—3,2, ширина 1,2—2, глубина 1—2,25 *м*. III. Дромосы Т-образной формы: длина «основания» 1,4—2,4 *м*, длина «перекрестия» 1,9—3,9 *м*, ширина «основания» и «перекрестия» в половине случаев одинакова — 0,5—0,7 *м*, у остальных дромосов «перекрестие» несколько шире — 0,8—0,9 *м* при ширине «основания» 0,5—0,6 *м*, и в одном случае «перекрестие» вдвое шире «основания» (1,6 против 0,8 *м*); глубина 1,5—2,4 *м*. IV. Дромосы грушевидной и подтреугольной формы: длина 1,5—2,5, ширина у входа 0,4—0,5, у катакомбы 1—1,5, глубина 1,25—2,6 *м*. V. Дромосы дугообразной формы: длина 2,6—7, ширина 0,6—1,1, глубина 1,4—3,2 *м*. VI. Дромос П-образной формы: длина боковых сторон по 1,6, верхней — 1,7, ширина 0,6, глубина 1,6 *м*.

Погребальные камеры (и подбои, и катакомбы) при разных типах дромосов принципиально не отличаются друг от друга своими размерами. Длина погребальных камер у входа 0,6—2,8, максимальная — 0,8—2,3 *м*; ширина 0,7—2,5, высота у входа 0,5—2,1 *м*.

Размер ямных погребальных сооружений: в одном случае 1,8 × 1,8 *м* при глубине 2,3 *м*, в другом — 1,2×0,7 *м* при глубине 1,2 *м*.

Никаких определенных закономерностей и связей между формой погребального сооружения и насыпи не наблюдается. Следует отметить только, что внешние каменные кольца имеются лишь у курганов с дромосами овально-прямоугольной формы, при этом погребальная камера в большинстве случаев является катакомбой (всего в могильнике раскопано 11 курганов с внешними каменными кольцами, из них только два имеют подбойную погребальную камеру, в остальных случаях — катакомбы). Интересно, что один из курганов с внешним кольцом является кенотафом (также с погребальной камерой-катакомбой). Диаметры внешних каменных колец от 8 до 18 *м*, за исключением кольца вокруг кургана 7, диаметр его 29—31 *м*. Курган 7, как и расположенный рядом с ним курган 8, занимают в могильнике особое положение, о чем будет сказано ниже.

Большая часть могил с погребениями имеет вокруг насыпи, а иногда и на насыпи каменные кольца. Для кенотафов наличие каменных колец менее типичное явление, но в целом ни внешним видом насыпи, ни размерами ее они, как правило, не отличаются от обычных погребальных

[5] Длина и ширина дромосов даются поверху, так как стенки их обычно несколько наклонны и к дну дромос сужается.

сооружений. Правда, из пяти нетипичных для могильника подпрямоугольных и подквадратных насыпей четыре принадлежат кенотафам. Всего среди раскопанных погребальных сооружений Тигровой Балки насчитывается 31 кенотаф. Кенотафы не составляют какой бы то ни было компактной группы, а рассредоточены по территории всего могильника.

Исключительное положение в могильнике занимают два кургана — № 7 и 8 (рис. 4), расположенные рядом в центральной части северной цепочки погребальных сооружений. Это большие курганы с кольцевыми каменными выкладками вокруг насыпи. Диаметр насыпи первого кургана 13—14, второго — 8 *м*. Высота насыпи в том и другом случае невелика — 0,5 *м*. Курган 7 помимо каменного кольца вокруг насыпи имеет также внешнее каменное кольцо. Вокруг обоих курганов кольцеобразно расположены небольшие (диаметр 2—3 *м*) круглые насыпи (20 вокруг кург. 7 и 41 вокруг кург. 8). 11 курганных насыпей из кольца вокруг кург. 7 были подвергнуты раскопкам. Во всех случаях на уровне древнего горизонта (0,5—0,7 *м* от поверхности) были обнаружены следы очажных пятен. Размеры их приблизительно совпадают: около 1 *м* в длину и 0,5—0,7 *м* в ширину. При зачистке их были вскрыты неглубокие (20—30 *см*) очаги прямоугольной формы со слегка скругленными углами. Заполнение очагов составляли зола, кусочки древесного угля и лёсс. Стенки очажных ямок сильно прокалены, до красного цвета. Размеры очагов и сильная прокаленность стенок говорят о длительности и интенсивности горения огня в них. Интересно отметить, что после завершения погребального ритуала костры, очевидно, заливались водой (?), а затем забрасывались землей. Об этом говорит характер грунта над очагом и несколько шире вокруг него. В некоторых очагах зола спеклась в плотный комок. Возможно, здесь мы имеем дело со следами жертвенного возлияния. Для того чтобы погасить костры после завершения обряда, достаточно было просто засыпать их землей, однако в данном случае этому предшествовало возлияние или заливание костра водой. Над каждым костром была воздвигнута земляная насыпь, причем очаг располагался в той ее половине, которая была обращена к погребению. По направлению к центральному сооружению вытянуты и длинные оси всех очагов. Все насыпи, под которыми погребены священные костры, окружены по основанию, как и большинство курганных насыпей могильника, кольцами из камней, а четыре насыпи (все вокруг кург. 7) сплошь выстланы камнями. В некоторых случаях по нескольку камней было обнаружено под насыпью, непосредственно над самим очагом.

Радиоуглеродной лабораторией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР на основании находок угля в раскопанных очагах определена дата существования могильника: 3350 ± 60 (1400 г. до н. э.) [6].

Погребения в кург. 7 и 8, окруженные кольцами насыпей над погребальными кострами, заслуживают более детального рассмотрения. Оба кургана имеют дромосы овально-прямоугольной формы. Дромос кург. 7 ориентирован по линии север — юг, кург. 8 — северо-восток — юго-запад. Размеры (в *м*): в первом случае длина 2,25, ширина 1,4, глубина 2,2; во втором — длина 2,5, ширина 1,4, глубина 2,2. Спуск в дромос кург. 7 трехступенчатый, с южной стороны. Две верхние ступеньки имеют высоту по 0,8 *м*, нижняя — 0,5 *м*. Ширина ступенек 0,4—0,6 *м*. Погребальная камера-катакомба вырыта в северной стене дромоса. Дно ее овальное в плане; длина 1,1, ширина 0,9, высота у входа 1,15 *м*. Длинная ось катакомбы перпендикулярна длинной оси дромоса. Курган 8 имеет погребальную камеру-подбой, который вырыт в юго-восточной стене дромоса. Дно камеры также овальное в плане; длина 1,3, ширина 1, высота у входа 0,6 *м*. Направления длинных осей дромоса и подбоя совпадают.

---

[6] *А. А. Семенцов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханов.* Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. СА, 1969, 1, стр. 257.

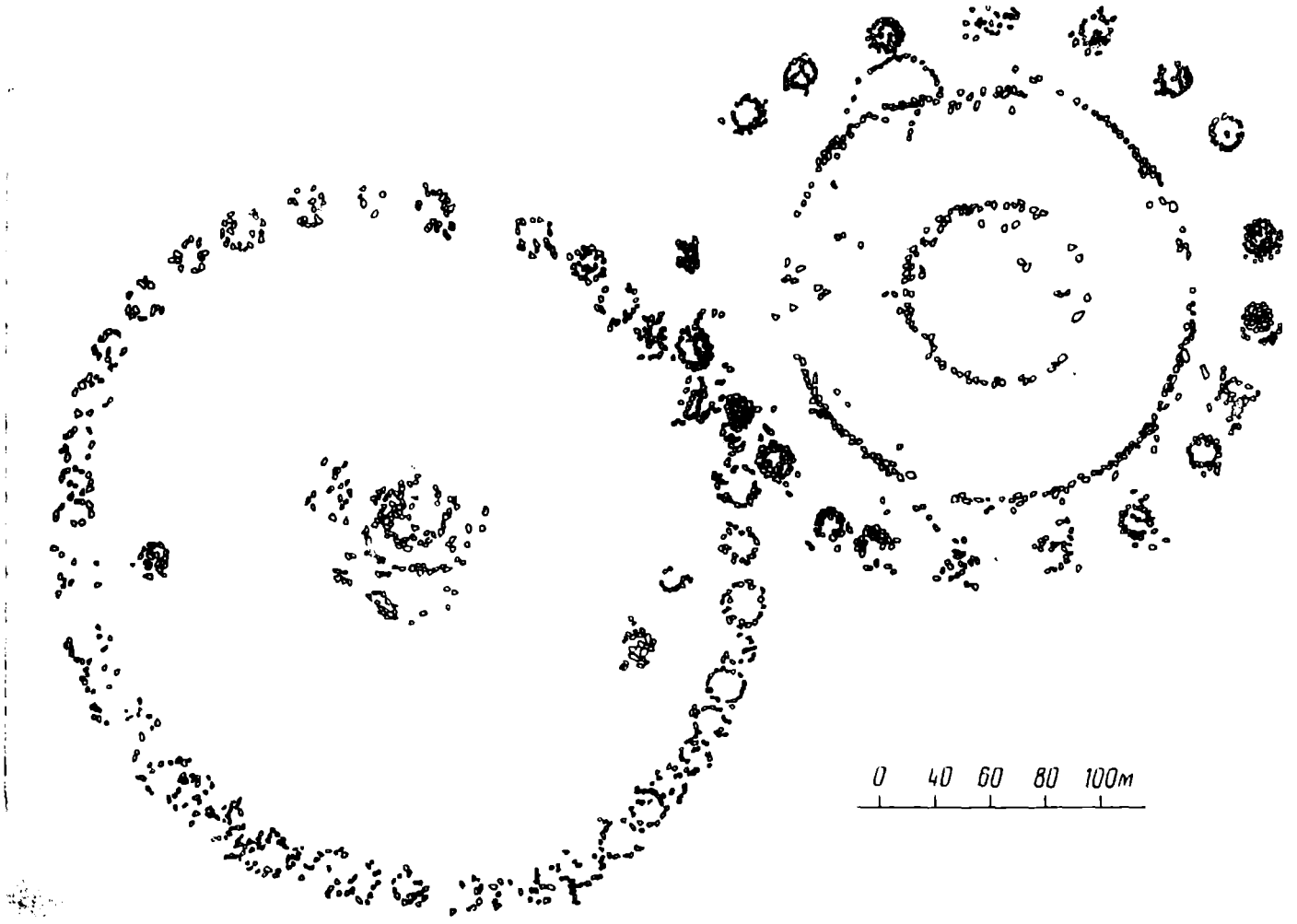


Рис. 4. Могильник Тигровая Балка. План курганов 7 и 8

К дну дромос сужается и при спуске в подбой заканчивается ямой, имеющей глубину 0,5 *м* (общая глубина дромоса дана от уровня древнего горизонта до дна этой ямы; глубина собственно дромоса 1,7 *м*).

В кург. 7 погребен мужчина (возраст не определен из-за плохой сохранности черепа), головой на запад, лицом на юг, к входу в погребальную камеру, на правом боку. Погребение сопровождалось двумя керамическими сосудами, бронзовой бритвой (их в могильнике найдено четыре) и бронзовым кинжалом, вообще единственным в могильнике.

Погребение в кург. 8 парное. Один из костяков принадлежит мужчине (возраст также неопределим), он лежит лицом к входу на левом боку. Другой костяк неопределим из-за плохой сохранности черепа. Он лежит спиной к входу на правом боку и, возможно, является женским, так как в могильнике не отмечено ни одного случая положения мужчины спиной к входу. Оба костяка в кургане ориентированы головой на восток. Погребение сопровождалось четырьмя сосудами, бронзовой бритвой, костяной пластинкой и ребрами животного (козла или барана).

На территории кург. 8, ограниченной кольцом насыпей с погребенными под ними кострами, располагаются еще два захоронения: 76 и 77 (одно к западу, другое к востоку от центрального кургана). Дромос кург. 76 имеет подтреугольную форму, вытянут по оси северо-запад — юго-восток. Погребальная камера-катакомба расположена на северо-западе. Необычна для могильника форма дромоса кург. 77 — в виде буквы П, о чем говорилось выше (ориентировка юг-юго-восток — север-северо-запад). Погребальная камера расположена в середине верхней стороны П. Захоронения в обоих рассматриваемых курганах женские (в кург. 76 — зрелого возраста, в кург. 77 — старческого). Обе погребенные лежат лицом к входу на левом боку и имеют одинаковую ориентировку — головой на восток, совпадающую с ориентировкой погребенных в центральном кург. 8. Захоронение в кург. 77 никаким инвентарем не сопровождалось; в погр. 76 найдены ребра животного в анатомически правильном порядке и предмет, сделанный из трубчатой кости животного, полый внутри, отшлифованный и покрытый орнаментом в виде косых насечек, видимо это рукоять какого-то орудия.

Итак, курганы 7 и 8 занимают особое положение в могильнике. Прежде всего об этом говорит особый ритуал, сопровождающий эти погребения,— кольца из довольно долго горевших костров, а также инвентарь погребений — наличие в каждом из них бронзовых предметов, число которых в могильнике невелико. Очевидно, здесь похоронены представители родо-племенной верхушки древних обитателей Вахша — вожди или жрецы или жрец и вождь (если эти функции не соединялись в одном лице). Относительно парного захоронения в кург. 8 и примыкающих к нему двух женских погребений мы вправе предположить наличие у похороненного здесь вождя нескольких жен, а возможно, двух жен и одной наложницы-рабыни, захороненной вместе с ним. О наличии многоженства в исследуемую эпоху высказал предположение В. С. Сорокин [7], а существование института наложниц признается почти всеми исследователями при изучении парных разнополых одновременных погребений (возникновение обычая насильного умерщвления жены или вместо нее рабыни-наложницы связывается при этом с периодом перехода от матриархата к патриархату) [8].

---

[7] *В. С. Сорокин.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА, 120, 1962, стр. 119.

[8] Приоритет при освещении этого вопроса принадлежит М. И. Артамонову: *М. И. Артамонов.* Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, 7—8, стр. 119; *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири М., 1951, стр. 52; *К. В. Сальников.* Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, 1951, стр. 142; *М. А. Итина.* К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов. СЭ, 1954, 3, стр. 63—68 (в качестве основного источника при рассмотрении

В могильнике Тигровая Балка всего два разнополых парных захоронения (кург. 6 и упомянутый выше кург. 8). Имеется еще одно парное захоронение взрослых (кург. 23), но оно принадлежит двум молодым мужчинам в возрасте примерно 20—25 лет. Во всех трех случаях у нас нет оснований говорить о разновременности погребенных. Костяки лежат на одном и том же уровне, никаких следов потревоженности скелетов не наблюдается. Вторичное захоронение в погребальных сооружениях могильника Тигровая Балка было бы необычайно трудным, если учесть, что эти сооружения подбойно-катакомбного типа, с достаточно глубоким дромосом (напомним, что в среднем глубина дромосов равняется 1,5—2 *м*, есть дромосы, достигающие 3 *м* и более в глубину, а заполнение их составляют огромные булыжники). В частности, глубина дромосов могил с парными захоронениями, о которых идет речь, в одном случае 1,9 *м* (кург. 6), в другом — 2,2 *м* (кург. 8), в третьем — 1,8 *м* (кург. 23). Никаких следов лазов над погребальной камерой, через которые мог бы быть спущен труп умершего позднее человека, не обнаружено. Все эти наблюдения позволяют нам считать парные захоронения могильника Тигровая Балка одновременными. Четвертое парное погребение (кург. 36) содержит скелет молодой женщины и новорожденного ребенка.

Безусловно, для всех четырех случаев мы можем предположить случаи одновременной естественной смерти обоих погребенных, что, впрочем, и является наиболее вероятным для захоронений в кург. 23 (случай эпидемии?) и 36 (смерть при родах?). Курган 6 в могильнике рядовой. Захоронение сопровождается лишь погребальной пищей (ребра барана), инвентарь отсутствует. Следует обратить внимание и на тот факт, что в кург. 6 захороненная женщина имеет старческий возраст, а мужчина — зрелый [9].

Ориентировки погребенных в могилах Тигровой Балки различны, но преобладающими в этом отношении являются положения костяков, ориентированных головой в диапазоне запад — север — восток, с возможными при этом промежуточными отклонениями. Господствует северная ориентировка (свыше 50% погребений). Из остальных преобладают в мужских захоронениях западная ориентировка, в женских — восточная. Среди парных захоронений в двух случаях погребенные ориентированы головой на запад (кург. 6 и 23), в одном — на восток (кург. 8). Захоронение женщины с новорожденным ребенком (кург. 36) имеет ориентировку север-северо-восток, но данное погребение, видимо, следует считать одиночным. Южную ориентировку имеет очень небольшое число погребений.

Все погребения скорченные в положении на боку. При этом все мужчины лежат в камерах лицом к входу на правом боку (только в двух случаях — на левом). Положение на правом боку лицом к входу сохраняется и для обоих погребенных мужчин в парном захоронении 23. В положениях женщин не существует строгих правил. Всего в могильнике из числа определимых по полу костяков 27 женские. Из них 12 лежат на левом боку лицом к входу, 7 — на правом боку лицом к входу, 6 — на левом боку спиной к входу и два костяка — на правом боку спиной к входу. Интересно отметить, что ни в одном из женских погребений с положением на левом боку спиной к входу не обнаружено ни сосудов, ни тем более бронзовых вещей. Лишь в одном погребении, принадлежащем девочке 12—15 лет, найдена бусина. Два погребения сопровождаются реб-

---

проблемы автором использован этнографический материал); *М. П. Грязнов.* Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. КСИЭ, 1957, XXVI, стр. 24; *М. А. Итина.* Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. МХЭ, 5, М., 1961, стр. 60; *А. М. Мандельштам.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, 145, 1968, стр. 119 и др.

[9] Аналогичный случай замечен в погребении 112 могильника Кокча 3, правда захоронение здесь разновременное: ранее умершая женщина находилась в зрелом возрасте, в то время как умерший позже нее мужчина значительно моложе ее (*М. А. Итина.* Ук. соч., стр. 57).

рами животного (в одном из этих погребений найдены угольки). Можно сказать, что в целом погребения женщин, положенных спиной к входу на левый бок, инвентарем не сопровождаются. Может быть, это явление следует объяснять причинами социального порядка, обусловливавшими какое-то не совсем равноправное положение данных женщин в коллек-

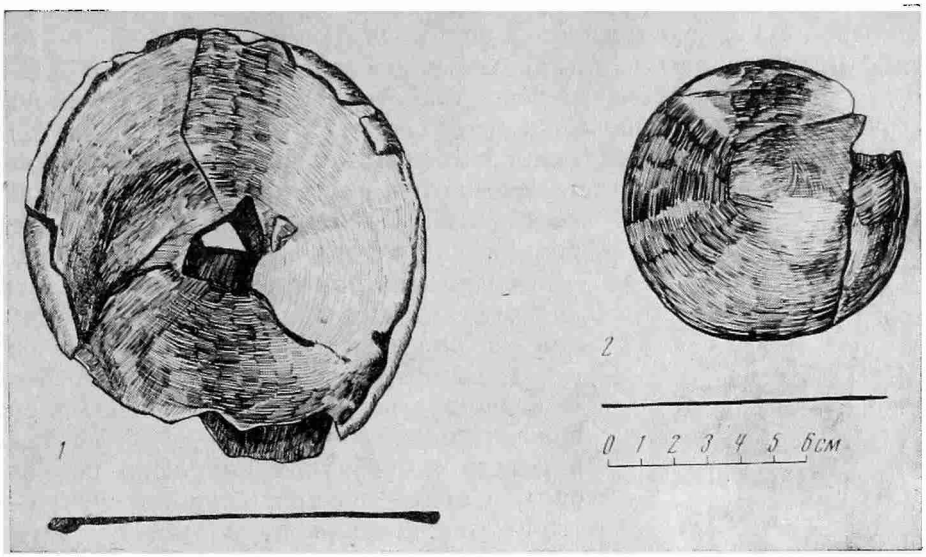


Рис. 5. Могильник Тигровая Балка. 1 — бронзовое зеркало из кург. 3; 2 — бронзовое зеркало из кург. 10

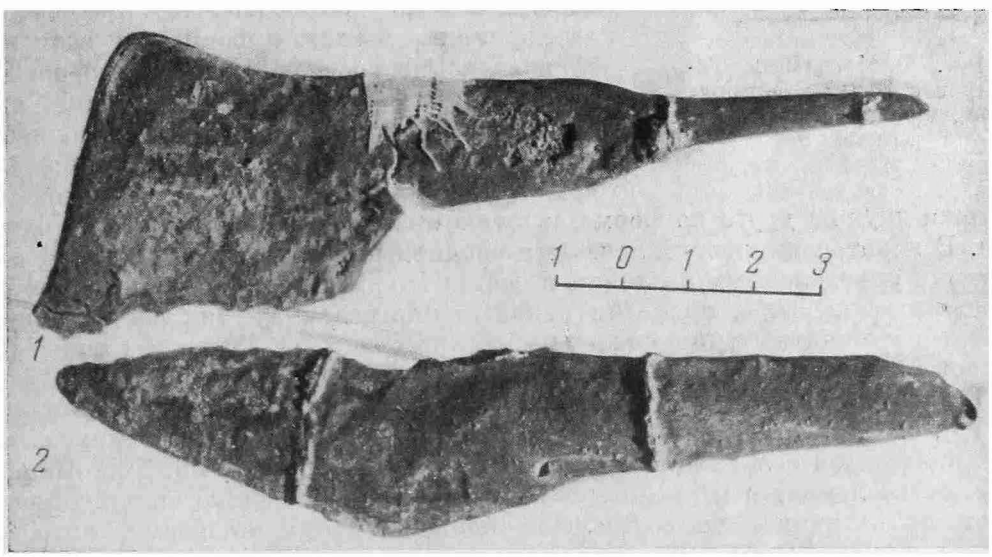


Рис. 6. Могильник Тигровая Балка. «Бритвы» 1 — из кург. 43; 2 — из кург. 8

тиве или семье. Иная картина наблюдается в тех случаях, когда женщина лежит спиной к входу, но на правом боку. Один из этих случаев — положение женщины в парном захоронении 8 — описан выше (напомним, что и мужчина положен здесь несколько необычно — лицом к входу, но на левому боку). В другом случае погребенная на правом боку спиной к входу женщина сопровождается двумя сосудами и костяной иглой, а под насыпью этого кургана обнаружены следы костра.

В целом каких-то особенно выделяющихся богатством инвентаря могил нет. Может быть, в этом плане следует обратить внимание лишь на по-

гребения, содержащие бронзовые изделия, число которых в могильнике чрезвычайно мало (таких погребений всего восемь). Из бронзовых изделий в могильнике найдены три зеркала (одно из них имело боковую ручку, которая не сохранилась; рис. 5, *1*, *2*), три бритвы (рис. 6, *1*, *2*), один кинжал [10] и один втульчатый наконечник копья. Совершенно отсутствуют в могильнике бронзовые ножи и украшения, причем не только бронзовые, но даже и бусы. Всего лишь в двух случаях на груди погребенной найдено по одной бусинке, служившей, видимо, амулетом.

Бедно представлены в могильнике и костяные изделия: это две пластинки, рукоять (из трубчатой кости животного), одна игла (прямоугольная в сечении) и два наконечника стрел (рис. 7).

В трех погребениях найдены кремневые наконечники стрел (рис. 8), причем в одном из них они сочетаются с упомянутыми выше двумя костяными. Из каменных изделий следует упомянуть еще два навершия булав (рис. 9).

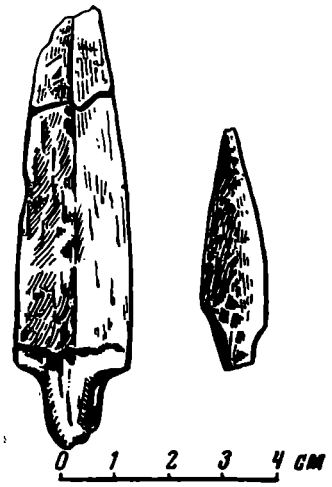


Рис. 7 Могильник Тигровая Балка. Костяные наконечники стрел из кург. 37

Основным сопровождающим инвентарем является керамика. Керамическая коллекция из Тигровой Балки насчитывает 68 сосудов (они происходят из 42 погребений). В большинстве случаев погребенный сопровождается всего одним сосудом (27 могил), в девяти погребениях помещено по два сосуда, в трех — по три, в одном случае — четыре (захоронение парное) и в двух — по пять. Более половины погребений керамикой не сопровождается.

Керамическая коллекция из могильника Тигровая Балка разбита нами на семь групп, включающих 18 типов (рис. 10). За основу классификации принята форма и возможное назначение сосудов. Следует оговорить, что свыше 70% керамики могильника является лепной, лишь около 30% выполнено на гончарном круге. При этом лепные и гончарные экземпляры иногда поразительно похожи друг на друга по форме, и в таком случае они объединены в один тип. В некоторых случаях лепные и гончарные сосуды, опять-таки на основании определенных различий в форме корпуса, выделялись в самостоятельные типы, т. е. при этом какой-то определенный тип состоит либо только из гончарных, либо только из лепных сосудов. Группы и типы, на которые разбита керамика могильника, следующие.

Группа I. Горшки для приготовления пищи. Все лепные, выполнены из грубого коричневатого теста с обилием довольно крупных минеральных включений белого цвета. Обжиг слабый, неравномерный. Тесто пористое, легко ломается и крошится. Рассматриваемые горшки сильно варьируют по величине, но составляют единую группу по форме, которая близка к шаровидной. Шаровидность тулова дополняется еще и формой дна: все горшки, за исключением трех, круглодонны. На основании различий в форме дна сосуды группы I разделены на два типа: тип 1 (рис. 10, *1*) — горшки с круглым дном (семь экз.), тип 2 (рис. 10, *2*) — горшки с плоским дном (три экз.). Горловина у всех экземпляров невысокая, средней ширины, почти вертикальная. Четыре сосуда орнаментированы: три из них у основания горла имеют рельефный валик, который в одном случае украшен круглыми вдавлениями, в другом — косыми насечками, в третьем — защипами. Четвертый сосуд украшен по плечикам орнаментальной полосой, состоящей из косых насечкообразных, подтре-

[10] По определению Б. А. Литвинского, это кинжал, типа луристанских.

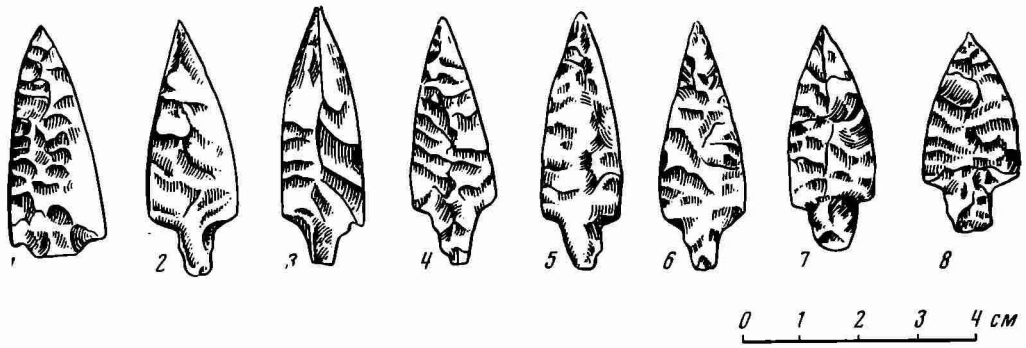


Рис. 8. Могильник Тигровая Балка. Кремневые наконечники стрел: 1 — из кург. 121; 2—5—8 — из кург. 16; 3, 4 — из кург. 37

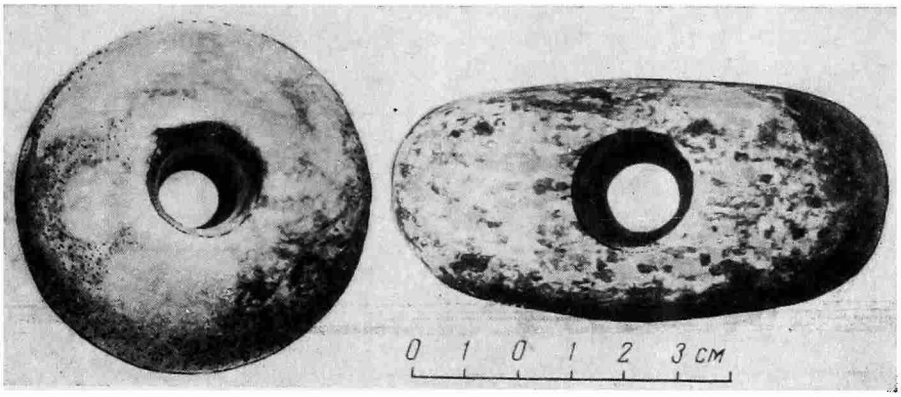


Рис. 9. Могильник Тигровая Балка. Каменные навершия булав из кург. 93 и 94.

угольных или близких к круглым вдавлений. Размеры горшков группы I: высота 10,2—23, максимальный диаметр 9,6—23,8, диаметр горла 6—12,1 *см*.

Группа II. Кувшины.

Тип 3 (рис. 10, *3*) — кувшины с шаровидно-усеченным туловом, все лепные, по форме близки к горшкам (три экз.). Один из них украшен по плечикам орнаментом из косых частых штрихов, заключенных между двумя концентрическими прямыми линиями. Размеры: высота 12,3—17,4, максимальный диаметр 12—17,4, диаметр горла 7,3—9,9 *см*.

Тип 4 — кувшин с округло-вытянутым туловом (рис. 10, *4*) — единственный гончарный сосуд в группе кувшинов. На плечиках орнамент в виде нескольких узких прочерченных концентрических желобков. Высота 19,1, максимальный диаметр 14,5, диаметр горла 8,1 *см*.

Тип 5 (рис. 10, *5*) — кувшины с равномерно биконическим туловом (два экз.). Высота 13,1—20,3, максимальный диаметр 10,6—18,2, диаметр горла 5,9—10,1 *см*.

Тип 6 — кувшин с грушевидным туловом (рис. 10,*6*). Высота 19,2, максимальный диаметр 15,8, диаметр горла 8,5 *см*.

Индивидуальная форма. Кувшинчик из кург. 37 (рис. 10, 7) уникален [11]. Он миниатюрен (высота 13,5, максимальный диаметр 12, диаметр

[11] Как можно заметить из сказанного выше, индивидуальными формами в могильнике Тигровая Балка являются и те кувшины, тип которых включает в себя всего один сосуд (типы 4, 6). Нужно оговорить, что классификация составлена с учетом того, что аналогичные нашим сосуды имеются в других могильниках эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана. В тех случаях, когда сосуд уникален для всей коллекции из могильников Южного Таджикистана, он считается нами индивидуальной формой. Данное примечание распространяется на все последующее описание керамики.

горла 5 *см*), имеет узкое горло и две маленькие, вертикально посаженные ручки, имеющие форму ушек с отверстиями для подвешивания.

Группа III. Чаши, блюда, миски.

Тип 7 (рис. 10, *8*) — глубокие чаши (два экз.). Обе лепные, имеют форму усеченного конуса. Различаются размерами. Высота 6,1; 10,3, диаметр дна 5,9; 8,7, диаметр по верху 9,3; 17,5 *см*.

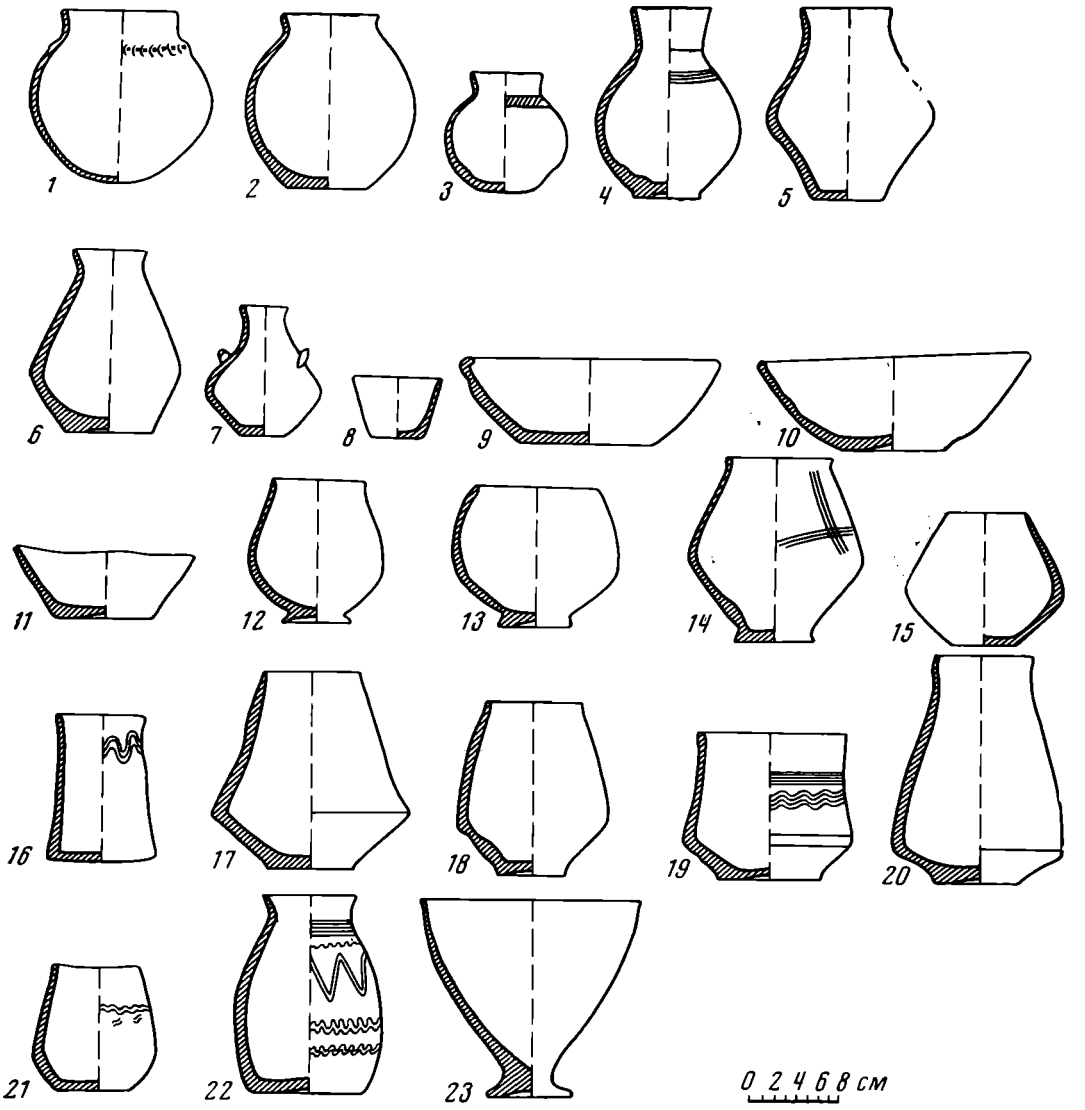


Рис. 10. Могильник Тигровая Балка. Формы сосудов: 1 — из кург. 22; 2 — из кург. 40; 3 — из кург. 123; 4, 9 — из кург. 10; 5, 7 — из кург. 37; 6 — из кург. 31; 8 — из кург.— 32; 10, 23 — из кург. 5; 11 — из кург. 41; 12 — из кург. 18; 13, 15 — из кург. 122; 14 — из кург. 59; 16 — из кург. 17; 17 — из кург. 81; 18 — из кург. 7; 19 — из кург. 26; 20 — из кург. 50; 22 — из кург. 46.

Тип 8 (рис. 10, *9*) — блюда с загнутым внутрь краем (три экз.). Все выполнены на гончарном круге. Имеют широкое плоское устойчивое дно и расходящиеся от него кверху стенки, которые заканчиваются загнутым внутрь краем. Высота 6,9—8,1, диаметр дна 17,2—18,4, диаметр по верху 26,5—28 *см*.

Тип 9 (рис. 10, *10*) — блюда с расходящимися кверху стенками (шесть экз.). Все лепные. Дно плоское или в виде плоского поддона. Высота 9,1—10,4, диаметр дна 7—13,2, диаметр по верху 15—32,9 *см*.

Тип 10 (рис. 10, *11*) — миски (два экз.). Обе лепные. Высота 6,1—7,2, диаметр дна 9,4—9,8, диаметр по верху 17,2—22 *см*.

Группа IV. Горшковидные сосуды.

Тип 11 (рис. 10, *12*) — яйцевидные и примыкающие к ним по форме сосуды на поддоне (шесть сосудов, из них три лепных и три гончарных). Два сосуда имеют на плечиках по одному налепу в виде кружочка диаметром 0,6—0,8 *см*. Размеры: высота 13,6—17,3, диаметр дна 5,5—7, максимальный диаметр 13,1—16,5, диаметр по верху 7,8—9,8 *см*.

Тип 12 (рис. 10, *13*) — горшки открытого типа на плоском поддоне (два экз.). Оба гончарные. Высота 10,2—13,8, диаметр дна 5,1—7,7, максимальный диаметр 10,7—17,2, диаметр по верху 9,4—13 *см*.

Горшковидный сосуд индивидуальной формы происходит из кургана 59 (рис. 10, *14*). Выполнен на круге. Тулово его биконическое. Это единственный в группе горшковидных сосудов экземпляр, имеющий венчик (правда, очень небольшой), отогнутый наружу — вверх. Дно в виде плоского поддона, напоминающего ножку. На одной из стенок сосуда четырьмя узкими желобками прочерчен несимметричный крест. Высота сосуда 18,6, диаметр дна 7,5, максимальный диаметр 17, диаметр по верху 11,3 *см*.

Тип 13 (рис. 10, *15*) — горшковидные сосуды с плоским дном (четыре экз.). Все лепные. Форма тулова грушевидно-биконическая. Высота 11,5—16,5, диаметр дна 6,1—8, максимальный диаметр 12,4—18, диаметр по верху 6,2—9,8 *см*.

Группа V. Тип 14 (рис. 10, *16*) — баночные сосуды (12 экз.). Следует оговорить, что название «баночный» в данном случае является в большей степени условным, так как баночными обычно называются сосуды с прямыми в профиле вертикальными стенками. Среди сосудов рассматриваемого типа ни один не обладает такими признаками. В целом для сосудов данной серии характерно широкое дно, сужение корпуса кверху и почти во всех случаях небольшой раструб горловины. Три сосуда выполнены на круге, остальные лепные. Три сосуда украшены орнаментом в виде нескольких полос зигзага. Высота 7—17,9, диаметр дна 6,1—14,1, диаметр по верху 5,9—10,5 *см*.

Группа VI. Биконические сосуды. В нижней части тулова имеют четкое ребро перегиба, от которого идет резкое сужение корпуса к дну и более или менее значительное сужение к горловине. При этом верхняя часть тулова (над ребром) резко преобладает по высоте над нижней.

Тип 15 (рис. 10, *17*) — сосуды с раздуто-биконическим туловом (три экз.), из них два гончарных и один лепной. Высота 18—18,9, диаметр дна 6,7—8,2, диаметр ребра 17,8—18,9, диаметр по верху 8,5—9,4 *см*.

Тип 16 (рис. 10, *18*) — сосуды с вытянуто-биконическим туловом (два экз.), оба гончарные. Высота 14,3—16,8, диаметр дна 6, диаметр ребра 12—14,1, диаметр по верху 6—8,9 *см*.

Тип 17 (рис. 10, *19*) — биконические сосуды открытой формы (два экз.), оба гончарные. Один из сосудов орнаментирован рядом нечетких горизонтальных концентрических желобков и несколькими рядами плавной «волны» под ними. Высота 11,2; 15,2, диаметр дна 5,6; 11,2, диаметр ребра перегиба 13,6; 18,2, диаметр по верху 9,3; 15,2 *см*.

Тип 18 (рис. 10, *20*) — биконические сосуды с сильно вытянутой верхней частью тулова (два экз), лепные. Стандартны по размерам (и найдены в одной могиле): высота 22—22,1, диаметр дна 8,5, диаметр ребра 15,5—14,8, диаметр по верху 9,5—9,9 *см*.

Группа VII включает в себя сосуды индивидуальных форм. Из них два лепных (рис. 10, *21, 22*) орнаментированные и ваза-кубок (рис. 10, *23*), выполненная на круге и являющаяся единственным в могильнике сероглиняным сосудом.

Керамика из могильника Тигровая Балка, как и из других могильников, раскопанных в низовьях Вахша и Кызыл-Су, наиболее близка керамике из раннего Тулхарского могильника, особенно из его катакомбных

могил [12]. Полную аналогию в раннем Тулхаре мы находим также для бритв и зеркал [13].

Своим общим обликом керамика из могильника Тигровая Балка близка керамике памятников времени Намазга VI, Сапалли-Тепе, поселений бронзового века из Северного Афганистана, а некоторые формы генетически восходят к сосудам времени Намазга V.

Вероятно, происхождение культуры древних обитателей Вахша следует связывать с ареалом распространения древнеземледельческих культур юга Средней Азии. Характерно, что обряд захоронения в катакомбах и подбоях преобладал в территориально близком Сапалли-Тепе [14]. Но безусловно, определенное влияние на сложение вахшской культуры оказали и северные соседи — носители андроновской культуры и близкого к ней круга, о чем свидетельствуют некоторые особенности погребального ритуала. Какова была экономическая основа вахшской культуры, пока сказать трудно, но скорее всего скотоводство играло в ней не последнюю роль, о чем свидетельствуют благоприятные для отгонного скотоводства природные условия низовий Вахша и наличие ребер барана почти в каждом погребении. Поселений этой культуры пока не обнаружено.

---

[12] *А. М. Мандельштам.* Ук. соч., табл. X — XIX, особенно табл. XV, XIX.

[13] Там же, табл. IV — VIII.

[14] *А. Аскаров.* К вопросу о выделении культуры Сапалли. «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР», Ташкент, 1973, стр. 22.

L. T. Piankova

TIGROVAIA BALKA NÉCROPOLE DE L'ÂGE DE BRONZE

Résumé

L'article est consacré à la publication des matériaux provenant de Tigrovaïa Balka, necropole de l'âge de bronze située sur le bas cours de Vakhch (130 tumuli). Toutes chambres sépulcrales sont faites en catacombes ou en parois de celles — ci. Elles se diffèrent par la forme de dromos (5 types). Deux tumuli (NN 7 et 8) se distinguent particuliérement. Ils sont encerclés de petits tumuli dont les tertres dissimulaient les traces des bûchers ayant brulé intensivement. Les particularités du cérémonial aussi bien que la composition du mobilier permettent de conclure de la condition particulière des inhumés. Tous les inhumés sont en position fléchie, presque toutes les sépultures (sauf quatre) sont individuelles. L'orientation regoureuse des inhumés n'est pas observée (le plus souvent elle est à l'ouest — nord — est). Le mobilier funéraire comprend les objets lithiques, ceux en bronze et en os et toute une collection de poteries. La provenance de la civilisation de Vakhch (à laquelle la nécropole est attribuée) reste encore à définir. On y décèle certaines traditions des civilisations anciennes agricoles méridionales de l'Asie Centrale et de l'Afghanistan septentrional aussi bien que l'influence notable de la part des tribus de la bronze steppique.

Par la méthode des analogies archéologiques la nécropole est datée de la deuxième moitié du II millénaire av. n. è., sa date par la méthode du radiocarbone est 3350 ± 60 (1400 av. n. è.).

Б. А. РАЕВ

БРОНЗОВЫЙ ТАЗ ИЗ 3-го СОКОЛОВСКОГО КУРГАНА

Предметом настоящего исследования является один из римских импортных бронзовых сосудов, таз, входивший в погребальный комплекс 3-го Соколовского кургана [1]. Этот курган был раскопан Новочеркасской археологической экспедицией ЛГУ в 1970 г. [2] Погребение было ограблено, но к юго-западу от ямы, на расстоянии 1,25 *м* от ее края, на выкиде лежали бронзовые сосуды. Кувшин очень плохой сохранности лежал на боку. Рядом с ним находился большой бронзовый таз, под которым лежали литой бронзовый котел на высокой полой ножке и железная жаровня. Таз был перевернут вверх дном. На внешней стороне дна его сохранились остатки грубой ткани, которой сверху были прикрыты сосуды.

В античном мире употребление тазов, подобных найденному в Соколовском кургане, было весьма разнообразным. Они использовались для мытья ног [3], во время жертвоприношения из такого таза поили быка [4]. Тазы с медальонами на внутренней стороне дна могли служить для украшения комнат в римском доме [5]. Не исключена возможность, что они использовались в античном мире в качестве парадной столовой посуды [6].

Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана был сделан (выкован) из листа тонкой, около 1 *мм*, бронзы. Таз полусферической формы, диаметр по венчику — 47 *см*, высота тулова без поддона — 16,8 *см*. Поддон утрачен (рис. 1). Массивный, горизонтально отогнутый венчик по краю украшен овами. На внутренней стороне дна находится медальон (рис. 2). Литые венчик и медальон были изготовлены отдельно и присоединены к тулову в горячем состоянии. Этот прием получил широкое распространение в италийских и провинциально-римских мастерских. Отдельно были отлиты и массивные ручки таза (рис. 3), затем припаянные к нему: следы припоя хорошо сохранились на той стороне ручек, которая примыкала к тулову таза. При изготовлении металлической посуды этот прием также имел широкое распространение [7].

---

[1] Выражаю искреннюю благодарность З. А. Билимович за предоставленную мне возможность исследовать материалы, хранящиеся в Эрмитаже, А. В. Давыдовой за помощь в датировке сосуда из Спарты и Н. П. Белоусову за консультацию по вопросам технологии бронзового литья.

[2] *Л. С. Клейн, В. Ф. Андреев, В. А. Булкин, Б. В. Иванов, Б. А. Раев.* Курганы под Новочеркасском. АО-1970, М., 1971; *Б. А. Раев.* Богатое сарматское погребение из 3-го Соколовского кургана. Вестник ЛГУ, 20, 1972, 4, стр. 128—130.

[3] *S. Reinach.* Réportoire des vases peints Greques et Etrusques. I, Paris, 1899, p. 62; *З. А. Билимович.* Два бронзовых таза из Семибратних курганов. СА, 3, 1970, стр. 127 сл.

[4] *S. Reinach.* Réportoire des relifs. I, Paris, 1909, p. 21, 22.

[5] *O. A. Bayardi.* Di bronzi di Ercolano e contorni incisi con qualche spiegazione. IV, p. 325.

[6] *К. Г. Мачабели.* Серебряные фиалы из Армазисхеви. Тбилиси, 1970, стр. 55.

[7] *H. Maryon.* Metal working in the Ancient World. AJA, LIII, 2, 1949, p. 114.

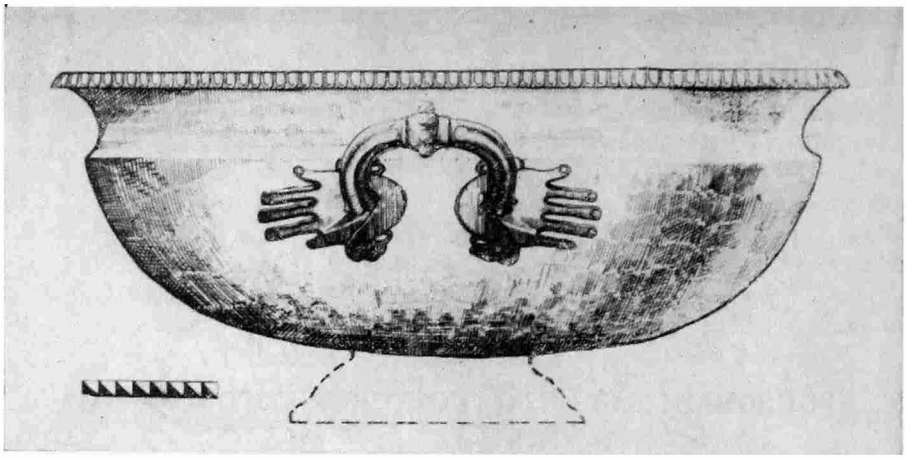


Рис. 1. Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана

Рис. 2. Медальон на дне таза (масштаб 1 : 1)

На отдельное изготовление частей таза указывает и разница в результатах количественного спектрального анализа проб, взятых из разных его мест (в %) [8].

Большое количество свинца в сплаве ручек аналогичного таза из кургана 13 у станицы Багаевской на Дону, отмеченное С. И. Капошиной,

[8] Анализы выполнены в лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Аналитики Д. В. Наумов, С. С. Миняев.

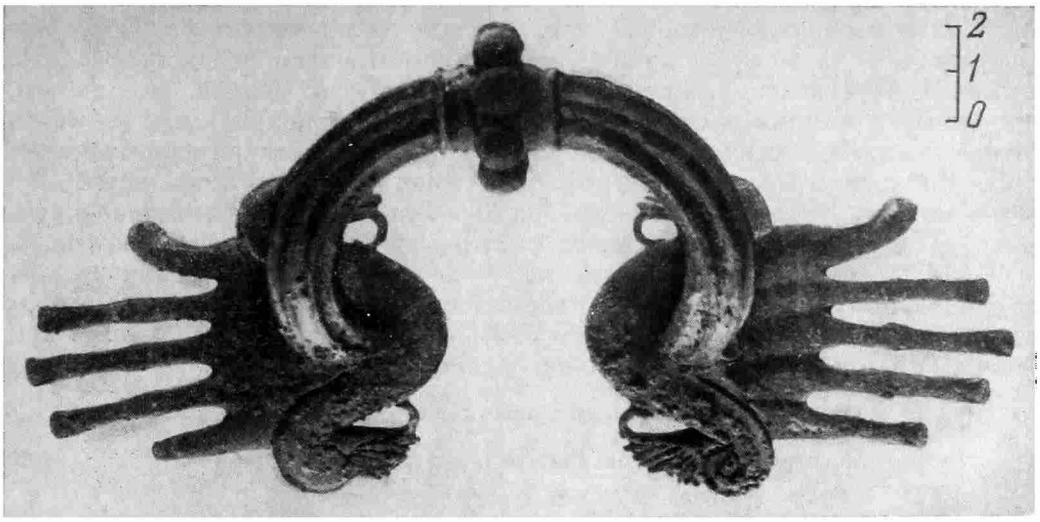


Рис. 3. Ручка таза

привело ее к выводу о позднейшей «доделке» ручек таза в мастерских Галлии и о экспорте его на Нижний Дон через западные провинции Римской империи [9]. Мнение С. И. Капошиной было поддержано некоторыми исследователями [10]; однако вывод этот представляется несколько поспешным. Прежде всего необходимо указать на значительную неточность формулировки С. И. Капошиной. Она пишет о «свинцовых» ручках, тогда как они сделаны из бронзы, в которой процент свинца выше, чем в сплаве,

	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Au	Ni	Co	Fe	Mn	Ti	In
Венчик	79	20	0,2	—	+	0,05	—	0,015	—	0,05	—	0,1	—	+	—
Медальон	83	15,7	0,022	—	+	0,06	—	0,75	—	0,07	—	0,23	—	+	—
Тулово	73	20	6	—	+	0,04	—	0,015	—	0,05	—	0,2	—	+	0,001
Ручка	72	18	9	—	+	0,07	—	0,015	—	0,05	—	0,2	—	+?	—

из которого выковано тулово таза. Оставляя на время археологический аспект вопроса о происхождении подобных тазов, укажу на увеличение количества свинца в сплавах ручек, как на черту, свойственную именно италийской посуде рубежа нашей эры. Анализ 314 бронзовых сосудов из музея в г. Неймегене (Нидерланды) дает большое количество экземпляров с возрастающим количеством свинца в сплавах ручек [11]. Причем ни автор, ни исследователи, ссылавшиеся на эти сосуды до нее, не сомневались в южноиталийском происхождении большинства из них [12].

Объяснение такой закономерности можно найти в технологических особенностях бронзового литья. При увеличении количества свинца в сплаве жидкотекучесть металла повышается, что необходимо при изготовлении сложных литых деталей.

Медальон, впаянный в дно таза, был сначала отлит, а затем подправлен в некоторых местах резцом. На нем изображен пьяный Силен верхом

---

[9] *С. И. Капошина.* Италийский импорт на Нижнем Дону. ЗОАО, II (35), 1967, стр. 210.

[10] См., например, *Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 196.

[11] *M. H. P. den Boesterd.* Spectrochemical analyses of Roman bronze vessels. «Oudheikundige mededelingen», 46, 1965, p. 100.

[12] См., например, анализы № 174, 185, 225, 226, 260 и др.

на муле. В правой руке у него канфар, в левой тирс, перевязанный лентой. Силен изображен босиком, в накинутом на плечи хитоне. Подобные изображения часто встречаются в античном мире на расписных вазах, геммах [13]. По сюжету нашему медальону наиболее близки две геммы, найденные в Италии и сейчас хранящиеся в Британском музее [14]. Связь мотива «Силен и осел» с вакхическим циклом — черта римского времени [15]. Древние предостерегали от чрезмерного употребления вина, ибо оно ведет к появлению «наглости», которая является отличительной чертой осла [16]. О том, что этот сюжет стал особенно популярен ко времени, которым датируется исследуемый таз, к началу 1 в. н. э., можно судить по следующему обстоятельству: при описании вакхической сцены в трагедии «Эдип-царь» Софокл (V в. до н. э.) не упоминает Силена, тогда как Сенека (I в. н. э)., изображая вакхическую сцену, пишет:

«Вслед за тобой Силен спешит на осле
безобразном,
И со вздутых висков виноградные гроздья свисают» [17].

Тирс, который Силен держит в руке, уже римской формы: листья плюща, обычно употреблявшиеся для этой цели, сдвигаются, и набалдашник становится похож на сосновую шишку — черта, присущая тирсам более поздних форм — периода империи [18].

На лбу мула бутон цветка. Нам известно достаточно много примеров украшения этого животного цветами во время празднеств. В качестве примера можно привести стенную роспись из Геркуланума [19] и описание Овидием фестиваля богини Весты: «Хлеб был подвешен на шею осла увитого (цветами)» [20].

Обе ручки таза каннелированы, в середине каждой расположен поясок из шишечек. В месте прикрепления их к атташе ручки имеют форму цветочного бутона. Атташе выполнено в виде кистей рук человека; пальцы длинные, расставленные, с резко выделенными ногтями; запястья обрамлены лентой, заканчивающейся вверху и внизу волютами, которые украшены пальметками.

В работе, посвященной италийскому импорту на Нижнем Дону, С. И. Капошина, отмечая отсутствие других сосудов с подобными ручками, указала лишь одну аналогию тазу, найденному ею в кургане 13 у станицы Багаевской [21]. Однако представляется возможным привлечь для характеристики нашей находки намного более широкий круг аналогий, к сожалению, оставшихся неизвестными исследовательнице.

Сосуды упомянутые ею — это таз из сарматского кургана у станицы Багаевской и ручки таза из погребения у пос. Голубице в Чехословакии (рис. 4, *10*) [22].

---

[13] Эрмитаж. Инв. № ж278, ж1239, ж1310; *H. B. Walters.* Catalogue of the Engraved gems and cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. London, 1926, № 2957, 2958.

[14] *H. B. Walters.* Op. cit., № 1568; *M. A. King.* The Blacas gems. «The Archaeological Journal», XXIV, 1867, p. 301 ff.

[15] *Л. Стефани.* Объяснение некоторых ваз из императорского Эрмитажа. ОАК за 1863 г., стр. 239.

[16] Там же, стр. 233.

[17] *Софокл.* Эдип-царь. 2-е изд. СПб., 1904; *Сенека.* Трагедии. «Academia», 1933, стр. 183.

[18] *F. von Papen.* Der Thyrsos in der Griechischen und Romischen Literatur und Kunst. Berl., 1905, S. 58—59, Taf. II—63.

[19] *O. A. Bayardi.* Opt. cit., III, p. 79.

[20] *Ovid.* Fasti, VI, 311—312. Пример этот приводится в статье *W. F. Jashemski.* The Flower Industry at Pompeii. «Archaeology», 16, III, 1963, p. 113. Там же приводится одна из ныне утраченных помпеянских фресок, на которой изображена сцена фестиваля.

[21] *С. И. Капошина.* Ук. соч., стр. 211.

[22] Там же, рис. 4, *2, 5; St. Berger.* Der Grabfund von Holubic. «Mitt. der Central — Commis». X, Wien, 1884, S. 90, fig. 8, 9.

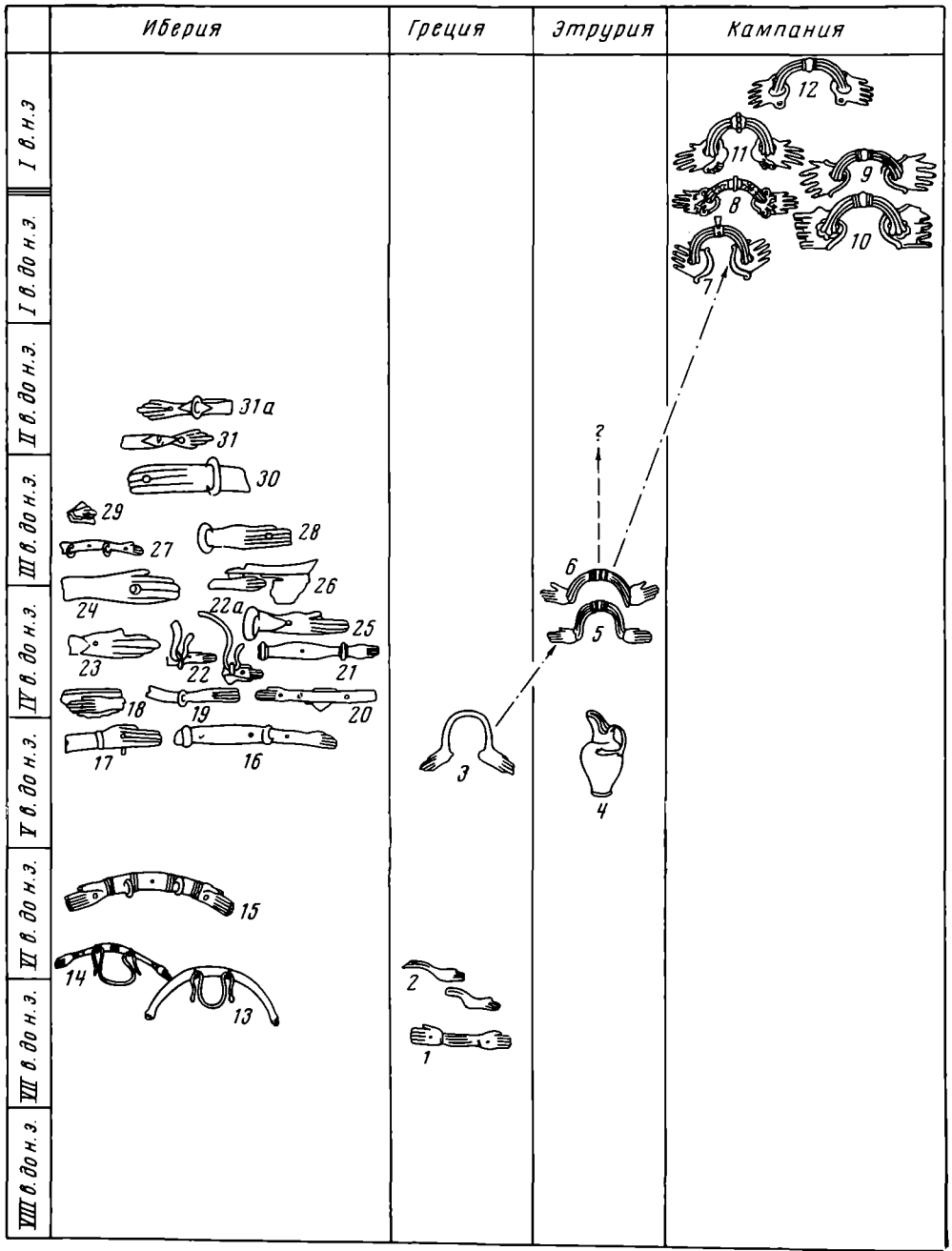


Рис. 4. Генетические связи бронзовых сосудов с ручками, украшенными кистями рук человека. *1* — Афины; *2* — Дельфы; *3* — Спарта; *4* — Чертоза; *5* — Вульчи; *6* — коллекция Эрмитажа; *7* — Помпеи; *8* — Помпеи («Дом с фигурными капителями»); *9* — станица Багаевская; *10* — Голубице; *11* — 3-й Соколовский курган; *12* — Виндонисса; *13* — Кармона; *14* — Уэльва; *15* — Ла Алиседа; *16, 18* — Эль Молар; *17, 23* — Ла Бастида; *19* — Деспеньяперрос; *20, 22, 22а* — Альбуферета; *21* — Сигаральехо; *24* — Эль Берруэко; *25* — Ла Лус; *26* — Ла Осера; *27, 29* — Тивиса; *28* — Ронда де Вьеха; *30* — Сьерра Морена; *31, 31а* — Асаиль
(источники указаны в сносках к тексту)

Обе находки были в комплексах, твердо датируемых первой половиной I в. н. э.[23] Обе найдены вне Италии. Тем не менее не вызывает сомнения происхождение этих экземпляров, как и таза из Соколовского

[23] *С. И. Капошина.* Ук. соч., стр. 213. Таз из Голубице Эггерсом выделен в тип 96 и датирован периодом B-1 (0—50 гг. н. э.). См. *H. J. Eggers.* Der römische Import in frein Germanien. Hambirg, 1951.

кургана, из Южной Италии, которая в императорское время, в период наиболее сильного развития искусства торевтики, становится основным поставщиком металлической посуды во все провинции Римской империи.

Наиболее близкие аналогии ручкам этих «провинциальных» сосудов найдены были на кампанских бронзовых сосудах из Помпей — кипятильнике (рис. 4, *7*) [24] и на тазе из «Дома с фигурными капителями» («Casa con capitelli figurati») (рис. 4, *8*) [25]. Кроме того, в своей работе Е. Пернис сообщает об имеющихся в Музее Помпей еще двух тазах с такими же ручками, один из которых дан в качестве иллюстрации утраченного сосуда из «Дома с фигурными капителями» [26]. Сообщает он и о нескольких экземплярах подобных ручек, хранящихся в национальном музее в Неаполе и флорентийском музее.

Касаясь вопроса о происхождении ручек из Голубице и Виндониссы (рис. 4, *12*) [27], Е. Пернис определяет их как позднюю, местную подделку ручек из Помпей. Вывод свой он основывает на более грубой форме этих двух ручек; однако ручки таза из 3-го Соколовского кургана настолько близки помпеянским, что вместе с твердо датированным погребением из Голубице заставляют не согласиться с Е. Пернисом и говорить об импорте этой посуды непосредственно из Италии. Да и сами помпеянские экземпляры, для которых terminus ante quem 79 г. н. э., близки по времени к погребениям в Голубице, у станицы Багаевской, в Соколовском кургане и не дают повода считать датой их изготовления II в. до н. э. Бесспорно италийскими являются и ручки таза из Багаевского кургана, которые имеют не «некоторое сходство», как пишет С. И. Капошина [28], а просто идентичны ручке из Голубице. Только у последней пальцы рук обломаны.

Отдельно следует остановиться на датировке и происхождении ручки из Виндониссы. Ручка, найденная на территории римского лагеря в слое I в н. э., имеет формы более грубые, чем кампанские экземпляры. Это дает возможность вслед за Е. Пернисом отнести ее к более позднему времени (конец I в. н. э.?) и с большой долей вероятности говорить о местном изготовлении этого экземпляра.

Вообще же руки как декоративный элемент встречаются во всем Средиземноморье, причем не только в качестве украшения ручек сосудов, но и на фибулах, стелах, осях колес повозок и пр. Любопытно проследить развитие этого мотива в районе Средиземного моря.

На территории Италии подобные ручки, атташе которых выполнены в форме кистей рук человека, встречаются на более ранних, этрусских сосудах. Причем, если бронзовая ручка сосуда из некрополя этрусского города Вульчи (рис. 4, *5*) [29] и стамнос из коллекции Эрмитажа (рис. 4, *6*) [30] недостаточно точно датированы и могут быть отнесены к концу IV — началу II в. до н. э. (по тщательности обработки они близки к римским кампанским образцам), то керамический кувшин из Чертозы (Болонья) [31] (рис. 4, *4*) найден в комплексе V—IV вв. до н. э. Имеется еще несколько недокументированных сосудов и ручек, происходящих из Италии, которые также могут считаться этрусскими [32]. Близость по форме ручек

---

[24] *E. Pernice.* Die Hellenistische Kunst in Pompei. Berlin und Leipzig, Bd. IV. Taf. VII.

[25] *F. M. Avellino.* Descrizione di una casa pompejana con capitelli figurati all' ingresso. Memorie della Accademia ercolanese di archeologia, VI, 1850, Tav. IX, 9, 9a.

[26] *E. Pernice.* Op. cit., S. 31, fig. 42.

[27] *E. Pernice.* Op. cit., S. 32, fig. 43.

[28] *С. И. Капошина.* Ук. соч., стр. 211.

[29] Museo Gregoriano Etrusco. Roma, T. 1, Tav. LXX, b.

[30] Эрмитаж, инв. № В 490

[31] *Zannoni.* Gli Scavi della Certosa di Bologna. Bologna, 1876—1884, т. II, Tav. XV, 22. Это единственный керамический экземпляр. Вполне вероятно его происхождение от антропоморфных этрусских канон.

[32] *A de Ridder.* Les bronzes antiques du Louvre, II, Paris, 1915, p. 108, Pl. 97, No. 2657—2658, 2672.

этрусских и более поздних, кампанских, позволяет предполагать заимствование этого мотива италийскими мастерами.

Еще более ранние экземпляры бронзовых ручек, вероятно, послужившие прообразом этрусских, встречаются в архаических слоях городов материковой Греции. Известны обломки двух ручек из Дельф (рис. 4, *2*) [33], две ручки из Афинского Акрополя (рис. 4, *1*) [34], одна ручка из Спарты (рис. 4, *3*) [35]. Наиболее точно датирована ручка из Спарты, где она найдена в слоях VI—V вв. до н. э. [36] Ручки из Дельф и Акрополя представляются более архаичными и, вероятно, относятся к более раннему времени.

Ручки из Греции имеют гораздо менее изящную форму, чем римские или этрусские. Пальцы трактованы грубо, почти не выделены, отсутствуют волюты и пальметки на запястьях, сама ручка не каннелирована. Крепились иногда ручки при помощи заклепок. Только на ручках из Акрополя появляются грубые каннелюры, а на одной из них даже центральный бутон, делящий ручку на две равные части.

Если попытаться рассмотреть пути распространения и хронологические рамки существования в Средиземноморском районе этого декоративного мотива — украшения ручек сосудов кистями рук человека,— необходимо будет обратить внимание на то, что Пиренейский полуостров, район древней Иберии, дает большое количество бронзовых сосудов с подобными ручками.

Начиная с 1895 г., когда была сделана первая находка таза с такими ручками в районе Кармоны (Севилья) [37], время от времени в иберийских погребениях находят аналогичные сосуды и ручки, однако первая попытка их изучения была предпринята Эметерио Куадрадо Диасом лишь в 1956 г. [38] Автор интерпретирует эти сосуды как «пунические жаровни» (braserillos punicos) и относит к разряду сосудов ритуальных. В 1966 г. тем же автором был издан каталог всех таких сосудов, происходящих с территории Испании [39].

В отличие от ручек сосудов из Греции и Италии атташе иберийских ручек плоские, руки часто изображены до предплечья, а сама ручка мобильна, т. е. представляет круглый или квадратный в сечении прут, который вставляется в кольца, крепящиеся к атташе, и свободно движется в них [40]. Атташе прикреплялось к тулову заклепками, о чем свидетельствуют как отверстия на ручках, так и сохранившиеся в некоторых случаях заклепки [41]. Датировка иберийских находок основывается на характере предметов, входящих в комплексы.

Самые ранние экземпляры — сосуды из Кармоны и Уэльвы (рис. 4, *13*, *14*), которые Эметерио Куадрадо Диас и ряд исследователей до него датируют VII—VI вв. до н. э. У этих ранних сосудов руки, украшающие концы ручек, плоские, причем ручка прикреплялась не к тулову сосуда, а к нижней части его горизонтального венчика. Пальцы на руках даны только прочерченными линиями, тогда как более поздние экземпляры имеют пальцы округлые, сомкнутые (см., например, ручки из Сигаральехо,

---

[33] *M. P. Perdrizet.* Fouilles de Delphes, V. f. I, No. 299, 300, fig. 246, 247.

[34] *A. de Ridder.* Catalogue des bronzes trouvés sur l'acropole d'Athènes. Paris, 1896, № 153, 154.

[35] *A. J. B. Wace, M. S. Thompson, J. P. Droop.* The Menelaion. BSA, XV, 1908/09, p. 148, fig. 14—I.

[36] Excavation at Sparta, 1908. *J. P. Droop.* The Pottery, BSA, XIV, 1907/08, p. 46—47.

[37] *G. Bonsor.* Les colonies agricoles pré — Romaines de la vallée du Bétis. RA, XXXV, 1899, p. 252—256, fig. 58.

[38] *E. C. Diaz.* Los recipientes rituales metalicos llamados «braserillos punicos». AE Arq. XXIX, 1956, p. 52, ss.

[39] *E. C. Diaz.* Repertorio de los recipientes rituales metalicos con «asas de manos» de la peninsula Iberica. TPUM, XXI, 1966.

[40] *E. C. Diaz.* Los recipientes..., p. 52, fig. 4, 13.

[41] *E. C. Diaz.* Repertorio..., lam. IV, V.

Ла Бастида, Альбуферета, Сьерра Морена). С V в. до н. э. ручки на иберийских сосудах крепятся уже не к венчику, а к тулову сосуда, что еще больше сближает их с восточносредиземноморскими и италийскими находками [42]. Постепенно руки, украшающие концы ручек, теряют первоначальный смысл и в конце II в. до н. э. превращаются в пальметки (см. экземпляр из Асаиль), которые сохраняют лишь одну деталь ранних экземпляров — пять лепестков, как пять пальцев руки.

Хронологическое и географическое соотношение находок дает возможность Эметерио Куадрадо говорить о постепенном распространении этих сосудов от восточного и южного побережий Пиренейского полуострова в глубь Иберии [43].

В Иберию же манера украшать концы ручек кистями рук человека, по всей вероятности, была завезена финикийскими или греческими купцами из Восточного Средиземноморья. Датировка погребений на юге Иберии, в Кармоне и Уэльве, VII—VI вв. до н. э. совпадает по времени с концом финикийской и началом греческой колонизации полуострова; причем большинство финикийских колоний было расположено на южном берегу, в районе Гибралтара, через который финикийцы выходили в Атлантический океан, предпринимая дальние поездки за британским оловом, янтарем и другими ценными товарами [44].

Эметерио Куадрадо приводит несколько недатированных находок, сделанных в Египте и на Кипре, в качестве исходной формы иберийских ручек [45]. Подтверждает это предположение и приобретенная Метрополитанским музеем в 1898 г. бронзовая рука, найденная в Керчи [46]. Первый эмпорий Пантикапея датируется второй половиной VII — началом VI в. до н. э. [47], что позволяет отнести эту находку к импортным восточносредиземноморским образцам. Г. Рихтер относит ее к предметам вотивного назначения. Однако близость к египетским экземплярам и отверстие для заклепки указывают на первоначальное употребление этой руки в качестве атташе ручки бронзового сосуда.

Таким образом, относительно иберийских и этрусских находок может быть сделан вывод о проникновении этого мотива, а на ранних этапах, вероятно, и самих тазов из Восточного Средиземноморья. При всех стилистических различиях, которые наблюдаются в манере выполнения италийских и иберийских ручек, учитывая хронологическую близость появления первых экземпляров в обоих районах, можно с уверенностью говорить об одних — восточносредиземноморских корнях этого мотива. В VII — VI вв. до н. э. в результате финикийской и греческой колонизации он попадает в Иберию и Этрурию, где развивается самостоятельным путем в каждой области. И если в Иберии, постепенно деградируя, он исчезает, то на территории Италии в императорский период доводится до совершенства, поднимается на высшую ступень мастерства художественной обработки металла, о чем свидетельствуют находки импортных бронзовых сосудов I в. н. э. в сарматских курганах на Нижнем Дону.

Ограничение круга аналогий соколовскому тазу районом Средиземного моря и отсутствие подобных находок местного производства в западных провинциях Римской империи подтверждает вывод об изготовлении сосуда в италийских мастерских.

---

[42] *E. C. Diaz.* Repertorio..., lam VII.

[43] *E. C. Diaz.* Los recipientes..., p. 78.

[44] *А. В. Мишулин.* Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э. М., 1952, стр. 221 сл.

[45] *E. C. Diaz.* Repertorio..., p. 55 ss., lam. XV—XIX.

[46] *G. M. Richter.* Greek, Etruscan and Roman bronzes. New York, 1915, p. 467, No. 1867.

[47] *В. Д. Блаватский.* Архаический Боспор. МИА, 33, стр. 17.

B. A. Raev

BASSIN EN BRONZE PROVENANT DU TUMULUS III DE SOKOLOVSKI

Résumé

En 1970 la mission de Léningrad a fouillé, dans le district de Novotcherkassk, un riche tumulus sarmate. Parmi les trouvailles il y avait deux récipients importés romains: un bassin et une aiguière. Le bassin, sur qui porte la recherche, a un médaillon sur la face intérieure du fond et deux anses dont les attaches sont exécutées en forme de mains humaines. Les trouvailles analogues provenant de Pompéi et des provinces romaines occidentales permettent de définir la date (première moitié du I s. de n. è.) et le lieu (Italie méridionale) de la fabrication du récipient. Les résultats de l'analyse spectrale de l'alliage qui a servi pour la fabrication du bassin confirment cette conclusion. Le problème de l'apparition et de la propagation des récipients aux anses décorées de motifs des mains humaines fait aussi l'objet de l'examen dont les résultats sont présentés dans la table (fig. 3).

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ЗАБЫТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ БРОНЗОВЫХ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Среди находок, хранящихся в Историческом музее Эстонии (г. Таллин), особый интерес представляет малоизвестная коллекция (№ 196) бронзовых шаманских изображений, происходящая, судя по документации, из Архангельской или Вологодской губерний. Предметы эти были найдены, по-видимому, между 1906 и 1914 гг.

Коллекция состоит из 10 изображений человеческого лица, пяти железных и четырех каменных наконечников стрел. Все личины коллекции уникальны, отличаются одна от другой размерами и деталировкой изображений и вместе с тем похожи одна на другую общими контурами рисунка, наличием на теменной части изображений трех выступов в виде зубцов короны. Личины эти плоские толщиной в 3—4 *мм* и отлиты каждая в односторонней литейной форме. Никаких петель на оборотной стороне или отверстий для прикрепления у этих предметов нет. Это определенным образом говорит об их вотивном назначении. Лицевая сторона у отливок гладкая, оборотная неровная шероховатая. За счет скосов по краям изображений площадь оборотной стороны личин немного больше, чем лицевых. Нос, рот, брови, борода, зооморфные изображения на лице личин переданы углубленными линиями, и им на плоском дне литейной формы соответствовали валики и выступы. Потому можно думать, что личины отливались не в глиняных литейных формах, а в комбинированных. Дно такой формы было плоским каменным, а бортики по краям и выступы на дне глиняными. По-видимому, в такой же технике отливались и другие подобные нашим плоские шаманские изображения еще со времени гляденовской культуры.

На первой личине хорошо видны (рис. 1, *1*) миндалевидной формы глаза, нос и короткая раздвоенная бородка, переданная шестью черточками. На месте рта хорошо моделированное изображение головы лося. На темени личины три острых прямых рога, крайние из которых разведены в стороны.

У второй личины (рис. 1, *2*) углубленными линиями переданы глаза и рот, носа нет. Выше головы три почти параллельных рога, соединенные в нижней части перемычкой.

У третьей личины углубленными линиями изображены глаза, брови и рот. Выше головы трехрогое завершение, близкое по характеру трехрогому завершению на первой личине. Крайние рога соединены со средним перемычкой. На крайних рогах орнамент (рис. 1, *3*) в виде двух косых черточек на каждом, а на среднем орнамент в виде острого угла, расположенного вершиной вверх.

У четвертой личины (рис. 1, *4*) заглубленными линиями переданы глаза, нос, рот, короткая раздвоенная бородка и брови. Последние изо-

бражены каждая четырьмя короткими косыми штрихами, а борода — восемью такими же штрихами. У личины трехрогое завершение, причем каждый из рогов имеет пламевидную форму.

На пятой личине различаются изображения глаз, носа с бровями и рта. Выше лица трехрогое завершение (рис. 1, *5*), соединенное у основания перемычкой. Каждый рог — стилизованное изображение головы лося.

У шестой личины (рис. 1, *6*) видны глаза, нос, рот и брови, переданные черточками. Выше личины трехрогое завершение, похожее на завершение первой личины.

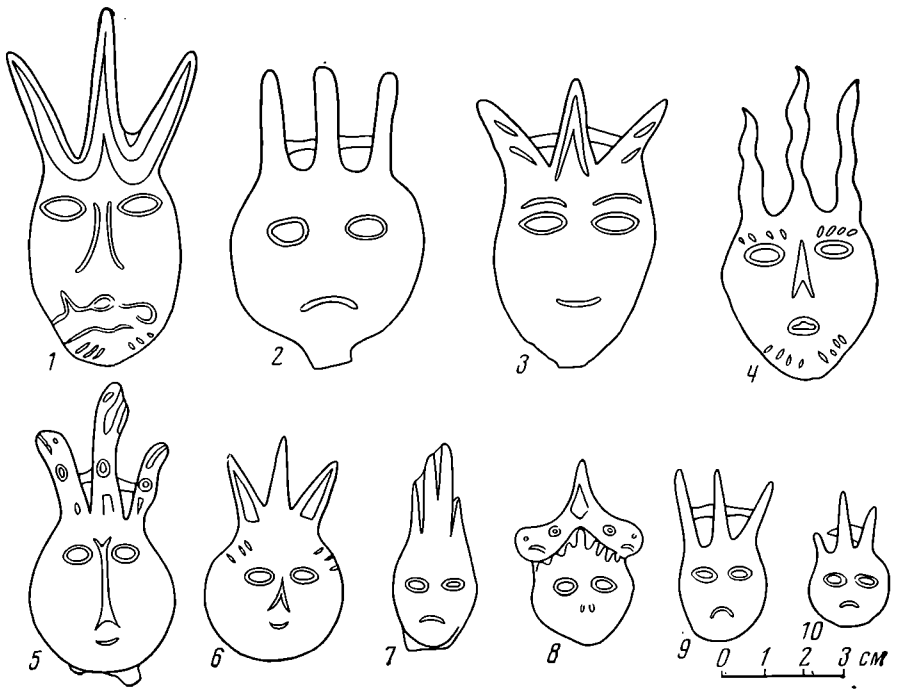


Рис. 1. Коллекция шаманских изображений из Исторического музея Эстонии

Седьмая — десятая личины несколько меньших размеров по сравнению с первыми шестью. Если высота первых равна в среднем 7—8 *см*, то у последующих она от 3,2 до 4 *см*.

На седьмой личине видны изображения глаз и рта. Голова наверху кончается не тремя, а четырьмя слитыми рогами (рис. 1, *7*).

На восьмой личине есть (рис. 1, *8*) глаза, ноздри и волосы на голове. Выше их остроконечный головной убор, по низу украшенный изображениями голов животных, повернутых мордами направо и налево.

У девятой личины видны глаза миндалевидной формы и рот в виде дуги изгибом вверх. Выше личины трехрогое завершение, соединенное на середине высоты горизонтальной перемычкой (рис. 1, *9*).

Десятая личина (рис. 1, *10*) похожа на предыдущую, но меньше ее по размерам. Левый рог завершения этой фигуры и часть перемычки отсутствуют из-за небрежности при отливке.

Все изображения передают человеческие лица округлой или слегка вытянутой формы. Глаза изображены горизонтально расположенными овалами, брови дугой или черточками, рот — в одном случае овалом (раскрытый?), в другом — в виде дуги, обращенной вершиной вверх или вниз. Нос изображается или двумя дугообразными линиями, расходящимися внизу, или стреловидной формы углублением, или прямой линией, раздвоенной наверху (брови) и внизу. Завершения личин у восьми фигур

трехрогие, у одной завершение четырехрогое и еще у одной — шлемовидное.

Нет никакого сомнения в том, что личины по стилю изображений и технике исполнения однородны и одновременны. По-видимому, все они изготовлены одним литейщиком.

Железные стрелы в коллекции разных типов. Первая из стрел втульчатая с двушипным ромбическим в сечении пером и с уступом при переходе от пера к втулке (рис. 2, *1*), длина ее около 10 *см*.

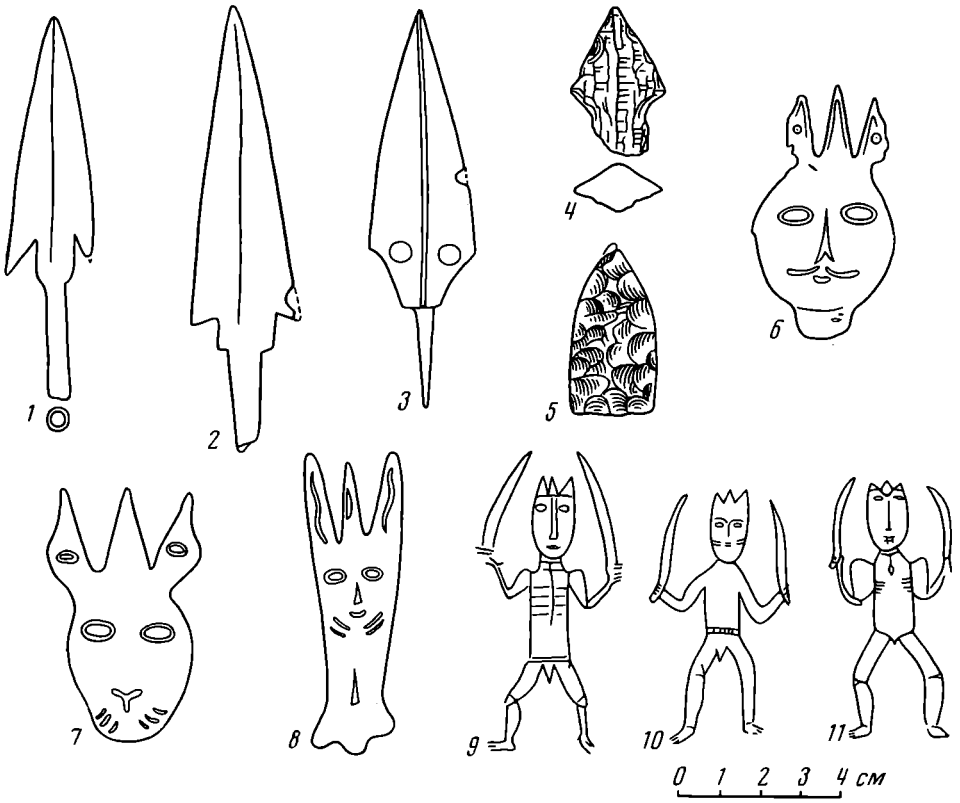


Рис. 2. *1—3* — железные наконечники стрел из коллекции Исторического музея Эстонии; *4—5* — каменные наконечники стрел из той же коллекции; *6—8* — шаманские изображения из коллекции Сидорова; *9—11* — трехрогие изображения на серебряных блюдах (*9* — блюдо из Гос. Эрмитажа, инв. № 1084; *10* — блюдо из бывш. коллекции Строгановых; *11* — блюдо из Коцкого городка)

Вторая — четвертая стрелы имеют перо той же формы, что и первая, но в отличие от нее эти стрелы черешковые (рис. 2, *2*). Длина их тоже по 10 *см*.

Пятая железная стрела коллекции трехлопастная черешковая с небольшими круглыми отверстиями на концах лопастей (рис. 2, *3*). Ее длина тоже около 10 *см*.

Каменные стрелы коллекции изготовлены: три — из серо-коричневого твердого сланца и одна из кварцита. Две сланцевые стрелы короткие с поверхностью сплошь обработанной ретушью. Длина их по 3,5 *см*. Перо их треугольной формы ромбическое в сечении. У стрел плоские хорошо выраженные черешки (рис. 2, *4*).

Две каменные стрелы (сланцевая и кварцитовая) тоже короткие, длиной не более 4 *см* (рис. 2, *5*). Они подтреугольной формы, миндалевидные в сечении, черешок не выделен. Тыльная часть утоньшена за счет сколов, нанесенных со стороны основания. Основание стрел имеет прямой обрез.

Все каменные наконечники стрел из-за характера материала выглядят неряшливо сделанными. Ретушь на них плохая, на предметах много заломов.

Представляется, что как каменные, так и железные наконечники стрел в коллекции одновременны. Неоднократно отмечалось позднее употребление каменных наконечников стрел в железном веке, когда они изготовлялись не только как ритуальные предметы, но и как предметы вооружения, охоты.

Что касается железных стрел коллекции, то они, как и найденные вместе с ними личины и каменные наконечники стрел, могут быть датированы VII—VIII вв., хотя не исключено, что с меньшим основанием эти предметы можно датировать и началом IX в.

К этому времени относятся железные трехлопастные крупные наконечники стрел с небольшими круглыми отверстиями в основании лопастей. Они найдены на многих памятниках в комплексах указанного времени и известны, например, в погребениях 117, 140 Борисовского могильника, в погребении 1 у совхоза «Красный Восток» при раскопках А. Е. Алиховой, на городище Хотомель при раскопках Ю. В. Кухаренко и на многих других хорошо датированных памятниках [1]. Ромбический в сечении черешковый железный наконечник стрелы и трехлопастной черешковый наконечник с круглыми небольшими отверстиями в концах лопастей были в составе Елыкаевского клада, который В. А. Могильниковым справедливо датируется VII—VIII вв. [2]

Шаманские изображения человекообразных существ с трехрогими завершениями голов широко представлены в изобразительном искусстве финно-угорских народов Западной Сибири и Прикамья.

Как представляется, такие изображения возникли еще в конце бронзового века в Приобье и именно из этих областей распространились в позднем железном веке в западном направлении. Нас интересуют преимущественно поздние варианты трехрогих человекообразных изображений, относящихся ко времени после начала нашей эры.

Эти трехрогие существа изображаются различными способами. Среди них плоские литые человекообразные фигурки с трехрогим завершением голов. Не менее распространены изображения трехрогих человечков, процарапанные обычно на привезенных в Прикамье и Приобье сасанидских и ранневизантийских блюдах. Гораздо реже встречаются плоские металлические личины с трехрогим завершением голов.

Наиболее распространены изображения человеческих трехрогих фигурок, прочерченные на блюдах, которые А. А. Спицын назвал воинственными. Они изображаются обычно танцующими с поднятыми кверху руками, в каждой из которых находится по кривому мечу. Ноги их расставлены и ступни вывернуты наружу [3] (рис. 2, *9—11*).

Восемь таких фигурок прочерчены на сасанидском блюде, найденном в 1866 г. на Коцком городке Борисовского округа Тобольской губернии. Для фигурок, изображенных на этом блюде, характерны поднятые кверху руки с мечами, на груди в рубашках — вырезы ромбической формы, соединенные прорезью линейной формы с горловиной (рис. 2, *11*). Впрочем, у двух фигурок такие вырезы отсутствуют. Не исключено, что это не вырезы, как думает А. А. Спицын, а нагрудные медальоны ромбической формы, носимые на шнурке. Подчеркнута мужская принадлежность изображений. Блюдо датируется, по-видимому, VII в.

Примерно того же характера изображение на сасанидском блюде № 1084 Государственного Эрмитажа (рис. 2, *9*). Место находки его оста-

---

[1] *А. Ф. Медведев.* Ручное метательное оружие. САИ, Е 1—36, М., 1966, стр. 59, табл. 12, *6*.

[2] *В. А. Могильников.* Елыкаевская коллекция Томского университета. СА, 1968, 1, стр. 263, рис. 1, *2, 7*.

[3] *А. А. Спицын.* Шаманские изображения. ЗОРСА, VIII, I. СПб., 1906, стр. 29—145.

лось неизвестным. На нем прочерчено изображение мужской танцующей фигурки с завершением головы в виде трех остроконечных выступов. В поднятых руках у этой фигурки кривые мечи. Блюдо это, как и остальные предметы собрания, по-видимому, происходит из Прикамья и датируется VII в. н. э.

Следует отметить и мужскую трехрогую фигурку, прочерченную на ранневизантийском блюде VI в., которое находилось в коллекции Строганова (рис. 2, *10*). Место приобретения этого блюда также осталось неизвестным, хотя не исключено, что оно найдено в Прикамье.

В этом же стиле выполнено и изображение мужской фигуры, прочерченное на сасанидском блюде, найденном у с. Слудки Пермского уезда. Фигурка также имеет поднятые кверху руки, в каждой из которых по кривому мечу. На груди фигурки изображен или разрез одежды или трехлапая, по-видимому, птицеобразная подвеска на шнурке. Блюдо датируется VII—VIII вв.

Примерно к этому времени относятся шаманские изображения, в том числе и танцующих трехрогих фигурок на сасанидском блюде из собрания Национальной библиотеки в Париже (атлас Я. И. Смирнова № 40) [4]. На нем изображены три трехрогие фигурки «воинственного» типа и семь фигурок «невоинственных» с острыми головами, птица с человеческой личиной и другие изображения.

Наряду с воинственными фигурками известны прочерченные на сасанидских и византийских блюдах такие же фигурки с опущенными руками и без оружия. К ним относится фигурка еще на одном беспаспортном блюде из коллекции Строгановых, которое относится к сасанидским изделиям и датируется VII в.

Подобный же характер носит и трехрогое изображение на сасанидском блюде, найденном на городище близ Обдор. Блюдо датируется VII в.

Основная масса блюд, на которых нанесены изображения, датируется концом VI—VII вв. По-видимому, примерно к этому или несколько более позднему времени относятся и прочерченные на них дополнительные изображения, которые всеми исследователями связываются с шаманским культом. Они могут быть датированы VII—VIII вв. Все изображения этого рода на блюдах отличаются четкостью рисунка и установившейся иконографией изображений. В рисунках нет лишних деталей. Все предметы одного круга, как представляется, связанные определенным образом с обскими уграми и распространением их в западном направлении.

Значительный интерес представляет и найденная, по-видимому, на Шайтанском мысу в Приобье дисковидная подвеска, на которой рельефным литьем изображены три трехрогие танцующие фигуры с поднятыми руками, в которых видны кривые мечи. По мнению В. Н. Чернецова, на этой бляхе представлены три менква — духи фратерии Пор. В угорском фольклоре они фигурируют как одно-, двух-, трехголовые существа, причем трехголовость их, судя по этнографическим материалам, часто передается в виде трезубого темени одной фигуры [5].

В. Н. Чернецов склонен датировать это изображение VII—VIII вв. Нам кажется, что это изображение по технике литья может быть отнесено к X—XII вв.

В плане настоящей заметки несомненный интерес представляет и человеческая фигурка, найденная на Богородском городище и опубликованная А. П. Смирновым. Она изображает человеческую фигурку в фас. От середины головы вправо и влево изображены головы птиц, достающие клювами до плечей фигуры. Фигурка отлита в плоской односторонней форме. Детали одежды и лица переданы, как и на наших личинах, углуб-

[4] *Я. И. Смирнов.* Сасанидское серебро. СПб., 1909.

[5] *В. Н. Чернецов.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. В Сб. «Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири». МИА, 58, 1957, стр. 189—190, табл. XXII, *2*.

ленными линиями. Глаза и рот, в частности, имеют вид овалов. Нос изображен двумя расходящимися линиями, как на личинах нашей коллекции. По технике литья она связывается с исследуемыми личинами [6]. Время этой фигурки не определено, но судя по стилю изображений, это должен быть VII—VIII вв.

При изучении аналогий нашей коллекции следует отметить, что если по восточную сторону Уральского хребта трехрогие изображения встречаются с очень раннего времени и бытуют там до времени этнографического, то на западной стороне хребта, как кажется, они появляются не ранее VI в. и бытуют здесь и позже, до славянизации этих областей и массового искоренения шаманских культов в XI—XV вв.

Представляется возможным предположительно указать и более точное место происхождения нашей коллекции по аналогиям с коллекцией Сидорова, собранной на р. Соплес на среднем течении Печоры. В ее составе насчитывается 12 бронзовых отливок. Среди них четыре отливки птиц, из которых три на груди имеют изображения человеческого лица, две фигурки медведей разной трактовки, изображения стоящих одна за другой на рыбе семи человекообразных фигур, изображенных в профиль (сулде) с головными уборами в виде собачьих голов и шесть человеческих фигурок разного рода. Особенно интересны среди них три личины с трехрогими завершениями голов (рис. 2, *6—8*). Каждый рог у этих личин — стилизованное изображение головы животного. Кроме них есть изображения полные или частичные двух человеческих фигурок. Головы у этих литых плоских фигурок весьма сходны с личинами из нашей коллекции. Они также трехрогие. Лишь одна из фигур коллекции Сидорова объемная. Как по стилю всего изображения, так и по деталям она сильно отличается от остальных изображений и, как нам представляется, относится к более позднему времени, может быть связана с кругом изображений времени родановской культуры. А. А. Спицын всю коллекцию Сидорова суммарно датировал VIII—IX вв. Представляется, что кроме последней фигурки она может быть датирована VIII в. Что касается личин из коллекции Сидорова, то все они, так же как и мужские фигурки, плоскостные. Детали лица, контуры личин, формы наверший у тех и других предметов совпадают. Так, брови и бороды у них, так же как и на изображениях из коллекции Исторического музея Эстонии, переданы косыми короткими штрихами, нос в виде прямой раздвоенной внизу линии, глаза и рот в виде овалов. На одной из личин длинными закрученными линиями переданы довольно большие усы.

Публикуемая нами хорошо датированная коллекция шаманских изображений из Исторического музея Эстонии дает дополнительную характеристику идеологии племен ломоватовской культуры. Находки происходят, по-видимому, со святилища этого времени и попали туда как приношение.

R. L. Rosenfeldt

COLLECTION OUBLIEE DES FIGURATIONS ANTHROPOMORPHES EN BRONZE

Résumé

L'article est consacré à la publication de la collection des figurations anthropomorphes en bronze, dépourvue de documentation archéologique, et qui se compose de 10 masques et 9 pointes de flèches en fer et en pierre. La collection est conservée dans le Musée d'Histoire d'Estonie. Elle est datée, d'après les analogies, des VII — VIII siècles de n. è. L'auteur présume que les trouvailles proviennent des rives du cours d'eau de Soplesse (cours moyen de Pétchora) qui ont déjà livré des figurations anthropomorphes de même genre et de pareille exécution. La collection provient, paraît-il, d'un site en voie de destruction de la civilisation de Lomovatovo.

[6] *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961, рис. 27, *11*.

В. А. КУЗНЕЦОВ, А. П. РУНИЧ

ПОГРЕБЕНИЕ АЛАНСКОГО ДРУЖИННИКА IX в.

Как показали археологические исследования последних лет, окрестности Кисловодска насыщены отложениями различных эпох и культур. Особенно обильно представлены здесь памятники эпохи раннего средневековья, среди которых количественно первое место занимают памятники аланской археологической культуры. Можно без особого преувеличения утверждать, что как по числу, так и по научной значимости материалов аланские памятники в районе Кисловодска ныне входят в круг важнейших источников по раннему средневековью Северного Кавказа.

В августе 1969 г. обнаружен публикуемый ниже комплекс вещей, происходящих из одного погребения и представляющих особый интерес. Могильник, к которому относится данное погребение, расположен в 11 *км* юго-западнее с. Учкекен Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской автономной области, в скалистой балке р. Эшкакон. В выходах доломитизированных известняков по левому берегу балки имеются глубокие выветрелости — трещины, тянущиеся вдоль выхода скал в виде террас. Расстояние от русла реки до этих террас приблизительно 0,5 *км*. Образовавшиеся таким путем скальные навесы были использованы для устройства в них могил.

Обследованию был подвергнут нижний ярус террас, расположенный на высоте 6 *м* от основания скального массива. Здесь обнаружены остатки шести разрушенных и ограбленных погребений. Конструкция могильных сооружений весьма своеобразна. В полу скальной террасы вытесывались корытообразные углубления, а дно их выравнивалось. Затем возводились две продольные стенки, отделявшие погребения от полости скальной ниши, и одна поперечная, закрывавшая вход со стороны устья. Так полость скального навеса оказывалась разделенной на несколько изолированных камер. Скальные могильники этого типа уже известны в окрестностях Кисловодска [1]. Стенки выкладывались из рваных плит известняка и доводились до скальных сводов; толщина стенок 0,30—0,40 *м*. Продольные стенки снаружи и изнутри обмазывались красной глиной, поперечная стенка обмазывалась только снаружи. Некоторые стенки снаружи были побелены.

Фасадная (поперечная) стенка описываемого погр. 2 была разрушена, погребение ограблено, кости скелета (единственного в погребении) были разбросаны по камере. Детали погребального обряда не установлены, но можно предполагать, что костяк лежал вытянуто на спине. Камера была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад, размеры ее (в *м*): длина 2,15, ширина 0,63, глубина могильного углубления 0,17, высота фасадной стенки (по остаткам) 0,93. Пол камеры был покрыт слоем обычного в таких условиях легкого пылевидного грунта толщиной 0,20—0,25 *м*. Следов угольной подстилки, мела или реальгара не обнаружено.

[1] *А. П. Рунич*. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска. СА, 1971, 2, стр. 167—178, рис. 1, *1*.

При расчистке пола камеры обнаружены вещи, несомненно составлявшие инвентарь погребения мужчины — воина и всадника. Приводим краткое описание комплекса.

1. Обломки сильно корродированной сабли с расслоившимся клинком, явно однолезвийным (рис. 1, *1*). Из-за плохой сохранности установить длину сабли затруднительно. Ширина клинка в верхней части (ниже рукояти) 4 *см*; можно также отметить, что клинок был слабо изогнут.

Наибольший интерес представляют рукоять и остатки ножен. Рукоять слегка выгнута в сторону, противоположную лезвию, особенно сильный изгиб имеет спинка рукояти, вкладывавшаяся в ладонь. Она покрыта тонкой бронзовой пластинкой шириной 0,9 и длиной 10,5 *см*, прикрепленной к деревянной основе рукояти при помощи 12 миниатюрных бронзовых гвоздиков. С противоположной стороны на рукоять набиты четыре литых серебряных захвата для пальцев (рис. 1, *1*). Последние имеют листовое основание ромбической формы; основание облегает рукоять и прибито к ней четырьмя гвоздиками каждое. Все четыре лепестка оснований покрыты гравированным орнаментом.

Рукоять венчает навершие, составленное из двух литых серебряных симметричных половин. Навершие орнаментировано. От колпачка, надевавшегося на верх рукоятки, вниз спускаются два «язычка» (рис. 1, *1*). «Язычок» с внутренней стороны рукояти прибит к деревянной основе гвоздиком с широкой шляпкой, «язычок» с наружной стороны рукояти имеет округлую головку с отверстием. К ней крепился темляк. Нижняя часть рукояти (при переходе к клинку) украшена серебряной пластинкой шириной 1 *см*, охватывающей рукоять вокруг. Пластинка прибита к деревянной основе шестью миниатюрными серебряными гвоздиками. С наружной (лицевой) стороны пластинка покрыта гравированным орнаментом. Фон заполнен точечным пунсоном. Как говорилось, основа рукояти сделана из твердого дерева (дуба?). Интересна отделка рукояти: сначала она была обтянута кожей морского ската (Trygon Sephon), а затем поверх нее с тыльной стороны была покрыта полосой бересты. Последняя имеет ширину 1,5, длину 7 *см* (часть не сохранилась) и идет от «язычка» навершия вниз к клинку. Совершенно очевидно, что кожа ската придавала поверхности рукоятки шероховатость и тем самым вместе с упомянутыми выше захватами для пальцев не позволяла руке скользить во время удара саблей. Но каково назначение берестяной полосы?

Представляется допустимым следующее предположение. Именно с этой тыльной стороны деревянная рукоять имеет глубокую трещину, в которой виден железный черенок сабли, всаженный в рукоять. По-видимому, при всаживании черенка в уже покрытую кожей ската рукоять последняя дала трещину и в месте излома кожа разорвалась. Проникновение влаги внутрь рукояти могло корродировать черенок и испортить эту несомненно дорогую саблю. Поэтому трещина была закрыта полосой бересты, обладающей водоотталкивающими свойствами.

Перекрестья нет, и нет никаких следов, позволяющих говорить о том, что оно было. Излом клинка хорошо совпадает с изломом черенка и рукояти. Но здесь необходимо учесть, что перекрестья сабель этого типа обычно были цельнолитые или цельнокованые, надевавшиеся на стержень сабли. Поскольку клинок отломан от черенка именно там, где должно находиться перекрестье, не исключено, что оно отпало и было выброшено грабителями.

Ножны сделаны из дерева толщиной 3—4 *мм* и сохранились в 10 фрагментах. Вероятно, они были составными из двух полуовальных в сечении и хорошо совпадавших между собой полос. Ножны были обтянуты (или оклеены) тканью типа полотна, покрытого сверху тонким слоем грунта коричнево-охристого цвета.

Сабля имела скобы, одна из которых уцелела в верхней части ножен под рукоятью (рис. 1, *1*). Вторая, вероятно, была расположена примерно

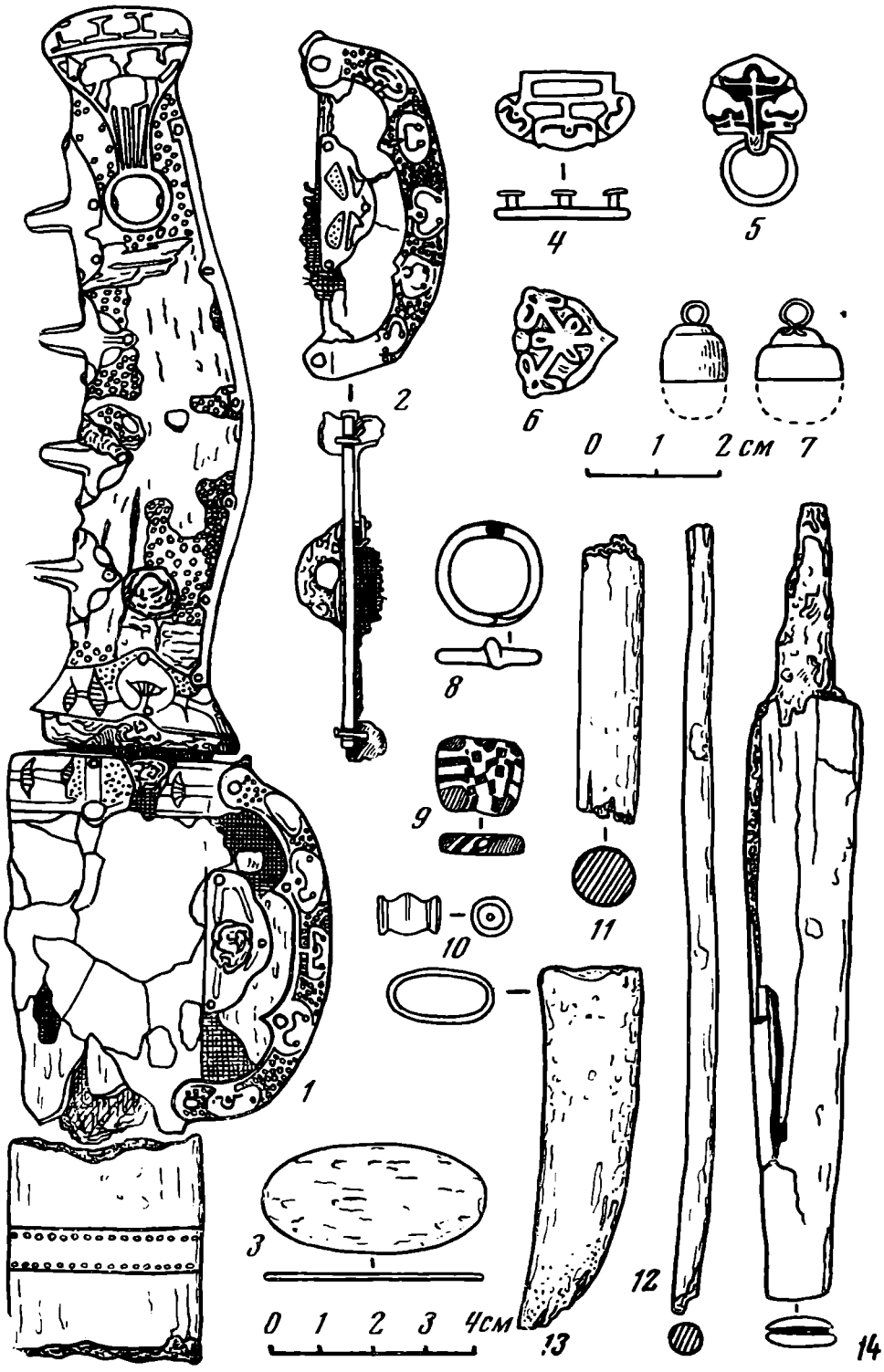


Рис. 1. Инвентарь погребения:

1 — сабля с остатками деревянных ножен и верхней скобой; *2* — нижняя скоба; *3* — донце от наконечника ножен; *4* — прорезная бляшка; *5* — бляшка с кольцом; *6* — сердцевидная бляшка; *7* — бубенчики; *8* — стеклянный перстень; *9* — бусина мозаичная; *10* — бусина стеклянная; *11* — обломок деревянного стержня; *12* — обломок деревянного стержня (древко стрелы?); *13* — рог; *14* — железный нож

посередине ножен (рис. 1, *2*). Обе скобы сделаны из овальных деревянных пластинок толщиной около 3 *мм*; пластинки, как и ножны, склеены тканью и покрыты тем же слоем грунта. После этой обработки поверхности ребро пластинок было покрыто подковообразной серебряной оковкой, прибитой к деревянной основе четырьмя гвоздиками. Лицевая сторона оковки украшена гравировкой и точечным пунсоном. В середине скобы с лицевой стороны тремя гвоздиками прибита полуовальная золоченая бляшка, по штампованному орнаменту проработанная точечным пунсоном. С оборотной стороны скобы прикреплена железная петля для шнура или узкого ремня, при помощи которого сабля крепилась к поясу.

Скобы крепились к ножнам двумя пластинчатыми серебряными обоймами (шириной 1,2 *см*), соединенными с оковкой скобы серебряными гвоздями с широкими шляпками. Двумя такими же гвоздями обоймы прибивались и к ножнам. Лицевая поверхность обойм покрыта орнаментом, стилистически и технически (гравировка, точечный пунсон) аналогичным орнаменту рукоятки и оковок. Нижняя часть сабли и наконечник ножен не сохранились, но до нас дошла овальная бронзовая пластинка (4,1 × 2,0 *см*, рис. 1, *3*), которая, по-видимому, представляла дно наконечника ножен. Последний должен был в таком случае иметь вид металлического футляра, прикрепленного к нижней части ножен [2].

2. Два железных ножа в деревянных чехлах (рис. 1, *14*). Ножи обычного типа, с черенками. Длина одного 16, второго 16,2 *см* (с учетом чехлов), ширина 2,0—2,2 *см*.

3. Обломки двух древков (рис. 1, *11*, *12*). Один из них, вероятно, от стрелы (рис. 1, *12*), длина его 16,3, толщина 6 *мм*, назначение второго неясно. Длина его 6, толщина 1,3 *см*.

4. Четыре обрывка сыромятного ремня шириной 1,6 *см* с прикрепленными к ним серебряными бляшками. К трем обрывкам ремня прикреплены бляшки сердцевидной формы с растительным орнаментом (рис. 1, *6*); бляшки отлиты в одной форме, всего их 11. К одному обрывку ремня прикреплена бляшка формы, аналогичной описанным выше, украшенная также стилизованным растительным орнаментом (состоящим из трех пальметок), но в нижней части имеющая ушко, в которое вдето свободно двигающееся серебряное колечко (рис. 1, *5*). Отдельно от ремня найдено еще 12 бляшек, отлитых в той же форме.

Несомненно к тому же поясному набору относятся еще четыре серебряные бляшки, отлитые в одной форме. Рамка с прорезью сверху обрамлена изображением трех пальметок (рис. 1, *4*). Стилистически орнаментация этих бляшек аналогична орнаментации бляшек с колечками.

С рассматриваемым поясным набором связана и серебряная, сильно окисленная пряжка со сломанным в древности щитком на шарнире. Судя по обломку, щиток был орнаментирован гравировкой.

Каждая из бляшек сердцевидной формы (рис. 1, *6*) крепилась к ремню при помощи двух специально припаянных серебряных штифтов. Остальные бляшки крепились к ремню при помощи трех штифтов.

5. Мешочек (ладанка?) из грубой шелковой «двухлицевой» ткани типа «самит». Орнамент золотистого цвета (первоначально, видимо, белый), широкая полоса посередине выткана желтым, полосы вверху и внизу — синим утком на коричневом (первоначально красном) фоне. Узор — ряды мелких медальонов с перлами, пересеченными цветной горизонтальной полосой; внутри медальонов и между ними — изображение двойной секиры [3] (рис. 2).

6. Верхняя часть рога козы (рис. 1, *13*), полого внутри; края аккуратно обрезаны.

---

[2] См. *П. С. Уварова.* Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, стр. 93, рис. 90.

[3] При описании и определении ткани пользуемся консультацией А. А. Иерусалимской, которой выражаем нашу признательность.

7. Стеклянные перстни — один целый (рис. 1, *8*), от второго сохранился небольшой обломок. Стекло черного цвета, место спайки концов расплющено. Диаметр целого перстня 1,6 *см*.

8. Верхние половинки (рис. 1, *7*) от двух бронзовых (или медных) бубенчиков с ушками из проволоки, пропущенной в отверстие вверху бубенчика и затем изнутри бубенчика разогнутой. Бубенчики штампованные.

9. Две бусины — одна плоская, четырехугольная мозаичная (рис. 1, *9*), фон синий, мозаика четырехцветная; синяя, белая, желтая и черная; вторая катушкообразная, из синего с зеленым отливом стекла и металлической прокладкой (рис. 1, *10*). Бусины, возможно, были привязаны к темляку сабли в качестве оберегов — амулетов.

Рис. 2. Шелковая сумочка — ладанка

10. Обломок стенки сероглиняного сосуда с лощеной до блеска поверхностью. Других обломков не обнаружено.

11. Обрывки тканей — 10 штук, из них два обрывка ткани типа полотна бледно-коричневого цвета (первоначально, очевидно, красного); четыре обрывка такой же ткани белого цвета, один из них сложен вдвое и прошит; два обрывка такой же ткани, но более тонкого переплетения, белого цвета, край одного обрывка прострочен; два обрывка грубой ткани типа холста, один бледно-коричневый (первоначально красный), второй белый, сложенный вдвое и простроченный (край какого-то предмета). Кроме того, найден узенький кожаный ремешок, вероятно служивший для завязывания, и обрывок кошмы из черной овечьей шерсти.

Таков состав описываемого комплекса. Принадлежность его воину-дружиннику кажется несомненной. Об этом свидетельствуют сабля с богатым убранством [4] и достаточно выразительный поясной набор. Кратко рассмотрим вопрос о датировке.

Комплекс содержит ряд вещей, хорошо датируемых VIII—IX вв. В первую очередь это сабля, относящаяся к числу широко распространенных на юго-востоке Европейской части СССР, так называемого хазарского типа [5], и имеющих местное сармато-аланское происхождение [6]. Ближайшие аналогии ей находим в хорошо датированных VIII—IX вв. материалах салтово-маяцкой культуры. Такова сабля из катакомбы № 1 Верхне-Салтовского могильника (раскопки В. А. Бабенко 1911 г.) [7]. Сабля из Верхнего Салтова имеет аналогичное оформление рукояти — серебря-

---

[4] Н. Я. Мерперт выделяет саблю как специальный вид вооружения, «свойственный только наиболее богатым дружинникам». (*Н. Я. Мерперт.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА XXIII, 1955, стр. 141).

[5] *Г. Ф. Корзухина.* Из истории древнерусского оружия XI века. СА, XIII, 1950, стр. 75.

[6] *М. И. Артамонов.* (Рец.). *A. Zakharow und W. Arendt.* Studia Levedica. Budapest, 1935, ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 246; *А. В. Арциховский.* Основы археологии. М., 1954, стр. 198; *Н. Я. Мерперт.* Ук. соч., стр. 163—164.

[7] *A. Zakharow und W. Arendt.* Studia Levedica. AH, XVI. Budapest, 1935, стр. 19, рис. 6, табл. II.

ное навершие в виде колпачка со спускающимся вниз «язычком», имеющим округлую головку для крепления темляка, накладные серебряные захваты для пальцев (сохранилось два), серебряную орнаментированную пластинку, охватывающую рукоять при переходе от черенка к клинку. Совершенно одинаковы скобы на ножнах, разница только в деталях их орнаментации [8].

Достаточно близкие аналогии есть и в датированных памятниках Северного Кавказа. Такова сабля с тождественной серебряной отделкой рукояти и ножен из катакомб VIII—IX вв. Кобани (Северная Осетия [9]), хранящаяся в Вене, и сабля с Северного Кавказа (ближе неизвестно), опубликованная А. Захаровым и В. Арендтом [10]. Можно также указать саблю из фондов Государственного Исторического музея [11], вероятно происходящую с Северного Кавказа [12]. Последние найдены вне комплексов, датировка их VIII—IX вв. обоснована Г. Ф. Корзухиной [13].

В целом датировка нашей сабли VIII—IX вв. представляется несомненной. Обратим внимание на такую интересную деталь отделки рукояти, как кожа ската. Насколько нам известно, сабля с Эшкакона — пятая восточноевропейская раннесредневековая сабля, отделанная кожей ската [14]. Таким образом, она по этому признаку относится к довольно редким экземплярам. Отметим, что из пяти ныне известных сабель с отделкой кожей ската на Кавказ приходится четыре, лишь одна («сабля Карла Великого» [15]) найдена вне Кавказа и, по А. Н. Кирпичникову, связана с киевской культурой [16]. Если отделка кожей ската — хронологический показатель, то важно подчеркнуть, что остальные четыре сабли с этим элементом отделки (в том числе и датированная уникальная «сабля Карла Великого») относятся к X—XI вв. [17]

Наличие на эшкаконской сабле, с одной стороны, кожи ската, с другой — явно «салтовских» черт, побуждает нас ограничить дату сабли IX в.

Сказанному не противоречит поясной набор. Весь его облик типично салтовский. В могильниках салтовской культуры мы обнаруживаем достаточно многочисленные и полные аналогии как сердцевидным бляшкам [18], так и прорезным [19] и бляшкам с подвижным колечком [20]. Орнаментация всех этих бляшек идентична орнаментации бляшек поясного набора с Эшкакона сюжетно и стилистически — в основе ее лежит стилизованный трилистник, «являющийся наиболее распространенным орнаментальным мотивом украшений (поясных наборов, конской сбруи и пр.) из могильников салтовского типа» [21]. Сходство некоторых наших бляшек (например, прорезных) с салтовскими настолько полное, что они кажутся отлитыми в одной форме.

---

[8] Там же, стр. 21, рис. 8.

[9] *П. С. Уварова.* Ук. соч., стр. 98, рис. 90; *F. Hančar.* Der Inhalt eines Kobaner Katakombengrabes im Wiener Völkerkundemuseum. MAGW, Bd. LXIII, 1933, стр. 37, рис. 6—8. О датировке катакомб Кобани см. *В. А. Кузнецов.* Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 23.

[10] *A. Zakharow und W. Arendt.* Ук. соч., табл. III, *2.*

[11] Там же, табл. VI, *1.*

[12] *Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч., стр. 92, табл. II, *5.*

[13] Там же, стр. 75.

[14] *И. Я. Мерперт.* Ук. соч., стр. 149.

[15] *J. Hampel.* Der sogenannte Säbel Karls des Grossen. «Zeitschrift für historische Waffenkunde», H. 2. Dresden — Berlin, 1897—1899, S. 45—49.

[16] *А. Н. Кирпичников.* Так называемая сабля Карла Великого. СА, 1965, 2.

[17] *Н. Я. Мерперт.* Ук. соч., стр. 151; *А. Н. Кирпичников.* Ук. соч., стр. 272.

[18] См., например: *И. И. Ляпушкин.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958, рис. 21, четвертый ряд; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 163, рис. 44, *18.*

[19] *А. М. Покровский.* Верхне-Салтовский могильник. Труды XII АС в Харькове, 1902 г., т. 1, М., 1905, табл. XXI, *54*; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 163, рис. 44, *39.*

[20] *А. М. Покровский.* Ук. соч., табл. XXI, *52; A. Zakharow und W. Arendt.* Ук. соч., стр. 33, рис. 17; *И. И. Ляпушкин.* Ук. соч., рис. 21, третий и пятый ряды; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 163, рис. 44, *30—31.*

[21] *Н. Я. Мерперт.* Ук. соч., стр. 136.

Заметим, что эшкаконский поясной набор на Северном Кавказе не является единственным набором такого типа в это время. Аналогичные бляшки с орнаментальными мотивами трилистника найдены в катакомбах VIII—IX вв. Кобани [22] и Дуба-юрта [23].

Известно, что салтовские древности датируются второй половиной VIII—IX вв. [24]

Проанализировав при помощи метода корреляции материалы Дмитровского могильника салтовской культуры, С. А. Плетнева пришла к еще более узкой дате — конец VIII—IX вв. [25], что соответствует периодизации Н. Я. Мерперта, по которой салтовские поясные наборы с бляшками интересующих нас типов датируются второй половиной VIII—IX вв. [26]

Следовательно, у нас есть достаточно оснований отнести эшкаконский поясной набор ко второй половине VIII—IX вв.

На эту же дату указывают найденные в эшкаконском погребении стеклянные перстни. Они довольно часто встречаются в северокавказских погребениях VIII—IX вв. [27] и ни разу не найдены в катакомбах X—XII вв. станицы Змейской и Рим-горы. По новейшим хронологическим исследованиям А. К. Амброза, северокавказские комплексы со стеклянными перстнями (например, Чми) относятся ко второй половине VIII—IX вв. [28]

Две найденные в эшкаконском погребении бусины вполне соответствуют этому времени. Так, катушкообразная стеклянная бусина с металлической прокладкой из серебряной фольги, по классификации В. Б. Деопик-Ковалевской, может быть датирована VI—IX вв. [29], а плитчатые мозаичные бусы характерны для VIII—IX вв. [30] Наконец, укажем, что ладанка сшита из низкосортного согдийского шелка или местного подражания ему, широко распространенного на Северном Кавказе в комплексах VIII—IX вв. [31]

Сказанного достаточно, чтобы датировку описываемого комплекса VIII—IX вв. считать обоснованной. Исходя из указанной выше датировки сабли IX в., считаем возможным принять IX в. за дату всего комплекса.

Принадлежность эшкаконского погребения именно аланскому конному воину-дружиннику кажется наиболее вероятной. В пользу такой этнической атрибутации погребения свидетельствует как яркий «салтовский» облик сабли и поясного набора, так и специфические черты погребального обряда, представляющего своеобразную трансформацию катакомбного погребального сооружения в условиях горного Кавказа (когда камера катакомбы искусственно воссоздается в естественных полостях скальных пород [32]). Судя по богатству сабли и количеству бляшек на поясе (28 штук), погребенный был отличившимся воином и занимал видное общественное положение [33].

Погребение воина-дружинника из ущелья р. Эшкакон дает новые ценные материалы по аланской культуре Северного Кавказа в период формирования раннефеодальных отношений.

[22] *F. Hančar.* Ук. соч., стр. 36, рис. 3.

[23] *А. П. Круглов.* Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936. Грозный, 1938, рис. 4, *3* и *5*.

[24] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 135.

[25] Там же, стр. 143.

[26] *Н. Я. Мерперт.* О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 24—25, рис. 2, *99, 102, 103, 105, 106*.

[27] *В. А. Кузнецов.* Ук. соч., стр. 18, 20.

[28] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, 3, стр. 130.

[29] *В. Б. Деопик.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, 3, стр. 221.

[30] Там же, стр. 231—232.

[31] *А. А. Иерусалимская.* О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. СА, 1967, 2, стр. 67, рис. 9, *б*.

[32] *А. П. Рунич.* Ук. соч., стр. 169, рис. 2; *Т. М. Минаева.* К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.

[33] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 161. Реконструкцию салтовского пояса см. *Б. А. Шрамко.* Древности Северного Донца. Харьков, 1962, стр. 281, рис. 109, *1*.

V. A. Kouznetsov, A. P. Rounitch

SEPULTURE DU GUERRIER ALAIN DU IX s.

Résumé

Dans le ravin du cours d'eau d'Echkakon (Région Autonome de Karatchaev — Tcherkessk), en 1969 on a retrouvé une sépulture intéressante faite en surplomb rocheux et dont certains détails évoquent une catacombe. Le rite n'est pas défini vu le remaniement du squelette. Le mobilier est expréssif et du plus haut intérêt. L'attention est particulièrement attirée par un sabre à faible courbure dont se sont bien conservés le pommeau et deux crampons de l'étui. Le paummeau et l'étui sont en bois, les parties métalliques sont en argent, la surface du paummeau est recouverte de peau de raie demer. A partcela le mobilier comprend deux couteaux en fer, les débris des hampes de flèches, les fragments d'une courroie en cuir vert avec de petites plaques en argent décorées (details de ceinture), une boucle, un sachet — encolpium en soie de type «samit», un morceau de corne de chèvre, deux bagues en verre, les débrits des grelots en bronze, deux perles en verre et de petits lambeaux de tissus, sorte de toile écrue et de coton. A en juger d'après le sabre et la ceinture en plaques la sépulture appartient à un guerrier de rang, un de l'élite militaire alaine. L'affinité du mobilier (surtout du sabre et de la ceinture en palques) avec matériaux de la civilisation archéologique de Saltovo permet de dater la sépulture du IX s.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

МЕЛКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЛИТЬЕ ИЗ НЕКОТОРЫХ ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

(кресты и иконки Белоруссии)

Кресты-энколпионы и иконки были широко распространены в христианизированной Руси. Их носили на груди вместо прежних оберегов [1], на них клялись в верности и т. д. «Кто съступить крестье цѣлование, да сь крестъ взомьстить!» — восклицали князья в 1142 г. [2].

У защищавшего Игоря Ольговича тысяцкого Михаила в 1147 г. «отторгоша хрестъ на нем и с чепьми, а в немъ гривна золота» [3]. Боярин Изяслава Мстиславьича — знаменитый Петр Бориславич в 1152 г. укорял Владимира Галицкого в нарушении крестного целования, а тот издевался: «Сии ли крестець малыи!». «Кресть малъ,— с достоинством отвечал посланник Изяслава,— но сила его велика есть!» [4] Делались эти «крестцы малы» чаще из бронзы, но были и золотые [5].

Мало найдется музейных коллекций, где не было бы этих замечательных изделий древнерусского прикладного искусства. Кем-то затерянные в древности, находятся они чаще всего в культурных слоях древнерусских городов, селищ, редко в курганах и еще реже в кладах (клады зарывали в минуту опасности и крест как оберег уносили на себе). Изучение их дает хорошее представление о технике древнерусского ремесла (находки в Киеве литейных форм уже не позволяют сомневаться в их русском происхождении), о торговле, широте распространения христианства, о художественных вкусах давно ушедших людей. Изучение 342 энколпионов позволило Б. А. Рыбакову сделать много важных наблюдений и установить их киевское происхождение, ценные выводы принадлежат Г. Ф. Корзухиной по классификации этих предметов и их датировке, интересны выводы В. И. Лесючевского и М. Х. Алешковского при изучении крестов с Борисом и Глебом [6]. Все же до сих пор мы еще на начальной стадии изучения этих замечательных древнерусских изделий, они еще не стали полноценным историческим источником, необходимы их массовые публикации. Настоящая работа вводит в сферу внимания ученых кресты и образки Белоруссии. Для удобства описание дается по древнерусским землям, находившимся на ее территории.

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 454—455.

[2] ПСРЛ, II, М., 1962, стр. 310.

[3] Там же, стб. 352.

[4] Там же, стб. 462.

[5] *И. А. Хойновский.* Раскопки великокняжеского двора древнего Киева, произведенные весной 1892 года. Киев, 1893, стр. 32—33. (Найден скелет в парчовой одежде с золотым энколпионом).

[6] *Б. А. Рыбаков.* Ук. соч.; *Г. Ф. Корзухина.* О памятниках корсунского дела на Руси. ВВ., XIV. М., 1958; *В. И. Лесючевский.* Вышгородский культ Бориса и Глеба. СА, 1956, VIII; *М. Х. Алешковский.* Русские глобоборисовские энколпионы 1072 — 1160 гг. «Древнерусское искусство». М., 1972.

Полоцкая земля Через это самое крупное и экономически развитое княжество на территории Белоруссии проходили основные торговые коммуникации Руси, связывающие Юг и Восток с Прибалтикой, Скандинавией и частично Европой. Полоцкая земля рано начала христианизироваться и епископская кафедра здесь возникла, видимо, в начале XI в.[7] Ясно, что тут должны были оседать интересующие нас предметы. «Мы не раз слышали о находке древних металлических крестов в курганах и на полях Лепельского, Полоцкого и Люцинского уездов, а также вблизи Двины, в Динабургском»,— писал первый историк края А. М. Сементовский, но привел их только несколько и два (из неизвестной местности) снабдил иллюстрацией. О находках энколпионов писал и Г. Х. Татур[8]. Однако мы не знаем ни одной точно фиксированной находки энколпионов из Северной Белоруссии. Почти все предметы происходят из южных окраин Полоцкой земли. Первыми были опубликованы кресты из собрания А. М. Сементовского, который с сожалением отмечал, что не может «с точностью указать, где они найдены»[9].

1. На первом энколпионе — сплошь рельефные изображения: в центре — богоматерь в рост с младенцем и святыми в медальонах по концам. Предмет повторяет энколпион из Гродно (см. № 37), однако, в отличие от последнего, лик богоматери и святых дополнительно наведены резцом, как на мстиславском энколпионе (№ 20), датировка (как и там) — середина и вторая половина XII в.

2. Второй энколпион относится к распространенному в 30-х годах XIII в. типу с обратной надписью «Пресвятая Богородица, помогай» (см. № 19).

Минск, откуда происходят энколпионы, которые мы описываем далее,— древний княжеский центр Полоцкой земли, где раскопками были выявлены нижние части недостроенного храма начала XII в., строительство которого связывается с минским князем Глебом Всеславичем[10].

3. Один энколпион из раскопок минского детинца — с распятием в средокрестьи и святыми по концам — представляет ту же форму, что и предыдущий (№ 2) и также датируется[11].

4. Второй энколпион (оттуда же) имеет черненные изображения распятия и святых на лицевой стороне и крест на Голгофе с четырьмя святыми по концам — на обратной. Отлит в той же форме, что и крест из Коктебеля[12] и крест с Княжьей горы[13]. Датируется концом XII — началом XIII в.

Четыре энколпиона были найдены на детинце древнего полоцкого города Друцка, который был расположен на волоке двинского ответвления пути из варяг в греки и возник, судя по раскопкам, в самом начале XI в. Город был главным соперником Минска в обладании полоцким столом. Запись на Евангелии из Друцка XIV в. свидетельствует о существовании здесь (якобы с 1001 г.) церкви Богородицы[14], что подтверждается находками многочисленных поливных плиток пола[15] и фрагментами хороса.

5. Энколпион — бронзовый с изображением богородицы-одигитрии в средокрестии, над нею — Христос, по сторонам перекрестья архангелы

---

[7] *A. Poppe.* Państwo i kościół na Rusi w XI w. Warszawa, 1968.

[8] *Г. Х. Татур.* Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение. Минск, 1892, стр. 143—144.

[9] *А. М. Сементовский.* Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 129.

[10] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля. М., 1966, стр. 205—206, 253—257.

[11] *Э. М. Загорульский.* Древний Минск. Минск, 1963, стр. 98.

[12] *В. В. Кропоткин.* Крест-складень из Коктебеля. СА, 1957, 2, стр. 257.

[13] *М. К. Каргер.* Древний Киев, I. М.— Л., 1958, стр. 498, табл. 44/2; *Г. Г. Мезенцева.* Древньоруське місто Родень (Княжа гора) Киев, 1968, стр. 155.

[14] *М. Н. Тихомиров.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.

[15] *Л. В. Алексеев.* Раскопки в Друцке. АО—1965. М., 1966, стр. 169.

Михаил и Гавриил (рис. 1, *7*). Найден на друцком детинце в слое XIII в. (XI. Ж. № 17) [16]. Аналогий много, например в с. Пекари Каневского уезда [17].

6. Энколпион — бронзовый с выпуклой фигурой св. Бориса с мученическим венцом в средокрестьи и плохо сохранившимися святыми в медальонах по концам, выполненными чернью (рис. 1, *1*). Найден там же в слое XIII в. (Х. Ц. № 17). Аналогичный крест происходит из мастерской литейщика в Киеве, разрушенной в 1240 г. (правда, изображения там рельефны), подобные энколпионы известны и из коллекции Киевской духовной академии и коллекции А. С. Уварова [18].

В. И. Лесючевский считал, что культ Бориса и Глеба, установленный в 1026 г., в течение XI—XII вв. пережил три стадии. До 1072 г. святые были только мученики-целители и изображались без атрибутов, лишь с крестом в руках. После возведения специального храма в Вышгороде (1072 г.) их атрибутом стало маленькое изображение этого храма в руках, а в XII в. святых стали представлять еще и воинами. Появились Борис и Глеб в виде всадников. Это построение недавно было развито М. Х. Алешковским [19], первоначальный культ целителей был в действительности глебоборисовским, где почитался более всего Глеб как патрон Святослава Киевского (1073—1077 гг.). В это время, как полагает М. Х. Алешковский, и появились первые глебоборисовские энколпионы, которые, видоизменяясь, в конце XI — начале XII в. начинают отражать борисоглебовский культ воинов-заступников, где главным становится патрон семьи Мономаха — Борис, заменивший патрона семьи Святослава — Глеба. М. Х. Алешковский убедительно показал, что в руках Бориса и Глеба не маленькие модели храмов, а мученические венцы, полученные ими от Христа. Таким образом, друцкий энколпион следует датировать не ранее 70-х годов XI в., что не должно удивлять, так как эти предметы весьма долго были в употреблении, прежде чем попасть в землю. Г. Ф. Корзухина датирует этот крест более определенно, ограничивая его «верхнюю» дату: не позднее первой половины XII в. Как сказано, он был найден в слое XIII в., следовательно этот «крест-амулет» (выражение В. И. Лесючевского) прожил довольно большую жизнь, что и объясняет его значительную потертость.

7. Крест-энколпион из Друцка, бронзовый (сохранилась, как и в предыдущем случае, только его лицевая сторона) с выпуклыми изображениями распятия и черненными изображениями святых в медальонах по концам горизонтальной перекладины; вверху, над распятием — плоское изображение «мальтийского» креста с расширяющимися к концам перекладинами (рис. 1, *2*). Найден на современной территории дер. Друцк при выезде из окольного города, за рвом. Подобные кресты широко распространены. Полная аналогия была найдена еще Часовниковым в 1887 г. на Цимлянском (так называемом Поповом) городище на Дону [20]. Есть они в упомянутой мастерской литейщика в Киеве, разрушенной в

---

[16] Шифр находки из Друцка и Мстиславля означает раскоп (римская цифра), квадрат (буква), пласт (арабская цифра без номера) или полевой номер (арабская цифра с №); раскопы, в которых найдены энколпионы в Друцке, соответствуют следующим арам на плане памятника (см. *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 150, рис. 31): раскоп II — (Ф-32), раскоп X — (Т-29), раскоп XIII — (П-28).

[17] *Б. И.* и *В. Н. Ханенко.* Древности русские. Кресты и образки, вып. 1. Киев, 1899, стр. 4, табл. X, 123.

[18] Там же, стр. 18, табл. 88, 89; *Н. И. Петров.* Альбом достопримечательностей при Киевской духовной академии, вып. 4—5. Киев, 1915, табл. XVII, *8* и стр. 30; *А. С. Уваров.* Каталог собрания древностей. Отд. VIII—XI, рис. 168 (изображен Константин); *В. Д. Нефедов.* Раскопки курганов в Костромской губернии. МАВГР, III, М., 1889, табл. 6, *1а, 1б.*

[19] *В. И. Лесючевский.* Ук. соч.; *М. Х. Алешковский.* Русские глебоборисовские энколпионы...

[20] *Ст. Зверев.* Материалы по археологии Дона. ПКНВГ на 1894 г. Воронеж, 1894, стр. 197 и след. фототипия, верхний ряд.

1240 г.[21], в с. Григоровка Каневского у. Киевской губ.[22], в Новгороде (слой XIII в.)[23], у Канева и на Княжей горе близ Киева[24], в Вышгороде[25], в с. Вербычка (Вербычна ныне, Смотрицкого района Каменец-Подольской обл.[26]) и на Северном Кавказе[27]. Большое число крестов показывает, что изготовляли их, по-видимому, довольно длительное время. По схеме Г. Ф. Корзухиной выпуклые центральные фигуры креста при плоскостных фигурах святых в медальонах по сторонам появились во второй четверти XII в.[28] Это позволяет, нам кажется, предположить, что крест из Друцка следует датировать второй половиной XII в., может быть его концом.

8. Крест наперсный, бронзовый, односторонний из раскопок Друцка (П. Ж. I). В центре — рельефное изображение распятия, вверху — Троица, левая сторона — Сретение, правая — Сошествие во ад, под Распятием — Преображение, ниже — Сошествие святого духа на апостолов (рис. 1, *3*). Сейчас известна и вторая отливка этого креста (см. ниже). Аналогии (не прямые) этому кресту известны[29]. По свидетельству Т. В. Николаевой, крест датируется XV — началом XVI в. (включая княжение Елены Глинской). Как указывалось, в XIV в. в Друцке еще стояла церковь Богородицы. Ее-то прихожанам, видимо, и принадлежал утерянный крест.

9. Крест-энколпион из раскопок древнего Витебска. Витебск впервые упоминается под 1021 г. Это был также княжеский центр Полоцкой земли, в конце XII в. перешедший к Смоленской земле. Начальная история его малоизвестна. Археологические раскопки показывают, что в его окольном городе есть слои середины и второй половины I тысячелетия н. э. Есть некоторые данные считать, что первые укрепления города принадлежат княгине Ольге, бывшей на территории современного Витебска в 947 г.[30] Плохое воспроизведение креста, к сожалению, не позволяет детально его рассмотреть[31]. Судя по форме, это четырехконечный крест с медальонами по концам в виде крестов, типичный для изделий этого рода XIV в. (автор неправильно датирует XV—XVI вв.). Подобные энколпионы воспроизводились Н. Леопардовым и Н. Черневым (местонахождение неизвестно). Б. И. и В. Н. Ханенко (с. Мошны Черкасского уезда Киевской губ.), А. С. Уваровым (место находки неизвестно)[32]. Часть такого креста была найдена на мстиславском городище (см. ниже).

10. Крест-энколпион из с. Дулебы Игуменского уезда Минской губ. Найден в 1888 г. «на месте, где, по преданию, был город; отделки хорошей и очень рельефной; он раскладной, вверху имеет двойное кольцо, которое соединяет обе части и к которому прикреплено ушко ширины такой же, как крест; внизу соединен тоже заходящими колечками, проде-

---

[21] *М. К. Каргер.* Ук. соч., табл. 48, второй ряд сверху.

[22] *Б. И.* и *В. Н. Ханенко.* Ук. соч., стр. 15, табл. V, *65—66*.

[23] *М. В. Седова.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, 65, 1959, рис. 4.

[24] *Н. Леопардов* и *Н. Чернев.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках, вып. I, Киев, 1890, стр. 7, табл. IV, *25*; вып. II, Киев, 1891, табл. IV, *8*; вып. III—IV, 1891, табл. II, *21*.

[25] *Л. А. Голубева.* «Квартал металлургов» в Вышгороде. «Славяне и Русь». М., 1968, рис. 1, *12*.

[26] *L. Rauchut;* Wczesnosredniowieczne materialy z terenów Ukrainy w panstwowym muzeum archeologicznym w Warszawie. Materialy wczesnosriedniowiecne, V. Warczawa, 1960, tabl. XX, *12, 16, 17*.

[27] *В. А. Кузнецов.* Энколпионы Северного Кавказа. В сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 81, рис. 1, *4*.

[28] *Г. Ф. Корзухина.* Указ. соч., стр. 133.

[29] *Т. В. Николаева.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. Загорск, 1960, стр. 286, 290, 293, 297.

[30] *Б. А. Рыбакоу, Л. В. Аляксееу.* Калі быу заснаваны Віцебск. «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі». Минск, 1971, 2.

[31] *Г. В. Штыхов.* Археологическая карта Белоруссии. Минск, 1971, стр. 132.

[32] *Н. Леопардов* и *Н. Чернев.* Ук. соч., сер. II, вып. 2. Киев, 1891, табл. I, *9*, табл. IV, *9*; *Б. И.* и *В. Н. Ханенко.* Древности русские, вып. 1, стр. 17, 19, № 94; *А. С. Уваров,* Каталог..., стр. 196, рис. 176.

тыми гвоздиком. С одной стороны посередине — распятие и четыре крестовидных медальона святых по концам, по другой — в середине изображение святого и четыре такие же медальона. При изображении святых, кажется, имеются греческие буквы, но весь крест так покрыт бурой патиной, что наверное нельзя определить. Длина вместе с ушком — 10 *см*».[33] Это первое в Белоруссии описание энколпиона позволяет с точностью определить, о каком типе креста идет речь. «Четыре крестовидных конца» показывают, что в Дулебах был найден четырехконечный энколпион того же типа, что в Витебске и Мстиславле (см. ниже), и он, несомненно, также датируется XIV в.

11. Древний город Могилев, в котором найден следующий энколпион, известен в истории, если верить «Хронике белорусского города Могилева» с 1267 г.[34], или во всяком случае с XIV в. (1319 г.). Многочисленные курганы, которые сохранялись в городе до сравнительно недавнего времени[35] (а ныне еще существует в городе Курганный переулок), показывают, что город вполне мог существовать и в домонгольское время. Могилевский энколпион найден в пределах города на берегу Днепра в 1962 г. учеником школы № 12 Механиковым и передан в Могилевский музей. Судя по фотографиям, любезно выполненным для меня директором музея старейшим краеведом Белоруссии И. С. Мигулиным (рис. 2, *1*, *3*), все фигуры креста литые, и процарапаны только надписи по готовой уже отливке. На лицевой стороне — распятие, причем левая рука Христа, на которой видны пальцы, закрывает немного рамку медальона со святым. В средокрестьи обратной стороны — богоматерь во весь рост, несколько повернутая влево. На ее левой руке — младенец Христос, а правая приложена к персям. И распятие и богоматерь окружают надписи, а по концам креста располагаются медальоны с выпуклыми и весьма стершимися изображениями святых. Мы затрудняемся сейчас указать другие отливки этого энколпиона, однако аналогии ему известны (правда, все они, к сожалению, беспаспортные)[36]. Судя по сохранившимся лучше экземплярам, можно думать, и на могилевском кресте по сторонам богородицы начертано: «Дими(три)» и «Нико(ла)» (буква «М» слева от нее читается и здесь). С точностью датировать крест не решаемся: слишком неясны фотографии. Кажется, есть основания полагать, что крест этот отлит в глиняной форме, оттиснутой в свою очередь с креста типа корсунского экземпляра XI—XII вв.[37], что дает дату XII—XIII вв. В пользу такого предположения свидетельствуют крайне недетальные изображения на могилевском экземпляре, отсутствие литых надписей на нем и т. д.

12. Крест-энколпион из Могилевской обл. с изображением (сохранилась одна только створка) в средокрестьи пророка Ильи со свитком и святыми в медальонах по концам. Хранится в Могилевском музее (рис. 3). Кресты этого типа хорошо известны и многократно публиковались[38]. Лицевая сторона такого креста происходит, например, из селища Лебедка Орловской области и из Новгорода[39], датировка — XIV—XV вв. Так как

---

[33] *Г. Х. Татур.* Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии. Минск, 1892, стр. 144.

[34] Хроника белорусского города Могилева, собранная и описанная Александром Трубницким. М., 1887.

[35] *Е. Р. Романов.* Археологические разведки в Могилевской губернии. Вильна, 1912. Записки северо-западного отдела Имп. Русского Геогр. Общества, кн. 3.

[36] Прямые аналогии происходят, по-видимому, с юга: *Н. Леопардов* и *Н. Чернев.* Ук. соч., вып. 1, Киев, 1890, табл. II, *17;* вып. 2, Киев, 1891, стр. 6, табл. III, *12; Б. И.* и *В. Н. Ханенко.* Ук. соч., вып. I, табл. XXV, *37; Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч., табл. II, *2б*.

[37] *Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч., табл. II, *а, б*.

[38] *Н. Леопардов* и *Н. Чернев.* Ук. соч., вып. II, табл. 1, *9*; 2, *9*; вып. III—IV, стр. 4, табл. IV, *24; Б. И.* и *В. Н. Ханенко.* Ук. соч., вып. II, табл. XXV, *292; Н. Петров.* Ук. соч., рис. 21.

[39] *Т. Н. Никольская.* Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3, рис. 12, *9* и стр. 190; *А. В. Арциховский.* Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, 11, 1949, стр. 150 рис. XXII*б*.

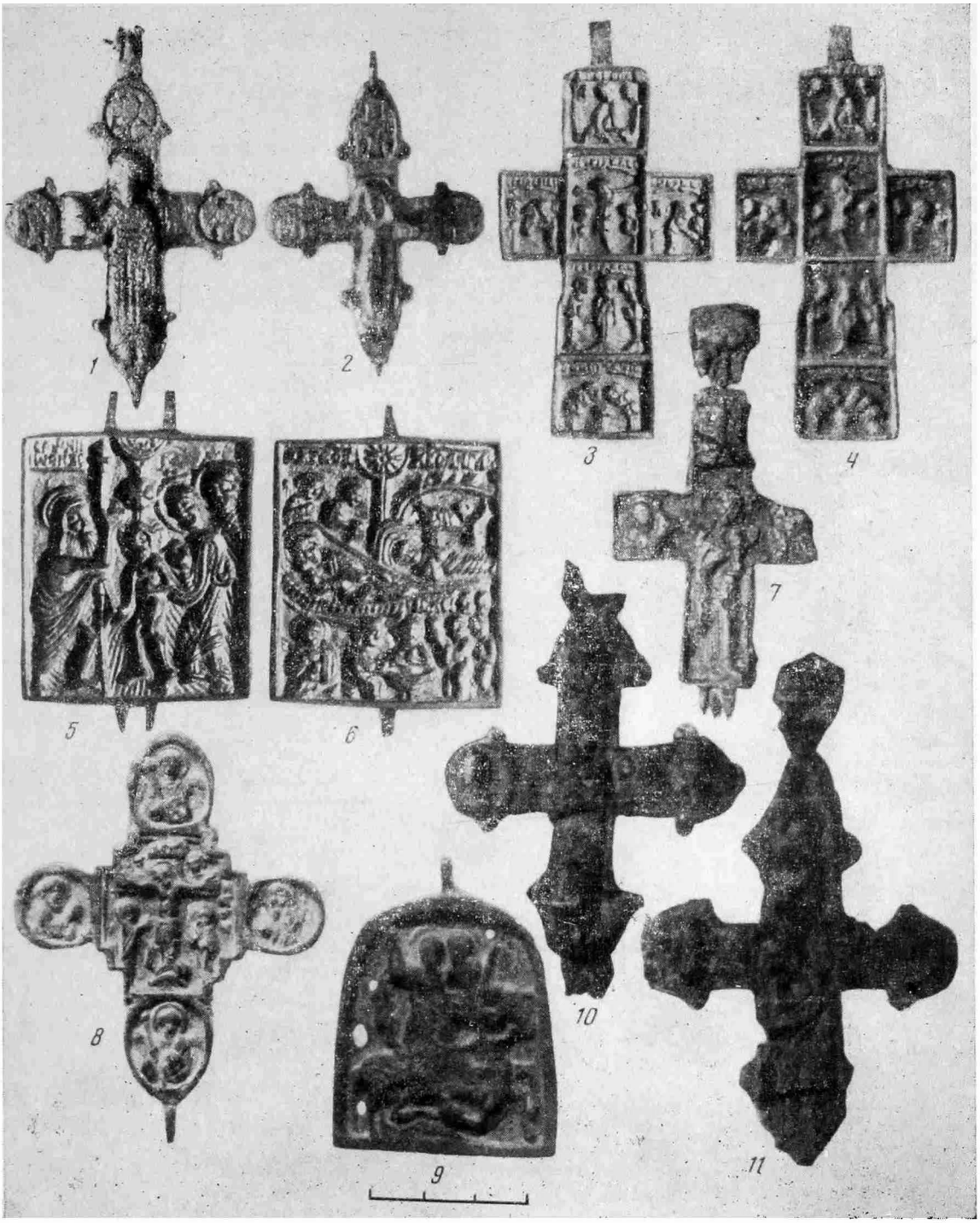


Рис. 1. Энколпионы и иконки из Белоруссии

1—3, 7 — Друцк (*1* и *7* из культурного слоя; *2* — подъемный материал); *4* — медный крест из с. Губичи Гомельской области (погребение); *5, 6* — иконка из с. Мышковичи Могилевской области; *8* — Могилевская область, подъемный материал; *9* — иконка из Мстиславля (найдена вне пределов детинца); *10—11* — энколпион из Гродно (раскопки И. Иодковского).

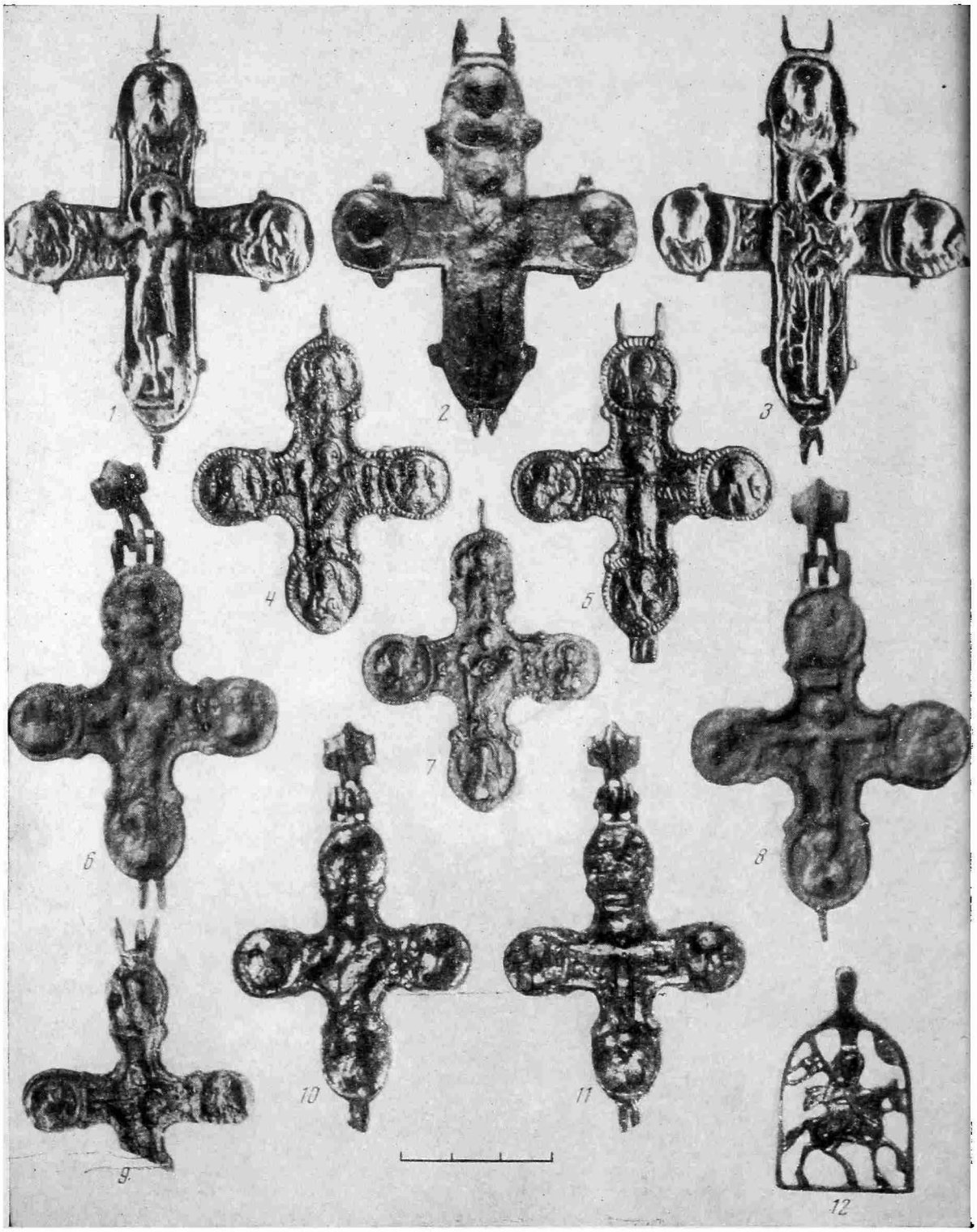


Рис. 2. Энколпионы и иконки из Белоруссии

1, 3 — находки в Могилеве; *2* — энколпион из Гродно (раскопки И. Иодковского); *4—11* энколпионы, найденные в Мстиславле (*6, 8* — на детинце); *9—11* — энколпионы, найденные при раскопках мстиславского детинца (раскопки Л. Алексеева); *12* — иконка из древнего Пропойска (ныне Славгород) Могилевской области

точное местонахождение креста неизвестно, а Могилевская область входит как в древнюю Полоцкую землю, так и в Смоленскую (и даже частично в Черниговскую), то крест этот может принадлежать в равной мере всем этим землям.

13. Крест-энколпион из Могилевской области БССР, хранящийся в Могилевском музее (лицевая сторона: перекрестье представляет крестообразную фигуру с распятьем и предстоящими в медальонах по концам фигуры святых (рис. 1, *8*). Подобные находки известны довольно широко. Такие кресты можно встретить в коллекциях Киева (с. Мошны Черкасского уезда Киевской губ. в Новом Сарае и др.) [40]. На лицевой стороне у Распятья — монограммы Христа, у правого предстоящего надпись «Иоанн», вверху в медальоне — архангел Михаил, внизу — архангел Гавриил. По свидетельству Т. В. Николаевой, кресты этого типа датируются не позднее XV в.

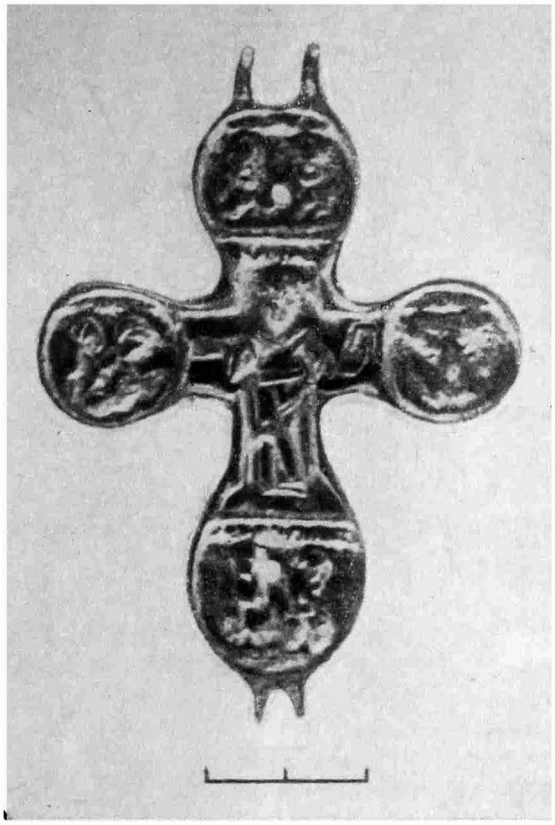


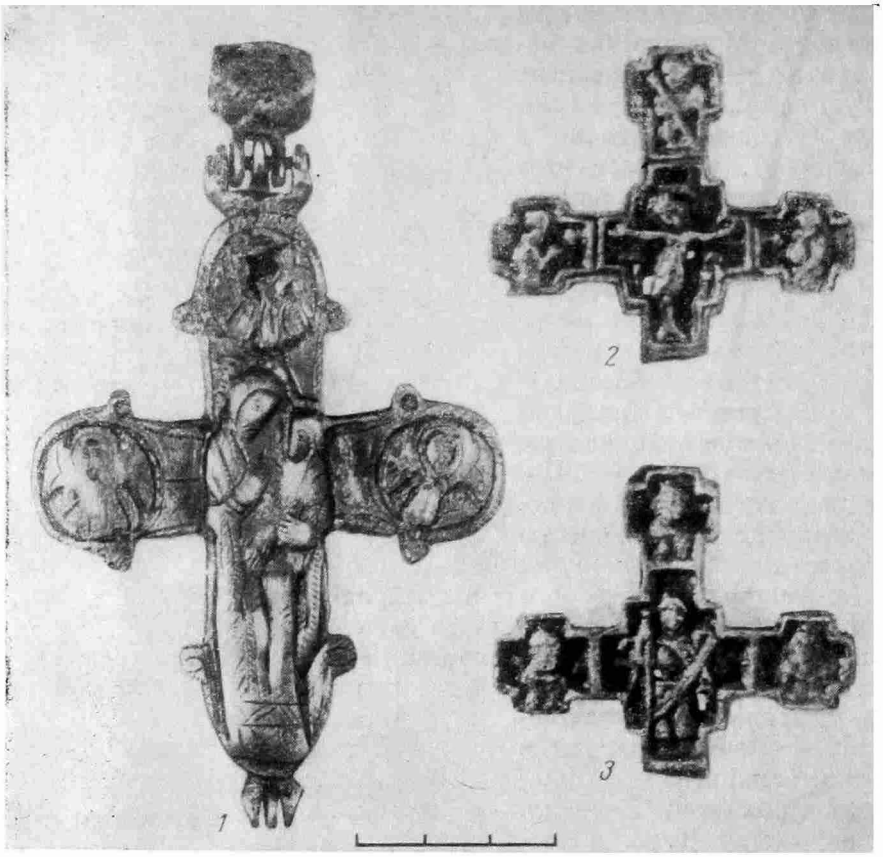
Рис. 3. Энколпион из Могилевской области

Смоленская земля (западная часть) находилась в самом центре древнерусских земель и, можно полагать, христианизировалась довольно рано. Княжеская власть появилась здесь в первой половине — середине XI в. Земля входила в Переяславскую епархию вплоть до 1136 г., когда в Смоленске была образована своя собственная епископия. Через Смоленскую землю проходили многие основные коммуникации между Южной и Северной Русью, поэтому не приходится удивляться, что здесь находят весьма большое число предметов христианского культа — крестов-энколпионов, нательных крестиков, иконок [41].

---

[40] *Н. Леопардов* и *Н. Чернев.* Ук. соч., вып. 1, табл. VI, № 13; сер. II, вып. 1, Киев 1891, № 12; *Б. Н.* и *В. Н. Ханенко.* Ук. соч., вып. I, табл. VI, *76,* табл. VIII, *94; М. Д. Полубояринова.* Русские вещи на территории Золотой Орды. СА, 1972, 12, стр. 166, рис. 7[а].

[41] Мне удалось собрать следующие сведения о находках энколпионов на небелорусской территории древней Смоленщины. В 1887 г. в Смоленске на р. Чуриловке была найдена часть энколпиона (*С. Писарев.* Пожертвования в музей. «Смоленский вестник», 1887, № 153); в 1890 г. от священника с. Новоуспенского Юхновского уезда Юденича в Смоленский музей поступило два нагрудных креста XII—XIII вв. (очевидно, также энколпионов; *С. Писарев.* От музея. Там же, 1890, № 94, стр. 4). В том же 1890 г. К. А. Трембицкий передал в тот же музей крест эпохи XII—XIII вв., найденный в имении Медведеве на старом кладбище (там же, 1890, № 131). В 1891 г. известный смоленский фольклорист В. Н. Добровольский пожертвовал в музей крест древней эпохи с вместилищем внутри, найденный в кургане близ станции Починок Орловско-Витебской ж. д. (*С. Писарев.* От музея. Там же, 1891, № 38, стр. 2; этот же крест описан в каталоге Смоленского музея: *В. И. Грачев.* Краткий каталог предметов древности Смоленского городского историко-археологического музея. Смоленск, 1908, стр. 15). В 1892 г. от крестьянина Краснинского уезда дер. Голино Кузьмы Сергеева в музей поступил складной крест со вместимостью в середине эпохи древнейшей XII—XIII вв., найденный при распахивании земли на поле, означенной деревни (*С. Писарев.* От исторического музея. «Смоленский вестник», 1892, № 111); кроме то-



Западная часть Смоленской земли, входящая в современную Белоруссию, охватывала в основном течение р. Сож (кроме самых верховьев) с притоками Проней и Вехрой. Сож весьма оживленная в древности торговая коммуникация, по которой можно было ездить из Киева в Смоленск и Новгород, не рискуя быть ограбленным на Днепре, правый берег которого принадлежал враждебной Полоцкой земле. Наличие сожского пути подтверждается летописью (в 1168 г. Ростислав Киевский шел в Новгород через Чичерск [42]), расположением курганных групп, свидетельствующих о заселенности этого пути [43], а также наличием в крайнем смоленском городе на Соже Пропойске корчмы (судя по грамоте Ростислава, корчма устраивалась во всех тех местах, где был выезд из земли) [44]. Волок Сожа на Днепр был, очевидно, несколько выше Смоленска в районе древних пунктов — Погоновичи (на Соже), Немыкар (на Днепре), между которыми был расположен древний центр с знаменательным названием Долгомостье [45].

го, четыре креста-энколпиона находились в музее М. К. Тенишевой (место находки неизвестно). См.: Историко-этнографический музей М. К. Тенишевой. Прибавления к общему каталогу. Смоленск, 1911, стр. 17. В 1959 г. на городище у дер. Новые Батеки Смоленского района найден энколпион домонгольского времени. *А. Е. Минкин, Е. А. Шмидт.* Находки конца XIV — начала XV вв. на р. Ольше у дер. Новые Батеки. МИСО, 4, Смоленск, 1961, стр. 383, рис. 5, 6; см. также заметку Н. И. Асташовой в в этом номере.

[42] ПСРЛ, II, стб. 528.

[43] См., например: *И. И. Ляпушкин.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. МИА, 152, 1968, рис. 3 (номера памятников на карте (с юга на север): 461, 482, 443, 484, 328, 392, 418).

[44] ПРП, М., 1953. См. также: *Л. В. Алексеев.* Грамота Ростислава Мстиславича смоленского 1136 г. в свете данных археологии. «Беларускія старажытнасці», Минск, 1972, стр. 187.

[45] *А. Н. Насонов.* «Русская земля», и образование территории древнерусского государства. М., 1951, вклейка на стр. 160.

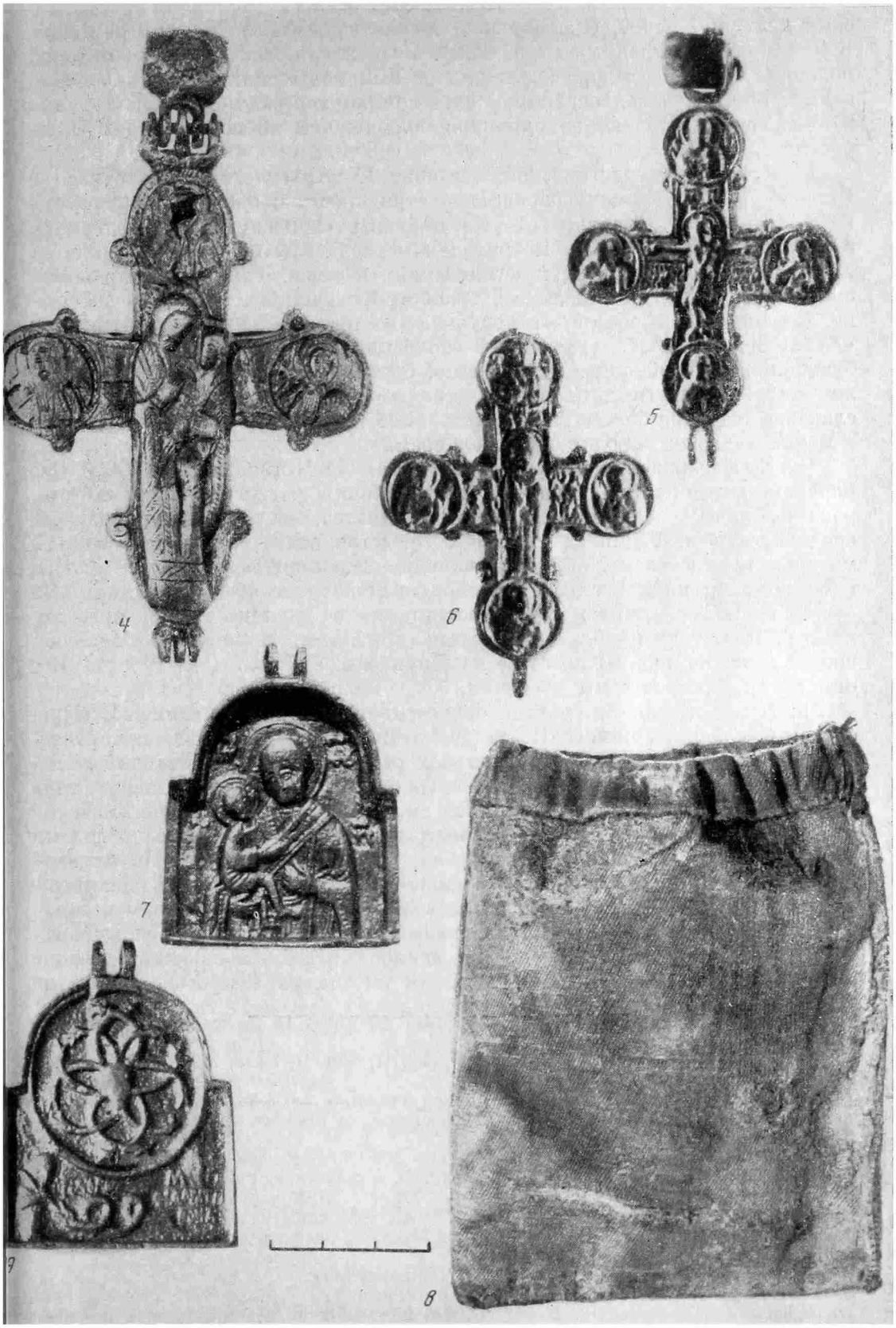


Рис. 4. Энколпионы и иконки из Белоруссии (Мстиславль) *1, 4* — энколпион из раскопок автора на мстиславском детинце в 1962 г.; *2—3, 5—6* — подъемный материал на детинце; *7, 9* — иконка, найденная вне пределов детинца; *8* — шелковый мешочек, в котором был найден энколпион *1, 4*

На Соже в пределах Белоруссии располагалось три крупных смоленских центра: Кричев, Пропойск и Мстиславль (последний на р. Вехре, в 10 *км* выше впадения ее в р. Сож). Мстиславль был отстроен во второй половине XII в. и вскоре возглавил особый княжеский удел Смоленской земли. Здесь велась, очевидно, оживленная торговля с югом, так как в этом городе найдено энколпионов больше, чем во всех городах Белоруссии.

14—17. На археологической выставке IX Археологического съезда в Вильне (1893 г.) демонстрировались «три креста и один литой образок» из древнего Мстиславля, которые найдены «при случайных раскопках городища», приобретены «смотрителем мстиславского духовного училища г. Шпаковским и подарены могилевскому музею». Там же на городище был найден и другой энколпион, демонстрировавшийся на той же выставке. На лицевой стороне его в полуовале из точек были начертаны буквы: «Х», а под ней «С». «На задней половине креста-складня (было) изображение женской фигуры, вероятно, богоматери». Крест был представлен вместе с другими некоторыми вещами в Могилевский музей мстиславским исправником в мае 1893 г. «Все вещи были найдены случайно в Мстиславльском городище в разное время» [46].

18. Крест «красной меди» найден в том же Мстиславле в 1892 г. Это плоский, двусторонний складень без коробочки для мощей, лицевая сторона которого «разделена на шесть квадратов, из которых в среднем, среднекрестном, Распятие Иисуса с предстоящими при кресте божьей матерью и апостолом Иоанном (очевидно, Иоанном Богословом.— *Л. А.*), в оставшихся пяти квадратах изображены двунадесятые праздники. На обеих сторонах — также шесть квадратов с двунадесятыми праздниками [47]. Крест очень близок крестам, опубликованным Т. В. Николаевой [48], а также нашим крестам из Друцка и Губичей (см. ниже). Все они датируются, как мы говорили, XV — первой третью XVI в.

19. Крест-энколпион очень распространенного типа с надписью: «Пресвятая богородица, помогай!» Найден в 1959 г. в Мстиславле при разработке восточного склона городища под огороды В. В. Зюзкевичем и передан мной в Могилевский музей (рис. 4, *5*, *6*) [49]. Кресты этого типа встречаются (кроме уже указанных, см. № 2, 3) как в самой Киевской Руси (Киев, Вщиж, Серенск, Торопец и др. [50]), так и за ее пределами (Крым, Н. Сарай, Кавказ, Бессарабия, Польша, Италия [51]). На лицевой стороне — рельефное распятие с монограммами Христа и надписью «хр(ес)тъ намъ похвала кр(ес)тъ намъ у(тешение)», по концам рельефное изображение святых в медальонах: «Нико(а)» (верх), «Григор(ии)» (низ), по сторонам — в медальонах также святые. На обратной стороне в средокрестье богородица в длинном хитоне с надписью «с(вя)тая

[46] Каталог предметов, представленных на выставку IX Археологического съезда. Вильно, 1893, стр. 39.

[47] *Н. Леопардов* и *Н. Чернев.* Ук. соч., сер. II, вып. II, Киев, 1893, стр. 5, табл. 1, *4, 5.*

[48] *Т. В. Николаева.* Произведения мелкой пластики..., стр. 287.

[49] Автор крайне признателен В. В. Зюзкевичу за предоставление в его распоряжение этой ценной для науки находки.

[50] *М. К. Каргер.* Ук. соч., табл. XCIX, стр. 500; *Б. А. Рыбаков.* Раскопки во Вщиже. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 40—41; *Т. Н. Никольская.* Раскопки древнерусского Серенска. КСИА АН СССР, 113, 1968, рис. 37, *5; Г. Ф. Корзухина.* О некоторых находках в древнем Торопце. КСИА АН СССР, 87, 1962, стр. 101 (проникновение в Торопец этих находок интересно объясняется бегством населения из Южной Руси при нашествии татар).

[51] *Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч.; *М. Д. Полубояринова.* Ук. соч., стр. 106, рис. 1; *В. А. Кузнецов.* Ук. соч.; *Н. И. Петров.* Альбом, вып. IV—V, Киев, 1915, стр. 233. Есть эти кресты и в Польше (*W. Hensel.* Studia i materily do osadnitstwa Wielikopolski wczesnoshistorycznej, t. 2, Poznań, 1953, tabl. 4; *W. Hensel.* Polska przed tysiacem lat. Wroclaw — Warszawa — Krakow, str. 146, ris. 124), ошибочно принятые за греческие. Тоже в музее Ватикана (*Б. А. Рыбаков.* Русские датированные надписи XI—XIV вв. САИ, Е-I-44, М., 1964, стр. 39, прим. 96).

бобо(роди)це, помогаи», а по концам в медальонах святые: «Петръ» (верх), «Васил(ии)» (низ), «Козма» (слева), «Дамианъ» (справа). Все кресты этого типа отлиты в одной каменной литейной форме в сотнях экземпляров. Надписи мастер-грамотей («бобо(ро)дица») забыл вырезать в зеркальном отражении. По палеографии и по находкам их в комплексах, связанных с татарским нашествием (Серенск, Вщиж, тайник Десятинной церкви в Киеве — декабрь 1240 г.), кресты эти датируются 30-ми годами XIII в. Б. А. Рыбаков предполагает даже, что они были отлиты именно в связи с татарским нашествием, когда в Киеве уже знали о гибели Владимиро-Суздальской Руси[52]. На мстиславском экземпляре фигуры недостаточно четки, надписи плохо читаются; это, очевидно, повторная отливка, сделанная со старого креста, по-видимому, в XIII—XIV вв. (мнение Б. А. Рыбакова). Повторные отливки в глиняных формах, оттиснутых в свою очередь, с готовых крестов домонгольского времени, в древнерусском искусстве XIII—XIV вв. встречаются часто.

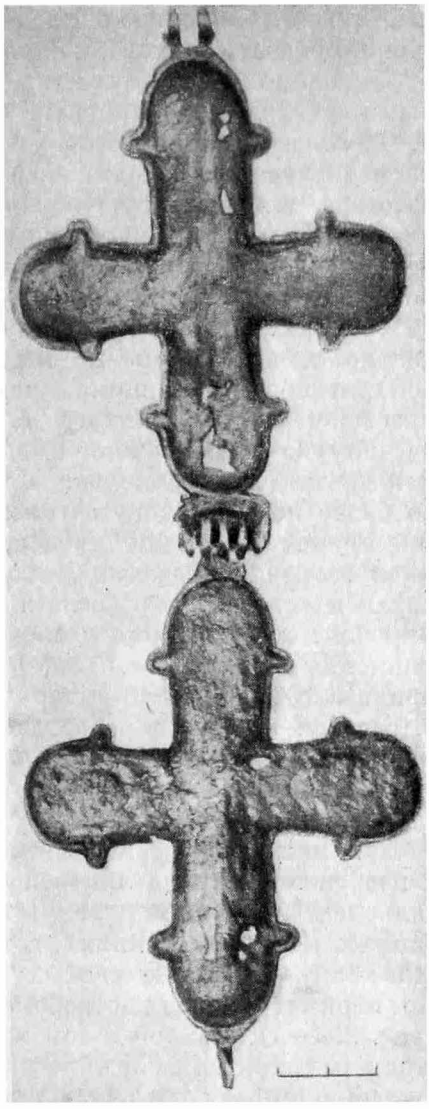


Рис. 5. Энколпион из раскопок на мстиславском детинце 1962 г. (внутренняя сторона см. рис. 4, *1, 4*)

20. Энколпион в шелковом мешочке, найденный при моих раскопках на мстиславском детинце в 1962 г. (VI. Е, разборка бровки между раскопками V и VI, глубина от репера 286) в слое XIII в. (рис. 4, *1, 4*; 5). На лицевой стороне — выпуклое распятие, по концам в медальонах черненые изображения святых; на оборотной — выпуклое изображение богоматери с младенцем и по концам креста также черненые святые в медальонах. Все лики на обеих сторонах, как и одежды, наведены резцом. Из-за плохой сохранности надписи не читаются. Наиболее близкие аналогии — крест с Княжьей Горы[53], энколпион, хранившийся у священника Цареконстантиновской церкви в Киеве А. М. Воскресенского[54] (место находки неизвестно),— также крест, найденный в Киеве[55]. Более отдаленные аналогии — из Херсонесса[56], из с. Пекари Каневского уезда[57], оттуда же, но меньшей величины[58], с той же Княжьей Горы[59], из погребения с пар-

---

[52] *Б. А. Рыбаков.* Русские датированные надписи..., стр. 39. Подобные кресты демонстрируются в музее польского города Жешува (их видел автор этой статьи).

[53] *Н. Леопардов* и *Н. Чернев.* Ук. соч., сер. I, вып. II, стр. 7, табл. IV, *9, 10.*

[54] Там же, сер. II, вып. I, стр. 7, табл. 1, 7.

[55] *М. К. Каргер.* Ук. соч., табл. XLIV, верхний.

[56] *Н. П. Кондаков.* Русские клады, I, СПб., 1896, стр. 44, рис. 26.

[57] *Б. И.* и *В. Н. Ханенко.* Ук. соч., вып. I, стр. 16, табл. VI, *69—70.*

[58] Там же, табл. VI, *67, 68.*

[59] *Н. Петров.* Альбом..., вып. IV—V, табл. VI, *4, 5.* Сожалеем, что в книге Г. Г. Мезенцевой о Княжей Горе (*Г. Г. Мезенцева.* Древньоруське місто Родень

чой в с. Жажковичах Владимиро-Волынского уезда [60] из Вышгорода. Можно указать также три аналогии из неизвестных мест [61].

Энколпионы с выпуклыми фигурами средокрестии и плоскими черненными фигурами в черненых же медальонах появились, по наблюдению Г. Ф. Корзухиной, во второй четверти XII в. [62]. Особенности изображения на мстиславском изделии позволяют, по ее мнению, отодвинуть дату его изготовления во вторую половину XII в. (личное сообщение).

Уникален сохранившийся шелковый мешочек, в котором был найден этот энколпион (рис. 4, *8*). Трудно сказать, носили ли в нем эту реликвию на себе, или хранили дома. Судя по тому, что мешочек был сшит точно по размерам креста, можно думать, что энколпионы носили на цепочках далеко не всегда (мы не знаем случаев находки этих крестов с цепочкой), и цепочки, видимо, использовались для очень дорогих золотых крестов (как у тысяцкого в летописи), всего вероятнее, что их носили на шнурке и, возможно, именно в мешочках мстиславского типа. Наименование такого мешочка в домонгольское время нам неизвестно. Судя по более поздним документам, его именовали по-разному. Так, на панагии игумена Троицко-Сергиевского монастыря Никона (умер в 1428 г.) была «сорочка червчатъ Никоновская» [63]. В XVII в. такой мешочек назывался «влагалище» («влагалище тех складней — бархат вишневый») [64]. Впрочем, существовало и слово «мешочек», правда, по-видимому, не для священных предметов. Так, в приходо-расходных книгах монастырского приказа 1668 г. под 16 января записано: «Выдано светлейшему патриарху (Иоасафу.— *Л. А.*) в собор, как бывает на службе, на яблоки серебряные мешочки зделать, камки белой травчатой аршин без двух вершков в длину, а поперег — три вершка, для того, чтобы светлейшему патриарху в службе руки греть» [65].

21. Энколпион бронзовый, литой с круглыми окончаниями перекрестий и изображениями на лицевой стороне: распятия и святых в круглых медальонах по концам перекрестья, на оборотной стороне — архангела Сихаила в длинных одеяниях, с длинным жезлом и литой надписью вокруг: «Си-хаилъ» и также святых в круглых медальонах по концам креста. По периметру обеих створок идет выпуклый с литой насечкой кант (рис. 2, *4—5*). Найден в том же Мстиславле при неизвестных обстоятельствах и хранится в Могилевском музее. Подобные кресты распространены, по-видимому, не очень широко. Более всего их обнаружено в Мстиславле. Известны они также из Житомира, Киева (подножие Фроловой

(Княжа Гора). Київ, 1968) найденные там многочисленные энколпионы не только не исследуются (и почти не упоминаются), но изображены настолько мелко, что лишают возможности определить их тип, что полностью обесценивает их для науки. К нашему удивлению, за пределами внимания автора осталась и большая статья Раухута, где среди многочисленных находок с Княжей Горы, хранящихся в Варшаве, опубликовано и много энколпионов (*L. Rauchut.* Op. cit.). Также плохо изданы и с большим уменьшением (почему нами и не привлекаются) энколпионы из Райковецкого городища, хотя их там найдено 24 (!). (*В. К. Гончаров.* Райковецкое городище. Киев, 1950, табл.. 21, *5,* табл. 22, *1, 3—7, 9*).

[60] Указание Н. Леопардова с ссылкой на рисунок другого энколпиона (*Н. Леопардов* и *Н. Чернев.* Ук. соч., сер. II, вып. I, стр. 7).

[61] *Л. А. Голубева.* «Квартал металлургов»..., рис. 1, *12.* Три аналогии: *Н. Леопардов* и *Н. Чернев.* Ук. соч., вып. I, стр. 6, табл. II, *14;* сер. II, вып. II. Киев, 1893, табл. II, *4;* табл. V[а], *36* (подправлен резцом).

[62] *Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч., стр. 133. Лучшее воспроизведение нашего креста и мешочка см: *Л. В. Аляксееў.* Старажытны Мсціслаў. Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Минск, 1971, I, стр. 30, рис. 6.

[63] *Т. В. Николаева.* Произведения мелкой пластики..., стр. 218.

[64] Летопись занятий Археографической комиссии. 1864, СПб., 1865, прил. 38.

[65] Материалы для археологического словаря. «Древности. ТМАО», IV, вып. I, М., 1874, стр. 30.

Горы), Перемышля Московского, Нового Сарая [66]. Н. Петров уже указывал на связь изображения Сихаила с заклинаниями от лихорадки в древней Руси [67]. Сюжет явления архангела Сихаила — «весьма устойчивый апокриф», по которому на помощь Сисинию, «главному избавителю от всяких болезней (двенадцать лихорадок)» господь послал архангела Сихаила [68]. По любезному заключению Г. Ф. Корзухиной, этот крест отлит в глиняной форме и может быть датирован XIII в.

22. Такой же энколпион, найденный при разработке огородов на мстиславском детинце Н. П. Атрошенко и переданный ею в 1958 г. Э. М. Загорульскому. Хранится в музее Белорусского государственного университета (рис. 2, *6*, *8*). Нечеткость изображения показывает, что крест этот отлит в глиняной форме, оттиснутой с готового предмета, вероятно, в XIV—XV вв.

23. Энколпион той же формы и типа, но отлитый в глиняной форме несколько иного типа, чем предыдущий. Найден вне пределов мстиславского детинца, на территории современного города (на посаде) в 1969 г. и передан в музей мстиславской школы глухих организатором этого музея Л. Е. Диденко [69]. От креста сохранилась лишь створка с архангелом Сихаилом. Предмет представляет первоначальную отливку в глиняной форме и может быть датирован XIII в. (рис. 2, *7*).

24. Крест-энколпион с изображением архангела Сихаила, совершенно аналогичный предыдущему, найден в Мстиславле при раскопках автора на детинце в 1969 г. (IX. Р. 5) в слое XV в. Детальное сопоставление этого креста и креста № 20 показывает, что этот энколпион был отлит в глиняной форме, оттиснутой с креста той же отливки, что и № 23, только оригинал к этому времени сильно потерся. Хранится в музее мстиславской школы глухих (рис. 2, *9*, *11*).

25. Крест-энколпион с изображением архангела Сихаила и святыми, по формой несколько отличающийся от предыдущих. Найден на глубине 1 *м* в первом пробном шурфе (1 × 2 *м*) на мстиславском городище в 1959 г. (рис. 2, *10*). Подобные кресты можно найти в коллекциях Б. И. и В. Н. Ханенко, А. С. Уварова, на Белом озере и др. [70] Слой над деревом, в котором был найден предмет датируется в Мстиславле обычно XIV—XV вв.

26. Крест-энколпион XIV в., подобный найденным в Витебске и Дулебах № 9, 10 сохранилась только одна сторона (рис. 4, *2*, *3*). Найден Н. П. Атрошенко при разработке огородов на мстиславском городище и любезно передан мне. Хранится в Могилевском музее. На лицевой стороне — распятие и святые по бокам, на обратной — архангел Сихаил (?) и также святые по бокам. Надписей нет. Медальоны по сторонам креста сделаны в виде крестов.

27. Иконка бронзовая, литая с изображением Бориса и Глеба (рис. *1*, *9*). Оба верхом на конях, Глеб с копьем без бороды, Борис с мечом и бородой. По М. Х. Алешковскому, иконки с изображением конных Бориса и Глеба появились в период великокняжеского правления Мономаха (1113—1125 гг.). Аналогии этой иконке мы не знаем. Известны две бо́ль-

---

[66] *Б. И.* и *В. Н. Ханенко.* Ук. соч., вып. I, табл. II, *37*, *38*; оттиск киевского энколпиона был прислан В. Гезе А. А. Спицыну (Архив ЛОИА, ф. 5, ед. хр. 6, л. 77); *М. Г. Рабинович.* К истории русской фортификации. В сб. «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 211; *М. Д. Полубояринова.* Ук. соч., стр. 167, рис. 2, *2а*, *б*.

[67] *Н. Петров.* Альбом..., вып. III. Южнорусские иконы. Киев, б/г., стр. 22.

[68] *Т. В. Николаева.* Икона-складень 1412 года мастера Лукиана. СА, 1968, 1, стр. 93—95.

[69] Автор крайне признателен Э. М. Загорульскому и Л. Е. Диденко за предоставленную возможность публикации материала.

[70] *Б. Н.* и *В. Н. Ханенко.* Ук. соч., вып. I, № 37; *А. С. Уваров.* Каталог..., вып. VIII—XI; стр. 190; *Л. А. Голубева.* Белозерская экспедиция 1957 года. КСИИМК, 79, 1960, стр. 38, рис. 17, *3*.

ших иконки с прорезным фоном [71]. Найдена М. С. Козловским в Мстиславле вне пределов детинца.

28. Иконка-киотец (часть триптиха), литая из бронзы, с изображением на лицевой стороне богоматери с младенцем и монограммами Христа, на другой стороне сильно потертый змеевик в круге, а под Федор Тирон с драконом и надписью «Федор Тирон». Найдена на огородах Мстиславля вне детинца и передана мною в Могилевский музей. Много таких предметов в коллекции А. С. Уварова [72]. Они пришли на смену змеевикам и сочетали «античные традиции змеевика с христианскими изображениями змееборца Федора» [73]. Т. В. Николаева датирует их XVI в. (личное сообщение).

29. Иконка литая, бронзовая, сквозная, с изображением Георгия Победоносца (рис. 2, *12*) найдена в древнем городе Прупошеске (ныне Славгород) и передана в Могилевский музей. Близкие аналогии неизвестны, по иконографическим особенностям относится к XVI в. Пропошеск — древний город, упоминаемый впервые в грамоте Ростислава Смоленского 1136 г. Археологические раскопки рекогносцировочного характера определили на детинце как раннесредневековые слои, так и более поздние (XI—XVII в.) [74].

Турово-пинская земля расположена в южной части Белоруссии. В отличие от самостоятельной Полоцкой земли она была частью южнорусских земель, подчинялась Киеву, рано христианизировалась, и в XI в. там уже существовала епископская кафедра, а в 1130-х годах там жил знаменитый Кирилл Туровский — епископ Турова, крупный писатель и богослов. Крупнейшими городами земли кроме Турова и Пинска были Берестье, Слуцк, Рогачев и др. Торговые коммуникации проходили по Припяти, Березине, Птичи и Случи. В середине XII в. Слуцк, Клецк и «все дреговичи» входили в состав Черниговской земли.

30. Крест-энколпион из Слуцкого уезда Минской губернии. Хранился в собрании Киевской духовной академии и, по свидетельству Н. Леопардова, имел такие же изображения, как на кресте, изданном им под № 1/7, но с тем отличием, что «все фигуры там были литые, а не гравированные и без эмали». На слуцком энколпионе, таким образом, было гравировано чернью изображение Распятия, а по концам креста располагались медальоны со святыми. По свидетельству Г. Ф. Корзухиной, плоские энколпионы с черненными изображениями появляются на Руси в середине XII в. и бытуют в течение 100 лет до монгольского нашествия [75]. По форме креста, воспроизведенного на рис. 1, *7* альбома Н. Леопардова, можно полагать, что слуцкий крест был идентичен кресту из Коктебеля и кресту из киевской землянки 1240 г. (см. выше). Он, видимо, был отлит в каменной форме в киевских мастерских XIII в.

31. Крест-энколпион из древнего Бреста, упоминаемого впервые в летописях под 1019 г. Найден при раскопках П. Ф. Лысенко в шурфе на брестском городище в 1968 г. на глубине четвертого пласта. Энколпион плоский, черненый, с изображениями Распятия и святыми по концам. Под руками Христа надписи: IC.— XC [76]. Крест очень близок опублико-

---

[71] *А. С. Уваров.* Каталог..., отд. VIII—IX, стр. 65; *В. И. Лесючевский.* Ук. соч., стр. 245, рис. 6.

[72] *А. С. Уваров.* Каталог..., стр. 102.

[73] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси..., стр. 617.

[74] Очерки по археологии Белоруссии, II, Минск, 1972, стр. 131—133. См. также: *Г. В. Штыхов.* Разведочные раскопки в Славгороде в 1967 г. «Тезисы докладов XII конференции молодых ученых Белорусской ССР». Минск, 1969, стр. 70—76.

[75] *Н. Леопардов* и *Н. Чернев.* Ук. соч., сер. II, вып. I, стр. 7; *Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч., стр. 133; *А. А. Медынцева.* О датировке некоторых типов энколпионов. «Археологический сборник МГУ». М., 1961, стр. 67.

[76] *П. Ф. Лысенко.* Древние города южной Белоруссии. «Очерки по археологии Белоруссии». Минск, 1972, стр. 111; Воспроизведение предмета см.: Там, дзе было Бярэсце. «Звязда», Минск, 16 сентября 1970 г.

ванному Г. Ф. Корзухиной и датируется серединой — второй половиной XII в. [77]

32. Иконка бронзовая с изображением с одной стороны Крещения, с другой Рождества Христова (рис. 1, *5—6*). На первой изображен Иоанн Креститель с высоким посохом и в плаще, перед ним внизу условными полосами изображен Иордан, в который входят крестящиеся (рис. 1, *5*), на обратной стороне с поразительным мастерством «втиснуто» огромное число фигур: богоматерь с новорожденным младенцем, тот же младенец, лежащий в яслях, из которых тут же едят животные, видны и волхвы, пришедшие поклониться Христу по путеводной звезде (рис. 1, *6*). Этот замечательный предмет найден у дер. Мышковичи Кировского района Могилевской области БССР, по свидетельству местных жителей, якобы в кургане. Передана мной в Могилевский музей. Подобные реликвии хорошо известны и многократно публиковались. Они есть в каталоге А. С. Уварова (но его экземпляр хуже), в сборнике Н. Леопардова и Н. Чернева, у М. П. Погодина [78]. Изделие, безусловно, принадлежит к домонгольскому времени, точно датировать мы не решаемся, но всего вероятнее оно отлито в XII в. Одна из створок подобной же иконки найдена Г. В. Штыховым вблизи церкви Благовещения в Витебске (личное сообщение).

33—36. Четыре интересные свинцовые литые иконки найдены П. Ф. Лысенко при раскопках в Турове. Все они недавно опубликованы [79], и мы скажем о них немного. Иконки круглые, литые из свинца (!), изображают св. Варвару (?), богородицу, Анастасию (Евдокию?), Кирилла Туровского (?). По мнению П. Ф. Лысенко, все четыре уникальных изделия датируются XIII в. в условиях уничтожения большинства древнерусских мастерских татарами, являются первой попыткой местного производства.

Гродненское княжество. Небольшое княжество, входившее в систему так называемой Черной Руси, было затеряно на самых западных окраинах древнерусских земель, однако и туда доходила довольно широко русская цивилизация [80]. Центр княжества — город Гродно впервые упоминается летописями под 1128 г., однако, можно полагать, что город вырос намного раньше. В капитальной монографии Н. Н. Воронина, посвященной древностям Гродно, не изучены два замечательных креста-энколпиона, найденных там при польских раскопках в 30-х годах нашего столетия и предварительно опубликованных З. Дурчевским [81].

37. Крест-энколпион из раскопок в Гродно в 30-х годах. В публикации З. Дурчевского представлена только одна сторона креста. Видно, что все его изображения рельефны. В средокрестии — Распятие, по сторонам и сверху медальоны со святыми [82]. На обратной стороне этого энколпиона, судя по любезно присланной мне директором Гродненского музея Н. И. Соболем фотографии (рис. 2, *2*), видно рельефное изображение богоматери с младенцем и трех также литых изображений святых в круглых медальонах. Лик богоматери немного наведен резцом. Гродненский энколпион крайне близок энколпионам из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко, такой же крест опубликован Г. Ф. Корзухиной, его аналогичное изде-

---

[77] *Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч., табл. III, *3*.

[78] *А. С. Уваров.* Каталог..., отд. VIII—XI, стр. 62, рис. 36; *Н. Леопардов* и *Н. Чернев,* Ук. соч., вып. I, табл. IV, *23; М. П. Погодин.* Древнерусская история до монгольского ига, III, М., 1871.

[79] *П. Ф. Лысенко.* Свинцовые иконки из древнего Турова. СА, 1967, 1, стр. 281—284.

[80] *Н. Н. Воронин.* Древнее Гродно. МИА, 41, 1954.

[81] *Zd. Durczewski.* Stary zamek w Grodnie w świetle wykopalisk dokonanych w latach 1937—1938, «Niemen», Grodno, 1939, No. 1, str. 8, ris. 22.

[82] *Б. И.* и *В. Н. Ханенко.* Ук. соч., I, табл. V, *58, 60; Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч., табл. II, *а, б.* Я крайне признателен директору Гродненского музея Н. И. Соболю за присланные фотографии энколпиона.

лие найдено в Каневе и хранится в Варшаве [83]. Судя по надписи на польской этикетке, сопровождающей находку, крест был найден И. Иодковским в слое так называемого «византийского мусора», т. е. в слое строительного мусора Нижней Церкви XII в. Церковь эта погибла в 1183 г. [84] и, следовательно, крест должен быть отнесен, судя по залеганию, к середине или ко второй половине XII в. Этим же временем датируется крест аналогичной формы с выпуклыми фигурами в Ярополче-Залесском и в Новом Сарае [85]. К сожалению, эта форма крестов датируется Г. Ф. Корзухиной нечетко [86].

38. Крест-энколпион из раскопок в Гродно (по-видимому, также И. Иодковского в 30-х годах). По публикации З. Дурчевского [87], это типичный крест с изображением архангела Сихаила, которые мы описывали выше. Крест плохо сохранился, изображен в мелком масштабе, но все же ясно, что необычайно похож на крест, найденный при мстиславских раскопках (№ 23 и, скорее, 24). Этот энколпион, как и предыдущий, почему-то датировался З. Дурчевским началом XIV в. [88]

39. В Гродненском музее хранится еще один энколпион с изображением Бориса и Глеба очень плохой сохранности (рис. 1, *10*, *11*), из-за которой, возможно З. Дурчевский его не воспроизвел. На приводимых здесь польских фотографиях крест снят нерасчищенным и плохо виден. Подобную схему борисоглебских крестов мы уже описывали выше, только здесь энколпион больше и все его изображения рельефные и литые. О датировке этих изделий уже говорилось. Так как ни на кресте № 37, ни на кресте № 38 не было никаких следов пожара, то, можно думать, что описываемый энколпион и есть тот беспаспортный крест, о котором говорит Н. Н. Воронин, указывая, что он побывал в пожаре (1183 г.?) [89].

Черниговская земля. Земля эта только частично входила в территорию современной Белоруссии (Гомельская область на Левобережье Днепра и г. Речица на Правобережье [90]). По свидетельству Н. Н. Воронина, в Гомеле (летописном Гомие) были обнаружены остатки домонгольской церкви (личное сообщение). Нам известно всего два интересующих нас предмета из белорусской Черниговщины.

40. Бронзовая иконка-медальон круглой формы с изображением воина с копьем и щитом и колончатыми надписями по сторонам: «агиос (?) Феодоръ». Хранится в Речицком музее и найдена, по-видимому, в Речицком районе. По Г. В. Штыхову — XII в. [91]

41. Бронзовый крест из с. Губичи Буда — Кошелевского района Гомельской области БССР. Найден при раскопках белорусского антрополога И. И. Селивон в 1967 г. на кладбище, которое она датирует XVII—XVIII вв. (по косвенным данным) [92]. Крест этот отлит в той же самой форме, что и крест из верхнего слоя Друцка (№ 6) и датируется, следовательно, XV — началом XVI в. Предмет найден, по свидетельству автора раскопок, в центральной части огромного кладбища, с одной стороны которого есть и курганы. Это позволяет думать, что, возникнув в домонгольское время на месте курганов, кладбище это затем разрасталось

---

[83] *L. Rauchut.* Op. cit., tabl. V, *13*.

[84] *Н. Н. Воронин.* Древнее Гродно, стр. 128.

[85] *М. В. Седова.* Ювелирные изделия Ярополча-Залесского. КСИА АН СССР, 129, 1972, стр. 74, рис. 23, *18*. *М. Д. Полубояринова.* Ук. соч., стр. 166, рис. 1, *1*.

[86] На стр. 133 крест на табл. II, *2а*, *б* датируется первым этапом производства крестов на Руси (XI— начало XII в.), на стр. 135 этот же крест отнесен к разряду поздних (XII—XIII вв.) (*Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч.).

[87] *Z. Durczewski.* Op. cit., str. 8, ris. 21.

[88] Там же, стр. 8, подпись к рисункам.

[89] *Н. Н. Воронин.* Древнее Гродно, стр. 117.

[90] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 64—65 (вклейка).

[91] *Г. В. Штыхов.* Археологическая карта Белоруссии. Минск, 1971, стр. 129.

[92] Автор крайне признателен И. И. Селивон и М. М. Чернявскому за предоставленную возможность опубликовать этот предмет.

в одну сторону, и в его современной центральной части стали хоронить не в XVII—XVIII вв., по И. И. Селивон, а в XV — начале XVI в.

Сорок одна отливка крестов и образков Белоруссии, сведения о которых мне удалось собрать,— важный источник для изучения мастерства древенерусских ювелиров, а также древней торговли и торговых путей. Находки эти показывают, что в домонгольское время продукция южнорусских ювелиров расходилась по Руси главным образом по водным коммуникациям и находок этих более всего там, где пути связаны с Киевом непосредственно (реки Сож, Друть, Свислочь и др.). Отсутствие домонгольских энколпионов в городах, расположенных по Западной Двине (даже в таких крупных, как Полоцк, Витебск), не может объясняться случайностью. Большой спрос энколпионов в пути и трудности преодоления волоков были причиной того, что предметы эти завозились туда в гораздо меньшем числе [93]. Что касается предметов ювелирного мастерства послемонгольского времени, то слабая научная разработка не позволяет пока делать на основании их какие-либо выводы. Интерпретация этих интересных предметов — дело недалекого будущего.

L. V. Alexéev

MENUES COULEES ARTISTIQUES PROVENANT DE TERRITOIRES DE LA RUSSIE OCCIDENTALE

Résumé

L'article contient la publication de menues coulées artistiques (croix et petites icônes) provenant de la Biélorussie. De tels objets étaient assez largement répandus dans la Russie christianisée. Ils étaient portés sur la poitrine, on prêtait dessus le serment de fidélité etc. On les fabriquait en bronze mais il y en avait également en or L'auteur a rassemblé les renseignements sur 41 objets de ce genre trouvés dans la Biélorussie; il les a classés, datés et répartis selon les principautés faisant partie de la Biélorussie actuelle. Dans la principauté de Polotsk on a recueilli 13 croix dont quelques unes proviennent des fouilles des villes (Minsk, Droutsk). De la principauté de Smolensk dans la Biélorussie actuelle n'entre que la portion occidentale qui a fourni 15 objets de cette sorte. La principauté de Tourov — Pinsk — six objets, celle de Tchernigov, dont n'y entre qu'une petite partie — deux. La plupart des objets est fabriquée en Kiev et s'est trouvée sur le territoire de l'actuelle Biélorussie par les voies fluviales: Dniepr, Soge, Drout, Svislotch etc. La plus grande partie de ces objets s'est déposée ici — même, sur les extrémités méridionales de la principauté de Polotsk (Minsk, Droutsk) aussi bien qu'à l'ouest de la principauté de Smolensk (Mstislavl). Curieusement, de tels objets ne sont pas connus dans de plus grandes villes anciennes — Polotsk, Vitebsk — situées sur la Dvina Occidentale; leurs trouvailles sont pourtants connues dans la Lettonie orientale. En général, les trouvailles des croix et des petites icônes en Biélorussie fournissent des renseignements curieux sur la propagation de la chrétienté et de la commerce dans la Russie ancienne.

---

[93] Мне уже приходилось писать о некоторых ограничениях торговли стеклянными браслетами в Полоцкой земле в связи с волоками (*Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля..., стр. 110). Теперь это подтверждается и на материале крестов-энколпионов. Однако то обстоятельство, что энколпионы все же по Западной Двине возили, подтверждается некоторым количеством этих находок в христианизированных частях Восточной Латвии (Герцике, Резекне, Шелупинки. *Э. Ст. Мугуревич.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 66).

При подготовке статьи к печати стало известно еще о находках энколпионов в Белоруссии. На Новогрудском детинце было найдено «несколько бронзовых энколпионов, бронзовая иконка-складень и две каменные иконки». (*Ф.. Д. Гуревич.* Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка. КСИА АН СССР, 139, 1974, стр. 96—97).

Ф. Х. АРСЛАНОВА, А. А. ЧАРИКОВ

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Среди множества памятников материальной культуры, оставленных древними племенами, особое место занимают антропоморфные фигуры из камня, или, как их обычно называют, каменные бабы, относящиеся к периоду тюркских объединений VII—XII вв. н. э. Интерес к древнетюркским скульптурам Сибири, Казахстана и Алтая возник еще в XIX в., и о них существует обширная литература.

Первые научные сведения о каменных бабах Верхнего Прииртышья появились в начале XX столетия благодаря публикациям Н. Я. Коншина [1], Б. Г. Герасимова [2], А. П. Белослюдова [3] и А. В. Адрианова [4]. Из советских ученых следует отметить С. С. Черникова [5], изучившего здесь семь каменных изваяний за время работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции АН СССР (1935—1937 и 1947 гг.). Всего в «Археологической карте Казахстана», изданной в 1960 г., зарегистрировано более 20 изваяний, локализуемых на территории Восточно-Казахстанской области. К сожалению, местонахождение подавляющего большинства их в настоящее время неизвестно.

В результате предпринятых в последние годы специальных поисков и обследований нами выявлено 19 неизвестных ранее статуй (а всего 21). Почти все они представляют собой стелообразные фигуры человека, исполненные в условно-реалистическом стиле, характерном для такого типа памятников. Обработке подвержена в основном лишь передняя сторона, задняя и боковые стороны отделаны менее тщательно или не отделаны вовсе. Для 19 изваяний материалом послужили глыбы серого крупнозернистого гранита и только в двух случаях — темно-серый и зеленоватый кремнистый сланец. Характеризуемые ниже каменные изваяния из коллекции Восточно-Казахстанского областного музея, за исключением семи статуй, обнаружены в перемещенном состоянии, поэтому рассматривать их в комплексе с погребальным сооружением или жертвенным местом не представляется возможным. Они подразделяются на две

---

[1] *Н. Я. Коншин.* О памятниках старины в Семипалатинской области. Зап. Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отделения Русского географического общества, 1903, вып. 1, стр. 1—32.

[2] *Б. Г. Герасимов.* Из мира легенд и недавнего прошлого. Зап. Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отделения Русского географического общества, 1909, вып. 4, стр. 2—12.

[3] *А. П. Белослюдов.* Отчет о работах археологической экспедиции в окрестностях Усть-Каменогорска в 1910 г. Зап. Сибирского отделения Русского географического общества, 1912, вып. 6, стр. 1—4.

[4] *А. Р. Адрианов.* Отчет о поездке летом 1911 г. Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Серия II, 1912, № 1, стр. 105—111; *его же.* К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). Изв. Императорской археологической комиссии, вып. 62, Пг., 1916, стр. 79—91.

[5] *С. С. Черников.* Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции 1947 г. Изв. АН КазССР. Сер. археол., 1949, вып. 2, стр. 37—58.

хронологические группы: VII—VIII и IX—X вв. н. э. К первой относятся восемь изваяний (рис. 1—3).

Изваяние 1. Найдено в 4 *км* к северо-западу от пос. Чингистай Катон-Карагайского района. На месте находки замечены следы разрушенных пахотой каменных курганов. Имеет значительные повреждения (отко-

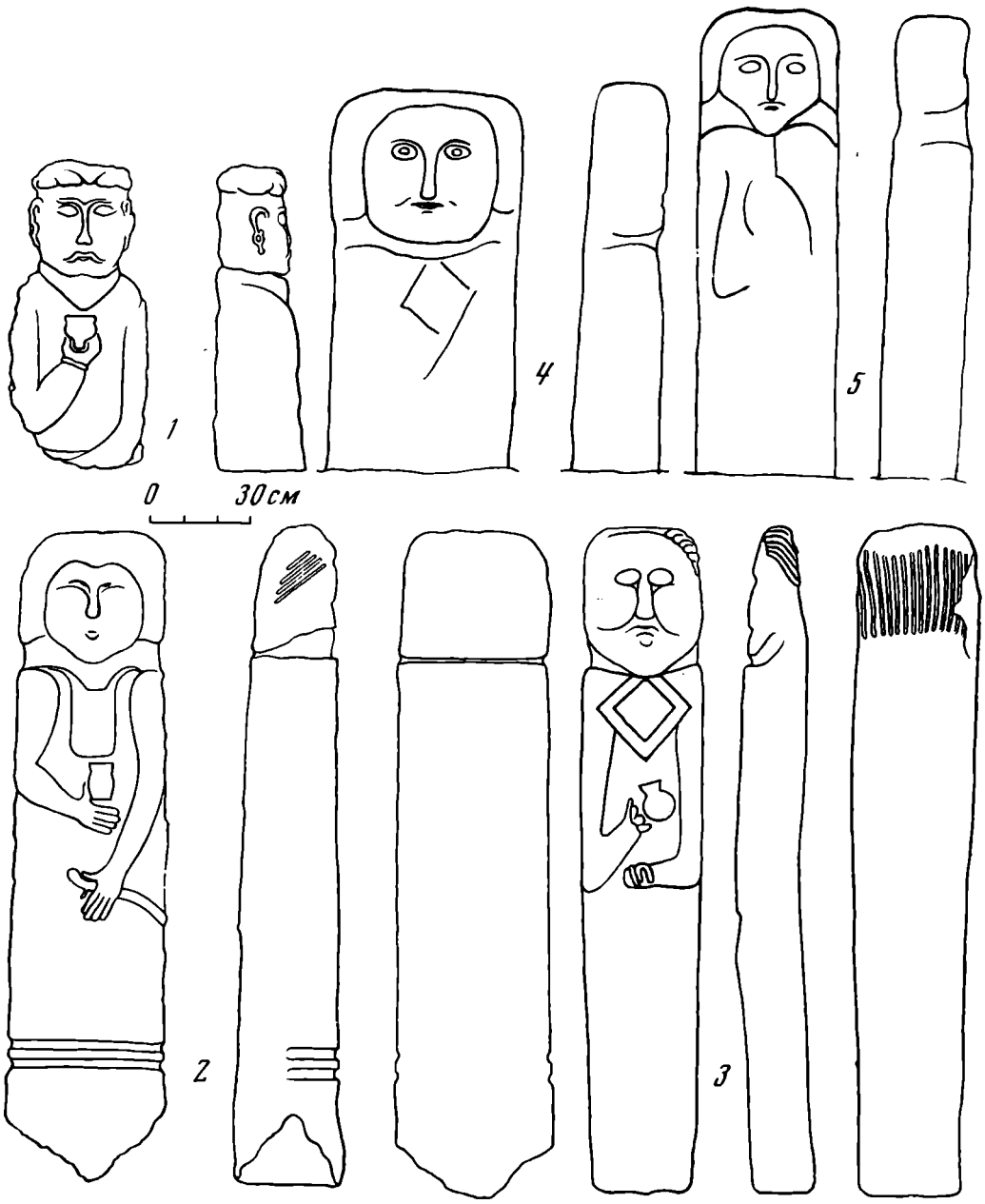


Рис. 1. *1* — изваяние 1 (с. Чингистай Катон-Карагайского р-на); *2* — изваяние 2 (с. Трушниково Большенарымского р-на); *3* — изваяние 3 (с. Никитинка Уланского р-на); *4* — изваяние 4 (верховья р. Терсайрык Тарбагатайского р-на); *5* — изваяние 5, там же

лота голова, утрачена нижняя часть). Сохранившаяся высота *90*, ширина 30—40, толщина 20—26 *см*. Голова выделена из монолита. Глаза миндалевидной формы, нос и брови высечены одним рельефом. Рот показан полуовалом, смыкающимся с короткими усами, концы которых слегка приподняты. Четко выделяется круглый головной убор, напоминающий

шапку казахов с меховой отделкой. Рельефно показаны уши с серьгами в виде кольца с выступом на верхней части и каплевидной подвеской. Правая рука согнута под 45° в локте; между большим и средним пальцами зажат кубок на ножке. Валиком у запястья показан манжет, треугольным вырезом на груди обозначена верхняя часть одежды. Опущенная левая рука слегка согнута в локте, кисть ее, расположенная ниже пояса, осталась на несохранившейся части монолита.

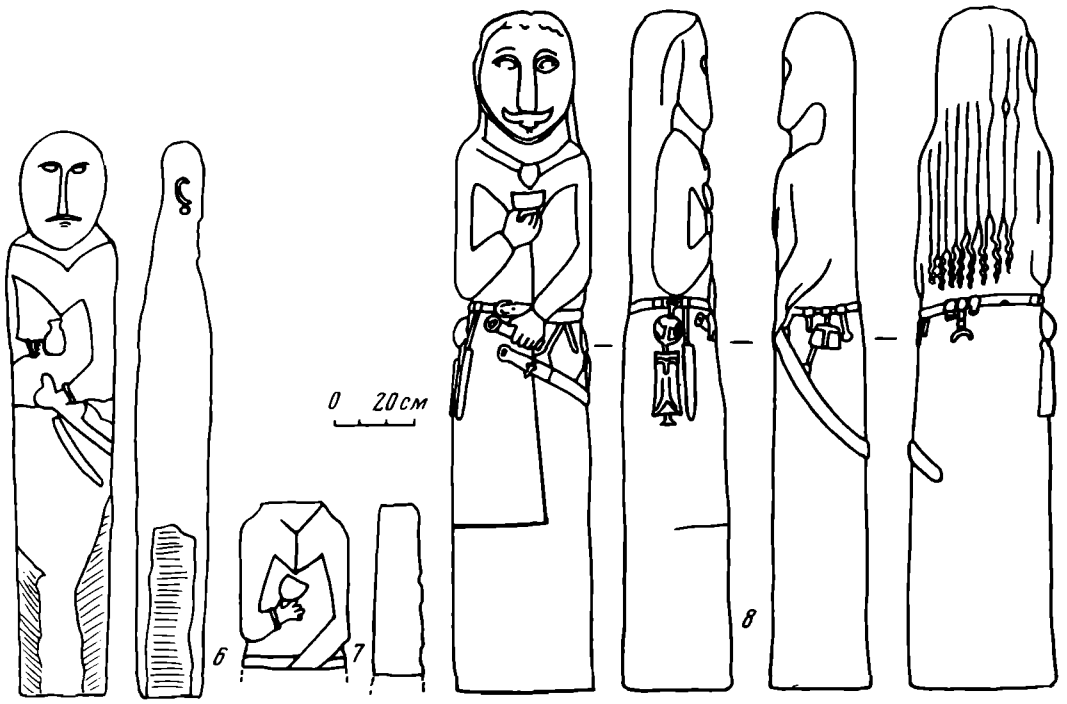


Рис. 2. *6* — изваяние 6, (верховья р. Белезек Маркакольского р-на); *7* — изваяние 7, там же; *8* — изваяние 8 (совхоз «Мичуринский» Зайсанского р-на)

Изваяние 2. Высота 190, ширина 42—46, толщина 22—30 *см*. Доставлено в музей в 1950 г. из с. Трушниково Большенарымского района и было дважды опубликовано в научных изданиях [6]. Однако при опубликовании были допущены некоторые неточности в изображении, имеющие принципиальное значение. В частности, в обеих публикациях не дана полная высота изваяния, не показаны пряди волос, обозначенные с правой стороны головы четырьмя рельефными линиями, искажены черты лица, а также форма сосуда и сабли, не обозначены прямоугольный нагрудник и две горизонтальные полосы (углубления), подчеркивающие нижний край одежды. Кроме того, не воспроизведена горизонтальная полоса на уровне плеч, отделяющая нижний край головного убора со стороны спины и существенно дополняющая представление о его форме.

Изваяние 3. Высота 190, ширина 32—34, толщина 20—23 *см*. Найдено в 7 *км* от с. Никитинки Уланского района, по левую сторону дороги на Алгабас у современного казахского кладбища. По словам местных жителей, изваяние находилось первоначально в 200—300 *м* восточнее этого места, у одного из небольших каменных курганов, разрушенных в настоящее время пахотой. Голова выделена из монолита широкой выемкой спереди и по бокам. Миндалевидные глаза обозначены линией, переходящей к носу и подчеркивающей мясистые щеки. Схематично очерчены рот и короткие усы. Выступающим над лбом валиком отмечены приче-

[6] Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, табл. IX, 287; *Я. А. Шер.* Каменные изваяния Семиречья. М.— Л., 1966, табл. 1, 7, стр. 75.

санные назад волосы. На висках и затылке рельефными полосами показаны прямые пряди волос. Правая рука согнута под 45° в локте, ладонь раскрыта (большой палец не обозначен), пальцы прикасаются к сосуду формы кувшина с округлым туловом и расширенной кверху горловиной. Подковообразным валиком у запястья левой руки отмечено, по-видимому, украшение типа браслета. Тут же проходит поперечный выступ, обозначающий манжет. Кисть не обозначена. От подбородка начинается на-

Рис. 3. Фотографии изваяний 1—3, 8: *а* — изваяние 8; *б* — изваяние 3; *в* — изваяние 2; *г* — изваяние 1

грудник в виде двух ромбов, вписанных один в другой, очерченный углубленными линиями.

Изваяние 4. Расположено на левом берегу р. Терсайрык Тарбагатайского района, в 70 *км* к югу от с. Акжар, у восточной стороны (лицом на восток) квадратной (4×4 *м*) ограды, ориентированной по странам света. В 1968 г. ограда была раскопана учащимися Ластинской восьмилетней школы. По словам завуча этой школы Н. Мынжанова, в процессе раскопок встречались мелкие кусочки древесного угля и зола. Высота изваяния над поверхностью земли 108, толщина 23, ширина 40—45 *см*. Изображенный на изваянии зимний головной убор подобен головному убору трушниковской статуи (рис. 1, *2*). На груди угадываются неясные контуры ромбовидного украшения и опущенной левой руки.

Изваяние 5. Расположено в 3 *м* восточнее изваяния 4, лицом к востоку. Высота над поверхностью земли 130, ширина 38, толщина 20 *см*. Брови и нос обозначены единым рельефом. Отчетливо видны очертания головного убора, аналогичного головным уборам, изображенным на изваяниях 2 и 4. Слабо прослеживаются контуры чуть согнутой в локте правой руки и верхняя часть левой.

Изваяние 6. Высота 212, ширина 32—40, толщина 15—26 *см*. Расположено на левом берегу р. Белезек Маркакольского района, в 3 *км* к югу

от оз. Чобтыколь, на месте заброшенной зимовки. Поблизости в беспорядке разбросано много камней, по-видимому, от кургана, разрушенного при постройке кошары. Яйцевидная голова выделена от туловища спереди и с боков. На груди отчетливо видны очертания широкого воротника, спускающегося с плеч. Выпуклым валиком обозначены манжеты рукавов. Правая рука под прямым углом согнута в локте. Концы слабо прочерченных пальцев прикасаются к кувшиновидному сосуду с уплощенным дном и отогнутым венчиком. Левая рука лежит на рукояти слегка изогнутой сабли. Над саблей прослеживаются очертания неясного предмета, возможно, колчана, а под ней — нечеткие контуры кинжала. На уровне кисти левой руки прочерчен пояс с округлой пряжкой (?). К правому уху (левое не обозначено) «подвешена» массивная шаровидная серьга.

Изваяние 7. Найдено рядом с изваянием 6. Голова и нижняя часть не обнаружены. Сохранившаяся высота (от плеч до пояса) 63, ширина 40, толщина 15—20 *см*. На груди изображен воротник, треугольником спускающийся с плеч. Ниже его — округлая чаша, зажатая между большим и указательным пальцами правой руки. Левая рука в полусогнутом положении опущена к поясу, показанному в виде выпуклого валика. Кисть ее осталась за пределами сохранившейся части статуи. Валиком в области правого запястья обозначен манжет.

Изваяние 8. Высота 255, ширина 38—55, толщина 30—42 *см*. Обнаружено в 1971 г. на территории фруктового сада совхоза «Мичуринский» Зайсанского района, в 5 *км* западнее г. Зайсан[7]. В 1,5 *км* к востоку от места находки имеется курганный могильник, откуда, по всей вероятности, происходит эта скульптура. Она представляет собой портрет мужчины, выполненный из глыбы серого крупнозернистого гранита. Голова выделена из монолита. Высоким рельефом показаны руки и изображенные предметы. Правая рука согнута под 45° в локте и держит невысокий с широким горлом кубок на низком поддоне. Левая опущена и сжимает рукоять кинжала, вынутого из ножен (?). Сабля «подвешена» к поясу (с левой стороны) на двух ремешках, пристегнутых к бляхам-обоймам, изображенным у перекрестия и в середине полосы. С правого бока обозначены два каптаргака, футляр для ножа и оселок (?), подвешенные к поясу, а слева — трапециевидная сумка. Отчетливо показаны пряди волос, разделенные сверху прямым пробором и спускающиеся с затылка к поясу. Концы прядей завиваются в «штопор». Детали лица сохранились плохо. Хорошо видны слегка закрученные вверх усы и левый глаз, изображенный глядящим, т.е. с раскрытыми веками. Глубокой вертикальной линией спереди и горизонтальной с правого бока показана правая пола кафтана с открытым, спускающимся с плеч воротом, украшенным на груди сердцевидной бляхой-застежкой. Сзади, между двумя декоративными пряжками, помещена на поясе «полулунная» бляха.

Представленная группа памятников характеризуется прежде всего единством стиля и композиции. Это, как правило, обработанная со всех сторон фигура человека, изображенного с сосудом в правой руке (на уровне груди) и саблей (у пояса) в левой. Характерным для этой группы является также изображение одежды на скульптурах, часто разработанной в деталях, и другие предметы. Для обоснования датировки атрибуцию изваяний следует рассмотреть более подробно.

Одежда. На семи изваяниях (рис. 1, *1—2, 4—5*; рис. 2, *6—8*) изображены мужчины в зимних одеждах, судя по характерной форме воротников (рис. 2, *6—8*), отороченным мехом полам (рис. 1, *2*) и рукавов (рис. 1, *1, 6—7*) шуб и тулупов, покрой которых живо напоминает казах-

[7] Это изваяние было опубликовано Я. А. Шером и ошибочно помещено им в Галды-Курганской области. См. *Я. А. Шер.* Ук. соч., табл. IV, рис. 17. Некоторые детали поясного набора в его публикации искажены.

ские «ішік» и «тоқ»[8]. Интересно, что на изваянии 8 показана лишь правая пола, тем самым, очевидно, подчеркивалось ее положение поверх левой. Это не противоречит покрою одежды тюрка-тугю на изображении, обнаруженном в Северной Монголии[9].

Обращают на себя внимание головные уборы, изображенные на скульптурах. Совершенно идентичны головные уборы трех изваяний (рис. 1, *2*, *4—5*). Любопытно, что на трушниковском изваянии (рис. 1, *2*) обозначено несколько коротких прядей в области правого виска, как бы поверх головного убора. Древнему ваятелю, очевидно, было важно показать здесь наличие прически, невидимой сквозь «надетую» шапку.

Такая шапка-ушанка с широкой тульей весьма напоминает покрой зимнего мужского головного убора казахов «тымак». Кстати, «тымак» не встречается у других народов и является характерным признаком казахской национальной одежды[10].

Округлой формы головной убор, изображенный на чингистайской скульптуре (рис. 1, *1*), подобен «берік» — так называется казахская шапка с меховой опушкой[11].

Прическа изображена на двух изваяниях. На одном (рис. 1, *3*) это тонкие пряди волос, опускающиеся до плеч. На другом (рис. 2, *8*) — восемь широких прядей, распущенных по спине, с закрученными в «штопор» концами. Подобная прическа изображена на скульптуре из Киргизии (VI—VIII вв.)[12], только на ней насчитывается семь прядей, а не восемь.

Серьги изображены на двух изваяниях: 1 — в виде скобы с подвесным шариком (рис. 2, *6*) и 2 — с каплевидной подвеской (рис. 1, *1*) Подобные формы бытовали в VII—VIII вв. на Алтае и в Туве[13].

Ожерелье представляет собой подвешенную на широкой ленте (?) сердцевидную бляху (рис. 2, *8*), форма которой типична для VI—VIII вв. н. э.

Пояса. Заслуживает внимания поясной набор, изображенный лишь на одной скульптуре (рис. 2, *8*). Он состоит из пряжки основного ремня, семи подвесных ремешков, закрепленных пятью накладными бляхами, и двух декоративных пряжек, отходящих от квадратных наременных блях. Два ремешка пришиты к основному ремню без помощи блях. К подвесным ремешкам подвешены: справа — округлый и подпрямоугольный каптаргаки, футляр для ножа (или оселок?); слева — трапециевидный каптаргак и сабля; сзади — «полулуница», помещенная между декоративных пряжек. Два подвесных ремешка с левой стороны свободны (рис. 4).

Несколько разнообразных каптаргаков, подвешенных к одному поясу, встречаются на изваяниях VI—VIII вв. н. э. из Иссык-Куля[14]. Аналогичные декоративные пряжки и бляхи типа «полулуницы» известны из Деменковского могильника и относятся В. Ф. Геннингом к VII—VIII вв.[15] Подобные пряжки зафиксированы в Венгрии на поясах второй половины VII в.[16], а также в Перещепинском кладе[17].

[8] *И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева.* Казахская национальная одежда (XIX — начало XX веков). Алма-Ата, 1964, стр. 54, рис. 10 — *1, 2.*

[9] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Küe). Bd I, Wiesbaden, 1958, S. 469, Abb. 2.

[10] *И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева.* Казахская национальная одежда, стр. 70, рис. 14, II.

[11] Там же, стр. 70, рис. 14, I.

[12] *Я. А. Шер.* Каменные изваяния, табл. VI, рис. 26.

[13] *Л. А. Евтюхова.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952, стр. 106, рис. 62, *2—3.*

[14] *Я. А. Шер.* Каменные изваяния..., табл. VIII, 37, табл. XI, 47.

[15] *В. Ф. Геннинг.* Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. ВАУ, 6, Свердловск, 1964, стр. 110, рис. 8, табл. IV, *14, 15*; *Р. Д. Голдина.* Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме. ВАУ, 9, Свердловск, 1970, табл. 6, 9, 51.

[16] *A. Salamon.* Über die etnischen und historischen Beziehungen des Gräberfeldes von Környe (VI. Jn.). Acta archaeologica, XXI, 3—4, Budapest, 1969. На это любезно указал А. М. Амброз, за что авторы ему глубоко признательны.

[17] *Б. И. Маршак, К. М. Скалон.* Перещепинский клад. Л., 1972, рис. на стр. 6.

На изваянии 6 изображен пояс с округлой пряжкой. Другие пояса (рис. 1, *1*; рис. 2, *7*) показаны без пряжек и блях.

Сосуды изображены на шести изваяниях. По форме среди них можно выделить четыре группы.

К первой относится сосуд в виде чаши с округлым дном (рис. 2, *7*). Такого типа сосуды изображены на скульптурах Тувы [18], Восточного и Центрального Казахстана [19], датированных VII—VIII вв. н. э.

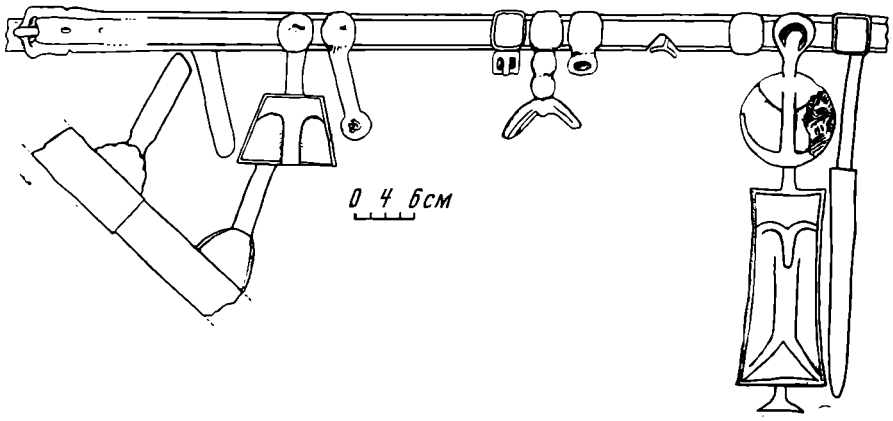


Рис. 4. Развертка пояса, изображенного на изваянии 8

Ко второй группе относятся кубки (рис. 1, *1*; рис. 2, *8*), встречающиеся также на изваяниях Семиречья [20], Тувы [21], Монголии [22].

Третью группу составляют кувшины с шаровидным туловом и слегка отогнутым венчиком (рис. 2, *6*) или расширенной горловиной (рис. 1, *3*).

Кувшины с шаровидным туловом найдены в погребениях VII—IX вв. Павлодарского Прииртышья [23]. Подобные сосуды изображены на изваяниях Тувы [24]. По мнению Л. А. Евтюховой, аналогичные формы были наиболее распространены в VII—VIII вв. «... среди населения Саяно-Алтайского нагорья» [25].

К четвертому типу принадлежит сосуд баночной формы с выделенной шейкой (рис. 1, *2*). Аналогичные сосуды встречены в погребениях VI—VIII вв. [26] и изображены на каменных скульптурах Тувы [27].

Таким образом, сравнительный анализ позволяет датировать изображенные на рассматриваемых изваяниях сосуды в рамках VII—VIII вв. н. э.

Оружие. Изображено на трех изваяниях и представлено саблями и кинжалом. В двух случаях сабли изображены подвешенными к поясу на ремнях, пропущенных через фигурные обоймы (рис. 2, *8*), в одном — в левой (опущенной) руке (рис. 1, *2*). На зайсанской скульптуре (рис. 2, *6, 8*) рукоять сабли украшена крестовидной бляхой и оканчивается кольцевым навершием, аналогичным навершию сабли из Перещепинского клада [28]. Интересно, что близкое сходство с материалом Перещепинского клада

[18] *А. Д. Грач.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, табл. I, *24;* табл. II, *15, 24.*

[19] *Я. А. Шер.* Каменные изваяния..., табл. I, *4;* табл. XIV, *56.*

[20] *Я. А. Шер.* Каменные изваяния.., табл. I, *2*; табл. X, *46;* табл. XV, *62, 63;* табл. XVI, *64.*

[21] *Л. Р. Кызласов.* История Тувы в средние века. Изд. МГУ, 1969, стр. 28, рис. 3, 4.

[22] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., рис. 46, *2.*

[23] *Ф. Х. Арсланова.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XIII вв.). В кн. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, табл. 1, *118.*

[24] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., рис. 14, 33; *А. Д. Грач.* Ук. соч., табл. II, I; рис. 1, 19.

[25] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., стр. 107.

[26] *Л. Р. Кызласов.* История Тувы в средние века, стр. 20, табл. 1, 32.

[27] *А. Д. Грач.* Ук. соч., табл. I, *10.*

[28] *Б. И. Маршак, К. М. Скалон.* Перещепинский клад..., стр. 6.

наблюдается и в деталях поясного набора. Сходство некоторых предметов, изображенных на зайсанской статуе, с изделиями авар Приднепровья связано, очевидно с их появлением в VI в. на Алтае и культурными связями прииртышских племен со своими соседями.

Сабля с прямым перекрестием на трушниковской скульптуре (рис. 1, *2*) аналогична саблям, изображенным на тувинских статуях VII—VIII вв.[29]

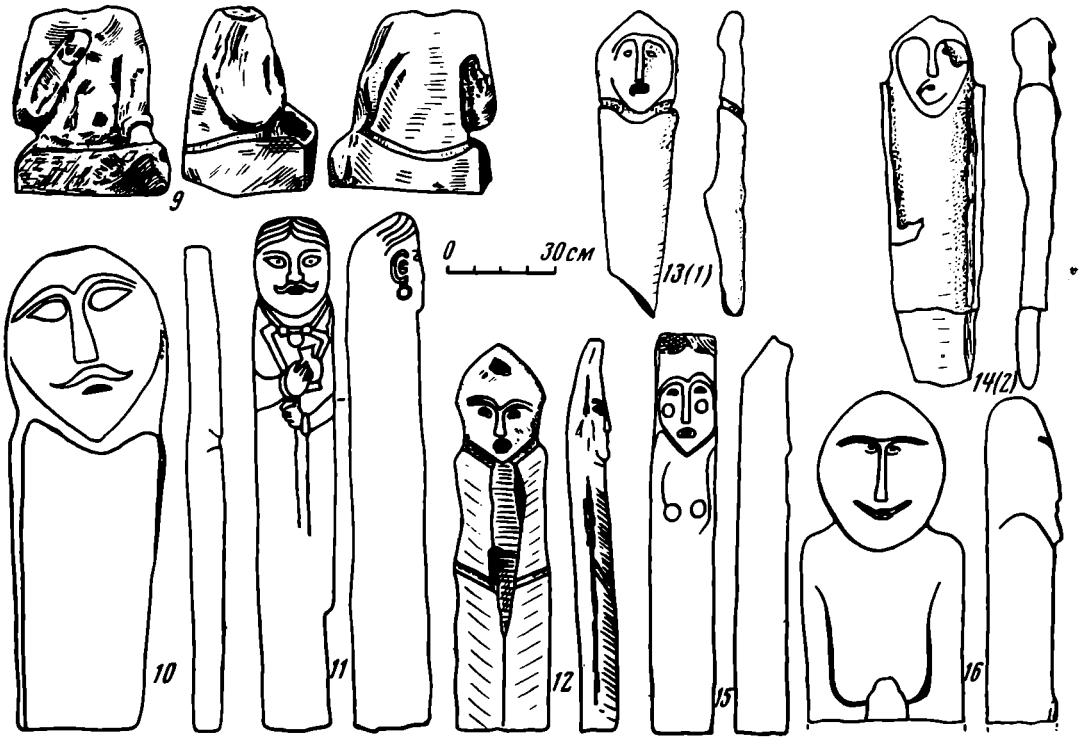


Рис. 5. *9* — изваяние 9 (с. Орловка Маркакольского р-на); *10* — изваяние 10 (с. Куйган Тарбагатайского р-на); *11* — изваяние 11 (с. Бобровка Маркакольского р-на); *12*— изваяние 12 (с. Дирижабль Уланского р-на); *13* — изваяние 13 (у кургана, расположенного в 9 *км* западнее с. Точка Уланского р-на); *14* — изваяние 14, там же; *15*— изваяние 15 (с. Точка Уланского р-на); *16* — изваяние 16 (с. Пугачево Курчумского р-на)

Таким образом, приведенные аналогии свидетельствуют о синхронности изваяний первой группы и тюркских изваяний Алтая, Тувы, Южной Сибири, Семиречья. Наличие одновременных погребальных комплексов в Прииртышье[30] позволяет считать, что в VII—VIII вв. Восточный Казахстан был заселен тюркскими племенами, входившими в состав Западно-Тюркского каганата.

Вторая хронологическая группа изваяний (рис. 5—8) представлена, преимущественно, антропоморфными стелами.

Изваяние 9. Объемная фигура сидящего человека исполнена из серого крупнозернистого гранита. Голова утрачена. Имеются сколы в области кисти правой руки. Сохранившаяся высота 72, ширина 35—60, толщина 18—50 *см*. Обнаружено в 1970 г. на дне небольшого ручья, впадающего в р. Кара-Кабу в 2 *км* севернее с. Орловки Маркакольского района. Кисть левой руки лежит на левом колене. Правая рука согнута под 45°

---

[29] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., рис. 67, 10; *А. Д. Грач.* Ук. соч., табл. 1, 13.

[30] *Ф. Х. Арсланова.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 43.

в локте и прижата к груди. На спине и боках отчетливо видны очертания узкого пояса.

Изваяние 10. Высота 170, ширина 32—48, толщина 10—12 *см*. Хранилось во дворе жителя с. Куйган Тарбагатайского района Молгаждара Дайрабаева, который подобрал его в 1961 г. у восточной полы кургана с продолговатой каменной насыпью (4×8 *м*, высота 15 *см*), длинной осью ориентированной с севера на юг. Курган расположен в 6 *км* к югу от с. Куйган, на правой стороне дороги в Сасык-Бастау (в 2 *км* от с. Актам).

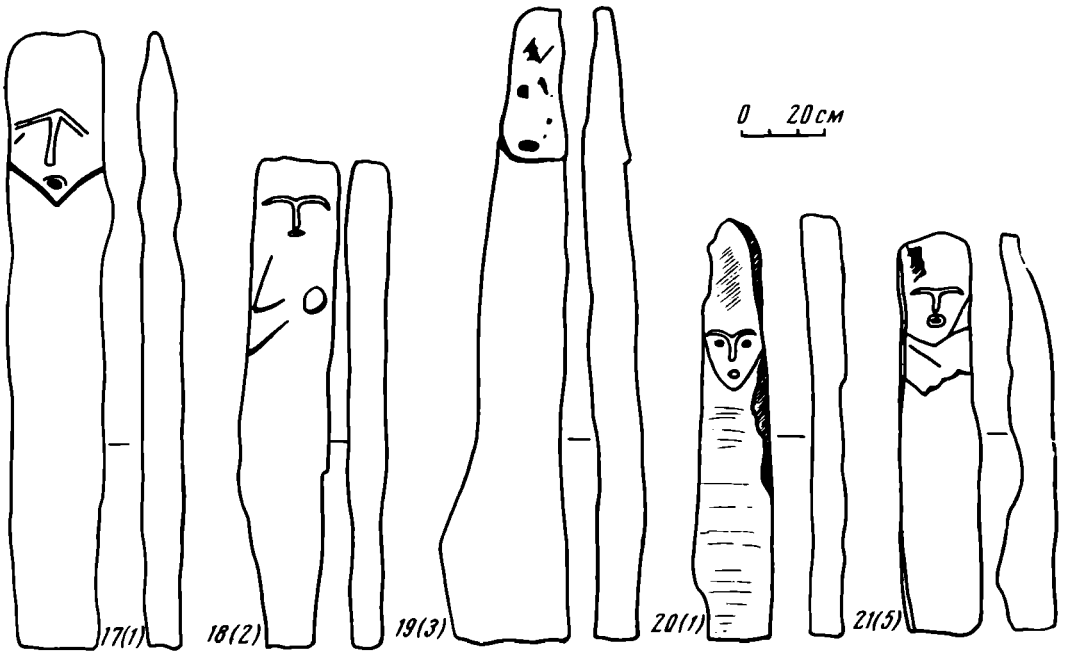


Рис. 6. Изваяния 17—21 у кургана, расположенного в 12 *км* к северо-северо-востоку от ст. Уш-Биик Жарминского р-на Семипалатинской обл.

Слегка склоненная вправо голова выделена из монолита волнистым углублением под подбородком и едва заметным сужением по бокам. Брови переданы выпуклым изогнутым валиком. Миндалевидные глаза как бы закрыты, усы довольно большие со слегка загнутыми вверх концами.

Изваяние 11[31]. Высота 190, ширина 24—30, толщина 25—28 *см*. Исполнено из четырехгранной глыбы кремнистого сланца, подвергшейся обработке лишь спереди и частично с боков. Голова выделена из монолита выемкой под подбородком. На висках и темени обозначены пряди волос, разделенные прямым пробором. «Глядящие» (со зрачками) глаза, брови, детали одежды, руки, сосуд очерчены четкими глубокими линиями. Нос, полные губы и большие, закрученные вверх усы исполнены высоким рельефом. На шее изображено ожерелье из двух пятиугольных, одной полуовальной и одной прямоугольной подвесок. На груди видны очертания отворотов кафтана. Правая рука держит кувшиновидный сосуд со слегка расширенным горлом и поддоном, левая сжимает рукоять сабли. В ушах прослеживаются полуовальные серьги с подвесным шариком.

Изваяние 12. Высота 145, ширина 32—34, толщина 10—18 *см*. Найдено у казахской могилы, сложенной из сланцевых плит, в 4,5 *км* от с. Дирижабль Уланского района, в 200 *м* справа от дороги, ведущей в с. Екатериновку. В 0,5 *км* восточнее места находки расположен каменный кур-

[31] Обнаружено в 1911 г. А. В. Адриановым близ с. Бобровки Маркакольского района и опубликовано им в 1916 г. См. *А. В. Адрианов*. К археологии Западного Алтая. Изв. ИАК, 62, Пг., 1916, стр. 80—81, рис. 34—35.

ган (на распаханном поле) диаметром 15 *м*, высотой 45 *см*. Голова выделена из ромбовидного в сечении сланцевого монолита за счет боковых выемок, подчеркивающих характерную островерхую форму головного убора. Своеобразно обозначенные «раскрытые» глаза в виде замкнутых овальных валиков, тонкий, выступающий вперед нос и маленький рот сильно отличают это изваяние от остальных скульптур данного комплекса. Поперечной выемкой спереди и с боков показан, очевидно, нижний край короткого кафтана.

Рис. 7. Фотографии изваяний 10, 13, 16: *а* — изваяние 16; *б* — изваяние 13; *в* — изваяние 10

В 1972 г. нами исследован курган с каменными изваяниями, расположенный в 9 *км* западнее с. Точка Уланского района, на левом берегу р. Исир, впадающей в р. Сибинку. Диаметр кургана 6 *м*. Насыпь состоит из серого колотого габроидного камня. Оба изваяния были установлены у восточной полы кургана лицом на восток, с отклонением в 25° к югу [32].

Изваяние 13 (южное). Высота 114, ширина 22—28, толщина 12 *см*. Голова выделена из монолита боковыми выемками и извилистым углублением под подбородком. Под островерхим головным убором отчетливо видны глаза, уплощенный, расширяющийся книзу длинный нос, крупный рот. Материал — розовато-серый среднезернистый гранит.

Изваяние 14. Высота 130, ширина 30—40 *см*. Голова выделена из монолита извилистым углублением под подбородком, а также за счет подчеркнуто расширенных прямоугольных плеч. Руки опущены, правая слегка согнута, кисти не обозначены. Лицевая часть подвергнута сильному выветриванию. Тем не менее довольно отчетливо видны округлые глаза, рельефно обозначенный нос. Очертания нижней части лица видны недостаточно ясно, однако можно заметить заостренную линию подбородка.

[32] По свидетельству местных жителей, до недавнего времени здесь было еще одно изваяние, отыскать которое нам не удалось.

Исполнено это изваяние из прямоугольной глыбы серого крупнозернистого гранита.

После расчистки обозначились очертания округлой выкладки, сооруженной из колотого скального камня; диаметр ее 6 *м*, толщина от 30 (у края) до 80 (к центру) *см*. На глубине 75 *см* в центральной части выкладки найдены остатки костей животных (зубы лошади, обломки костей ног овцы).

Изваяние 15. Высота 152, ширина 22—24, толщина 17—20 *см*. Подобрано у казахской могилы, расположенной в 6 *км* восточнее с. Точка Уланского района, по левую сторону дороги в с. Медведку. По стилю изображения глаз и рта аналогично изваянию 12. Довольно высокий подпрямоугольной формы головной убор «подправлен» сверху двумя широкими диагональными сколами. Нос и слегка изогнутые брови показаны одним рельефом. Выпуклыми небольшими овалами обозначены груди; такой же прием использован в изображении щек.

Рис. 8. Фотографии изваяний 12 и 15:
а — изваяние 12; *б* — изваяние 15

Изваяние 16. Полная высота около 2 *м*, ширина у плеч 63 *см*, толщина 24 *см*. Доставлено в областной музей в 1968 г. геофизиком Е. С. Шуликовым. Найдено расколотым на три части у кургана, расположенного в 2 *км* северо-восточнее с. Пугачево Курчумского района, на правом берегу р. Курчум. Нижняя часть оставлена на месте находки. Яйцевидной формы голова выделена из монолита. Брови и нос исполнены одним рельефом. Отчетливо видны близко поставленные «раскрытые» (со зрачками) глаза. Маленький рот и прямые усы, направленные под 45° вверх, очерчены схематично. Широкие плечи подчеркивают объемность торса и рук, сложенных на поясе. В руках слабо прослеживаются очертания сосуда (эта часть изваяния местами оббита).

Особую группу составляют пять изваяний (рис. 6), обнаруженных в Жарминском районе Семипалатинской области[33] у разрушенного каменного кургана (с восточной его стороны), изваяния вытянуты в линию северо-восток — юго-запад, лицом на восток (рис. 9, *1*). Курган представлял собой подквадратное (6×6 *м*) в плане, плоское сооружение из камней, с вертикально вкопанными плитами размером (в среднем) 18 × 70 × 215 *см*, сохранившимися с востока. Предпринятые раскопки не дали дополнительного материала. Все изваяния очень плохой сохранности. Материалом для них послужил местный крупнозернистый гранит серого с розоватым оттенком цвета, легко поддающийся выветриванию. Наиболее сильному выветриванию подверглось изваяние 19 (3)[34]. Лучше всего сохранилось изваяние 20 (4).

---

[33] В 12 *км* к северо-северо-востоку от ст. Уш-Биик.

[34] Цифра в скобках означает порядковый номер изваяния у кургана, если считать с севера на юг.

Общим для этих скульптур являются довольно высокие головные уборы прямоугольной (рис. 6, *17*, *18*, *21*) и конусообразной (рис. 6, *19*, *20*) формы.

Изваяние 17(1). Высота 216, наибольшая ширина 35, толщина 18 *см*. Голова выделена из монолита лишь спереди, за счет выемки в виде сходящихся под подбородком линий, подчеркивающих очертания нижней части лица. Нос и приподнятые к переносице прямые брови показаны одним рельефом. Рот, исполненный в виде овального углубления, сверху ограничен подковообразным валиком (усы?).

Изваяние 18(2). Высота 172, ширина 30, толщина 15 *см*. Голова выделена спереди выемкой, подчеркивающей линию нижней части лица и подбородка. Нос и слегка изогнутые брови показаны одним рельефом. Приподнятый к носу рот очерчен в виде овального углубления. На уровне груди прослеживаются неясные контуры согнутой в локте правой руки, а в том месте, где должна быть кисть,— очертания округлого предмета (?)

Изваяние 19(3). Высота 225, ширина 18—45, толщина 6—8 *см*. Голова выделена из монолита за счет выступания вперед ее нижней части. Детали лица почти полностью уничтожены выветриванием. Сохранились лишь очертания рта в виде неглубокого овала и часть правого глаза.

Изваяние 20(4). Высота 150, ширина 18—27, толщина 12—15 *см*. Голова выделена из монолита за счет выступания лицевой части вперед. Нос и слегка изогнутые брови показаны невысоким, но отчетливым рельефом. Не менее четко исполнены продолговатые небольшие глаза и округлый рот.

Изваяние 21(5). Высота 142, ширина 25—30, толщина 15—18 *см*. Голова выделена из монолита выемкой в виде двух сходящихся под подбородком линий, ограничивающих очертания нижней части лица. Нос и слегка изогнутые брови показаны одним рельефом. Контуры овального рта замкнуты выпуклым валиком. На уровне груди прослеживаются неясные контуры правой руки.

Итак, для второй группы изваяний характерно обобщение форм как в изображении одежды, так и всего силуэта в целом. В сущности, более или менее детальной обработке подвергалась лишь передняя сторона, за исключением изваяний 9 и 16, стиль исполнения которых приближается к объемной скульптуре.

Группы каменных изваяний, поставленных у выкладок со следами жертвоприношений (кости лошади и овцы), позволяют (подобно тувинским [35] и алтайским [36]) усматривать в них культовые сооружения. В Жарминском районе (Семипалатинская обл.) на кургане позади изваяний были поставлены шесть гранитных плит. Несколько таких же плит лежали в северо-восточной части кургана. Наличие вкопанных у кургана плит отражает, по-видимому, обычай тюркских племен оставлять у культовых сооружений балбалы. К сожалению, курган был разрушен при ограблении, и поэтому точно восстановить его первоначальный облик в настоящее время трудно. В данном случае хотелось бы подчеркнуть, что Г. Рубрук, описывая обычаи команов, упоминает о плитах, вкопанных по углам вымощенной четырехугольной оградки [37].

Таким образом, два комплекса из пяти (рис. 9, *1*) и двух (рис. 9, *2*) каменных изваяний в каждом, являлись, по-видимому, составной частью культовых сооружений таких же, как в Семиречье, Центральном Казахстане, Поволжье и Южной России. Преобладание женских изваяний у выкладок с остатками жертвоприношений подтверждает ранее высказанное предположение о существовании у кипчаков культа женского боже-

---

[35] *Л. Р. Кызласов.* Ук. соч., стр. 23—32.
[36] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., стр. 118.
[37] *Г. Рубрук.* Путешествие в Восточные страны. М., 1957, стр. 102.

ства[38]. Он долго сохранялся и в обычаях казахов. По свидетельству письменных источников, кипчаки называли свои изваяния «сын — таш», т. е. «каменный образ». Это название сохранилось до сих пор в исторической топонимике Казахстана (Сын-тас)[39].

Датирующих признаков для второй группы изваяний имеется мало. Некоторые детали одежды (меховые манжеты, отвороты кафтана), изображенные на бобровском изваянии (рис. 5, *11*), дают определенное

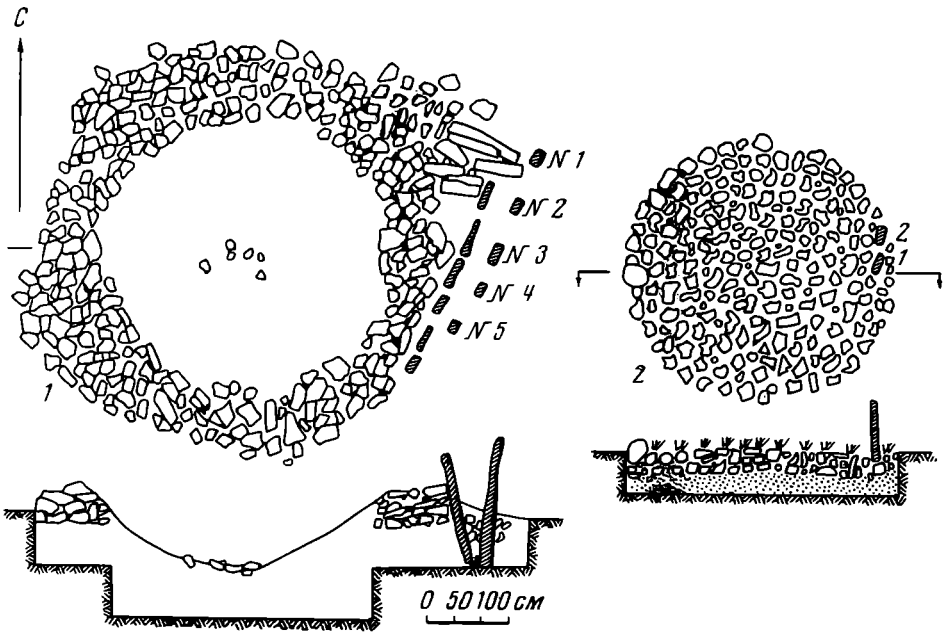


Рис. 9. *1* — план и разрез кургана с пятью каменными изваяниями (в 12 *км* к северо-северо-востоку от ст. Уш-Биик Жарминского р-на Семипалатинской обл.); *2* — план и разрез кургана с двумя каменными изваяниями (в 9 *км* западнее с. Точка Уланского р-на)

представление о покрое верхнего платья знатного воина-кочевника. Из головных уборов следует отметить островерхие, по-видимому летние, шапки мужчин (рис. 5, *10*, *14*, *16*) и разнообразные варианты конических (рис. 5, *12*, *13*; рис. 6, *20*) и подпрямоугольных (рис. 5, *15*; рис. 6, *18*) женских покрывал, бытующих у казахов[40]. Форма головного убора на изваянии 20 очень близка «саукеле», который носили казахские девушки-невесты и молодые женщины в первый год замужества[41]. Аналогичной формы головные уборы были найдены нами в кимакско-кипчакских курганах Прииртышья (XII—XIII вв. н. э.)[42].

Известно, что головной убор, являясь наиболее консервативным элементом одежды, весьма продолжительное время сохраняет традиционные черты этнического, социального и идеологического факторов[43]. Поэтому разнообразие форм головных уборов на изваяниях восточноказахстанского комплекса связано, очевидно, как с определенной этнической неоднород-

[38] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Изд. МГУ, 1966, стр. 191.

[39] История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 94.

[40] *И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева.* Ук. соч., стр. 66, рис. 13—3; стр. 120, рис. 35; стр. 127, рис. 37.

[41] Там же, стр. 113, рис. 33.

[42] *Ф. Х. Арсланова.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XIII вв.). В кн. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, табл. I, *155*, *156*.

[43] *О. А. Сухарева.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник I. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Сов. сер., XXI, М., 1954, стр. 300.

ностью населения, оставившего эти памятники, так и с социальным положением изображенных.

Прическа в виде прядей волос на висках и темени, разделенных прямым пробором, изображена на изваянии 11 (рис. 5, *11*). Такой вариант зафиксирован на одном из древнетюркских изваяний Тувы [44]. На бобровском же изваянии (рис. 5, *11*) изображены еще серьги и ожерелье. Серьги исполнены в виде скобы с подвесным шариком, подобно серьгам, изображенным на каменных изваяниях Монголии и найденным в Сросткинском могильнике, которые датируются IX—XI вв. [45] Ожерелье составлено из одной полукруглой, одной прямоугольной и двух пятиугольных привесок, форма которых очень напоминает многочисленные варианты украшений, найденных в могильнике Саркела — Белой Вежи (IX—XI вв. н. э.) [46]. Изображенные на уровне груди сосуд с поддоном, форма которого встречается и в IX в. н. э. [47], и сравнительно поздний вариант сабли (судя по сильно скошенной в сторону лезвия рукояти), а также нетипичная для предшествующего времени линейно-прорезная техника в передаче глаз, бровей, рук, с учетом вышеприведенных аналогий, дают основание датировать бобровскую скульптуру временем позднее VIII в. Учитывая стилистическое единство в изображении головы и лица, в сравнении с аналогичными памятниками из сопредельных территорий и южнорусских степей, весь комплекс изваяний второй группы следует датировать IX—X вв. н. э. Так, прием выделения головы из монолита двумя прямыми углубленными линиями, сходящимися под острым углом у подбородка (рис. 5, *15*; рис. 6, *17*, *21*), техника изображения бровей и носа (рис. 5, *10*, *12*, *16*; рис. 6, *17—18*, *20—21*), высоких конусообразных головных уборов (рис. 6, *19—20*), а также своеобразная стилизация женской груди и щек (рис. 5, *15*) аналогичны семиреченским изваяниям VIII—X вв. [48], что позволяет включить их в единый круг синхронных памятников изобразительного искусства кимаков-кипчаков. Интересно, что некоторые изваяния восточноказахстанского комплекса (рис. 5, *12, 15*; рис. 6, *13, 16*) по манере изображения чрезвычайно сходны с половецкими статуями, выставленными в Донецком и Ждановском музеях [49], а также с изваянием, найденным в Саратовской области (рис. 5, *14*) [50].

Одним из традиционных признаков половецких скульптур является изображение человека, держащего сосуд в сложенных на животе руках. Подобная поза зафиксирована на курчумском изваянии (рис. 5, *16*). Исследователи каменных скульптур Восточной Европы (С. А. Плетнева, Г. А. Федоров-Давыдов) связывают их происхождение с историей восточных половцев — кимаков и кипчаков, продвинувшихся в X—XI вв. на Запад [51]. Восточноказахстанские аналоги являются убедительным подтверждением этого предположения.

Особое место среди рассматриваемых изваяний занимает объемное изображение сидящего с подогнутыми под себя ногами человека из Маркакольского района (рис. 5, *9*). Поза этой скульптуры является повторением тувинских изваяний, поставленных у поминальных сооружений [52],

---

[44] *Л. Р. Кызласов.* О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей. СА, 1964, 2, рис. 3.

[45] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., рис. 62, 7—9.

[46] *О. А. Артамонова.* Могильник Саркела — Белой Вежи. МИА, 109, 1963, стр. 67, рис. 53, 7, 11; стр. 87, рис. 66; стр. 93, рис. 69; стр. 95, рис. 70; стр. 96, рис. 71.

[47] *Л. Р. Кызласов.* История Тувы, стр. 64, табл. II, *65*.

[48] *Я. А. Шер.* Каменные изваяния, табл. XVIII, 80; XIX, 84; XXIV, 115; XXV, 119; XXVI, 124—125, 127—128.

[49] Выражаем глубокую признательность С. А. Плетневой за предоставленные фотографии этих скульптур.

[50] *А. С[пицын].* Некоторые новые приобретения Саратовского музея. Изв. Археологической комиссии, вып. 53, Пг., 1914, стр. 106, рис. 38.

[51] *С. А. Плетнева.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, I, 1958, стр. 207 сл.; *Г. А. Федоров-Давыдов.* Ук. соч., стр. 186.

[52] *Л. Р. Кызласов.* История Тувы, стр. 30—31, рис. 5—6.

представляющих собой, по мнению исследователей, портреты знатных орхонских тюрков [53]. Можно предположить, что прииртышский образец также является поминальным портретом одного из потомков центральноазиатских тюрок, поскольку об их пребывании на территории Прииртышья во время военных походов сообщают надгробные эпитафии в честь Тоньюкука и Бильге-кагана. Так, в тексте одной из них имеются слова: «Тоньюкук повел войска через реку Иртыш и до зари дошел до Болчу» [54]. Описывая походы Бильге-кагана на тюргешей, летописец сообщает его маршрут, пролегавший, в частности, «... через Алтунскую чернь...» и «... через реку Иртыш» [55].

Включение данного изваяния во вторую хронологическую группу обусловлено стилистическими особенностями в трактовке силуэта, выраженными обобщенностью форм и схематизацией изображенных атрибутов.

Таким образом, судя по приведенным аналогиям, каменные изваяния второго типа более поздние, чем скульптуры первой группы, и являются памятниками кимаков-кипчаков, расселявшихся в районе Прииртышья с VIII по XIII в. н. э. О существовании обычая увековечивать в камне портреты кимаков имеется свидетельство Г. Рубрука, писавшего в XIII в., что «... команы (одно из названий кимаков и кипчаков.— *Ф. А., А. Ч.*) насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя перед пупком чашу» [56]. У казахов, как и у многих других современных тюркоязычных народов, существовал обычай заменять покойника на поминках деревянной куклой [57]. Эту куклу в одеждах умершего сажали между гостями, угощали едой и питьем. Не исключено, что этот обряд был унаследован казахами от кимаков и кипчаков, совершавших, по всей вероятности, аналогичные действия во время тризны. Только место покойного у кимаков занимала не «деревянная кукла», а каменное изваяние, исполненное, кстати сказать, с чашей в руках.

Вопросы происхождения и назначения каменных изваяний нельзя рассматривать без учета узколокальных особенностей. И вполне закономерно, что распространенный в древнетюркском обществе обычай сооружать статуи из камня на могиле вождя эволюционировал в кимакской среде по-своему, в соответствии с устоявшимися здесь традициями и местными условиями. Являясь отражением религиозных воззрений кимакских племен, большинство статуй представляют собой и значительную художественную ценность. Каждая из них — это неповторимый образ, наделенный индивидуальными чертами, присущими лишь конкретному лицу. Типологическое изучение каменных изваяний с точки зрения иконографии в сравнении с местным антропологическим материалом из синхронных погребений позволит, на наш взгляд, в дальнейшем осветить определенный круг вопросов раннесредневековой истории Казахстана не только частного, но и общего характера.

---

[53] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., стр. 88, рис. 27—28.

[54] *А. Н. Бернштам.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок. 1946, стр. 44.

[55] *С. Е. Малов.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, 1959, стр. 11—12.

[56] *Г. Рубрук.* Ук. соч., стр. 102.

[57] *А. Левшин.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей, III, СПб., 1832, стр. 110.

F. Kh. Arslanova, A. A. Tcharikov

IDOLES EN PIERRE DU HAUT COURS D'IRTYCH

Résumé

L'article est consacré à la publication des idoles en pierre découvertes ces dernières années sur le territoire du Kazakhstan oriental. En se fondant sur l'éxamen des ornements, habits, coiffes, récipients, ceintures, objets d'armes figurant sur les idoles, les auteurs ont divisé l'ensemble en deux groupes chronologiques: VII — VIII siècles de n. è. (tables I, II) et IX — X siècles de n. è. (tables III, IV). Le premier groupe comptant 8 idoles est identifié aux Turques T'ou — Kiue, le deuxième, comportant 13 sculptures — aux tribus des Kimaks — Kiptchaks. Deux tumuli flanqués du côté oriental de 2 et 5 statues sont, de l'avis des auteurs, des édifices cultuels ayant trait au rite sacrificatoire. Les parallèles éthnographiques dans la culture matérielle (similitudes des coiffes et des habits) et spirituelle (persistance de certaines particularités du rite funéraire) donnent lieu à supposer une certaine succéssibilité entre les tribus peuplant le bassin d'Irtych en haut moyen âge et les Kazakhs d'aujourd'hui.

Заметки

В. Я. СЕРГИН

О РАЗМЕРЕ ПЕРВОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЖИЛИЩА В ЮДИНОВЕ

Округлые наземные жилища, сооруженные с широким применением костей мамонта — «костяные», как можно назвать их для краткости,— составляют наиболее изученную группу палеолитических жилищ. Из них юдиновское жилище было первым, остатки которого не сочли за кучу кухонных отбросов или ритуальное скопление костей (как случилось с жилищами Кирилловского, Мезинского, Гонцовского, Супоневского и Елисеевичского поселений) и изучали вполне осознанно. Остатки юдиновского жилища представляли более сложную картину, чем та, которая наблюдалась на палеолитических поселениях, раскопанных позднее. В результате истолкование некоторых существенных особенностей жилища и бытовой обстановки с самого начала уклонилось с верного пути и не было исправлено впоследствии.

Раскопки жилища и прилегающего участка производились К. М. Поликарповичем в 1947 и 1961 гг. Однако по состоянию здоровья он не смог обработать и опубликовать материалы 1961 г. На основании первого года исследований К. М. Поликарпович считал, что им вскрыта часть жилища, окруженная стенкой из черепов, костей конечностей и плоских костей мамонта. Длина стены по внешней стороне 9,46 *м*, ширина 8,93 *м* (рисунок). Юго-восточный край жилища, по мнению К. М. Поликарповича, остался за пределами раскопа (т. е. был докопан в 1961 г.). Длина постройки в целом реконструировалась им равной 13 *м*[1]. Учитывая наличие на внутреннем пространстве жилища вкопанных черепов мамонта, К. М. Поликарпович высказал предположение о существовании стен, разделявших жилище на несколько помещений[2].

К материалам юдиновского жилища не раз обращался В. Д. Будько. Чего-либо принципиально нового в его понимание он не внес. Размеры жилища предполагаются им равными 10×17 *м*, число внутренних помещений семь. Одно из них было занято очагом[3]. Других попыток осмыслить юдиновские материалы пока сделано не было, хотя истолкование, предложенное К. М. Поликарповичем и В. Д. Будько, не согласуется со сведениями о «костяных» жилищах.

На поселениях, близких Юдиновскому по культуре, наибольший диаметр внешнего обвода костяной обкладки отмечен пока у жилищ Аносовки II и поселения Замятнина — около 8 *м*[4]. У гонцовского жилища он

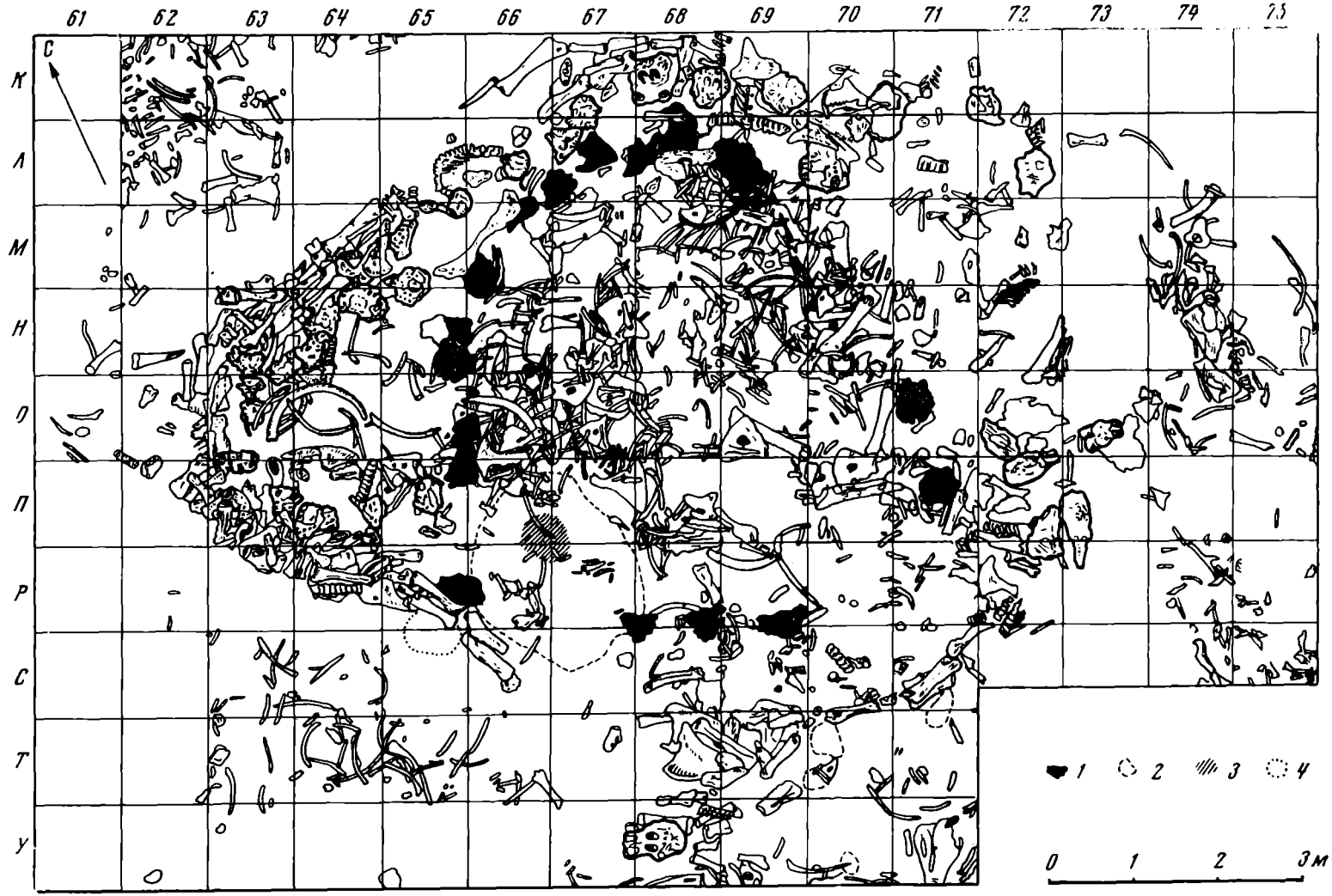
---

[1] *К. М. Поликарпович.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968, стр. 152—153.

[2] Там же, стр. 155.

[3] См., например, *В. Д. Будько.* Верхний палеолит северо-запада Русской равнины. ДБ, Минск, 1966, стр. 13.

[4] *А. Н. Рогачев.* Палеолитические жилища и поселения. «Каменный век на территории СССР». М., 1970, рис. 6; *П. И. Борисковский.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. МИА, 121, 1963, рис. 5, 17.



План комплекса в раскопе 2 Юдиново I

1 — черепа мамонтов, ограждающие остатки жилища; *2* — очажные пятна; *3* — очаг; *4* — современная яма.

Черные пятна на костях — отверстия, пробитые первобытными людьми. Линии квадратов 61—71 раскапывались в 1947 г., остальные — в 1961 г.

равен около 6 *м*[5], у мезинского и первого межиричского 5,5 *м*[6], у добраничевских жилищ несколько более 4 *м*[7]. Все это очень далеко и от 17 и от 13 *м*. Существенно также, что диаметр внешнего обвода обкладки второго юдиновского жилища (раскопы 1, 3) равен не более 5 *м*[8].

Черепа мамонтов иногда находят внутри жилищ. В этом случае число их невелико. Так, внутри мезинского жилища встречено три черепа, внутри первого межиричского — четыре. Исходя из положения черепов, исследователи справедливо считают их выпавшими из ограждения[9]. В упомянутом межиричском жилище один череп входил в состав очажного приспособления. И это единственный случай, когда череп оказался внутри жилища в связи с конструктивной надобностью. Сколько-нибудь серьезных оснований для реконструкции внутренних перегородок по положению костей пока нет. Поэтому наличие около 20 вкопанных черепов внутри юдиновского жилища скорее должно служить поводом для пересмотра очертаний постройки.

В архиве сектора археологии Института истории АН БССР имеется чертеж, не отмеченный архивным шифром, но с полной очевидностью отражающий раскопки, произведенные К. М. Поликарповичем в 1961 г. Добавив к неоднократно публиковавшемуся чертежу раскопок 1947 г. четыре линии квадратов по чертежу 1961 г., мы получили полную картину скопления костей (рисунок). Длина его оказалась равной 11—13 *м*. Бросается в глаза, что предполагаемая стена жилища уже в пределах раскопа 1947 г. становится более разреженной или даже слагается не из черепов (кв. К-71; С-70, 71). К. М. Поликарпович думал, что эти участки стены еще в древности были разрушены. А кости на кв. Т-68, 69, по его мнению, могли переместиться из промежутка в ограждении на кв. С-66, 67[10]. В пределах раскопа 1961 г. ограждение еще в большей мере теряет регулярность и мощность. Основная часть черепов расположена здесь тесной хаотичной группой на кв. О-Р, 72—73.

Таким образом, если подходить строго, правильное ограждение оконтуривает лишь северную часть скопления костей. В других «костяных» жилищах столь разительного различия в сложении стен не наблюдается. Везде, даже при значительно меньшем числе черепов, их размещение по периметру довольно равномерно. И закреплялись на месте они одним и тем же способом[11].

Если же линию стен юдиновского жилища поставить в связь с черепами, которые рассматриваются как основания перегородок (рисунок), то очертания жилища приобретут правильность, свойственную всем «костяным» жилищам. Их стены в плане никогда не образуют углов, подобных тому, который имеется в западной части юдиновского скопления костей. Внутреннюю площадь жилища диаметром около 5 *м* окружало 17 черепов мамонта. Все они врыты в землю носовыми частями и обра-

---

[5] *В. Щербаківський.* Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях Лубенського повіту в 1914—1915 рр. «Записки Українського наукового товариства дослідування й охорони памяток старовини та мистецьтва на Полтавщині», вып. 1. Полтава, 1919, стр. 68.

[6] *И. Г. Шовкопляс.* Мезинская стоянка. Киев, 1965, рис. 16; *И. Г. Пидопличко.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969, рис. 43.

[7] *И. Г. Шовкопляс.* Добраничевская стоянка на Киевщине. МИА, 185, 1972, рис. 1—4.

[8] *В. Д. Будько.* Ук. соч., рис. 1.

[9] *И. Г. Шовкопляс.* Мезинская стоянка, стр. 47; *И. Г. Пидопличко.* Ук. соч., стр. 124.

[10] *К. М. Поликарпович.* Ук. соч., стр. 151—152. Буквенно-цифровые обозначения квадратной сетки нами даны по воспроизведению раскопа 2. (См. *А. Н. Рогачев.* Ук. соч., рис. 5).

[11] *И. Г. Шовкопляс.* Ук. соч., рис. 16, 22—23; *его же.* Добраничевская стоянка на Киевщине, рис. 2—3; *А. Н. Рогачев.* Ук. соч., рис. 6; *И. Г. Пидопличко.* Ук. соч., рис. 14, 20, 44, 45, стр. 120.

щены лобной стороной внутрь образуемой ими окружности[12]. Это как раз и является наиболее характерным приемом строительства «костяных» жилищ.

Нагромождение ребер мамонта в раскопе 2 вслед за К. М. Поликарповичем можно связывать с использованием их в конструкции перекрытия[13]. Нетрудно заметить, что скопление ребер четко ограничено вновь намечаемыми пределами жилища. Чем же в таком случае являлся мощный костяной панцирь, охватывающий северную часть жилища? По всей вероятности, это основание защитного сооружения, подобного изученному в Мезине и в Елисеевичах, но в Елисеевичах принятому за «ход»[14]. Ввиду того, что древняя поверхность на раскопе 2 повышалась в южном направлении, сооружение не могло служить защитой жилища от сточных вод. Если же принять во внимание расположение его к северу от жилища, то остается предположить, что оно служило для утепления. Пока трудно судить, каким был первоначальный его вид. Попутно отметим, что и черепа, непосредственно ограждающие жилище, с северной стороны расположены плотнее.

Сооружение состоит из трех частей: западной, северной и восточной. Это может свидетельствовать о том, что возводилось оно не сразу. Для последних двух частей выявляется общность планировки. В северо-восточной стороне они вплотную примыкают к ограждению жилища и расходятся в виде крыльев к западу и востоку, в равной мере отдаляясь от стен жилища. Эти части «панциря», служившие для защиты основания жилища от северных и северо-восточных ветров, вероятно, появились первыми. Затем пристроили западный отрезок. Он мог защищать основание жилища не только от продувания ветром, но и от проникновения сточных вод. Полоса костей, расположенная южнее жилища (от кв. Т-68 до кв. О-72, 73), возможно, осталась от завалинки. Во всяком случае вместе с некоторыми соседними костями она должна была входить в конструкцию, предохраняющую жилище от сточных вод.

В. Д. Будько считает, что жилище было углублено в грунт на 0,6—0,7 *м*[15]. Исходя из новых представлений о комплексе, трудно усмотреть какую-либо целесообразность в углубленности всей площадки 10×17 *м*. Наблюдения К. М. Поликарповича достаточно надежно показывают, что углубленность отсутствовала. Им отмечено, что нижняя часть черепов уходит под тонкую темную прослойку, которая является, судя по всему, древней дневной поверхностью[16], т. е. зафиксировано лишь вкапывание костей, что подтверждается исследованием целого ряда других «костяных» жилищ.

Очаг располагался в юго-западной части жилища. Широкий шлейф углисто-зольной массы протянулся до промежутка в ограждении и частично вышел вовне. Очевидно, здесь был вход в жилище. Так же был расположен очаг в первом добраничевском жилище[17]. Юдиновский очаг имел вид плоской тарелки с несколько приподнятыми краями, диаметром не более 0,6 *м*. Он был заполнен перегоревшей костной массой толщиной до 12—15 *см*. На рисунке он локализован по описанию, что неизбежно связано с некоторой погрешностью. К. М. Поликарпович указал, что очаг

---

[12] *К. М. Поликарпович.* Ук. соч., стр. 161—165; *его же.* Отчет об исследовании Юдиновской палеолитической стоянки в 1947 году. Архив ИА АН СССР, р-I, № 2377, лл. 60—67; № 2377а, рис. на л. 3.

[13] *К. М. Поликарпович.* Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 155. Однако малоубедительным представляется мнение К. М. Поликарповича, что из ребер, связывая их, сооружали сам остов жилища.

[14] *И. Г. Шовкопляс.* Мезинская стоянка, стр. 54—57; *К. М. Поликарпович.* Работы по палеолиту в Западной области. СА, 1940, V, стр. 287—288.

[15] *В. Д. Будько.* Ук. соч., стр. 12.

[16] *К. М. Поликарпович.* Палеолит Верхнего Поднепровья, стр. 165—166.

[17] *И. Г. Пидопличко.* Ук. соч., рис. 20, 21.

располагается на кв. П, Р — 66, 67 [18]. В описи кремневых материалов, собранных в 1947 г., по отношению кв. П-66 (по описи кв. 30) один раз отмечено: «очаг», а другой раз указывается на большое количество костного угля. Очаг отмечен также на кв. Р-67 (кв. 81 по описи), но без упоминания о количестве костного угля [19]. Отсюда наиболее вероятно, что значительная часть очага располагалась на кв. П-66.

Для суждения о юдиновском комплексе важное значение имели бы сведения о распределении кремня и других предметов. Но раскопки не были вполне закончены. По данным упомянутой описи, кремень встречался довольно равномерно по всему раскопу 2, до 25 экз. на 1 $м^2$.

Таким образом, юдиновское жилище имело внутренний диаметр около 5 *м*. Выкладки из костей мамонта, принимаемые за стены, вероятнее всего остатки сооружений, служивших для утепления жилища и защиты его от сточных вод. В целом жилище и дополнительные конструкции вполне аналогичны постройкам подобного рода на других поселениях, близких по культуре. Но есть и своеобразие. Оно проявляется, например, в особенностях дополнительных сооружений. Еще более своеобразно широкое использование в конструкции жилища ребер и крупных костей мамонта со специально пробитыми отверстиями.

---

[18] *К. М. Поликарпович.* Ук. соч., стр. 153.

[19] Для описи использовано несколько школьных тетрадок, не имеющих архивных шифров. Внутри тетрадки, из которой взяты сведения, значится: колл. опись № 2560. Опись хранится в архиве сектора археологии Института истории АН БССР.

Л. И. ХЛОПИНА

НОВЫЙ ТИП ОРУДИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ

(Южная Туркмения)

Среди керамического материала поселения эпохи поздней бронзы Теккем-депе (раскопки 1972 г.) [1] оказалось три интересных фрагмента. Они обработаны сколами с двух сторон и по форме напоминают скребки (рис. 1).

1. Обломок венчика красноглиняной хумчи диаметром 16 *см*, обжиг хороший. По нижнему полукруглому краю нанесены сколы, направленные от излома к венчику. Получился заостренный с двух сторон рабочий край. С внутренней стороны черепка сколов больше, чем с внешней (рис. 2, *1*).

2. Часть венчика светлоглиняной миски диаметром 38 *см*, обжиг хороший. Нижний полукруглый край обработан двусторонними сколами, направленными от излома вверх к венчику, вследствие чего рабочий край оказался заостренным. Внутренняя поверхность черепка имеет больше сколов, чем внешняя (рис. 2, *2*).

3. Фрагмент венчика красноглиняной чаши диаметром 26 *см*, обжиг хороший. Прямой нижний край черепка с внешней стороны обработан крутыми сколами. Внутренняя поверхность сколота целиком (рис. 2. *3*).

Изучение перечисленных обломков при помощи бинокулярной лупы [2] подтвердило их первоначальное визуальное определение. На рабочем крае хорошо видны следы (особенно на первых двух черепках; рис. 2, *1, 2*),

---

[1] С 1970 г. на поселении ведет работы А. Я. Щетенко. Благодарю автора раскопок за разрешение опубликовать находки.

[2] Исследование проведено Н. Н. Скакун в Лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР.

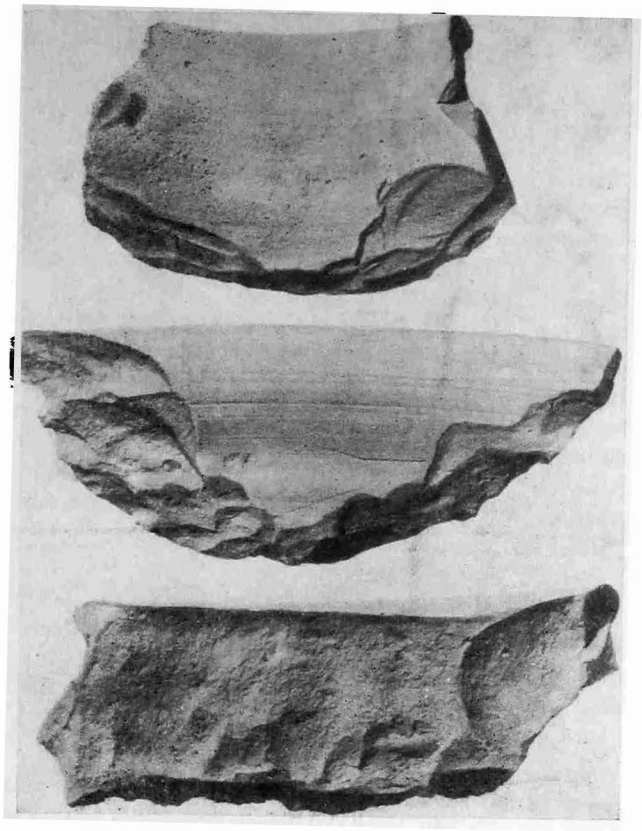


Рис 1. Керамические скребки с поселения Теккем-депе (фото)

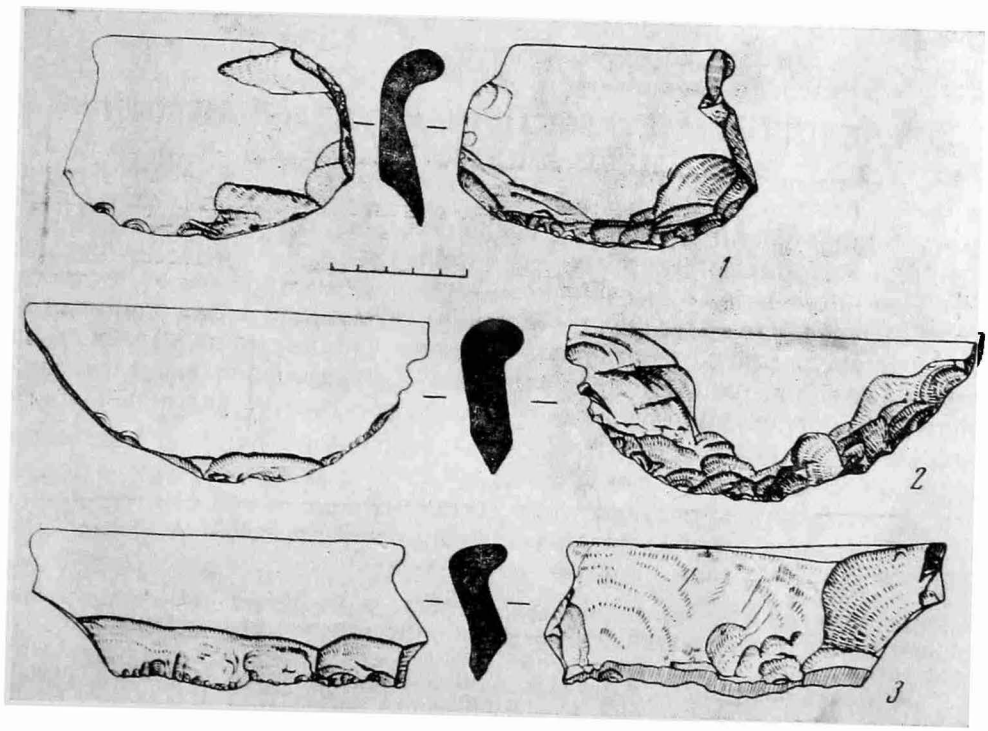


Рис. 2. Керамические скребки (рисунок)

полученные при обработке шкур и кож. Скребок во время работы двигался в направлении «к себе». Только в этом случае его удобно держать за отгиб венчика.

В Южной Туркмении в эпоху неолита для обработки шкур широко использовались скребки из кремня и лопаточных костей животных [3]. В эпоху энеолита и бронзового века такие скребки практически неизвестны. Правда, некоторые каменные наконечники стрел из Алтын-депе при их вторичном использовании служили скребками, но это чрезвычайно редкое явление (из 65 наконечников только три употреблялись в качестве скребков) [4].

Находки на Теккем-депе проясняют вопрос о том, чем обрабатывались шкуры и кожи в эпоху бронзы. Можно предполагать, что такие инструменты могли существовать не только на других одновременных поселениях, но и в более раннее время. Из всего этого с несомненностью вытекает, что впредь следует более внимательно относиться к керамическому бою. Видимо, в дальнейшем при изучении фрагментов от крупных неорнаментированных сосудов хозяйственного назначения можно будет найти и другие орудия труда, столь необходимые в повседневной жизни древних земледельцев.

Аналогий публикуемым керамическим скребкам пока нет ни в Средней Азии, ни на Среднем Востоке. Обнаружение вторичного использования керамического боя в качестве материала для изготовления самостоятельных узкоспециализированных орудий является новым шагом в изучении орудий труда эпохи бронзы Средней Азии.

---

[3] *Г. Ф. Коробкова.* Определение функций костяных и каменных орудий с поселения Джейтун по следам работы. Тр. ЮТАКЭ, X. Ашхабад, 1961, стр. 110.

[4] *Н. Н. Скакун.* Функциональное исследование каменных наконечников стрел эпохи бронзы. «Каракумские древности», IV. Ашхабад, 1972, стр. 161.

А. П. ЖУРАВЛЕВ

ДРЕВНЕЙШАЯ МАСТЕРСКАЯ ПО МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ МЕДИ В КАРЕЛИИ [1]

В настоящее время в Карелии раскопано значительное число древних поселений, материалы которых свидетельствуют о весьма раннем знакомстве их обитателей с металлом. Такими памятниками, в частности, являются Деревянное I [2], Оровнаволок [3], Вигайнаволок I [4], Сандермоха I и другие, где среди прочего материала найдены единичные изделия из меди: проколки, крючки, пластинки, украшения, что позволило исследователям совершенно обоснованно говорить о знакомстве древних племен Карелии с медью [5].

---

[1] Доклад прочитан на Пленуме ЛОИА АН СССР (7 апреля 1971 г.).

[2] *Н. Н. Гурина.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.— Л., 1961, стр. 276—290.

[3] *Н. Н. Гурина.* Энеолитические поселения у Повенца Медвежьегорского района. Археологический сборник. Петрозаводск, 1947, стр. 74; *ее же.* Поселения неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, 20, 1951, стр. 118—151.

[4] *Г. А. Панкрушев, А. П. Журавлев.* Стоянка Вигайнаволок I. В сб. Новые памятники истории древней Карелии. М.— Л., 1966, стр. 152—177.

[5] *Н. Н. Гурина.* Энеолитические поселения..., стр. 85, *ее же.* Древняя история..., стр. 290; *Г. А. Панкрушев.* Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.— Л., 1964, стр. 118.

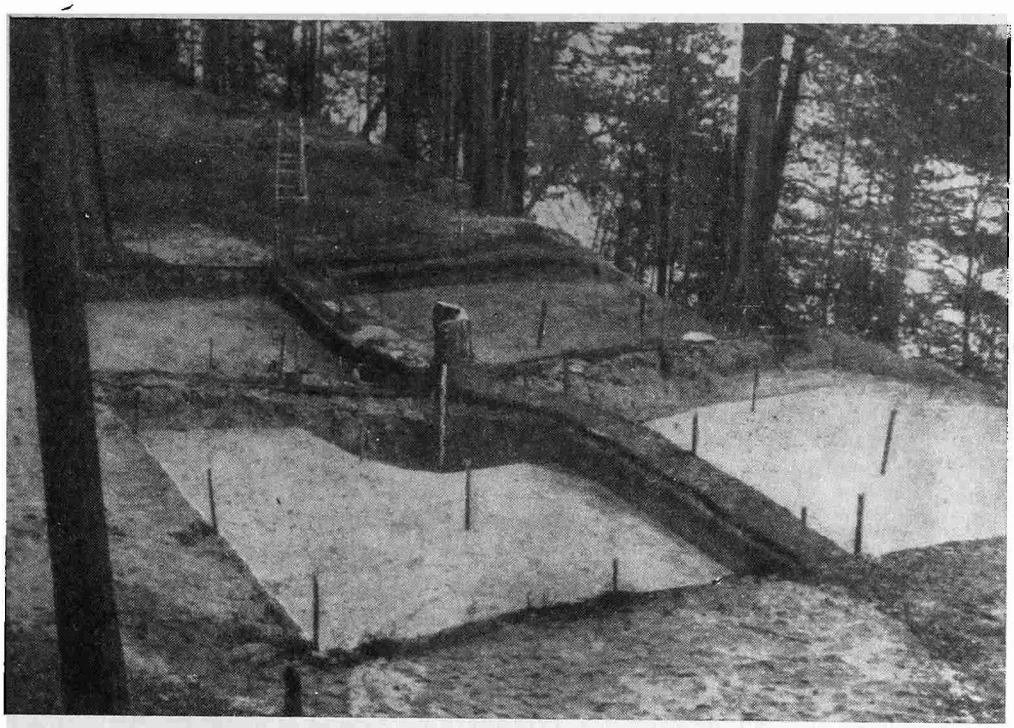


Рис. 1. Раскоп на стоянке Пегрема I

Новые интересные сведения, проливающие свет на проблему древнейшей металлообработки меди в Карелии, получены в процессе раскопок стоянки Пегрема I [6].

Стоянка Пегрема I расположена на западном берегу Уницкой губы Онежского озера, в 1,5 *км* к северу от одноименного поселка, занимает восточную часть высокой песчаной террасы, примыкавшей в древности непосредственно к Онежскому озеру. Высота террасы над современным уровнем воды в озере 9,6 *м*. Поселение тянется вдоль берега озера с севера на юг, занимает площадь около 5000 $м^2$ (длина 150 *м*, ширина 25, местами 35 *м*). На древней поверхности отчетливо прослеживаются девять округлых впадин диаметрами 6—12 *м* и шесть впадин диаметрами 1,5—2 *м*. В 1970 г. на стоянке был заложен раскоп площадью 80 $м^2$, в его пределы вошла впадина диаметром 7 *м* (рис. 1).

Стратиграфия стоянки: дерн 3—5 *см*; серый подзол толщиной 5—7 *см*, ниже — желтый песок с красноватым оттенком (культурный слой) 35—40 *см;* подстилающий слой — светло-желтый песок. Стратиграфия во впадине несколько иная: дерн 2—5 *см*, серый подзол 15—20 *см*, желтый песок с красным оттенком (культурный слой) 38—45 *см*, под ним залегает темногумусированный спекшийся песок в форме подчетырехугольной линзы, занимающий центр впадины, площадью 25 $м^2$ (длина южной стороны 5,5 *м*, северной — 4,5 *м*, западной — 4,5 *м*, восточной — 4 *м*), ниже — подстилающий светло-желтый песок.

На поверхности линзы находилось множество предметов: в центре — печь, выложенная из кварцитовых плит. На дне печи находились зола и мелкий уголь. Несколько к северо-востоку от нее лежала гранитная плита, около нее — круглые галки, пластинки и кусочки меди, разложившиеся медные изделия, обломок тигелька. Вокруг печи собрано 1424 фрагмента керамики, два сланцевых тесла, пять обломков рубящих орудий, 10 обломков кварцитовых шлифовальных плит. В 2,2 *м* к юго-западу от печи

[6] *А. П. Журавлев.* Роскопки в Карелии. АО — 1971, М., 1972, стр. 15—16.

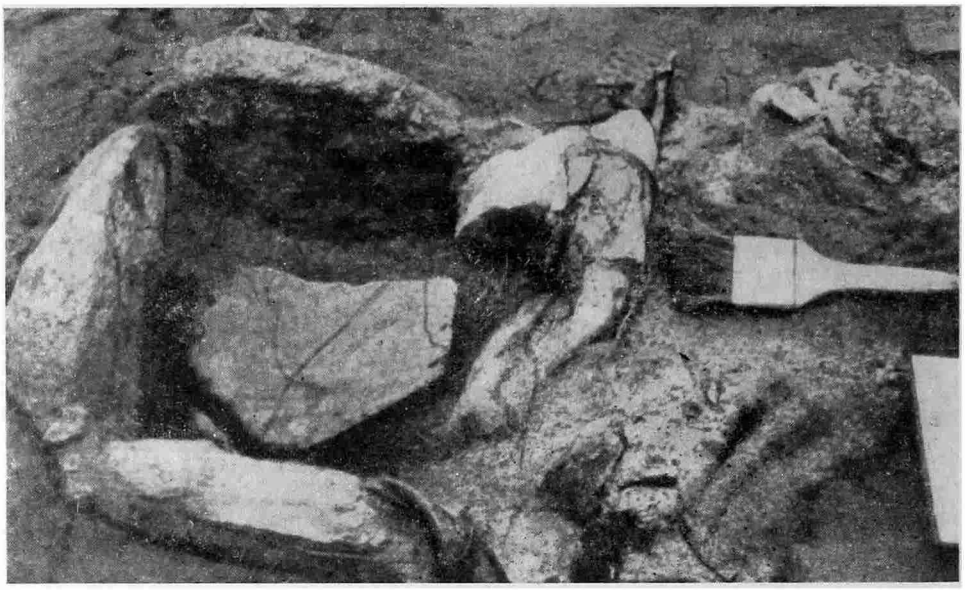


Рис. 2. Медеплавильня

на небольшой площади найдено 116 мелких отщепов сланца, 22 осколка кварца.

Рассмотрим материал подробнее. Печь (рис. 2) состоит из четырех кварцитовых плит, поставленных на ребра в форме ящика, размерами 40 × 40 *см* и высотой 25 *см*. Объем печи 0,032 $м^3$. Ее стенки имеют следующие размеры: юго-восточная (29 × 17 × 7 *см*), юго-западная (30 × × 17 × 5 *см*), северо-западная (29 × 20 × 7 *см*), северо-восточная (23 × 15 × 5 *см*). На дне печи находилась еще одна плита размерами 22 × × 14 × 4 *см*. Верхняя сторона ее имеет ровную поверхность, нижняя — овальную форму. Думается, что плита использовалась в качестве крышки печи. У северо-западного угла печи лежало 10 обожженных кусков кварцита от некогда вышедшей из строя стенки. К юго-восточному углу печи в спекшемся песке прослежен канал диаметром 12—17 *см* и длиной 80 *см*. Вероятно, он использовался для дутья, здесь же найдены спекшиеся кусочки глины, перемешанной с песком, служившие, очевидно, обмазкой. В 1,5 *м* к северо-востоку от печи лежала гранитная плита с мелкими и глубокими выбоинами на верхней стороне [7], остальные стороны никаких следов сработанности не имеют. Ее размеры: длина 17 *см*, ширина 13 *см*, толщина 3 *см* [8]. На плите найдена медная пластинка, подле нее — еще 17 пластинок, пять кусочков меди, два обломка кованых медных изделий (проколки?). С другой стороны у плиты найдено 12 небольших круглых галек, у четырех из них сбитые грани (рис. 3). Характер сбитостей свидетельствует о том, что гальки использовались в качестве молотков при ковке меди.

У печи найден обломок тигелька с сильно шлакованной поверхностью, на трех фрагментах керамики обнаружены каплеобразные кусочки меди. Сохранилось еще 12 сильно разложившихся медных изделий, восстановить которые не представляется возможным.

Таким образом, все находки, оставшиеся на полу сооружения: печь, наковальня с молоточками, кованые медные изделия и их обломки, облом-

[7] В некоторых выбоинах обнаружены следы медной окиси (микроскопический анализ наковальни проделан в Институте геологии Карельского филиала АН СССР С. А. Рыбаковым).

[8] Аналогичные каменные наковальни известны в археологической литературе. См., например, *И. И. Артеменко*. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967, стр. 51.

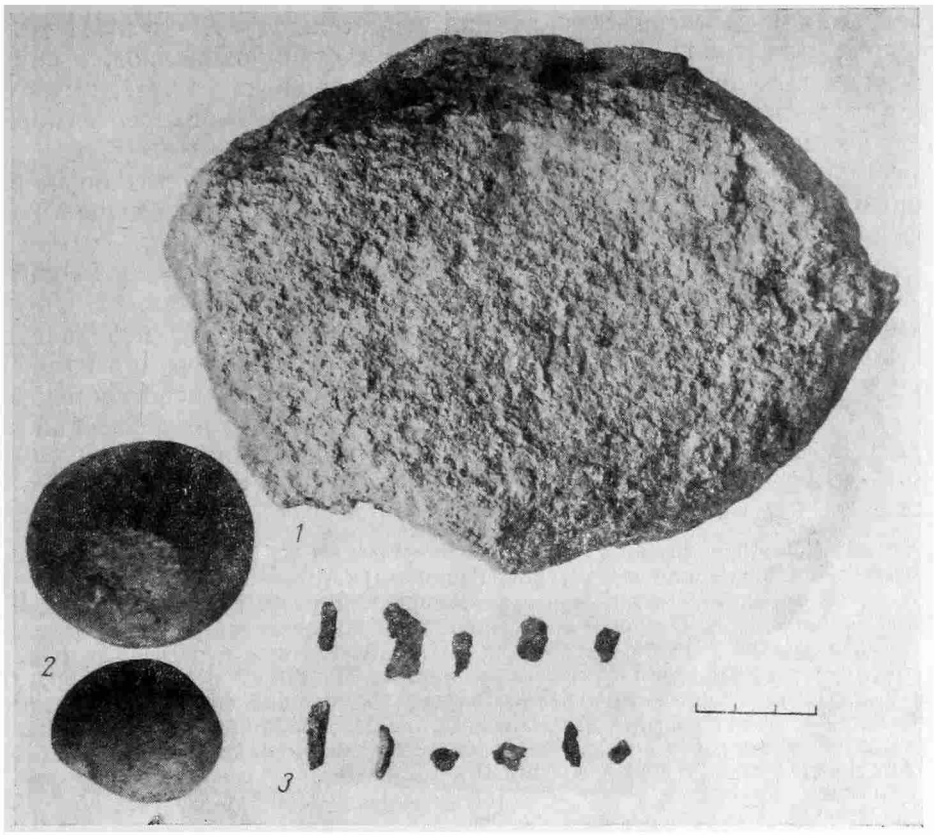


Рис. 3. Инвентарь мастерской.

1 — наковальня; *2* — молоточки; *3* — обломки медных изделий

ки тиглей с капельками меди, позволяют квалифицировать данное сооружение как мастерскую по обработке меди, где переплавка металла производилась в специальной медеплавильне — печи, в небольших глиняных сосудиках — тигельках.

Интересно, что кроме обработки меди в мастерской (в юго-западном углу) производилась вторичная оббивка сланцевых рубящих и кварцевых орудий. Там найдены мелкие отщепы и осколки сланца и кварца, шлифовальные плиты и каменные орудия, из которых особого внимания заслуживают тесла, изготовленные из высококачественного зеленоватого сланца.

Можно предположить, что в качестве тиглей использовались сосуды бытового назначения [9].

Примитивная плавка меди, бронзы в сосудах бытового назначения на заре металлургии была широко распространена на территории лесной полосы Европейской части СССР [10].

---

[9] Следы плавки меди в сосудах бытового назначения обнаружены и на других стоянках: на Сандермохе I, за пределами Карелии, значительно севернее фрагмент шлакованного сосуда с приставшими к нему капельками бронзы найден на Кольском полуострове в погребении у р. Варзуги против с. Кузомень (*Н. Н. Гурина.* Работы Кольской археологической экспедиции АО — 1969, М., 1970, стр. 6, 7).

[10] *Л. Я. Крижевская.* Сосуд ананьинского времени для плавки металла. КСИИМК, 77, 1959, стр. 109—112; *ее же.* Археологические исследования в Башкирии. КСИИМК, 51, 1953; *К. В. Сальников.* Следы древней металлургии в районе Свердловска. Материалы II научной конференции по истории Екатеринобурга — Свердловска, 1950, стр. 220—222; *Е. М. Берс.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1954, стр. 74.

Раскопанная в Пегреме мастерская свидетельствует, что в III тысячелетии до н. э. в зоне обитания племен рыболовов-охотников, в районах северных и отдаленных на тысячи километров от металлургических центров возникает новый центр металлообработки. Для этого в Карелии имелись все необходимые условия [11].

Раскопки мастерской в Карелии дают возможность судить более определенно о характере древнейшей обработки меди на севере нашей страны во второй половине III тысячелетия до н. э. Эта мастерская — самая ранняя в Карелии; по размерам и по форме она напоминает позднеэнеолитические жилища, раскопанные в Карелии на многих поселениях.

Одновременно с обработкой меди и производством из нее изделий в мастерской изготовлялись сланцевые рубящие орудия и орудия из кварца. Медные изделия изготовлялись ковкой, причем сохранялись приемы, заимствованные от техники обработки камня — оббивка, для обработки меди применялись каменные молоточки, каменные наковальни.

По C^{14} стоянка Пегрема I датирована III тысячелетием до н. э. [12].

---

[11] Выходы самородной меди обнаружены геологами на скалистых берегах Онежского озера (Кондопожский полуостров, Заонежье). Археологические данные свидетельствуют об использовании в энеолите самородной меди. Ее кусочки найдены на стоянках Сандермоха I, Пегрема I, Деревянное I. Многочисленные залежи оруденелых диабазов (мандельштейн, порфирит), а также жильные акцессорные минералы (пирит, борнит, халькопирит) открыты на берегах Онежского озера, Сегозера, Ондозера и т. д. Сейчас отсутствуют факты, свидетельствующие об умении энеолитических жителей Карелии добывать медь из руды. Наша ближайшая основная задача — расширение полевых работ с целью выявления древних медных рудников в Карелии.

[12] Анализы сделаны в ЛОИА АН СССР и в Институте зоологии и ботаники г. Тарту: 3030 ∓ 60 (ЛЕ — 1029); 3085 ∓ 110 (ТА — 541); 2760 ∓ 50 (ТА — 492); $2230 \mp \mp 50$ (ТА — 493).

Э. В. ШАВКУНОВ

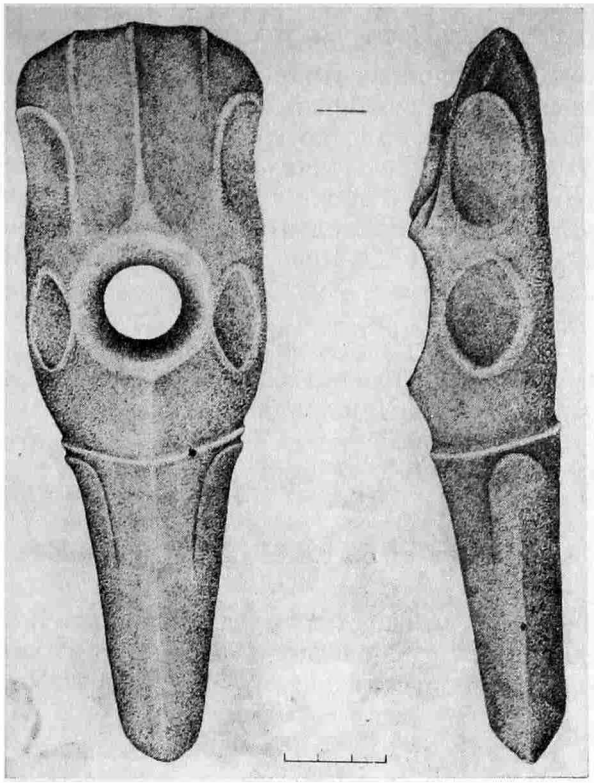
КАМЕННЫЙ ЧЕКАН ИЗ ЮЖНОГО ПРИМОРЬЯ

В начале 1971 г. в сектор археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР сотрудницей Уссурийского городского музея М. С. Сергейко было доставлено интересное орудие — каменный чекан в виде головы водоплавающей птицы чомги (рисунок). Чекан имеет два рабочих конца. Один из них — клюв чомги — представляет собой ромбический в сечении клиновидный боек. Обушок оформлен в виде хохолка чомги. Ширина лезвия 7,3 *см*. Длина чекана 22,3 *см*. Оба рабочих конца несколько сработаны и, судя по всему, никогда не подправлялись. Глаза чомги оформлены в виде двух овальных углублений, расположенных по бокам проушного отверстия. Поверхность чекана сохранила следы подшлифовки и остатки темно-бурой (цвета ржавчины) краски, что в общем-то соответствует естественной окраске головы чомги.

К сожалению, никаких сведений о месте и обстоятельствах находки чекана не сохранилось. Тем не менее некоторые косвенные данные позволяют предположить, что он обнаружен на территории Хасанского района в Южном Приморье. По определению кандидата геолого-минералогических наук С. А. Щеки, чекан изготовлен из оливинового габбро-кристаллического минерала зеленовато-серого цвета, который встречается преимущественно в Хасанском районе. В других районах Приморского края этот минерал встречается крайне редко. Тот факт, что чекан поступил в находящийся по соседству с Хасанским районом г. Уссурийск, подтверждает это предположение.

Учитывая уникальность чекана, а также отсутствие данных об условиях находки, вопрос о его датировке пока можно решить лишь весьма

приближено. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что проушные орудия в виде дисковидных каменных палиц[1] на территории Приморья известны пока только из поселений янковской (сидеминской) культуры, датируемых А. П. Окладниковым концом II — первой половиной I тысячелетия до н. э.[2]. В памятниках предшествующих эпох проушные орудия на Дальнем Востоке пока неизвестны. Это обстоятельство позволяет предположительно датировать публикуемый чекан эпохой раннего железа, что в целом соответствует времени наибольшего распространения чеканов на территории Южной Сибири[3].



Каменный чекан из Приморья

Говоря о соответствии предложенной нами датировки времени наибольшего распространения чеканов в Сибири, мы вправе ожидать возражения относительно правомочности такого сопоставления, поскольку, как это может показаться на первый взгляд, приморский чекан имеет как будто бы весьма существенные типологические отличия от сибирских. Однако если внимательно присмотреться к приморскому чекану, то нетрудно заметить, что в типологическом отношении он больше всего сближается с тагарскими[4]. Как и тагарские чеканы, приморский имеет прямой, ромбический в сечении (вблизи основания — шестигранный) клиновидный боек и рубчатый секировидный обушок. Только на приморском чекане обушок расположен не вдоль проушного отверстия, а поперек, что, видимо, продиктовано стремлением придать чекану как можно больше сходства с головой чомги. Находит объяснение и отсутствие у приморского чекана выступающей втулки. Дело в том, что чекан, хотя и сделал в подражение каким-то бронзовым оригиналам, изготовлен из-за отсутствия залежей медной руды в Приморье из камня, т. е. из материала, который в силу своих физико-механических свойств делает выступающую втулку абсолютно бесполезной (она при первой же попытке насадить чекан на рукоять обязательно сломалась бы). Как и тагарские чеканы, приморский выполнен в так называемом «зверином стиле». Интересно, что для тагарских чеканов характерны декоративные детали в виде голов хищных птиц, с которыми, судя по всему, ассоциировался этот вид оружия[5]. Что касается приморского чекана, то он оформлен в виде головы водоплавающей птицы, которая играла заметную роль в мифологии многих народов Сибири и Дальнего Востока. Очень важно также, что глаза чомги на приморском чекане выполнены в той же манере, что и глаза у птиц на тагарских изде-

[1] *А. П. Окладников.* Приморье в I тысячелетии до нашей эры. СА, XXVI, 1956, рис. 16, *1, 2.*

[2] Там же, стр. 90.

[3] *Н. Л. Членова.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 37.

[4] Там же, стр. 33, табл. 7, *15—16.*

[5] Там же, стр. 120.

лиях VI в. до н. э. (неглубокие овальные ямки, а не сквозные круглые отверстия, как у раннетагарских изделий) [6].

Все сказанное выше позволяет не только уточнить датировку приморского чекана, который, по всей вероятности, был изготовлен не раньше VI—V вв. до н. э., но и подтвердить вслед за А. П. Окладниковым существование в I тысячелетии до н. э. длительных и, очевидно, довольно прочных связей между племенами древнего Приморья и жителями степной полосы Забайкалья, Центральной Азии и Южной Сибири скифо-тагарского времени [7].

[6] Там же, стр. 115.

[7] *А. П. Окладников.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. МИА, 112, 1963, стр. 171—173, 183.

А. И. АЙБАБИН

ВАРВАРСКИЙ РЕЛЬЕФ ИЗ ФЕОДОСИИ

Среди множества предметов античного и средневекового времени, найденных в Феодосии в 1892—1896 гг. при строительстве Феодосийского порта, в Феодосийский музей древности [1] поступил известняковый камень,

Рис. 1. Лицевая сторона рельефа из Феодосии

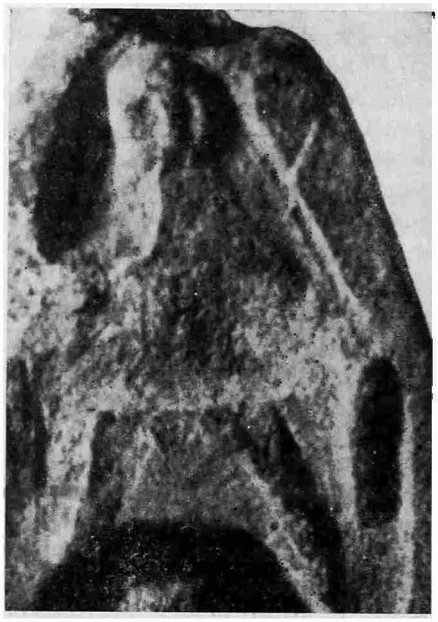


Рис. 2. Верхняя фигурка на лицевой стороне рельефа из Феодосии

украшенный рельефом. Он имеет форму, близкую пирамидальной (рис. 1). Верхушка отбита. Общая высота 22,5 *см*. Лицевая сторона камня слегка подтесана. Высота и наибольшая ширина лицевой поверхности 22 и 11 *см*. Основная часть ее заглублена на 14—20 *мм* вокруг выполненной в пло-

[1] Ныне Феодосийский краеведческий музей.

ском рельефе очень схематичной фигуры человека. Высота фигуры 14,5 *см*. Голова имеет округлую форму, нос исполнен в несколько более сильном рельефе, чем вся остальная фигура, глаза чуть заглублены. Плечевой пояс представляет собой треугольник, направленный вершиной вверх. Руки опущены вдоль туловища. Нижняя часть туловища с выступающим пупком тоже подтреугольная.

Над основной фигурой в той же технике сделана фигурка человека, держащего в левой руке продолговатый круглый предмет (рис. 2). Высота фигуры 5,7 *см*, глубина врезанности в камень 2—3 *мм*.

Прямых аналогий публикуемый предмет не имеет. По технике изготовления ему близки рельеф на плите с горы Опук (Керчь) [2] и на надгробной стеле из Поповки (Евпаторийский район) [3]. Феодосийский и керченский рельефы сближает также трактовка головы. По мнению А. П. Ивановой, рельеф с горы Опук изготовлен в Керчи в позднеримское время [4]. Рельеф из Поповки датируется I в н. э. [5] Видимо, приблизительно к этому же времени относится и Феодосийский рельеф.

[2] *А. П. Иванова.* Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950, рис. 10.
[3] *О. Д. Дашевская.* Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966—1969 гг. КСИА АН СССР, 130, 1972, рис. 3.
[4] *А. П. Иванова.* Ук. соч., стр. 247.
[5] *О. Д. Дашевская.* Раскопки Южно-Донузлавского городища..., стр. 69.

Н. И. АСТАШОВА

ЭНКОЛПИОН ИЗ ГНЕЗДОВА

Летом 1970 г. Смоленской археологической экспедицией МГУ при раскопках Гнездовского селища в верхнем, потревоженном пахотном слое был найден энколпион (рисунок).

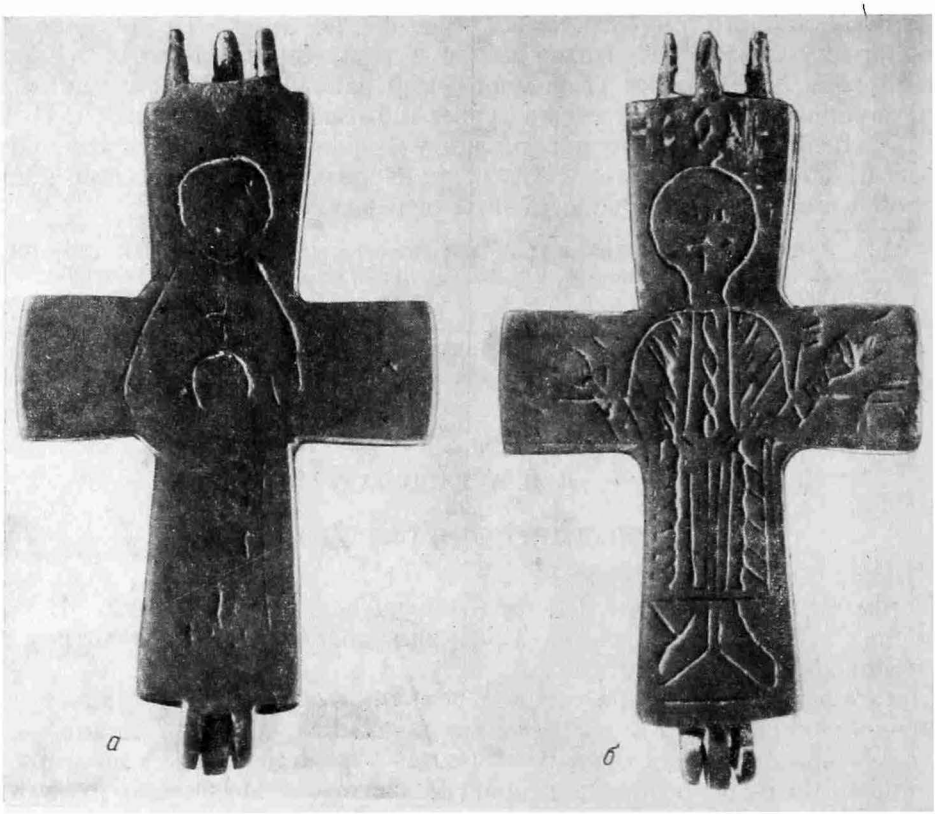
Обе створки энколпиона хорошо сохранились. Он представляет собой четырехконечный крест с чуть расширяющимися концами. Размеры креста 6,4×4,4 *см*. На створках имеются гравированные изображения. На лицевой стороне изображена фигура святого с воздетыми руками без нимба. Над его головой надпись: IOANHC. Черты лица святого выполнены примитивно. Глаза изображены в виде цифры 8, нос обозначен прямой линией, рта нет. Изображение сохранилось удовлетворительно: достаточно четко видны поднятые вверх руки с узкими кистями. Одежда святого украшена жгутовым орнаментом. С оборотной стороны креста предполагалось, видимо, изобразить богоматерь. Виден контур головы без нимба и контур плеч. На уровне груди — медальон, в котором, вероятно, должно было быть изображение младенца. Надписи нет. По форме и изображениям энколпион можно отнести к так называемым сирийским. На их особенности первым обратил внимание Н. П. Кондаков, который датировал их VI—XI вв [1]. К этой датировке присоединилась Г. Ф. Корзухина, которая указывает на вероятность происхождения подобных крестов из сирийских провинций Византии [2].

В связи с этим интересна заметка Н. П. Кондакова по поводу Сирийского евангелия 586 г., в которой он утверждает, что иконографический тип святого с воздетыми руками возникает именно в сирийских провинциях [3]. Сирийских энколпионов известно достаточно много. Они разделя-

[1] *Н. П. Кондаков.* Иконография Богоматери. СПб., 1914, I, стр. 259.
[2] *Г. Ф. Корзухина.* О памятниках «корсунского дела» на Руси. ВВ, 14, 1958, стр. 132.
[3] *Н. П. Кондаков.* История византийского искусства и иконографии. СПб., 1875, стр. 72.

ются на две большие группы, на что указывал тот же Н. П. Кондаков. Первую составляют энколпионы с гравированными изображениями, вторую — энколпионы с гравированными изображениями и инкрустацией их серебром и свинцом либо чернением. Н. П. Кондаков полагал, что энколпионы первой группы существовали в VI—X вв., а кресты второй группы появились в XI в.

Основная масса сирийских энколпионов — случайные находки, и это осложняло их датировку. Сейчас известно небольшое число энколпионов,



Энколпион из Гнездова

а — лицевая сторона; *б* — оборотная сторона

происходящих из археологических раскопок в Болгарии [4], Румынии [5], в Херсонесе [6]. В Болгарии и Румынии эти находки датируются X—XI вв., в Херсонесе — второй половиной X в. Стратиграфические данные позволили ленинградской исследовательнице Н. Н. Залесской сузить датировку сирийских энколпионов в пределах X—XI вв. [7]

Учитывая замечание Н. П. Кондакова о хронологическом различии двух групп энколпионов, а также датировку энколпионов с гравированными изображениями в Херсонесе второй половины X в., кажется возможным отнести и гнездовскую находку к той же половине X в. Эта дата находится в соответствии с датой расцвета Гнездова, предложенной

---

[4] *С. Георгиева.* Кръстове-енколпиони от средневековен Преслав. Исследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, стр. 605—609.

[5] *I. Dinagetie.* Asezarea feudală ximpurie de la Bisericuja-Gorwan. Bucuresti, 1967, p. 401—402.

[6] ИАК, 16, СПб., 1905, стр. 57—58.

[7] *Н. Н. Залесская.* Сирийский художественный металл византийского времени и его историческое значение. Автореф. канд. дис. Л., 1970, стр. 15.

Д. А. Авдусиным [8]. Характеризуя сирийские энколпионы, Г. Ф. Корзухина пишет: «Несмотря на схематизм изображений, последние никак нельзя признать выполненными примитивно. Наоборот, в рисунке видна уверенность мастера, набившего себе руку на изображениях определенного характера» [9]. Эта характеристика вряд ли подойдет мастеру, сделавшему изображения на гнездовском энколпионе. Об этом говорит не столько неправильность черт лица святого, сколько пропуск такой важной детали, как нимбы обеих фигур.

Рассматриваемая находка — первая вещь в истории раскопок Гнездова, отражающая проникновение христианства (если не считать византийских монет с изображениями святых). Крещение Смоленской земли историки обычно относят к 1013 г., и эта дата весьма близка к предложенной нами дате гнездовского энколпиона.

---

[8] *Д. А. Авдусин.* Материальная культура Древней Руси. ВИ, 1972, 7, стр 107. Пользуюсь случаем выразить благодарность Д. А. Авдусину, разрешившему публикацию энколпиона из его раскопок в Гнездове.

[9] *Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч., стр. 132.

К. И. КОМАРОВ

ПОГРЕБЕНИЕ ДРУЖИННИКА ВО ВТОРОМ ПЕКУНОВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ

Работы Верхневолжской экспедиции на втором Пекуновском могильнике в 1971—1972 гг. (Кимрский р-н Калининской обл.) выявили в этом, несомненно сельском, некрополе отдельные дружинные захоронения. Особенно интересен кург. № 40 из раскопок 1972 г. Он имел диаметр около 8 *м*, высоту 0,8 *м* и являлся один из самых больших в могильнике.

Под курганом, на древней дневной поверхности, находились три погребения. Они лежали на кострище, представленном очень незначительной прослойкой золы и мелких углей. В насыпи над погребениями прослежены три небольшие зольно-углистые прослойки диаметром от 20 до 80 *см*. Покойники были положены вытянуто на спине, в один ряд, головами на запад, на расстоянии 0,6—1 *м* один от другого. Северное погребение (№ 3) относительно первых двух было смещено к востоку почти на 1 *м*, однако курган, судя по всему, был сооружен в один прием. Никаких перекопов и других следов нарушения в насыпи не было обнаружено. Сохранность костяков очень плохая, следов воздействия огня на них нет (рис. 1).

Погребение I (южное), мужское. На поясе язычком вправо лежала медная литая лировидная пряжка с грубовато спаянной посредине дужкой приемника. У левого бедра лежал нож, а на уровне пояса два обломка полностью окисленного неопределенного железного предмета. Справа, рукоятью к правой руке, лежал боевой топор-чекан.

Погребение II, женское, находилось в центре. Слева от черепа лежало серебряное перстнеобразное кольцо с чуть заходящими концами, внутри которого, в пространстве, ограниченном ободком, была найдена полая серебряная бусина. На левой лопатке лежала монета-подвеска с приклепанным ушком. На ее лицевой стороне прочерчен какой-то знак, не поддающийся чтению. У правого плеча, на фаланге пальца, находился гладкий серебряный широкосрединный перстень с завязанными концами. В области шеи и груди было рассыпано пять сердоликовых бусин и шесть бусин из бесцветного стекла. На уровне пояса, в 12 *см* влево от позвоночника, находился нож.

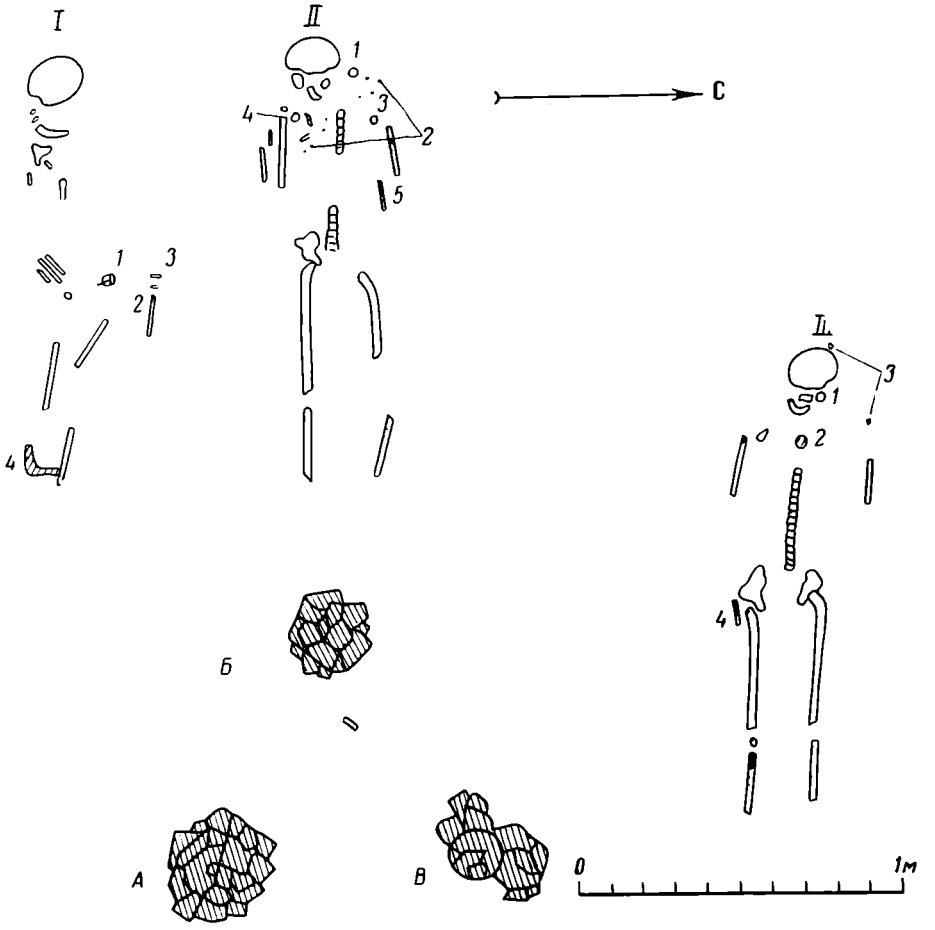
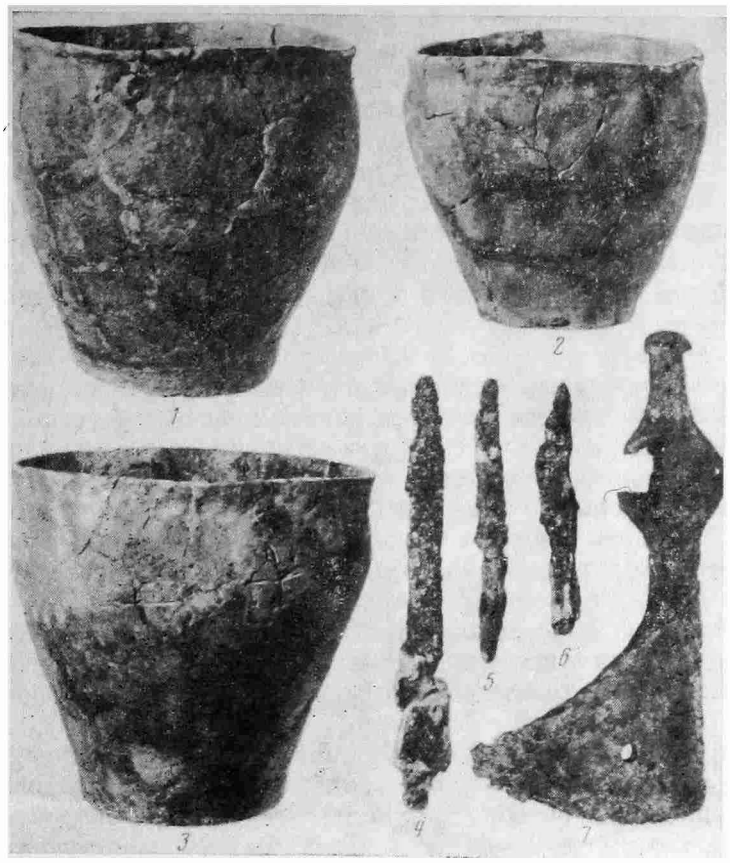


Рис. 1. План расположения погребений в кург. № 40. Погребение I. *1* — пряжка; *2* — нож; *3* — обломки железного предмета; *4* — топор. Погребение II. *1* — височное кольцо; *2* — бусы; *3* — монета-подвеска; *4* — перстень; *5* — нож. Погребение III. *1* — височное кольцо; *2* — накладная бляшка; *3* — бусины; *4* — нож, *А*, *Б*, *В* — развалы сосудов

Погребение III, женское, было расположено несколько в стороне от двух других. Возле черепа, за затылком, встречены две синестеклянные цилиндрические ягодовидные бусины: целая и половинка. Слева от черепа найдено однобусинное, загнутоконечное височное кольцо. На груди лежала сердцевидная бляха, приклепанная тремя штифтами к какой-то истлевшей органической основе. У правого бедра находился маленький нож. В ногах погребенных лежали три развала сосудов ручной лепки; здесь же был найден железный гвоздь с загнутым концом. Сосуды имели обычную горшковидную форму, характерную для большинства славянских курганов лесной полосы (рис. 2, *1—3*). Два из них (рис. 2, *1, 3*) имеют высоту 21—22 *см,* третий (рис. 2, *2*) — 13,5 *см.* Диаметр горла примерно равен высоте. В тесте отмечена примесь крупнозернистой дресвы, поверхность заглажена довольно хорошо; в одном случае наблюдаются следы вертикальной заглаженности (рис. 2, *3*). Сосуд, изображенной на рис. 2, *1*, содержит в тесте слишком много дресвы; поэтому тесто сильно крошится и осыпается. На днищах видна песчаная подсыпка, употреблявшаяся при формовке на подставке.

Дадим краткую характеристику наиболее интересного из найденных сосудов (рис. 2, *3*). Тулово его имеет форму усеченного конуса; стенки тулова прямые, а не выпуклые, как у двух других сосудов. Верхний срез венчика украшен беспорядочно расположенными косыми насечками, вы-



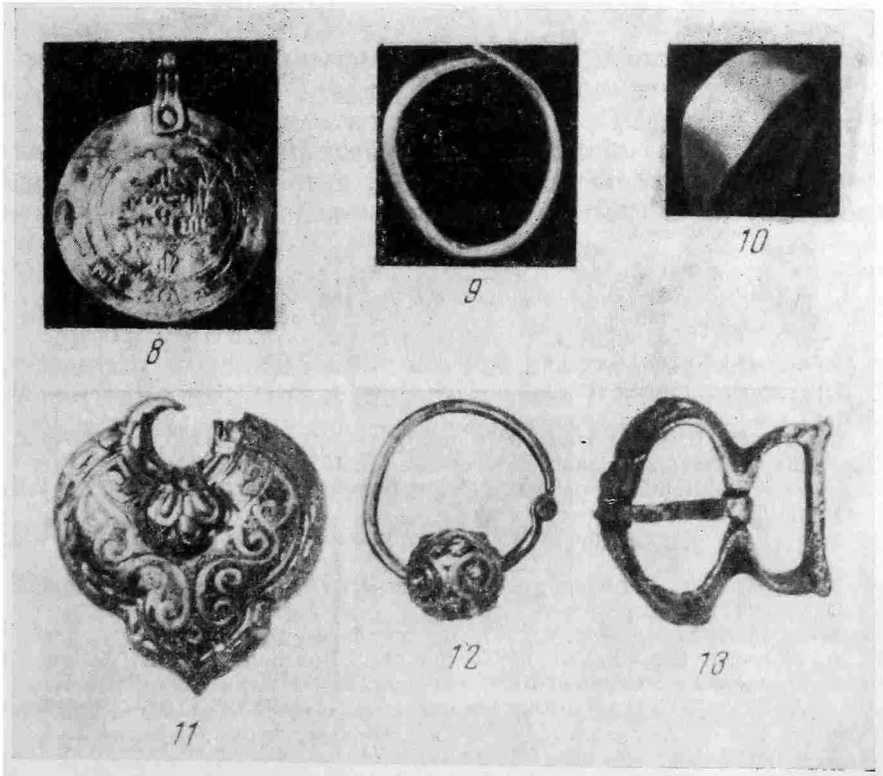


Рис. 2. Инвентарь погребений кург. № 40. *1—3* — керамика (1/5 н. в.); *4—7* — железо (1/3 н. в.); *8—12* — серебро; *13* — бронза (н. в.)

полненными острым предметом, возможно ножом. На плечике нанесено палочкой два врезных креста (рис. 2, *3*). В данном случае это скорее символ язычества, нежели христианства. В Пекуновском могильнике подобный орнамент встречен еще в двух курганах. В одном случае это такие же прямые кресты, прочерченные палочкой, в другом — кресты косые, оттиснутые каким-то острым предметом. Орнаментация сосудов под венчиком сплошными косыми крестами известна на западнославянской территории [1]. В некоторых случаях крестики оттиснуты специальным штампом [2]. На Белом озере подобный орнамент наносился гребенчатым штампом [3].

Пряжка из погр. № 1 носит следы долгого употребления. Она имеет следы ремонта; рубчатый орнамент на дужке приемника сильно потерт. Такие пряжки характерны для всей лесной полосы и бытуют с самого начала XI в. (рис. 2, *13*) [4].

Нож из мужского погребения прямой, толстообушковый, узколезвийный (рис. 2, *4*). Ножи из женских погребений — того же типа, но меньше размерами. На черешках двух ножей (погребения № 1 и 3) сохранились остатки костяных рукоятей. Подобные ножи обычно относятся к ранним типам [5].

Топор-чекан, по классификации А. Н. Кирпичникова, относится к типу I А и характерен только для XI в. [6] Обушок топора имеет грибовидно-округлую форму; в лезвии сделано отверстие, обычное у боевых топоров (рис. 2, *7*).

Бусы сердоликовые имеют вид восьмигранных уплощенных призм длиной от 1,5 до 2 *см* [7]. М. В. Фехнер датирует такие бусы периодом с X по XI в. [8] Лимоновидные серебростеклянные бусы по новгородской стратиграфии относятся также к X—XI вв. [9] М. В. Фехнер расширяет эту дату до начала XII в. [10] Они изготовлены из бесцветного стекла и, следовательно, импортные [11]. Синестеклянные ягодовидные бусины типа найденных в погр. № 3 встречаются редко. М. В. Фехнер датирует их X — началом XII в. [12]

Монета-подвеска имеет значительную потертость и прочерченные царапины на поверхности, но читается хорошо. Г. А. Федоров-Давыдов определил ее как брактеат Саманидов с возможным временем чекана в 914—932 гг. [13] Она снабжена приклепанным рубчатым прямым ушком для подвешивания, что, по мнению В. М. Потина, является ранним признаком [14]. В данном случае монета несомненно входила в состав ожерелья (рис. 2, *8*).

---

[1] *H. Knorr.* Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder. Leipzig, 1937, Taf. 14, *a, b, e; E. Schuldt.* Die slawische Keramik in Mecklenburg. Berlin, 1956, Abb. 1, *a;* 4 *f;* 9, *a.*

[2] *E. Schuldt.* Op. cit., Abb. 1, *d;* 3, *a, d;* 4 *f.*

[3] *Л. А. Голубева.* Весь и славяне на Белом озере (X—XIII вв.). М., 1973, рис. 56, *6.*

[4] *А. А. Спицын.* Владимирские курганы. ИАК, 15. СПб., 1905, стр. 154; *М. В. Седова.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, 65, 1959, стр. 258.

[5] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. Там же, стр. 48—49, рис. 34, *А.*

[6] *А. Н. Кирпичников.* Древнерусское оружие. САИ, Е1-36, 2. М.— Л., 1966, стр. 29, рис. 6.

[7] См. *М. В. Фехнер.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ, 33, рис. 1, *2б.*

[8] Там же, стр. 152.

[9] *Ю. А. Щапова.* Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 55, стр. 174.

[10] *М. В. Фехнер.* Ук. соч., стр. 160.

[11] *М. А. Безбородов.* Технология производства стеклянных бус в древности. Тр. ГИМ, 33, стр. 230.

[12] *М. В. Фехнер.* Ук. соч., стр. 167, рис. 5, *11.*

[13] Мы весьма признательны Г. А. Федорову-Давыдову, взявшему на себя труд определения монеты.

[14] *В. М. Потин.* Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии. Тр. Гос. Эрмитажа, XII, стр. 51, 52, рис. 2.

Широкосрединный гладкий перстень (рис. 2, *10*) принадлежит к типу, который обычно датируют концом X — началом XII в.[15] Н. Г. Недошивина «завязанность» считает ранним признаком и датирует такие перстни X—XI вв.[16], что подтверждается находками в Новгороде[17].

Бусинные височные кольца, считавшиеся украшением горожанок, широко распространены и в курганах[18]. Металлическая бусина типа найденной в погр. № 2 обычно бывает напущенной на височное кольцо. Но в данном случае она крепилась к нему как-то иначе. Половинки этой бусины украшены ложной зернью, группирующейся в треугольники. Зернь сильно потерта, что свидетельствует о длительном употреблении данной бусины.

Бусина височного кольца из погр. № 3 представляет собой прекрасный образец искусства зерни. Она цельнолитая. Отверстия бусины окаймляются двумя парами составленных из мелкой зерни S-образных завитков с закрученными в спираль концами. Оканчивает спираль зерно покрупнее, так что в центре ее образуется рельефный бугорок. По поперечной окружности бусины остаются четыре квадратика с вогнутыми сторонами от ограничивающих их завитков. Каждый из них украшен четырьмя кружочками из мелкой зерни с более крупным зерном в центре[19] (рис. 2, *12*).

Сердцевидная, выпуклая снаружи, накладка от одежды (или ожерелья) оттиснута из тонкого листа серебра, вероятно, с применением матрицы. Размер 3,6×3,4×0,5 *см*. С обратной стороны к ней припаяны три штифта, выступающие на 0,8 *см* (рис. 2, *11*). Рисунок в виде вьющегося стебля оттиснут вглубь (на обороте получился рельефный рисунок) и заполнен чернью. Фон из спиральных завитков оставлен в серебре. Узор бордюра и пальметка в центре выполнены в рельефе, а углубленный фон позолочен. В верхней части накладки имеется частично поломанное круглое сквозное отверстие. Характер черневого узора позволяет датировать накладку не позднее XI в. Орнамент бордюра (дуговидные поперечные перехваты с продольными полосками между ними) характерен для иранских и среднеазиатских серебряных сосудов XI в[20] Стиль растительного орнамента также свидетельствует о восточном происхождении накладки.

Богатые комплексы поясных накладок восточной работы (серебро, чернь, позолота) с арабскими надписями найдены в Белогостицком кладе недалеко от оз. Неро. Клад зарыт на рубеже XI—XII вв.[21] Серебряные поясные украшения с арабскими надписями (XI в.) найдены в с. Мышеловка Киевской обл.[22]

Иранские и среднеазиатские серебряные наременные украшения не изучены ввиду крайне незначительного материала. Поэтому восточноевропейские находки представляют особый интерес. Найденные в комплексе с другими вещами или монетами они могут быть датированы достаточно точно[23].

Погребения на горизонте во втором Пекуновском могильнике мы считаем ранними. Комплекс вещей из кург. № 40 не выходит за пределы XI в. и в большей части датируется концом X — началом XI в. Наиболее

---

[15] *А. А. Спицын.* Ук. соч., стр. 151.

[16] *Н. Г. Недошивина.* Перстни. Тр. ГИМ, 43, стр. 257.

[17] *М. В. Седова.* Ук. соч., стр. 254. 257, рис. 10, 7.

[18] См., например, *А. А. Спицын.* Ук. соч.; *В. П. Левашова.* Височные кольца. Тр. ГИМ, 43, стр. 22.

[19] Похожая, но не идентичная имеется на трехбусинном кольце из Владимирских курганов (средняя). См. *А. А. Спицын.* Ук. соч., стр. 139, рис. 136.

[20] *Я. И. Смирнов.* Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XXIX, *131* (на дне кувшина); табл. XXXIII, *148* (узор на животе одного из львов в медальоне).

[21] *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады. М.— Л., 1954, стр. 40.

[22] Там же, стр. 32.

[23] Определил накладку и указал аналогии В. П. Даркевич, за что мы весьма ему признательны.

обоснованной датой сооружения этого кургана можно считать XI в., возможно, его первую половину.

Комплекс кург. № 40 подтверждает мысль о расселении некоторой части дружинников по селам[24]. Известно, что Пекуновское селище имело значительные размеры и лежало непосредственно на оживленном торговом пути по Волге. Число импортных вещей в могильнике (монеты, бусы) может свидетельствовать об участии населения Пекуновского селища в меновой торговле. Присутствие здесь некоторого числа воинов-дружинников, исполнителей княжеской воли и закона, было просто необходимо. Пышные похороны воина в сопровождении двух жен могут свидетельствовать о высоком его положении. Несколько обособленное положение женщины погр. № 3, возможно, говорит о том, что это была рабыня, но рабыня, которую сопровождали наиболее богатые вещи.

---

[24] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 463.

Л. С. ГЕРАСЬКОВА

ПОЛОВЕЦКАЯ СТАТУЯ ИЗ С. ЧЕРНУХИНО

В 1971 г. у с. Чернухино Перевальского р-на Ворошиловградской обл. в разрушенном кургане обнаружена половецкая каменная статуя, изображающая женскую фигуру, которая хранится сейчас в Ворошиловградском областном краеведческом музее (рис. 1*а* — *в*). Она изваяна из твердого кварцевого песчаника с вкраплениями крупных зерен кремня и кварца. Размеры ее 1,3×0,45×0,26 *м*. Правая часть лица, подбородок, часть правой руки, поверхность спины сбиты. Голова была отколота, но точно соединяется со сколом торса. Несмотря на повреждения, сохранившаяся часть скульптуры дает нам ясное представление о ее первоначальном виде.

Статуя принадлежит к типу «полусидящих» — спереди она имеет обычный вид сидящей статуи со слегка согнутыми в коленях и упирающимися в подножку ногами, сзади — плоская, ровная, без моделировки нижней части спины. Создается впечатление, что фигура в нижней части как бы прислонена к прямоугольной массивной плите (у пояса толщина плиты 0,08, ниже ног — 0,2 *м*).

Шапочка-колпачок плотно охватывает голову и украшена по краю широкой лентой, орнаментированной вертикальными насечками. Поверх колпачка надет еще один головной убор, узким языком спускающийся на лоб и широкой лопастью прикрывающий весь затылок. На затылке к лопасти прикреплена застежка в виде двух квадратов, а на спине лопасть разделяется на две узкие, заостренные к концам полосы (косы?). От макушки к плечами идут, обрамляя голову, два роговидных украшения. Лицо широкое, с выдающимися скулами. Брови и нос изображены в виде Т-образной фигуры. Рот небольшой, с пухлыми губами. Серьги крупные, круглые, с тремя подвесками. Вокруг шеи — ожерелье из подвесок такого же типа и формы, что и у сережек. Ниже ожерелья — массивная витая гривна. Статуя изображена в облегающем фигуру кафтане. Рукава кафтана оканчиваются на запястьях узкими манжетами. По плечам и предплечьям проходит плавно изгибающаяся, украшенная полукруглыми фестонами нашивка или «пелерина». Сзади видны зубчатые следы этой «пелерины». По талии кафтан перепоясан широким гладким поясом; ниже талии он спускается тремя фестонами, средний из которых имеет форму овальной лопасти.

Бедра обнажены, на ногах сапоги с острыми наколенниками. Грудь, как и у всех женских половецких изваяний, открыта[1]. Под грудью изображен младенец. Ребенок лежит поперек живота матери, головой касаясь правой груди, а левой рукой держится за левую грудь. Поза его неестественна для сосущего младенца — он изображен в разворот, лицом к зрителю. Руки у него слишком длинные, ноги наоборот, короткие; на длинном тельце намечены груди и подчеркнут, как и у матери, признак

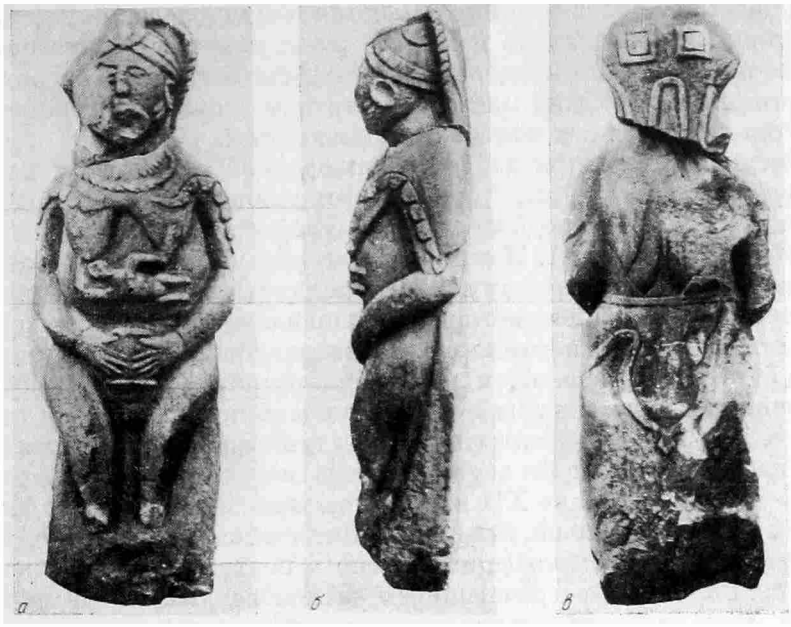


Рис. 1. Половецкая женская статуя с ребенком
а — вид спереди; *б* — вид слева; *в* — вид сзади

пола. Ребенок, несомненно, девочка. Руки женщины не касаются ребенка — они, как этого требовал строгий канон, держат сосуд (очевидно. горшкообразный с выделенными венчиком и донцем). Дно его немного шире горла.

Статуя прекрасно обработана. Скульптор большое значение придавал тщательности отделки — на поверхности почти нет следов инструмента, они заметны только на узких гранях и в нижней части плиты. Объемность изваяния и тщательность отделки свидетельствуют о том, что оно относится к эпохе расцвета половецкого скульптурного искусства.

Статуя, несмотря на сходство с подавляющим большинством половецких изваяний, изображавших женщин, весьма необычна. Не нарушив обязательных канонических законов половецкой ритуальной скульптуры, мастер создал образ матери с ребенком, своеобразную статую половецкой «мадонны». Изваяние не имеет себе подобных в средневековой кочевнической скульптуре. Находка его открыла новую, неизвестную ранее страницу самобытного половецкого монументального искусства.

---

[1] *С. А. Плетнева.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, 1958, стр. 211.

С. А. ПЛЕТНЕВА

ЖЕНСКАЯ ПОЛОВЕЦКАЯ СТАТУЯ С РЕБЕНКОМ *

Обнаруженная в разрушенном кургане у с. Чернухино статуя представляет собой единственную пока находку изваяния, изображающего кормящую мать с ребенком у груди. Несмотря на необычность скульптуры, она, несомненно, половецкая [1]. Рассмотрим черты, связывающие ее с кругом половецкого монументального искусства.

Прежде всего это поза изваяния: прямая спина, слегка опущенные плечи, выдающиеся вперед грудь и живот, руки, скрещенные на сосуде под животом, и приподнятый (вздернутый) подбородок. Этими изобразительными приемами половецкие мастера достигали выражения спокойствия и величавости, свойственных половецким изваяниям.

Весьма существенна при изучении половецкой скульптуры характеристика общего абриса фигуры. Абрис бывает утяжеленный (с подбородком ниже плеч), средний (с подбородком на уровне плеч) и облегченный (с выделенной высокой шеей). Как мы видим, рассматриваемая статуя относится к третьему — облегченному типу. Следующим изобразительным приемом, которым пользовался мастер, изготавливавший эту статую, была ее «рельефность». Статуя, несомненно, принадлежит, как это отмечено художником Л. С. Гераськовой, к развитой круглой объемной скульптуре.

Облегченный абрис фигуры и ее объемность позволяют нам согласиться с мнением первого исследователя — статуя с ребенком относится к периоду расцвета половецкого скульптурного искусства, т. е., очевидно, к середине — второй половине XII в. Это подтверждается и некоторыми другими данными. Несмотря на сильную оббитость, отлично видно, что лицо статуи индивидуализировано (приближено к портрету). В частности, характерны полные губы, встречающиеся на половецких статуях очень редко. Второй, тоже поздний, признак — хорошо выделенная на постаменте приступка для ног. На более ранних экземплярах ее или совсем нет, или она выделяется в виде невысокого валика.

Не менее характерны для половецкого мира украшения и детали костюма, которые удалось проследить на изваянии. К наиболее типичным относятся ожерелье и гривна. Ожерелье составлено из неправильных ромбических подвесок разной величины. Такие подвески сохранились почти на 40 женских статуях (примерно на 70% всех статуй с ожерельями). Не менее распространены и витые гривны [2].

Головной убор статуи отличается некоторым своеобразием, хотя отдельные детали его хорошо известны и прослеживаются почти на всех половецких женских изваяниях развитого периода. Таковы в первую очередь «рога» (зафиксированы на 50% женских статуй), лопасть на затылке, переходящая в две «косы» (известны примерно на 10% статуй с лопастями), застежки в виде двух квадратов, прикрепленных на затылке (на 10 экз.); изредка изображались прилегающие к голове шапочки (шесть изваяний) и ленты вокруг головы (восемь изваяний). На семи женских статуях изображены шляпы, конструктивно напоминающие шляпу жен-

---

* См. заметку Л. С. Гераськовой «Половецкая статуя из с. Чернухино» в этом номере, стр. 256.

[1] В период с 1966 по 1972 г. нами было обработано около 700 половецких статуй, хранящихся в основном в южных музеях нашей страны. Этот обширный материал позволил создать типологию статуй, наметить их эволюцию во времени и поставить ряд вопросов, связанных с общественными отношениями и политической историей половцев XI — первой половине XIII в. См.: *С. А. Плетнева.* Половецкие каменные изваяния. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, стр. 5—6. Работа о половецких статуях в настоящее время закончена и будет опубликована в серии САИ.

[2] Гривны довольно редко встречаются на статуях в единственном числе. Как правило, их две или даже три.

щины с ребенком, в виде узкого языка, прикрывающего темя и отчасти лоб. Однако, несмотря на хорошо известные и, безусловно, связанные с половецким головным убором детали, сочетание их не совсем обычно. Так, никогда «рога» не поднимаются на голове до макушки, ни разу не встречены на статуях ленты, стягивающие шапочку (они, как правило, проходят просто по лбу), ни разу «язык» шляпы не изображался так тщательно — с орнаментальной срединной нашивкой. Таким образом, головной убор статуи с ребенком, несомненно, оригинален и в целом не имеет себе подобных.

То же можно сказать и о серьгах. Они не уникальны, но попадаются на половецких статуях очень редко — всего четыре раза (причем там подвески острые, треугольные).

Женщина одета в обтягивающий ее фигуру кафтан, о присутствии его на теле свидетельствуют узкие манжеты на запястьях. На плечи накинута пелерина, украшенная по краю фестонами. Пелерины изображались на статуях в исключительных случаях. В настоящее время известно всего три статуи с зубчатыми по краям пелеринами (все хранятся в ГИМ). Грудь статуи, несмотря на очевидное наличие кафтана и пелерины, открыта. Этого требовал ритуал — груди всех женских половецких статуй всегда сделаны весьма тщательно и изображены подчеркнуто обнаженными.

Самое необычное в костюме данной статуи — отсутствие на ней шаровар. Как правило, шаровары настолько плотно облегали бедра, что о наличии их на статуе можно только догадываться. Однако в данном случае обнаженность нижней части очевидна. Только на ноги натянуты доходящие почти до колен мягкие сапожки.

И, наконец, совершенно уникально изображение на животе женщины лежащего под грудью ребенка — девочки (признаки пола у нее, как и у матери, специально подчеркнуты).

Представляется очевидным, что статуя женщины с ребенком несет большую смысловую, вернее, культовую нагрузку.

Ни у кого из исследователей, занимавшихся половцами, не вызывает сомнения, что изготовление каменных статуй и поклонение им — одно из самых выразительных проявлений культа предков. Культ предков как форма религии появился на сравнительно поздней стадии исторического развития — стадии патриархально-родового строя[3]. Несмотря на господство патриархально-родового строя в половецком обществе, несмотря на то что в XII в. этот строй подошел уже к порогу классового общества[4], половцы наряду со статуями предков-мужчин в огромном числе ставили статуи предкам-женщинам. Подсчеты по районам расселения половцев (Среднее и Нижнее Приднепровье, Средний и Нижний Донец, Приазовье, Предкавказье, Крым и Поволжье) показали, что всюду мужских и женских статуй попадалось одинаковое число, только в Крыму мужских статуй пока известно втрое больше, чем женских, а в Поволжье вообще нет женских статуй. Уже один факт массового распространения женских изваяний свидетельствует о большой роли, которую играли женщины в половецком, безусловно, в целом патриархальном обществе.

Следует вспомнить, что С. А. Токарев считал патриархальный культ предков «контаминацией трех первичных представлений: идеи души умершего, тотемического прародителя и семейно-родового покровителя»[5].

На женских статуях особенно отчетливо прослеживается третья часть идеологического содержания образа предка-покровителя. Специально выделенные женские особенности изваяний, в частности большая обнаженная грудь, позволяют предполагать, что женские статуи имели обобщен-

---

[3] *С. А. Токарев.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, стр. 266.

[4] *С. А. Плетнева.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, 1958, стр. 192—196.

[5] *С. А. Токарев.* Ук. соч., стр. 266.

ное значение благодетеля и покровителя семьи и рода. Грудь — это символ жизни и силы. В сказках многих тюркоязычных народов богатырь-герой, насосавшись материнского «золотистого густого» молока становился непобедимым и неуязвимым или же, ухитрившись выпить молока ведьмы, превращался в ее сына, и она невольно начинала ему помогать. Богатырь как бы входил в род этой женщины.

Характерно, что не только женские изваяния изображались с грудью, нередко и мужские статуи снабжались этим символическим атрибутом силы родового покровителя, дарующего благополучие и богатство.

Особенно часто грудь у мужских статуй изображалась там, где мужские статуи преобладали. Так, все мужские изваяния Поволжья сделаны с грудью (рис. 1). Все они принадлежат к последнему периоду существования половецкой скульптуры — к ее закату (XIII в.). Половцы в то время изнемогали в борьбе с татаро-монголами. Очевидно, скульптурам требовалось как можно более отчетливо выразить идею покровителя, дарующего силы и в то же время воплотить в статуях образы вождей — воинов.

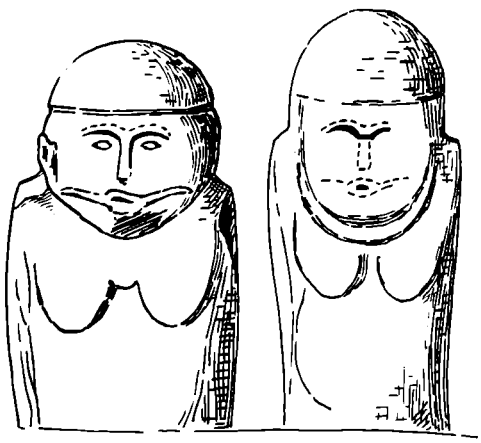


Рис. 1. Статуи мужчин-воинов с женской грудью (Саратовский музей)

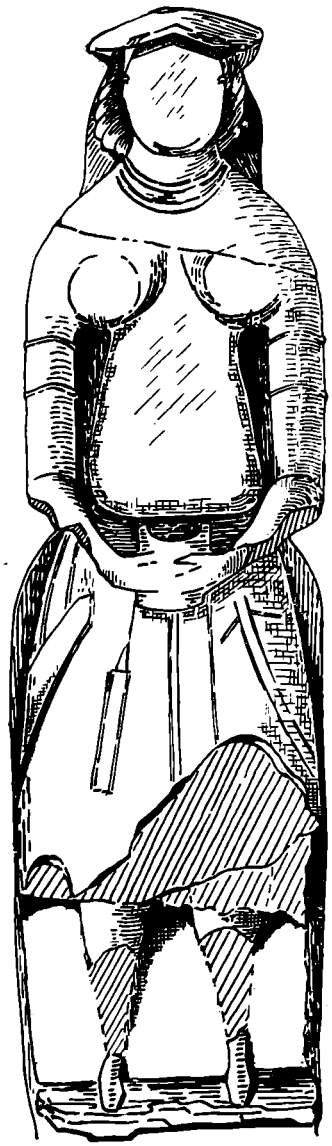


Рис. 2. Статуя женщины-воина (Николаевский музей)

Культ семейно-родового покровителя возник еще в матриархате. В дальнейшем он или отдельные его элементы прослеживаются только у народов с сильными пережитками матриархата в общественном устройстве.

Были ли пережитки матриархата у половцев? К. Ф. Смирнов вслед за Б. Н. Граковым прослеживает таковые в савроматском обществе, анализируя погребальный обряд савроматов [6]. Среди савроматских погребений значительное место занимали женщины-воины, похороненные с оружием, и женщины-жрицы с атрибутами жреческого культа.

---

[6] *Б. Н. Граков.* Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947, 3; *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 202 сл.

Мы далеко не всегда можем с полной уверенностью говорить о том, кому (мужчине или женщине) принадлежало то или иное половецкое погребение. Тем не менее Г. А. Федоров-Давыдов проделал большую работу по определению состава инвентаря в мужских, женских и детских погребениях, отобрав из 1000 раскопанных кочевнических комплексов немногим более 100 определимых в половом и возрастном отношениях погребений. Оказалось, что сбруя, кости коня, а изредка и оружие (копье, луки, стрелы) попадаются в женских погребениях. Интересно также отметить, что только в женских погребениях встречены были ритуальные фигурки человечков [7].

Стоит к тому же учитывать сообщения Анны Комнин (XII в.), что женщины у печенегов и половцев участвовали в боях наравне с мужчинами, и Плано Карпини, писавшего: «Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины» [8]. О реальном существовании женщин-«амазонок» в среде половцев свидетельствует также замечательная статуя, хранящаяся в Николаевском областном историко-краеведческом музее. Это грандиозное изваяние (высота 2,75 *м*) женщины-воина. На голове у нее плоская шляпа и «рога», в ушах серьги, на шее гривны, но грудь подтянута и прикрыта нагрудными бляхами с ремнями, на поясе справа висит колчан, а слева — длинная сабля (рис. 2).

Итак, половецкие женщины, по-видимому, играли заметную роль в политической жизни своего народа — они участвовали в войнах наряду с мужчинами и, возможно, исполняли кое-какие домашние жреческие функции (домашних идолов клали в их могилы).

Об одном пережитке матриархата (левирате) мы знаем благодаря краткой записи в русской летописи об обычаях половцев: «Поимают мачехи своя и ятрови» [9],— брезгливо замечает летописец.

Статуя женщины с ребенком позволяет нам поставить вопрос еще об одном важном факте сохранения у половцев норм матриархальных отношений, а именно о сохранении матрилинейного счета родства. Женщина изображена с обнаженной грудью. К этой груди приник ребенок-продолжатель рода. Идея покровителя рода, дарующего силы, выражена здесь особенно ярко и отчетливо. Однако ребенок не мальчик, как того следовало бы ожидать, исходя из тюркского фольклора. Это девочка. Статуя символизирует, очевидно, образ женщины, дающей жизнь и силы женщине же — непосредственной воспроизводительнице рода. Недаром поэтому у грудного младенца так явственно подчеркнуты мастером признаки пола.

Кроме левирата, также свидетельствующего о пережитках матрилинейности родства, мы, к сожалению, не находим в источниках, в частности в русской летописи, ни одного факта, подтверждающего наличие у половцев генеалогии по женской линии. Наоборот, в XII в. у половцев создавалась, очевидно, устойчивая патрилинейная генеалогия ханских родов: Боняк — Севенч, Урусоба — Урусобичи, Кочий — Кочаевичи; наконец, прослеженная на протяжении более 100 лет линия — Шарукан+Сугр — Отрок+ +Сырчан — Кончак — Юрий [10].

По-видимому, как и во всяком кочевническом обществе, у половцев существовало множество пережиточных древних установлений и обычаев, густой вуалью прикрывавших начинающееся в то столетие становление классового феодального строя. Одним из таких установлений и была мат-

---

[7] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 116—119.

[8] Византийские историки. 1859. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081—1118). Труд Анны Комниной, ч. 1. СПб., стр. 342; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 36.

[9] Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 9.

[10] ПСРЛ, II. Ипатьевская летопись, 1096—1167, 1151 гг.; 1103, 1190 гг.; 1107, 1174—1187, 1202—1224 гг.

рилинейность родства, вполне уживающаяся с патрилинейностью, которая была, очевидно, повсеместно принята в правящих родах. Система родства и преемственность власти в последних, естественно, должна была быть аналогична феодальным системам соседних государств, с которыми половцы поддерживали самые разнообразные, причем нередко брачные, связи (Русь, Византия, Грузия, Венгрия, Польша и др.).

В. В. СЕДОВ

МЕЖЕВОЙ КАМЕНЬ XIV в. ИЗ ИЗБОРСКА

В окрестностях Изборска постоянно встречаются межевые камни. Это валуны с плоской или уплощенной верхней поверхностью, на которой обычно высечен простой крест. Такими камнями местные жители до недавнего времени обозначали границы своих земельных владений — пахотных участков и сенокосных угодий.

Обозначение камнями рубежей земельных участков в Северной Руси восходит к древнерусскому времени. В обводной межевой книге 1391 г. на р. Шале близ оз. Онеги упомянуты «три камня большихъ плоскихъ, а на сириднемъ ками насиченъ крестъ» [1]. В Древней Руси межевые камни, как и другие межевые знаки, назывались межниками [2].

В 1972 г. при раскопках Изборского городища (называемом обычно Труворовым) в развале камней от монастырских построек, существовавших здесь в XVI—XVII вв., найден межевой камень с надписью (рис. 1, *1*). Его размеры около 30 × 22 *см*, толщина до 15 *см*. Сделан межник из светло-серого известнякового камня. Верхняя поверхность его плоская, гладкая, остальные — рваные. Нижний правый угол камня отбит.[3]

На верхней поверхности процарапана надпись, состоящая из двух частей, оконтуренных прямыми линиями в виде прямоугольников (рис. 1, *2*). В первой части написано одно слово «меза», т. е. «межа», означающее, что это порубежный знак. Во второй части, состоящей из двух строк, написано «наса чсть воротькова», т. е. «наша часть Воротькова». Часть — участок земельного владения [4]. Владелец участка — Воротько (или Воротков, т. е. сын Воротьки). Это сокращение от имени Воротислав, распространенного на Руси [5].

Смешение *ж* и *з*, *ш* и *с* (межа > меза, наша > наса) является характерной особенностью псковских говоров. Древнейшие псковские тексты, относящиеся к XIV в., широко отражают переход шипящих *ш* и *ж* в свистящие *с* и *з* [6]. Эта фонетическая особенность отмечается как в современных псковских, так и в некоторых других северорусских диалектах [7].

Написание слов с частицами *жа* и *ша* (межа, наша) с юсом малым находит параллели в памятниках древнерусской письменности. В част-

---

[1] *Н. В. Калачев.* Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси, т. II, СПб., 1864, стр. 147.

[2] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 2. СПб., 1895, стр. 127.

[3] Межевой камень хранится в Изборском музее. Шифр $\frac{\text{Изб. 72}}{366}$.

[4] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка..., т. 3. СПб., 1903, стр. 1477.

[5] *Н. М. Тупиков.* Словарь древнерусских личных собственных имен. ЗОРСА, т. VI. СПб., 1903, стр. 152.

[6] *А. А. Шахматов.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 319, 327—329.

[7] Русская диалектология. М., 1965, стр. 86; *К. В. Горшкова.* Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической фонологии). М., 1968, стр. 74, 75.

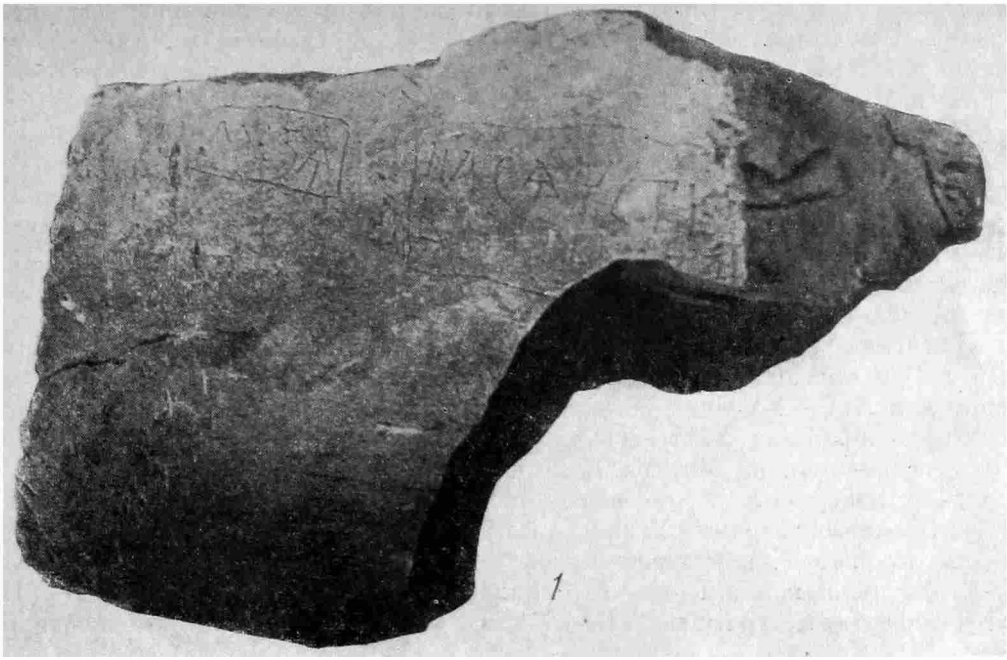


Рис. 1. Межевой камень

1 — общий вид; *2* — прорись надписи

ности, в Минее служебной за май месяц XII в. межа написана с юсом малым [8]. В новгородских берестяных грамотах *ша* и *жа* писались преимущественно через *а*, что, как отмечает В. И. Борковский, отражает все более закрепляющуюся орфографическую норму [9]. Вместе с тем в грамотах 112, 134, 141, 142, 222, 239, 246, 249 и 292 *жа* и *ша* написаны с юсом малым [10]. Самые поздние из них — грамоты 134 (XIV в.) и 249 (рубеж XIV и XV вв.), остальные датируются XI—XIII вв.

Дата изборского межевого камня может быть определена только по палеографическим особенностям. Написание *Н* с косой перекладиной, лежащей в верхней половине буквы и касающейся середины правой мачты,

---

[8] *И. И. Срезневский.* Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882, стр. 77.

[9] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, стр. 209—211.

[10] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; *они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958; Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963.

принадлежит к особенностям уставного письма XIII—XIV вв.[11] На датированных надписях, систематизированных Б. А. Рыбаковым, такое *Н* типично для XIV в.[12], а в берестяных грамотах из Новгорода встречается и в XVв.[13]

Р изборской надписи имеет верхнюю часть в виде треугольника, заостренную вершину и хвост, стоящий в строке. Такое написание типично для русской письменности XIV в. И. А. Шляпкин отмечает, что с XVв. вершина буквы обычно округляется[14]. Среди датированных надписей написание *Р*, близкое изборскому, имеется на записи 1218 г., панагии 1237 г. и Васильевских вратах 1336 г.[15] В новгородских берестяных грамотах такое написание встречается в XIV—XV вв.[16]

Написание *З* с большим хвостом, опущенным книзу, свойственно XIV в.[17] В новгородских берестяных грамотах подобное написание характерно для XIV—XV вв.[18] Датированные надписи с близкими *З* относятся ко второй половине XIII—XIV вв. (Запись о смерти Кирилла 1279 г.; Потир архиепископа Моисея 1329 г.; Людогощинский крест 1359 г.)[19].

В на изборском камне имеет раннюю форму. С XIV в., отмечает И. А. Шляпкин, верхний кузов этой буквы уменьшается, а наклонная черта его опускается в нижний кузов[20]. Среди надписей, анализированных Б. А. Рыбаковым, написание *В*, близкое изборскому, датируется XI—XIII вв.[21] Берестяные грамоты XIV—XV вв. такого начертания уже почти не знают[22].

Архаично написана на изборском камне буква *Ч* (в виде угловатой чаши на длинной ножке). Согласно графикам, приложенным к работе Б. А. Рыбакова, подобные *Ч* свойственны XI—XII вв.[23] Однако написание червя в форме чаши сохраняется до XIV в.[24] В. Н. Щепкин отмечает, что во второй половине XIV в. чаша *Ч* становится глубже, а ножка короткой[25]. Таким образом, на основании написания этой буквы изборский межевой камень должен быть отнесен ко времени не позднее первой половины XIV в.

Мягкий знак в изборской надписи употреблен дважды. В одном случае он имеет треугольную нижнюю часть, что характерно для древнего написания, но в грамотах на бересте такое начертание спорадически встречается до XV в. включительно. В другом случае буква *Ь* имеет набухшую нижнюю часть, что появляется с XIV в.[26]

Совокупность рассмотренных палеографических особенностей дает основание датировать надпись на изборском межевом камне XIV столетием. Написания других букв нисколько не противоречит этой датировке.

Таким образом, исследуемый межевой камень относится к периоду, когда Изборская крепость находилась на Жеравьей горе и служила мощным форпостом на западных рубежах Псковской земли. Очень вероятно, что одному из обитателей и защитников этой крепости он и принадлежал. Впоследствии, видимо, в XVI в., камень был использован для фундамента монастырской постройки.

[11] *И. А. Шляпкин.* Русская палеография. СПб., 1913, стр. 57, 58; *В. Н. Щепкин.* Русская палеография. М., 1967, стр. 117.

[12] *Б. А. Рыбаков.* Русские датированные надписи XI—XVI веков. САИ, вып. Е1-44. М., 1964, хронологические графики.

[13] *Л. В. Черепнин.* Русская палеография. М., 1956, табл. 7.

[14] *И. А. Шляпкин.* Ук. соч., стр. 58; *В. Н. Щепкин.* Ук. соч., стр. 117.

[15] *Б. А. Рыбаков.* Ук. соч., табл. VII—X.

[16] *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., табл. 6 и 7.

[17] *И. А. Шляпкин.* Ук. соч., стр. 53.

[18] *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., табл. 6 и 7.

[19] *Б. А. Рыбаков.* Ук. соч., табл. IX—XII.

[20] *И. А. Шляпкин.* Ук. соч., стр. 47, 48.

[21] *Б. А. Рыбаков.* Ук. соч., хронологические графики.

[22] *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., табл. 6 и 7.

[23] *Б. А. Рыбаков.* Ук. соч.

[24] *И. А. Шляпкин.* Ук. соч., стр. 62, 63.

[25] *В. Н. Щепкин.* Ук. соч., стр. 117.

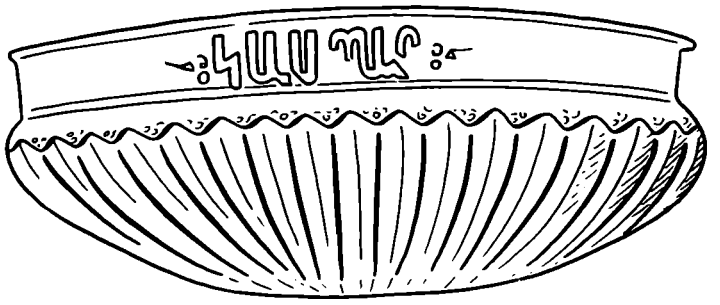
[26] *И. А. Шляпкин.* Ук. соч., стр. 63; *В. Н. Щепкин.* Ук. соч., стр. 117; *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., табл. 6.

А. Я. КАКОВКИН

АРМЯНСКАЯ НАДПИСЬ НА ЧАШЕ ИЗ КРАВЕНИКА

В журнале «Археология» за 1971 г. была опубликована медная посеребренная чаша, хранящаяся в музее сел. Кравеник (Болгария) [1].

Чаша представляет собой (рисунок) неглубокий полусферический сосуд (диаметр 11, высота 3,3 *см*) с вертикально поднимающимся бортиком. Тулово чаши разбито на 33 прямых, суживающихся к низу ложки. Донце сосуда не сохранилось. Декорирована чаша очень скромно: в треугольни-



Чаша из Кравеника. Вид сбоку (прорисовка)

ках, образуемых бортиком и верхними скругленными концами ложек, выбиты маленькие трилистники. Такие же трилистники видны по сторонам обронной надписи на кольцевом бортике.

В качестве аналогий кравеникской чаше Ат. Милчев и Н. Ковачев приводили находки из Градницы, Александрова и Радновене. Авторы уверенно датировали ее IV в. до н. э. и отнесли к работе фракийского мастера, использовавшего в качестве образца восточный памятник.

В этой заметке мы обратимся лишь к надписи на чаше. Буквы в ней инициальные, расположены на процарапанном фоне. Четвертая и пятая буквы даны в слитном написании. Хвост пятой буквы имеет вид растительного побега. Последняя, шестая буква меньшего размера, чем остальные, и вынесена немного вверх. Авторы полагали, что надпись на чаше состоит из двух частей. В первой они видели слово «ИІКО», а во второй — «МОКР».

В предложенном Ат. Милчевым и Н. Ковачевым чтении есть большие натяжки. Во-первых, на чаше явно одно слово, а авторы разбивают его на два. Во-вторых, надпись включает шесть букв, в то время как у Ат. Милчева и Н. Ковачева слова состоят из восьми. Наконец, третье обстоятельство, не позволяющее нам согласиться с предлагаемым чтением, это то, что, вне всякого сомнения, надпись на чаше армянская. Четко выполненные буквы образуют не два непонятных слова — «ИІКО» и «МОКР», а одно армянское, читаемое без особого труда: ԿԱՍՊԱՐ, т. е. «Каспар» — довольно распространенное в армянской среде собственное имя, засвидетельствованное в «Словаре армянских личных имен» Р. Ачаряна с XIII в. [2]

Характер начертания букв, хвост некоторых из них, принявший форму растительного побега (по наблюдениям И. А. Орбели, этот прием встречается на армянских памятниках с XIII в. [3] и получает распространение в

[1] *Ат. Милчев, Н. Ковачев.* Материали за археологическа карта на Севлиевско. «Археология», 2. София, 1971, стр. 45—56, рис. 10 *а, б.*

[2] *Р. Ачарян.* Словарь армянских личных имен, т. I. Ереван, 1942, стр. 447 (на арм. яз.). Уместно заметить, что автор особо подчеркивает, что в XV и особенно в XVI в. это имя становится очень популярным как в Восточной, так и в Западной Армении.

[3] *И. Орбели.* Два серебряных ковша XVI века с армянской и греческой надписями. ХВ, V, вып. 1. Пг., 1916, стр. 2.

XVI столетии), выскобленный фон позволяют предположить, что надпись выполнена не ранее, чем в XVI в. Судя по тому, как естественно буквы вкомпонованы в картуш с трилистниками по сторонам (аналогичными тем, которые украшают и тулово чаши), вполне возможно предположить, что надпись одновременна памятнику.

Подобного рода надписи на произведениях армянских мастеров довольно обычны. Как правило, они указывают на мастера, а еще чаще — на владельца памятника. Вот несколько примеров: «Шахук» — в мишени ковшараковины середины XIII в. (Эрмитаж) [4], «Курчи» — на донце медного подноса 1477 г. из Нор-Джуги (Ереван. Гос. Исторический музей Армении) [5]. «Петр» — на ручке ковша «отца Иоанна» 1549 г. (Эрмитаж) [6], «ходжа Ызтай, сын Тиратура» — на бортике бронзового (латунного) тазика 1618 г. из собр. С. Н. Ханукаева в Ленинграде [7], «Мисаэл» — на тулове серебряной чаши 1777 г. из Копенгагена [8].

Примечательно, что в середине XVI в. в Стамбуле был известен как искусный мастер ювелир Каспар — выходец из Вана, переселенный в столицу Турции в 1534 г. Сулейманом Кануни [9].

Не имея возможности исследовать заинтересовавшую нас чашу, мы не беремся судить о ее времени и происхождении (хотя, полагаем, что некоторые основания считать ее памятником XVI в. все же имеются). Мы надеемся, что изложенные здесь соображения привлекут к этой, «одной из самых интересных находок в музейном собрании Кравеника» более пристальное внимание исследователей.

---

[4] *И. Орбели.* Дорожный ковшик XII—XIII веков. В сб. «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, стр. 275—282, табл. 49, 50.

[5] «Путеводитель Государственного Исторического музея Армении», Ереван, 1963, стр. 26, илл. 31.

[6] *И. Орбели.* Два серебряных ковша..., стр. 9.

[7] Сужу по эстампажу надписи, снятому А. А. Ивановым.

[8] Известной мне по фотографии, присланной М. М. Постниковой.

[9] *М. К. Зулалян.* Армения в первой половине XVI века. М., 1971, стр. 54.

Р. А. ДАУТОВА, Х. М. МАМАЕВ

АЛАНСКАЯ КАТАКОМБА XIV в. у сел. УШКАЛОЙ

В 1971 г. третьим отрядом археологической экспедиции Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (начальник отряда М. Х. Багаев) был открыт и частично исследован близ сел. Ушкалой (Чинахой) Советского р-на могильник, состоящий из подземных земляных склепов и каменных ящиков. Расположен он на 69-м *км* дороги Грозный — Итум-Кале, в одном из тех немногих мест, где скальные гряды, между которыми протекает р. Чанты-Аргун, открывают выход в боковое ущелье. Здесь, на пологом склоне, сложенном галечными породами древних наносов, расчищены погребения, представляющие собой земляные склепы типа катакомб.

Почти полное отсутствие инвентаря во всех четырех исследованных катакомбах (одна бронзовая круглая серьга и обломок точильного камня) не позволили автору раскопок датировать их. Обнаруженные по соседству каменные ящики с весьма скудным инвентарем отнесены М. Х. Багаевым к XI — началу XIII в. [1]

Для интерпретации могильника весьма значим материал, полученный нами в 1972 г. в результате полной расчистки одного из земляных склепов,

---

[1] См.: *М. Х. Багаев.* Работы в Аргунском и Джераховском ущельях Чечено-Ингушетии. АО-1971, М,. 1972, стр. 130—131.

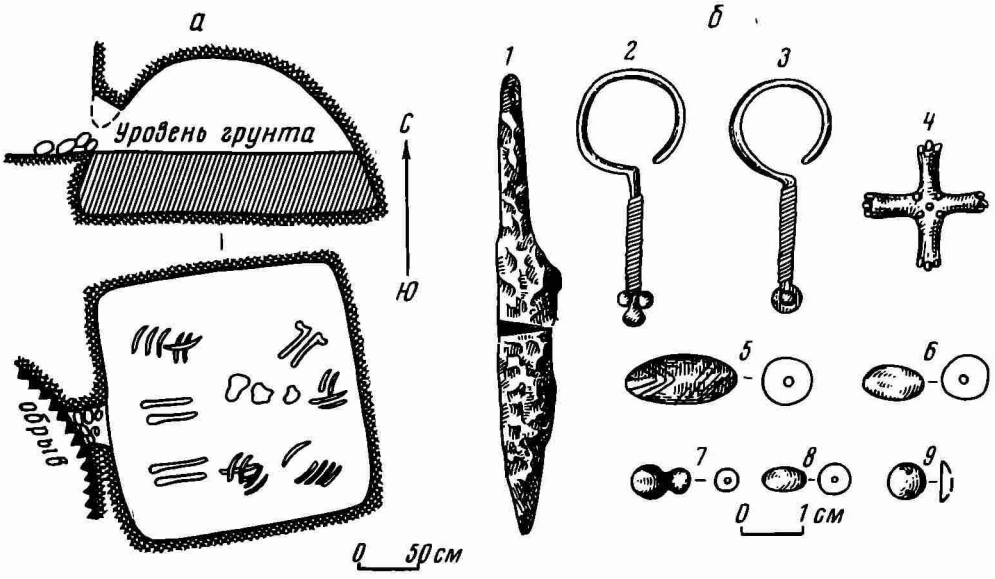


Рис. 1. *а* — план Ушкалоевской катакомбы; *б* — инвентарь катакомбы: *1* — железный нож; *2, 3* — бронзовые серьги-подвески; *4* — бронзовый крест; *5, 6* — сердоликовые бусины; *7* — стеклянная бусина; *8* — пастовая бусина; *9* — бронзовая нашивная бляшка

спасенного от разрушения местными жителями[2]. Погребение располагалось почти у самой поверхности гравийного плато в западной части могильника. Терраса, прорезавшая в этом месте склон, обнажила часть дромоса, заложенного большими камнями. Грабители, не сумев разобрать завал, обрушили примыкающую к лазу часть свода, засыпав при этом значительную часть камеры. Расчистка выявила следующую картину. Погребение представляло собой камеру, подквадратную в плане (2,25 × 2,3 *м*), с сферическим сводом, высотой около 2,5 *м*, вырытую в глинистом, густо насыщенном галечником грунте. Полуразрушенный лаз шириной 0,5 *м* находился в западной стене камеры на уровне 0,75 *м* от пола.

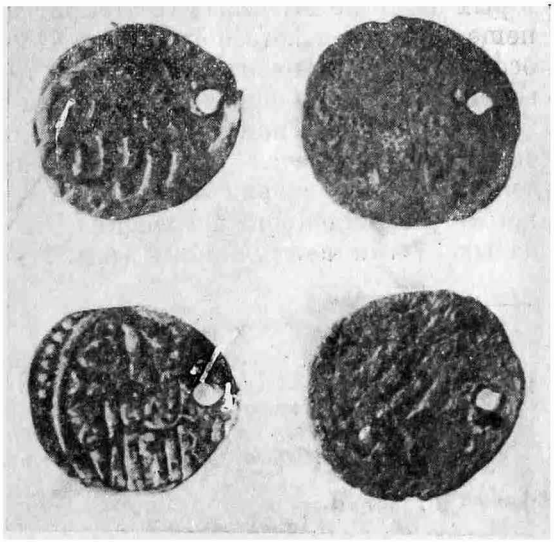


Рис. 2. Золотоордынские серебряные монеты из Ушкалоевской катакомбы

На дне камеры были обнаружены разрозненные костяки четырех-шести погребенных, потревоженные «золотоискателями». Однако положение in situ бедренных и тазовых костей двух из них позволяет высказать предположение, что погребенные покоились вытянуто на спине, ногами к лазу, т. е. головами к востоку.

На дне камеры также были подобраны бусы: две сердоликовые (одна биконической, другая округлой формы), несколько пастовых, три стеклянных зеленого цвета и небольшая бронзовая нашивка с двумя отверстиями (рис, 1, *5—9*). У южной стенки камеры найден железный однолезвийный

[2] Охранные раскопки были произведены разведочно-рекогносцировочным отрядом ЧИНИИИЯЛ (состав отряда В. А. Петренко, Р. А. Даутова, Х. М. Мамаев, С. Л. Дударев).

ножичек длиной 8 *см* (рис, 1, *1*), а в юго-восточном углу — две подвески в виде знака вопроса. Одна из них имела на конце стержня, обмотанного тонкой проволокой, четыре серебряные шарика, напаянные в виде грозди (рис, 1, *2*), другая — бронзовый «глазок», вставленный в проволочную петельку (рис. 1, *3*). Наиболее интересной оказалась находка двух серебряных золотоордынских монет [3]. Судя по пробитым в них отверстиям, монеты использовались в качестве украшений (рис. 2). Одна из них имела надпись (на арабском языке): «Дженибек. Новый Сарай» [4], другая (также на арабском языке) — «Сарай. 761 г. х.» [5].

Височные подвески находят себе близкие параллели в материалах горной Кабардино-Балкарии XIII—XIV вв. [6], особенно широко распространяясь в золотоордынскую эпоху в Юго-Восточной Европе [7].

Наличие золотоордынских монет второй половины XIV в. позволяет уточнить время функционирования Ушкалоевской катакомбы временем после 1360 г., т. е. скорее всего последней четвертью или концом XIV в. Данная датировка приемлема, вероятно, и для других катакомб могильника, аналогичных расчищенной нами.

Сложнее обстоит дело с определением этнической принадлежности погребеяных в Ушкалоевских катакомбах. Как отмечалось выше, Ушкалоевские катакомбы весьма близки позднеаланским. Появление аланских погребений в глубине горных ущелий края связывается нами с притоком алан в горы [8], последовавшим за окончательным разгромом последних в ожесточенных схватках с татаро-монголами на Северном Кавказе на протяжении 20—70-х годов XIII в. [9] К аналогичному выводу пришел и В. А. Кузнецов на основании изучения известных ему материалов Ушкалоевского (раскопки М. Х. Багаева) и Шатоевского могильников [10].

Процесс дальнейшего исторического развития привел к постепенной ассимиляции пришельцев аборигенами-вайнахами, явное преобладание которых здесь не вызывает сомнений [11]. Об этом свидетельствуют некоторые пещеры Шатоевского могильника XIV—XVI вв., по своим функциональным особенностям и инвентарю стоящие уже несомненно ближе к позднесредневековым склепам, нежели к аланским катакомбам [12].

Очень интересной находкой, подтверждающей связи горных районов со степью, является небольшой бронзовый крестик (2,5×2,4 *см*), найденный на территории могильника и происходящий, по-видимому, из какого-то разрушенного погребения. Его концы и перекрестье украшены так называемыми жемчужинами (рис. 1, *4*).

---

[3] Монеты были определены профессором кафедры археологии МГУ Г. А. Федоровым-Давыдовым, за что приносим ему глубокую благодарность.

[4] Дженибек (Джани-бек) — хан Золотой Орды, правил с 1341 по 1357 г.

[5] 761 г. х.—1360 г. по современному летоисчислению.

[6] См. *И. М. Мизиев.* Средневековые каменные ящики в Верхней Балкарии. СА, 1971, 4, стр. 249.

[7] См., например, *И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев.* Элистинский могильник, Элиста, 1971, стр. 34; *Г. А. Федоров-Давыдов, И. С. Вайнер, А. Г. Мухамадиев.* Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай), в 1959—1966 гг. МИА, 164, 1970, стр. 162, табл. I, *12*, табл. IX, *32*.

[8] *В. А. Петренко, Р. А. Даутова, В. Б. Виноградов.* Полный отчет разведочно-рекогносцировочного отряда ЧИНИИИЯЛ за 1972 г. Архив ЧИНИИИЯЛ; *В. Виноградов, Х. Мамаев.* По следам древнего добрососедства (новое об алано-вайнахских связях). «Социалистическая Осетия», 17.VII.1973.

[9] *Л. И. Лавров.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVIII вв. М., 1966; *В. Б. Виноградов.* Через хребты веков. Грозный, 1970; *В. А. Кузнецов.* Алания в X—XIII веках. Орджоникидзе, 1971.

[10] *В. А. Кузнецов.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII веках. СА, 1973, 2, стр. 70.

[11] См., например, *В. И. Марковин.* Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. ДЧИ, 1963, стр. 247—256; *В. Б. Виноградов.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1964 г. АЭС, 1, Грозный, 1966, стр. 134—151.

[12] *В. И. Марковин.* Ук. соч., стр. 244, рис. 1.

Аналогичный крест найден на Водянском городище и датируется он XII—XIII вв. н. э.[13].

Появление многочисленных предметов древнерусского производства на Северном Кавказе Б. А. Рыбаков связывает с перемещением массы русских пленных, захваченных монголами, на становища в северокавказские степи[14]. В горные же районы Чечено-Ингушетии крест мог попасть через тех же алан, часть которых исповедовала христианство[15].

Таким образом, материалы исследованной нами Ушкалоевской катакомбы позволяют не только определить в общих чертах время использования всего могильника, но и проливают некоторый свет на малоизученные страницы истории взаимоотношений населения горных районов края и северокавказской степи в конце раннего — начале позднего средневековья.

---

[13] *М. Д. Полубояринова.* Русские вещи на территории Золотой Орды. СА, 1972, 3, стр. 182.

[14] *В. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 527—531; *В А. Кузнецов.* Древнерусские предметы, найденные на Северном Кавказе. Древние славяне и их соседи. М., 1970, стр. 155.

[15] См.: *В. А. Кузнецов.* Алания в X—XIII веках, стр. 20; *В. И. Марковин.* К вопросу о язычестве и христианстве в верованиях горцев Кавказа. Вестн. КБНИИ, Нальчик, 1972, стр. 253—270.

Критика и библиография

С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. «Наука», Л., 1968, 362 стр. + 9 вклеек.

Исследование техники первобытной эпохи представляет особенно большой интерес, поскольку мы здесь, во-первых, стоим у истоков сложения основных направлений технического прогресса вообще, а во-вторых, впервые устанавливается сложная система взаимодействий техники и общества, предопределившая все последующее развитие человечества. Неудивительно поэтому большое внимание, которое уделяют истории техники первобытной эпохи многие поколения исследователей [1]. При этом традиционно используются преимущественно этнографические материалы и привлекаются археологические свидетельства, обычно интерпретируемые в пределах возможностей типологического метода. Принципиально новый подход стал возможен в результате разработки С. А. Семеновым функционального, или трасологического, метода исследования древних орудий труда, что впервые поставило на прочную научную базу определение их назначения и процесса использования [2]. Значение этого метода, логически вытекающего из теоретических основ советской археологической науки, придающей первостепенное значение исследованию орудий труда, было по достоинству оценено во всем мире, о чем свидетельствует появление переводов основополагающей книги С. А. Семенова одновременно в Англии и США [3]. Разработкой этой методики и созданием принципиально нового направления в археологической науке советская археология не только вышла за пределы мировых стандартов, но, наоборот, сама предложила эти новые стандарты, следовать которым стремятся теперь исследователи других стран.

Продолжая свои исследования, С. А. Семенов уделил большое внимание конкретному анализу отдельных комплексов и групп орудий и экспериментальным исследованиям, позволяющим в соединении с трасологическим анализом более разносторонне и уверенно воссоздавать древние технологические процессы и оценивать направления в развитии техники. Созданию конкретной картины истории техники на древнейших этапах первобытнообщинного строя и посвящена рассматриваемая книга. Ее автором проделана огромная работа по сбору и систематизации данных этнографической науки, но особую ценность, естественно, представляют те ее части, которые основываются на экспериментальных и трасологических разработках, осуществленных С. А. Семеновым в ходе лабораторных и экспедиционных исследований. Тематически книга С. А. Семенова состоит как бы из двух частей. В первой из них рассматриваются способы обработки камня, дерева, кости, рога, бивня, раковин, кожи (стр. 11—174). В известной мере сюда примыкает и глава об освоении и добывании огня (стр. 174—181). Во второй части рассматриваются отдельные виды производств и отрасли хозяйства (стр. 182—348). Здесь имеются

---

[1] Советские археологи еще в 30-х годах уделяли большое внимание этой проблематике. См., например, *Б. Л. Богаевский.* Техника первобытно-коммунистического общества. М.— Л., 1936; *В. А. Городцов.* Значение изучения древней техники в археологии. Тр. секции археологии РАНИОН. М., т. 5, 1930. Из последних зарубежных сводок наибольший интерес представляет: A History of Technology, I. Oxford, 1958.

[2] *С. А. Семенов.* Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий по следам работы). МИА, 54, 1957.

[3] *S. A. Semenow.* Prehistoric Technology. An Experimental Study of the oldest Tools and Artifacts from traces of Manufacture and Wear. London, New York, 1964.

главы о строительстве жилищ, мегалитических сооружениях, путях и средствах передвижения, охоте и рыболовстве. Каждая из глав завершается итоговым заключением об общих закономерностях данного производства или хозяйственной отрасли, а все эти разделы суммируются заключительной главой книги «Общие закономерности развития техники» (стр. 348—359).

Естественно, что роль и значение трасологического метода и экспериментальных исследований при данном размахе и объеме работ особенно заметна в главах первой части. Уже экспериментальные работы по воссозданию процесса проходки неолитических шахт дали новый и интересный цифровой материал (стр. 21—22). Огромное число новых выводов, наблюдений и заключений сосредоточено в обширной главе «Обработка камня» (стр. 35—85). Для изучения раннепалеолитического общества весьма важно рассмотрение С. А. Семеновым оббивки простейших орудий как своего рода творческих актов (стр. 37). Одним из центральных вопросов в экспериментальных исследованиях было скалывание с ядрища различного рода пластин и отщепов. При этом С. А. Семенов отмечает, что опыты не подтвердили эффективности деревянных отбойников (стр. 40), и придает особое значение расщеплению с помощью посредника (стр. 45—51). Этнографические материалы подтверждают широкую распространенность и эффективность этого способа [4]. Трасологические наблюдения и эксперименты внесли много нового в характеристику таких способов обработки камня, как ретуширование, сверление, пиление и шлифование. Принципиальное значение имеет установленная С. А. Семеновым реальная производительность труда при изготовлении шлифованных орудий, чему по традиции приписывались невероятно большие сроки, вплоть до многих месяцев. Эксперименты показали, что на изготовление одного шлифованного топора, вполне пригодного для рубки дерева, из мягкого камня (сланца) затрачивается 2,5—3 часа (стр. 76). В качестве общей закономерности обработки камня с целью получения орудий С. А. Семенов отмечает, что трудоемкость производственного цикла изготовления орудий прогрессировала (стр. 84). В этом отношении весьма показательны следующие данные. Для изготовления галечных орудий древнейших типов требовалось 3—7 ударов оббивки, для ашельских рубил — 50—80, на некоторые орудия позднего палеолита затрачивалось около 250 актов, а при одной шлифовке неолитического топора по абразиву мастер совершал от 20 до 50 тысяч движений (стр. 10).

Третья глава рассматриваемой книги посвящена обработке дерева (стр. 87—127). Здесь значительный интерес представляют данные об эффективности орудий типа ашельских рубил: с помощью такого орудия ольха диаметром в 9 *см* была срублена за 7 мин., а весь процесс изготовления палицы из березы диаметром в 6 *см,* включая все операции, занял 35 мин. (стр. 89). Большой заслугой С. А. Семенова является документально установленное обнаружение орудий для строгания дерева в мустьерских комплексах (стр. 104). Отщепление от круглого ствола досок, судя по использовавшимся для этого клиньям из кости, получило распространение по крайней мере начиная с верхнего палеолита (стр. 115). Как отмечает С. А. Семенов, для этого периода можно говорить также о рубке, строгании, обжиге, гнутье, распаривании, сверлении, обработке дерева резцами и абразивами (стр. 127). Столь же разносторонне, с использованием результатов трасологического анализа и данных экспериментов, рассматриваются в четвертой главе способы обработки кости, рога, бивней и раковин (стр. 128—151). Здесь можно привести лишь один пример бесспорной важности соответствующих разработок. Исследование С. А. Семеновым украшений из верхнепалеолитического погребения со стоянки Сунгирь позволило определить, что на изготовление одних бус было затрачено 2625 часов [5] (стр. 138—139), что позволяет выступать с совершенно определенными количественными параметрами при оценке инвентаря этой замечательной могилы.

Весьма важна для изучения древней техники глава пятая — «Разделка добычи и обработка кожи» (стр. 152—173). При всей полифункциональности древнейших орудий типа ручных рубил ударные функции в них преобладали, тогда как резанье

---

[4] *Т. Кребер.* Ищи в двух мирах. М., 1970, стр. 148.

[5] *О. Н. Бадер.* Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке на р. Сунгирь. СА, 1967, 3, стр. 156.

могло производиться отщепами (стр. 153). Контрольные эксперименты показали полную пригодность для расчленения туш отщепов с галечных орудий (стр. 152). Орудия из отщепов — пластин левалуазского типа уже с уверенностью можно на основании трасологического исследования определять как охотничьи или мясные ножи (стр. 154). Совершенно другой аспект в истории производства представляет обработка шкур как процесс, направленный на удовлетворение потребностей, не связанных с проблемой питания. Использование шкур пушных животных для подстилок на полу жилища, устроенного в пещере Лазере [6], свидетельствует, что шкуры животных использовались по крайней мере в ашельскую эпоху, но пока трудно судить, в какой степени они подвергались при этом обработке. Бесспорные скребки для обработки шкур установлены исследованиями С. А. Семенова для памятников мустьерского времени (стр. 175). Экспериментальные исследования, проводившиеся лабораторией, возглавляемой С. А. Семеновым, показали, что для обработки шкуры барана кремневыми скребками необходимо около 4 часов рабочего времени, причем верхнепалеолитические скребки дают более качественные результаты по сравнению с мустьерскими орудиями [7]. В позднем палеолите для обработки шкур появляется целый набор специализированных инструментов (стр. 172), причем с уверенностью можно говорить о существовании орудий для раскройки кожи (стр. 165—166), а также проколок и шильев. Вместе с тем данные трасологического анализа орудий из Сухой Мечетки свидетельствуют о появлении проколок для глубокого протыкания кожи еще в мустьерский период (стр. 167). Именно такие наблюдения, сделанные на основании использования трасологического анализа и представляющие, таким образом, надежную фактическую основу для общих заключений, делают особенно ценными и фундированными первые пять глав рассматриваемой книги.

В дальнейшем изложении при характеристике уже целых хозяйственных отраслей С. А. Семенов в определенной мере опирается на эти наблюдения, а также на ряд целевых экспериментальных работ. Опыты по получению огня трением дерева о дерево дали положительные результаты при использовании способа сверления и позволили установить ряд особенностей этого способа (стр. 178—180). Интересны результаты физического моделирования процесса работы с мегалитическими постройками, попытки псевдонаучной трактовки которых, к сожалению, достаточно часты и в наши дни. Проведенные опыты показали, что гранитный валун весом 3 *т* силами двух человек при помощи березовой жерди в качестве рычага сравнительно легко был поднят на высоту 50 *см* (стр. 247, рис. 63). Вместе с тем для многих видов хозяйственной деятельности первобытного общества этнографический материал в значительной мере остается основным, что, в частности, видно и по данной книге С. А. Семенова, тщательно этот материал собравшего и систематизировавшего. Кроме того, разработанный автором метод достоверного определения функций древних орудий открывает большие возможности для восстановления хозяйственной деятельности обществ, известных нам по одним лишь археологическим материалам, что частично осуществлено уже самим С. А. Семеновым при характеристике охоты палеолитической эпохи. При рассмотрении различных способов получения продуктов как хозяйственных систем можно выделить четыре основных составляющих элемента: сам объект эксплуатации (те или иные виды растительного и животного мира), орудия труда, с помощью которых осуществляется получение и обработка соответствующих продуктов питания, та природная среда, в которой протекает данный хозяйственный процесс, и, наконец, сам человек, центр всей системы, чья деятельность объединила все остальные элементы и уровень интеллектуального и профессионального развития которого во многом определял сам способ хозяйства. Соответственным образом при реконструкции хозяйственных систем древности необходимо опираться на различные виды источников, содержащие информацию о соответствующих составных элементах. В этом отношении трасологический метод, разработанный С. А. Семеновым, особенно в сочетании

---

[6] *H. Lumley.* Une cabane acheuléene dans le grotte du Lazaret. Paris, 1969.

[7] *Г. Ф. Коробкова.* Экспериментальное изучение орудий труда и древних производств эпохи палеолита. АО-1971, М., 1972, стр. 172.

с опытами по физическому моделированию древних производственных процессов, дает нам материалы первостепенной важности для точной характеристики такого ответственнейшего элемента системы, как орудия труда, и в этом отношении огромные открывающиеся здесь возможности еще должным образом не только не использованы, но по существу и не оценены.

Наблюдения С. А. Семенова над закономерностями развития транспорта, домостроительства, охоты, рыболовства, сделанные в рассматриваемой книге, безусловно, будут встречены с интересом всеми историками первобытного общества. Так, С. А. Семенов справедливо отмечает, что при перемещении от экватора к северу или к югу роль охоты в жизни первобытных обществ все более повышается и что «особую роль охота приобрела в приледниковой зоне Европы и Азии, где сосредотачивалась фауна субарктической адаптации» (стр. 322). Действительно, если считать, что наличие пестов-терочников в верхнепалеолитических комплексах Восточной Европы свидетельствует об обработке какой-то пищи растительного происхождения [8], то все равно флористические ресурсы тундры и лесотундры едва ли могли играть особенно значительную роль в пищевом рационе древних общин.

В заключение своей книги, столь богато насыщенной фактическим материалом, в том числе и принципиально нового характера, полученным в ходе работ ее автора, С. А. Семенов предлагает характеристику общих закономерностей развития техники в каменном веке. Это и рост механической мощности орудий, шедший на ранних этапах по пути увеличения веса ударных орудий (стр. 349), и формирование скорости движения (стр. 349), и увеличение непрерывности производственного процесса, имевшее место наряду с расширением производства и повышением производительности труда (стр. 353), и дифференциация орудий как направление технического прогресса (стр. 353). При этом параллельно с дифференциацией орудий проходила и специализация производств в виде выделения и обособления технических отраслей (стр. 354).

Таким образом, рассматриваемая книга имеет первостепенное значение для древней истории. Ее основная ценность в рассмотрении и систематизации ранее известного материала на основе точных фактических данных, полученных в результате применения созданного С. А. Семеновым метода трасологического анализа, дополняемого и верифицируемого физическим моделированием древних производственных процессов. Этот труд является дальнейшим утверждением нового направления в археологии, открытого первой книгой С. А. Семенова, вышедшей в 1957 г. Разработка нового, микрометрического метода позволяет охватить исследованием и те орудия, на которых следы работы не выявляются при трасологическом анализе [9]. Этому методу принадлежит большое будущее при определении функций орудий раннего палеолита. Ученики С. А. Семенова применили разработанную им методику к исследованию не только отдельных серий орудий, но и целых комплексов, происходящих с крупных памятников, и даже культур в целом, что позволило сделать важные выводы уже в конкретно историческом преломлении [10].

В возглавляемой С. А. Семеновым экспериментально-трасологической лаборатории в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР проходили обучение стажеры из Болгарии, ГДР и ДРВ; многие зарубежные ученые стараются са-

---

[8] *А. Н. Рогачев.* Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине. В кн. «Антропологические реконструкции и проблемы палеоэтнографии». М., 1973.

[9] *С. А. Семенов, В. Е. Щелинский.* Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях. СА, 1971, 1.

[10] *Г. Ф. Коробкова.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, 158, 1969; *ее же.* Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ. Успехи среднеазиатской археологии, I. Л., 1972; *Г. Ф. Коробкова, Т. В. Кигурадзе.* К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис-гора. КСИА АН СССР, 132, 1972; *В. Е. Щелинский.* Изучение производственных функций галечных орудий из позднепалеолитических стоянок Енисея. МИА, 185, 1972; *Т. М. Мирсаатов.* Изучение учтутских шахт и функциональное определение их орудий методом эксперимента. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1970; *Н. Н. Скакун.* Функциональное исследование каменных наконечников стрел эпохи бронзы. Каракумские древности. Ашхабад, 1972.

мостоятельно овладеть методом трасологического анализа и дать ему дальнейшее развитие. Совершенно ясно, и об этом, в частности, свидетельствует кратко охарактеризованная выше книга, что перед нами большое научное явление, новое направление, позволяющее получать принципиально новые данные и характеристики, имеющие не предположительный, а строго объективный характер.

В. М. Массон

R. Hachmann. **Die Goten und Skandinavien** (Quellen und Forschungen zur Sprach und Kulturgeschichte der germanischen Völker. N. F., 34(158). Berlin, Walter de Gruyter & Co., 1970, 584 стр., 82 рис.

Новая книга Р. Хахмана рассматривает лишь один аспект обширной готской проблемы — тему «готы и Скандинавия». Узнать, достоверна ли сохраненная в книге Иордана легенда о переселении готов из Скандинавии, важно и для археологов, и для историков, и для лингвистов. Но содержание книги гораздо шире поставленной в заглавии задачи.

Р. Хахман прослеживает, как под влиянием книги Иордана в средневековой историографии складывалось и укреплялось мнение о Скандинавии как о «вагина нациoнум» (утробе, порождающей племена), родине многих германских народов раннего средневековья. Эту легендарную традицию с увлечением подхватил Г. Коссина. Он считал, что лишь западные германцы автохтонны на континенте, а восточные приплыли из Скандинавии. Позднее ученики Г. Коссины постепенно объявили пришельцами из Скандинавии почти все древнегерманские племена, вплоть до свебов, саксов и лангобардов. Р. Хахман иронически замечает, что самые западные из германских племен потому не получили скандинавских предков, что ими не успели заняться ученики Г. Коссины. Этногенетические споры в рамках метода Г. Коссины настолько зашли в тупик, что часть критически настроенных исследователей вообще отказались от этнических исследований и, по выражению Р. Хахмана, перешли к «чисто антикварным исследованиям» (стр. 177). Р. Хахман показывает, что хотя в наше время многие исследователи уже не помнят работ Г. Коссины, его методы и идеи живут, утратив его авторство в глазах новых поколений.

Критика этих идей подчас ведется методами самого Г. Коссины, превращая спор в порочный круг. Беря один из краеугольных камней коссиновской германистики — вопрос о переселении готов из Скандинавии, Р. Хахман рассматривает его не только как чрезвычайно интересную историческую проблему, но и как поле для разработки и опробывания методики комплексного исследования по письменным и археологическим источникам.

Подвергнув скрупулезному анализу текст книги Иордана, Р. Хахман выделил в ней следы деятельности трех авторов. Наиболее ясно и общепризнанно то, что внесено в книгу самим Иорданом (хотя и здесь Р. Хахман не во всем согласен со своими предшественниками): введение, текст об истории готов в «послекассиодоровский» период с восхвалениями Юстиниана (§ 81, 303—306), высказывания против арианства (§ 132, 133, 138), личные воспоминания Иордана о его предках и о малых готах и мелкие добавления. Выделение двух других авторов сделано с неодинаковой степенью достоверности для разных отрывков (оно подробно обосновано Р. Хахманом в тексте, сведено по авторам в специальном приложении на стр. 475—498) и должно стать предметом обсуждения специалистов по раннесредневековой латинской литературе. Но если читать «Гетику», следуя предложенной Р. Хахманом группировке текста, перед нами действительно оказываются три разных автора со своими взглядами, своим литературным стилем — словом, три цельных произведения. Первый из авторов по времени — Аблабий, «выдающийся описатель готского народа», как его характеризует один из позднейших «соавторов» по «Гетике». Его наследие состоит из двух частей: 1) древняя история готов до Германариха (часть § 9, § 16—28, 89—118), в связи с которой его имя не раз упомянуто в книге (по мнению Р. Хахмана, Кассиодором); 2) формально аноним-

ная история вестготов до Алариха II (485—507 гг.) в § 119, 121—169, 173, 176—178, 184—193, 197—198, 201—238, 244. Р. Хахман убедительно считает, что обе части входили в одно произведение Аблабия — историю вестготов с древнейших времен, оконченное до появления остготов Теодориха в Италии в 489 г., так как книга Аблабия знает только вестготов («готов»). Стиль Аблабия резко отличен от кассиодорова: он пишет просто, деловито, насыщенно фактами, местами несколько суховато. Он очень скупо и точно пользуется образными средствами — лишь там, где ход рассказа требует особой эмоциональности. Его книга написана с вестготских позиций, и Р. Хахман показывает, что в ряде случаев симпатии Аблабия расходятся с отраженными Кассиодором симпатиями остготского двора. По предположению Р. Хахмана, Аблабий жил в Галлии и был близок двору в Толосе.

Читая выделенные Р. Хахманом части текста Кассиодора, невольно вспоминаешь слова Иордана о бессилии «наполнить воздухом столь великолепную трубу его (Кассиодора — *А. А.*) красноречия» («Гетика», § 2). Кассиодор прежде всего оратор, он без надобности риторичен и напыщен, многословный и мало конкретный его рассказ запутан и загромождён только ради «красного словца». Здесь много общего с трескучими речами, составлявшимися им же для остготских королей (они приводятся Р. Хахманом для сравнения). Для стиля Кассиодора характерно изложение от первого лица: «Мы с очевидностью доказали», «говорю», «не преминем сказать» и т. д. (у Аблабия этого нет, у Иордана речь идет от первого лица лишь там, где он что-нибудь сообщает о себе самом). Вторая особенность — введение вставок и отступлений с помощью оборотов: «Теперь, читатель, послушай меня...» или «Теперь же вернемся к тому, от чего сделали отступление, и поведаем...» (§ 78—82) и т. п. Обычно эти особенности приписывались Иордану, но Р. Хахман показал, что в ряде случаев они сопровождают такие отступления, в которых мог быть заинтересован только Кассиодор (§ 156) или его заказчики-остготы (§ 174—175). По стилю и содержанию Р. Хахман относит к Кассиодору § 4—8, 10—15, 29—88, 178—183, 199—200, 246—302, некоторые мелкие отрывки и фразы. В их числе сообщения о славянах: § 34, 35, вторая часть § 119 (текст о войне Германариха с венедами отнесен к Аблабию) и § 247. Известно, что задачей Кассиодора было приравнять остготскую историю к римской и дать Амалам генеалогию, равную римской по славе. Р. Хахман считает, что Кассиодор включил в свою книгу вестготскую историю Аблабия потому, что хотел превратить историю Амалов в общую историю всех готов, в то время объединившихся под главенством одной династии (у вестготов правил ставленник Амалов Тиудис). А так как история Аблабия начиналась с древнейших времен, Кассиодор поместил ее в начале своей книги, дополнив извлечениями из истории гетов и скифов. Поступая так, он опирался на географические представления ранней античности, делившей европейских варваров на кельтов и скифов. Поскольку «готы» напоминали созвучием «гетов» и ранее жили в Скифии, Кассиодор считал свои сопоставления вполне допустимыми. Далее Кассиодор описал историю остготов до Аталариха, кратко изложил вестготскую историю после Алариха II и сделал вставки об остготах в раннюю историю Аблабия, у которого они не упоминались. Он же, как считает Р. Хахман, вставил в текст Аблабия название «вестготы» вместо «готы».

Иордан сократил историю Кассиодора, дополнив ее кратким обзором последующих событий. Проделанный Р. Хахманом анализ хорошо подтвердил, что Иордан читал книгу Кассиодора не раз и успел сделать из нее обширные выписки. Другая часть текстов явно дана в пересказе. Все говорит за то, что он не перерабатывал структуру книги Кассиодора (в которой прежде всего бросается в глаза весьма механическое включение вестготской истории Аблабия), а работал тем же методом, как и над «Романа». Говоря словами Е. Ч. Скржинской, «для „Romana" он делал выписки из трудов древних авторов, которые затем соединил в хронологическом порядке, это и было „Сокращением хроник". Конец „Romana", где представлены последние годы существования остготского королевства в Италии, Иордан написал по собственным наблюдениям и, может быть, по каким-либо современным источникам»[1]. Тот же метод работы Иордана подтверждается для «Гетики» в

[1] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 30.

свете исследований Р. Хахмана. Таким образом, главная заслуга Иордана перед наукой нашего времени заключается в том, что он в достаточной целостности сохранил труды обоих готских историков, особенно Аблабия.

Сообщение о переселении готов из-за моря, как показал Р. Хахман, находилось в труде Аблабия и восходит к готской традиции (степень достоверности этой традиции неизвестна). Готское название острова Аблабий по каким-то соображениям заменил заимствованным у античных географов названием Скандия (искаженное средневековыми переписчиками в «Скандза»). Более достоверны, по мнению Р. Хахмана, показания античных авторов, особенно Тацита и Птолемея. Перечисляя с юга на север народы восточной части Свебии, Тацит поместил шире всех распространившихся лугиев к северу от цепи гор, рассекающих страну свебов; севернее лугиев он называет готонов и еще севернее — у Океана — ругиев и лемовиев. Восточнее названы айсты, певкины, венеды и финны. В основных чертах с этим сходны данные Птолемея: в восточных пределах Германии у истоков Вислы живут лугии, севернее — бургунты и у моря — рутихлеи (ругии). Готов он поместил не в Германии, а в Сарматии, как считает Р. Хахман, потому, что они жили за Вислой. Гутонов вместе с бургодионами, вариннами и харинами Плиний включил в группу виндилиев. По мнению Р. Хахмана, эти данные локализуют готов в глубине страны, на восточном берегу Вислы, в промежутке между вандалами и народами побережья. Он истолковывает рассказ Аблабия в том смысле, что готы могли высадиться с кораблей не на морском берегу, а на берегу Вислы. Лишь позднее они победили живших у Океана ульмеругиев (ругиев, рутихлеев) и воевали со своими южными соседями вандалами. Поскольку данные античных авторов и готской традиции о местоположении вислинских готов в общих чертах совпадают, Р. Хахман локализует готов I—II вв. н. э. к востоку и северу от изгиба Вислы, севернее вандалов и южнее приморских народов.

С позднего латена на Висле имелись две группы населения — носители оксывской и пшеворской культур. Археологи коссиновской школы считали оксывскую культуру готской или гепидской, ссылаясь на готскую легенду о переселении через море. Р. Хахман исключает из своих поисков оксывскую культуру именно потому, что она приморская, и считает, что готов нужно искать южнее. Он указывает, что как раз восточнее и севернее изгиба среднего течения Вислы уже давно выделена мазовецкая локальная группа пшеворской культуры. Как и остальная пшеворская культура, она, по-видимому, имеет генетические связи с ящичной и клешевой культурами. В период сложения мазовецкой группы (в начале позднего латена) она была наиболее близка остальной пшеворской. В ней также преобладали ямные и иногда рассыпанные погребения (трупосожжения), в могилах много битой посуды, обгоревшей на погребальном костре до ошлакования, мужчины похоронены с оружием. Но уже тогда имелись и отличия: не было трупоположений, встречаются каменные круги, битая керамика собиралась в могилу более тщательно. В середине позднелатенского периода только в этой группе пшеворской культуры не сменились формы посуды. В римскую эпоху различия с пшеворои усилились: в погребениях исчезло оружие, в могилы добавлялись остатки костра; много целых сосудов, часто ошлакованых на погребальном костре. В позднюю римскую эпоху число памятников вдруг резко уменьшилось, сожжения стали все больше уступать место трупоположениям, вновь появилось под пшеворским влиянием оружие, бо́льшая часть территории мазовецкой группы была занята оксывскими памятниками. Очевидно, значительная часть мазовецкого населения выселилась со своей привислинской территории. Р. Хахман считает носителей мазовецкого варианта пшеворской культуры готами. Территория и время возникновения мазовецкой группы совпадают с первыми письменными данными о готах, их уход — тоже. Дальнейшими судьбами готов Р. Хахман в своей книге не занимается.

Окончательно ли решен вопрос о вислинской области готов? К сожалению, первые достоверно готские памятники (погребения) зафиксированы в Италии только с конца V в. (очень скудно), в Испании с VI в.; о местоположении и культуре более ранних готов (I—V вв.) можно только гадать с разной степенью вероятности. Античных авторов III—IV вв. интересовали связанные с готами события на территории империи. Многие географические координаты у авторов V—VI вв.

не удается расшифровать, а главное, в III—V вв. не было такой специфической археологической культуры, которую можно было бы связать только с готами. И обширнейшая черняховская культура, и дунайские находки V в. принадлежали многим народам, их точная этнически дифференцированная атрибуция — дело будущего. Глубоко ошибаются те, кто объясняет это особенно низким культурным уровнем готов в сравнении с другими варварскими народами. Этот народ сыграл огромную роль в Европе III—VI вв., о его культуре говорит готский перевод библии (IV в.) и появление у готов целой плеяды историков V—VI вв. (Аблабий, Кассиодор, Иордан). До нахождения достоверно готских памятников III—V вв. предложенная Р. Хахманом локализация готов I—II вв. останется гипотезой, как признает он сам. Р. Хахман прав, что эта гипотеза во многом даже более обоснована, чем оксывская, и во всяком случае не уступает ей. Однако жаль, что Р. Хахман не попытался указать место оксывской культуры в своем анализе данных Тацита и Птолемея. Если это не готы, то кто — второстепенные (?) ульмеругии, побежденные готами, или гепиды, или другой народ? Большая по территории, с высокоразвитой металлообработкой (оказавшей большое влияние на соседей), со II в. захватившая часть пшеворской территории (и саму мазовецкую область), далеко проникшая на Волынь, эта культура принадлежала какому-то весьма значительному народу. Ответ на этот вопрос мог бы укрепить позицию Р. Хахмана.

Вопрос о «готах и Скандинавии» не получил в книге Р. Хахмана однозначного ответа. Школа Г. Коссины заранее отвечала на него только утвердительно, но никогда не смогла показать это переселение археологически или лингвистически (в том числе Э. Оксеншерна в специальной книге). Е. Кмецинский убедительно доказал, что все элементы оксывской культуры, ранее считавшиеся специфически готскими, связаны не со Скандинавией, а с широким кругом преимущественно древнегерманских культур на континенте. Но Е. Кмецинский не решил вопрос о готах, он лишь разрушил аргументацию школы Г. Коссины, не представив взамен ничего, кроме умозрительного предположения, что готы шли из Скандинавии на юг не столько через Польшу, сколько просачивались мелкими группами по всему южнобалтийскому побережью и концентрировались у римской границы. Этому соответствует новое мнение ряда польских исследователей о том, что оксывская культура не готская, а славянская. Книга Р. Хахмана подводит итог всем попыткам вывести готов из Скандинавии. Р. Хахман констатирует упоминания в письменных источниках «готских» групп на Висле (готы) и в Швеции (гаутигот и вагот). Насколько сходство названий означало физическое родство, а также откуда могло идти расселение готов: с юга на север или с севера на юг — ни Р. Хахман, ни кто-либо другой сейчас ответить не могут. Зато Р. Хахман веско показал, что археологические данные не позволяют говорить о каком-либо археологически уловимом переселении через Балтийское море в интересующее нас время. Культуры Вестерьетланда, Эстерьетланда, с одной стороны, и Вислы — с другой, более тесно связаны с прилегающими к ним районами, чем между собой. Население Скандинавии было в латенскую эпоху очень редким; колонизация огромных незаселенных пространств шла так медленно, что невозможно говорить об избытке там населения ко времени формирования мазовецкой группы на рубеже II—I вв. до н. э. Для сопоставления Р. Хахман рассматривает множество случаев из разных районов Европы, в которых археологический материал с несомненностью указывает на переселение.

Значение труда Р. Хахмана намного выходит за рамки темы «Готы и Скандинавия». Он нужен исследователям, занимающимся проблемами культур Восточной и Средней Европы в позднелатенское и римское время, эпохой великого переселения народов, проблемами этногенеза и многими другими. Детальный анализ книги Иордана, восстановление трудов Аблабия и Кассиодора — это как бы отдельная книга в книге Р. Хахмана. Рецензируемая работа также очень поучительна для изучения готской проблемы в Восточной Европе. Ранее, в соответствии со взглядами коссиновской школы, гото-гепидской культурой считали оксывскую, а южных готов многие хотели видеть только в памятниках типа Дитиничи — Брест. Однако после работы Р. Хахмана, видимо, придется считаться с возможностью параллельного проникновения в Восточную Европу разных групп древнегерман-

ских племен II в.— носителей оксывской культуры и мазовецкого варианта пшеворской культуры. Действительно, пшеворские элементы многочисленны на территории СССР и Румынии в черняховской культуре, как показали Э. А. Сымонович, Н. М. Кравченко, Г. Ф. Никитина, Г. Дьякону и др. Э. А. Сымонович даже полагает, что в отличие от оксывской культуры пшеворская культура была одним из важных слагаемых черняховской культуры [2]. Это могло бы стать аргументом в пользу гипотезы Р. Хахмана.

В свете исследования Р. Хахмана можно думать, что первоначально готы были небольшим племенем, и лишь в процессе «скифских» войн III в. и особенно событий V в. они приобрели историческое значение. Когда исследователи ищут ранних готов среди больших культур типа оксывской, не попадают ли они под влияние концепций Аблабия и Кассиодора? Не падает ли на историю готов I—III вв. преувеличенный отблеск их последующего величия в V—VI вв.? Конечно, не случайно уже в IV в. именно у готов сделал Ульфила свой перевод библии, оставшийся одним из древнейших и основных памятников древнегерманских языков. Но все же прав Р. Хахман, что по пути на юг готы попали в иную культурную среду, что, живя на юге, они, несомненно, присоединили к себе многие германские и негерманские группы, что потому нельзя ставить знак равенства между готами Повисленья, готами юга Восточной Европы и готами Паннонии, Италии и Испании. Значение книги Р. Хахмана в том, что она разрушает «гипноз» готской истории Кассиодора — Иордана и вместо того, чтобы искать прямой путь одних и тех же готов от Скандинавии до Украины и Италии, заставляет более внимательно и осторожно подойти к сложному и противоречивому историческому процессу.

А. К. Амброз

---

[2] *Э. А. Сымонович.* Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Автореф. докт. дис., М., 1971, стр. 42, 43.

R. Hachmann. Die Goten und Skandinavien (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker. N. F., 34(158). Berlin, Walter de Gruyter & Co., 1970, 584 стр., 82 рис.

Книга Рольфа Хахмана «Готы и Скандинавия» посвящена одной из острейших проблем европейской археологии железного века — археологической идентификации готов. Готы — один из тех некочевых народов, дальние миграции и разные места жительства которых засвидетельствованы исторически. Таким образом, они представляют собой пробный камень для методов археологической идентификации древних народов, этнического определения археологических культур и выявления миграций в археологическом материале. Это частный случай сложной задачи интеграции археологии с другими гуманитарными науками — историей, лингвистикой, топонимикой и этнографией. Этот путь интеграции (ethnische Deutung — «этническое истолкование») впервые широко открыл для археологии Г. Коссина, но при этом разработал его в крайне тенденциозном, вульгаризаторском и декларативном духе. Поэтому дальнейшее продвижение по этому пути необходимым образом требует критики учения Коссины.

Р. Хахман не впервые обращается к этой сложной проблеме — «этническому истолкованию», интеграции наук и критике учения Г. Коссины. В 1962 г. он выступил одним из соавторов книги «Народы между германцами и кельтами» [1]. Уже там Р. Хахман разъяснил, какие ошибки Г. Коссины он считает наиболее существенными в дискредитации всей задачи. Это отсутствие внутренней критики тех и других источников, неоромантическое представление о всех проявлениях жизни и культуры народа как о цельном единообразном организме (отсюда совмещение

---

[1] *R. Hachmann, G. Kossack, H. Kuhn.* Völker zwischen Germanen und Kelten. Schriftquellen. Bodenfunde und Namengut zur Geschichte des nördlichen Westdeutschlands um Christi Geburt. Neumünster, 1962; *А. К. Амброз.* Рец. СА, 1969, 4, стр. 266—272.

разных аспектов — в частности, языка с культурой — и принцип pars pro toto), ограниченность мышления (одноплановo-этническая интерпретация без учета других планов) и т. д. Во всех этих констатациях Р. Хахман следует за Ю. Эггерсом.

Г. Коссина не признавал возможности несовпадения археологических карт с показаниями древних авторов, а где показания эти слабы или отсутствуют, безоговорочно доверял археологической карте [2]. Э. Вале доказал наличие разительных несовпадений и отказался судить о размещении древних племен по археологическим данным, доверяя только письменным источникам [3]. Ю. Эггерс показал, что для изживания пороков, привитых археологии Г. Коссиной, необходимо осознать тот факт, что археологические материалы и письменные источники освещают жизнь с разных сторон, отражают разные ее аспекты, поэтому и не должны во всем совпадать: получаются как бы проекции на различно расположенные плоскости. Простое совмещение их ничего не дает, кроме недоразумений [4]. Ю. Эггерс предложил иную методическую программу исследований. Сначала надо разные категории источников подвергать по отдельности источниковедческой критике при помощи соответствующих наук, определить границы, специфику и достоверность информации, получаемой от каждой категории источников. Затем нужно исторически интерпретировать каждый из этих потоков информации тоже по отдельности специальными методами соответствующих наук, для каждого потока своей, ибо только эти методы адекватны специфике материала и ими нужно владеть профессионально. Стало быть, залезать в чужой материал при этом нельзя, ведь почти неизбежно вылазка будет дилетантской. И лишь готовые результаты анализа, полученные в разных науках можно сопоставить как равноправные (даже если они различные по богатству) и комбинировать для вывода, практически подвергнуть взаимной проверке. Если совпадут — хорошо, если нет — искать, где причины несовпадения.

Ю. Эггерс выразил всю эту программу лапидарной формулировкой немецких военных стратегов: «Getrennt marschieren, zusammen kämpfen!» («Раздельно идти, вместе сражаться!»). В этой методике нет места для коссиновской манеры перекрывать пробелы в источниках одной науки данными, заимствованными из другой, — например, через разрывы в культурной преемственности перебрасывать мостики с помощью антропологических связей и т. п. Подобную методику Ю. Эггерс и Р. Хахман называют «смешанной аргументацией» и решительно отвергают. Отказ от нее и введение чистой методики продвижения в прошлое по отдельному для каждой науки пути Р. Хахман именует «регрессивной пурификацией» (стр. 473). Такова методическая программа.

Реализацией этой программы и явилась книга, вышедшая в 1962 г. Три вида источников, три науки — три исследователя. Все маршируют раздельно. Каждый представляет науку как профессионал. Правда, Р. Хахман по основной специальности — археолог, а взялся за письменные источники, но на это время он как бы обязался перестать быть археологом, должен был превратиться в историка-источниковеда, владеющего полностью методами этой профессии, и Р. Хахман выполнил эту обязанность.

Критический анализ сообщений древних авторов показал Р. Хахману, что дуализм кельтов и германцев сложился в представлении римлян исторически, а существовал ли в реальности — неизвестно, что классификация народов была зачастую политической, иной раз архаизирующей и искусственной. Население, ставшее известным позже, причислялось то к кельтам, то к германцам, а было ли на деле кельтским или германским или каким-то еще — неизвестно, но ввиду колебаний

---

[2] *G. Kossinna.* Die Indogermanische Frage, archäologisch beantwortet. ZfE, 1902, S. 185; *Idem.* Die verzierten Eisenlanzenspitzen als Kennzeichen der Ostgermanen. ZfE, 1905, S. 371—407, 596—599; *Idem.* Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg, 1911.

[3] *E. Wahle.* Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlicher Kulturprovinzen. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl. Jg. 1940—41, 2. Abhandl.

[4] *H. J. Eggers.* Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte. In.: Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft. Wahle — Festschrift. Heidelberg, 1950, S. 49—59; *Idem.* Einführung in die Vorgeschichte. München, 1959.

третье решение наиболее вероятно. Благодаря усилиям Г. Коссака археологические материалы в свою очередь показали наличие третьей культурной группы между достоверно кельтской и достоверно германской культурами. Наконец, лингвист Г. Кун выявил между ареалами кельтской и германской гидронимики область гидронимов какой-то третьей языковой группы. Это были блестящие исследования, и результат превзошел ожидания. Все три карты совпали. Расхождения оказались очень небольшими. Собственно, исследователи столкнулись с казусом, почти отвечающим «уравнению» Г. Коссины «культура — этнос» и попадающим в разряд «положительных примеров». Четвертого раздела, синтетического, в книге по сути нет. Какого-либо сложного синтеза попросту не потребовалось. А если бы не совпали?

Между тем в методической установке Эггерса — Хахмана оставались существенные неясности. Как «getrennt marschieren» — более или менее понятно, а вот как «zusammen kämpfen»? Если налицо совпадение, то «kämpfen», собственно, не приходится, а если несовпадение, то непонятно, как от этого негативного результата перейти к позитивным выводам. Какое «комбинирование» предусматривается и методами какой науки его требуется проводить, чтобы оно прошло на профессиональном уровне?

Новая книга Р. Хахмана по самой природе избранной задачи как бы признана ответить на эти вопросы. Случай взят гораздо более сложный: миграции и места обитания готов известны, по крайней мере частично, а культуры различны и установить их связи затруднительно. Археология бьется безуспешно над этой загадкой. Синтез явно будет нелегким. Лицом к лицу с этой трудностью, Р. Хахман идет на крайнюю меру — встает на грань отступления от основной методической установки: берется за все виды источников сам. Он один будет здесь и историк и филолог, и археолог.

Но один человек уже не может охватить все в нескольких науках с достаточно профессиональным проникновением. Что ж, если нельзя охватить все, то остается попытаться соединить разные науки на отдельной проблеме, желательно достаточно важного, центрального значения. Искать размещение и происхождение не всех германских племен, а одного — готов. То есть выход Хахман видит в том, чтобы на место универсально-энциклопедического, всеобъемлющего рассмотрения поставить избирательное, центрированное — Хахман называет его «экземплярным» (exemplarische). Готы как фокус комплексного исследования (как Exempel) хороши тем, что их история запечатлена письменными источниками раньше деяний других германских племен. С другой стороны, археологически они на Севере неясны, у Черного моря неуловимы и пойманы лишь в Италии.

Всестороннее рассмотрение изолированных частных вопросов в общем идея не новая. Она связана с установками позитивизма, и недаром Р. Хахман не раз напоминает, что не так уже был глуп позитивизм, не все в нем было плохо (стр. 187, 211, 450). Да, в позитивистской методике были и плюсы, были и минусы. О них тоже не стоит забывать. В частности, давно высказывались предостережения и против приоритета, отдаваемого частным вопросам перед общими. «...Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, — указывал В. И. Ленин,— тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „натыкаться“ на эти общие вопросы» [5]. Посмотрим, удалось ли Хахману избежать этой участи.

Глава 1 (стр. 15—143) посвящена анализу письменных источников. Тщательным и остроумным разбором Р. Хахману удалось разрушить традиционное представление о том, что, по письменным источникам, готы переселились на материк из Скандинавии, укрепились на морском берегу в районе устья Вислы и оттуда предприняли свою миграцию к Среднему Днепру и Черному морю. Р. Хахман показал, что сообщаемая Иорданом легенда о прибытии готов на материк из Скандинавии не уникальна и не реалистична, что она имеет параллели и является фольклорным

[5] *В. И. Ленин.* Отношение к буржуазным партиям. Полн. собр. соч., т. 15, М., 1961, стр. 368.

сюжетом, что она через Кассиодора и Аблабия восходит к позднеантичному представлению об обильном племенами Севере (officina gentium, vagina nationum).

Приводится аналогичный рассказ о прибытии саксов в Британию — тоже на трех кораблях, тоже запись VI в. Хахман продемонстрировал, что древнейшие сведения о готах (последние века до нашей эры) помещают их на материке, недалеко от маркоманов, в составе вандилов, южнее венедов на Висле, по ту сторону лугиев, т. е. не у моря, а на восточном берегу Средней Вислы. Более раннее, чем на материке, появление готов на о. Готланде и в Гёталанде (Швеция) в письменных источниках не документировано и является поздней исторической конструкцией. Если бы не Иордан, то никто из современных ученых не связал бы готов с морем. Но указаниям древних авторов должно быть отдано предпочтение перед Иорданом в характеристике положения дел в их время! Это очень важный и блестяще проделанный переворот во взглядах.

Глава 2 (стр. 145—220) филологическая. Можно было бы ожидать, что здесь автор рассмотрит вопрос о позиции готского языка в германской языковой семье, о выделении восточногерманских языков, об их сравнительной близости с северогерманскими и западногерманскими и т. п. Ничего этого в книге нет. Вместо этого данная глава, в отличие от предшествующей, посвящена не непосредственному разбору источников, а историографическому обзору трактовки готов в германистике, причем в центре внимания отнюдь не лингвистические исследования, а проблемы этнической истории. В основном в этой главе автор прослеживает, как «скандинавский топос» Иордана был использован Г. Коссиной, как и почему затем идеи Г. Коссины пробивали себе дорогу в германистику и какую роль в ней они играют сейчас.

Сам по себе этот историографический обзор очень интересен и поучителен. Главный недостаток данной главы — в ее функциональном несоответствии задаче. Она могла бы войти во введение или составить самостоятельную статью, но ведь в книге она — на месте анализа второй категории источников. Вопросы о родстве языков остались без ответа. Сам же Р. Хахман задает еще ряд вопросов, «на которые археологи с интересом выслушали бы самостоятельные ответы лингвистов»: готы Южной России и готы Повисленья — это одно и то же население или, сохранив имя, включали в свой состав в России уже и другие племена? Был ли язык готов Вислы тем же, что готский Ульфилы? И так далее. На эту серию вопросов Р. Хахман не только не дает ответов, но и сомневается в возможности добиться их независимым лингвистическим анализом (стр. 210—211).

Глава 3 (стр. 221—450) посвящена анализу археологических источников. Можно было бы ожидать, что автор рассмотрит археологические памятники широкой территории, их распределение по культурам, затем по генетическим и контактным связям между ними попытается выявить какие-то соотношения между группами населения, по сменам культур и изменениям в них — передвижения и политические события. Далее можно будет отыскивать среди них те, что ближе всего подходят к исторически известным особенностям и действиям готов. Но ведь такое рассмотрение уже не было бы «экземплярным»!

И Р. Хахман избирает иной путь. Он исходит из размещения ранних готов на восточном берегу Средней Вислы как из заранее заданного и абсолютно достоверного факта. Поэтому первым долгом он объявляет группу памятников, занимавшую этот участок около рубежа нашей эры (мазовецкий вариант пшеворской культуры) памятниками готов. Соответственно оксывская культура, размещавшаяся по Нижней Висле, у моря, не может претендовать на звание готской, и Р. Хахман с сочувствием излагает взгляды Е. Кмециньского, подошедшего к делу «без предвзятости» и доказавшего, что это не гото-гепидские памятники. Далее Р. Хахман переходит к памятникам рубежа и первых веков нашей эры Скандинавии и предъявляет целую серию доказательств того, что отсюда в то время вряд ли могли исходить миграции. Именно так. Он не говорит, что миграций не было, — это он признает невозможным установить. И не утверждает, что их не могло быть, — это было бы слишком категорично. Его решение звучит иначе: вряд ли миграции могли исходить с севера. Вряд ли скандинавский Север Европы выступал в то время как vagina gentium, officina nationum. Для доказательства этого предпринят анализ

демографических отношений в Скандинавии того времени по памятникам, сагам и этнографическим аналогиям (а как же насчет «смешанной аргументации»?). Высокая смертность, краткость периода материнства у женщин, невозможность его предельного использования для деторождений, распространенность безбрачия, выборочное оставление детей в живых (в сагах-де вообще выступает как норма Drei-Kinder-System) — все это не давало возникнуть избытку населения. Другая возможная причина отливов — голод, стихийные бедствия. Но они не всегда наступали сразу, чтобы вызвать организованный отход, а когда разгорались — уже не было сил на экспедицию.

Р. Хахман не замечает, что все эти рассуждения применимы и к другим землям и другим временам, а между тем миграции-то на деле происходили! Их неизбежность в обществе с экстенсивным ведением хозяйства с предельной ясностью объяснена еще К. Марксом [6]. К тому же резкие вспышки абсолютной перенаселенности возникали не обязательно из-за устойчивого длительного роста населения (этого могло и не быть), а из-за того, что оба фактора, от равновесия которых зависело благополучие общества, — и количество населения, и ресурсы — были неустойчивы, подвержены колебаниям, отчего за несколько лет могло накопиться резкое несоответствие, толкавшее наиболее предприимчивых на поиск новых земель. Надо еще добавить значение политических событий и тенденций: проигранные войны, давление более сильных соседей, сведения о сказочных богатствах природы и поселков на Юге и т. д. Это значит, что миграции не обязательно должны были исходить из гуще населенных областей в реже населенные.

Кроме того, здесь у Р. Хахмана типичная логическая ошибка «расширения тезиса»: он доказывает маловероятность миграций вообще из Скандинавии того времени, нас же интересует более узкий вопрос: вышла ли тогда, несмотря на это, из Скандинавии племенная группа готов или нет. А это устанавливается (в тех случаях, когда установление вообще возможно) совсем другими средствами. Археология отказалась дать убедительные доказательства негативной идее Р. Хахмана относительно Скандинавии. И здесь остаются лишь выводы из анализа письменных источников.

Что же получается? В угоду своему «экземплярному» рассмотрению Р. Хахман оказался вынужденным изменить собственной установке «регрессивной пурификации». Во всей этой главе вместо ожидавшихся независимых суждений из археологических фактов поданы археологические иллюстрации к готовым выводам из анализа письменных источников. Подбор археологических фактов во многом произволен, их доказательная сила сомнительна.

Обращаемся к заключительной главе (стр. 451—474), ожидая в ней найти синтез, согласно обещанию автора (см. стр. 13). И снова неожиданность: вместо синтеза и «комбинирования» находим краткие резюме трех предшествующих глав, последовательно склеенные друг за другом в одну небольшую главу. Никаких взаимопроникновений, никакого «комбинирования», никаких новых выводов.

Тем не менее надо признать, что остроумная гипотеза о местах обитания и культурной идентификации ранних готов, выдвинутая Р. Хахманом, сама по себе ничем не хуже других гипотез по этой проблеме, кое в чем даже лучше (по крайней мере, со стороны анализа письменных источников). В таком случае она хороша уже тем, что она другая, что она расширяет веер возможностей в интерпретации, и выдвижение ее следует признать полезным вкладом в науку. Однако способ ее ввода в науку, избранный Р. Хахманом, внушает опасения. Из хорошей рабочей гипотезы можно сделать хорошую обоснованную концепцию, а можно — догму, символ веры. Все зависит от способа обращения с ней.

Построение и обращение с рабочей гипотезой должно удовлетворять ряду критериев, среди которых в данном случае нас интересуют два: критерий проверяемости и критерий самостоятельности. Первый заключается в том, что гипотеза должна принципиально допускать проверку, быть способной к испытанию на иных фактах, чем те, из которых она выросла, — при этом она должна либо подтвер-

[6] *К. Маркс.* Вынужденная эмиграция. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, М., 1957, стр. 567—568.

диться, либо погибнуть. Второй критерий состоит в том, что гипотеза должна обходиться без вспомогательных гипотез или минимумом их.

Верификация гипотезы на независимой серии фактов может быть осуществлена так. Если это готы, то к III в. они должны отправиться в Северное Причерноморье или, по крайней мере, отправить туда волну переселенцев. Значит, здесь эти памятники должны исчезнуть или заметно убавиться в числе, в густоте. И Р. Хахман эту идею верификации выдвигает и испытывает. Да, с началом «Ранней Римской империи» (около рубежа нашей эры) ареал мазовецкой группы расширяется на севере, северо-востоке и северо-западе, а через два века число памятников убывает и на участок проникают северные соседи — видимо, часть хозяев отбыла на юг. Но во-первых, это уже вспомогательная гипотеза, а во-вторых, мало ли племен в Восточной Европе на рубеже III в. оставили места прежнего обитания? Нет уверенности, что только готы в это время снялись с места. Связь звеньев в цепочке умозаключений здесь не обязывающая к однозначному выводу.

Верификация слабая.

Другая возможность верификации. Готы — германцы; если мазовецкая группа готская, то должны быть признаки ее германской принадлежности. Есть ли у нас доказательства того, что мазовецкий вариант пшеворской культуры оставлен германским народом? Р. Хахман полагает, что есть. Какие же? Культурное сходство этих памятников с более западными, достоверно германскими, и отличие от восточных и северо-восточных. Но позвольте, ведь это доказательство основано на той самой догме Г. Коссины, которую Р. Хахман решительно отвергает: на «уравнении» культуры с этносом, культурного сходства — с этническим родством! Вполне может быть, что мазовецкие памятники и германские, может быть, и готские, но доказательств этого, соответствующих критериям Эггерса — Хахмана, у Р. Хахмана нет.

Одно следствие из гипотезы Р. Хахмана могло бы дать блестящую возможность проверки, потому что оно связано с одной уникальной особенностью готов, неповторимой в истории другого племени и способной отложиться в археологическом материале. Эта особенность — переселения и сегментация готов во всем размахе и во всей точной локализации. Пусть готы жили на заре истории (с рубежа нашей эры как минимум) в Среднем Повисленье, но они все-таки появились и в Скандинавии (самое позднее со II в.), и в Причерноморье (с III в.), и в Италии (с IV в.), и Франции (с V в.). Значит, подтверждением гипотезы Р. Хахмана могли бы явиться какие-то особенности мазовецкой группы памятников, которые позволили бы установить связь оставившего ее населения, с одной стороны, с островами Готланд и Гёталандом, а с другой — с Поднепровьем. Р. Хахман понимает это и проводит сопоставление мазовецкой группы памятников со скандинавскими памятниками. Увы, ответ неутешителен. Как отмечает сам Р. Хахман, связь скандинавских готов с материковыми археологически не документирована (стр. 433). А как же тогда документирована? И чем же тогда подтверждено, что мазовецкие памятники готские? Несколько лучше обстоит дело с другим крылом сопоставления, хоть его Р. Хахман не разрабатывает, а лишь мельком упоминает (стр. 470—473). Черняховская культура, правда, в целом не является продолжением мазовецкой группы, но в чем-то дает «сигнал», — а именно в одной негативной детали погребального обряда: в отличие от остальной пшеворской культуры, в мазовецкой группе рано прекратился обычай класть оружие в могилы — и в черняховских погребениях почти нет оружия, как и в готских могилах Италии (мы могли бы добавить сюда также раннесредневековые могильники крымских готов типа Суук-Су: все исследователи удивлялись отсутствию в них оружия [7]). Вот и весь «сигнал». Любопытно, но маловато. Даже Г. Коссина, хотя и увязывал на деле народы по одному типу вещей или деталей обряда, на словах открещивался от этого [8]. Что уж и говорить о филиппиках Р. Хахмана по поводу наивных подмен pars pro toto!

---

[7] *В. И. Равдоникас.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья. Готский сборник. ИГАИМК, XII, 1—8, 1932, стр. 37.

[8] *G. Kossinna. Die* Herkunft der Germanen..., S. 11.

Противоречие ясно самому Р. Хахману. Гипотеза не выдерживает проверки по независимым фактам, не получает подтверждения. Значит, опровергается? Для спасения гипотезы Р. Хахман строит еще одну вспомогательную гипотезу — о возможности миграций, неуловимых археологическими средствами. Он уделяет этой вспомогательной гипотезе большой раздел в 4-й главе: «К проблеме археологического доказательства изменения населения: „переселения народов" в первые вв. н. э.» (стр. 279—328).

Вопрос о разрывах между культурами, о возможности неуловимых генетических связей и непрослеживающихся миграций ставили уже Э. Вале и Ю. Эггерс. Дополнительные штудии Р. Хахмана интересны и свежи, они будят исследовательскую мысль, предостерегают от застоя. Словом, сама по себе эта вспомогательная гипотеза важна и, пожалуй, даже наиболее интересна во всей книге. Но в книге-то ее роль сугубо однозначна: она призвана подпереть основную гипотезу, объяснив, почему та не может выдержать данной проверки и даже не должна подлежать ей. Иными словами, с помощью этой вспомогательной гипотезы основная гипотеза Хахмана превращается из нормальной рабочей гипотезы в догму.

Тем не менее книга Р. Хахмана представляет собой незаурядное явление в археологической науке. Огромная эрудиция автора, его профессиональное мастерство археолога, глубина суждений и дальнозоркость дополняются колоссальным трудом и тщательностью проработки материала. Бесчисленные экскурсы, хотя и уводят несколько в сторону, зачастую оказываются еще увлекательнее, чем основная линия изложения. Поэтому книга на всем протяжении читается с неослабевающим интересом. А главное, в книге поставлены принципиально важные вопросы, поставлены смело, широко, решительно. Книга стимулирует новые поиски, дискуссии и, естественно, возражения.

Острота возражений определяется вовсе не какой-либо особой зловредностью или слабостью основной гипотезы автора (да они и направлены-то больше не против самой гипотезы), а кардинальной важностью поднятых в связи с ней методических вопросов и глубиной выявляющихся при этом принципиальных расхождений.

Если здесь, в рецензии, уделено много места доказательствам непоследовательности Р. Хахмана в применении методической установки Эггерса — Хахмана, то прежде всего потому, что эта непоследовательность коренится во внутренних противоречиях самой установки. «Экземплярное» рассмотрение не обеспечивает плодотворного комбинирования результатов, полученных «чистыми» методами в разных науках, т. е. не вяжется с «регрессивной пурификацией». А между тем, как мы видели, первое логически вытекает из последней или, по меньшей мере, из тех же философских предпосылок: везде и во всем проводится расчленение, изоляция объектов. Сама методическая установка Эггерса — Хахмана, при всей внешней строгости и современности, методологически не безупречна.

В ней несомненно содержатся рациональные зерна: требование строгой адекватности методов специфике материала, требование внешней и внутренней критики всех категорий источников, требование систематичности и последовательности изучения. Однако пуристский педантизм, выраженный в девизе «Getrennt marschieren, zusammen kämpfen!» за каким-то пределом очень быстро становится бессмысленным. Но это уже особая тема.

Л. С. Клейн

Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, 296 стр. + илл.

Сборник «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири», выпущенный проблемной лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете, публикует основные доклады археологического совещания, состоявшегося 26—31 мая 1970 г. в Томске. По широте территориального и хронологического диапазона, охватыва-

ющего материал от неолита до развитого средневековья на пространстве от Зауралья до Алтая и Кузбасса, а также по глубине анализа рассматриваемых проблем, статьи сборника представляют несомненный интерес для большого круга археологов Западной Сибири, Урала и сопредельных районов.

Открывается сборник статьей В. Ф. Старкова «К вопросу о периодизации зауральского неолита», где дается дополнительная разработка периодизации неолита Зауралья, предложенной ранее В. Н. Чернецовым [1]. В. Ф. Старков подводит под нее дополнительную материальную базу, предлагает обоснование выделения позднего этапа зауральского неолита, определяет его хронологические рамки и кратко характеризует материальную культуру. Прослеживая нижнюю границу поздней фазы неолита в начале III тысячелетия до н. э., а конец неолита — в середине III тысячелетия до н. э., автор удревняет прежнюю дату на 500 лет. Следует отметить, что эта датировка базируется пока на единичных радиоуглеродных анализах древесных остатков Горбуновского торфяника и нуждается в подтверждении серией подобных дат.

В статье В. Ф. Генинга, Т. М. Гусенцовой, О. М. Кондратьева, В. И. Стефанова и В. С. Трофименко «Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья», помимо хронологии, рассматриваются вопросы культурно-этнического развития Среднего Прииртышья. При анализе материала эпохи неолита авторы выделяют особую среднеиртышскую культуру. Выделение ее произведено на очень ограниченном материале, что, очевидно, не позволило авторам наметить территорию распространения этой культуры. Надо заметить, что термин «среднеиртышская культура» весьма неудачен. Он как бы заранее предугадывает ограничение ареала этой культуры пределами Среднего Прииртышья и, кроме того, уже употреблялся в литературе для обозначения культуры усть-полуйского типа названного района [2].

Специфика неолита Среднего Прииртышья отмечалась и ранее. В. Н. Чернецов упомянул о региональных отличиях материала Екатерининской стоянки от памятников лесного Зауралья — Полуденки, стоянок района Тюмени и Северной Сосвы [3]. М. Ф. Косарев выделил особую среднеиртышскую линию развития, представленную, в частности, памятниками типа Екатерининской стоянки [4]. Авторы указывают, что Екатерининская стоянка относится скорее всего к позднему неолиту или даже к началу энеолита, о чем уже говорилось в литературе [5].

Классифицируя материал эпохи ранней бронзы, авторы выделяют логиновский и кротовский типы. Примечательно, что частично техника орнаментации керамики логиновского этапа и ее орнаментальные композиции — прочерченный узор, взаимопроникающие треугольники, выполненные наколом отступающей палочки (В. Ф. Генинг и др., 1970, рис. 1, *51*), не связаны с известными орнаментальными схемами предшествующей среднеиртышской неолитической культуры, на что справедливо указывают авторы статьи, приводя аналогии в орнаменте керамики Среднего и Верхнего Приобья. При слабой изученности неолита Прииртышья и Северного Казахстана пока трудно дать объяснение этому факту. Однако все же при учете близости материала логиновского и кротовского типов к материалу энеолита и самусьской культуры Среднего и Верхнего Приобья можно предполагать некоторый сдвиг протосамусьского населения в Среднее Прииртышье около конца III — начала II тысячелетия до н. э. В пользу этого вывода говорит наличие на памятниках Среднего

---

[1] *В. Н. Чернецов.* К вопросу о сложении уральского неолита. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968.

[2] *В. Н. Чернецов.* Усть-полуйское время в Приобье. МИА, 35, 1953, стр. 224; *В. А. Могильников.* Периодизация культур эпохи железа Среднего Прииртышья. МКЭНСА. Новосибирск, 1969, стр. 137—138.

[3] *В. Н. Чернецов.* Древняя история Нижнего Приобья..., стр. 34.

[4] *М. Ф. Косарев.* Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья. Автореф. канд. дис., М., 1964, стр. 8.

[5] *В. Н. Чернецов.* Древняя история..., стр. 34; *М. Ф. Косарев.* Бронзовый век..., стр. 8.

Иртыша и Ишима керамики с текстильной обработкой поверхности, которая представлена также на некоторых поселениях Верхнего Приобья и Притомья. В. Ф. Генинг и его соавторы связывают появление текстильной керамики с проникновением в лесостепные районы Западной Сибири больших групп населения из Восточной Азии (стр. 32). Наличный материал пока не позволяет говорить, насколько велико было количество этого восточного или центральноазиатского населения, попавшего в Западную Сибирь. Не исключено, что продвижение его шло параллельно и, возможно, даже совместно с некоторым движением на запад протосамусьцев.

В эпоху поздней бронзы соавторы констатируют три последовательных культурных типа — черноозерский, розановский и большеложский. При этом черноозерский тип, по-видимому, можно рассматривать как принадлежащий к периоду развитой бронзы. Считая, что розановский тип сложился в результате взаимодействия местных андроновских племен с проникшими с юго-востока карасукскими группами, авторы статьи отрицают участие в этом процессе более северного населения, ограничивая его лишь небольшим влиянием (стр. 44). По-видимому, с этим нельзя согласиться полностью. Наличие рядов ямочной орнаментации на некоторых сосудах розановского и чупинского типов [6], вероятно, связано с активными северными воздействиями, усилившимися к концу розановского времени и приведшими к появлению по крайней мере на северной части розановской территории населения с керамикой молчановского типа (городище Инберень). Очевидно, из-за этого давления с севера распространение поселений с керамикой большеложского типа ограничивается южной частью лесостепи (Большой Лог, Язево) по линии Омск — Курган, и не заходит так далеко на север, как поселения розановского типа.

На стр. 43—44 авторы отмечают, что на Иртыше еловские памятники располагались к северу от андроновских. Из предлагаемого текста остается неясным, какие памятники Прииртышья эти исследователи считают еловскими? Отождествляют ли они еловские памятники с сузгунскими или усматривают между ними различия?

В статье Г. Н. Матюшина «К проблеме энеолита Южного Урала» обрисовывается специфика энеолитических памятников названного района, указывается на общие черты с энеолитом Казахстана, отмечены узоры керамики суртандинского типа, которые прослеживаются затем в орнаментации посуды андроновской и абашевской культур.

Статья Г. А. Максименкова «Окуневская культура и ее окружение» посвящена важному и недостаточно исследованному в настоящее время вопросу — установлению ареала этой культуры, выявлению общих моментов в материале окуневской и соседних с ней культур — глазковской, самусьской и др., а также определению области распространения культур окуневского круга. К сожалению, в статье отсутствуют иллюстрации, которые могли бы наглядно демонстрировать суждения автора. В предлагаемой работе заключения Г. А. Максименкова в ряде случаев опираются на материал неопубликованных памятников — писаницы и погребения Тувы, поселения на оз. Иткуль на Алтае и др.— слабо известных или почти неизвестных широкому кругу исследователей. В результате этого читатель лишен возможности проверить выводы автора и вынужден брать их на веру. Так, один и тот же неопубликованный материал со стоянок Коровья пристань и Озерки Г. А. Максименков без какой-либо существенной аргументации считает более близким к окуневскому, чем к самусьскому (стр. 73), а В. И. Матющенко (стр. 98 рецензируемого сборника) видит в нем лишь воздействие окуневцев на культуру самусьских племен. Отсутствие в статье наглядного фактического материала сильно снижает доказательность положений Г. А. Максименкова.

В другой статье того же автора «О культурах эпохи бронзы южной части Сибири» ставится задача дать синтетическое представление о ходе исторического процесса и культурах эпохи бронзы названного района. При наличии добытого в последние годы большого нового материала, иногда существенно изменяющего старые традиционные представления, такая постановка вопроса вполне закономерна и заслуживает одобрения. Ряд положений автора выглядит декларативно. Так, разделяя точ-

---

[6] *Р. Д. Голдина.* Городище Кучум-Гора. ВАУ, 8, Свердловск, 1969, табл. 74, 75, *15—17, 27—29.*

ку зрения К. В. Сальникова о двух последовательных этапах андроновской культуры — федоровском и алакульском, автор отмечает возрастание количества алакульских черт в андроновских памятниках Минусинской котловины (стр. 80), но не говорит, в чем они выражаются. Если они действительно есть, показать их следовало бы, особенно при учете того обстоятельства, что в Минусинской котловине до сих пор не известно памятников алакульского типа, несмотря на проводимые там широкие полевые исследования, а также в связи с тем фактом, что мнение о хронологической последовательности федоровских и алакульских памятников оспаривается в науке. Нуждается в раскрытии сказанное в полемике с М. Ф. Косаревым положение, что основные черты еловских памятников Томского района могут быть выведены из местных более ранних материалов (стр. 84). По мнению автора, распространение форм сейминско-турбинских копий и кельтов в лесостепи связано с установлением контакта между андроновскими и лесостепными племенами (стр. 80). Представляется более правильным мнение М. Ф. Косарева, который считает, что андроновцам были чужды сейминско-турбинские формы кельтов и копий. Если картографировать находки этих орудий, то окажется, что они локализуются главным образом к северу от ареала андроновской культуры или в таких районах, как Алтай, Минусинская котловина, где помимо андроновцев проживало местное лесостепное население, близкое по культуре самусьцам и окуневцам. Все находки литейных форм сейминско-турбинских кельтов и копий происходят из лесостепи и южной части лесной полосы, т. е. из области, лежащей за пределами основной территории распространения андроновской культуры [7]. Влияние андроновской культуры отражает материал таких памятников как Еловский II могильник, Томский могильник на Малом мысу, где представлены металлические орудия и украшения андроновских типов, но нет кельтов. Кельты продолжают сохранять отдельные специфичные сейминско-турбинские традиции в лесной полосе вплоть до эпохи раннего железа [8].

Неясно почему, может быть вследствие описки, Малый мыс, Самусь IV и Еловка II рассматриваются Г. А. Максименковым как памятники южной части лесостепи (стр. 80). Сейчас они расположены в лесной зоне, кроме Еловки, находящейся на границе леса и лесостепи, что, конечно, известно автору. Даже при учете сдвига ландшафтных зон во второй половине II тысячелетия до н. э. к северу, нельзя быть уверенным в том, что культура населения Томского района отражала культуру племен юга лесостепи.

Статья В. И. Матющенко «О некоторых культурно-хронологических комплексах II тысячелетия до н. э. в Томском Приобье» посвящена главным образом характеристике раннего комплекса поселения Самусь IV, материала собственно самусьской культуры. Автор дает описание типов керамики, изделий из камня, скульптуры, литейных форм и других предметов. К сожалению, это описание не сопровождается типологическими таблицами, которые особенно нужно было бы сделать для керамики, учитывая то обстоятельство, что в весьма многочисленных публикациях материала поселения Самусь IV такие таблицы отсутствуют, вследствие чего у исследователей, не знакомых непосредственно с коллекцией из Самуся, представления о самусьской керамике весьма отрывочны. Желательно было бы указать также хотя бы приблизительно соотношение различных типов самусьской керамики. На стр. 90 автор пишет, что для установления времени сложения самусьской культуры особое значение приобретают материалы, полученные Б. Х. Кадиковым в районе Бийска, со стоянок Кротово и Морайка, исследованных М. Н. Комаровой, и местонахождения на Чудацкой горе. Однако это положение полностью не раскрыто. Из последующего контекста видно лишь, что названные памятники позволяют включать в ареал самусьской культуры Верхнюю Обь, где, по мнению автора, представлен только ранний этап самусьской культуры, развитие которой было прервано здесь появлением андроновцев. В такой трактовке верхнеобские памятники указывают на относительную хронологию самусьской и андроновской культур Верхней Оби, а не на время сложения самусьской культуры.

Статья В. А. Посредникова «О Самусь IV и его времени» ставит вопрос о датировке двух комплексов Самусьского поселения. Автор датирует ранний самусьский

[7] *М. Ф. Косарев.* О хронологии и культурной принадлежности турбинско-сейминских бронз. См. рецензируемый сборник, стр. 117—118.

[8] Там же, рис. 1, *25—30.*

комплекс первой половиной II тысячелетия до н. э. (стр. 108) на основании находок в самусьском материале окуневской керамики. Использование последней для установления надежной хронологии пока не представляется достаточно правомерным, особенно при учете состояния вопроса с датировкой самой окуневской культуры, которую одни исследователи относят к первой половине II тысячелетия до н. э. без прочного обоснования абсолютной даты [9], другие — предполагают, что она, возможно, переживает дольше и доходит до карасукской культуры [10]. По-видимому, правы те исследователи, которые связывают ранний комплекс Самусьского поселения с встреченными здесь литейными формами кельтов и копий сейминско-турбинского типов и датируют его сейминско-турбинским временем [11]. Дата начала самусьской культуры, вероятно, несколько глубже этого хронологического отрезка. Турбинско-сейсминская металлургия, очевидно, появляется около середины II тысячелетия до н. э. на определенном этапе развития самусьской культуры, которой уже, по-видимому, были присущи свои основные этнографические особенности, проявлявшиеся, в частности, в специфике форм и орнаментов керамики, каменном инвентаре. Турбинско-сейминская металлургия дополнила комплекс этих черт, ознаменовав окончательное оформление самусьской культуры. Заслуживает внимания мнение В. А. Посредникова, что литейные формы Самусьского поселения могут относиться к разным комплексам. Не исключено, что к позднему комплексу принадлежит форма для кельта-лопатки [12]. Ограничивая же дату раннего комплекса первой половиной II тысячелетия до н. э., автор фактически все литейные формы относит к позднему комплексу, так как среди них нет вещей, надежно датирующихся только первой половиной II тысячелетия до н. э.

В работе М. Ф. Косарева «О хронологии и культурной принадлежности турбинско-сейминских бронз» дан анализ различных аспектов и мнений по названной проблематике. Присоединяясь к предложенной В. С. Бочкаревым датировке Бородинского клада в пределах XV—XIV вв. до н. э. (стр. 128), автор относит к этому времени кельты турбинского типа. Кельты сейминского типа хронологически следуют за турбинскими, датируясь XIV—XIII вв. до н. э. (стр. 130). Весьма плодотворной представляется попытка сопоставления развития орнаментальных композиций на керамике и кельтах с целью построения хронологических схем. Правда, в отношении эпохи железа автор допускает излишнюю абстракцию и формализацию, сопоставляя орнамент из свисающих треугольных фестонов на кельтах из Красноярского края, с р. Витима и Зуевского могильника с орнаментом керамики западно-сибирской лесостепи (рис. 1, *28—30, 45—47*), где находки кельтов такого рода неизвестны. В этой связи можно лишь отметить, что орнамент из свисающих треугольных фестонов на керамике эпохи раннего железа лесостепи Западной Сибири восходит, по-видимому, к аналогичным орнаментальным узорам керамики эпохи поздней бронзы этого же района.

В статье «Датировка ирменской культуры» Н. Л. Членова относит ирменские памятники в VIII—VI вв. до н. э. (стр. 145). Эта датировка представляется несколько завышенной. Учитывая, что на территории ирменской культуры в VII—VI вв. до н. э. располагаются памятники большереченской и молчановской культур, а также близкие последней памятники с крестовой керамикой завьяловского типа, весьма надежно датированные бронзовыми двухлопастными наконечниками стрел скифского типа [13], вряд ли верхний предел ирменской культуры следует относить позже конца VIII — первой половины VII вв. до н. э. Принимая во внимание наход-

---

[9] *Г. А. Максименков.* Окуневская культура в Южной Сибири. МИА, 130, 1965.

[10] *Э. А. Новгородова.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, стр. 22.

[11] *В. И. Матющенко.* О некоторых культурно-хронологических комплексах II тыс. до н. э. в Томском Приобье. В реценз. сборнике, стр. 94; *М. Ф. Косарев.* Хронология и культурная принадлежность ранних нижнетомских памятников. Сб. «Памятники каменного и бронзового века Евразии». М., 1964.

[12] *М. Ф. Косарев.* Литейная форма из Среднего Приобья. СА, 1966, 3, стр. 219.

[13] *М. П. Грязнов.* История древних племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956, табл. XVIII, *4;* XXI, *25; Т. Н. Троицкая.* Завьяловское поселение. КСИА АН СССР, 114, 1968, рис. 46-*к*.

ки в памятниках с ирменской керамикой ножей карасукских типов [14], а также кельтов и форм для их отливки, напоминающих позднекарасукские и киммерийские (Большой Лог, Осинцева), по-видимому, можно нижний предел бытования ирменской культуры отнести к IX в. до н. э. Вероятно, ирменские памятники, локализовавшиеся севернее Томска, более ранние по отношению к памятникам Новосибирского и Верхнего Приобья и раньше исчезают, сменяясь памятниками молчановской культуры.

Статья Т. Н. Троицкой «О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VII—VI вв. до н. э.» посвящена характеристике керамики с крестовым штампом так называемого завьяловского типа, отношению ее к предшествующей ирменской культуре и связям с соседями. Автор справедливо утверждает (стр. 160), что завьяловские комплексы возникли в VII—VI вв. до н. э. в результате слияния с носителями ирменской культуры пришлого населения, принесшего новые традиции в формах и орнаментации керамики. Говоря о распространении керамики с крестовой орнаментацией в западносибирской лесостепи на рубеже бронзового и железного веков (стр. 162), автор выделяет две группы — западную, куда входят памятники Зауралья и Прииртышья, и культуру молчановского типа, делящуюся на три локальные группы: собственно молчановскую, завьяловскую и верхнеобскую. Такое деление не совсем правильно. Памятники Прииртышья и Приишимья с крестовой орнаментацией керамики стоят ближе к памятникам завьяловского и молчановского типов, чем к гамаюнокаменогорским памятникам Урала и Зауралья. Для крестовой керамики Приобья и Прииртышья характерна дугообразная форма венчика [15], что не свойственно каменогорским сосудам, венчики которых обычно отогнуты и наклонены наружу [16]. Представленные в каменогорской культуре сосуды колоколовидной формы отсутствуют в Прииртышье и Приобье. Для керамики Обь-Иртышья характерно иное расположение ямочной орнаментации, нежели для каменогорских сосудов. Типичный для последних поясок из двух рядов ямок, разделенных валиком, на шейке сосуда не свойствен посуде Прииртышья и Приобья. Весьма типичная для последней орнаментация в виде жемчужин отсутствует на каменогорской керамике. Распространенные в Обь-Иртышье орнаментальные схемы в виде зигзагообразных полос и треугольников из оттисков крестового штампа нетипичны для каменогорской керамики, которой присущи композиции в виде горизонтальных полос из отпечатков крестового или волнистого штампов. Количество этих различий можно еще увеличить, но и указанных достаточно для того, чтобы утверждать бо́льшую культурную близость между памятниками Среднего Приобья молчановского и завьяловского типов и памятниками Прииртышья и Приишимья с крестовой орнаментацией керамики, нежели близость последних с памятниками каменогорской культуры. Такое единство культуры на значительной территории Среднего Обь-Иртышья объясняется исторически наличием здесь еловской и ирменской культур, орнаментальные композиции которых прослеживаются в памятниках молчановско-завьяловского типа. Происхождение крестовой орнаментации керамики Обь-Иртышья связано, по-видимому, с развитием орнаментальных узоров еловско-сузгунских памятников, которые эволюционировали от резных к штамповым [17]. Расчленение орнаментальных полос в виде косой сетки привело к появлению штампов в форме косого креста, композиции которого на керамике молчановско-завьяловского типа в основном имеют вид тех же горизонтальных зон, выполнявшихся ранее косой сеткой [18]. В этом плане сложение молчановской культуры и распространение керамики с крестовым штампом вряд ли

---

[14] *Р. А. Ураев, М. Ф. Косарев.* Памятник карасукской эпохи. Тр. ТОКМ, VI. 2. Томск, 1963, табл. V, *1; А. П. Баранес, А. Ф. Косарев, В. Д. Славнин.* Еловский археологический комплекс. Уч. зап. ТГУ, 60, Томск, 1966, табл. 3, *3*.

[15] *Т. Н. Троицкая.* О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VII—VI вв. до н. э. В реценз. сб., рис. 3—*А, В, Г*; *М. Ф. Косарев.* Бронзовый век лесного Обь-Иртышья. СА, 1964, 3, рис. 3, *19*.

[16] *Е. М. Берс.* Памятники и керамика гамаюнской культуры. Сб. «Из истории Урала». Свердловск, 1960, табл. 1.

[17] *М. Ф. Косарев.* Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья. СА, 1966, 2, стр. 26—27.

[18] *М. Ф. Косарев.* О некоторых обских орнаментах. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 47.

следует связывать только с «угризацией» местного самоедского населения. Учитывая происхождение крестовой орнаментации молчановской керамики от резных узоров еловской культуры, которая связывается с древними самоедами [19], есть основание считать молчановскую культуру в основе самоедской. В то же время вряд ли можно увязывать крестовую орнаментацию керамики, распространенную на очень широкой территории, с каким-то одним этносом. Вероятно, это явление отражает общие черты в культуре древнего угорского и самоедского населения лесной полосы и лесостепи Западной Сибири, появление которых было обусловлено как общими этногенетическими корнями, так и перемещениями и вызванными ими смешениями различных этнических групп, которые происходили в эпоху поздней бронзы.

В работе «Памятники кулайского типа в Томском Приобье» Л. М. Плетнева публикует бронзовые антропоморфные изображения из Степановского клада, приводит им ряд аналогий из Томского Приобья и синхронизирует их с керамикой, орнаментированной штампами типа уточки, широкое распространение которой автор относит с II—I вв. до н. э. по середину I тысячелетия н. э. Вряд ли ареал кулайской культуры следует распространять на Томское Приобье. Здесь почти отсутствуют специфичные для этой культуры литые ажурные зооморфные фигуры. Сходство антропоморфных изображений из Притомья с кулайскими, по-видимому, объясняется близостью и тесными взаимосвязями кулайской культуры и культуры притомских племен, вызванными общностью исторического развития этих двух районов, корни которой уходят в эпоху неолита и бронзы. Проникновение тагарского населения во второй половине I тысячелетия до н. э., вероятно, в немалой степени обусловило специфику культуры Томского Приобья и отсутствие здесь кулайской культуры, наиболее южным памятником которой, очевидно, является Кривошеинский клад [20].

В статье В. А. Могильникова «К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа» освещаются особенности развития различных этнокультурных групп Западной Сибири. Узкие рамки статьи не позволили автору подробно остановиться на характеристике выделенных им трех этапов развития саргатской культуры. Первые два этапа — IV—III вв. до н. э. и II в. до н. э. — II в. н. э.— достаточно четко различаются по вещам и погребальному обряду, третий этап — II—III или даже II—IV вв. выделяется пока на очень небольшом материале и четко не отграничивается от второго этапа.

В статье Л. А. Чиндиной «О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тысячелетии н. э.» плодотворной представляется попытка выделить две группы орнаментации, хронологически следующие друг за другом. Несколько категоричным выглядит утверждение (стр. 193), что орнаментация фигурными штампами исчезает в VII в. и что это явление характерно для всей Западной Сибири. При общей тенденции к исчезновению фигурно-штамповых узоров, на керамике этого времени в небольшом количестве отдельные виды штампов (уголковый, ромбический) сохраняются в Прииртышье до конца I — начала II тысячелетия [21]. По-видимому, прав автор, утверждая, что штамп в виде уточки становится одним из основных элементов орнаментации с конца I тысячелетия до н. э.

Работа В. Ф. Генинга, Л. Н. Коряковой, Б. Б. Овчинниковой, Н. В. Федоровой «Памятники железного века в Омском Прииртышье» излагает периодизацию памятников эпохи железа названного района. Отметим, что до этой статьи периодизация памятников эпохи железа Среднего Прииртышья была изложена нами в докладе на конференции по этногенезу народов Северной Азии, состоявшейся в Новосибирске в 1969 г., а тезисы этого доклада опубликованы [22]. Подобно тому как это сделано в тезисах, авторы выделяют два этапа развития саргатской культуры, для наименования которой без каких-либо достаточных оснований вводят новое название «абатская культура», вместо уже существующего в литературе термина «саргатская культура». Такая замена мотивируется тем, что в Саргатских курганах представлен ма-

---

[19] *М. Ф. Косарев.* Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья..., стр. 13.

[20] *Р. А. Ураев.* Кривошеинский клад. Тр. ТОКМ, V, Томск, 1956.

[21] *В. А. Могильников.* Новоникольское IV городище. СА, 1964, 1, стр. 244, *его же.* Исследование Малотебендинских курганов. КСИА АН СССР, 120, 1969, рис. 36, *2, 4.*

[22] *В. А. Могильников.* Периодизация культур эпохи железа Среднего Прииртышья, МКЭНСА, Новосибирск, 1969, стр. 136—138.

териал только второго этапа развития названной культуры. Но и в Абатских курганах также в основном идет материал второго этапа, а имеющийся там незначительный ранний комплекс ни в коей мере не может дать представления об облике раннего «кокоповского» этапа поименованной культуры. Предложенную авторами аргументацию для замены старого названия культуры новым нельзя признать удовлетворительной.

Данная авторами характеристика материала саргатской культуры нуждается в ряде уточнений, особенно в свете новых полевых исследований. Так, на стр. 211 утверждается, что принадлежности конской сбруи в иртышских курганах не встречаются, за исключением погребения I—V Усть-Тартасского могильника, где обнаружены железные удила. В действительности удила встречены, кроме того, в курганах Потчевашских, Богдановских и др. [23]. На той же странице ни на чем не основан вывод, что на саргатском этапе чаще встречаются пряслица, сделанные из стенок сосудов. На стр. 214 отмечено, что памятники абатской (саргатской. —*В. М.*) культуры не идут к югу дальше Омска. Фактически же два поселения саргатской культуры обследованы нами в 1969 г. около с. Ачаир, в 40 *км* к югу от Омска, а керамика саргатского типа встречена в могильнике у Иртышского совхоза Павлодарской области [24]. На стр. 204 говорится, что в 1926—1927 гг. В. П. Левашова раскопала два кургана у д. Кокоповка. На самом же деле В. П. Левашовой раскопан один курган, другой был вскрыт И. И. Матанас [25]. На стр. 208 сказано, что раскопанные в 1927—1928 гг. курганы у с. Саргатка долго оставались единственными памятниками, представлявшими культуру населения Среднего Прииртышья в раннем железном веке. Такое заключение не соответствует действительности. Годом ранее были раскопаны курганы у Кокоповки, а еще в досоветское время — курганы Усть-Тартасские, Потчевашские, Савинский и Тюковской [26].

Спорным остается вопрос о дате керамики с орнаментом типа уточки на поселениях Среднего Прииртышья. Мы считаем, что на Иртыше она восточного происхождения и занимает лишь небольшую часть более позднего ареала потчевашской культуры. По нашему мнению, датируется она до V в., а не V—VI вв., как полагают авторы статьи (стр. 223). Нельзя принять безоговорочно заключение, основанное на находках сосудов потчевашских типов в Лихачевском могильнике на р. Ишиме, что для горносталевского этапа потчевашской культуры характерны грунтовые могильники (стр. 223). Пока на Иртыше сосуды потчевашской культуры обнаружены только в курганных могильниках [27]. По-видимому, у племен потчевашской культуры на различных территориях были то курганные, то грунтовые могильники, специфические черты погребального ритуала которых отражали локальное своеобразие отдельных этнических групп этой культуры, обусловленное генетическими и иными факторами. Можно предполагать, что курганные могильники были присущи населению Среднего Иртыша (Ирчинские, Мурлинские, отчасти, Потчевашские курганы), а грунтовые — племенам Ишима (Лихачевский могильник).

Специального рассмотрения заслуживает вопрос о потчевашской этнокультурной общности, территория которой чрезвычайно расширена. На основании отдельных общих элементов орнаментации керамики в нее включены различные культуры от Притоболья до Верхнего Приобья. Приведенное авторами на стр. 228 утверждение, что сибирские татары в значительной степени представляют аборигенное тюркизи-

---

[23] *В. И. Мошинская.* Городище и курганы Потчеваш. МИА, 35, 1953, рис. 1; *В. А. Могильников.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа. В реценз. сборнике..., рис. 2, *37*.

[24] *Е. И. Агеева, А. Г. Максимова.* Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года. Тр. ИИАЭ, 7. Алма-Ата, 1959, табл. I, *72, 73*.

[25] *В. П. Левашова.* Предварительное сообщение об археологических исследованиях Зап.-Сибирского музея за 1926—1927 гг. «Известия Гос. Западно-Сибирского музея», 1, Омск, 1928, стр. 159—160.

[26] ОАК за 1896 год, 1895 г., стр. 41—42, стр. 100—102, 219—223; *В. И. Мошинская.* Городище и курганы Потчеваш., стр. 190—202, 217—219.

[27] *В. А. Могильников.* Работы в Омском Прииртышье. АО — 1969. М., 1970, стр. 207; *А. С. Чагаева.* О хронологии памятников Чувашского мыса. Реценз. сборник, табл. I, *78, 79, 81—82*.

рованное население, сохранившее некоторые особенности прежнего хозяйства и быта, уже неоднократно высказывалось в литературе.

В статье «О хронологии памятников Чувашского мыса» А. С. Чагаева синхронизирует материал Потчевашского городища с материалом памятников Омского Прииртышья и датирует потчевашскую культуру со второй четверти I тысячелетия н. э. по VIII в. Такая широкая датировка имеет право на существование, если включать сюда этап становления этой культуры, соответствующий, по-видимому, второй четверти I тысячелетия н. э. Сложившаяся, этнографически оформившаяся потчевашская культура относится все же, очевидно, к VI—VIII вв. Материал этого времени характеризуют Потчевашское, Логиновское, Мурлинское городища, Лихачевский, Мурлинский могильники и некоторые другие памятники [28]. Весьма интересной представляется попытка автора выделить среди инвентаря Потчевашских курганов раннесредневековый комплекс.

В работе В. Е. Стоянова «Классификация и периодизация западно-сибирских лесостепных памятников раннего железного века» дана характеристика основных черт культурно-исторических типов эпохи раннего железа на территории между Иртышом и Уралом.

В статье «Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды» В. Д. Викторова последовательно излагает особенности орнаментации керамики от эпохи ранней бронзы до средневековья, а также ставит вопросы происхождения орнаментальных мотивов. Автор рассматривает вагильский тип памятников (стр. 259) как северный вариант памятников гамаюно-каменогорской культуры. Вряд ли это совсем так. Скорее всего вагильский тип представляет синтез черт каменогорской культуры Зауралья и культуры племен с крестовой керамикой Прииртышья и Приишимья. С первой вагильские сосуды сближает наличие сходных орнаментальных композиций, одинаковых штампов для прокатывания узоров по сырой глине, расположение на шейках сосудов двух рядов ямок с перекрученным валиком между ними; во второй — дуговидная форма венчика и примесь песка к глиняному тесту. Такое сочетание вполне объяснимо локализацией памятников вагильского типа на Тавде между Уралом и Иртышом.

Помимо докладов, опубликованных в сборнике, на совещании были сделаны и другие интересные доклады. По наиболее актуальным проблемам, таким, как хронология и локальные варианты андроновской культуры, датировка керамики со штампованным орнаментом типа уточки, на совещании прошла острая и плодотворная дискуссия.

Участники совещания почтили память В. Н. Чернецова, крупнейшего исследователя археологии и этнографии Сибири, особенно много уделявшего внимания развитию творческой работы на местах.

В решении совещания, опубликованном в сборнике, подведены основные итоги и намечены перспективы археологических исследований в Западной Сибири.

В заключение хотелось бы сделать некоторые замечания редакционного характера. На стр. 226 вместо Западной Сибири напечатано «Западная Европа». На стр. 265 говорится, что район Верхней и Средней Тавды органически входит в таежную «верхнеобскую общность», в то время как автор, очевидно, имел в виду нижнеобскую общность. Пропущены описания рис. 1 в статье В. Ф. Генинга, Т. М. Гусенцовой, О. М. Кондратьева и рис. 2 в статье В. А. Могильникова.

В целом же статьи сборника написаны на достаточно высоком научном уровне и дело выпуска трудов археологических совещаний, предпринятое проблемной лабораторией по истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете, заслуживает всяческой поддержки и одобрения.

В. А. Могильников

---

[28] *В. И. Мошинская.* Городище и курганы Потчеваш..., табл. IX—XIV; *В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов.* Логиновское городище. ВАУ, 8, 1969; *А. С. Чагаева.* О хронологии памятников Чувашского мыса. В реценз. сборнике..., табл. I, *69—77, 80, 93.*

Э. А. Лапковская. Прикладное искусство средних веков в Государственном Эрмитаже. Изделия из металла. М., «Искусство», 1971, 28 стр., 84 табл.

Исследования советских ученых убедительно показали, что произведения западноевропейского искусства средних веков были хорошо известны Древней Руси [1]. С западным миром граничили некоторые русские княжества. Со странами Запада постоянно вели торговлю Новгород и Псков. Традиции романской скульптуры были использованы и творчески развиты мастерами Владимиро-Суздальской Руси [2]. Приведенные факты значительно повышают интерес к произведениям художественного ремесла, которые, как известно, в средние века нередко играли роль образца при создании произведений монументального характера. Книга-альбом Э. А. Лапковской посвящена средневековым художественным изделиям из металла, представленным в собрании Государственного Эрмитажа. Такое издание предпринято у нас впервые.

Эрмитажное собрание произведений западноевропейского прикладного искусства имеет свою интересную историю, являющуюся в значительной степени отражением истории собирания и изучения памятников средневекового искусства в России. Часть из них находилась уже в Кунсткамере, основанной при Петре I. В 1811 г. был образован Царскосельский арсенал, где хранилось оружие, поступавшее в царский дворец. В 1845 г. Эрмитаж получил прекрасно подобранную коллекцию произведений искусства средневековья, ранее принадлежавшую русскому послу Д. П. Татищеву. Это пополнение значительно обогатило существовавшую в Зимнем дворце с екатерининских времен Галерею драгоценностей. Приобретение в 1884 г. известной коллекции А. П. Базилевского сразу выдвинуло собрание Эрмитажа в число богатейших хранилищ западноевропейского средневекового искусства в мире. А. П. Базилевский — русский негоциант в Париже, будучи большим знатоком и ценителем искусства, сосредоточил в своей коллекции многие выдающиеся произведения средних веков и эпохи Возрождения, обогатившие впоследствии не один отдел Эрмитажа. В 1886 г. была приобретена коллекция Голицынского музея в Москве. Указанные поступления позволили устроить в Эрмитаже в 1888 г. большую выставку произведений восточного и западного средневековья, куда вошли и византийские изделия. В ее подготовке приняли участие такие выдающиеся ученые, как Я. И. Смирнов и Н. П. Кондаков. Последний впоследствии издал путеводитель, в котором содержится много ценных наблюдений [3]. После Великой Октябрьской социалистической революции в собрание Эрмитажа влилось несколько национализированных коллекций, среди которых наиболее значительны собрания М. П. Боткина и коллекция из музея барона Штиглица. В 1923 г. был образован отдел западноевропейского средневековья, во главе которого стал талантливый ученый А. Н. Кубе, чьи исследования и каталоги не утратили своего значения и в наши дни.

Вышедшая книга-альбом состоит из обзорного текста, 84 цветных таблиц, сопровождаемых аннотациями (инвентарные данные, краткое описание и библиография), примечаний к тексту и перечня таблиц. Часть обзорного текста (стр. 5—10) и соответственно относящиеся к ней примечания, а также аннотации и список таблиц, кроме того, даны в параллельных переводах на английский, французский и немецкий языки. Э. А. Лапковская располагает публикуемые вещи в хронологическом порядке, разделив их на три группы: изделия с эмалью, литье из бронзы и изделия из серебра. Воспроизведены и аннотированы в альбоме, естественно, не все хранящиеся в Эрмитаже произведения средневековой металлопластики [4], а только наиболее выдающиеся среди них. Таким образом, издание является своего рода антологией.

В обзорном тексте, иллюстрированном небольшими по размерам черно-белыми снимками вещей, автор описывает технологический процесс изготовления произве-

---

[1] *В. Н. Лазарев.* Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XIV вв.). XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970.

[2] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Древней Руси. М., 1969; *В. П. Даркевич.* Романские элементы в древнерусском искусстве и их переработка. СА, 1968, 3, стр. 70—84.

[3] *Н. П. Кондаков.* Указатель Отделения средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1891.

[4] *А. Н. Кубе.* Путеводитель по Отделению средних веков и эпохи Возрождения. Пг., 1921.

дений из металла, а также излагает способ средневекового производства, группирует вещи по их художественному стилю и манере исполнения.

Начиная с XII в. художественное ремесло, прежде преимущественно связанное с монастырями, переходит к светским мастерам. В искусстве этого времени господствует романский стиль с его характерной отвлеченной трактовкой сюжета. Главные центры художественной обработки металла сосредоточены в Лотарингии и по Рейну.

Эрмитажная коллекция выемчатых эмалей преимущественно состоит из произведений рейнских, лотарингских и лиможских мастеров. Каждой из указанных групп изделий присущи свои черты и особенности. В декоре рейнских изделий преобладает графичность, широко применяется гравировка. Выемчатая эмаль в Лотарингии впервые известна в работах Годефруа де Клэру, которому приписывается шесть пластинок на переносном алтаре в собрании Эрмитажа (табл. 1).

С середины XIII в. рейнские эмали, как и эмали области Мааса, уступают место лиможским. Изучение последних до сих пор представляет для исследователей труднопреодолимые затруднения, поскольку совершенно отсутствуют документальные материалы. При определении памятников приходится опираться исключительно на данные иконографии и так называемые ключевые образцы. Ориентиром при датировке обычно служат произведения, выполненные на заказ. Известно всего лишь три подписных изделия лиможских мастеров: дарохранительница мастера Альпе, бронзовый канделябр мастера Константина и крест с именем Гарнерия (возможно, что это имя заказчика). К числу работ, объединенных французской исследовательницей Мари Мадлен Готье вокруг дарохранительницы Альпе, автор альбома решается присоединить хранящуюся в Эрмитаже доску от оклада Евангелия, 1215—1220 гг. (табл. 15).

Наиболее примечательными среди большой эрмитажной коллекции лиможских эмалей Э. А. Лапковская считает относящиеся в последней четверти XII в., а среди них выделяет как особо значительный памятник ларец из Червинского монастыря (табл. 12, стр. 17), украшенный изображением «Христа во славе» (Majestas Domini) с восседающими по сторонам апокалиптическими старцами [5]. На крышке представлены четыре ангела, из которых два поддерживают большой круглый медальон с агнцем — символом Христа. Автор альбома считает, что изображение Вседержителя в том виде, как оно представлено на ларце, могло распространиться во Франции благодаря миниатюрам рукописи Беатуса (VIII в.), оказавшей большое влияние на иконографию (стр. 17). Со своей стороны, мы должны сказать, что необыкновенно большая по сравнению с Византией и христианским Востоком, популярность указанной композиции в искусстве западного средневековья, засвидетельствованная целым рядом романских росписей, украшающих храмы на огромном пространстве от Испании до Скандинавии [6], заставляет отнестись к предположению Э. А. Лапковской по меньшей мере сдержанно. В прикладном искусстве изображение Христа в миндалевидной мандорле в сопровождении символов евангелистов часто можно видеть и на книжных переплетах, уже начиная с эпохи Каролингов. Лиможские эмалевые пластины (вторая треть XIII в.) с указанным сюжетом находились и в Антониевом монастыре в Новгороде [7].

В декорации лиможских ларцов наряду с новозаветными темами много места отводится иллюстрациям легенд о местных святых: Марциале, Валерии и др. Ларец св. Валерия в собрании Эрмитажа (ок. 1170 г.) принято считать выполненным по заказу Элеоноры Аквитанской (табл. 13). Среди лиможских эмалей встречаются и скульптурные работы. В Эрмитаже представлено два реликвария в виде фигуры мадонны (табл. 20, 32). Однако один из авторитетных исследователей приписываемые Лиможу реликвии в виде мадонн склонен считать испанской работой [8].

[5] *Van Der Meer.* Majestas Domini: Théophanies de l'Apocalypse dans l'art chrétien. Rome — Paris, 1938.

[6] *O. Demus.* Romanische Wandmalerei. München, 1968; *Ch. L. Kuhn.* Romanesque Mural Painting of Catalonia. Cambridge, Mass, 1930; *C. Filipowicz-Osieczkewska.* Z studijow nad szkołą polska malarstwa bizantyńskiego. Kraków, 1936; *A. Tuulse.* Skandinawia romańska. Warszawa, 1970; Christs romans. Christs en glore. Paris, 1966.

[7] *В. П. Даркевич.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). САИ Е1-57., М., 1966, № 52—53.

[8] *M. L. Hilburgh.* Mediaeval Copper champlevé enamelled Images of the Virgin and Childe. Oxford, 1965.

С конца XII в. лиможские эмали отмечены влиянием готики, что сказывается преимущественно в возрастающей объемности фигур. Таковы пластина с фигурой апостола Филиппа второй четверти XIII в. (табл. 23), возможно, происходящая из аббатства Грандмон, и пластины с фигурами апостолов Иоанна и Симеона (после 1250 г.) от облицовки алтаря (табл. 27).

Особенно важно отметить изделия со светской тематикой. К их числу относятся сосуды (жемельоны) с фигурами фонглеров и музыкантов (табл. 29), а также подсвечники со сценами поединка конных рыцарей и пеших воинов (табл. 18) и популярного в средние века единоборства Самсона со львом (табл. 19).

Второй раздел альбома составляют изделия из бронзы. Это литые фигурные бронзовые подсвечники, водолеи-аквааманилы, кувшины для омовения рук. Указанные произведения находят в различных странах Европы. Поэтому не всегда оказывается возможным точно определить место изготовления каждого из них. Одной из интереснейших мастерских меднолитейного дела была гильдесгеймская. Среди фигурных водолеев в собрании Эрмитажа отметим рыцаря на охоте (табл. 41; Венгрия, XIII в.), мужской головы (табл. 42; Венгрия, XII в.), рыцаря, борющегося с драконом (табл. 43; Динан, XIII в.). Особой стилизацией выделяются водолеи немецкого происхождения (табл. 39, 45). Итальянское кадило с прорезным растительным орнаментом (табл. 40) Э. А. Лапковская относит к мастерской Сен Зено. Одним из ценных образцов медного литья является дверной молоток работы итальянского мастера XV в. Андреа Бриоско Риччо (табл. 52).

Последний раздел издания посвящен произведениям ювелирного искусства. Изделий из благородных металлов, выполненных до XIII в., как отмечает Э. А. Лапковская, существовало крайне мало, что было вызвано нехваткой материалов. Едва ли не единственными изделиями, изготовленными целиком из серебра, были литургические сосуды (что вызывалось соображениями гигиены). В украшении изделий большую роль играли драгоценные и полудрагоценные камни, которым в эпоху средневековья приписывали магические свойства. Нередко между ними можно встретить античные камеи и геммы. Резьба по камню, возникшая в Европе уже в эпоху Каролингов, длительное время не могла получить большого распространения. Поэтому на церковных предметах XII—XIII вв. обычно встречаются либо гладкие кабошоны, либо античные и византийские камеи, а также подражания им из стекла и пасты (литики). Недостаток материала заставлял мастеров или применять серебро в сочетании с медью и бронзой, или покрывать деревянную основу тонким листовым серебром. Начиная с XIII в. изделия из серебра все активнее входят как в церковный, так и в светский обиход. В них очень рано проникает готический стиль, особенно проявляющийся в монстранцах — своеобразных моделях готических архитектурных сооружений, предназначенных для хранения гостии, которая в католическом богослужении символизировала тело Христа. Монстранцы изготовлялись преимущественно в Нидерландах и Германии, но имели распространение также в Италии, Испании и других странах. Наиболее известными центрами ювелирного дела в готический период были города Лотарингии, Париж, Франш-Конте с Безансоном; в Германии — Аахен, Нюрнберг, Аусбург, Базель. В Испании славилась своими изделиями Барселона (стр. 35).

Среди публикуемых в альбоме произведений торевтики Э. А. Лапковская наиболее ранним считает серебряную чашу с изображениями сражений людей с драконами (табл. 53). Автор альбома определяет ее в качестве светской, видит в изображениях иллюстрации к псалмам и датирует изделие второй четвертью XII в. Ошибочное определение памятника повлекло за собой и неверные выводы. Э. А. Лапковская не отрицает связи чаши с искусством Аквитании, однако пытается отнести ее к продукции мифических странствующих ювелиров, работавших на территории Руси (стр. 26). Но, как теперь выясняется, чаша найдена в Сибири. Что касается датировки изделия, то этот вопрос представляется наиболее трудным. В. П. Даркевич на основании характера доспеха рыцаря в изображении на дне чаши относит данное изделие к рубежу XII—XIII вв.[9]. Автор альбома категорически

[9] *В. П. Даркевич.* Ук. соч., № 69.

отрицает возможность использования указанной чаши и ей подобных в качестве дарохранительниц (дарохранительниц) на том основании, что на них нет евхаристических знаков и шарниров для крышки, за которую дарохранительницы часто подвешивались над алтарем. Хотя в данной рецензии мы не можем излагать подробности дискуссии о назначении этого типа сосудов, однако отметим, что исследование польского искусствоведа Петра Скубышевского убеждает в обратном [10].

Фигура св. Этьена (Стефана) бесспорно относится к числу лучших произведений романской торевтики эрмитажного собрания (табл. 56, фронтиспис и супер). Святой изображен в образе дракона, держащего в виде Евангелия небольшой мощевик с помещенной в нем реликвией. Голова и кисти рук подчеркнуто велики, и это заставляет зрителя сосредоточить внимание на лице Стефана и на предмете, который у него в руках. На крышке мощевика укреплена камея с изображением Христа на троне. Существует предположение, что она византийская. Однако немецкий ученый Ганс Венцель, наиболее авторитетный специалист по средневековой глиптике, полагает, что она едва ли выполнена византийским мастером [11]. Что касается собственно фигуры диакона, то художественные особенности ее исполнения, равно как и характер облачения, не внушают сомнений в ее принадлежности к числу французских произведений конца XII в. Французским по происхождению является и реликварий св. Елизаветы Венгерской, канонизированной в 1225 г. (табл. 59), с надписями на французском языке. Э. А. Лапковская считает не лишенным вероятия, что изделие могло быть заказано сестрой французского короля Людовика IX Елизаветой для основанного ею монастыря Лонгшан близ Парижа. Это произведение, стоящее на грани романского и готического стилей, обнаруживает сходство с реликварием Самсона в Реймсе, приписываемом в настоящее время Маасу.

В третьей четверти XIII в. мастерами Иль-де-Франс создаются произведения ювелирного искусства уже сложившегося готического стиля, классическим примером которого является усыпанный драгоценными камнями выносной, так называемый Фрейбургский, крест (табл. 61, 62). Этот памятник, изучение которого осуществлено А. Н. Кубе и продолжено Э. А. Лапковской, происходит из монастыря св. Трудберта во Фрейбурге на Брегау. Крест, выполненный из золота и позолоченного серебра, с украшениями из многочисленных камней, между которыми и античные камеи, является одним из наиболее роскошных в собрании Эрмитажа. Фигура распятого Христа исполнена из золота. На отростках помещены фигуры предстоящих у креста Марии и Иоанна Богослова; на окончаниях креста рельефные олицетворения торжествующей Церкви и побежденной Синагоги. При исполнении произведения применены чеканка, штамповка, пайка, филигрань, набивка на деревянную основу.

К редким произведениям светского характера относятся четыре тарелочки XIV в. из города Монпелье (табл. 67—70), принадлежавшие архиепископу Руана, о чем свидетельствует его знак на одной из них, в то время как на другой — клеймо города.

Если клеймо города встречается уже на изделиях XIV в., то клеймо мастера составляет большую редкость и в XV в. Поэтому необходимо отметить испанскую серебряную дарохранительницу с клеймом Бургоса и мастера Франциса (табл. 72). Заслуживает внимания также серебряный золоченный реликварий в виде шестигранной пиксиды на ножке, с двумя стоящими на отростках ангелами (табл. 75), выполненный в XV в. в Барселоне, и навершие епископского посоха (табл. 82; Испания, конец XV — начало XVI в.). Эти три изделия вместе с принадлежащими к более позднему времени [12], дополняют недавно вышедший труд об испанской торевтике [13]. Общее число сохранившихся испанских серебряных изделий указанной

---

[10] *P. Skubiszewski.* Romańskie cyboria w ksztalie czary z nakrywą. Problem genezy. «Rocznik historii stuki», V, стр. 7—45.

[11] *H. Wentzel.* Datierte und datierbare byzantinische Kameen, «Festschrift Fr. Winkler». Berlin, 1959, S. 17, 18.

[12] *П. П. Дервиз.* Несколько памятников испанского ювелирного искусства XVI—XVII веков в Эрмитаже. «Труды Отдела западно-европейского искусства», II, 1941, стр. 85—93.

[13] *Ch. Oman.* The Golden Age of Hispanic Silver. 1400—1665. London, 1968.

эпохи крайне невелико. Государственный Эрмитаж вправе гордиться своим небольшим, но исключительно ценным по составу собранием.

Из произведений торевтики XV в. обращают на себя внимание два монстранца, один из которых с клеймом города Бреды и клеймом мастера (табл. 78), а другой датирован 1474 г. и подписан мастером Гансом Риссенбергом (табл. 73). Последний монстранц украшен многочисленными фигурами святых. Он является самой ранней из сохранившихся работ таллинских ювелиров. Изделие в 1711 г. было поднесено советом города князю А. Д. Меньшикову, который подарил его Петру I. С 1725 г. монстранц хранился в Кунсткамере. Из собрания Кунсткамеры происходит и интересный сирийский стеклянный рог XIV в. с куфической надписью и изображениями христианских святых, в оправе 1551 г., изготовленной по заказу Бруно Дрольехагена (табл. 83).

Составленный Э. А. Лапковской альбом охватывает обширный круг произведений средневекового искусства. Издание этой книги-альбома является результатом большой предварительной работы по изучению памятников, о чем свидетельствуют, в частности, библиографические данные, позволяющие судить о том, что именно исследовано впервые автором. Следует сказать, что Э. А. Лапковской опубликован ряд обстоятельных исследований, результаты которых нашли отражение в рецензируемом издании. Как обзорная статья альбома, так и комментарии к таблицам написаны на высоком профессиональном уровне. Форма изложения ясна и понятна. Качественные репродукции и тщательно составленные комментарии делают альбом хорошим пособием для изучения художественной культуры средневековья.

Художественное оформление альбома отличается строгостью и изяществом, а также тонким пониманием материала, исследование которого составляет содержание работы. Хочется надеяться, что на таком же высоком уровне будут изданы в ближайшие годы и произведения русской средневековой торевтики. Осуществляемый издательством «Искусство» выпуск альбомов, посвященных сокровищам советских музеев, является хорошим начинанием, заслуживающим всякой поддержки и одобрения.

В. Г. Пуцко

Т. С. Кондукторова. Антропология древнего населения Украины. Изд. МГУ, 1972. 156 стр. Тираж 680 экз.

В музеях и научных учреждениях нашей страны сосредоточены сейчас значительные палеоантропологические материалы с территории Украины и Молдавии. Только к скифо-сарматскому времени и эпохе переселения народов принадлежит коллекция, насчитывающая несколько сот скелетов, в том числе около 500 черепов. Сюда нужно добавить материалы, хранившиеся до Великой Отечественной войны в ряде украинских музеев и погибшие в период немецкой оккупации, поскольку краниометрические сведения о них опубликованы Г. Ф. Дебецом. Научно-исторический анализ всей суммы этих материалов является одной из первоочередных задач палеоантропологии. В рецензируемой книге такой анализ проведен по двум историческим периодам Северного Причерноморья — скифо-сарматскому и черняховскому.

Работа Т. С. Кондукторовой состоит из трех глав, соответствующих культурно-хронологическим отрезкам древней истории Северного Причерноморья. В первой главе впервые собраны в единую сводку все краниологические материалы по скифскому населению. Их исследование позволило автору сделать важное историческое наблюдение.

При сравнении краниологических серий из степных и лесостепных областей вполне определенно устанавливается единое антропологическое строение всего скифского населения территории Украины[1]. Каких-либо определенных различий в этих

[1] Череп из Луки-Врублевецкой включен автором в серию скифских черепов из причерноморских степей. В действительности этот памятник находится в лесостепной зоне Украины. Однако эта небольшая ошибка никак не влияет на вывод Т. С. Кондукторовой.

сериях выявить не удается. Скифское население степи и лесостепи Северного Причерноморья характеризуется долихокранией, средними или крупными основными диаметрами, мезопрозопным, ортогнатным лицом, мезоринным, сильно выступающим носом.

Этот вывод имеет существенное значение для разрешения некоторых этноисторических вопросов. Так, отдельные исследователи, основываясь на том, что в Днепровском лесостепном правобережье подосновой скифских культур были белогрудовские и чернолесские древности, по своему облику связанные с более западными культурными регионами, склонны относить носителей скифских культур этой территории не к ираноязычным племенам, а к славянам или фракийцам. Работа Т. С. Кондукторовой показывает, что эти исследователи не правы. Черепа из скифских памятников Днепровского лесостепного правобережья оказались тождественными черепам из других районов ареала скифских культур. Известные науке черепа из фракийских памятников периода раннего железа существенно отличны от скифских краниологических материалов. По-видимому, рубеж между ираноязычными и фракийскими племенами в скифское время находился на Днестре, там, где проходит граница между скифскими и гето-фракийскими археологическими культурами.

Работами Т. И. Алексеевой показана значительная близость антропологического строения раннесредневековых славянских групп, что допускает вывод об определенной антропологической общности славян, предшествующей периоду их широкого расселения[2]. Исходным антропологическим типом раннесредневековых славян, по мнению Т. И. Алексеевой, был мезодолихокранный, относительно широколицый. Последний совершенно не связан с антропологическим типом скифского населения Северного Причерноморья. В связи с этим нужно полагать, что в I тысячелетии до н. э. славяне жили где-то за пределами территории распространения скифских археологических культур.

На основании исследования Т. С. Кондукторовой можно утверждать, что скифские племена Северного Причерноморья в основном являются потомками носителей срубной культуры. Сравнительное сопоставление серии черепов скифского населения и сакских племен Средней Азии обнаруживает заметные различия между ними. Очевидно, среднеазиатские иранцы не могли быть прямыми предками скифов. По-видимому, легенда о приходе скифов в степи Северного Причерноморья из Средней Азии, записанная Геродотом, отражает один из эпизодов скифской истории — миграцию с востока одного из скифских племен. Основная же масса ираноязычных племен — носителей скифских культур была местным населением, занимавшим области Северного Причерноморья со второй половины II тысячелетия до н. э.

Вторая глава рецензируемой книги посвящена антропологической характеристике позднескифского и сарматского населения Северного Причерноморья. В распоряжении исследователя были костные остатки из 50 сарматских захоронений. В отличие от скифов сарматские черепа мезокранны при средних основных диаметрах, относительно широколицые, горизонтальная профилировка ослаблена, нос более широкий при среднем выступании. Т. С. Кондукторова заключает, что сарматы Северного Причерноморья не находятся в генетической связи со скифами. По антропологическому строению сарматы Украины сходны с сарматами Нижнего Поволжья, а последние в свою очередь сопоставимы с антропологическим типом населения андроновской культуры. Отсюда неизбежен вывод, что сарматы в Северном Причерноморье являются пришлым с востока населением. Этот вывод не нов. Но теперь он обоснован новыми фактическими материалами.

К сожалению, антропология пока располагает сарматскими черепами преимущественно из могильников причерноморской степи. Поэтому невозможно сказать, к какому антропологическому типу принадлежало приднепровское лесостепное население в сарматскую эпоху. Из этой зоны известен только один мужской череп, происходящий из раскопок Д. Т. Березовца в Нетерепке Корсунь-Шевченковского района Черкасской

---

[2] *Т. И. Алексеева.* Славяне и их соседи (по данным атропологии). «Anthropologie», Brno, 1966, 2, стр. 3—32; *ее же.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. СЭ, 1971, 2, стр. 48—59.

области. Т. С. Кондукторова включила его в общую сарматскую краниологическую серию Украины. Видимо, этот череп не выделяется среди прочих сарматских. Но все же здесь, как и ниже, при разборе раздела, посвященного черняховской культуре, приходится сожалеть, что в книге не нашлось места для публикации индивидуальных измерений исследуемых черепов.

Отсутствие таких измерений является, пожалуй, основным недостатком рецензируемой монографии. Это не может быть оправдано небольшим объемом книги. Значительная часть краниометрических данных по анализируемым материалам уже опубликована в различных изданиях как самим автором, так и другими антропологами. Вновь в научный оборот вводятся из сарматских памятников только пять черепов, из скифских — около 30. Более значительную часть составляют новые краниологические материалы по черняховской культуре (около 100 черепов). Но и для их издания в сжатых таблицах не потребовалось бы более 1—1,5 печатных листов.

Скифское население сарматской эпохи характеризуется на основе остеологических материалов, полученных при раскопках нескольких кладбищ Неаполя Скифского, могильников около Золотой Балки и Николаевки в Херсонской области и единичных погребений в Гавриловке и Каменке-Днепровской на Нижнем Днепре. В результате анализа краниометрических данных по отдельным могильникам и их сравнений с синхронными и предшествующими сериями черепов исследователь пришел к выводу, что на Нижнем Днепре и в Крыму в сарматскую эпоху проживало население, по антропологическому строению малоотличимое от скифов эпохи раннего железа. Это были непосредственные потомки северопричерноморского скифского населения VII—III вв. до н. э. Сарматская антропологическая примесь ощущается в этом населении только в небольшой степени. Таким образом, сарматская эпоха на Украине характеризуется наличием двух антропологических типов — местного скифского и пришлого сарматского. Доля каждого из них пока не может быть определена, так как имеющиеся в распоряжении исследователей краниологические материалы происходят из ограниченного количества памятников.

Третья глава посвящена антропологии черняховской культуры. Понятно, что антропологическая характеристика черняховцев касается только той части населения, которая хоронила умерших по обряду трупоположения. Т. С. Кондукторова вводит в научный оборот значительные новые антропологические данные по черняховской культуре. Серии черепов происходят из могильников в Журовке, Коблеве, Викторовке, Ранжевом, единичные черепа — из погребений, исследованных в Деревянном, Волошском, Переяславле Хмельницком, Ромашках, Телешовке, Криничках, Кантемировке, Лохвице и Чистилове. К опубликованной Г. Ф. Дебецом серии черепов из Черняховского могильника добавлены материалы из новых раскопок этого памятника. Теперь черняховские антропологические материалы увеличились вдвое. Если прежде черняховская серия состояла из 113 пригодных для исследования черепов и скелетов, то теперь она насчитывает костные остатки 235 индивидуумов (детские черепа и кости в расчет не приняты). Этот материал вполне достаточен и надежен для того, чтобы обосновать ряд исторических заключений. К тому же он более или менее равномерно распределен по всей территории черняховской культуры. Следовательно, полученные на основе антропологических данных исторические выводы относятся как к степным, так и лесостепным районам Северного Причерноморья.

Кроме черепов из Касановского могильника, расположенного на Южном Буге, черняховская краниологическая серия оказывается довольно однородной. В целом черепа из черняховских могильников принадлежат к тому же долихокранному, относительно узколицему антропологическому типу, что и черепа скифского населения Северного Причерноморья. Детальное сопоставление скифских и черняховских краниометрических данных позволило исследователю высказать положение, что черняховское население Украины, представленное захоронениями по обряду трупоположения, имеет местное происхождение. Это были прямые потомки скифского населения Северного Причерноморья. Сарматская примесь в антропологическом строении черняховцев обнаруживается слабо, свидетельствуя о незначительной доле участия пришлого сарматского элемента в этногенезе северопричерноморского населения. По-видимому, только отдельные черняховские могильники (например, Будештский) обнаруживают более значительную примесь сарматского элемента.

На основании сходства черняховских черепов со скифскими, конечно, нельзя делать вывод об иранской принадлежности черняховских племен. Черняховская культура не является эволюционным продолжением скифо-сарматской. При ее формировании имело место, нужно полагать, вторжение на территорию ираноязычных племен новых групп иноэтничного населения. Антропологическая характеристика последнего не может быть сделана, поскольку пришлое население, по-видимому, хоронило умерших в основном по обряду трупосожжения.

В рецензируемой книге рассматривается и вопрос о соотношении черняховских и славянских раннесредневековых краниологических серий. Устанавливается, что черняховские черепа близки черепам полян и отличны от черепов других южнорусских племен [3]. Отсюда делается вывод о формировании раннесредневековых славян Киевского Поднепровья на основе черняховцев. Некоторые отличия черепов полян от черняховских (несколько меньшие абсолютные размеры черепов, более прямой лоб) объясняются процессом грацилизации. Вместе с тем относительная низкоорбитность и широконосость полян и некоторая мезокефалия являются проявлением примеси к черняховскому антропологическому типу. Т. С. Кондукторова полагает, что эта примесь относительно поздняя по сравнению с черняховской эпохой. Однако более вероятно предположение о том, что отмеченные особенности полянских черепов являются следствием метисации населения в условиях черняховской культуры. Ведь носителями этой культуры были как потомки местных иранских племен, представленных в основном трупоположениями, так и население, принесшее в черняховскую культуру обряд кремации умерших.

Анализ славянских курганных черепов Среднего Поднепровья свидетельствует, что мезодолихокранный, относительно узколицый антропологический тип, в основе которого находится черняховский, распространен значительно шире полянского ареала. Не исключено участие черняховского населения в этногенезе некоторых групп западных и южных славян. Однако в этом отношении раннесредневековые славянские антропологические материалы пока не исследованы.

Как уже отмечалось, краниологическая серия из Косановского могильника заметно выделяется среди прочих черняховских черепов, рассмотренных Т. С. Кондукторовой. Мужские черепа из этого могильника характеризуются крупными абсолютными размерами и резкой долихокранией, женские брахикранны и имеют широкое и уплощенное лицо. Какие-либо выводы из этого делать, безусловно, преждевременно, так как эта серия пока насчитывает только пять черепов. Между тем следует отметить, что косановские черепа не изолированное явление в черняховской краниологии. Приходится сожалеть, что вне внимания Т. С. Кондукторовой остались антропологические материалы из черняховских памятников Румынии. Обработаны эти материалы, правда, по далеко не полной программе. Но привлечение их для сравнительных данных необходимо, тем более что среди румынских материалов имеются черепа, сопоставимые по ряду признаков с косановской мужской краниологической серией.

Это, как мне представляется, позволило бы поставить вопрос о готском (германском) этническом элементе в черняховской культуре. Нет сомнения в том, что в целом черняховские черепа не выявляют родства с германскими краниологическими сериями, что убедительно показано Т. С. Кондукторовой. Однако, отрицая германскую принадлежность черняховского населения в целом, нельзя отказываться от поисков каких-либо следов готов в антропологическом строении черняховских племен. Ведь пребывание готов в Северном Причерноморье зафиксировано письменными документами. Поэтому одной из задач антропологов, работающих над черняховской проблематикой, являются поиски готского компонента среди черняховского населения. Представляется, что антропологический материал Косановского могильника, в котором безусловно присутствуют дитинические элементы, как и некоторые материалы из дунайской окраины черняховского региона, дают почву для предположительного выделения готского компонента среди черняховского населения.

---

[3] Т. С. Кондукторова вслед за Т. И. Алексеевой относит полянские черепа к VIII—IX вв. В действительности они датируются X—XII вв.

Книга Т. С. Кондукторовой, выполненная на современном научном уровне, заслуживает высокой оценки и займет важное место среди исследований по антропологии Восточной Европы. Обобщение антропологических материалов крупного исторического периода Северного Причерноморья имеет очень большое значение. Эта книга с интересом будет встречена не только специалистами, работающими над восточноевропейской тематикой, но и антропологами, археологами и биологами, занимающимися Средней Европой. Вызывает удивление, что книга издана очень небольшим тиражом, тем самым издатели искусственно сократили круг ее читателей.

В. В. Седов

А. И. Мартынов. Археология СССР. Программа для исторических факультетов педагогических институтов. М., «Просвещение», 1970.

Прошло четыре года работы по новой программе курса археологии и музейно-археологической практики для студентов-историков педагогических институтов, и пора подвести некоторые итоги. Самый общий и главный вывод состоит в том, что новая программа по археологии выгодно отличается от прежней программы [1]. Она заметно облегчает работу и преподавателей археологии, и студентов-историков, позволяя более глубоко и прочно усваивать теоретические вопросы и фактический материал, тем самым повышая уровень профессиональной подготовки будущих учителей истории.

Опыт преподавания археологии в пединституте убеждает, что при существующем учебном плане — всего за 40 лекционных часов — практически невозможно изложить даже наиболее важные разделы всемирной археологии, как этого требовала прежняя программа. Обычно выход из этого положения преподаватели-археологи находили в том, что по своему усмотрению сокращали действовавшую программу, исключая из нее вопросы зарубежной археологии и концентрируя внимание на более глубокой подаче материала отечественной археологии.

Новая программа предусматривает лишь изучение памятников отечественной археологии, что дает возможность в то же время проследить многие этапы в истории человечества — от раннего палеолита до позднего железного века, на конкретном материале истории той его части, которая обитала на территории нашей страны.

Исключение зарубежного материала из программы позволило частично решить и проблему учебника по археологии. Ведь практически и учебник А. В. Арциховского, и учебник Д. А. Авдусина ограничиваются изложением вопросов археологии СССР. В этих условиях студенту для усвоения программного минимума приходилось штудировать другие пособия и литературу, буквально по крупицам собирая необходимые сведения по всемирной археологии, требуемые программой.

Исключение из старой программы больших тем всемирной археологии позволило решить еще одну задачу — избежать неоправданного дублирования отдельных тем и вопросов в курсах основ археологии, истории древнего мира и средних веков. В прежней программе было много тем, с содержанием которых студенты частично знакомились, слушая лекции по различным разделам всеобщей истории. Достаточно назвать некоторые из них: «Древний Восток (Египет, Месопотамия, Древняя Индия, Древний Китай)», «Бронзовый век Средиземноморья и Западной Европы», «Археология античного общества (Греция и Рим)», «Европейское средневековье (арабские страны)». Одни из них («Древний Восток») читались в то же время, когда студенты слушали лекции по Древнему Востоку в курсе истории древнего мира, другие («Археология античного общества») предворяли темы II семестра этого курса, третьи («Европейское средневековье») — даже учебный материал III и IV семестров по курсу истории средних веков. Стремясь избежать дублирования, преподаватели археологии обычно опускали эти темы.

Для избежания дублирования и в целях экономии времени, составитель новой программы исключил из ряда тем отдельные вопросы (например, «Происхождение

---

[1] *Ю. С. Крушкол и Д. Б. Шелов.* Основы археологии. Программа для специальности «история» педагогических институтов, М., 1965.

человека и учение Ф. Энгельса о роли труда в процессе превращения обезьяны в человека. Древнейшие ископаемые люди: питекантроп, синантроп, гейдельберский человек» и др.), так как они изучаются или в курсе истории древнего мира или в курсе истории СССР.

Вполне понятно, что исключение зарубежного материала из программы позволило составителю дополнить ее темами и вопросами, которые раньше не изучались в курсе основ археологии. Таковы вопросы «Палеолит Сибири», «Бронзовый век в лесной полосе Северной Азии», «Культура раннего железного века Восточной Сибири и Дальнего Востока», «Южная Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток» (в разделе «Археологические памятники рабовладельческого общества и ранних феодальных государств на территории Азиатской части СССР»), «Волжская Болгария, хазарские и половецкие археологические памятники» (там же) и др. Включение этих и им подобных вопросов фактически доводит географию археологии до границ Советского Союза; оно дает возможность студентам познакомиться с важнейшими памятниками древности не только Европейской части СССР и небольшого района Южной Сибири в Азиатской его половине, как это было в старой программе, но и остальных районов страны. В обязательном изучении этих тем, конечно, прежде всего нуждаются студенты педвузов Сибири и Дальнего Востока. Ведь в интересах профессиональной подготовки им необходимо знать археологию тех мест, где предстоит работать в школе.

Сегодня студент уже не довольствуется схематичным изложением давно известных фактов по той или иной теме в учебных пособиях по археологии, ему хочется быть в курсе последних открытий советских археологов, ему надо знать, какие проблемы решает сегодня советская археологическая наука. Новая программа отвечает этим запросам. Она значительно полнее отражает современный уровень советской археологии. Составитель не побоялся включить в программу некоторые важные проблемы археологической науки. Назовем лишь некоторые из них: «Вопрос о „культурах рубил" и „культурах отщепов"», «Проблема заселения Северной Азии человеком в палеолитическую эпоху и проникновения человека на Американский материк», «Две точки зрения на происхождение трипольской культуры», «Вопрос о памятниках полтавкинской культуры», «Происхождение фатьяновской культуры» и мн. др.

К программе приложен список обязательной и дополнительной литературы, что весьма выгодно отличает ее от прежней. В этом списке 37 названий, в числе которых труды классиков марксизма-ленинизма, многотомные издания по истории СССР и истории Сибири, учебники и учебные пособия по археологии, монографии советских и прогрессивных иностранных (Г. Чайлд) археологов.

Опыт показывает, что студенты слабо ориентируются в калейдоскопе археологических культур неолита, энеолита, бронзы и раннего железа. Они нередко с трудом улавливают и удерживают в памяти специфические черты отдельных культур, их своеобразие, запоминая обычно из обзора множества культур некоторые наиболее яркие (трипольская, майкопская и др.) и усваивая то общее, что роднит синхронные культуры (черты производственной техники, социально-экономическое содержание их и т. п.) Пытаясь помочь студенту запомнить «лицо» каждой культуры, преподаватели археологии старались максимально насыщать лекции наглядным материалом (показ вещественного материала, рисованных таблиц, книжных иллюстраций). Мы, в частности, кроме того, составляли синхронистические таблицы по четырем названным выше эпохам. Однако все эти меры помогали далеко не всем студентам, и добрую половину оценок по основам археологии раньше обычно составляли «тройки».

А. И. Мартынов сделал первый шаг по пути сокращения огромного количества археологических культур, обязательного знания которых требовала прежняя программа. Если, например, старая программа требовала знать по бронзовому веку по крайней мере 21 культуру (не считая культур Древнего Востока), то в новой программе число их сокращено до 10. Дело не только в том, что исключен зарубежный материал, а вместе с ним исчезли из программы кикладская, критская, микенская и другие культуры, но сокращено и количество культур бронзового века на территории СССР: так, из четырех кавказских культур эпохи бронзы старой программы (майкопская, кобанская, триалетская, колхидская) в новой программе оставлена лишь одна — триалетская. Новая программа не требует обязательного знания ряда культур раннежелезного века (тавров, меотов и др.). Все это, разумеется, облегчает задачу студентов

по усвоению основ археологии СССР, так как программа требует знания основных археологических культур.

В новой программе детальнее разработана каждая тема и ее отдельные вопросы. Без такой разработки просто немыслима любая учебная программа, иначе она превращается в сухой и краткий перечень пунктов плана. В самом деле, в прежней программе нередко встречаются сугубо лапидарные формулировки. Вот, например, как сформулированы пункты старой программы по культурам бронзового века Южной Сибири: «Афанасьевская, андроновская и карасукская культуры. Орудия труда. Керамика. Рост роли скотоводства. Начало социального неравенства, Искусство». Программа предлагала дать общую характеристику сразу трем культурам, показать историю материальной культуры в развитии по двум направлениям — орудия труда и керамика, акцентировав внимание на социологических вопросах («рост роли скотоводства» и «начало социального неравенства»). Студенты обычно не справлялись с такой задачей, а преподаватели были вынуждены давать более или менее компактно и цельно характеристику каждой из названных культур в отдельности.

А. И. Мартынов дает более подробную разработку по названным темам. Вот, например, как выглядит программный материал по афанасьевской культуре: «Родовые кладбища. Инвентарь погребений. Архаический характер изделий из меди. Хозяйство. Окуневский этап. Памятники изобразительного искусства на Енисее». По андроновской культуре программа требует от студента знания характеристики поселений и могильников этой культуры, района распространения ее памятников, типа керамики, состояния горнорудного дела, описания орудий труда, уровня развития скотоводства и земледелия. Особо ставится вопрос о происхождении андроновской культуры. Иными словами, новая программа ориентирует студента не просто на самый общий ответ о какой-либо культуре, а требует от него конкретных знаний по отдельным частным вопросам темы. Вместе с тем программа по-настоящему помогает студенту усвоить учебный материал по теме, удержать его в памяти и вспомнить его в процессе подготовки к ответу. Отрадно, что такую подробную разработку получили и остальные темы и подтемы программы.

Таковы, на наш взгляд, основные достоинства новой программы по археологии. Это, конечно, вовсе не значит, что новая программа совершенно свободна от каких-либо недостатков.

Нам представляется, что вводная тема должна быть доработана за счет включения в нее историографического обзора: студенты должны получить хотя бы общее представление о развитии отечественной археологии в дооктябрьский период и в советское время. Вводная тема должна быть дополнена также пунктом об основных методах ведения полевых и камеральных исследований по археологии. Конечно, в тех пединститутах, где есть специалисты, могущие вести археологическую практику, в этом нет особой необходимости, ибо методика полевых исследований изучается студентами во время археологической практики. Но в тех педвузах, где нет квалифицированного специалиста и где полевая археологическая практика совершенно не проводится либо заменяется музейно-археологической экскурсией, студенты самой программой лишены возможности получить хотя бы общее представление о методике археологических исследований, в то время как учебник такие сведения содержит в необходимом объеме. Такое противоречие кажется непонятным.

В интересах повышения уровня профессиональной подготовки студентов-историков вводная тема, по нашему мнению, должна включать в себя и вопрос о связях археологии и краеведения, как это и предусматривалось старой программой. Такие сведения нужны именно для той группы студентов, которая проходит полевую археологическую практику, ибо программа последней не ставит этого вопроса.

Мы считаем также, что в конце каждой темы в программу следует включить пункт о местном археологическом материале, синхронном изучаемому. Дело в том, что кроме «классических» археологических культур во многих краях и областях есть другие, знания которых программа не требует. Скажем, в наших условиях таковы верхнеобская, сросткинская и другие культуры. Поскольку в педвузах готовят учителей истории для определенных областей и краев, то опять-таки в интересах улучшения профессиональной подготовки будущий учитель должен получить хотя бы общее представление об этих местных археологических культурах. Ведь на месте работы

ему, видимо, придется иметь дело с памятниками не только общеизвестных культур и отнюдь не обязательно классических (вроде скифской, сарматской и пр.), но и прежде всего именно с этими местными культурами. Поэтому надо дать возможность преподавателю археологии изложить местный материал по данной теме.

Избежав дублирования в тексте самой программы, составитель не смог этого сделать при составлении списка литературы. В этом списке есть те же самые работы, которые содержатся в списках литературы, приложенных к программам по истории древнего мира, по истории СССР (например: К. Маркс «Конспект книги Л. Г. Моргана „Древнее общество“»; Ф. Энгельс «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»; Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; В. И. Ленин «О государстве»). Едва ли есть смысл включать в этот список очень трудную для первокурсника работу К. Маркса «Формы, предшествовавшие капиталистическому производству». А вот в список дополнительной литературы, по нашему мнению, следовало бы включить ряд научно-популярных книг, вышедших в последние годы, а также некоторые монографии, например В. Ф. Гайдукевича, М. П. Грязнова. Необходимо также рекомендовать ежегодник «Археологические открытия».

Программа теоретического курса по археологии СССР дополняется программой по музейно-краеведческой и археологической практике [2]. Эта программа предусматривает проведение историко-краеведческой учебной экскурсии с целью ознакомления с памятниками археологии и методами ведения археологических разведок, научного обследования памятников и т. п. Особый раздел программы посвящен учебной археологической практике. По этому разделу программой предусмотрено изучение двух основных категорий археологических памятников — поселений и захоронений, а также порядка оформления полевой документации.

В целом эта программа не вызывает принципиальных замечаний. Новые требования программы определяют знания, совершенно необходимые будущему учителю истории. Но исходя из интересов улучшения профессиональной подготовки студентов-историков, по нашему мнению, программу следует дополнить рядом вопросов. В частности, программа ориентирует лишь на изучение одной группы погребальных памятников, а именно курганных захоронений. Думается, что студентов следует знакомить и с методикой раскопок грунтовых могильников. Например, в условиях Алтайского края одним из наиболее распространенных видов захоронений являются грунтовые могильники, и нам представляется целесообразным познакомить студентов именно с методикой исследования грунтовых кладбищ.

По-видимому, в программе по полевой археологической практике следует знакомить студентов с такими вопросами, как аварийное состояние памятников и методика ведения аварийных раскопок, ибо чаще всего именно преподавателю истории приходится принимать срочные меры по спасению разрушающихся или разрушенных памятников. Правда, сведения об аварийных раскопках содержатся в программе по вспомогательным историческим дисциплинам, но при наличии специальных предметов (основ археологии СССР и полевой практики) едва ли целесообразно дробить сведения по методике полевых археологических исследований между 3—4 курсами (историческое краеведение, вспомогательные исторические дисциплины, основы археологии СССР и полевая практика по археологии). Ведь при этом фактически неизбежно все то же дублирование вопросов, которого следует избегать.

Заканчивая свои заметки, хочу обратить внимание на то, что работа по новой программе потребует переработки действующих учебников по археологии (учебники А. В. Арциховского и Д. А. Авдусина), ибо они не содержат материалов по ряду вопросов, поставленных новой программой. Это же замечание, правда, в меньшей степени, относится и к вышедшему из печати в 1973 г. учебнику, написанному автором программы по археологии СССР — А. И. Мартыновым [3].

А. П. Уманский

---

[2] *В. Г. Карцов и А. И. Мартынов.* Программа по музейно-археологической и краеведческой практике. М., 1970.

[3] *А. И. Мартынов.* Археология СССР. М., «Высшая школа», 1973.

Хроника

ДИСКУССИЯ О ХАРАКТЕРЕ ОБМЕНА И ТОРГОВЛИ В ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВАХ

22—24 марта 1972 г. проходил симпозиум теоретического семинара и сектора Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, посвященный теме: «Обмен и торговля в древних обществах». Было прочтено 12 докладов [1], в прениях приняло участие 17 человек.

В. М. Массон, открывая первое заседание, отметил, что прежде всего следует выработать методику использования массового археологическго материала для изучения обмена и торговли в древних обществах. Большая роль обмена на ранних этапах общественного развития засвидетельствована данными археологии и этнографии. Перерастание обмена продуктов в товарообмен, грань между обменом и торговлей — важные стороны изучения политэкономии первобытной эпохи. Существенной представляется и проблема развития торговли в классовых обществах. Периферийные районы ранних и развитых классовых обществ (Северное Причерноморье, Кавказ, Белуджистан и Южный Афганистан), попадающие в орбиту интенсивных торговых связей, испытывают разлагающее влияние торговли на структуру своих обществ (явление, на которое указывал еще К. Маркс).

С докладом «Обмен и его социальная роль в первобытном обществе» выступил В. Р. Кабо. Докладчик показал, что роль, которую играет обмен в первобытном обществе, отличает его от товарообмена в обществе, основанном на частной собственности. Поэтому специфические свойства первобытного обмена требуют и особых приемов исследования. Первобытный обмен может быть внутриобщинным, внутриплеменным и межплеменным. Тем самым он является выражением внутриэтнического и межэтнического разделения труда, а также внутриэтнических и межэтнических социальных и культурных связей. Для археологов изучение обмена и торговли в древних обществах имеет большое значение при решении проблемы соотношения археологической культуры и этноса. Но границы этноса и археологической культуры не всегда совпадают. Здесь важную роль играет обмен материальными ценностями, что фиксируется археологическими методами. Сейчас развивается новое направление комплексных исследований — этноархеологическое, основанное на использовании этнографии для интерпретации археологического материала.

Доклад Н. Н. Гуриной «К вопросу об обмене в неолитическую эпоху» касался территории Северной и Восточной Европы. Предпосылкой к развитию первобытного обмена явились различия естественногеографической среды. Наиболее массовым продуктом обмена для лесных неолитических племен был кремень. Изучение кремневых изделий и сырья в областях, лишенных его запасов, позволяет выявить связи племен на различных этапах неолита. В развитом и позднем неолите возникают горные выработки и связанные с ними кремнеобрабатывающие мастерские. Зарождающаяся специализация мастеров ведет к общественному разделению труда; все более развивающийся обмен вызывает дальнейшее развитие горного дела. Одним из распространенных продуктов обмена был прибалтийский янтарь. Янтарные изделия встречаются на стоянках почти всех областей лесной зоны Восточной Европы.

Л. П. Хлобыстин в докладе «Обмен в эпоху неолита и бронзы» проанализировал в соответствующем аспекте археологические материалы Сибири. Наличие внутреннего семейно-хозяйственного обмена подтверждается данными могильников, демонстрирующих половое разделение труда. Следующей ступенью развития обмена оказывается его выход в сферу родственного объединения, что улавливается лишь по этнографическим материалам (эвенки). Для неолита Сибири выделение производителей-ремесленников по археологическим данным прослеживается очень неотчетливо, но этнография дает много примеров, которые можно проецировать на эпоху неолита. Закрепление территорий за родо-племенными объединениями привело к неравномерному распределению сырьевых баз и к различной хо-

[1] Тезисы докладов опубликованы: Обмен и торговля в древних обществах. Тезисы к симпозиуму теоретического семинара и сектора Средней Азии и Кавказа ЛО ИА АН СССР 22—24 марта 1972 г. Л., 1972. Доклад О. В. Овсянникова, тезисы которого опубликованы в этом издании, на симпозиуме не прочитан.

зяйственно-производственной специализации (охотники, рыболовы, позднее — земледельцы и скотоводы). Это стимулирует межплеменной товарообмен. Роль обмена существенно возросла в эпоху бронзы. Однако археологические данные о товарообмене в первобытных обществах Сибири не сообщают нам, на что обменивались изделия из кремня, металла и нефрита; неизвестна и эквивалентность обмена. По этнографическим данным, в числе предметов, употреблявшихся при обмене, были моржовые клыки, юкола, ровдуга, меха и т. д. С развитием скотоводства одним из ведущих объектов обмена становится скот, который служит и основной меновой единицей. Товарообмен, с одной стороны, способствует интенсификации производства, сближению народов и усвоению новых культурных достижений, с другой — ведет к накоплению богатств, к захватническим войнам, к развитию эксплуатации.

В. М. Массон выступил с докладом «Изучение обмена и торговли первобытной эпохи», в котором была рассмотрена методика исследования процесса обмена и его различный характер в первобытном и раннеклассовом обществах. Докладчик считает, что большое значение имеет установление с помощью методов технических наук ареалов влияния, источников сырья, соотношения местных и привозных изделий и т. д. Картографирование импортного материала позволит выяснить направление древних торговых путей. Докладчик предлагает классифицировать обмен и торговлю по объекту обращения: обмен сырьем, обмен украшениями, орудиями труда и оружием. Этнография дает нам несколько организационных форм обмена. Это бесконтактный обмен, многоступенчатый обмен, «торговые экспедиции» и ряд определенных обычаев (например, побратимство посредников). Появление первобытных денег, т. е. первого выражения всеобщей эквивалентной формы стоимости, и социальной прослойки торговцев-профессионалов (класс купцов в государствах) свидетельствует о перерастании обмена в торговлю.

Возникновение и развитие обмена связано с экологическим разнообразием районов обитания различных коллективов и культурным традиционализмом в использовании определенных вещей и материалов (обсидиановые орудия на Джармо, бусы из раковин эгейского происхождения в поселениях причерноморской Болгарии). Обмен сырьем и, вероятно, отдельными видами украшений появляется в верхнем палеолите, а в раннем неолите он уже широко представлен. В. М. Массон на археологических материалах показывает, что обмен в эпоху мезолита и неолита становится регулярным общественным процессом. Но регулярность обмена еще не приводила к возникновению товарного производства (у австралийцев, например, обмен имел большое культурное и общественное значение, а понятие стоимости отсутствовало).

В раннеземледельческих обществах времени первого освоения металла помимо импорта украшений появляется обмен глиняной посудой (самаррская керамика в Хассуне, халафская керамика в Амуке). Для развития обмена и перерастания его в торговлю большую роль сыграла металлургия. Это новое производство требовало регулярной доставки сырья, что часто выражалось в импорте готовой продукции (металлические изделия Закавказья поступают в восточноевропейские степи, в Малоазийском Канише продажа меди производилась в виде серпов и топоров). Обмен в эпоху металлов ведет к появлению эквивалентной формы товара. Этнографические материалы содержат различные виды первобытных денег (например, ожерелья из раковин и другие украшения), употреблявшиеся лишь при некоторых группах меновых сделок. Здесь форма денег, по К. Марксу, срастается с наиболее важным предметом потребления, представляющего собой естественно выросшую форму меновой стоимости. Но в древнем Египте и Шумере зерно, а затем металл (серебро) являлись мерой стоимости и средством обращения. В этом случае, указывает В. М. Массон, форма денег, по выражению К. Маркса, срастается с предметом потребления, который составляет главный элемент местного отчуждаемого имущества. Роль эквивалента в эпоху бронзы, видимо, выполняли гривны, тяжелые браслеты, двойные проушные топоры и т. д.

Перерастание регулярного обмена в торговлю ведет к выделению социальной группы торговцев-ремесленников; находки кладов и погребений литейщиков связаны с этой новой социальной группой. На поздних этапах первобытнообщинного строя в развитии торговли приобретает большое значение социальный фактор, вызывающий спрос на редкие украшения и другие особые заморские изделия. Эти запросы привели к торговле лазуритом на Ближнем Востоке и к созданию великого янтарного пути в Европе.

Доклад К. Х. Кушнаревой «Обмен и торговля Закавказья в древности» был посвящен экономическим связям народов Закавказья. Первобытный обмен возникает на базе различной производственной специализации отдельных общин. В VII—IV тысячелетиях до н. э. обсидиан, выходы которого находятся на Армянском нагорье и в Каппадокии, поступает в виде первичного сырья в южные области. Но остается неясным, что получали взамен обсидиана. Однако для V—IV тысячелетий до н. э. выявляется проникновение на Южный Кавказ красочной посуды халафско-обейдского круга. В III тысячелетии до н. э. Кавказ частично входит в сферу месопотамских торговых связей. С юга идут также новшества в области металлургии и гончарства. Поскольку недра Кавказа изобилуют рудой, общины на-

чали специализироваться на металлургии. Торговля медью (очевидно, в слитках) сменила торговлю обсидианом. В конце III тысячелетия до н. э. скотоводство как форма хозяйства выдвигается в Закавказье на первый план и скот попадает в сферу товарообмена. Торговые караваны используют вьючных животных; металл поставляют южнокавказские племена. В этот период у знати Закавказья увеличивается спрос на изысканные заморские предметы из Малой Азии, Средиземноморья, Ассирии и т. д. Торговые пути ведут и на Север — в Предкавказье, на Украину, в Молдавию. Систематический обмен становится частью экономики Закавказья и перерастает в торговлю. Появляются денежные эквиваленты в виде массивных медных и оловянных колец (всеобщая форма стоимости по К. Марксу). Металлургия отделяется от сельского хозяйства (второе общественное разделение труда).

Н. Б. Янковская в докладе «Обмен и торговля в странах Передней Азии по клинописным источникам (III—I тысячелетия до н. э.)» осветила особый характер торговли в раннеклассовых обществах. В связи с удаленностью земледельческих центров на Тигре и Евфрате от горнорудных месторождений в III тысячелетии до н. э. установилось разделение труда между различными областями Передней Азии. Это явилось условием для возникновения международного обмена. Н. Б. Янковская подчеркивает, что собственно коммерческая деятельность в эпоху очень низкой товарности производства, сокращаясь до минимума при централизованном распределении, существовала под видом «дворцовой торговли». Официально «дворцовую торговлю» вели государственные чиновники — тамкару. Но эта торговля не обходилась без кредита, что приводило к развитию в ней частной инициативы. Торговля, противостоящая дворцовой, которую можно назвать частной, опиралась на органы общинного самоуправления и поддерживалась храмами.

На последующее развитие торговли повлияло образование в XVI в. до н. э. трех великих держав: хеттской, хурритской и касситской. В это время возобладала «дворцовая торговля». Важным результатом этого периода явилось перенесение торговых центров в Средиземноморье и возникновение торговых городов. Политика государственных деятелей в отношении торговли сводилась лишь к стремлению иметь наибольшую долю участия в торговых доходах. Это зачастую приводило к подрыву торговых связей и экономики страны.

Продовольственные запасы цитадели не просто продавались, а ссужались. Это вело к росту запасов. Во время войн и активного дворцового и храмового строительства происходил расцвет кабального кредита, что в конечном счете приводило к кризису экономики. Храмовая торговля, наоборот, использует продукцию обрабатывающих ремесел. Торговые пригороды II тысячелетия до н. э. существуют обычно при храмовых складах. Тоталитарные державы, как правило, поглощали храмовое хозяйство. Но второстепенные храмы оставались местом развития торговли, ремесла, науки.

Б. Б. Пиотровский в своем обширном выступлении, явившемся по сути дела докладом, развил вопросы, затронутые в докладах В. М. Массона, Н. Б. Янковской и К. Х. Кушнаревой. Он остановился на археологических материалах Южного Кавказа, демонстрирующих связи этой территории со средиземноморскими районами Сирии. Богатые погребения вождей скотоводческих племен в курганах конца первой — начала второй половины II тыс. до н. э. содержали втульчатые наконечники копий (Триалети, Кировокан), боевые вилы в виде трезубца (Лчашен), имеющие аналоги в Рас-Шамара (Угарит). Золотые бусы из Лчашена близки бусам из могильника XIV в. до н. э. в Мари. Цилиндрические печати хурритского стиля, найденные в различных районах Закавказья, четко указывают на связи с Сирией. Бронзовые скульптурные группы, изображающие ритуальные сцены, находят близкие аналоги на Кипре. Письменные документы из Угарита XIII в. до н. э. говорят о том, что в руках царя в значительной степени находилась торговля, осуществлявшаяся тамкарами — царскими торговыми агентами, иногда выступавшими и как самостоятельные купцы. Тамкары Угарита разделялись на две категории: государственные тамкары и тамкары Угаритского царя.

Затем Б. Б. Пиотровский охарактеризовал организацию караванной торговли и систему торговых расходов. Рас-Шамра и оз. Севан связаны тропами, по которым шли караваны. Представление о караванной связи, обеспечивающей обмен городов Сирии со скотоводческими племенами оз. Севан, дают тексты хеттского города Каниш, относящиеся к несколько более раннему времени (первые века II тысячелетия до н. э.). Документы Каниша содержат сведения о стоимости вьючных ослов, волов (более дешевых, чем ослы), упряжи и фуража. Труд погонщика, проводника и постой также оплачивались. Кроме того, существовали отчисления в пользу администрации торгового пункта — неодинаковые для разных товаров. На олово сбор был самый минимальный: около 3% (видимо, для поощрения торговли этим металлом). В пути все платы производились оловом, и его количество в караванах достигало 410 талантов, т. е. 12 *т*. Б. Б. Пиотровский, так же как Н. Б. Янковская, полагает, что олово было одним из главных товаров, перевозимых через Ашур с востока на запад. Позднее основным местом скопления олова стал г. Мари. Отсюда торговые связи шли уже через посредничество Угарита на Кипр.

Приведенные материалы показывают, что торговые связи в эпоху бронзы и раннего железа не были примитивными. Картину обмена, представленную в документах Каниша, можно проецировать и на Закавказье. Тропы-пути с глубокой древности были подчинены охране по «обычному праву». Когда же государства начали монополизировать торговлю, эти пути стали охраняться государством и племенами, через территорию которых они проходили. Даже в обстановке войн и грабительских походов, когда обмен заменялся захватом, караваны из вьючных ослов продолжали существовать. Многие маршруты военных грабительских экспедиций древневосточных государств шли по древним торговым путям.

В своем выступлении Б. Б. Пиотровский поднял также и теоретические вопросы. Формы взаимоотношений с соседями являются важным элементом в развитии общества. Очень существенно выяснить начальные формы обмена: а) последовательные, сначала неэквивалентные, формы общественного обмена, на основе общинной собственности; б) получение недостающих элементов питания, в частности соли. Здесь очень долго действовало «обычное право». Это связано с естественным разделением труда; в) при общественном разделении труда обмен начал индивидуализироваться и стал сосредотачиваться сначала в руках представителей господствующего класса, а позднее в руках главы государства.

Выступая в прениях, Н. Б. Янковская подчеркнула основное положение своего доклада: по клинописным источникам III—I тысячелетий до н. э. представляется, что коммерческая деятельность в тот период даже при централизованном распределении «тлела» под спудом «дворцовой торговли». Существование же кредита в ней вело к проникновению в торговлю частных лиц. В результате преобладания «дворцовой торговли» в XIV в. до н. э., в эпоху существования трех великих государств, торговые центры переместились на побережье и острова Средиземного моря. Н. Б. Янковская показала на примере государства Аррапха, что там торговля, как и в древнем Шумере, существовала в виде постоянного сектора государственной экономики.

К. Х. Кушнарева дала положительный ответ на вопрос, могут ли массивные металлические кольца (Мехчис-Цихе), украшенные орнаментом, являться меновыми единицами. Она считает, что дальнейшее изучение торговли на Кавказе в позднебронзовом веке должно пойти по линии дешифровки металлических кладов, выяснения характера спроса на металлические изделия, путей торговли, связи каждого клада с той или иной мастерской и т. д.

В обсуждении докладов Н. Б. Янковской, Б. Б. Пиотровского и К. Х. Кушнаревой принял участие В. П. Шилов, который отметил, что при изучении вопросов обмена и торговли еще недостаточно учитываются данные естественных наук о составе предметов. В. П. Шилов не согласился с механическим перенесением данных о торговле на Переднем Востоке в древнее Закавказье, так как в Передней Азии торговля носила организованный государственный характер, в то время как в Закавказье в ранний период мы не имеем государственных образований. Он выступил против точки зрения Б. Б. Пиотровского, считающего, что в периферийные районы металл попадал только в виде готовых изделий. Металл поступал и в слитках. В Оренбургском музее хранятся пять слитков в виде лепешек. О времени распространения металлических слитков свидетельствует алакульское погребение металлурга, обследованное С. А. Поповым в Илецкой защите. В скифо-сарматский период торговля охватывала широкие слои населения, а не только верхушку, однако в условиях кочевого общества она не влияла существенно на развитие производительных сил, которые у кочевников необычайно застойны. Кочевники сами изготовляли необходимые орудия труда и оружие. Надо отметить, что военный доспех воинственных кочевников даже оказывал воздействие на развитие оружия оседлых народов.

При обсуждении докладов, посвященных первобытным обществам, А. М. Беленицкий заметил, что, анализируя привозные вещи, надо иметь в виду, что они не всегда свидетельствуют об обмене или торговле. Эти вещи могли появиться и в результате военного захвата. Мы не можем сказать, какие предметы были захвачены, а какие обменены.

В докладе «Обмен и торговля в древней Средней Азии по результатам археолого-химического изучения металлических изделий» Ю. А. Заднепровский и И. В. Богданова-Березовская отметили, что предварительное условие изучения вопросов обмена — выявление основных центров производства меди и бронзы на территории Средней Азии и установление хронологических и территориальных особенностей развития и изменения ассортимента изделий с учетом их химического состава. Докладчики остановились на вопросе выявления импортных вещей и показали, что Южная Туркмения эпохи энеолита и бронзы была связана с южными соседями, главным образом Ираном, откуда импортировались изделия и сырье для местного производства. В III—II тысячелетии до н. э. в Средней Азии, видимо, начинают использоваться местные источники сырья. Появление в этот период первых кладов также свидетельствует о расширении производства, скорее всего рассчитанного на обмен. Клад Хак из Северной Ферганы, судя по археолого-химическим данным, иранского происхождения. В эпоху развитой и поздней бронзы складывается несколько самостоятельных центров производства. Среди степных племен в

северной части Средней Азии распространяются металлические вещи срубной, андроновской и хронологически последующих культур. По химическим данным намечаются микрорайоны производства и сбыта изделий в эпоху поздней бронзы.

Два доклада на симпозиуме были посвящены обмену и торговле в античном обществе. В докладе И. Б. Брашинского «Характер греко-варварской торговли античного Причерноморья и некоторые вопросы методики ее исследования» говорилось о том, что торговля в разных районах Причерноморья носила неодинаковый характер в зависимости от уровня социально-экономического развития туземных племен, населявших эти районы: торговля с фракийцами была денежной, со скифами — натуральной. Лишь в Западной Скифии в связи с интенсивной эллинизацией намечаются зачатки денежного обращения. Элементы товарно-денежных отношений появляются у синдо-меотских племен. И. Б. Брашинский считает, что не во всех случаях находки монет, особенно кладов, указывают на то, что они служили средством обращения; часто они были средством накопления богатств. О предметах варварского экспорта можно судить лишь в общей форме. На основе изучения керамической тары (амфор) — массового материала, поддающегося в настоящее время достаточно надежной локализации и датировке, — И. Б. Брашинский при помощи статистических примеров смог показать объем и интенсивность импорта из различных производственных центров античного мира.

Доклад И. Г. Шургая «Торговля Северного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем в эпоху эллинизма (вопросы интерпретации данных археологии)» касался роли археологического материала из городов Северного Причерноморья в решении вопросов их торговли с центрами Восточного Средиземноморья с конца IV по I в. до н. э. Археологический материал имеет решающее значение в разработке названной проблемы, так как письменные источники отрывочно и неполно освещают торговые связи Северного Причерноморья со Средиземноморьем. Докладчик рассмотрел типы археологических источников, уделив особое внимание эпиграфическим памятникам и разнообразным группам керамики (керамическая тара, рядовая, стандартная и художественная керамика). В докладе поставлен вопрос о влияниях керамического ввоза на местное керамическое производство. Это явление также привлечено к разработке вопросов эллинистической торговли. На основе исследования эпиграфических памятников и импортного керамического материала докладчик устанавливает центры Восточного Средиземноморья, поддерживавшие торговые связи с северопонтийскими народами.

С. И. Капошина, выступившая в прениях, отметила, что в докладе И. Г. Шургая учтен весь комплекс источников — письменных, эпиграфических, археологических — и что доклад представляет интерес с методической точки зрения. С. И. Капошина показала многосторонность вопроса о проксениях, которые обычно рассматриваются как доказательство торговли. Проксен мог торговать не только со своим родным городом, а также с другими городами. Надгробия еще не являются доказательством развития торговли с тем пунктом, откуда происходит умерший. Умерший мог быть жителем причерноморских колоний. С. И. Капошина считает, что работа И. Г. Шургая по выделению александрийских вещей — очень большое достижение в области исследования Северного Причерноморья.

И. Б. Брашинский считает, что в докладе И. Г. Шургая полно суммирован материал, но не учтена очень важная категория находок — монеты. Он полагает, что И. Г. Шургая неправ, объясняя малое число боспорских проксений слабой изученностью агоры Пантикапея. На Боспоре и не должно быть проксений, так как Боспорское государство — монархия, а проксении — эпиграфические памятники демократических государств, полисов.

В заключительном слове И. Г. Шургая заметил, что вопрос о монетах не затронут им сознательно, поскольку это особая тема. Он не считает, что надгробия свидетельствуют только о торговле, но полагает, что они могут служить важным подспорьем для решения некоторых вопросов торговли. И. Г. Шургая продемонстрировал боспорские проксении, изданные от имени боспорских царей (КБН, 1—5) отметив, что подобный тип эпиграфических памятников на Боспоре существовал, но в специфической форме, отражавшей политическую структуру Боспора. Для решения вопросов торговли методика использования боспорских проксений как источников не отличается от ольвийских проксений, число которых, естественно, достаточно велико, так как ольвийская агора исследуется систематически.

В прениях по докладу И. Б. Брашинского выступил А. Н. Щеглов. Он указал, что в античной археологии в настоящее время существует два уровня изучения торговых отношений между различными центрами. Первый из них традиционный, давно разработан и успешно применяется всеми археологами. Его конечный результат — установление направлений торговых связей и оценка интенсивности торговли в первом приближении. Этот уровень отражен достаточно полно в тезисах обзорного доклада И. Г. Шургая. Второй уровень имеет конечной целью представить динамику торговых связей между различными центрами во времени и объеме. Несомненно, что он гораздо полнее отражает историческую действительность и позволяет строить теоретические палеоэкономические модели на современном уровне наших знаний. Доклад И. Б. Брашинского очень важен как с теоретической, так и с методической стороны, ибо в нем не только отражено новое, более

глубокое направление в изучении торговых отношений в античных обществах, но и сделана успешная попытка определения объемов торговли тех или иных центров в общем торговом балансе.

В докладе «К вопросу об обмене и торговле в черняховской культуре» М. А. Тиханова показала, опираясь, в частности, на данные изучения цветного металла и изделий из железа, что ремесленники черняховской культуры работали преимущественно на заказ, и вновь подняла вопрос о бродячих мастерах, также работавших на заказ. Она выступила против существующего мнения, что широкое распространение на территории лесостепи римских монет в виде кладов и единичных находок свидетельствует о широкой внешней и внутренней торговле. М. А. Тиханова считает, что обмен, хотя и принимал формы денежной торговли, сосредотачивался в основном, если не исключительно, в руках знати. Основными предметами торговли были предметы роскоши; никаких данных о вывозе зерна, вопреки утверждению целого ряда исследователей, не имеется. В начале III в. действительно прекращается массовый приток римской монеты, но в то же время в III—IV вв. усиливается приток предметов импорта, причем увеличивается их ассортимент и количество. Римские клады, содержащие монеты конца I — самого начала III в. и зарытые в IV в., М. А. Тиханова рассматривает как сокровища, накопленные представителями знати. Сосредоточение сокровищ обусловливалось слабостью внутренней торговли. В связи с этим отсутствовала и собственная денежно-весовая система. В то же время нельзя не учитывать несомненного культурного влияния, которое оказывали торговые связи, да и военные, с северочерноморским и дунайским миром на носителей черняховской культуры. Что касается обмена-торговли «черняховцев» с другими племенами «варварского» мира, то пока мы не можем ответить на этот вопрос.

По докладу М. А. Тихановой выступил Э. А. Сымонович, который считает очень плодотворной мысль о бродячих мастерах, но в то же время полагает, что внутреннее денежное обращение имело место, так как монеты известны на всех поселениях. По мнению Э. А. Сымоновича, находки сельскохозяйственных орудий — рал и сошников, а также палеоэкономические данные свидетельствуют о товарности хлеба.

В. М. Массон, выступая по докладам И. Б. Брашинского и М. А. Тихановой, остановился на использовании данных нумизматики. Следует иметь в виду, что с появлением денег в монетной форме вступают в действие особые закономерности, определяющие динамику денежного рынка, стоимостные значения номиналов, формы эксплуатации монетной регалии. Часто состав обращающейся монеты определяется не характером и не направлением торговых связей, а иными факторами. Поэтому правильно поступил и И. Г. Шургая, воздержавшийся от привлечения данных нумизматики, и И. Б. Брашинский, который привлекал такие данные ограниченно и иллюстративно. Все это — особые вопросы. В связи с большим количеством римских монет на территории черняховской культуры именно в кладах напрашивается вывод, что здесь деньги — в функции сокровищ, а не в функции средств обмена. Мы хорошо знаем вывоз римской монеты именно как драгоценного металла в Индию, где она шла на кушанские золотые ауреусы. Так что нахождение кладов еще не может свидетельствовать о развитии денежной формы торговли.

В. И. Распопова выступила с докладом «Археологические данные о согдийской торговле». Важная роль согдийцев в международной торговле с первых веков нашей эры до времени арабского завоевания ярко освещена письменными источниками. Они характеризуют согдийцев как посредников в торговле шелком между Китаем и Византией. Археологические материалы показывают, что среднеазиатские купцы торговали также серебряными сосудами (как привезенными из Ирана и Византии, так и собственного производства) с народами Приуралья. В торговле шелком согдийцы были не только посредниками. Удельный вес согдийских тканей в мировой торговле шелком был довольно высок. Расцвет согдийской торговли и возникновение ее северных путей связаны со сложением в степях тюркских каганатов. По путям караванной торговли возникали согдийские колонии. Доходы от внешней торговли из согдийской диаспоры частично шли в метрополию. Пенджикентские материалы VII—VIII вв. свидетельствуют об оживленной розничной торговле в городе, которая велась внутри городских стен на базарных улицах. Торгово-ремесленные заведения сдавались в аренду ремесленникам и мелким торговцам. Однако, как об этом свидетельствуют данные нумизматики, еще не существовало единого общесогдийского рынка.

Р. М. Джанполадян прочитала доклад на тему «Некоторые вопросы организации торговли средневековой Армении». В докладе рассматривается как внутренняя, так и внешняя торговля средневековой Армении, причем отмечается, что внутренняя торговля была развита слабо. Рынок в средневековом армянском городе обычно располагался около церкви или мечети. Были приведены интересные примеры, характеризующие это положение. Одним из видов крупных торговых операций были ярмарки. Для ведения внешней торговли создавались купеческие организации, которые организовывали караваны и фактории. Временные торговые фактории с

течением времени превращались в торговые колонии, которые обычно находились за городской стеной. В докладе рассмотрена торговая армянская колония XIII—XIV в. в Булгаре. Торговые армянские фактории, впоследствии превращавшиеся в крупные пункты с армянским населением, имелись на всем протяжении торговых путей из Армении к Черному морю, в Крыму, на Северном Кавказе и в Восточной Европе. В XV—XIV вв. происходила большая эмиграция армян, покидавших родину и селившихся главным образом в торговых факториях — там, где уже было армянское население.

А. М. Беленицкий отметил, что, несмотря на сравнительно хорошую освещенность средневековой торговли на Востоке, Кавказе и Средней Азии письменными источниками, доклады Р. М. Джанполадян и В. И. Распоповой показали, что археологические материалы могут конкретизировать и по-новому осветить вопросы торговли.

Выступление В. П. Левенка касалось роли обмена у племен лесостепного Подонья эпохи неолита и энеолита. Ранненеолитическому населению этой территории была свойственна присваивающая форма хозяйства. Первые признаки одомашнивания диких животных относятся здесь к развитому неолиту (первая половина III тысячелетия до н. э.). В эпоху позднего неолита растет поголовье домашнего стада (корова, свинья); на эту территорию проникают группы пастухов-коневодов (культура Средней Стог II — Михайловка II).

Пришельцы принесли с собой новый вид общественных отношений — первобытный обмен. Сближение этих двух групп населения стимулировало обмен между ними; в сферу обмена входили не только лошадь и медь, с одной стороны, и корова и свинья — с другой, но и производственные навыки — металлургия меди, ткачество и пр. Пришедшие в Подонье в конце III тысячелетия до н. э. раннекатакомбные племена привели с собой стада мелкого рогатого скота. Первобытный обмен и торговля в значительной мере способствовали проникновению в лесостепную и степную зоны новых форм посуды, домашних животных, металлургии и т. д., являвшихся результатом связей с более развитыми южными областями.

Несколько выступлений касалось теоретических и методических вопросов историко-археологических реконструкций. О характере проявления обмена и торговли в археологическом материале рассказал в своем выступлении М. П. Грязнов. Известно, что в Сибири в скифский период началось ограбление могил. Целью ограбления являлся металл. Развитие частной собственности в эту эпоху приводило к возможности индивидуального обмена, который осуществлялся, минуя родо-племенную верхушку. Такой обмен облегчал сбыт награбленных в погребениях соплеменников металлических изделий. Эти изделия, распространяясь среди племен скифского времени Алтая, Казахстана, попадали, таким образом, в сферу межплеменного обмена.

Г. П. Григорьев отметил, что факт обмена невозможно установить археологически. Задачей исследователя может быть установление лишь самого факта проникновения предметов, не свойственных данной археологической культуре. В таком случае их происхождение предполагается оттуда, где они встречаются. Но остается неизвестным, каким путем эти предметы попали в иную среду (в результате торговли, обмена, дани, экспедиции на место добычи сырья, деятельности бродячих ремесленников эпохи металла). Поэтому археологам приходится говорить об импорте и выяснять, откуда он поступил. В этом вопросе следует отличать импорт от подражания, которое возникло под влиянием импорта. Восточноевропейское население в эпоху бронзы зависело от привозного металла, а в железном веке оно уже обходилось местными ресурсами.

В. С. Бочкарев высказался о реконструктивных возможностях археологии, которой, как он считает, даны только две реальности — физические свойства артефактов и условия их нахождения. Археология выработала свой метод (типологический), адекватный в целом ее материалу. Подобный ход рассуждений подводит к идее чистой археологии, самостоятельной науки, а не служанки истории. Однако в самой археологической процедуре исследователь вынужден исходить из общих историко-социологических представлений. Но это не противоречит разграничению археологии и доистории (социологической археологии). В доистории привлекаются данные археологии, антропологии, этнографии, лингвистики. Для социологических реконструкций неприменима классификация, действующая в археологической процедуре. Поэтому В. С. Бочкарев считает, что доистория относительно автономна по отношению к археологии, она должна быть самостоятельной отраслью со своим понятийным аппаратом. «Без такой системы понятий доистории,— заявил он,— наше стремление скоррелировать данные археологии и других общественных наук напоминает попытки перевести с одного языка на другой без переводчика, путем прямого наложения текста».

И. Б. Брашинский остановился на вопросе о различных уровнях исследования. Мы можем исследовать торговые связи или какого-нибудь одного поселения, или района, или обширного региона. В зависимости от уровня, на котором ведется исследование, и от тех задач, которые ставятся, должны применяться и совершенно различные методы. В связи с этим стоит вопрос об ограничительных возможностях интерпретации различных категорий наших источников. Исследование может вестись только на основании сопоставимых величин. Каждая категория материала при соответствующем уровне, который мы задаем нашему исследованию, имеет допустимые пределы

интерпретации. И. Б. Брашинский поставил вопрос о выработке единых принципов фиксации материала.

Ю. А. Заднепровский отметил как положительный момент, что на совещании были представлены доклады, основанные на археологических, письменных и этнографических данных, однако использование этнографического материала явно недостаточно. Далее он остановился на докладе В. М. Массона, где была приведена схема, которая позволяет представить особенности развития обмена и торговли на разных этапах. Ю. А. Заднепровский предложил ввести в эту схему графу «способ производства», так как обмен связан со способом производства и обусловлен им.

Л. П. Хлобыстин отметил, что настоящий симпозиум продемонстрировал отсутствие особых различий в понимании основных закономерностей процесса обмена и торговли. В то же время в докладах было мало теоретических разработок. Выявилось также отсутствие критериев, позволяющих отличать, например, обмен от миграции или устанавливать объем торговли. В дальнейшем необходимо больше внимания уделять характеру обмена между развитыми и периферийными областями, выяснить связь эквивалентности обмена и получения прибавочной стоимости, время появления торговцев-посредников и т. д. Применение различных методов исследования сделало археологию не только «наукой о древностях», но и наукой о древнем обществе. В заслушанных докладах результаты точных наук использовались еще недостаточно. Назрела необходимость в периодическом издании, где бы публиковались сводки данных по полученным анализам.

Подводя итоги работы симпозиума, В. М. Массон подчеркнул, что одним из важных моментов совещания явилось суммирование имеющихся данных; это позволяет сделать ряд заключений в двух направлениях — по археологическому изучению и по исторической интерпретации. Четкое вычленение стадии собственно археологической обработки материала имеет первостепенное значение. Здесь прежде всего необходимо — и об этом верно говорил В. П. Шилов — всестороннее привлечение данных технологических анализов. Представляется, что в археологии СССР имеется ряд тем для проведения целевых археолого-технологических изысканий по вопросам обмена и торговли. Это прибалтийский янтарь, сибирский нефрит, клады эпохи бронзы в Причерноморье и на Кавказе. Здесь необходимы и доскональная типология, и всеобъемлющее картографирование, и массовые химические и другие анализы. Эти работы должны быть коллективными и многолетними, но их итогом будет фундированная, фактологическая база для решения вопросов обмена и торговли. Необходимо усиление количественных характеристик при аргументировании тех или иных положений с помощью массовых материалов. Особенно это касается такого специфического источника, как керамика. Наконец, особое значение приобретает выработка методики для изучения по памятникам материальной культуры внутренней торговли.

Если обратиться к вопросам истории, то следует особо подчеркнуть большую роль обмена и архаических форм торговли в первобытном обществе. Вряд ли речь может идти об излишках, это был обмен, на который толкала жизненная необходимость. При архаических формах обмена и торговли, о которых свидетельствует этнография, они имели большое значение, способствуя, в частности, культурной интеграции. Обмен и торговля в значительной мере раскрывает механизм тех «связей» и «контактов», о которых мы часто пишем. Очень важен вопрос о влиянии торговли на общество. В Северном Причерноморье торговля эпохи поздней бронзы, вплоть до выделения товаров-эквивалентов, предшествует развитию торговли с греческими городами, является ее политэкономической предтечей. Качественно новый рубеж, как хорошо показал Б. Б. Пиотровский, образует собственно торговля с участием купцов, характерная для классового общества. Обмен как средство мира и общения сменяет торговая война. Класс купцов интернационален, формируется из представителей разных народов и городов. В Согде торговая знать имела такие же зáмки, что и феодальная аристократия. В эту эпоху культурная интеграция на основе развития торговли часто приобретает массовый характер. Достаточно указать на Причерноморье или на согдионизацию культуры Азии в V—VIII вв. Полагаем, что по итогам совещания надо дать развернутую информацию и составить проблемный сборник.

В. И. Распопова, Э. С. Шарафутдинова

СОКОЛЬСКИЙ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1916—1973)

19 августа 1973 г. после тяжелой болезни ушел из жизни один из известных археологов нашей страны, доктор исторических наук, заведующий сектором античной археологии Института археологии АН СССР Николай Иванович Сокольский. Советское антиковедение лишилось талантливого и страстного исследователя памятников античной материальной культуры на территории нашей страны. Смерть оборвала его жизнь в период активной, увлеченной научной деятельности, когда творческие силы ученого достигли наивысшего подъема, обещая новые важные открытия в области любимой им науки. Уже будучи тяжело больным, он был полон творческих планов, готовил свою экспедицию к новому полевому сезону.

Н. И. Сокольский родился 21 апреля 1916 г. в с. Передел Медынского района Калужской области. В 1936 г. он поступает в Московский институт филологии, литературы и истории (ИФЛИ), который заканчивает в 1941 г. по специальности «история древнего мира». После окончания института он был направлен на работу в государственный университет г. Молотова, в котором работал преподавателем-ассистентом по древней истории, после чего был откомандирован в должности референта в Молотовский облисполком (1942 г.). В марте 1943 г. Н. И. Сокольский призывается в ряды Советской Армии и направляется в Урюпинское пехотное училище (г. Молотов). После окончания училища его посылают в действующую армию командиром взвода на 1-й Украинский фронт. В 1944 г. он вступает в ряды КПСС. Участие Н. И. Сокольского в Великой Отечественной войне отмечено правительственными наградами. С 1945 по 1954 г. Николай Иванович — преподаватель кафедры страноведения Военного института иностранных языков. На преподавательской работе в ВИИЯ он подготовил и прочитал курс лекций по всеобщей истории и истории отдельных стран Западной Европы, которые и по сей день не утратили своего научно-методического значения. Работая в этом институте, Н. И. Сокольский все свободное время отдавал занятиям археологией: проводил свой отпуск в античных экспедициях Института истории материальной культуры (ИИМК), без отрыва от службы и преподавательской деятельности сдал кандидатский минимум и написал диссертацию «Военное дело Боспора», которую успешно защитил в 1954 г. В том же году он был уволен с военной службы в запас в чине капитана и поступил на работу в ИИМК (ныне Институт археологии АН СССР), в котором и проработал сначала в качестве младшего, а с 1962 г.— старшего научного сотрудника до последнего дня своей жизни.

Уже в своей кандидатской диссертации Н. И. Сокольский показал себя вполне зрелым, хорошо подготовленным исследователем, способным блестяще решать сложные исторические проблемы на основе сопоставления археологических источников с данными античной письменной традиции. Наиболее важные положения этой работы были опубликованы в ряде статей: «Боспорские мечи» (МИА, 33, 1954), «Валы в системе обороны европейского Боспора» (СА, XXVII, 1957), «К вопросу о наемниках на Боспоре» (СА, XXVIII, 1958) и др. В Институте археологии полностью проявились основные качества Н. И. Сокольского как талантливого ученого и блестящего полевого исследователя, оставившего после себя более 70 научных работ по различным вопросам истории античного мира на территории Северного Причерноморья: он был мастером тонкого, кропотливого исследования вещевого материала, полученного в результате раскопок (см. статьи «Боспорские глиняные шкатулки» (ЗОАО, 1960, № 1), «Каменные крышки амфор» (КСИА, вып. 89, 1962, и др.), и ученым, способным к широким обобщениям, постановке и освещению больших исторических проблем, что особенно ярко проявилось в его докладах на отечественных и зарубежных конференциях антиковедов (доклады на I и II конференциях антиковедов в Москве, Эрфурте — 1958 г., Пловдиве — 1962 г., Париже — 1963 г., Клуже — 1972 г.) и в статьях: «Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья» (Schriften der Section für Altertumwissenschaft der DAaW zu Berlin), «Историческая роль античных государств Северного Причерноморья» в сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», 1959 (в соавторстве с Д. Б. Шеловым), «Гунны на Боспоре» (Studien zur Geschichte und Philosophie aus Altertums, Bucurest, 1968).

Н. И. Сокольский был опытным полевым исследователем и прекрасным организатором экспедиционных работ. Он участвовал во многих экспедициях (раскопки Фанагории, Каменского городища на Днепре, Тмутаракани, Гермонассы, Пантикапея, Аполлонии Иллирийской и др.), где приобрел большой опыт раскопочной деятельности, и это позволило ему осуществить широкие археологические исследования на Таманском полуострове. Им организована Таманская археологическая экспедиция, работы которой по-новому осветили историю этого важного и богатого в археологическом отношении района с эпохи бронзы до раннего средневековья. Можно с уверенностью сказать, что только благодаря его энергии и таланту полевого исследователя эти работы ознаменовались рядом выдающихся открытий, которые приобрели мировую известность и по праву вошли в золотой фонд советской археологии. Мы имеем в виду раскопки г. Кеп, давшие интересный материал по истории этого античного города

ЧИНИИЯЛ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
Чув.НИИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AAC — Acta Archaeologica Carpatica
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
AÉ — Archaeologiai Értesitö
AE Arq — Archivo Español de Arqueologia
AH — Archaeologia Hungarica
AJA — American Journal of Archaeology
Ath. Mitt.— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Athenische Abteilung
BCH — Bulletin de correspondance hellenique
BSA — British School at Athens, the Annual
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
Ἐφημ — Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερὶς
FA — Folia Archaeologica, Budapest
FAP — Fontes Archaeologici Pragensis
IG — Inscriptiones Graecae
IGBR — Inscriptiones Graecae Bulgaria repertae
IOSPE I ² — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Vol. I, edit. 2, Petropoli, 1916
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, Berlin
JHS — Journal of Hellenic Studies, London
LAAA — Annals of Archaeology and Anthropology, Liverpool
MAGW — Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien
MNM — Magyar Nemzeti Múzeum, Budapest
Olynthus — The John Hopkins University, Studies in Archaeology The Excavations at Olynthus
RA — Révue archéologique, Paris
Röm. Mitt.— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Römische Abteilung
SC — Scythica et Causasica — В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I, вып. 1—3, СПб., 1893—1900
SlA — Slovenská archeológia, Bratislava
TPUM — Trabajos de prehistoria del Seminario de Historia primitiva del hombre de la Universidad de Madrid

SOMMAIRE

M. F. Kossarev (Moscou). Du problème de la communauté culturelle de Sibérie occidentale 3
S. N. Korénevski (Moscou). Sur les haches métalliques de la civilisation maïkopienne 14
K. F. Smirnov (Moscou). Sarmates du bas cours de Volga et du territoire entre la Volga et le Don en IV s. av. n. è. — II s. de n. è 33
T. N. Troïtskaïa (Novossibirsk) Armement des habitants du cours d'Ob dans la région de Novossibirsk à la fin du premier millénaire av. n. è . . . 45
V. I. Kadéev (Kharkov). Sur l'appartenance éthnique des porteurs du nom de Σκὺθας Chersonèse Taurique 56
V. I. Prouglo (Léningrad). Sur le problème de la datation du tumulus de Bolchaïa Bliznitsa 64
N. A. Onaïko (Moscou). Notes sur la technique de la toreutique bosphorienne 78
D. L. Talice (Moscou). Les Ross en Crimée 87
M. Kh. Alechkovski (Moscou). Bases sociales de la constitution territoriale de Novgorod des IX—XV siècles 100
Iou. A. Krasnov (Moscou). Problème de la provenance du peuple tchouvache et données archéologiques 112
T. V. Gousseva (Moscou). Ateliers artisanaux dans la banlieue orientale de Nouveau Saraï 125

Publications

G. V. Grigoriéva (Léningrad). Campement du paléolithique final de Rachkov — VIII 142
V. S. Titov, V. I. Markévitch (Moscou, Kichinev). Nouvelles données sur les rapports occidentaux de Tripolié final 150
L. T. Piankova (Douchanbé). Tigrovaïa Balka, nécropole de l'âge de bronze. 165
B. A. Raev (Léningrad). Bassin en bronze provenant du tumulus III de Sokolovski 181
R. L. Rosenfeldt (Moscou). Collection oubliée des figurations anthropomorphes en bronze 190
V. A. Kouznétsov, A. P. Rounytch (Ordjonikidzé, Piatigorsk) Sépulture du guerrier alain du IX s. 196
L. V. Alexéev (Moscou). Menues coulées artistiques provenant de territoires de la Russie occidentale (croix et petites icônes de Biélorussie) 204
F. Kh. Arslanova, A. A. Tcharikov (Oust-Kaménogorsk). Idoles en pierre du haut cours d'Irtych 220

Notes

V. Ia. Serguine (Moscou). Sur les dimensions du premier habitat paléolithique de Ioudinovo 236
L. I. Khlopina (Léningrad). Nouveau type d'outillage de l'age de bronze (Turkménie méridionale) 240
A. P. Jouravlev (Petrosavodsk). Le plus ancien atelier de traitement du cuivre en Carélie 242
E. V. Chavkounov (Vladivostok). Burin en pierre provenant des Provinces Maritimes méridionales 246
A. I. Aïbabine (Théodosia). Relief barbare provenant de Théodosia 248
N. I. Ostachova (Moscou). Encolnia provenant de Gnezdovo 249
K. I. Komarov (Moscou). Sépulture d'un guerrier sur la deuxième nécropole de Pékounovo (Volga supérieure) 251
L. S. Guéraskova (Vorochilovgrad). Statue polovetse provenant du village de Tchernoukhino 256
S. A. Pletneva (Moscou). Statue polovetse féminine à l'enfant 258
V. V. Sédov (Moscou). Pierre de borne du XIV s. provenant d'Ijevsk 262
A. Ia Kakovkine (Léningrad). Inscription arménienne sur une coupe provenant de Kravenik 265
R. A. Dautova, Kh. M. Mamaev (Groznyï). Catacombe alaine du XIV s. près du village d'Ouchkaloï 266

Critique et bibliographie

V. M. Masson (Léningrad). S. A. Sémenov. Evolution de la technique à l'âge de pierre. L., 1968. 270
A. K. Ambroz (Moscou). R. Hachmann. Die Goten und Skandinavien Berlin, 1970 274

L. S. Kleĭn (Léningrad). R. Hachmann. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970 278
V. A. Moguilnikov (Moscou). Recueil: Problèmes de la chronologie et de l'appartenance culturelle des sites archéologiques en Sibérie Occidentale. Tomsk, 1970 284
V. G. Poutsko (Rostov Iaroslavski). E. A. Lapkovskaïa. L'art appliqué du moyen age en Ermitage Nationale, M., 1971 293
V. V. Sédov (Moscou). T. S. Kondouktorova. Anthropologie de la population ancienne de l'Ukraine. M., 1972 297
A. P. Oumanski (Barnaoul). A. I. Martynov. Archéologie en URSS. Programmes pour les facultés d'histoire des instituts pédagogiques. M., 1970 301

Chronique

V. I. Raspopova, E. S. Charafoutdinova (Léningrad). Discussion sur le caractère de l'échange et de la commerce dans les sociétés anciennes 305

Sokolski N. I 313

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. **Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.**

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Сноски помещаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается постатейная. Сноски также печатаются через два интервала.

5. В журнале принят следующий порядок цитирования:

Для монографии: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

Для статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала или сборника, том или год выпуска, год издания, номер журнала.

При ссылках на иностранную литературу том (выпуск), страницу, рисунок, таблицу следует давать на языке оригинала.

6. К статье следует приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страницу машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на французский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, производных от географических названий, давать эти последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины или давать в переводе, или в расшифровке.

К статье следует приложить список сокращений. И текст резюме, и список сокращений следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке.

7. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде (контрастные фотографии на глянцевой бумаге в двух экземплярах или рисунки в туши на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фимилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется в двух экземплярах.

8. Все знаки в тексте, которые не могут быть вопроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

9. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца.

Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

10. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/II-1974 г. Т-12204 Подписано к печати 20/VI 1974 г. Тираж 3150 экз.
Зак. 519 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 28,0+2 вкл. Бум. л. 10,0 Уч.-изд. л. 31,0

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10